

Мы вместе с теми, кто испытал страдания,
и черпаем вдохновение в их борьбе.
Наша обязанность — помнить о жертвах,
которые погибли, уважать тех, кто выжил,
и укреплять усилия всего человечества
ради взаимопонимания и справедливости.

Декларация Стокгольмского
международного Форума по Холокосту

Люди, пережившие Холокост,
будут с нами не вечно.
Но память о том, что они пережили,
должна остаться с нами.

Пан Ги Мун
Генеральный секретарь ООН

BORIS ZABARKO
Editor, author of the preface
and comments

TO LIVE WE WANTED ...

Testimonies and documents

Vol. I

Kyiv
2013

БОРИС ЗАБАРКО
Редактор - составитель,
автор предисловия и комментариев

МЫ ХОТЕЛИ ЖИТЬ ...

Свидетельства и документы

Книга 1

Киев
2013

ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА
НаУКМА

www.judaicacenter.kiev.ua e-mail: judaicacenter@ukma.kiev.ua

УДК 411.16(=)947.7)

В книге собраны воспоминания бывших узников нацистских концлагерей и гетто, людей, переживших невиданную в истории Катастрофу. Это – документальные свидетельства о судьбе украинского еврейства в годы Второй мировой войны, об отношениях между евреями и неевреями – равнодушными наблюдателями, коллаборантами и благородными и смелыми людьми, благодаря которым выжили герои книги. Эти воспоминания – не только частицы памяти народа, они имеют научное и воспитательное значение как память истории.

М94 Мы хотели жить... Свидетельства и документы. Книга 1.
Редактор-составитель Борис Забарко. К.: ДУХ І ЛІТЕРА. – 2013. – 592 с. ISBN 1-291-378-966-978

Издатели: Леонид Финберг и Константин Сигов

Ответственная за выпуск: Наталия Риндюк
Литературный редактор: Валерия Богуславская
Корректор: Татьяна Шкарупа
Компьютерная верстка: Галина Лихтенштейн
Дизайн обложки: Светлана Невдащенко

ISBN 1-291-378-966-978

© Борис Забарко
© ДУХ І ЛІТЕРА, 2013

ВЫРАЖАЕМ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ
МЕЖДУНАРОДНОМУ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОМУ
ФОНДУ «КРЫЛЬЯ СЛАВЫ»
ЗА ПОДДЕРЖКУ И ПОМОЩЬ
В ИЗДАНИИ КНИГИ

Борис ЗАБАРКО

**МЫ ХОТЕЛИ ЖИТЬ,
КОГДА СМЕРТЬ БЫЛА НОРМОЙ**

Последние свидетельства Холокоста в Украине

Предлагаемые вниманию читателей две новые книги свидетельств и воспоминаний бывших узников нацистских концлагерей и гетто, а также тех, кто выжил в чужом облике, с чужими именами и документами на оккупированной нацистами территории Украины в 1941–1944 гг., «Мы хотели жить: Свидетельства и документы» являются продолжением изданной ранее книги «Живыми остались только мы: Свидетельства и документы» и трехтомника «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы».

Когда немецкие войска вторглись в СССР в июне 1941 г., на территории Советской Украины (в границах, установленных после заключения Пакта Молотова–Риббентропа) проживали около 2,7 миллионов евреев. По числу еврейского населения Украина в середине 1941 г. занимала первое место в Европе и второе – в мире.

Во время войны на уничтожение (1941–1945 гг.) и оккупации, которая длилась в течение трех бесконечно долгих лет, нацисты и их пособники истребили на территории Украины 1,5 миллиона мужчин, женщин и детей еврейской национальности. Здесь было уничтожено наибольшее число евреев – почти половина всех жертв Холокоста, являвшихся гражданами СССР к началу войны, больше четверти европейских жертв Холокоста, т. е. больше, чем во всех европейских странах, без Польши и остальной территории СССР.

По последним данным известного украинского исследователя Александра Круглова, во второй половине 1941 г. были убиты

509 190 евреев, примерно одна треть всех жертв. В 1942 г. уничтожено 773 700 человек – приблизительно половина общего числа жертв. 1943 год унес 150 тысяч жизней. В первой половине 1944 г. погибло 185–190 тысяч человек.

Подавляющее большинство евреев было уничтожено на территории собственно Украины, более 22 % (около 340 тысяч) вывезено и уничтожено на территории Польши – в лагерях Белжец, Аушвиц, Собибор и Майданек. В Восточной Галиции евреи были уничтожены за 2 года; на Волини, в Подолии, на Правобережной Украине – за 1,5 года; в Южной и Левобережной Украине – почти за 0,5 года. *

Для уничтожения евреев на нашей земле применялись не только массовые расстрелы – десятки тысяч людей были убиты в течение одного-двух дней. Так, в Каменце-Подольском 27–29 августа 1941 г. штабная рота «высшего фюрера СС и полиции Россия – Юг» обергруппенфюрера СС Эккельна при содействии 320-го полицейского батальона, украинской полиции и венгерского саперного взвода расстреляла в течение трех дней 23 600 евреев – включая 14 тысяч беженцев, которые были высланы из находившейся под управлением венгров Карпатской Украины. Это была первая кровавая бойня такого масштаба, поворотный пункт в Холокосте – переход от уничтожения отдельных групп, состоявших в основном из евреев-мужчин, к поголовному, тотальному истреблению целых еврейских общин.

В Бердичеве 15 августа 1941 г. была проведена «гросс-акция», в ходе которой в пяти рвах у аэродрома были расстреляны около 12–16 тысяч человек. В Виннице 19 сентября 1941 г. были уничтожены более 10 тысяч евреев. В Николаеве за три дня (21–23 сентября 1941 г.) были убиты 6 тысяч евреев, в Херсоне 24–25 сентября 1941 г. – 8 тысяч.

В Киеве, в Бабын Яр только за 2 дня, 29 и 30 сентября, нацисты расстреляли 33 771 еврея – это был самый массовый расстрел на советской земле (ни раньше, ни позже, даже в Аушвице или Трехлинке, столько евреев за один день нацисты нигде не истребляли). Свои Бабын Яры есть практически в каждом из оккупированных нацистами регионов Украины. С этого времени началось тотальное уничтожение еврейских общин крупных городов страны.

* См.: The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization. Edited by Ray Brandon and Wendy Lower. – Indiana Univ. Press, 2008. – P. 279, 281, 282–283.

В Днепропетровске 13–15 октября на территории Ботанического института были расстреляны или живыми сброшены в овраг глубиной 13–20 метров 10–12 (по другим данным – 15) тысяч евреев. «6–7 ноября 1941 г. в Ровно, – сообщалось в «Донесении о событиях в СССР» № 143 от 8.12. 1941 г., – была проведена уже давно запланированная еврейская акция, в ходе которой были расстреляны округленно 15 000 евреев»*.

9–13 декабря 1941 г. около 10,6 тысяч евреев и 1,5 тысячи крымчаков были убиты в Симферополе.

Я привел некоторые данные о массовых, т.н. одноразовых расстрелах в больших и малых городах, которые состоялись только во второй половине 1941 г. Перечень можно продолжать. И он будет ужасным. Именно в эти месяцы стремительного расширения карательных операций на нашей территории нацистами было принято решение уничтожить всех евреев Европы.

Геноцид евреев в Украине принял поистине изуверские формы. Их варварски убивали во время спровоцированных нацистами, невиданных по жестокости и безумию, даже в контексте Холокоста, еврейских погромов, учиненных украинскими коллаборантами и антисемитами, в ходе которых было уничтожено 25–30 тысяч евреев в Западной Украине, топили в Днестре и Южном Буге, сжигали в домах, синагогах, бараках и свинарниках (как это было в Одессе, когда в дни террора 23–25 октября 1941 г. оккупанты расстреляли, сожгли заживо около 35 тысяч одесских евреев, или в Богдановке Николаевской области, где 4–5 тысяч больных евреев были сожжены в двух конюшнях, а 43 тысячи были расстреляны), замуровывали в каменоломнях Одессы или алебастровых карьерах (как это было в Артемовске Донецкой области), живыми сбрасывали в угольные шахты Донбасса и колодцы (как в селах Херсонской и Николаевской областей), они мучительно умирали от голода, холода, болезней, издевательств, непосильного принудительного труда во многих гетто, зловещие машины-«душегубки», в которых убивали выхлопными газами, были опробованы на наших евреях.

Сотни тысяч ни в чем не повинных людей были убиты и не имеют могил, никто их не хоронил, они стали дымом и пеплом.

* Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941 – 1944 годах. Составитель А. Круглов. – Киев, 2002. – С.105.

В Украине, которая была одной из самых ужасных территорий Холокоста, нет ни одной еврейской семьи, которой бы он не коснулся.

Цифры, когда речь идет о погибших, подчеркивает авторитетный американский историк Тимоти Снайдер в нашедшей книге «Кровавые земли. Европа между Гитлером и Сталиным», «будут “умножаться на один”». Потому, что мы должны «снова превратить цифры в людей. А если мы на это не способны, то Гитлер и Сталин сформировали не только наш мир, но и нашу человечность...».

И если мы действительно хотим представить себе и почувствовать трагичность цифр – 6 миллионов в Европе, из которых 1,5 миллиона в Украине, – мы, наверное, должны поставить себя на место каждого, кто умирал, не забывая при этом, что уничтожение было тотальным, потому что уничтожался целый народ.

Очеловечили эти страшные цифры люди, выжившие в аду Холокоста, которые после вынужденного продолжительного молчания, поскольку оставившее их один на один с нацистами государство не нуждалось в такой правде, заговорили и рассказали о том трагическом периоде в нашей жизни, когда смерть была нормой, а жизнь – чудом.

В противовес нацистской идеологии, пытавшейся лишить жертв их человеческих качеств и черт, свидетельства людей, прошедших через «долину смертной тени», дают возможность установить личность каждого человека, не забыть его имя, вспомнить о трагическом пути тех, кто погиб, и рассказать об опыте тех, кто выжил, и на примерах индивидуальных судеб жертв показать чрезвычайно широкую панораму тотального уничтожения евреев, назвать те места кровавых расправ в Украине, в которых осуществлялся геноцид евреев, о которых никто до настоящего времени не знал и не слышал. Как не знал и о благородных людях, которые в море ненависти, равнодушия и бесчувствия, несмотря на опасности и тяжелые испытания, делали все возможное для помощи и спасения своих собратьев, оказавшихся изгоями на своей родине.

Воспоминания передают историю живой, такой, какой она была пережита и запечатлелась в памяти. Они доносят до читателей нечто крайне необходимое, недоступное никаким другим образом.

...Были убиты люди, исчезло с лица украинской земли бесчисленное множество еврейских общин и штетлов, погибла целая общность с особым колоритным укладом жизни, уничтожена взлелеянная веками культура, основанная на языке идиш.

Может быть, если бы украинцы лучше поняли, что именно на их земле и на их глазах исчезла уникальная цивилизация вместе с ее носителями – полноправными гражданами страны, в Украине бы больше внимания уделяли изучению истории, сохранению и увековечению памяти о Холокосте, были бы установлены памятные знаки в местах массовых убийств украинских евреев, создан государственный Музей Холокоста, как это сделано во многих странах мира, построены Мемориалы памяти в честь безвинно расстрелянных людей в Бабьем Яру, Одессе и других городах и населённых пунктах, Мемориалы в честь Праведников народов мира, была бы выработана и претворялась в жизнь государственная политика по отношению к памяти о Холокосте как части общей памяти, общей истории и общей трагедии Украины.

И хотя после обретения независимости в Украине много сделано в изучении истории Холокоста, она до сих пор не стала частью национальной памяти украинцев и находится на периферии официальной украинской историографии, которая, отчасти из-за монокультурного подхода к современной истории Украины, хранит молчание о Холокосте. Эта тема в нашей стране и сегодня остается одной из наиболее сложных и болезненных, как в научно-исследовательском, так и в общественно-политическом отношениях.

С тех пор прошли десятилетия...

И все эти годы мы вспоминали с болью и печалью, пытаюсь понять: как эта беспрецедентная трагедия стала возможной? Почему мир не смог предотвратить Холокост и другие зверства, совершенные впоследствии? Как мы можем сохранить память о Холокосте, чтобы предотвратить нечто подобное в будущем? Извлекли ли люди уроки из прошлого, уроки, которые и сегодня не потеряли своей актуальности. И, если одни могут с бесстыдством и ненавистью призывать ко второму холокосту и предлагать, чтобы Израиль – родина евреев – был стерт с лица земли, а другие в нерешительности колеблются, стоит ли категорически осудить такого рода высказывания, становится ясно, что не все еще извлекли уроки из Холокоста. Вопросы, вопросы, вопросы...

Мы и будущие поколения еще долго будем искать ответы на сложные вопросы, которые оставила нам Катастрофа.

И в этих поисках особая роль принадлежит выжившим в Холокосте, которые прошли через все ужасы гетто и концлагерей, которые были обречены на гибель, но сопротивлялись, боролись за свое существование, сохранили человеческий облик и победили смерть. Они, отмечал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в Послании по случаю Международного дня памяти жертв Холокоста 27 января 2010 года, «хотят донести до каждого из нас важнейшую мысль. Мысль о триумфе человеческого духа. Живое подтверждение того, что тирания, даже если она возникает, не может торжествовать победу». Тем, кто пережил Холокост, подчеркнул Генеральный секретарь ООН, «отводится также важная роль в том, чтобы его уроки были сохранены в памяти будущих поколений».

Что должны делать те, кто выжил в Катастрофе, кто в неоплатном долгу перед погибшими?

Ответ выдающегося философа, писателя, лауреата Нобелевской премии мира, бывшего узника Освенцима Эли Визеля: «Рассказать о геноциде невозможно, однако и молчать о нем нельзя». Ему вторит Примо Леви – также бывший узник Освенцима, показавший в литературе драму Холокоста: «Тяжело и малоприятно погружаться в эту пучину зла, – пишет он в книге «Если это человек». – Есть искушение, поморщившись, отвернуться и отключить сознание. Этому искушению нельзя поддаваться». А вот мнение с другой стороны: «Стремление пощадить наши чувства, исходящие от нас самих или других людей, не пойдет нам на пользу». Это сказал федеральный Президент Германии Рихард фон Вайцзеккер в речи, посвященной 40-летию победы над нацизмом.

Как сказано в евангелии от Иоанна, «правда сделает вас свободными...»

Поэтому так важны и ценны свидетельства и воспоминания людей, которые непосредственно испытали на себе всю тяжесть того тяжелого времени, которые нашли в себе силы перешагнуть через бездну зла, чтобы добиться исторической правды и рассказать сегодняшнему и будущим поколениям о Холокосте.

В 1993 г. по инициативе сотрудников Русского отдела израильского музея «Бейт Лохамей ха-геттаот» мы начали в Украине проводить интервью с выжившими узниками нацистских концлагерей и гетто. Был подготовлен план и определены критерии выбора свидетелей. Один из критериев – свидетели должны были быть из тех мест, которые входили в состав Украины до 1939 г. При этом исходили из того,

что евреи, проживавшие на территории Западной Украины, Бессарабии и Буковины, ранее входивших в состав Польши и Румынии, в большинстве своем выехали в Израиль и другие страны мира. Они там дали свои свидетельские показания о страданиях в годы войны.

Нашей целью было собрать свидетельства о нацистском геноциде евреев на территориях, о которых тогда было известно очень мало или совсем неизвестно и которые лишь недавно стали доступны для исследований.

Проект охватывал города Киев, Харьков, находящийся на восточной границе Украины с Россией, Черкассы на Днестре, Житомир – западнее Киева, а затем южнее Житомира – Бердичев, Винницу и Тульчин, и западнее – до Шаргорода – районы исторической Подолии, которые были центром интенсивной еврейской жизни в течение сотен лет.

Важным критерием был возраст свидетеля во время Холокоста. Было решено фиксировать свидетельства людей, которым было во время войны не меньше 12 лет.

В рассказ свидетеля включалась информация о жизни семьи до и после войны. Основное внимание уделялось подробному освещению всех событий повседневной жизни свидетеля в период Холокоста, его личные переживания и чувства.

Эта работа продолжалась около двух лет, и за это время было собрано 130 аудиосвидетельств евреев, выживших в Украине в годы Катастрофы.

Успешное выполнение проекта привлекло внимание научных кругов и общественности, и к организаторам проекта обратились Центр документации Йельского Университета и Музей Катастрофы в Вашингтоне (США) с предложением провести совместную программу сбора видеосвидетельств в Украине.

После тщательной подготовки эта программа была нами выполнена летом 1994 г. Наша экспедиция проехала по городам и местечкам Украины более 3500 километров. Записано 43 уникальных видеосвидетельства*.

* Подр. см.: Пинхас Агмон. Сохранение памяти; Борис Забарко. Испытание Катастрофой; Натан Бирак. Проект сбора свидетельских показаний на Украине: подробности и проблемы // Информационный бюллетень Дома-музея борцов гетто имени Ицхака Каценельсона. – Специальный выпуск. – Киев, 1996.

Итоги работы по сбору аудио- и видеосвидетельств евреев, переживших Шоа на временно оккупированной территории Украины в 1941–1944 гг., мы подвели на IV Международной конференции «Еврейская история и культура в Украине», которая проходила в сентябре 1996 г. в Киеве.

Результаты наших экспедиций были опубликованы в сборниках воспоминаний «Винницкая область. Катастрофа (ШОА) и Сопротивление» (Тель-Авив–Киев, 1994); «Запоздалые свидетельства» (1997 г., на иврите) и «В огне Катастрофы (ШОА) на Украине. Свидетельства евреев-узников концлагерей и гетто, участников партизанского движения» (издание «Бейт Лохамей ха-геттаот», 1998).

Мы были искренне благодарны за сохранение памяти о Катастрофе, но было горько, стыдно и досадно, что эту важную, нужную и актуальную в научном и человеческом отношении работу начали выполнять не мы, граждане Украины (евреи и неевреи, пережившие Холокост или родившиеся после войны), а представители других стран (Израиля, Германии, Франции, США и др.).

После выполнения совместно с израильскими и американскими учеными проекта я, работая в Институте мировой экономики и международных отношений Национальной Академии наук Украины, Джойнте, Институте социальных работников, Всеукраинской Ассоциации евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей и Научно-просветительском центре «Память Катастрофы», продолжал и продолжаю собирать, хранить и публиковать воспоминания, свидетельства и документы выживших в Холокосте украинских евреев, которые сейчас проживают не только в нашей стране, но и в России, Белоруссии, Молдове, Израиле, Германии, США и других государствах, участвовать в работе по определению мест гетто, концлагерей, лагерей смерти, рабочих лагерей и других мест принудительного содержания, а также массовых расстрелов евреев, а кроме того, в работе по документированию и увековечению имен евреев, погибших во время Катастрофы на территории нашей страны, и Праведников народов мира.

Не только потому, что я историк по профессии, и не только потому, что пережил Холокост в гетто (в украинском местечке Шаргород Винницкой области), и память об этом у меня осталась на всю жизнь, но и потому, что чувствую свою вину за то, что остался в

живых, перед невинными людьми, зверски уничтоженными нацистами и их пособниками.

Мы, дети, естественно, не смогли спасти родных и близких, всех, кто погиб в пламени Катастрофы. Но спасти, сохранить, увековечить память о Катастрофе и ее невинных жертвах, не дать миру забыть о них или исказить историю и оспорить правду, передать горький опыт и уроки Холокоста новым поколениям – наш человеческий долг и историческая миссия. Это то, что мы, выжившие в Холокосте, можем и должны делать, пока мы живы. К этому надо добавить, что свободу, которую нам принес 1945 год, можно защитить только в том случае, если сохранить воспоминания об ужасных преступлениях нацистов и чтить память их жертв.

Включились мы в работу по сохранению и увековечению памяти о Холокосте, к сожалению, с большим опозданием, когда первое поколение свидетелей ушло в вечность. Горько признавать, многое упущено навсегда. Не восстановимы в должных подробностях все человеческие судьбы, все обстоятельства Катастрофы, «калейдоскоп еврейской жизни» (Саул Фридендер) в нашей и других странах Европы. Стремительно уходили и уходят те, кто в годы войны был молод, кто мог бы рассказать правду во всех деталях и подробностях о людях, местах и событиях, о жизни и смерти евреев в гетто, лагерях, на оккупированной врагами территории в годы уничтожения евреев (не только о жестокостях и страданиях, но и о разных формах и методах повседневного и сложного сопротивления немецким планам «окончательного решения еврейского вопроса»), об уроках Холокоста. (Подробнее см.: Забарко Б. Память и история. Жизнь в тени смерти. Воспоминания и свидетельства последнего поколения, пережившего Холокост // Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы. – Кн. I. – С. 5–64.)

Мы упустили время, мы сами себя обокрали. И все это может повториться, если мы забудем о Холокосте, если не скажем всей правды о том, что и как было, правды о каждом человеке – о палаче и жертве, равнодушном, пассивном наблюдателе и предателе-коллаборанте, о Праведнике народов мира, потому что каждая человеческая жизнь неповторима.

Необходимо представить историческую истину во всей ее полноте, не избегая и сложных, болезненных вопросов сотрудничества

определенной части украинского общества с нацистами, коллаборации и антиеврейских акций украинских националистов, хотевших, как отмечает известный украинский историк Ярослав Грицак, «видеть будущую украинскую страну как страну *Judenfrei*, без евреев»*.

Необходимо также не забывать и светлые страницы истории, которые замалчиваются официальной историографией, – о роли украинцев в помощи и спасении евреев. Замалчиваются, может быть, потому, что мужество этих людей – укор местным погромщикам, палачам и полицейским, а также пассивным, равнодушным, доказательство, что и во мраке Холокоста можно было сделать другой выбор, кроме бессловесного подчинения преступному режиму или сотрудничества с ним, и оставаться порядочным человеком.

Первая в Украине книга свидетельств и воспоминаний жертв Катастрофы «Живыми остались только мы. Свидетельства и документы», вышла в свет в 1999 году, когда народ Украины отмечал 55-летие освобождения страны от фашистских захватчиков. (Второе издание было опубликовано в 2000 г.)

Руководитель Отдела по изучению Холокоста на территории бывшего Советского Союза музея «Бейт Лохамей ха-геттаот», бывший узник Варшавского гетто д-р Пинхас Агмон в статье «Холокост остается в памяти и сердцах...», опубликованной в еженедельнике «Зеркало недели», писал: *«Перед ним (Борисом Забарко – Авт.) стояли очень сложные задачи: он старался собрать воспоминания, в которых бы отражались исторические события на всей территории Украины, позволяющие проследить особенности нацистского геноцида в различных оккупированных регионах, узнать о жизни и борьбе людей, обреченных на гибель, но победивших смерть, об отношениях между евреями и людьми других национальностей – равнодушных, коллаборантах и благородных, смелых Праведниках мира, благодаря которым авторы воспоминаний и тысячи евреев пережили Катастрофу.*

В книге представлены воспоминания и свидетельства самых разных людей, живущих сегодня далеко друг от друга, но во время войны оказавшихся в одном и том же месте. Это одно из самых

* Грицак Я. Чи УПА брала участь у погромах, а чи допомагала рятувати євреїв? // Український журнал. – 2009. – № 10.

главных достоинств книги, ведь благодаря такому подходу появилась реальная возможность сопоставить события, которые происходили в одно и то же время, в одном регионе, и этот прием стоит взять на «вооружение» многим современным историкам Холокоста.

Внимательно вчитываясь в представленные свидетельства, соглашаешься с автором Предисловия, что «хотя личные воспоминания – это еще не история, и настоящая история, и настоящее понимание придут гораздо позже, но без них невозможно правильно осмыслить прошлое и настоящее».

В Предисловии Борис Забарко пишет: «Не скрою, годы работы над книгой потребовали от меня немалой душевной нагрузки и переживаний, так как каждое свидетельство вызывало глубоко личные воспоминания о самом страшном периоде жизни». И я вспомнил, как в конце трудного рабочего дня августа 94-го он тихо рассказывал нам о том, что пришлось пережить ему самому, его семье, когда в небольшой Шаргород Винницкой области, где они тогда жили, пришли оккупанты. Он об этом сдержанно, очень кратко вспоминает и в книге, с болью говорит о тех, кто не выжил, сгорел в пламени Холокоста, и я вновь подумал, что, по существу, наша работа только начинается, мы стоим у истоков, мы делаем первые шаги...» (Зеркало недели. – № 38. – 30 сентября 2000).

На книгу «Живыми остались только мы» «со слезами на глазах» откликнулся бывший узник Освенцима Эрнест Галперт:

«Ведь я и моя жена Тильда Галперт (девичья фамилия Аккерман) относимся тоже к тем «только мы», мы оба коренные закарпатцы, родились в городе Мукачево и здесь жили до марта 1944 года, до начала Холокоста для нас.

Судьба евреев Закарпаття отличается от судьбы евреев Украины, мы пережили трагедию значительно позже, чем наши братья на Украине, и в совершенно другой форме. У нас нет братских могил. Здесь поголовно всех евреев вывезли в лагеря смерти Аушвици другие, около 100 тысяч человек, из которых осталось около 7 тысяч. Поэтому нет у нас мест массового уничтожения евреев, а, следовательно, и памятников типа Бабьего Яра. Наши памятники находятся в музеях Освенцима, Яд Вашем в Иерусалиме и других далеких местах, где не все имеют возможность побывать, зажечь свечу в память о своих родственниках и друзьях.

Я пишу об этом потому, что читал с душевным трепетом эту замечательную, ценную книгу о Холокосте. Я подумал, насколько различны индивидуальные судьбы в рассказах каждого пострадавшего. Но есть в них одно общее – это боль обо всех погибших. Не настолько сильна радость от того, что сами выжили, насколько велика боль и страдание за погибших близких.

...Мы знаем, насколько трудно добиться у пострадавших и переживших ужасы Холокоста рассказов о том времени. И сами мы все годы не рассказывали своим детям о пережитом. Пока дети были малы, – понятно, но когда уже повзрослели, у нас прежде, чем начать рассказ, покатались слезы только от воспоминаний, и не дали нам высказать нужные слова. Так мы все откладывали на потом. Вот и понимаем, какие героические усилия понадобились, чтобы добиться у жертв Холокоста позволения вновь раскрыть и так незаживающие раны...» (Возрождение XXI век. – № 8–9. – 2000).

Воспоминания Тильды и Эрнеста Галперт мы опубликовали в трехтомнике «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы». Кн. 1. – Киев, 2006. – С. 300–311.

«Разумеется, нашей памяти свойственно избирательное и пристрастное отношение к прошлому, и нужны мужество и отвага для того, чтобы взглянуть в лицо своим былым страданиям и мукам, – отмечал в своей статье «Голоса свидетелей и жертв» научный сотрудник Центрального Украинского фонда истории Холокоста «Ткума» Семен Заславский. – И этим мужеством поражает книга «Живыми остались только мы».

Эта книга документальных свидетельств уничтожения украинского еврейства – «дымящийся кусок человеческой совести» (Б. Пастернак) – появилась на свет из мрака гетто и концлагерей, где, казалось, должны были бы исчезнуть все проявления еврейской жизни и по главной сверхзадаче режиссеров Третьего рейха – никто из евреев не должен был уцелеть...

Но сама жизнь, ее живая органика ломает все схемы и планы, и фашистская химера приказала долго жить опять же по причине своей фундаментальной бесчеловечности – идеологической первооснове существования Третьего Рейха. «Человеческий фактор» разрушил изнутри эту военно-бюрократическую машину, как свидетельствуют очевидцы Холокоста на Украине...»

В 2005 г. книга «Живыми остались только мы. Свидетельства и документы» была переведена на английский язык и опубликована в Великобритании в издательстве *Vallentine Mitchel**. С особым вниманием книга была встречена в Федеративной Республике Германия. В 2004 г. она была переведена на немецкий язык и опубликована издательством *Dittrich Verlag***.

Совместно с моими друзьями-коллегами Маргрет и Вернером Мюллер из Кельна, которые издали книгу, мы провели презентацию в более чем 20 городах ФРГ и Швейцарии. Вот несколько отзывов немецких СМИ и известных специалистов:

«Мы думаем, что знаем очень многое о Холокосте. Появилось бесчисленное множество научных работ, автобиографий, фильмов. Проводились симпозиумы, выставки, траурные собрания. Но когда берешь в руки книгу Бориса Забарко о переживших Холокост украинских евреях, понимаешь, что эти знания ограничены: они касаются, в основном, уничтожения евреев в Германии, Польше, Венгрии и Чехословакии.

Некоторые, возможно, слышали о Бабьем Яре, в котором в течение последних двух дней сентября 1941 года 33.771 еврей был убит выстрелом в затылок. Но кто знает о Луцке, Тернополе, Каменке, Могилеве-Подольском, Виннице, Житомире? Кто знает, что погибло почти полтора миллиона евреев Украины?

*При изучении Холокоста возникает противостояние между националистическими силами и теми, кто хочет узнать всю правду, без умолчаний. Книга Забарко – часть этой борьбы за выяснение правды до конца: публикуя воспоминания выживших, он наконец-то предал гласности часть украинской истории, оттесненную на задний план.»****

Хельга Хирш

«Окончательное решение еврейского вопроса» имеет много жестоких черт. Историк Борис Забарко, выживший в гетто, собрал «запоздалые

* См.: Zabarko Boris Editor. Holocaust in the Ukraine. – London–Portland, 2005.

** См.: Boris Zabarko Herausgeber. «Nur wir haben überlebt». Holocaust in der Ukraine. Zeugnisse und Documente. Herausgeber der deutschen Ausgabe Margret und Werner Müller – Berlin, 2004.

*** (www.dradio.de/dlf/sendungen/politischeliteratur/35903)

свидетельства» о преследованиях и убийствах еврейского населения Украины. Простой, понятный язык, которым эти люди передают свои воспоминания, объединяет абстрактные данные о жертвах с бесконечным человеческим страданием. Описания разных акций в разных местностях складываются в одну общую картину, будто мозаика.»

Клаус Ланкхайт
(«Frankfurter Allgemeine Zeitung», 10.05.2005)

«Борис Забарко, переживший гетто в Шаргороде, называет эту книгу своим главным произведением, размышлением о своем народе...

Книга эта страшная, в полном смысле этого слова. Каждый рассказ потрясает. Мы знаем количество жертв и места убийств. Но когда читателя знакомят с отдельными людьми и их судьбой – это нечто совершенно другое. Во время чтения чувствуешь, как сдавливает горло от прочитанного. И страшно узнавать, на что способны люди...

Особого оптимизма книга не внушает. Она просто показывает, как велика тяга обреченных к жизни, как цепляются они за соломинку надежды. Если бы этого не было – не было бы и самой книги».

Сузи Боксберг
(«Frankfurter Rundschau», 17.01.2005)

«Рассказы свидетелей-очевидцев из Украины, собранные киевским историком д-ром Борисом Забарко, имеют огромное значение, особенно из тех соображений, что современная ситуация с источниками скорее безутешна. Они содержат целый ряд новых фактов о Холокосте в Украине и отличаются правдивыми повествованиями жертв о жестоких убийствах в украинских городах и селах. Читатель получает также информацию о том, как отдельным преследуемым евреям удавалось бежать или спрятаться и таким образом спастись. В книге удивительно много говорится и о спасавших, главным образом, украинцах, но также и об этнических немцах. Но, конечно, спасенных было неизмеримо меньше, чем погибших...

Я считаю рассказы свидетелей из Украины важным источником для изучения истории Холокоста в Украине, которая еще только должна быть написана.»

Д-р Вольфрам Ветте,
профессор Университета им. Альберта Людвиг
(Фрайбург)

Научно-поисковая работа продолжалась.

И в 2006–2008 гг. мы опубликовали трехтомник воспоминаний евреев, выживших в гетто, рабочих в концентрационных лагерях, на оккупированной территории Украины в 1941–1944 гг. «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы» – Кн. 1–3. – Киев, 2006–2008 (190 воспоминаний, Предисловие редактора и его же научно-справочные комментарии, указатели и библиография – 1855 страниц).

Президент Российского и Европейского Еврейских Конгрессов, Президент Фонда «Всемирный Форум Памяти Холокоста» Вячеслав Кантор, оказавший поддержку изданию 3-го тома трехтомника, в статье «Помнить, чтобы предостеречь...» писал:

«Третий том сборника «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста» венчает фундаментальный историко-просветительский труд Бориса Забарко, собравшего воедино свидетельства украинских евреев, которые выжили в Катастрофе. Нельзя переоценить значимость этих трех книг. Они доносят до нас воспоминания бывших узников лагерей и гетто, чудом уцелевших в пламени Холокоста и доживших до наших дней.

Когда читаешь рассказы людей, лицом к лицу соприкоснувшихся со смертью, поневоле задаешься вопросом: неужели все это произошло в середине XX века в цивилизованной Европе? Осмыслить это невозможно, остается принять как факт. Уничтожение представителей еврейской национальности было одной из главных целей фашистской Германии – по значимости сопоставимой с победой в войне. И это не преувеличение. Известно, что в ходе наступательной операции на юге России в июле 1942 года и отступления из Греции в 1944 году для обеспечения немецких войск подвижным составом были отменены все остальные железнодорожные перевозки. Но по-прежнему продолжали курсировать поезда, которые занимались доставкой евреев в лагерь смерти. А на Ванзейской конференции в январе 1942 года, когда после поражения под Москвой и вступления в войну США в руководстве Рейха стало возникать беспокойство относительно исхода войны, ряд присутствующих настойчиво подчеркивали «необходимость спешить с окончательным решением еврейского вопроса». Известно, что уничтожение евреев не раз получало приоритет даже перед военными целями.

Но, к сожалению, некоторые и в Украине, и в России до сих пор даже не слышали слова Холокост. Или не хотят слышать – ино-

гда равнодушно отворачиваются, иногда яростно спорят: «Почему мы должны сочувствовать именно евреям? Все погибли на войне!» Действительно, в годы войны погибли более 50 миллионов человек, из них больше 40 миллионов в Европе, из которых 6 миллионов евреев. Но только евреев (в меньшей степени цыган) истребляли не в ходе военных действий, а целенаправленно: истребляли как нацию, как биологический вид, т.е. осуществляли геноцид. Евреи, погибавшие и в Освенциме, и в Бабьем Яру, были заведомо ни в чем не виновны, кроме факта своего рождения. В отличие от других народов на оккупированной территории, евреи не имели ни единого шанса остаться в живых. Для них не было правил, которых можно было придерживаться, чтобы выжить.

Свидетельства и воспоминания, вошедшие в трехтомник, представляют для нас большую ценность не только с научной и с исторической точки зрения. Они служат напоминанием нынешним и будущим поколениям о преступлениях нацизма. Все мы должны помнить, что опасность таится в молчании. Трагедия Холокоста показала, к каким катастрофическим последствиям может привести отсутствие реакции со стороны мирового сообщества на неприязнь по признаку национальности, расы или религии.

Сегодня, когда антисемитизм и ксенофобия вновь набирают силу, все чаще раздаются голоса ревизионистов Холокоста. Важно понимать, что отрицание Холокоста – это не только глумление над памятью его жертв и не только одна из наиболее кощунственных составляющих современного антисемитизма. Отрицание Холокоста есть его оправдание. В этом смысле пронзительные воспоминания, которые приводятся в этой книге, – ответ всем тем, кто пытается спорить с историей, отрицая или преуменьшая трагедию Катастрофы. Более того, это мощный удар по фашизму, делавшему все, чтобы стереть с лица земли и еврейский народ, и саму память о нем.

Трехтомник «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста» – это памятник миллионам евреев, сгоревшим в огне геноцида. Это попытка вернуть их в нашу историческую память. Мы поистине горды, что оказали поддержку этому проекту...

...После войны немецкий философ Теодор Адорно писал об уроках Холокоста: «В нежелании замечать преступления прошлого кроется опасность того, что произошедшее снова повторится». Мы хорошо

понимаем это и глубоко убеждены: сохранение и укрепление исторической памяти – это залог того, что нам удастся предотвратить новую трагедию, подобную Холокосту. Без памяти, без осознания всей боли, доставшейся нам от прошлого, невозможно построить достойное, справедливое и ответственное общество. Это важно и для сегодняшнего дня, и для нашего общего будущего».*

Воспоминания жертв нацизма (в ситуации, когда уничтожены следы преступлений и свидетели, отсутствуют правдивые документальные материалы и закрыты еще многие архивные фонды, относящиеся к Катастрофе) – незаменимый источник. И никакие архивы, фильмы или книги по истории не могут передать их мучительного опыта столь эффективно, как их личные рассказы.

«Именно их душераздирающие воспоминания и истории, – подчеркивал Президент Израиля Шимон Перес, – являются залогом того, что никто не сможет исказить историю, не сможет отрицать правду о Катастрофе. Голоса выживших сохраняют живую память о жертвах Холокоста и не позволят стереть из истории темные страницы прошлого. Голоса уцелевших в Холокосте объединяют наш коллективный разум. Именно благодаря им мы помним невинных жертв. Их истории помогают нам помнить. И никогда не забывать. Ни сегодня, ни впрямь.»

Время идет, и мы стоим на пороге момента, когда это трагическое событие превратится из памяти в историю. Как отмечается в Послании Генерального секретаря ООН по случаю Международного дня памяти жертв Холокоста 27 января 2010 года: «Люди, пережившие Холокост, будут с нами не вечно. Но память о том, что они пережили, должна оставаться с нами. Мы должны сохранить то, о чем они нам поведали, в памятниках, в учебниках – и, прежде всего, в своем решительном стремлении предотвратить геноцид и другие тяжкие преступления».

Мы обязаны не просто помнить о прошлом, но и четко осознавать, какие угрозы современному миру несут межнациональная рознь, расовая нетерпимость и пренебрежение к человеческому достоинству. Холокост принес нам горький урок того, что антисемитизм и фашизм – это одно и то же явление, и ростки его надо уни-

* См.: Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. Свидетельства и документы». – Кн. 3. – С. 9–12.

чтожать на корню. Это – обязательство не только перед еврейским народом, но и перед всеми другими, кому угрожает или может угрожать такая же судьба. Потому что, как это и показал Холокост, хотя евреи могут быть первыми жертвами антисемитской ненависти, они редко оказываются последними жертвами.

Напоминание об этом может послужить предостережением о том, что мы должны всегда быть начеку, дабы не пропустить предвестники новой беды.

Мы, пережившие Холокост, постоянно говорим об этом, потому что на своем горьком опыте знаем, к чему ведут ненависть, предрассудки, ксенофобия и антисемитизм. И на вопрос: «Почему столько людей, которые пережили Холокост, ощущают появление угрозы еврейскому народу еще до того, как она принимает конкретные очертания?» – отвечаем словами писателя и публициста, бывшего вице-премьера Швеции Пера Олмарка: «Потому что им известно, как «невинные» намеки перерастают в обвинения, которые, в свою очередь, превращаются в дискриминацию, а потом становятся частью заведомого порядка. И тогда начинается истерия. Те, кто пережил это один раз, бьют в набат, потому что знают, что поставлено на карту. Этими действиями они укрепляют демократию в наших странах таким образом, каким сделать способны только они. И мы должны прислушаться к этим людям, чтобы выжить самим».

Если мы сохраним и передадим «долг памяти», который порождает действие и является необходимым бастионом в борьбе с искушением забвения, если сегодня мы сохраним и передадим «долг солидарности», о котором Эли Визель сказал, что «мы никогда не страдаем в одиночку, но мы всегда страдаем с теми, кто страдает из-за наших страданий», с нами останется и станет еще более актуальным в будущем «долг просвещения» грядущих поколений о важности защиты достоинства и ценности каждой человеческой личности, вне зависимости от расы или религиозных убеждений.

В заключение я хочу повторить то, что ранее отмечал в книгах «Живыми остались только мы» и «Жизнь и смерть в эпоху Холокоста». Когда я в различных городах, местечках и селах Украины записывал воспоминания переживших, то к некоторым из них приходилось вызывать медицинскую «Скорую помощь». На многих страницах писем с рассказами о жизни в аду и борьбе за жизнь

на оккупированной врагами территории во время этой страшной войны – пятна от пролитых слез, иногда – горькие извинения за невозможность закончить свой скорбный рассказ.

Те, кто не по своей воле стал мучеником, кто пережил преследования и систему уничтожения – оккупацию, лагеря смерти и труда, гетто – по сей день страдают от травматических воспоминаний. Пережитые ими мучения теперь продлеваются памятью. Она порой непереносима для вспоминающего, поскольку воскрешает и длит его прежнюю неволю, унижение, боль, утраты. Как отмечал узник нацистских концлагерей Жан Амери: «Кто перенес мучения, больше не вернется к обычной жизни; червь унижения будет грызть его постоянно».

Каждое свидетельство, которое пропускалось через сердце, вызвало во мне глубокие личные воспоминания о самом страшном периоде жизни, а также чувство вины за то, что работу по сохранению памяти о жертвах Катастрофы я начал так поздно.

Эти переживания и боль будут сопровождать нас всегда, но хочется верить, что они не приведут к полному отчаянию от невозможности избавиться от груза прошлого, а, напротив, сделают нас ответственной, великодушной, укрепят волю, надежду и веру. Веру в то, что и после того, как уйдет последний свидетель Холокоста, не погаснет вечный огонь памяти, который будет передаваться от поколения к поколению.

Почти 20 лет, когда ветры исторических перемен открыли возможность попытаться дать честную оценку своему прошлому, я собирал, хранил и публиковал в нашей стране и за рубежом незабываемые свидетельства о трагической и героической истории Катастрофы в Украине.

Симон Визенталь (родился в Бучаче Львовской области), переживший ужасы Львовского гетто и нацистских концлагерей и после войны много сделавший для сохранения памяти о жертвах гитлеровского геноцида, в своей книге воспоминаний писал: «Когда-нибудь мы отойдем в мир иной, и там миллионы погибших в лагерях спросят нас: “Как вы прожили вашу жизнь?” Можно по-разному ответить на этот вопрос... А я скажу: “Я хранил память о вас”».

Я, наверное, тоже так бы смог ответить.

С искренним уважением я выражаю свою признательность и глубокую благодарность авторам воспоминаний, нашедшим в себе

силы вернуться в свое трагическое прошлое и, как отмечал Эли Визель, «снова заглянуть в темноту, которую они увидели», чтобы искренне и правдиво (с большей или меньшей степенью достоверности) рассказать своим языком (воспоминания почти не подвергались редакционной правке) сегодняшнему и будущим поколениям о Холокосте и предостеречь мир от его повторения.

Я также высоко ценю помощь и поддержку всех тех, благодаря кому были подготовлены и изданы наши книги: Виктора Алмазова (г. Херсон), Лины Белых (г. Луганск), Барри и Линды Вагнер (США), Семена Вайсблая (г. Хмельницкий), Фаины Вахутинской (г. Днепропетровск), Цили Гехтман (г. Переяслав-Хмельницкий Киевской области), Ларисы Кирпы (г. Черкассы), Клавдии Колесниковой (г. Корсунь-Шевченковский Черкасской области), Федора Лапинцева (г. Полтава), Бориса Лисецкого (г. Ивано-Франковск), Вернера и Маргрет Мюллер (г. Кельн, ФРГ), Галины Полинской (г. Кировоград), Андрея Страшуна (г. Киев), Александра и Светланы Шалимовых (г. Николаев), Дорис Шнайдер (г. Вупперталь, ФРГ), Елены Щербовой (г. Харьков), Карла Эпштейна (г. Умань Черкасской области).

*Д-р Борис Забарко,
бывший узник Шаргородского гетто,
Председатель Всеукраинской ассоциации евреев-
бывших узников гетто и нацистских концлагерей,
заслуженный деятель науки и техники Украины*

«ЖИЗНЬ В ГЕТТО БЫЛА АДОМ»

АЙЗЕНБЕРГ–АНЧИПОНОВСКАЯ Грета (1942 г.)

По словам моей матери, Айзенберг Ханци Марковны, она попала в гетто в ноябре 1941 года. Магьяры с сопровождении собак гнали их из Хотина (Черновицкая область – Б.З.) до Бершади (Винницкая область – Б.З.), колонну в количестве 12 тысяч человек. По пути следования, кто не мог идти, а это были старики, больные и дети, их расстреливали.

Не доходя до места была река, которая уже покрылась тонким слоем льда, и вот эти варвары заставили всех этапиремых зайти в речку и окунуться, то есть помыться, после этого всем лечь на 15 минут на землю, потом опять повторить процедуру, и так три раза. После этой процедуры очень много людей осталось лежать мертвыми, просто люди не выдерживали холода, примерзали к земле.

После прихода в село Шумилово¹ (Бершадский район Винницкой области – Б.З.) всех расселили в конюшне и свинарнике. Людей было очень много, лежали в три яруса. Первый был на земле, два на нарах на соломе.

Жизнь в гетто была адом, особенно для молодых женщин и женщин, у которых были маленькие дети. Детей надо было прятать от надзирателей и только благодаря лагерным старостам удалось нескольким детям спастись. Женщинам приходилось идти на разные ухищрения, чтоб спасти своим детям жизнь. Так как людей водили на работу, то можно было у местного населения выменять пузырек самогона. В земле были вырыты углубления и устелены соломой, и в этих углублениях прятали малень-

ких детей, предварительно засунув им в рот квач, смоченный самогоном, эта же участь постигла и меня. Я родилась в гетто в июле 1942 года.

В тех случаях, когда находили ребенка, его разрывали за ножки пополам и выбрасывали собакам.

Однажды (мне уже было полтора года, и маме не удалось меня спрятать) в конюшню пришли какие-то люди, сказали, что комиссия проверяет здоровье, и стали делать всем детям прививки, после чего на теле появились чиряки, и особенно на голове, и стали сильно выпадать волосы. Долгое время волосы не росли и болела голова, и до сих пор болит.

Мама много рассказывала о жизни в лагере, но в детстве это казалось страшной сказкой, а теперь все это осознается и оценивается совсем иначе. И со страхом думаю, не дай Бог, чтоб эта трагедия повторилась и, просыпаясь утром и ложась спать вечером, я молю Бога, чтоб эта трагедия не повторилась, чтоб нашим детям и нашим внукам не довелось пережить трагедию, которая выпала на нашу долю.

НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

АЛЬТМАН Евгения

Я родилась на Украине в Винницкой области, в селе Жорнице Ильинецкого района. Это было небольшое местечко, расположенное так, что, когда шли дожди, все заливалось водой и была непролазная грязь. Унылый ландшафт вокруг – холмы чередовались с впадинами. Типичное место бывшей черты оседлости.

Жили здесь всего человек четыреста–пятьсот. В основном это был рабочий люд – кузнецы, веревочники, портные, сапожники. На все окружающие села был один парикмахер. Я помню, как по воскресеньям было полно народа у него. Была начальная еврейская школа, которую я окончила. Было огромное здание, высокое, просторное – синагога, превращенная в зернохранилище. Была липовая аллея и уложенная брусчаткой и тесаными камнями дорога. И аллея эта была высажена, и дорога построена в те далекие времена, когда Екатерина II объезжала свои южные владения, для услаждения императорских глаз.

До войны жили люди мирно в местечке, не предчувствуя надвигающейся беды. Мы обитали в двухквартирном доме, в тесноте, да не в обиде – 12 человек: папа мой – Альтман Ицик (Исаак) Шмулевич, мама, Хайрукл Моисеевна, я – Шейндл (Евгения) – 10 лет и моя четырехлетняя сестренка Бася (Бетя). Жили с нами и мамина сестра, и ее муж, и их двое сыновей, и другая мамина сестра с дочкой Ханой и двумя сыновьями.

Когда началась война, из Жорница¹ почти никто из наших не уехал, сказались удаленность от железной дороги, отсутствие транспорта, да и убежденность старших, не веривших советским газетам, которые информировали о чудовищных фашистских злодеяниях.

«Не может быть, чтобы убивали мирных жителей, заживем не хуже, откроем свои магазины», – так рассуждали многие.

И не понимали тогда, что счастливы те, кого призвали в армию. Так, мой папа, дядя и Хана, призванные в армию, остались живы. А нас, оставшихся, ожидала страшная участь. Через наше село проходила линия фронта, шли бои, и когда свистели снаряды над головой, мама прикрывала собой нас, детей.

28 июля 1941 года немцы вошли в село. Многие наши земляки-украинцы встретили немцев как освободителей, вышли колонной в национальных одеждах, впереди на вышитом полотенце несли большой хлебный каравай.

Немецкие солдаты тоже были приветливы, никого из нас не трогали, даже детей угощали сладостями. Фронт прошел дальше, и на смену солдатам появились так называемые фольксдойче.

И начались издевательства над людьми – сначала насиловали девушек, потом выгнали евреев из домов, заставляли раздеваться и скатываться с холмов, усеянных колючками, и кричать: «Смерть жидам и коммунистам». Взяв в заложники группу молодых ребят и одного коммуниста – Чайковского (возможно, он был оставлен для организации подполья), – эти палачи-садисты потребовали золота. Было собрано золото и серебро и отдано им, но это не спасло заложников, все они были зверски убиты.

Когда палачи уехали из села, мы откопали трупы, и предстала нашим глазам ужасная картина – у заложников были выколоты глаза, поломаны руки и ноги, сорваны ногти, выбиты зубы. Это был жуткий день, стояли страшный плач и крик в местечке.

Через некоторое время была установлена местная и районная власть, отыскались у фашистов добровольные пособники. Гордиенко, бывший завхоз, стал старостой села, Заволинский и Козовенко – полицаями. Эта тройка, в основном, и занималась грабежами. Людей не только грабили, но и жестоко избивали и издевались над ними. Гордиенко ходил по квартирам, оскорблял всех, бил по беззащитным людям палицей. И нашу семью не миновала эта его палица.

И до того, как получили власть, эти бандиты уже показали себя. Именно они были палачами при зверском убийстве заложников.

Позже одного из этих бандитов настигла кара. Партизаны поймали Козовенко, привязали ногами к саням и привезли в свой отряд, умер он по дороге. Но это только одного! Заволинский в конце войны сумел скрыться, жил в ФРГ. А Гордиенко, тот вообще прожил преспокойно после войны в самом Жорнице, его даже не судили, был стар он. Его дети и внуки учились в советских школах и вузах.

А в то страшное время оккупации мы жили в страхе и терпели издевательство от этих палачей. Перед массовым погромом они выгнали всех нас из домов – с самого утра до глубокой ночи заставляли вкатывать в гору тяжелые камни.

27 мая 1942 года все местечко было окружено полицией. Евреи в страхе попрятались, где могли. Моя мама, видимо, от страха и растерянности обо мне забыла. Меня спас 15-летний Яша, мой двоюродный брат. Он разбудил меня рано утром и помог влезть на чердак, и там засыпал меня зерном, а сам куда-то исчез. Но мне нечем было дышать, и я вылезла. В тот день я многое увидела и услышала, и все ужасы отпечатались в моем детском сознании.

Я видела, как шла облава на людей, как их повсюду выскивали, волокли за волосы, а маленьких детей хватали за ножки и кидали в машины. Немоощных стариков тоже бросали в машины. А взрослых пешком погнали в село Ильинцы². Туда, в Ильинцы, сгоняли всех евреев из окрестных маленьких местечек нашего района.

Страшные издевательства, желание выжить иногда помрачали разум людей. Нам рассказали, как молодая мама, пытаясь скрыться, взбиралась с ребенком на чердак, палачи настигли ее, она отдала им ребенка, а сама умоляла, чтобы ее оставили в живых.

Некоторые евреи выдавали друг друга, предавали тех, кто спрятался и мог остаться живым.

Фашисты иногда оставляли в живых нужных им специалистов, а семью расстреливали. И были такие отцы, что шли на это. Но были и такие, а их большинство, кто отказывался от спасения и шел на гибель вместе с семьей.

Наша семья, все девять человек, остались живы. Только мой двоюродный 15-летний брат Соломон, когда убегал и перепрыгивал через забор, был сильно ранен в руку. Ему вырвало выстрелом мускулы, хлестала кровь. Мы поспешно скрывались, где могли.

Моя мама со мной и маленькой сестренкой пряталась в Жорнице в огородах, оврагах, зарослях. Таились мы в ямах и погребах в районе улицы Штыфаньский закуток.

А в это время в Ильинцах произошло массовое убийство согнанных туда евреев. Акцию эту, так у них называлось истребление, проводил комендант Вагнер...

Нас разыскал мой двоюродный брат Соломон и сказал, что один крестьянин обещал выкопать яму далеко в поле между селами Иванько и Луговое (это села, соседние с нашим Жорнищем). Вот в этой вырытой яме и стали мы «жить». Старшие дети по ночам уходили добывать продукты и ночью же возвращались. Мы ведь, когда после массового расстрела скрылись из дома, то многие вещи разнесли по знакомым, на себя напялили, что могли. Вот эти вещи мы и меняли на продукты. Родителей моих знали, и многие уважали их, мама хорошо шила, папа был кузнецом.

Но даже близкая знакомая Домна Войт из села Иванько, которой мы отдали вещи, когда зашла я к ней, сказала, что «все вещи ваши забрала ваша мама». Так многие наживались на нашей беде.

Но было немало и тех, кто в этих экстремальных условиях проявлял большую человечность. Это, к примеру, семья Вершигоры: дедуня (имени его не помню), бабуня Оксана, их невестка Тодонька. Эта Тодонька была из раскулаченных, при фашистах она могла пользоваться определенными привилегиями, но не стала этого делать. Это была молодая, высокая, статная, красивая женщина, большая умница и великая труженица. По сей день я им безмерно благодарна. Я к ним после войны несколько раз приезжала не с пустыми руками, а они говорили: «Нэ трэба, мы для тэбэ нічога особльвога нэ зробылы!»

А ведь они нас от голода спасли, когда мы прятались на Штыфаньском закутке. Они нас кормили и на чердаке оставляли ночевать, там у них корова стояла. В морозы нас, детей, на печи отогревали.

И еще была одна семья – Гырба Фанаска с тремя малыми детьми, у нее муж был на фронте. Так она нас тоже кормила, разрешала прятаться в погребе на огороде, а ведь это несмотря на то, что очень боялась за своих малых детей, их ведь могли всех расстрелять, если бы открылось, что она прячет евреев.

Конечно, такие проявления человечности были весьма редки, и зависело здесь поведение человека не от национальности, не от партийности, не от религиозной принадлежности, а от его нравственности.

Война обнажала и доброту, и подлости людские. Мы таились не только от немцев и полицаев, но и от местных пособников фа-

пистов. 8 марта 1943 года кто-то выдал трех молодых женщин и троих детей. Они были расстреляны. Рассказывали, что один из мальчиков очень просил, чтобы его не убивали, бросился бежать, его ранили и живым закопали. Такое никогда не забыть.

Опасаясь предательства, мы ушли из своего убежища, добрались до села Луговое. Нас пустила одна женщина, и мы легли спать в ее хате на полу. Едва заснули, как раздался стук в дверь, это пришел староста села. На нас кто-то донес! Я очень просила, чтобы он нас отпустил. Когда он нас вывел из хаты, мы разбежались в разные стороны. Староста побежал за Соломоном, стрелял по нему, но не убил. Я зарылась в кучу навоза, сжалась, затаив дыхание... Потом я добралась до Жорнища.

Яша, мой двоюродный 15-летний брат, и Соломон, его ровесник, решили с группой оставшихся в живых молодых парней уйти в партизаны. Но их догнали полицаи на лошадях (опять кто-то донес!). Яша успел забраться на дерево и затаился среди ветвей. За Соломоном долго гнались, стреляли по нему, но он, к счастью, сумел уйти от погони. Вдвоем с Яшей они добрались все-таки до партизан. Потом добровольцами пошли в армию. Яша погиб на фронте в 17 лет. Соломон уцелел, живет сейчас в Винницкой области в городе Бершадь.

Не только парни сражались с фашистами. Взяли в руки оружие и девушки. Их возглавила молодая учительница еврейской школы Фаня Моисеевна. Свою совсем маленькую девочку она оставила у крестьянки. После войны приезжал Фанин муж и хотел забрать девочку, но та не хотела уходить от «своей мамы». Дальнейшую ее судьбу я не знаю...

В тех местах, где я пряталась, судьба свела меня с очень пожилой женщиной Сурой (муж у нее умер, а сын и дочь были в армии). Мы ночевали среди лоз над рекой. Рано утром я ушла, чтобы достать еду. Когда я вышла на улицу, то увидела, что навстречу мне ехал староста Гордиенко. Все во мне сжалось от страха, хотела я сразу бежать, но сдержала себя, свернула во двор и зашла в дом. Хозяйка увидела в окно подводу со старостой и сказала: «Иды соби, я боюсь». Ушла я за дом, на огород. Гордиенко в тот же день нашел Суру, вывел ее из нашего укрытия в лозах и расстрелял. Мы были все время на грани жизни и смерти, я сумела выжить, но большинство расстреляны, а мне просто повезло...

И вот дождалась я светлого дня – 14 марта 1944 года – освобождение! Наши войска пришли. Мы, выжившие в страшном аду, были нищенски одеты и обуты, худые, голодные, еле ноги волокли. Наши бойцы останавливали машины, подвозили нас. Делились своим солдатским пайком. Мы видели, что они были готовы отдать нам последнее, что у них было. И я поняла: лучше, человечнее наших простых солдат нет людей на свете. Я этого никогда не забуду!

Одна женщина, Эня, с двумя детьми взяла и меня с собой, и мы ушли из Жорнища, где погибли почти все мои родные, где я потеряла маму.

Прошли мы много сел и городов. В конце концов я оказалась на Дарницком вагоноремонтном заводе. Парторг завода Пишенин устроил меня в столовую. Это было под Киевом. Там был крупный железнодорожный узел. Были налеты немецкой авиации, все разбомбили там.

А потом пригнали военнопленных немцев для разборки и зачистки развалин. Несла я однажды из склада фрукты и овощи в столовую, а у этих немцев был такой вид, что сердце мое не выдержало, и я им кинула немного овощей. И в тот же день в столовую пришел офицер и спросил: «Кто у вас так любит немцев, что подкармливает их?» Опять донес кто-то на меня! Спросил офицер фамилию мою, узнав фамилию, сказал: «Ты что, немка?»

Я вкратце рассказала о себе, и он понял все, сказал: «Что ж, сердце не камень».

Из Дарницы я писала в Жорнище в сельсовет, чтобы папе, если он вернется, сообщили мой адрес. Так посчастливилось, что он узнал, где я, приехал за мною в Дарницу, и мы возвратились вместе в Жорнище. Все имущество наше было разворовано, дом разрушен – остался один пустырь. И мы уехали в Винницу, где жил папин брат. Там папа работал на заводе, женился. Я училась, в 1954 году закончила институт, вышла замуж, уехали мы в Калининград. Здесь родились дочь и внучки.

Когда я вспоминаю прошедшее, как страшный сон, я снова возвращаюсь в те дни, когда жизнь человеческая ничего не стоила, и евреи были ввергнуты в кровавые круги ада.

РАССТРЕЛЯННЫЙ ДЕТДОМ

АНТОНЕВИЧ Виктор – БАБИЧ Дмитрий (1930 г.)

Мое настоящее имя – Бабич Дмитрий Дмитриевич, 1930 года рождения, декабря месяца (так было по документам детдома). Место рождения – военный городок Проскурров (сейчас областной центр, город Хмельницкий). Отец и мать были военные: отец – командир полка, мать – военврач (по рассказам директора Уманского детского дома Надольного Якова Давидовича).

В начале 1937 года мы с сестрой Эвелиной, ей было 9 лет, мне около 7, находились в Девичьем монастыре, там было собрано несколько сотен детей разных возрастов. В 1937 году к началу учебного года человек 100–150 в возрасте 7–11 лет привезли в город Умань и поместили в Уманский украинский детдом №1. Сестра была со мной. В 1939 или в 1940-м ее забрали органы НКВД (из рассказа Зленко Н.М., работника Министерства, бывшей воспитанницы детдома №1) и направили в Киев. Она погибла в Бабьем Яру.

В детдоме взрослые говорили, что мы – дети «врагов народа». Детдомовское начальство на эту тему не распространялось. О том, что мои отец и мать расстреляны в 1937 году как «враги народа», имеется подтверждение в решении Северодонецкого горсуда от 6 декабря 2002 года (по предоставленным документам).

До войны я окончил три класса средней школы, в 1941 должен был перейти в четвертый. Учителем-воспитателем у нас была Шляховенко Полина Ивановна, директором – Надольный Яков Давидович.

С началом войны начали бомбить Умань¹. Начали эвакуироваться учреждения. Старшая группа детей 12–15 лет из нашего детдома пешком ушла в сторону Кировограда.

Детей 1–3 классов хотели увезти на автомобилях, выделенных генералом Понеделиным (впоследствии расстрелянным Сталиным вместе с генералом Павловым). Партийные работники отняли автомобили у детей и на них удрали сами.

Нам выделили три пары коней с повозками, куда погрузили скудный детдомовский скарб и больных детей. Детей сопровождали директор детдома, воспитательницы, пионервожатая Томчик Елена Анатольевна. Ночью покинули Умань, двигались в сторону Кировограда.

Дороги были забиты беженцами, войсками, угоняемым из западных районов скотом.

Бомбежки и обстрел дорог были обычным явлением. Убитых уже никто не подбирали, и вдоль дорог были десятки трупов только что убитых животных и людей: военных, гражданских, стариков, мужчин, женщин, детей. Пятеро девочек из нашего детдома были убиты из самолета прямо на дороге. Мы оттащили их в некошеную пшеницу и пошли дальше на восток в этой серой, обезумевшей массе людей и скота.

Питались тем, что директор и воспитатели выпрашивали у колхозников в попутных селах.

Мы пришли в село Подвысокое (Новоархангельского района Кировоградской области – Б.З.), расположились в колхозной конюшне. Идти было некуда. Мы оказались в гигантском кольце окружения вместе с массой войск 6-й и 12-й армий (узнал после войны о расстреле командующих Музыченко и Понеделина). Вокруг нас непрерывно гремели пушечная пальба и бомбежки. 8 августа все стихло.

В этот же день с нас сняли пионерские галстуки и закопали в углу сарая вместе с частью архива. Тогда же к нам пришли много колхозников и забрали почти всех девочек в свои семьи. Мальчишек осталось человек 80–100. Каждому ребенку на руки была выдана справка о том, что он является воспитанником Уманского детдома №1, и свидетельство о рождении, хранившиеся в архивах детдома. Я впоследствии в гетто уничтожил документы, потому что в свидетельстве о рождении было указано, что моя мама еврейка. Я только в тот момент узнал, кто мои родители. До этого от нас все скрывали.

9 августа 1941 года я с Мишей Серповым и еще с двумя мальчишками из детдома пошли в Зеленую Брам, лесной массив в 3–4 км от нашего сарая.

То, что мы увидели, было страшно. Поле перед Зеленой Брамой было, как подсолнухами, утыкано винтовками штыками в

землю. Сколько видел глаз, до горизонта устлано было трупами красноармейцев и командиров. Во многих мы узнавали знакомых командиров из Умани: мертвых. Двухметровый танковый ров доверху был завален трупами, в лесу большие ямы заполнены убитыми и ранеными, из ям доносились стоны. Мы, мальчишки, помогли вылезть из ям троим раненым. В лесу встретили человек десять красноармейцев, они просили воды и поесть. Мы четыре дня провели с ними, таская воду и выпрашивая у крестьян хлеб и овощи.

В селах были немцы, большие колонны двигались непрерывно на восток. Нам приходилось прятаться, чтобы добраться до леса. Потом все здоровые красноармейцы ушли на восток, а раненых забрали к себе крестьяне.

13 августа в сарай пришли немцы. Наш детдом заставили идти на Умань. 17 августа мы пришли в Умань. По дороге мимо нас гнали массу военнопленных командиров. Со всей улицы люди бросали в колонну хлеб, фрукты и кто что мог, не обращая внимания на угрозы конвоиров.

18 августа наш детдом оказался в еврейском гетто, внутри отгороженным от взрослых колючей проволокой. Каким-то образом в Умани оказался еврейский детдом, то ли из Летичева, то ли из Бердичева, не помню. Были и цыганские дети. Детей было 300–400 человек. Нас охраняли украинские полицаи (особенно злые) и венгерские солдаты. Кормили один раз в сутки – черпак чечевичной баланды. Все были грязные, раздетые, худые.

В конце августа и в середине сентября приходили фашисты и выстраивали детей в линейку. Спрашивали кто из нас «юдэ», т.е. евреи? Дети не признавались. Поступала команда: «Die Hosen weck!» – т.е. «штанишки вон!». Проходили, всматривались в лица и пенисы. Кто был обрезан или явно был похож на еврея или цыгана, уводили и заталкивали в общую колонну евреев, которых гнали на расстрел, по направлению к глиняным карьерам. Оттуда всегда слышалась стрельба. Чистки приурочивались ко времени, когда взрослое еврейское население гнали на уничтожение.

В конце октября 1941 года фашисты приехали на грузовиках, отобрали человек 100–110 детей, кто был более здоров, т.е. стояли на ногах, и куда-то увезли. Охранники говорили, что этих де-

тей будут кормить и брать кровь для раненых немецких солдат. Нас осталось человек 50–60. Все были очень слабые, грязные, вшивые, ободранные, спали на куче гнилой соломы, сбиваясь в клубок, чтобы удержать тепло. Заедали крысы. К ноябрю в нашей куче умерло 12 детей.

В последних числах ноября 1941 года пришли немцы и полицаи. Всех детей выгнали за ограду и затолкали в общую колонну евреев. В колонне многих несли на руках или поддерживали родственники, люди плакали и молились, дети кричали. Наши пацаны не плакали, шли молча! Были истощены до предела и привычны ко всему.

Проходя по направлению к глиняным карьерам, на одной из улиц в колонне меня узнала воспитательница нашего детдома Шляховенко Полина Ивановна. Она подошла к охраннику и начала доказывать, что я не «юдэ», я «украиниш», но тот ее прогонял. Тогда она увидела шедших навстречу двух немецких офицеров в летной форме и стала объяснять им, что я не «юдэ». Офицер что-то сказал конвоиру и ушел. Конвоир выдернул меня из колонны, приподнял за волосы и шарахнул кованым сапогом по спине, отбросив в сторону от идущей колонны. Но здесь сорвалась конвойная овчарка, начав рвать, я потерял сознание. Три дня я не приходил в сознание.

Декабрь 1941 и январь 1942 г. меня лечили воспитательница Шляховенко П. И. (которая подобрала меня) и кастелянша нашего детдома Вица Куприяновна. Я был очень слаб и не мог ходить, но постепенно стал на ноги и ушел от них (им самим нечего было есть) «в люди»: где пастухом, где кому что помочь за кусок хлеба. Благородная женщина голодала сама. Впоследствии я ходил от села к селу: где просил хлеба, а где нанимался пастухом. В марте 1944 года я находился в городке Скала Станиславской (Ивано-Франковской) области, где работал пастухом в польской семье.

В апреле 1944 года, после освобождения Каменец-Подольской (Хмельницкой) области, я как беспризорник военной комендатурой был направлен в Каменец-Подольский детприемник. Чтобы меня больше не называли родственником «врагов народа» я взял фамилию хозяев, у которых почти полтора года работал пастухом – Антоневи́ч Виктор Эдуардович, поляк. В военной

неразберихе никто мне претензий не предъявил. Эта фамилия закрепилась за мной навсегда.

Жена, дети, внуки, правнуки! Слишком поздно искать истину.

Из детприемника меня направили в колхоз «Коммунар» в село Китайгород. После этого было ФЗО города Енакиево на металлургическом заводе.

Хочу сообщить Вам дополнительный материал. Что касается описываемых мною событий июня–августа 1941 года. Я еще не знал, что вышедшая в 1985 году документальная повесть писателя Евгения Долматовского «Зеленая Брама», повествует именно о тех событиях, о которых я до выхода книги сообщал в разные инстанции в 60–70-х годах. В те времена категорически запрещалось писать и говорить о наших поражениях.

Писатель сам прошел через Уманские «Чертовы Ямы» – глиняные карьеры, где сгинули многие тысячи военнопленных, евреев, в том числе и Уманский украинский детдом №1.

Я написал только сотую часть того, что пережил сам и увидел собственными глазами.

Нужно сделать все, чтобы в мир не вернулись ни людоед-Сталин, уничтоживший миллионы людей собственного народа, ни Гитлер – отродьям человечества не место на земле.

«ФАШИСТЫ ОТОБРАЛИ У МОЕГО ОТЦА САМОЕ ДОРОГОЕ – ЖИЗНЬ»

АСТРАХАН Анатолий (1938 г.)

Я, Астрахан Анатолий Владимирович, родился 5 сентября 1938 года.

Когда село Деменцы Переяслав-Хмельницкого района Киевской области было оккупировано фашистами, мне исполнилось три года. По рассказам матери, отца по состоянию здоровья в армию не призвали, и он остался в селе.

10 сентября 1941 года по доносу, что отец – еврей, пришли немцы домой и забрали его в комендатуру. Тогда мать пошла к старосте, чтобы он подтвердил, что отец болен. Отца в это время заставили копать яму и расстреляли. Вечером мать при помощи людей забрала труп и похоронила его на кладбище села.

После того, как расстреляли отца, мать жила в постоянном страхе за нас с братом, которому было два года, чтобы и нас не убили. Очень часто мы с мамой и бабушкой не ночевали дома, а у соседей, или прятались в поле, в стогах сена. Очень часто ночевали и даже днем сидели в погребе или на чердаке у соседей. Большое спасибо людям, которые помогли нам в войну выжить, что мы не умерли от голода и холода.

В селе Деменцы, возле сельсовета, после войны поставили памятник погибшим и расстрелянным во время войны 1941–1945 годов односельчанам. На нем написаны фамилии погибших, их около 300 человек! Среди них есть и фамилия моего отца – Астрахан Владимир. В городе Переяслав-Хмельницкий в знаменитой Диораме есть памятная доска погибшим во время войны. Там тоже есть фамилия моего отца.

До 1947 года мы жили с мамой и бабушкой в селе, в дедушкиной избе. В 1947 году мы переехали в город Переяслав-Хмельницкий, где мама работала в совхозе агрономом. В 1956 году я закончил 10 классов. После окончания школы я работал в отделении связи и в 1958 году был призван в армию. С 1958 по 1966 год я был в армии. После демобилизации вернулся в Переяслав-Хмельницкий, где и работал до пенсии.

В данное время я живу вдвоем с женой, Астрахан Галиной Моисеевной. Она тоже пенсионерка. Получает пенсию по болезни. У нас нет детей, так что помощи ждать не от кого.

Сколько себя помню, всегда хотелось, чтобы рядом был самый родной человек – отец, как у других детей. Но фашисты отобрали у моего отца самое дорогое – жизнь.

В офисе нашего еврейского общества есть стенд «Наши земляки – жертвы геноцида», там есть фото моего отца.

ЗА ДАВНОСТЬЮ ЛЕТ...

БАБУХ Арон (1927 г.)

Я, Бабух Арон, родился 13 мая 1927 года в городе Владимир-Вольнский Волынской области, на Украине (до 1939 года территория Польши), где и жил до начала Великой Отечественной войны.

На второй день после начала войны, 23 июня 1941 года, в город вошли немцы. В этот же день ими были убиты несколько десятков евреев. Имена некоторых из них я помню: братья Лейб и Герш Лакриц, сын Герша – Лейб Лакриц, Шлойме Куперман, Хане Маргулис и другие.

Спустя месяц после начала войны в город прибыл отряд СС. Была произведена первая организованная акция по уничтожению евреев. Украинская полиция отлавливала евреев-мужчин, отводила на территорию тюрьмы, которая была обнесена огромным средневековым земляным валом. Там их расстреливали. Крики и стоны были слышны далеко за пределами вала.

До конца 1941 года таких акций было проведено четыре, в результате было уничтожено более 1500 евреев. Одна из таких акций, отличавшаяся особой жестокостью, получила название «кровавый понедельник».

В городе постоянно стоял отряд СА – *штурмабтайлунг*. В основном это были молодые немцы, которые носили коричневые мундиры, а на рукавах этих мундиров были нашиты красные повязки, на которых была их эмблема – свастика. Они занимались тем, что отлавливали евреев, приводили их на территорию тюрьмы, но не расстреливали, а закалывали штыками и добивали прикладами винтовок. За одну ночь мученическую смерть приняли более 200 евреев.

В начале 1942 года по приказу гебитскомиссара города Владимир-Вольнский¹ Вильгельма Вестерхайде еврейское население было согнано на небольшую территорию (несколько городских кварталов), которую обнесли оградой из колючей проволоки. Это уже было гетто и начало конца.

На небольшой территории гетто находилось около 18 тысяч человек. Жилья всем не хватало, и люди ютились на чердаках, в подвалах. Каждому узнику гетто выдавали по 100 г хлеба в день. Начались болезни, люди пухли от голода, но никакой медицинской помощи не было. Особенно страдали дети и старики.

Накануне праздника Рош а-шана в 1942 году был произведен погром в гетто. Этот погром являлся прелюдией к уничтожению гетто. Это была не однодневная акция, она длилась 15 дней. Городская жандармерия совместно с украинской полицией (шущманами) под руководством гебитскомиссара Вильгельма Вестерхайде, его заместителя Краузе и секретарши Ханке Альтфатер вывезли из гетто за город 15 тысяч евреев и расстреляли их возле села Пятыдни, где заранее были приготовлены ямы.

Особую роль в этой акции, да и в последующих, сыграла украинская полиция, которая усердно вытаскивала евреев из подвалов и укрытий и доставляла их своим хозяевам на место казни, не щадя ни малых детей, ни немощных стариков. Их действия отличались особой жестокостью и наглостью.

Я так пишу об этом, потому что в силу некоторых обстоятельств я хорошо знал и жандармерию, и полицаев.

Мой отец был обувщик. Его и некоторых других мастеров немцы заставили работать в своей обувной мастерской, куда отец брал и меня, и я помогал ему в работе. Ремонтировать обувь заходили в мастерскую жандармы и полицаи, и поэтому многих я знал в лицо и по фамилиям. Некоторые фамилии и имена я помню и сейчас: Клетвик, Шох, Вент, Людвик, Айнорн, Ганс, Келле. Может, это имена, а не фамилии, но я написал их так, как они запечатлелись в моей памяти.

Расстрелы проводили в основном Келле и Ганс. Мы знали, что они получают 60 пфеннигов за голову, как на бойне, где забивают скот.

Через 15 дней акцию прекратили. Оставшиеся в живых обитатели гетто, подгоняемые голодом, начали вылезать из укрытий. По приказу гебитскомиссара они должны были собраться на небольшой площади в гетто. Это было сделано для того, чтобы облегчить задачу полной ликвидации гетто.

Спустя два месяца два немца с помощью юденрата отобрали человек 400 мастеровых с семьями, это были ремесленники раз-

личных специальностей (хандверкер), и переселили их в другое место, обнесенное колючей проволокой. Таким образом в городе образовалось два гетто.

Каждому обитателю второго гетто было выдано удостоверение, где было написано «Юдишехандверкер Геноссеншафт» (Товарищество ремесленников-евреев). Я вместе с отцом, матерью и тремя сестрами попал в новое гетто. Это продлило нам жизнь на целый год.

Не получившие удостоверения евреи остались в старом гетто. На следующий день после разделения людей на рассвете все евреи были подняты украинской полицией, вывезены за город к селу Пятядни, где и уничтожены. Тогда погибло около двух тысяч человек.

В рабочем гетто обитатели работали еще в течение года по специальностям сапожников, портных и другим.

13 декабря 1943 года на рассвете началась ликвидация и рабочего гетто. Обитателей гетто отлавливали, везли за город в район кирпичного завода, обливали бензином и сжигали.

Таким образом, из многотысячного еврейского гетто города Владимир-Волынский осталось в живых несколько десятков человек.

Конечно, в живых могло остаться больше, если бы не ОУН. Бежавшие из гетто евреи, попадали в районы, контролируемые бандеровцами, ряды которых состояли в основном из бывших полицаев. Спрятавшихся в лесах и селах евреев они убивали.

Сейчас бывшие бандеровцы считаются в Украине борцами за «самостийную Украину». Этим борцов за самостийность приглашают в школы для бесед с молодежью, создают им ореол борцов за свободу. Они сейчас утверждают, что убивали мирных жителей не они, а засланные советами переодетые под них энкаведисты. Молодежь им верит, так как трудно представить молодому человеку, что убеленный сединами добрый старик когда-то был молодым и убивал женщин, детей, стариков, просто людей лишь только потому, что они другой национальности.

А в то время эти полицаи ходили по городу и пели: «Смерть жидам, смерть ляхам, смерть москалям, смерть жидівській московській комуні».

Они, бывшие, требуют признать их воюющей стороной, утверждая, что боролись и с немцами, и с советами.

Да, они воевали, но не с немцами, а вместе с ними против советского государства, и все их акции были направлены против мирного населения, даже украинцев, если их подозревали в сочувствии советской власти.

Я не обвиняю украинский народ. Многих евреев спасли украинцы, в том числе и меня.

В районе Владимира-Волынского есть село Белин. В этом селе, да и в других селах, жили поляки. Эти села были базой польской Армии Крайовой. Это была довольно крупная группировка. Нескольким десяткам евреев удалось бежать из гетто; они добрались до этих сел и присоединились к отрядам Армии Крайовой. Туда же удалось добраться и мне, моей сестре Гише и ее мужу Иойне Гольдбергу.

Командовал отрядом поручик Ежи Красовский, его кличка была Лех. По его приказу были расстреляны многие евреи, в том числе и моя сестра Гише и ее муж, рассыльный при штабе пятнадцатилетний Мотл Фукс, брошены в колодезь живьем дочь Ройтера с ребенком (фамилию по мужу не помню). Ее мужу удалось выскочить в окно, он остался жив, добрался после войны до Австралии, жил в Мельбурне, где и умер несколько лет тому назад.

Было известно, что готовится акция по ликвидации всех евреев, находящихся на территории отряда, но обстоятельства войны помешали осуществить полностью это злодеяние, и я остался жив.

Совершенно случайно, лет десять назад, я узнал, что поручик Лех живет в Варшаве. Я написал Генеральному прокурору Польши о его злодеяниях, но ответа не получил.

В Германии в 1979 году судили бывшего гебитскомиссара города Владимир-Волынский Вильгельма Вестерхайде и его секретаршу Ханке Альтфатер. Показания по их делу давали бывшие узники Владимир-Волынского гетто, которым удалось спастись и которые ныне живут в США, Израиле и других странах.

Давал показания немецким юристам, приехавшим в Луцк (областной центр Волынской области) и я как бывший узник гетто города Владимир-Волынский.

Но... наказания подсудимым за давностью лет не последовало.

«ГОЛОД, ХОЛОД, БОЯЗНЬ БЫЛИ НАШИМИ СПУТНИКАМИ»

БАЛК Миля (1924 г.)

Я, Балк Миля Семеновна, на начало и во время войны проживала в городе Жмеринка¹ Винницкой области на улице Молокова вместе с мамой Эльзой Семеновной. Мы снимали квартиру. Мама работала в банно-прачечном комбинате кассиром. Мне исполнилось 17 лет, а через два дня началась страшная война.

С первых дней оккупации немцами города они ходили по домам и искали евреев. Рядом с нашим домом находилась школа №1, где расположился военный госпиталь. Немец привел меня туда на работу, где я мыла полы, двери, окна, туалет. Немец, который привел меня на работу, каждый вечер приходил к нам и вел со мной беседы, называя меня Миттой.

Мама с сестрой прятались в погребе. Я плакала, так как поняла его намеки. Я убежала к тете, которая жила в другой части Жмеринки. Целую неделю он приходил узнать, пришла ли я. Он сказал хозяйке, что он меня найдет и расстреляет. Но больше он не приходил.

Немецкие власти издали приказ всем евреям носить постоянно еврейскую желтую звезду на руке или спине. Однажды я с русскими девочками пошла подышать воздухом и поверх звезды надела кофту, так как было прохладно. К нам подошел полицей Эдик, ударил меня в живот, я упала. Это за то, что звезда была под кофтой. Он кричал, чтобы я поднялась и пошла с ним в полицию. Я ответила: «Убивай меня на месте, никуда я не пойду». Он еще раз меня ударил. В это время проходили две полевые немецкие девушки, они подошли и спрашивают, в чем дело, он им рассказал, и одна из них ударила меня в живот, назвав «фарфлюхте юдина», и ушли. Я долго не могла прийти в себя, потом подошли ко мне девочки, помогли подняться и увели домой.

Осенью 1941 года немецкие власти оградили колючей проволокой три улочки на окраине города. Там было создано гетто. Туда согнали всех евреев города. В гетто я ежедневно с мамой ходила под конвоем на работу. Чистили на вокзале туалет, рас-

чищали железнодорожные пути от снега, чистили улицы. Потом мама работала рабочей в цеху, где изготавливали напитки из сухофруктов. Работая там, мама заболела деформирующим полиартритом и стала инвалидом II группы. Я весной и осенью работала в поле, сажала овощи. Работала на сформированном немцами вещевом складе, который находился на территории районной больницы. Чистили, сушили одеяла, подушки, матрацы, потом их грузили на машины и увозили.

На всю жизнь запомню случай с брацлавскими евреями, когда их из гетто уводили на расстрел. Находились они в недостроенном помещении инкубаторной станции. Нас собралось человек десять, мы плакали, зная, какая ждет нас судьба, вообще людей было много. И вот им занесли кушать, и с ними зашел немец (какой чин, не знаю). И в это время падает к его ногам молоденькая, красивая девушка, просит за всех и плачет. Выслушав ее, он сапогом ударил ее в лицо, и она упала. После этого ребята меня отвели подальше. У меня началась истерика, которая продолжалась пять дней.

Как-то холодной весной, поздно вечером раздался стук в дверь, стоит мальчик лет десяти и просит его пустить в дом. Мы все были на ногах. Мама его поцеловала и завела в комнатку. Он удрал из Хмельника – все родные погибли. Мы его помыли, накормили, чем было и уложили спать. Утром, уходя на работу, мы ему сказали, чтобы он из дому не выходил, потому что могут убить.

Прошло несколько дней. Мы рано ушли на работу. Придя с работы, мы его не застали дома, его нигде не было. Мы очень волновались, плакали. Через два дня по гетто пошел слух, что мальчика повесили за выход из гетто, это был он. Писать есть много о чем, но нет сил.

Голод, холод, боязнь были настоящими нашими спутниками. Все эти мучения длились до 18 марта 1944 года – дня освобождения Жмеринки.

Этот день я буду помнить до самой смерти.

«ЕВРЕЕВ РАССТРЕЛЯЛИ ЗА ГОРОДОМ...»

БАРАННИК-ЭЛЬГОРТ Елена (1935 г.)

Я, Баранник-Эльгорт Елена Яковлевна, родилась 29 ноября 1935 года в городе Константиновка Донецкой области.

Великая Отечественная война застала меня и моих родственников по отцовской линии – отец у меня еврей – в Константиновке¹. Отца мобилизовали в армию. Он пришел и предложил своей сестре и маме эвакуироваться, но тетя моя отказалась, тогда и мама решила остаться.

Когда пришли немцы, они начали переписывать еврейские семьи. Мы жили не с ними. Мама была на девичьей фамилии, но все равно она за меня очень боялась и даже не пускала гулять во дворе – частный домик мы снимали у хозяев.

В детстве я была страшная задира, и, когда я иногда выходила во двор, соседская девочка – лет пятнадцати, кричала через забор: «Жидовка, тебя еще не убили?»; поэтому маме меня приходилось прятать по знакомым.

Я очень хорошо помню, как немцы взорвали угольный штрек. Огонь валил из окон, картина была жуткая. Горящий штрек и сейчас у меня перед глазами.

Помню, как по нашей улице гнали евреев куда-то. Куда, тогда никто не знал. Шли они с котомками на спине, шли старики с палочками, маленькие детки, а по бокам колонны полицейские. В этой толпе я увидела тетю Виню, дядю Моисея, своего двоюродного брата Митю и двоюродную сестричку Аню. Потом я слышала, что евреев расстреляли за городом.

Когда я шла по улице со своей подругой Аллой Комониной, пьяный немец выстрелил ей в глаз, так ему захотелось. Очень страшно было во время бомбежек, если бомбили, то надо было падать на землю и лежать.

В наш двор попала бомба и разбомбила летнюю кухню, а также осколки были во дворе. Я с мамой в это время пряталась у ее подруги в другой части города.

После того, как немцы расстреляли евреев, они начали гнать людей в Германию, в том числе и мою маму со мной и ее подругой Харстиной.

Нас погрузили в вагоны без крыш, т.е. в вагоны для перевозки скота, но по дороге в Германию бомба попала в паровоз и первые вагоны, состав остановился, началась паника, люди выскакивали и падали на землю. Нам сказали ждать в парке, пока отремонтируют дорогу. Мы находились под открытым небом – голодные, мокрые. Это было в городе Первомайск на Буте (ныне – Николаевская область). Но судьба сжалась над нами.

Каким-то образом партизаны, которые действовали в этих краях, узнали, что моя мама до войны работала врачом, и один из них – дядя Ваня – отвез меня, маму и ее подругу в глухую деревню Каменная Криница, где о моем еврействе никто не знал. Мы стали жить у его сестры Марушки.

Я помню, что, когда расстреливали партизан, полицаи ходили по квартирам и приказывали обязательно быть на карательной процедуре. В основном все карательные мероприятия проводили полицаи. У нас в деревне были румыны, я запомнила их в форме хаки. Этот ужас у меня до сих пор перед глазами – окровавленные, изможденные мужчины по краям ямы-могилы.

Очень хорошо помню голод, в результате у меня опухшие ноги были в чирьях (следы остались до сих пор). Глаза болели страшно. Вши были и в волосах, и в белье, мы боролись с ними постоянно.

Очень страшную картину вспоминаю после того, как в мае 1944 года нашу деревню освободили и я пошла в школу, в первый класс. Я была дежурной после уроков, я пошла за школу по воду, а там раскопали могилу тех, кого расстреляли во время оккупации, чтобы их перезахоронить. Яма была квадратная и очень глубокая, по краям были расстелены дорожки (подеревенски – «рядна», в цветные полоски, их прядут, вернее, ткнут сами люди), а на них лежали черепа, кости рук, ног, скелеты. Мы с подружкой очень испугались, и я ночью часто кричала, рассказывала мама.

После мы переехали в райцентр Грушки – Ульяновку Николаевской области. Мама и ее подруга пошли работать. Осенью я пошла в школу, и началась у меня спокойная, нормальная жизнь без голода и холода.

После Победы в 1945 году у нас на базаре под заборами было много бездомных инвалидов без рук, ног, глаз – картина жуткая.

ГОРЕ И СТРАДАНИЯ НЕ МИНУЛИ НИКОГО

БАРОН Рувин (1932 г.)

Я, Барон Рувин Срулевич, родился 13 февраля 1932 года в местечке Единцы, Молдова (бывшая часть Румынии).

Наша семья состояла из трех человек: отец – Барон Сруль Пинхусович, мать – Барон Рива (Ревекка) Рувиновна и я. Отец работал механиком на принадлежащей нам мельнице в селе Михайлыны Бричанского района Молдовы. Мать была домохозяйкой.

Когда в начале войны 1941–1945 гг. румынские войска заняли город Единцы, начались погромы еврейских семей. Вооруженные люди врываются в дома, грабят и издевались над жильцами. Нашу семью также ограбили, избив при этом моего отца.

Через какое-то время (летом 1941 г.) нашу семью, как и других евреев Единцев, выгнали из дома, нам принадлежащего, и повели под конвоем в неизвестном направлении. Вместе с нашей семьей в колонне шли две мои тети (сестры отца) – Нехамма с мужем Ароном и дочерью Полиной и Фейгеле, которая умерла в гетто города Бершадь от истощения.

Во время насильственных перегонів умерла моя бабушка Лейца и сестра матери Блюта.

Были с нами подруга матери Дора и ее муж Шулим (фамилию не помню), которые умерли от голода и болезни (тиф) в Бершадском гетто.

Шли мы долго и очень мучились. Воду из колодцев, мимо которых мы шли, нам запрещали брать под страхом смерти и многие умирали от жары и жажды.

Если человек, не выдержав мук жажды, бросался к источнику воды, его избивали конвоиры или стреляли в него. Во время дождя люди с жадностью бросались к лужам, мимо которых проходили, но утолить жажду не успевали, так как полиция стояла наготове и били всех нагайками, отгоняя от мутных луж.

Нас старались гнать в обход населенных пунктов, так как некоторые из жителей сел выносили нам еду и воду, рискуя получить удар плетью за сочувствие нашему положению. Если конвоир замечал, что кто-то получил кусок хлеба или вареную

картошку, то человека избивали, отбирая подаяние. Поэтому сердобольные люди кидали продукты в проходившую колонну из-за заборов, через головы конвоиров.

Отстающих сильно били, а обессиленных, которые не могли дальше двигаться, тут же расстреливали. Дорога была длинной и жестокой. Больные, старые, слабые не выдерживали жары, жажды, голода и умирали прямо на дороге.

Я запомнил мало мест, через которые гнали нашу колонну. Помню, что в Касаутском лесу, где нашу колонну остановили на ночлег, началась всеобщая паника из-за того, что какие-то военные будили молодых мужчин и забирали их с собой. Остальных мужчин били, издевались над людьми. Сильное избиение людей произошло и на каком-то мосту (кажется, при подходе к Могилеву-Подольскому). Мост надо было пройти быстро, а у людей из колонны не было сил, и они брели медленно. В этот день меня ударили нагайкой, так как я бросился к отцу, которого бил полицей.

Остановки на ночлег были не менее ужасны, чем дневные переходы-перегоны. Голодные, смертельно уставшие люди падали на землю, где их заставлял сигнал к остановке, и рыдали. Среди лежащих в изнеможении людей бродили сошедшие с ума, а родители металась по полю, разыскивая пропавших детей и близких. Люди умирали, прося глоток воды, а некоторые кончали жизнь самоубийством. Большинство хотело смерти, но не имело достаточно мужества для этого. Горе и страдания не минули никого.

Наконец нас пригнали в город Бершадь Винницкой области. Нашу группу в 11 человек поместили в однокомнатной квартире, а в прихожей этой квартиры также жили четыре человека из Единцев.

К весне 1942 г. из одиннадцати человек нашей комнатки в живых осталось только пять: тетя Нехама, ее муж Арон, их дочь Полина, а также моя мать и я. Мой отец, его сестра Фейгеле и две молодые пары умерли от голода, холода, тифа, не дожив до 1942 г.

В другой комнатке-прихожей остались в живых только трое: Шустер Данил, его сестра Пейрл и ее сын.

Жизнь в Бершади¹ была сплошным кошмаром, там погибло много людей. Большая скученность людей, голод, холод и за-

вшивленность привели к вспышке тифа, дизентерии. Умерших некому было не только хоронить, но даже выносить из квартир, и они оставались лежать среди живых еще людей.

Мы остались в живых благодаря энергии и стойкости тети Нехамы. Она пробивалась через колючую проволоку, которой было огорожено гетто от остальной части Бершади, переодевшись крестьянкой. Проходила по мосту мимо полицейского поста, рискуя жизнью. И в той части Бершади, что находилась за речкой и где евреев не было (район сахарного завода), обменивала у жителей прилегающего села вещи на продукты. Сначала она меняла наши вещи, а затем, когда у нас уже нечего было менять, начала менять вещи других людей. Этот обмен вещей на продукты спас нас от голодной смерти.

Моя мать и я, по примеру тети, переодевшись крестьянками, пробирались в близлежащее село и работали у разных крестьян по дому, на огороде, на приусадебных участках. Я помню, что пас козу, коров. Приходилось вычищать навоз из хлева. Мы работали за еду и одежду. Моя мама умела красиво вышивать полотенца, что пользовалось большим спросом у крестьянок.

Наш сосед по комнате Шустер Данил, по специальности портной, также получал заказы от крестьян через тетю и мою мать. Мизерной оплатой были продукты. Так мы и жили сообща, страдая от постоянного голода, болезней, а зимой – от холода, так как нечем было отапливать наше жилье.

Из почти трехлетней горестной, нечеловеческой жизни в гетто Бершади на всю жизнь врезалось в память несколько случаев, произошедших со мной лично.

Двухэтажный дом, где мы ютились, находился почти рядом с колючей проволокой, отгораживающей гетто от остальной части города. С другой стороны проволоки была маслобойка и большая площадь, а затем дорога и мост через речку, в пригород.

Выходить из гетто евреям запрещалось под страхом смерти. Часто стреляли с площади и с моста дежурившие там полицаи, если кто-то из находившихся в гетто евреев приближался к колючей проволоке. В речку, которая отделяла гетто от сахарного завода, также запрещалось заходить. Как-то летом 1942 г. мы с мамой, истощенные, добрались до речки, которая протекала поч-

ти рядом с нашим домом. Мама начала меня уговаривать утопиться, чтобы больше не мучиться от голода. Но я уговаривал ее еще пожить и вернуться домой. В дальнейшем мама много раз вспоминала этот случай и жалела, что не смогла убедить меня избавиться от последующих мучений.

Другой случай, произошедший значительно позже, также связан с речкой. Как-то утром на поверхности воды появилась рыба. Рыбу или оглушили или отравили отходами сахарного завода, который находился на другом берегу реки, рядом с мостом. Все евреи, проживавшие на берегу и способные двигаться, вышли к реке, ловили эту полудохлую рыбу и тут же с жадностью поедали ее, не обращая внимание на стрельбу, которую полиция для потехи открыла с моста. За эту «еду» часть изловивших рыбу падали сраженные пулями, а у других появился кровавый понос (дизентерия), послуживший причиной многих смертей. Мы также пострадали от этой еды.

Однажды, должно быть, в 1943 г., я рискнул пролезть через колючую проволоку, отделявшую гетто от маслобойки, так как какие-то молодые работники маслобойки дразнили меня куском макухи. Сначала они схватили меня, а затем, потешившись моим испугом, угостили спрессованными семечками подсолнуха вперемешку с шелухой и пропитанными маслом. Это было шикарным лакомством, которое я запомнил на всю жизнь. Они дали мне кусок макухи для матери и разрешили приходить к ним за выжимками от семян подсолнечника. Так я стал добытчиком пищи для родных, изредка уходя на маслобойку. Мучительный голод заставлял меня рисковать жизнью, несмотря на строгий запрет моих родных.

Следующий случай, сильно повлиявший на мое здоровье и продолжающий влиять до сих пор, произошел в 1944 г. летом. Когда немцы вместе с румынами отступали через Бершадь, некоторые из них врывались в гетто с целью грабежа, изнасилования, издевались над беззащитными людьми. Наша семья, которая жила очень близко к мосту, через который проходили войска, уходила на весь день к какой-то знакомой моей тети. Эта знакомая, Циля, была местной жительницей и жила где-то в верхней части города, где было сравнительно безопасней от мародеров. Несколько дней мы скрывались у той женщины.

В городе в это время из-за отсутствия всякой власти продолжались грабежи и другие бесчинства. В один из этих дней фашистский самолет начал бомбить какой-то объект в верхней части города. Одна бомба попала в дом, находившийся рядом с домом, где мы прятались. Когда мы в испуге выскочили на улицу, я увидел вместо соседнего дома большую яму, из которой в облаке густой пыли летели целые бревна. А над этой жуткой картиной летел самолет, обстреливая мечущихся в панике людей.

Больше я ничего не увидел, так как что-то тяжелое ударило меня по голове, и я свалился на землю, потеряв сознание. Видно, в это же время меня ранило в левую ногу, вырвав кусок мяса. Я очнулся в том же домике, с наспех перевязанными ранами и плачущими рядом родными. Предполагаю, что удар в голову, рубец от которого сохранился до сих пор, повлиял на мой слух и зрение. Рана же на ноге, след от которой также сохранился, привела со временем к нарушению кровообращения и варикозному расширению вен левой ноги.

Я стал инвалидом от всего пережитого. Во Франкфурте-на-Майне, учитывая состояние моего здоровья, мне выдали *Schwerbehindertenausweis* (G.d.B 100%) – свидетельство инвалида.

Летом 1944 г., когда была освобождена Молдова, мы, пятеро из одиннадцати человек нашей семьи, вернулись в Единцы. Мы нашли руины от наших домов, а имущество было разграблено.

Мельница, принадлежавшая нашей семье до войны и находившаяся в селе Михайляны Бричанского района Молдовы, также оказалась разрушенной. Компенсацию за утраченное имущество мы не получили.

«В ХАРЬКОВЕ ВСЕХ ЕВРЕЕВ РАССТРЕЛЯЛИ...»

БАРУ Юрий (1935 г.)

Когда началась война, мне было 6 лет, но я хорошо помню основные события того времени.

Мы жили в Харькове¹ с мамой, Адой Захаровной, бабушкой и дедушкой на ул. Дзержинского (во время оккупации и сейчас – Мироносицкая). Отец мой умер в 1936 году.

Мама работала биохимиком в больничной лаборатории. Больница не эвакуировалась, и мама не смогла уехать из Харькова со старыми больными родителями. Серьезно болела бабушка, ей было трудно ходить. Когда во время бомбежки все уходило в бомбоубежище, она оставалась в квартире, залезла под рояль, в надежде, что это спасет ее.

Началась оккупация. Помню, как дедушка ходил с желтой звездой на рукаве, как приходили немцы и забирали вещи, которые им нравились.

На площади Дзержинского немцы иногда собирали много народу, устанавливали громкоговорители, и люди получали хоть какую-то информацию. Однажды немцы вывели на площадь подпольщиков и повесили их.

В самом начале оккупации на Холодной Горе прогремел взрыв. Немцы арестовали заложников, которых держали в гостинице «Интернационал» (теперь «Харьков»). В заложники попал и мамин двоюродный брат Миша Лучинский. Мы с мамой носили ему передачи. Однажды на улице немецкий офицер-медик спросил маму на ломаном русском языке, как пройти на Мироносицкую улицу. Мама ответила ему по-немецки. Он сказал маме, что немцы хотят уничтожить всех евреев и посоветовал, если будут собирать евреев в каком-то одном месте, не идти туда.

Мама пошла советоваться к известному в Харькове врачу, который был вроде главы еврейской общины. Он маме не поверил.

В середине декабря 1941 года немцы объявили о сборе всех евреев в районе Тракторного завода. За день до срока сбора мы с мамой ушли через Холодную Гору в село под видом «мешочников».

Было очень холодно – знаменитая зима 1941–1942 гг. Шли мы днем, ночевать просились к людям. В Лебедине, где мы ночевали, полицаи забрали маму, я остался один у чужих людей.

Хозяйка дала мне кружку теплого молока, успокаивала. Маму вскоре отпустили – у нее была какая-то справка из домоуправления. В общем, повезло. Но пережитый страх остаться одному, без мамы, у чужих людей, до сих пор является самым тяжелым воспоминанием того времени.

В селе Илек-Кошары Курской (сейчас Белгородской) области нас приютила на всю зиму семья Кадуцких. Немцы в селе появлялись редко. Староста никому претензий не предъявлял.

Мама никому не говорила, что она еврейка. Но люди догадывались. Однажды в село забрел мужчина с еврейской внешностью и у кого-то попросился на ночлег. Его послали в нашу хату, сказав: «Идите туда, там ваши живут».

Кто-то рассказал нам, что в Харькове всех евреев расстреляли, и мы поняли, что бабушки и дедушки нет в живых.

Весной 1942 г. мы переселились в одну из комнат пустовавшей почты. Соседи к маме относились хорошо. Приходили за советом, если болели дети (в селе врача не было).

Помогли нам выжить и профессиональные знания мамы как химика. Выпарив удобрения, она сделала заменитель соли, который мы меняли на продукты.

Я тоже «зарабатывал» себе на молоко.

Осенью 1942 г. к нам явился раскулаченный хозяин дома почты, где мы жили. Нам пришлось перейти в его крохотную хатку, но там была русская печь с лежанкой, и мы пережили страшную зиму.

Весной 1943 года в село пришла Красная Армия. Мы с мамой пошли в Харьков, но началось немецкое наступление, которое привело ко второй оккупации Харькова.

Мама боялась опять оказаться под немцами. И мы пошли на Белгород. Помню, как над нами очень низко пролетали немецкие самолеты и стреляли. Так дошли мы до совхоза «Большевик» Бобровского района Воронежской области. Там я пошел в первый класс Ясенковской школы, а мама в этой же школе преподавала физику и химию.

В 1944 году мы вернулись в Харьков. Люди, которые заняли нашу трехкомнатную квартиру, уступили нам одну самую маленькую комнатку.

Война еще продолжалась, но фронт уже был далеко от Харькова.

«ФАШИСТЫ СТРАШНО ИЗДЕВАЛИСЬ...»

БАТУЛИНСКАЯ (ПОПЕРЕЧНАЯ) Татьяна (1926 г.)

Я, Батулинская (Поперечная) Татьяна Ивановна, родилась 23 февраля 1926 г. в селе Немиченцы Хмельницкого (Фельштинского) района Каменец-Подольской (Хмельницкой) области.

Во время немецкой оккупации, когда фашисты вывезли всех евреев из Фельштина (Гвардейское) в Проскуровское гетто, мои родители решили, что моей маме и мне нужно прятаться, так как некоторые знали, что мама еврейка. Однако в начале мая 1942 г. полицией выследили меня, схватили, избили и отвезли в Проскурровский¹ концентрационный рабочий лагерь для евреев.

Условия пребывания в лагере были ужасные. Фашисты страшно издевались, били, больных пристреливали, остальных выгоняли на тяжелые работы по ремонту шоссежных дорог. Мы подносили на носилках щебень, песок, грузили камень, а кто падал, тех добивали. Зимой мы сбивали деревянные щиты для снегозадержания.

Я часто носила щебень с узником Сеней Блатовым, он потом на суде подтвердил мое пребывание в этом концлагере.

Перед Новым годом, 29 декабря 1942 г., мне удалось бежать из концлагеря, а через пять дней всех узников вывезли за город и расстреляли. Я всю ночь добиралась до своего села. От соседей узнала, что мои родители после моего ареста бежали в глухое село Радковица Городокского района.

Сразу после Нового года местный полицейский Ферлей узнал, что в Радковицу удрала жидовка. О моей маме никто не знал, что она еврейка, и не знали, что я ее дочь.

С тех пор я постоянно пряталась у хороших людей: Притулы А., Сельской Д., Суворовой А., Главацкой Ю., Цвях Ю. и других. У этих добрых людей я знала все подвалы, чердаки, сараи. Оставшиеся в живых Главацкая и Цвях в присутствии участкового милиционера Кравца В. В. дали письменные подтверждения, что я у них пряталась от фашистов с января 1943 г. по апрель 1944 г. – до прихода советских войск.

В 1946 г. я окончила среднюю школу, а в 1952 г. – Винницкий государственный медицинский институт. Работала врачом-терапевтом с 1952 по 2002 гг. Сейчас – пенсионерка.

БЕРШАДСКОЕ ГЕТТО

БЕЙГЕЛЬМАН Александр (1934 г.)

Я родился в 1934 году в большом еврейском местечке Бершадь в Винницкой области. До войны в Бершади жили около 12 тысяч евреев. Было три больших синагоги, из которых одна двухэтажная, построенная более 250 лет тому назад, сохранилась и по сегодняшний день, правда, стоит она в аварийном состоянии, и почти некому в ней молиться. Сейчас в Бершади остались всего три еврейские семьи.

Такого уникального еврейского местечка, как Бершадь, наверное, уже больше нигде не будет. О Бершади, о еврейской культуре этого местечка, о традициях будет издана книга. Ее написал наш земляк – директор колледжа из Москвы Матвей Гейзер. Все, что уничтожено и исчезло, запечатлел он в слове.

Я, хотя и был ребенком в страшные дни фашистского нашествия, многое помню отчетливо. Мне было семь лет, я должен был пойти в школу. Но не дано этому было сбыться. Смертельная опасность нависла над нами.

Вот как все началось... Мой отец работал в колхозе и ему выделили подводу и двух лошадей. Родители быстро собрали все, что могли, посадили меня с моим младшим братом Залманом на подводу, и мы тронулись в путь. Доехали до моста через реку Дохна, это приток Южного Буга, и пришлось разворачивать обратно. Мост через реку ночью был взорван. Позади мы слышали выстрелы, небо багровело от пожаров. Это немцы входили в наше местечко.

Было это 29 июля 1941 года. Дождались темноты и поехали мы на своей подводе к старым знакомым отца Янчукам в село Бырловка. Они нас приняли очень хорошо, лошадей распрягли, отпустили пастись в поле, телегу поставили в огороде, а нас спрятали в подполье – в погреб, вход в него был из кухни и закрывался крышкой.

Немцы стремительно наступали, и первое время им было не до евреев, многим евреям удалось надежно спрятаться. Но все равно, слухи о расстрелах и издевательствах уже доходили до нас.

А через полторы недели Бершадь заняли румынские части. Они нагнали в Бершадь много евреев из Румынии, Польши... Эти евреи рассказывали, что им удалось договориться с румынами о создании еврейской общины и общего гетто в Бершади. Таким образом, почти все наше местечко превратилось в большое гетто. Когда в гетто наладилась более или менее какая-то жизнь, родители мои решили перебраться в свой дом, чтобы не подвергать опасности наших спасителей Янчуков – дядю Ваню и тетю Марию и их детей Васю и Таню. Кстати, я и мой брат, проживающий теперь в Риге, поддерживаем с ними дружбу по сей день.

Так вот, когда сгоняли евреев в гетто из окрестных сел, мы тоже влились в этот поток. В гетто мы вошли в свой дом, но он был уже занят беженцами из Румынии. Было их несколько семей. Мы стали жить вместе. Благодаря им, и нашей семье было полегче. Во-первых, они могли разговаривать с румынами, во-вторых, они были из богатых. Особенно хорошо относилась к нам одна из семей – муж и жена, фамилию их не помню, но помню, что его звали Бенчик, а жену – Роза. Детей у них не было, и они ко мне и брату относились, как к родным детям.

Однажды подъехали к дому румыны, взяли меня и посадили в коляску мотоцикла. Дядя Бенчик бросился их упрашивать, чтобы не забирали меня. Но не смог ничего сделать. Я весь дрожал и плакал, родители тоже плакали, а румын, сидевший за рулем, засмеялся и сказал, что хочет накормить меня. Я от страха ничего не соображал. А папа с мамой вообще посчитали, что больше меня не увидят. Но со мной ничего не случилось. Румыны завезли меня в расположение своей части, накормили, положили в коляску мотоцикла мешок муки, соль и другие продукты, посадили сверху меня и привезли домой. Все очень обрадовались, увидев меня живого и невредимого. Румын, который меня привез, отдал продукты нашим и объяснил дяде Бенчику, что у него дома остался такой же мальчик, как и я. Это, пожалуй, единственное мое светлое воспоминание.

Гетто есть гетто. Начали гонять взрослых на разные работы. Паек выдавался скудный. Люди умирали от голода и болезней. Помню, каждый день ездил телега и собирали трупы. Страшно было смотреть, как умершие люди навалом лежали на этой телеге. Нас выручало то, что иногда приходили к забору, ограждавшему гетто, дядя Вася Янчук со своим отцом и перебрасыва-

ли нам продукты. И другие люди из близлежащих сел приносили картошку, свеклу – перекидывали через забор. Шли они на риск, но не оставляли без пищи своих знакомых.

С каждым днем все более усиливались притеснения. Особенно свирепствовали полицаи, набранные из местных жителей. Когда партизаны совершали боевую операцию, отыгрывались на евреях. Расстреливали, вешали на телеграфных столбах. Зимой трупы не снимали с этих виселиц по две недели, чтобы навести страх на оставшихся в живых. По любому поводу брали евреев в заложники, отбирали драгоценности, вещи...

Особенно начали зверствовать, когда наступил перелом в войне. Помню, недалеко от нашей улицы согнали более сотни евреев, в основном молодых, заставили их рыть ров. Потом расстреляли, а стариков принудили зарывать ров. Три дня земля шевелилась на том месте.

Спасло нас лишь то, что войска наши быстро наступали. 14 марта 1944 года Бершадь освободили. И все же именно в марте до прихода наших войск фашисты за считанные дни расстреляли тысячи евреев нашего местечка. И теперь, когда приходишь на кладбище и видишь на могилах даты рождения и смерти, слезы наворачиваются на глаза. Какими молодыми были наши родные и близкие, павшие от рук фашистских извергов...

После войны тоже пришлось многое вытерпеть. Жили в холоде и в голоде. Отец ушел с Красной Армией добивать врага. Мы переживали за него. Другие, которые ушли на фронт, как и наш отец, передавали письма, записки, а он – неграмотный, не мог ничего написать. Ну, а когда он вернулся домой, конечно, стало нам легче. Я закончил школу, пошел в армию, поступил в танковое училище, закончил службу в Калининграде, стала эта земля моей второй родиной. И все же душа моя там, в Бершади...

Кровоточащая память Холокоста.

http://www.palmnicken.ru/mediacorner/108_16.html

«МЕНЯ И ЕЩЕ 13 ЧЕЛОВЕК ПОСТАВИЛИ НАД ЯМОЙ И СТАЛИ СТРЕЛЯТЬ...»

БЕКЕРМАН Бетя

Родилась я в 1924 году в селе Малая Богачевка Кривоозерского района Одесской области (теперь Николаевской).

Там был еврейский колхоз «Пятилетка», где мои родители работали всю жизнь. И вот настало незабываемое 22 июня 1941 года...

10 октября наше местечко было захвачено оккупантами. Собрали всех евреев, которые не успели убежать. Меня и еще 13 человек поставили над ямой и стали стрелять. Там была одна женщина с ребенком на руках, ее заставили бросить ребенка живым в яму, а когда она отказалась, застрелили ребенка у нее на руках, а потом ее. Это все проделал бывший комсорг Кохановский Мытько и еще Оргун Михаил. Когда дошла моя очередь, местный немец Арент, староста, стал совещаться с полицаями, что меня надо оставить временно, как он выразился, чтоб я помогла вести колхозную документацию, потому что все были уничтожены, и так я осталась в живых. Маму с двумя детьми – мальчику три года, а девочке восемь месяцев – угнали куда-то. Видимо, они погибли, и мы их больше не видели.

Младшей сестре удалось скрыться где-то в другой деревне. На второй день сестра узнала, что произошло, она меня нашла у полицая дома. Он ей сначала сказал, что он меня давно убил, а потом сказал, что я нахожусь у него в сарае. Мы встретились и ночью вдвоем сбежали искать своих родных, чтобы погибнуть с ними вместе. Нас поймали и отправили с другой партией в районный центр Кривое Озеро¹, где мы долго таскали камни, расчищали места после бомбежки.

Потом нас отправили в Доманевку². Когда гнали этапом, я и еще пять человек отстали от этапа, полицаи хотели догнать и стали стрелять в нас. Убили 5 человек. И я встала и жду своей очереди, и вдруг слышу пьяную брань полицая: «А ты, падла, чего ждешь?» А я ждала, чтобы быстрее убили, чтоб не издевались. И они говорят: «Сидай с нами на сани!» И я села с ними,

не понимая, что происходит. А сестра, как увидела меня вместе с полицаями, не верила своим глазам, что я жива.

И вот мы ночью оказались в Доманевке. Загнали нас в разбитое после бомбежки здание. Позже объявили, что в 6 часов будет погром, будут палить и убивать. Сестра мне говорит: «Давай попросимся вместе, может, нам удастся уйти, где-то скрыться». Мы подошли к полицая и говорим: «Дайте нам выйти, воды напиться перед смертью», – и он нас выпустил. У меня была высокая температура и страшно мучила жажда, я села на снег, без конца ела снег, а сестра меня все просила встать и уйти, а я не могла держаться на ногах. И не успели мы уйти подальше, как нас поймали.

Когда расстреливали из пулемета, все дрожало, люди падали в яму, нас толкнули, и мы упали между убитыми. Ночью, когда все стихло, мы выбрались из ямы в крови и стали искать убежище.

Попали в деревню, прошли всю, и никто не пустил нас, только натравливали на нас собак. Остался последний дом, решили еще попытать счастья, иначе замерзнем на улице. И мы только открыли дверь и увидели: в кухне в углу стоит винтовка. Мы посмотрели друг на друга и расплакались, что смерть преследует нас. А хозяин дома посмотрел на нас и говорит: «В слезах не биться, девчата, винтовка сама не стреляет». Оказалось, что он был партизаном и специально стал полицаем. Хозяева сняли с нас замерзшую и в крови одежду, помыли и накормили, и мы у них прожили четыре дня в погребе. Они не могли больше нас держать, чтобы не было подозрения.

Ночью хозяин отправил нас к своей сестре, она жила одна. Уходила на работу и закрывала нас на замок. Через два дня она сказала, что будет облава, чтобы мы ушли. И мы опять попали в руки полицаяев, и нас отправили в Семихатки³ в гетто.

Каждое утро выстраивали людей на работу, больных и слабых отставляли в сторону – на расстрел. Я сильно заболела, у меня образовался нарыв на боку, стоять не могла. Администратор (Фрижой его фамилия) это заметил и сказал переводчику, чтобы он узнал, в чем дело, и я показала свой нарыв, и вдруг случилось чудо. Администратор – зверь, убийца – взялся меня лечить. Сказал переводчику, как составить мазь, и потом даже отправил меня в Доманевку в больницу.

Мне, видно, суждено было остаться в живых, и Бог каждый раз отводил от меня опасность. И так мы жили в Семихатках до прихода наших войск. Осталось 120 человек. Командир удивлялся, как мы уцелели. Только молодость помогла нам выжить, и еще благодаря старосте Григоренко, который при отступлении велел нам разбежаться, кто куда, чтобы нас не уничтожили. А также хорошим людям, которые, рискуя жизнью, нас укрывали при каждом очередном побеге, кормили нас. Это семья Ткачука М., зять его Пшечный Максим и семья Оргуны Абрама. Никогда не забуду трехлетнего кошмара, скитаний, голода, холода, в результате чего стала инвалидом.

Теперь прошу Бога, чтобы никогда и нигде это не повторилось.

«Я БЛАГОДАРНА ВСЕМ, КТО ПОМОГ НАМ ВЫЖИТЬ...»

БЕЛИК Татьяна (1939 г.)

Я, Белик Татьяна Моисеевна (в девичестве Гершова), родилась 19 апреля 1939 г. в городе Николаев Николаевской области. Когда началась Великая Отечественная война, мне было два года.

Отец мой, Гершов Моисей Давыдович, еврей. Его семья, кроме трех мужчин – моего деда, отца и брата отца, которые ушли на фронт, – эвакуировалась, а это моя бабушка, две ее дочери, маленький сын и внучка. Они добрались до Краснодарского края, там их догнали нацисты, и все они были уничтожены газом. Их посадили в машины и пустили газ. Эти подробности рассказал мой дед. Его после войны пригласили на судебный процесс над предателями в Краснодарском крае, и там он узнал, как погибла его семья.

А семья моей мамы Галины Александровны осталась в Николаеве¹ и попала в оккупацию. Из рассказов моей мамы я узнавала о превратностях моей детской судьбы. После прихода фашистов в Николаев началось повальное уничтожение еврейского населения. И, естественно, были «доброжелатели», сообщившие о том, что мой отец еврей. Мама говорила, что чудом узнала об этом до прихода за мной фашистов.

И началась наша с ней жизнь на чердаках и в подвалах, в развалинах разрушенных домов в холоде и голоде, кто покормит, кто даст что-нибудь одеться. Ведь родные тоже не могли к нам приблизиться, так как за ними могли следить, а порой они и вообще не знали, где мы находимся. Вот в таких страшных условиях прошли три года моего детства. Выжили мы с мамой чудом. Мамочка моя спасла меня. Были люди, которые очень помогли нам и даже прятали нас, не боялись. Я не знаю их имен, но эти люди совершали подвиг. Это все я помнить не могла.

Мои воспоминания о войне начались 28 марта 1944 г., когда освободили Николаев от фашистов. Я эту ночь помню, как будто это было сейчас. Я помню даже, в чем была одета и где

сидела. С этого дня началась моя жизнь. Со своим отцом (из-за войны) я познакомилась только в 1945 году, мне было уже 6 лет. Его призвали служить еще до моего рождения. Вот так прошло мое детство. Я благодарна всем, кто помог нам выжить. Низкий им поклон.

Сейчас мне 71 год, у меня муж, два сына, пятеро внуков и одна правнучка. На производстве я проработала 41 год. Сейчас на пенсии.

Дай Бог, чтобы ужасы той войны больше никогда не повторились.

«МИ ХОТІЛИ ЖИТИ...»

БЕЛЬЦЕР Яків (1938 р.)

Я, Бельцер Яків Давидович, народився 15 січня 1938 року в місті Дерачин Кам'янець-Подільської області (теперішня Хмельницька) в сім'ї євреїв.

Мій батько, Бельцер Давид Рувінович, 1904 року народження, помер 1970 р. Моя мати, Голевас Рива Нухимівна, 1914 року народження померла 1967 р.

З початку Великої Вітчизняної війни і в перші місяці німецької окупації проживав з батьками в Дерачині¹.

Коли почали в Дерачині забирати єврейські сім'ї в гетто, почалося знущання, і пішли розмови про розстріли євреїв. Мої батьки вирішили тікати. Ми хотіли жити, а мені було тоді три роки. Ми втекли пізно ввечері, йшли лісами подалі від доріг та від німців і поліцаїв.

Через пару ночей ми добралися до села Гришки Дерезанського району, де нас прийняла і перехувала сім'я Ружицького. Ми пройшли цю дорогу тільки вночі. Мене батьки несли на плечах. Мій батько і батько Ружицьких були добрі знайомі. Він уже провів нас через німецькі пости до станції Жмеринка. Проте нас тут упіймали і загнали в гетто, яке знаходилося в місті Жмеринка². Там ми перебували і зазнали знущань в період 1941–1944 років.

В одному з нами бараку проживала громадянка Директор-Епельфельд Софія Зейліківна, яка до війни проживала в місті Дерачин.

Після визволення Жмеринки Червоною Армією ми повернулися в Дерачин і дізналися, що всіх євреїв було розстріляно, майно було розграбовано, а хата зазнала руйнування.

Все це мені розказали мої батьки.

«ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛИ ХОЛОКОСТА»

БЕРМАН Михаил (1933 г.)

Люди моего поколения (начало 30-х годов XX века), которым посчастливилось выжить в годы фашистской оккупации, на мой взгляд, являются последними свидетелями Холокоста, которые сумели сохранить в своей памяти все ужасы гетто и концлагерей в годы войны.

В 1941 году, когда началась война, мне было 8 лет. Родился и жил я в городе Могилев-Подольский¹, который находится на берегу Днестра, на границе с Молдавией.

До войны город считался приграничным и входил в зону бывшего юго-западного укрепрайона страны.

Почти с первого дня войны город неоднократно бомбили, а уже 18 июля после неоднократных атак немцы захватили город. Начались еврейские погромы, грабежи.

Немногим евреям удалось эвакуироваться. В городе Могилев-Подольский до войны проживало более 8 тысяч евреев. На третий день оккупации всем оставшимся евреям в приказном порядке велели носить на рукаве повязки с желтой звездой Давида.

Через недели две стали сгонять всех евреев в отведенное в городе место, обнесенное колючей проволокой, в так называемое еврейское гетто. Каждый день полицаи, немцы, румыны гнали людей на восстановление взорванного железнодорожного моста, на строительство нового моста для автотранспорта через реку Днестр и на другие работы.

От непосильного труда, зверского обращения, избиений, голода и разразившейся эпидемии тифа гибли сотни людей.

В начале мая 1942 года более трех тысяч евреев, в том числе нашу семью и многих близких родственников, отправили в концентрационный лагерь в село Печора² на Южном Буге, под Винницей.

События тех дней мне запомнились до мелочей. Перед тем как отправить в лагерь нас под конвоем погнали в соседнее село Серебряя. Под насыпью железной дороги вблизи табачной фа-

брики людей усадили на землю, женщин по одну сторону, мужчин по другую.

Под угрозой смерти начальник румынской жандармерии Барбулеску велел добровольно сдать ценные вещи: золотые кольца, серьги, браслеты, часы, деньги. Но всего, что собрали, ему, как видно, показалось мало. Вскоре на людей набросились полицаи и румыны. Избивая палками, они начали грабить всех подряд, забирая все, что им пришлось по вкусу.

Под вечер подогнали состав, и всех нас стали загонять в товарные вагоны, как скот, по 50 и более человек в каждый вагон. Всю дорогу пришлось стоять, люди задыхались от тесноты.

На следующий день нас высадили на станции Рахны. Уже при выгрузке были десятки жертв среди людей пожилого возраста, которых, на глазах у всех, уложили на подогнанные телеги и увезли, сопровождаемых криком и плачем родных и близких.

Нас конвоем погнали через Шпикив в Печору километров за двадцать. Всю дорогу нас сопровождала группа местных полицаяв, которые зверски избивали тех, кто отставал в пути, и грабили, стягивая с людей рюкзаки с вещами и продуктами.

Под вечер нас привели в лагерь Печора. В лагере уже находились люди из близлежащих городов и местечек: Тульчина, Бершади, Шпикова, Тростянца, Теплика и других мест. Страшно было смотреть на этих людей – исхудавшие, опухшие, многие походили на ходячие скелеты, обтянутые кожей. Мужчины и женщины были пострижены, и волосы у многих торчали, как иглы у ежа.

Кто пришел, а кто приполз, чтобы посмотреть на нас, вновь прибывших.

Некоторые из них поговаривали: «Вот побудете здесь столько, сколько мы, и вы такими станете».

А находились они до нашего прихода всего 5–6 месяцев.

Мне кажется, что не случайно немцы-румыны выбрали это место под концентрационный лагерь. Лагерь разместили в бывшем имении польского графа Потоцкого, где до войны находился костный санаторий. Это был живописный, весь покрытый хвойными деревьями участок, обнесенный с трех сторон каменным забором с красивыми входными воротами, круто спускающийся к порожистой части Южного Буга. Кроме двухэтажного

здания главного корпуса, был еще ряд строений, в том числе длинные полунавесы, служившие убежищем для многих людей.

От недоедания у людей очень быстро опухали ноги, затем люди начинали худеть, теряли сознание и умирали.

На каждом шагу в помещениях, на открытых площадках, вблизи деревьев валялись трупы людей, которые по утрам подбирали и укладывали штабелями на подводы, а затем сбрасывали их в заготовленные ямы, рвы.

Очень много смертей мне пришлось видеть в свои детские годы.

Часто в лагерь наезжали немцы на машинах, отбирали молодых, еще физически сильных людей и увозили их якобы на работу. Вскоре их расстреливали под Вороновицей, что в 40 км от Печоры. Были случаи, когда матери, желая спасти своих взрослых детей от голодной смерти, заставляли их ехать к немцам на работу, не зная, какая участь их ждет.

В лагере очень сильно свирепствовали украинские полицаи, которые в основном охраняли лагерь и издевались над людьми, как только могли. Часто, забавляясь, они стреляли в людей, как в живые мишени.

Особенно отличался своей жестокостью среди полицаев некий Сметанский. Люди боялись его, старались не попадаться ему на глаза. Свою жертву он подкарауливал, а затем добивал особой плеткой, начиненной свинцом.

Мне на всю жизнь запомнился эпизод, который произошел со мной в лагере. Я с тремя ребятами, как и многие не знающие страха мальчишки, в жаркую погоду днем спустились к Бугу. Бегали вдоль берега, купались, взбирались на камни, загорали. Вдруг из-за кустов к нам направился полицай с плеткой в руках, невысокого роста, плотный с худощавым скуластым лицом и свирепыми глазами.

Ребята, узнав Сметанского, с криком быстро побежали наверх в лагерь. Я от страха, услышав слово «Сметанский», остался стоять на месте, как вкопанный. Он вначале попытался бежать за ними, затем круто повернулся и зашагал в мою сторону. Подойдя вплотную ко мне, он внимательно посмотрел на меня, затем рукой погладил меня по голове и с удивлением сказал по-

русски: «А ты что здесь делаешь? А ну марш домой и больше не попадайся мне здесь на глаза». И ушел. Я еще долго смотрел ему вслед. Затем, как бы очнувшись, я побежал в лагерь. Навстречу мне с криком и плачем бежала обезумевшая моя мать и многие мои родственники. Увидев меня, мать долго не могла успокоиться, не верила, что я живой и невредим.

Ребята, которым удалось убежать, побежали к матери моей и сказали, что меня схватил на берегу реки Сметанский, а один из них, видимо, от страха, сказал, что видел, как Сметанский схватил меня за голову, окунул в воду и держал до тех пор, пока я не захлебнулся.

Сметанский, по всей вероятности, принял меня, светловолосого, веснушчатого мальчишку, за русского, и это меня спасло от неминуемой смерти.

Не многим евреям удалось бежать из лагеря смерти.

Я до подробностей помню, как наша семья убежала из лагеря. Два раза мы попадали в засаду, и оба раза нас возвращали в лагерь, избивая палками до полусмерти. Мать долго после этого не могла ходить – сильно стали болеть ноги. Будучи в отчаянии, она стала меня уговаривать бежать из лагеря самому, чтобы спасти себя от неминуемой голодной смерти, как делали некоторые подростки.

В один из ненастных вечеров в начале ноября 1942 года, когда моросил холодный осенний дождь, а вся охрана, напившись, сидела в своем помещении и не высывалась на улицу, вся наша семья – я, мать, отец, который незадолго до начала войны перенес операцию и не был призван в армию, и сестра, которой было четыре года, – бежала из лагеря. Всю дорогу шли по направлению к Шпикову, прячась в кюветах от малейшего шороха. Под утро мы вдоль железной дороги добрались до лесной посадки, вблизи станции Рахны.

Весь день мы находились там, прячась от людей и прижимаясь друг к другу от холода. Вечером, преодолев открытое поле и пройдя более восьми километров, мы добрались в местечко Дробчик, где жили евреи в своем гетто.

Нас пустила к себе в дом одна женщина, накормила и согрела. Побыв у нее два дня, мы ночами добирались в Могилев-Подольский, днем прячась в зарослях от полицаев, румын и

даже от пастухов, которые зачастую выдавали полициям бежавших из лагерей евреев.

В Могилеве нас в свою квартиру не пустили румынские евреи, которые заняли ее, как только нас забрали в лагерь.

Взяла нас к себе украинская женщина Кильна Крутинова, с которой мать работала до войны, в небольшую комнату 11–12 кв. метров, где она жила с сыном, которому было года четыре. Эта комната находилась в доме на территории гетто. В этом доме жили и евреи, как местные, так и буковинские.

Кильна вначале прятала нас от ночных облав, которые устраивали полицаи, ища тех, кому удалось бежать из лагерей, чтобы вернуть их обратно в лагерь; а в начале 1943 года ей чудом удалось нас спасти от отправки в другой лагерь, который находился в Ананьеве Одесской области.

Имя этой украинской женщины, как и некоторых других женщин, помогавших евреям в годы войны, занесено в Книгу Праведников еврейской общины Могилева-Подольского.

В своих воспоминаниях о Холокосте в годы войны я больше всего обратил внимание на пребывание в лагере Печора, где погибли мои близкие и дальние родственники в количестве шестнадцати человек.

Немало трагедий пришлось пережить и после лагеря, находясь в Могилевском гетто. В начале декабря 1942 года в Мурованых Куриловцах зверски убили жену маминого брата с восьмимесячным ребенком, ее родителей и близких родственников в количестве восемнадцати человек.

Они были последние из евреев этого местечка, которым удалось спрятаться во время предыдущих еврейских погромов.

В июле 1943 года на глазах у многих людей убили моего деда, маминого отца, и еще 15 человек во время очередной облавы.

Эти массовые убийства евреев часто осуществлялись румынами в годы оккупации.

Приходится удивляться и в то же время возмущаться, когда при оформлении документов узников на получение германской компенсации о лагере «Печора» велят не упоминать, так как существование этого лагеря Германия официально не признает.

А ведь лагерь был и существовал вплоть до прихода Красной Армии. По приблизительным подсчетам, в лагере погибло более 20 тысяч евреев.

В этом лагере была и моя жена Соня Геллер, которая тоже сумела со своей матерью чудом бежать из лагеря, оставив там многих своих близких родственников на погибель.

В 1994 году в Печоре, на месте массового захоронения евреев, за счет пожертвований, которые оказали общественные организации Израиля, США, Канады, был установлен памятник погибшим.

И сейчас, когда прошло много лет после Победы, еще с ужасом вспоминаешь те страшные дни, пережитые в годы оккупации.

Я прошу Бога, чтобы больше не повторилось такой человеческой трагедии. Чтобы детям, внукам и правнукам нашим не пришлось пережить то, что пришлось пережить людям моего и старшего поколений в годы войны.

«НЕКОТОРЫЕ ВЫЖИЛИ»

БЕССАРАБСКИЙ Семен (1929 г.)

Я, Бессарабский Семен, родился в 1929 году в местечке Песчанка Винницкой области.

В 1935 г. наша семья (отец, мать, старший брат и я) переехали в село Дмитрашковка Песчанского района Винницкой области. Отец работал в совхозе столяром, а мать – в колхозе. Когда в 1941 г. началась война, отца, Бессарабского Мордхе, 1898 года рождения, призвали в армию, он погиб в 1943 г.

В селе проживали четыре еврейские семьи, и никто не эвакуировался, не понимая, что нас ждет, и мы в том числе: мама – Бессарабская Гитля, 1900 года рождения, брат Григорий, 1925 года рождения, и я.

Когда наш район оккупировали сначала немецкие, потом румынские войска, я в сентябре еще пошел в школу. Но на уроке Закона Божьего, который проводил священник, он передал матери записку, чтоб я в школу больше не ходил, и на этом наши с братом занятия закончились.

Вскоре стали доходить слухи, что евреев собирают и куда-то увозят. Мама пошла в местечко Песчанка, где до того жило много евреев, но их там уже не было, а дома были разграблены.

Мать, вернувшись, стала готовить нас к предстоящим неизвестным переменам. Староста села был хорошим знакомым моего отца, так как неоднократно пользовался услугами отца как столяра. Вскоре староста предупредил маму, что через два дня нас будут отправлять в специальный лагерь, где мы будем жить.

И через два дня на каждую семью, а их в селе было четыре, выделили по телеге с лошадьми, для переезда на другое «место жительства», как нам говорили. Мы к этому готовились и собрали все необходимое.

Поскольку мы жили в селе, у нас было хозяйство: корова, две свиньи и много кур. Староста говорил, что это временно и надо продержаться. Корову мать отдала одной соседке, одну свинью зарезали и разделили соседям, другую, поменьше, оставили другому соседу – хорошему другу нашей семьи (он стал полицаем).

Когда нам был подан транспорт, мы все погрузили и нас вначале повезли в район в сопровождении двух полицаев. Там добавили еще две семьи и отвезли в Котовск¹. Как я потом понял, это была большая овощная база на окраине станции Котовск, в 80 км от нас. Она была огорожена двумя рядами колючей проволоки и усилена охраной. Все подземные ангары были уже забиты людьми. Для нас места не оказалось, и мы поселились в кузове грузовой машины под навесом.

Ознакомившись с местностью, мы поняли, что это лагерь, где людей не кормят, не поят, а только вывозят мертвых, видимо, в лес через дорогу. Мама оценила обстановку и стала искать выход. На территорию лагеря пускали местных украинских жителей для обмена продуктов на вещи. Евреи отдавали все, что у них было.

Благодаря тому, что мы жили в селе и выглядели соответственно, солдаты не могли нас отличить от сельских жителей. Мать навязала нам по узелку каждому и через три дня приняла решение: надо уходить. Первым пошел брат, затем, чуть погодя, я, мать стояла, наблюдала и потом пошла за нами. Так мы долго шли, изредка оглядываясь друг на друга, чтоб не привлечь внимания рядом идущих селян. Потом, свернув на какую-то тропинку, обнявшись с нами, мама забилась в истерике. Отдышавшись, мы пошли вместе.

Мама придумала легенду, что мы были на окраине Одессы у деда, дом разбомбили, мы остались без денег и документов, а теперь идем домой. Так мы шли от села к селу и просились ночевать, и нам, слава Богу, везло. Некоторые нас оставляли отдохнуть на пару дней, а мы им помогали по хозяйству.

Так мы, не торопясь, вернулись домой, где нам стали возвращать наше хозяйство. Так мы прожили больше месяца.

Потом все повторилось, но нас уже отправили этапом, а по дороге пополнялись наши ряды. Нас поселили возле станции Борщи² Одесской железной дороги в большой колхозный свинарник. Он был далеко от села, в поле, и нас разместили в клетках для свиней. Условия те же, что и в Котовском лагере. Люди так же умирали, и их хоронили в общей могиле, которую заранее выкопали.

Охрану лагеря несли полицаи, которые устраивали бесконечные пьянки, приглашая туда молодых женщин и девушек.

Люди постарше прорыли подкоп под загорожей, и ночью, при очередной пьянке охранников, мы бежали.

По старому сценарию, мы опять стали добираться домой. По ходу мы остановились в селе Писаревка у очень хорошей душевной женщины, которая нам предложила жить у нее. К большому сожалению, ни ее фамилии, ни фамилии старосты, ни других людей, которые нам помогали, я не помню. Она предложила устроиться на сахарный завод, где нужны были разные рабочие. Но для того, чтобы нас туда взяли, надо было зарегистрироваться в районной администрации и пройти комиссию, а мы этого сделать не могли.

Через короткое время мы продолжили дорогу домой. Дом наш никто не занимал, за этим следили соседи. Естественно, дома было лучше, чем везде.

Но примерно через месяц староста встретил маму и сказал, что если раньше в районной жандармерии говорили конкретно, где, сколько евреев вернулось и куда их отправлять, то сейчас их перевозить никуда не надо, а велено кончать на месте. И дал на сборы один день, сказав, что в таких-то местах живут евреи – «постарайтесь к ним добраться и, что будет с ними, то будет и с вами».

Мы стали снова собираться. Мама обратилась к соседу, у которого была наша свинья, просила зарезать и дать нам нашу долю. Он долго сопротивлялся и, наконец, согласился. Как вы помните, это сосед-полицай, но «свою любовь к нам» он при нас не показывал. Мама усиленно готовилась, ночи, естественно, не хватило, а уходить надо. И мы ушли к другой соседке (фамилии которой, к большому сожалению, я тоже не помню), и она нас спрятала у себя в погребе. Утром староста поручил полицая, нашему соседу, выполнить страшную миссию. Не застав нас, он пришел в бешенство, стал бегать по селу, расспрашивая, кто нас видел, приговаривая: «Я бы ее с ее щенками прикончил на месте!» Состояние соседки, которая нас прятала, можно понять.

Через два дня она нас переправила к своей дочери, которая жила в поселке в 4 км от нас. Там мама нас оставила, а сама пошла искать место, которое указал староста.

Это продлилось больше двух недель, пока мама нашла это местечко, где ей удалось договориться. Это было местечко Мяс-

ковка, ныне Городковка³ Крыжопольского района Винницкой области. Вернулась за нами, и мы не без приключений добрались до места.

Какая была жизнь в гетто, вы уже знаете из других писем. Из гетто брата забрали на работу в каменоломню в Трихатки, откуда ему удалось вернуться полуживым. После освобождения нашей территории в 1944 г. брата (он был 1925 года рождения) забрали на фронт, где он и погиб в апреле 1945 г.

Когда закончилась война, был суд над старостой, мама была свидетелем, но ее показания во внимание не приняли.

В 1944 г. я поступил в ремесленное училище села Заболотное Винницкой области. Окончив его, был направлен на работу в Киев на завод им. Артема.

У меня не было никаких документов, кроме аттестата об окончании ремесленного училища. Надо было восстановить документы. В городском паспортном столе мне велели написать автобиографию. Я написал все подробно, указав, что был в оккупации. Женщина – старший лейтенант, которая принимала документы, прочитав, велела переписать и «написать всю правду», и так повторилось три раза. Я отказался переписывать. Она повела меня в другой кабинет, к начальнику, чтобы он прочел, приговаривая: «Он утверждает, что пишет правду». Он прочел и объяснил ей, что некоторые выжили.

Мне казалось, что к евреям, пережившим оккупацию, будет другое отношение. И в 1952 г. меня все-таки сократили с завода им. Артема за то, что я был в оккупации. Вскоре меня вернули, и, проработав 57 лет в должности начальника участка, с неплохой репутацией я ушел на пенсию.

Несмотря на то, что я не помню имен людей, которые приняли такое участие в нашем спасении, я никогда не забуду их светлый образ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИСЬМА

БИЛЫК Леонид

Местечко Грицев¹ Хмельницкой области было оккупировано немецкой армией 4 июля 1941 г. Первый массовый расстрел евреев Грицевского гетто был ровно через месяц после прихода немцев – 4 августа 1941 г. Всех евреев собрали в местной школе и развели по классам. Затем людей выводили, а на выходе стояли, помню, два немца и командовали, кому направо, кому налево – домой. До этого всем евреям в возрасте от 16 до 50 лет велели взять с собой лопаты (для ремонта дороги) и отвели в лес, где приказали вырыть ров. Всех, отобранных, в том числе и мою маму Марию Лазаревну, в тот же день расстреляли в этом лесу.

Те, кого не увели на расстрел (дети и старики) остались пока в гетто. Выжили и те мужчины, которые спрятались, будучи уверенными, что женщин с детьми каратели не тронут. В этом, первом расстреле, были убиты наши родные: брат и сестра моего отца, Мотя с женой и Роза вместе с мужем (о них речь идет в письме). Их дети остались в гетто круглыми сиротами. Оставшийся в живых мой отец Исаак Моисеевич прилагал неимоверные усилия, чтобы как-то накормить восьмерых детей-сирот.

Однажды, в конце 1941 г., в Грицеве отец встретил своего знакомого, который жил недалеко от города Староконстантинов. Этот человек сказал ему: «Твоя жена, Маня, спаслась, жива и находится в Староконстантиновском гетто, я сам ее видел». Это придало силы отцу, вселило надежду. Отец ночью пошел в ближайшее село, в котором жила его бывшая ученица, написал письмо своим двоюродным сестрам Хае, Розе и Гиле, которые находились в Староконстантиновском гетто. Отец попросил передать письмо в Староконстантиновское гетто, где, как он надеялся, находится его жена. Девушка вместе со своим отцом собрали еду и самым добросовестным образом исполнили просьбу. Сестры ответили на письмо отца. Вот фотокопия этого письма, написанного 16-го января 1942 года из Староконстантиновского гетто и переданного отцу в Грицевском:

Дорогий Ісаак!

Твою метівку ми попустили.
Вона нам завдала ще більше
горя і плачу. А пишу, а в мене
руки дронять, як у старої
людини. Ти пишеш чи нещасно
в нас твоєї **Мані**. Де ти
буває? Ой горько! Як би
Манічка була в нас, то хіба
ми повтапи б до цього плачу?
Ми зночі преврашав б до тебе
ніжки що б тебе сподієлися.
Це була б радість не тільки
для нас, а для всіх наших
нещасних бездержавних людей. В
нас паліла б маленька,
маленька радія. Ні, дорогий брат!
Померла, кавіки померла радія!
Наших забраних людей з Костян-
тиново і в тому числі нашу

різну нашу новину і всі вони
летять під Гостоминівським
лісом. Ми скритими шляхом
внес два рази ходили на вели-
чезні страшні могили.

Страшне нещастя! Нещастя,
якого ще історія не знала!
І знаходяться гадки які сиплять
сінь на нашу рани. Ніхто нас
тепер не підняв. Навіть ті, яких
ми вважали колись друзями не
змуцаються над нами. Нам
не треба їсти, нам не треба
пити, бо і не будемо пити,
ми кожені хвилини опідаємо
смерті. Да, смерті, ... такої
самой смерті, якою внас за
коротесенький час померли сотні
тисяч, а монє і мільони таких
невеликих і беззащитних як і і ми.

Але не ну хвищину яку ми певемо
хочеться їсти, то що не ми будемо їсти?

В цьому ми можемо заварити
півкашу кашмильову сусідіві Бутовцевському
похороші Гваномікові Лазорові.

Нам нас перегадали в гето, то
Лазар і його Варочка „Сильно не-
любим нас“, передо нами нам все
наше добро перекасти до них, бо
кімці його заберуть. Ми так і зробили
і з собою нічого не взяли в гето,
але не коли ми через кілька
днів пішли до них щоб взяти
речі для обміну на хліб то вони
вже нас не впізнали, впізнали
нас з хати і хотіли бігти
за кімцями, щоб нас пучи нас
і побити. Так хотів би мабуть
козницячий над тобою той мешканець
що пучив пучку про Маню.

Не вір менер нікому! Я не знаю,
як ним міг менер знайти таких
друзів як ці люди що нарочно
привезли нам записку від тебе.
Дякувалим їм вони нам і бухажку
хліба і кусок сала дали. Більше
нічого я не маю. Встаємо
нещасні сироти в опендржкі
страшної, страшної смерті, бо
намеря нависли намеря надія!
Ізлучили тебе і твоїх дітей урешті.
Твої сестри Більш Тим, Роза і Гіля.
Привіт твоїм і дрібним сиротам—
дітми наших незабутніх Розі і Меті.
Прощавай!!!

16-І-1942 р.

«...рідну маму побили і всі вони лежать під Констянтинівським лісом. Ми скритим шляхом два рази ходили на величезні страшні могили.

Страшне нещастя! Нещастя, якого ще історія не знала! І знаходяться гади, які сиплять сіль на наші рани. Ніхто нас тепер не пізнає. Навіть ті, яких ми вважали колись друзями теж знущають над нами. Нам не треба їсти, нам не треба жити, бо і не будемо жити, ми кожної хвилини очікуємо смерті. Да, смерті... такої самої смерті, якою вже за коротенький час померли сотні тисяч, а може і мільони таких невиних і беззахисних як і ми. Але ж ту хвилину, яку ми живемо, хочеться їсти, но що ж ти будеш їсти?

В цьому ми можемо завдячити твою колишньому сусідові Бутовецькому, шоферові Іваношукові Лазарові.

Коли нас перегоняли в гето, то Лазар і його Варочка, «сильно жалюючи нас», предложили нам все наше добро перенести до них, бо німці його заберуть. Ми так і зробили і з собою нічого не взяли в гето, але ж коли ми через кілька днів пішли до них, щоб взяти дещо для обміну на хліб, то вони вже нас не впізнали, вигнали нас з хати і хотіли бігти за німцями що б нас тут же і побили. Так хотів би мабуть познущатися над тобою той лисенький що пустив пушку про Маню.

Не вір тепер нікому! Я не знаю, як ти міг тепер найти таких друзів як ці люди що нарочно привезли нам записку від тебе.

Дякувати їм вони нам і буханку хліба і кусок сала дали. Більше писати я не можу. Остаємось нещасні сироти в очікуванні страшної, страшної смерті, бо померла навіки померла надія!

Цілуємо тебе і твоїх дітей крепко.

Твої сестри Білик Хая, Роза і Гіля. Привіт тьоті і дрібним сиротам – дітям наших незабутніх Розі і Моті.

Прощай!!!

16 – I – 1942 р.»

Нас, оставшихся еще в живых евреев Грицевского гетто, 24 апреля 1942 г. перегнали на освободившиеся места в Староконстантиновское гетто. Отец мне говорил, что его сестер там уже не было, они были убиты. Таким образом, это письмо было предсмертное. На месте расстрела евреи сами копали огромный ров, в продолжение предыдущего. Когда их вели туда, все уже

знали, куда их ведут. Такую жуткую картину трудно себе представить! (Я читал, что когда с прибывшего эшелона в Освенциме и Треблинке евреев вели в газовую камеру, они еще ничего не знали, что их ждет, ибо им говорили о санобработке.)

Староконстантиновское гетто прекратило свое существование 29 ноября 1942 г. До этого трагического дня друзья отца – партизаны, надевшие нарукавные немецкие повязки, – вечером подъехали к забору гетто (я с сестрой пролезли через проволоку и спрятались в повозке в соломе). Тайком меня и сестру ночью окольными дорогами привезли в дом лесника, на участке которого к тому времени, при активном участии моего отца Билька Исаака Моисеевича был организован небольшой партизанский отряд, в котором мой отец был политруком. (Впоследствии отряд вошел в партизанское соединение Медведева.)

Через несколько дней, опять ночью, меня вывезли километров за 30 от этой местности и «подбросили» в одном из сел, где нас наверняка никто не знал. Мне было 5 лет и 7 месяцев. Было это рано утром. Меня на полном ходу выбросили из повозки. Я упал, весь побился, разордал лицо. Подобрали дежурные конюхи (дело было рядом с колхозным хозяйством), расспросили, почистили. До этого я прошел «инструктаж», говорил на чистом украинском языке без акцента, глаза голубые, волосы прямые, русые. Пришел староста, собрались люди, обыскали. Я представился как Кошук Степан, а в кармане записка: «Хто спасе цю дьгтьну, буде Богом врятований». Староста учинил первый допрос и прочитал вслух записку. Спросил у людей, кто возьмет к себе сироту. Согласилась женщина, которую звали Катерина, она жила рядом в селе. У нее один сын был угнан в Германию, а другого война застала в Красной Армии (оба вернулись целыми и невредимыми).

По поручению старосты, один мужик повез меня в райцентр Антонины на допрос к немецкому коменданту. (Не дай Бог, жиденя!) Там этот комендант меня допрашивал с двумя переводчицами – раздевали, нюхали, спрашивали: «Где мать, где отец?» Отвечал: «Отец на фронте, мать меня бросила» (почему я это придумал, не знаю, видимо, получил такой «инструктаж»). Все-му поверили, предлагали детский дом, но я упорно настаивал, что хочу к бабе Катерине. Немец меня отпустил и дал письменное распоряжение старосте помогать приютившим продукта-

ми – картошкой, гречкой, зерном и медом. Люди, приютившие меня, никогда не догадывались, кто я на самом деле. Иначе я не прожил бы и одного дня. Главное, я уцелел.

После прихода Красной Армии и освобождения отец послал бывшую партизанку, которая участвовала в той операции с подкидыванием, разыскать меня. Через какое-то время приехал отец. Собралось все село. Кто принес яйца, кто молоко, кто сало. Меня нашли в поле – я повзрослел и уже пас корову. Отца я узнал, сел к нему и при всем народе спросил, можно ли сказать уже, что я еврей. Признаться, мне очень этого хотелось. Некоторые в селе меня дразнили жидом. Была немая сцена, как у Гоголя.

Из 5000 евреев Староконстантиновского гетто и 400 Грицевского живыми остались всего семеро: сестры Дрель Лида и Галя, их мать Дора и Тейтель Срулык, я и еще два человека..

Сейчас на месте гибели евреев Староконстантинова установлен скромный памятник.

<http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Bilyk.html>

«НАСТОЯЩИЕ АНТИНАЦИСТЫ...»

БИТТЕР Арон

Родился я в ортодоксальной еврейской семье. Воспитывался в религиозном духе. Мечтал поступить в высшую религиозную школу– ешиву, где готовили учителей религиозного культа. Однако желание моего отца Калмана бен Авраама отправить меня в ешиву не осуществилось из-за местного директора школы Михаила Найдана, который настаивал на продолжении моей учебы в Снятинской гимназии светского направления, которую я и окончил в 1938 г. Что же дальше?

Дальнейшее мое обучение в высшей школе наталкивалось на серьезные препятствия, которые воздвигали передо мной представители польского правительства Рыдза-Смиглого, способствовавшие распространению среди студентов шовинистических лозунгов, которые, в свою очередь, выливались в частые эксцессы против непольских элементов.

Но на помощь мне пришли украинцы. Мой знакомый по гимназии Иван Вакарлик, который учился в хлебопекарском лицее в Черновцах, предложил мне поступить в это учебное заведение, предназначенное только для украинцев, на основании специального решения Версальской конференции после Первой мировой войны. Как же быть? Я еврей! И мне очень помог бывший учитель Снятинской гимназии, священник греко-католической церкви по фамилии Проць. Он был учителем украинского языка, членом Центральной Рады Украинского национального товарищества «Родная школа», которое курировало Снятинскую гимназию. Именно этот человек и дал мне направление на учебу в лицей. Так я стал студентом-евреем в украинском лицее. Здесь я приобрел не только специальность, но и в совершенстве овладел украинским языком и украинской культурой.

Когда в 1942 г. мне пришлось спастись от геноцида под чужим именем, я смело мог рассчитывать на свою адаптацию в украинской среде.

С помощью поляка Владислава Корпака, однокурсника по техникуму, и польского немца Штауфера я устроился на рабо-

ту агрономом-практиком в бывшем совхозе в селе Райтаревичи Самборского района на Львовщине, где директором был Михаил Бортник – активный антифашист.

Когда мне необходимо было представить в бюро по трудоустройству справку об окончании сельхозтехникума, мне на помощь пришел исполняющий обязанности директора этого техникума Адольф Рачунь, который, рискуя жизнью, выдал мне документ на вымышленное имя Николая Василейка.

Работая под этим вымышленным именем, я часто встречался со своими спасителями. Это были настоящие антинацисты. К сожалению, в дальнейшем мне пришлось встретиться только с одним из моих спасителей – Иваном Вакариком, который до 1998 г. проживал в Канаде. Судьба двух других моих спасителей печальна. Михаил Найдан погиб в Харьковской тюрьме, священник Проць после ГУЛАГа умер во Львове в 1969 г. Владислав Корпан в процессе операции «Висла» выехал в Польшу. Следы Михаила Бортника и Штауфера остаются мне неизвестными. Многократные попытки разыскать этих настоящих людей были безрезультатными.

Честь им и слава!

«ДЯДЯ СЛАВА ИЗ ГОРОДА БАР...»

БЛЕХМАН Михаил (1929 г.)

Город Бар¹ Винницкой области, где я родился и жил, был оккупирован немецкими войсками уже в июле 1941 года. А примерно в августе в разных местах города были организованы четыре гетто. Каждое было огорожено забором из колючей проволоки. В гетто согнали около 5000 евреев, и вход в него круглые сутки охранялся немцами и полицией.

Сразу же после оккупации в городе были закрыты все магазины, и для обмена вещей на продукты один раз в месяц евреев под конвоем вели на базар.

Вскоре же был издан приказ, в котором предписывалось всем евреям носить на руке белую повязку со звездой Давида. Затем повязку сменили желтыми кругами с шестиконечной звездой, которые нужно было носить на правой стороне груди и левой стороне спины.

Моя семья жила в гетто. В этом гетто жили евреи, которых немцы использовали на разных работах. Я работал рабочим во дворе, где жили гебитскомиссар и начальник жандармерии со своими подчиненными. В мои обязанности входило носить воду на кухню, убирать конюшню, чистить лошадей, чистить немцам сапоги, пилить и колоть дрова. Мне было тогда 14 лет. Работать приходилось больше на улице, в морозы с ветром. Но мне иногда удавалось принести домой пару поленьев дров, спрятанных под пальто.

Однажды летом 1942 года рано утром полицейские стали выгонять евреев из домов и собирать их на площади бывшего рынка. Начальник СС приказал собравшимся складывать деньги и облигации в мешок, а драгоценности – на землю. Всех заставили раздеться до нижнего белья, а одежду сложить на столы. Полицейские проверяли содержимое карманов. В одних брюках нашли золотую монету. Владельца монеты начальник застрелил на месте. В тот же день всех евреев из гетто 2, 3 и 4 вывели за город и расстреляли.

Помню случай: был очень жаркий летний день 1942 года, я возвращался на работу. Вдруг увидел, что полицейские гонят

по шоссе толпу евреев-стариков и женщин. Измученные, они шли медленно, и каждый нес в руках по три кирпичика. Их гнали в город со станции Бар. Некоторые не выдерживали и падали. Упавших убивали. Один полицейский заметил меня и спросил, почему я не в колонне. Я представил ему справку. В бессильной злобе он больно ударил меня по голове.

Поздней осенью 1942 года был второй и последний расстрел оставшихся в городе евреев. Дошла очередь и до гетто I, где обитал я. Положение было безвыходное. Но судьбе было угодно, чтоб я выжил. Меня спас от смерти удивительно доброй души человек – дядя Слава (фамилию его не помню). Он работал на той же конюшне, где я убирал и чистил лошадей. Он возил на фаэтоне гебитскомиссара – многое видел и многое знал. За три дня до расстрела он возил немецкое начальство за город в сторону города Жмеринка для определения места расстрела евреев. Он и рассказал мне об этом, сообщив дату готовящейся расправы. А также сказал, чтоб я не ходил домой и ждал его вечером в конюшне.

Но я побежал домой, чтобы рассказать обо всем родителям и просить их где-нибудь спрятаться. Мы с мамой решили предупредить об этом старосту гетто Иосифа Крахмальника. Но тот не поверил известию о готовящейся экзекуции и сказал, что немцы, напротив, привезли муку и завтра будут ее раздавать евреям. Старосту умышленно ввели в заблуждение.

Я вернулся в конюшню, и дядя Слава спрятал меня на чердаке в сене. Дал мне хлеба, несколько яблок и велел никому не выходить.

Утром следующего дня евреев повели на расстрел по дороге, которая проходила рядом с тем местом, где я прятался. Среди них были мои родители и младший семилетний брат Яша. Я слышал плач и жуткие крики обреченных. Можете себе представить мое состояние.

Через три дня пришел мой спаситель и принес покусать. Он велел мне вечером прийти к нему, но в дом не заходить, а спрятаться в сарае. Перед рассветом он показал мне дорогу и научил, как незаметно пробраться на противоположный берег реки, где была территория румынских оккупационных войск. Там, в бывших военных казармах, жили еврейские беженцы из Бессарабии. Они меня накормили и приютили на ночь, а утром

я присоединился к группе евреев, которые шли на работу на станцию Бар. Оттуда я самостоятельно добрался до местечка Копайгород², где жили родственники моего отца.

В 1943 году в Копайгород приехала еврейская делегация из Румынии. Они отбирали детей-сирот для отправки и расселения их в детских домах Румынии. Я попал в детдом города Бырлад. Там я дождался освобождения Румынии советскими войсками и вернулся в город Бар.

По запросу родственников отца я приехал в г. Орехово-Зуево под Москвой как единственный уцелевший родственник.

«МАЛО НАС ОСТАЛОСЬ В ЖИВЫХ...»

БЛЯМ Фрида (1927 г.)

Я, Блям Фрида Исааковна, родилась 22 апреля 1927 года в городе Бершадь¹ Винницкой области. По отцу я – Могилевская. Когда немецко-фашистские захватчики захватили Бершадь, они организовали гетто. Они оцепили его колючей проволокой под током и загнали туда всех людей еврейской национальности: и молодых, и старых, и детей. В этом гетто находилось 200 евреев. Там же находилась и вся моя семья: отец, мать, 6 детей. Мне было всего лишь 14 лет. Из всей семьи осталось только двое: я и мой брат Иосиф. И, если бы партизаны опоздали на два дня освободить нас, то и нас бы не было в живых. Нас собирались в ближайшие дни уничтожить.

Мы жили в нечеловеческих условиях: камеры полуподвальные, холодные, сырые. Кормили нас, как скотину. Мы ходили холодные, голодные, а заставляли работать очень тяжело, делать всю грязную работу, несмотря на то, что мы дети или старики. Нас заставляли строить, таскать кирпичи, раствор, мыть туалеты и т. д. Немцы обращались к нам только с такими словами: «фарфлютер юде». Это значит – «паршивый еврей», т. е. жид.

Мало нас осталось в живых после таких нечеловеческих условий, и когда в марте 1944 г. Красная Армия освободила Бершадь, мы услышали русскую речь и слова: «Сейчас мы вас освободим». Можете себе представить нашу радость!

И вот мы возвращаемся домой, а дома у нас нет, и никакого имущества у нас тоже нет – немцы все сожгли и разграбили. Я еще ребенок и брат ребенок, младше меня на два года, а мы сироты бездомные без еды, одежды, имущества. Но добрые люди, украинцы, нас приютили, обогрели и накормили.

Я, совсем молодая, вышла замуж за инвалида Отечественной войны 2-й группы. Ранен он был в голову во время войны, он был больной человек и страдал всю жизнь. Он тоже сирота полный. У него в Каменце-Подольском был огромный богатый дом, где жили бабушка и дедушка, а в Умани жили родители, две сестры, два брата. Они были очень богаты. Его отец и старший

брат погибли на фронте, а его мать, двух красавиц-сестер и братьев немцы расстреляли. Они лежат в братской могиле в яру под Уманью, где лежат еще около 30 000 евреев. Он остался один. Бабушку и дедушку расстреляли в Каменце-Подольском, а их имущество разграбили немцы, огромный дом забрали чужие люди, и вернуть ничего он не смог. У него не осталось никаких родственников – всех расстреляли немцы.

И вот мы сошлись – двое сирот, не имея ни угла, ни имущества, ни родных. Родились у нас четыре дочери. Мужа тянуло в Умань, туда, где он вырос, где похоронены его родные, и мы переехали в Умань. Много лет мы с четырьмя детьми снимали жилье и добивались, чтобы инвалиду и его детям дали квартиру. Добивались на местном уровне, в Облисполкоме, ездила с детьми в Москву в Верховный Совет – и все напрасно. Однажды не выдержали, заняли одну свободную комнату по ул. Советской, но нас с детьми милиция выгнала на улицу. Потом нам дали одну малюсенькую комнату без окна. Окно находилось на крыше. В комнате помещалась только кровать и раскладушка. Не на чем было спать, негде делать уроки. Вот в таких условиях жил инвалид 2-й группы, который защищал Родину и растил своих детей. Лучшего он у государства не заслужил.

Мы прожили очень тяжелую жизнь. Муж мучился всю жизнь, у него все болело – и он стонал с утра до ночи. Он страдал сам и мучил нас морально и физически. Мы имели огород за яром, где были похоронены его родные, и, возвращаясь с огорода, он часто чувствовал себя настолько плохо, что вызывали «Скорую помощь». Он всю жизнь не мог смириться с потерей родных. Вследствие его ранений и тяжелой жизни вторая моя дочь Ева заболела психически и умерла в 48 лет. И мы, и наши дети всю жизнь работали, но никаких материальных благ не заработали, так как привыкли работать честно, не умея торговать и приспособляться в этой жизни, полной подлости и жестокости.

«НА РАССВЕТЕ 11 ИЮНЯ 1942 г. ВСЕХ ЕВРЕЕВ УБИЛИ»

БОГОМОЛ Раиса (1930 г.)

Я, Богомол Раиса Лейбушевна (урожденная Цельтнер), родилась 23 марта 1930 г. в Днепропетровске.

С 1935 г. наша семья жила в селе Ингулец Широковского района Днепропетровской области. 80% жителей села составляли люди еврейской национальности. Это была еврейская земледельческая колония.

Я в семье была старшей из детей, было и еще двое моих меньших братьев. Мне было 11 лет, одному брату – 5 лет, другому – 3 месяца.

Наше село Ингулец¹ немцы оккупировали в августе 1941 г. Еще до прихода в село фашистов мы были напуганы известиями об их издевательствах над евреями. Чтобы убедиться в этом, не пришлось долго ждать. Через неделю были убиты руководители колхоза, сельсовета и активисты из еврейских жителей.

Мы жили в постоянном страхе, не зная, что принесет следующий день. До мая 1942 г. было совершено 2 карательные акции. Забирали евреев, где поймают. Отец скрывался в яме, специально вырытой в сарае. Нас, детей, мать прятала в поле, у друзей – русских. Опасно было скрываться у русских, потому что немцы грозили расправой над покровителями.

В мае 1942 г. староста села объявил, что все трудоспособные евреи должны взять продуктов на несколько дней. Их отправили в город Кривой Рог² ремонтировать дороги. Забрали и моего отца. Весь этот ужас переживали и мы, дети, ежедневно ожидая расправы. Известий от отца не было. Становилось жутко.

Примерно 26 мая население села разделили по национальной принадлежности. Евреям приказали жить обособленно на определенной территории. Мою мать (она русская) заставляли перебраться на место пребывания евреев. Она взяла троих детей и ушла в поле. Когда мы вернулись домой, то увидели, что из дома все забрали и мы остались, в чем были.

10 июня немцы окружили место, где жили и работали евреи, и согнали всех в здание клуба. 11 июня 1942 г. на рассвете их всех убили. Там погиб и мой брат в возрасте 1 года и 3 месяцев. А осенью расстреляли и моего отца. В это время меня прятали знакомые в Кривом Роге, пока немцы не угнали меня в Германию.

Там мы жили в лагере за колючей проволокой. На работу водили под конвоем, работали по 12 часов в сутки. Кормили нас в основном жидким супом из брюквы. Самым страшным было для меня, когда брали кровь из пальца. А это делали очень часто. Девчата говорили: «Жидов ищут». Я ведь была девчонкой 12-ти лет и не знала, что по крови не определяют национальность. Так я работала с 1942 г. по 1945 г., т.е. 2 года и 9 месяцев. Освободили нас американцы.

Возрождение памяти. Воспоминания свидетелей и жертв Холокоста. – Вып. 1. – Днепропетровск, 2008. – С. 68–69.

«ЗЛО НАКАЗУЕМО»

БОЙКО Фира (1938 г.)

Маленькие Черневцы¹ на Винничине – старое еврейское местечко, окруженное украинскими селами. Посредине местечка протекает речушка, оба берега которой соединяет довольно большой мост.

Почти все (в том числе украинцы) разговаривали на идише и украинском языке. Там я родилась, там пережила гетто и войну.

В нашей семье было пятеро детей: четыре девочки и мальчик. Через несколько дней после начала войны умирает мой дедушка – Нухим Гольдман. Моя мама рассказывала нам потом, что дедушка перед смертью сказал, что эта война будет такой страшной, что живые будут завидовать мертвым. Так оно и было...

В наше местечко вошли немцы и румыны. Прежде всего они собрали в синагогу всех старых евреев – 11 человек, в том числе и ребе с 18-летним сыном. Их привели на мост над рекой, всех раздели, обвязали им руки и ноги их собственной одеждой и живыми сбросили в реку. Три дня тела погибших плавали на поверхности. Потом их разрешили забрать и похоронить. В числе этих великомучеников был и другой мой дедушка – Копп Бурнштейн, папин отец.

Позже начались все ужасы гетто. Каждую субботу с утра собирали всех евреев с вещами и гнали на окраину местечка, где находилась школа, окруженная высоким забором. И каждый раз мы ждали расстрела или депортации куда-нибудь.

К счастью, через некоторое время передали наше местечко румынам, и хотя во главе были немцы, у румын всегда можно было откупиться, что и делали более зажиточные евреи, собирая ценности друг у друга. Молодых, среди них моих старших сестер, все время посылали на работу.

Все жили в страшном кошмаре, не зная, что с ними будет через день, через час. Но самое страшное, что мне запомнилось – это случай с моим отцом. Его в начале войны не забрали в армию по возрасту (1900 года рождения) и еще как многодетного отца

семейства. Отец всю жизнь работал меховщиком – шил кожухи, жилеты-безрукавки и валенки из овчины. Во всех окрестных селах знали его, и многие приходили с заказами. Узнали об этом и немцы. Однажды к нам пришел немец – маленький, рыжий и кривоногий, в полной немецкой форме, и заказал папе безрукавку – зима была холодная и снежная. Но по какой-то причине заказ не был готов вовремя. Тогда немец выхватил пистолет и приставил его к голове папы. Мы подняли страшный крик, и он сказал, что если через 24 часа заказ не будет готов, папа будет расстрелян. К счастью, все обошлось, и папа остался жив.

После освобождения местечка его забрали в армию. Войну он закончил в Будапеште, где находился в госпитале после тяжелого ранения.

И еще одно незабываемое: старостой в местечке был украинец по фамилии Жмуд. Он верой и правдой служил немцам и румынам, все его боялись, как огня, и, конечно, ненавидели. Но когда советские танки въезжали на мост в местечко, он первым выбежал им навстречу, начал обниматься и целоваться с освободителями, проявлял свою огромную «радость». В это же время наши евреи выбрались из подвалов и чердаков и тоже побежали встречать наших воинов. Они-то и сказали офицеру, кто на самом деле этот человек. Того тут же в упор расстреляли, и все танки проехали по нему, оставив кровавое месиво на мосту.

Зло наказуемо.

«ТРИ ГОДА МЫ СМОТРЕЛИ СМЕРТИ В ГЛАЗА»

БРАИЛОВСКАЯ (ШНАЙДЕР) Евдокия (1928 г.)

Я родилась 17 января 1928 г. в местечке Ольгополь Винницкой области, где родились, прожили жизнь и похоронены все мои предки, как с папиной, так и с маминой стороны. В 1935 году поступила в 1-й класс Ольгопольской средней школы.

Когда началась война, мне было 13,5 лет. Наша семья – отец Борис Иосифович Шнайдер, мать – Хая Ицковна (Клара Исааковна) Шнайдерман, брат Юзя и я, Дуся, – эвакуировались через месяц после начала войны, 22 июля 1941 г., но было уже поздно.

Немецкие войска шли победным маршем, а мы медленно тащились на однолошадной повозке, которую нам выдали в колхозе на две семьи. Повозки ехали одна за другой, и поскольку в нашей было очень тесно, меня пересадили в большую повозку, в которой ехала семья Тарасов. Во время одной из очередных бомбежек повозки разбросало в разные стороны, и после бомбежки, когда мы поняли, что живы, повозку родителей мы не нашли.

Еще перед нашей эвакуацией мама на всякий случай зашила мне и братику в трусики немного денег и адреса наших родственников, живших в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Семья Тарасов обещала не оставить меня. Но свершилось чудо: в такой неразберихе, когда все дороги были запружены беженцами, отступающими войсками, скотом, который гнали на восток, мы встретились с родителями.

На Днестре, в 30 километрах от Никополя, мы оказались в центре боя. Чудом остались живы, но скоро поняли, что наших войск здесь больше нет, вокруг были немцы.

Первые части нас не трогали. Упоенные победами, они пели песни и благодушно смотрели на всех, не разбираясь, где еврей, а где русский. Папа хорошо говорил по-немецки: в 1915 году, во время Первой мировой войны, он попал в плен и три года работал у хозяина. Он поговорил с немцами, и один из них сказал, что всех евреев уничтожат, но этим занимаются другие части.

Решено было возвратиться домой. «Там, среди своих, мы еще, может быть, сможем спастись», – сказал папа, и мы повернули на запад. Вскоре красноармейцы-дезертиры отобрали у нас повозку с лошадьёю и все вещи, и мы пошли пешком.

Началась осень, пошли дожди. Мы медленно тащились проселочными дорогами, обходя трассы, города. В каждом селе нам рассказывали, как уничтожают евреев. Многие крестьяне прятали нас, кормили. Я простудилась, высокая температура и тяжелый кашель свалили меня с ног. Я больше не могла поднимать тяжелые от налипшей грязи, в кровь исцарапанные ноги. Я лежала на земле под мокрыми кустами и бредила. Тогда мама пошла в ближайшее село и постучалась в крайнюю хату. Оттуда вышел старик и его сноха, они впустили нас в дом, накормили, напоили меня горячим отваром из трав. Я выжила, но на всю жизнь у меня остался тяжелый астматический бронхит, я задыхаюсь от кашля. По-видимому, тогда у меня было воспаление легких.

Поздней осенью 1941 г. мы добрались до Ольгополя¹. От крестьян мы узнали, что в Ольгополе организовано гетто: всех евреев выгнали из своих домов, поселили по 5–7 семей в одном доме, оцепили колючей проволокой две улочки. Вход и выход был строго воспрещен. На каждом доме висел список проживающих там людей. Если при проверке оказывался лишний или кого-то не было, расстреливали всех жильцов дома.

У нас была возможность не идти в гетто, а прятаться по деревням у местных жителей, но это значило подвергать их огромному риску, и мы с большими предосторожностями вошли в дом, где уже значилась фамилия Шнайдерман: наши очень старые бабушка и дедушка не уехали с нами, а жили в одном из домов гетто. Нам повезло: фамилия Шнайдерман оказалась в конце списка, а потом было несколько пустых строчек, и мы дописали наши имена, в том числе и имя папы, хотя он был не Шнайдерман, а Шнайдер.

Началась наша страшная жизнь в гетто. Каждое утро все жители гетто от 12 до 60 лет должны были собираться у здания, где давали разнарядку на работу. Занимался этим староста гетто Ицко Фабрикант, а помогал ему Янкель Пэкер из Бессарабии, он знал румынский язык.

Нас, детей, посылали мыть полы в комендатуре, поливать огороды, цветы, убирать скверы, улицы.

На всю жизнь запомнился мне комендант Ольгопольской жандармерии Григореску. Очень маленького роста, злой и свирепый, он подпрыгивал, чтобы больнее ударить по лицу, не расставался с нагайкой и пистолетом, расстреливал каждого, кто ему чем-то не угодил. Каждый день он требовал девочек из гетто, которых зверски насиловал.

Гражданскую власть осуществлял «претор» Хациегану, молодой, даже симпатичный человек, говоривший по-русски. Евреев он не расстреливал, но избивал их не меньше. Была в Ольгополе еще «примария» со старшиной Губским, бывшим учителем нашей школы, а старостой был Обертайло, руководивший перед войной разрушением церкви.

В конце 1941 г. в Ольгополь пригнали евреев из Буковины и Бессарабии. Угнанные еще летом, они были легко одеты, больные, голодные, завшивевшие. Их поместили в полуразрушенной синагоге без крыши, они лежали на земле и десятками умирали от тифа и других болезней.

В гетто началась эпидемия тифа. Наши страдания дополнила холодная зима 1942 года. Стены нашего жилища были покрыты льдом. Люди умирали, иногда прямо на улицах. И тогда я начала писать дневник: я хотела, чтобы об этих страданиях и смерти узнали во всем мире, даже если меня убьют или я умру от голода и тифа. Я не была похожа на еврейку и часто, спрятав свой отличительный знак – желтую шестиконечную звезду на черном фоне, – потайными переулками выходила из гетто за бумагой, которую мне доставали мои бывшие соученицы.

После освобождения в 1944 году я послала в «Пионерскую правду» отрывки из дневника. Мне ответили, что это материал не для газеты, и я его не сберегла, осталось лишь несколько страничек, которые я храню как бесценную реликвию моего страшного детства в гетто, где не только писать, а даже хранить бумагу и чернила грозило расстрелом.

В нашей судьбе, в судьбе Ольгопольского гетто большую и, может быть, решающую роль сыграло то, что к нам привезли евреев из Румынии. В начале 1944 г. их всех увезли, но я хорошо помню многих из них: нашего бригадира Паулу, доктора Кеслера, доктора Канна. Румынский еврей Раду, у которого в Румынии осталась жена-христианка и большое состояние, на свои

средства организовал медицинскую помощь, санитарную обработку, питание. Благодаря этому прекратилась эпидемия тифа, перестали умирать от голода. На всю жизнь сохранили мы добрую память об этих людях.

В конце 1942 г. румынские власти организовали за пределами гетто что-то вроде Дома быта, куда по утрам под барабанный бой под конвоем собирали портных, сапожников, парикмахеров, зубных врачей и техников. Заказчиками были местные жители, и от них мы узнавали о том, что делается в мире.

У нас установились связи с партизанами, которые под видом заказчиков и клиентов приходили сюда и в примерочных кабинках и других укромных уголках передавали нам печатные материалы, газеты с Большой Земли, сводки Совинформбюро, доклады Сталина. Все это тайком выносили и распространяли в гетто.

Я получила задание переписывать доклады Сталина на торжественных собраниях, посвященных годовщинам Октября, дням Красной Армии. Если не было возможности их переписать, я заучивала их наизусть и ходила по домам, пересказывая их. Однажды я несла тетрадку с очередным докладом Сталина, спрятанную под большим крестьянским платком. Навстречу – румынский фашист. Я обмерла. Наверное, он заметил промелькнувший в моих глазах страх и спросил, куда я иду и почему не на работе. Я шла по территории гетто, мой «могендовид» был на мне, и я ответила, что сегодня уже отработала. Я была закутана в платок по самые глаза, но он увидел, что я «фрумуса фетица» (красивая девушка) и стал тянуть за платок, чтобы получше меня разглядеть. Не знаю, откуда ко мне пришла смелость, но я заулыбалась ему, поблагодарила его за комплимент, насколько хватило запаса румынских слов, согласилась прийти к нему на свидание в 6 часов вечера и убежала. Две недели я мазала лицо сажей, одевалась в тряпье, чтобы меня нельзя было узнать. На мое счастье, его вскоре куда-то перевели, и мне сказали, что я могу больше не «гримироваться».

И еще один случай вспоминается. Партизаны посадили в лесу табак, но у них не было бумаги для самокруток. В одну из своих вылазок за пределы гетто я обнаружила, что книги из нашей районной библиотеки сложили в фойе бывшего Дома культуры. Все окна были забиты фанерой, но в одном месте фанера отошла, и в щель были видны корешки книг. И я подумала, что хорошо

бы достать эти книги и отдать их партизанам для самокруток. Несколько раз я ходила с корзиной к Дому культуры, набирала в корзину книг и относила их в Дом быта, благо он был рядом.

Однажды я взяла с собой подругу Доню Ланцман (сейчас ее фамилия Таллис, она живет в Израиле). Мы вытащили много книг, уложили их в корзину, прикрыли сверху белой тряпочкой, взяли тяжелую корзину с двух сторон за ручки и, еле передвигая ноги, потащились к Дому быта. В это время мимо проезжал на двуколке претор Хациегану. Его возница, местный украинец, увидев нас, шепнул ему, что две еврейские девочки находятся в непопулярном месте, вне гетто. Претор не поленился сойти с двуколки, подошел к нам и спросил, что мы здесь делаем. Я пролепетала, что мы голодаем и ходили к одной тете, она дала нам немного картошки. Он, видимо, был в хорошем расположении духа и приказал: «Бегите быстрее отсюда, вам здесь быть нельзя». Мы взялись за ручки корзины и поплелись. «Быстрее, быстрее!» – подгонял он нас, а быстрее не получалось, корзина была очень тяжелая. Оставить ее и бежать было невозможно: в корзине никакой картошки не было, а были книги, и, как на грех, сочинения Ленина в красных переплетах. Если бы он поднял тряпочку и заглянул под нее, не писала бы я этих строчек никогда. Но он сделал иначе: он стал подгонять нас, стегая плеткой по голым ногам. Нестерпимая боль пронзала все тело, но бежать не было сил, и мы продолжали медленно тащить нашу тяжелую ношу, а претор хлестал нас по ногам.

И мы все-таки дотащили эту корзину до явочной кабинки. Бумагу для курева партизаны получили.

В марте 1944 г. после бегства румын в Ольгополь вошли отступающие немецкие части. Начались массовые поджоги, изнасилования, расстрелы. Всех мужчин погнали куда-то, и их больше никогда никто не видел. Нашу семью спасла семья крестьянки Петрунишиной, которая на протяжении трех лет поддерживала нас, а потом и прятала до прихода Красной Армии.

Восстанавливая в памяти те давние события, я часто думаю, какое же это чудо, что мы остались живы: ведь три года мы ежедневно, ежеминутно смотрели смерти в глаза! И сколько же мы можем еще рассказать нашим детям и внукам о тех страшных гонениях, издевательствах, невыносимых муках, которые мы пережили в период фашистского геноцида!

«Я ПОНЯЛ ОДНУ ИСТИНУ: НАДО РАБОТАТЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ»

БРАМНИК Моше (1930 г.)

Я, Моше Абрамович Брамник, родился 11 февраля 1930 года; мне было 11 лет, когда началась Великая Отечественная война. Моей сестре было 16 лет, а брату – всего 3 года. Родители наши были крестьянами, и жили мы в селе Дзыговка Винницкой области. Там, где мы жили, было много евреев.

С целью лечения моя мама отправилась в Одессу, где и застала ее война, и там, недалеко от города, ее убили вместе с другими евреями. Отца моего призвали в ряды Красной Армии. Во время военных действий его убили.

Мы, трое детей, остались одни, без родителей. Мы были совершенно одни. Вся ответственность лежала на моих плечах.

Село Дзыговка¹, где я родился, находилось на берегах речки Корытная. Приблизительно 850 евреев населяло этот район, когда немцы оккупировали село в конце июля 1941 года.

Пришли немцы и забрали дом (это был большой дом), а нас вышвырнули на улицу. Сестра мамы приютила нас у себя в доме, где и без нас жило много людей. Таким образом, 16 человек ютилось в ее маленькой квартире.

Заботиться о брате и сестре, а также и об окружающих, было моей личной ответственностью.

Мы сами добывали пропитание. Я ходил по полям, искал картошку и пшеницу. Я искал пищу, где только мог. Я боялся отпустить мою сестру на улицу, так как она была красивая девочка, а брат мой был слишком мал, чтобы идти со мной. Я смастерил палку с гвоздем, которой доставал с машин свеклу, когда ее перевозили.

Недалеко от нас протекал родник. Там я брал воду и разносил другим людям. Взамен они мне давали картошку, кусочки хлеба или яблоки. Все это я приносил домой, и мы все ели.

Болезни были неотъемлемой частью жизни тех, кто выжил в этой Катастрофе.

Санитарные условия проживания были ужасные, учитывая большое количество людей, скопившихся в одном месте. Моя сестра заболела тифом, и не было другого выхода, как остричь ее шикарные длинные волосы. Я тоже слег с тифом; многие болели. Из-за отсутствия медикаментов болезнь протекала долго и сложно. Немцы, в свою очередь, очень боялись заболеть.

Повсюду убивали евреев; убивали лишь потому, что это были евреи. Села и дома сжигали. Мы жили в 5 километрах от главной трассы, только это помогло нам остаться в живых. Но в соседнем селе, в 6 километрах от нас, всех евреев расстреляли.

Моя тетя жила в Тульчине, ее угнали в концентрационный лагерь в Печору². Это было ужасное место; тетю приговорили к смертной казни. Несмотря на это, ей удалось бежать со своей двухлетней дочкой, а младшая – грудничок – умерла в лагере. Тетя нашла нас и осталась жить с нами. Это было очень трудное время.

Лишь позже я узнал, что в других местах Украины жизнь была еще ужаснее. Моя жена родом из Каменца-Подольского³, города, в котором немцы вырыли 6 ям, куда кидали тела убитых, а также тех, кто еще был жив. Две ямы были вырыты только для детей. Я слышал слова очевидцев о том, что эти ямы «дышали» еще долгое время.

Когда немцы ушли, румыны начали забирать абсолютно все, что у нас осталось. Помню, я, мои сестра и брат лежали в кровати, но пришли румыны и отобрали у нас одеяло. Так мы остались без одеяла зимой. Потом пришли венгры. Они поджигали бороды стариков, били и убивали людей.

Однажды одна женщина-крестьянка взяла нас троих к себе. Так мы и выжили.

Я понял одну истину: надо работать для того, чтобы выжить. Я ходил к крестьянам, выкапывал картошку и убирал их дома. За это мне давали картошку и муку. 16 марта 1944 года пришла Красная Армия, и мы дали приют некоторым солдатам. Мы были так рады освобождению, но вокруг все еще происходили бои с отступающими немецкими войсками. Солдаты Красной Армии велели нам залечь и не шевелиться. Утром, выйдя во двор, мы увидели много мертвых немцев, а также и тела воинов-освободителей, которых убили в бою.

После освобождения Дзыговки в середине марта мы серьезно задумались о том, как мы будем жить дальше. Мы вернулись в свой дом, он был полностью разрушен, немцы и румыны все отсюда забрали.

Моя сестра вышла замуж и уехала на Кавказ. Я же поехал в Николаев по приглашению одних людей и поступил в техникум. В то время в стране был голод, и дядя и тетя отдали моего младшего брата в детский дом в Молдавии. Позже они забрали его оттуда, но тете трудно было кормить его и справляться с ним, так как у нее самой были свои дети. Вот и отправила она моего брата в другой детский дом в Тульчине.

Когда я вернулся с учебы в техникуме, я навел справки о брате, нашел его, забрал из детского дома и отправил на учебу в школу.

Мой брат закончил Суворовское училище с отличием и поехал учиться в Военной Академии. Сейчас он живет в Израиле. Сестра умерла в 2002 году. Ее сын все еще живет на Кавказе, и мы поддерживаем друг с другом связь.

По окончании училища еще 10 месяцев я учился в городе Сороки, в Молдавии. Затем я немного поработал и в 1948 году переехал в Черновцы, в Украину, где и женился. Вся моя семья эмигрировала в Израиль 28 ноября 1990 года.

В Израиле, мы создали группу поддержки из 120 узников Холокоста и собираемся вместе на праздники и дни рождения. Много было сделано для помощи пережившим Холокост...

Каждый год мы вспоминаем жертв Холокоста и зажигаем 6 свечей в память о 6 миллионах убитых евреев. Очень важно говорить о том, что мы должны помнить тех, кто погиб. Мы обязаны помнить для того, чтобы подобная трагедия не повторилась никогда. Для узников гетто очень важно, что мы о них не забываем.

Это чудо, что мы выжили во время Холокоста.

«Рожденные страдать»? Помни слезы и скитания Избранного народа. – Винница, 2011. – С. 151–153.

«ОНИ БЫЛИ РАССТРЕЛЯНЫ ИЗ АВТОМАТОВ...»

БРАСЛАВСКАЯ Людмила (1935 г.)

Мы, Браславские, отец, мать, я, мой младший брат Марик и бабушка (мать отца), до войны жили мирной нормальной жизнью.

Отец работал заведующим финансовым отделом, а мать работала в больнице младшей медсестрой. Жили очень дружно. Мы очень любили отца, он любил нас.

Когда началась Великая Отечественная война, отец, Лазарь Браславский, с первых дней ушел на фронт. Три месяца от него не было никаких вестей.

Советские войска отступали и фронт приближался к Полтавщине¹. С 15 сентября 1941 г. начались сильные бои за наш район, и наши войска попали в окружение, а 19 сентября фашисты оккупировали весь наш район, и наши войска оказались в плену. Наш отец также был в этих войсках. Когда взяли в плен наших солдат, отец спрятался на чердаке нашего дома и продолжал прятаться в разных местах.

16 декабря 1941 года внезапно прибыл в наш район карательный отряд эсэсовцев. Всех мужчин, которые были в нашем селе Оржица², и нашего отца, которого предали полицаи, согнали на территорию бывшего военкомата. Фашисты из толпы мужчин начали выделять тех, кто по национальности были евреями. Отец был одет в легкую одежду, и мать принесла ему зимнее пальто, думала, что его будут отправлять дальше. В это время вышел немецкий офицер и сказал по-немецки своим подчиненным, чтобы евреев вести на расстрел. Отец знал немецкий язык и сказал маме, что ему ничего уже не нужно, потому что его расстреляют. Мать говорила, что он стоял бледный, ломал себе руки и сказал ей: «Сбереги детей».

По словам мамы, вышло около шестидесяти вооруженных немцев, окружили всех, кого отобрали, и повели за село, в поле. В поле им приказали стать на колени и снять головные уборы. Мама шла следом за ними и все это видела. Они были расстреляны из автоматов.

Когда немцы уехали, мама прибежала на место расстрела, нашла среди них отца, который был убит разрывной пулей в голову. Мать собрала часть мозга и вложила в голову. Неподалеку от этого места был глубокий окоп, и мама оттянула туда отца и руками пригребла землей, а чтобы никто не видел, вечером пришла с лопатой и полностью накрыла тело отца землей. За один день мама поседела, хотя была еще молодой. Это был страшный ужас.

После расстрела отца, через несколько дней забрали бабушку, мать отца, и увезли, но мы не знаем куда. Она больше не возвращалась.

Мама, чтобы уберечь нас, детей, от смерти, отдала на сохранение дальним родственникам, у которых не было детей, под чужой фамилией Гуриных. Мы с братом скрывались под фамилией Гурины. Несмотря на то, что мы были маленькие, мы понимали, слышали и видели все эти ужасы.

Немцы убивали, вешали, бросали живыми в колодцы. Мы жили и боялись, что нас тоже могут забрать и уничтожить как евреев по отцу.

И вот настало долгожданное время, наше село освободили от фашистов. Нам не верилось, что мы остались живы. После всех этих ужасов мы возвратились к маме и стали жить снова под фамилией отца, Браславские. Жизнь была очень трудная, ходили с братом в школу оборванные и голодные, помощи ни от кого не получали.

Маме как вдове никакой помощи не давали, говорили, что ее муж погиб не на войне. Позже останки тела нашего отца перезахоронили со всеми почестями. В честь празднования годовщины 9 мая отец занесен в Книгу славы как расстрелянный фашистами.

Очень и очень трудно вспоминать о прошедшем. В наших с братом душах осталась глубокая рана, которая будет до конца нашей жизни. Брат живет в России, в городе Красноярск, на пенсии. Мамы в живых уже нет, она ушла из жизни с тяжелой раной в душе.

Мы пережили такое горе, которое нельзя передать словами.

«ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ...»

БРЕНЕР Григорий (1928 г.)

Мне было 14 лет, когда все мои близкие были расстреляны в Сухом Яру города Умань. Я остался один-одинешенек. И все эти годы не найду ответа: за что?! В нашем городе, где до войны проживали почти пятьдесят тысяч человек, треть были евреи. Причем, поголовно шолом-алеихемовская нищета. Но фашисты уже успешно ограбили евреев в Германии и по всей Европе, а нас, нищих, «отдали» на погромы и грабежи местному населению. Чем те успешно и рьяно воспользовались.

...А ведь еще летом 1945 года я мог уехать в Америку без проблем. Но я надеялся, что братья вернуться с войны, или еще кто-то случайно уцелел... Но Всевышнему было угодно пощадить только меня. Для восстановления и продолжения рода нашего. И на том спасибо!

За 11 лет проживания в США я так ни разу и не прочел о трагедии в Умани. Не может же быть, чтобы из почти 20 тысяч евреев я остался единственным свидетелем того, что творили там фашисты и местные негодяи. Отзовитесь, родные мои, хоть кто-нибудь!

Я, например, не был свидетелем зверского убийства учителей-евреев города, где их в школах было большинство, медперсонала и интеллигенции, которых зарыли в оврагах возле парка «Софиевка». Не видел, когда полицаи и фашисты повесили на базарной площади профессора Бурштейна и доктора Рабиновича, учивших и спасавших этих мерзавцев. Но я видел много других зверств...

Первая еврейская кровь пролилась в первый же день оккупации. Жителей согнали в центр города для вручения хлеба-соли и для клятвы в верности Гитлеру. Мешал лишь памятник Ленину. На шею ему набросили петлю и общими усилиями свалили. Падая, этот зловредный Ильич развалился на части, но рукой задел какого-то немца. В момент торжества появился дядя Люсик Бронзер, умственно неполноценный, приняв это зрелище за парад. С красным флагом и только ему понятной песней он приближал-

ся к пышно одетому офицеру. Раздалась очередь из автомата... Когда-то даже душегуб Иван Грозный юродивых шадил... Далее. Местные полицаи и немцы поймали в разных местах евреев, не носивших «могендовид» на спине и груди. Их прилюдно расстреляли в скверике театра – в назидание остальным. Любопытный приказ новых властей заканчивался словом «расстрел».

В августе 1941 г. в газете «Уманский голос», которую издавали фашисты и местные власти, написали, что в подвале тюрьмы нашли трупы изуродованных и засыпанных солью заключенных. Виновниками их уничтожения были объявлены «жиды-коммунисты». По городу прокатилась волна убийств и грабежей – поначалу без участия немцев.

Мне удалось раньше бандитов прибежать домой, предупредить близких, чтобы они спрятались на чердаке. Потом повесил замок на двери и нарисовал мелом большой крест – знак, что здесь украинцы. Сам удрал в огород Ястремской Фроси. От страха задремал. Вокруг – тишина, ни души. Постучался к Ястремским. Меня накормили и успокоили, что мои все живы. Ночью мы все пробрались в окопы на окраину города и до утра не сомкнули глаз.

Провокация фашистам удалась: местным дали возможность грабить и в еврейской крови омываться, да и сами евреи активнее ушли в гетто.

Ушли в гетто и мы – отец, мать и пятеро детей, взяв только самое необходимое. Моя сестра Соня (18 лет) была в положении, а ее муж Айзек был на фронте (он погиб). Повсюду были жандармы и полицаи. Когда мои родные почти «устроились», я опять улизнул в город, надеясь забрать свои ценности: фонарик, коньки, марки, ножички. Но опоздал. У дверей стояла огромная машина, куда фашисты дружно грузили наши вещи и мебель. Сдерживая рыдания, приплелся к тете Фросе и у них немного успокоился. Она мне рассказала, что погибли многие из наших соседей: семьи Алойц, Кеслер, Бурштейн, Рабинович, Бушлер, Скляр, Цибельман, Куперман и другие.

Спаслись единицы, в том числе и мы. Страстно верующий отец на время вымолил у Всевышнего пощаду для своей семьи. Многих евреев уничтожили в их домах, других – по пути в тюрьму и во дворе самой тюрьмы, а более ста человек загнали в под-

вал Дома пионеров, пустили газ, заткнув все отдушины. Уходя утром от тети Фроси, я увидел, что улица Ленина перекрыта немцами в противогазах, а какие-то люди с еврейскими знаками выносят из подвала скрюченные трупы людей и бросают их, как дрова, на поджидавшие подводы. Близко не подпускали никого, да и запах был страшный. Я наблюдал это зрелище с чердака пустующего дома, пытаясь опознать хоть кого-то...

На одной из подвод поверх мертвых сидела девочка лет семи, растрепанная, безучастная, с поникшей головой. Она потеряла в тот день всех своих близких и решила не расставаться с ними до конца.

Местное население потеряло голову от полной свободы действий. Во время погрома какой-то верзила ткнул мне палку в руки, крича злобно: «Бей жида-политрука, морда просит кирпича...»

Крестьян из ближних деревень я тогда не видел. Возможно, и были, но только единицы. Не было той злобы у селян, что у хваленного ленинского пролетария.

Казалось, закончились наши беды и страхи. Но... В конце сентября 1941 года в Умани прошел погром. В тот день в 4 утра в гетто ворвались немцы и местные полицаи во главе с Федей Паламарчуком. Это был ад! Прикладами нас всех погнали, как скотину, за город, а немощных тут же пристреливали. Этот ужас мне снится все годы. Отец шептал молитвы, потом сказал: «Это конец! Беги! Спасайся! Если уцелеешь, расскажешь старшим братьям!» И мне удалось вырваться из рук смерти. На этот раз спаслись считанные евреи, но и их потом выловили, как и меня, но уже весной 1942 г. В Сухой Яр в тот день ушли тысячи и тысячи евреев, и среди них отец, мать, братик Исаак (4 года), сестры Соня с малышом под сердцем, Шейндл и годовалая Фаина.

Ночи уже были холодные, и я решил устроиться у бывших соседей. Околицами и огородами пробрался к Ястремским. Меня спрятали на чердаке, но и они рисковали жизнью. Несколько ночей провел с собакой в будке у соседа Диденко: ей выносили еду, а я забирал, когда уходили. Но нам было тесно, и она выла – злилась. Однажды меня обнаружила тетя Устинья и уговорила меня пожить у нее. Она меня накормила, искупала и бельишко выварила.

На другой день по мою душу явились полицай Панченко и управдом Трояновский. Я плакал и просил не убивать меня. В местной полиции я тоже плакал и утверждал, что я украинец из детдома. Но следователь был из местных, тоже хотел получить награду за меня, вызвав для подтверждения мою учительницу. Видимо, где-то я проговорился, что не удивительно для четырнадцатилетнего мальчика. Ольга Григорьевна Шпак подтвердила: «Этот мальчишка – жид, Гершко Бренер...»

Меня тут же доставили в местный концлагерь на окраине города. Полицай сдал меня коменданту-эсэсовцу и ушел. Ко мне подошел пожилой еврей-переводчик и шепнул: «Швайг!» («молчи»). Он снял с меня штанишки, показал немцу, что я не еврей. Как же он рисковал – один Бог знает. Немец оставил меня в лагере.

Через неделю, ночью, весь лагерь на машинах увезли. К утру приехали в другой концлагерь – Подвысоцкое. Когда нас загоняли за ограду, мой спаситель-еврей сказал офицеру-немцу что-то про меня, и тот увел меня к баракам полицаев, велел накормить и отправить обратно в Умань. Там меня сдали в жандармерию, а те опять в украинскую полицию. Я мог бы сбежать, но надеялся, что останусь у них. Очень хотелось есть, да и страх сковал меня.

В полиции я уже был однажды, и тут созрел план сбежать. Двое дежурных пили самогон, и один спросил: «Ты хто?» – «Грицько Шевченко». Ну, тогда скажи «Заповит!» («Завещание»). Я четко, без запинки, прочитал. Они дали мне хлеба и сала. Потом попросился во двор. Один из них, шатаясь, двинулся за мной, но другой сказал: «Да куди вин, Петро, динеться?» – и тот вернулся за стол. Я прошмыгнул мимо туалета, нашел лазейку и удрал.

К бывшей Сельхозакадемии добрался к рассвету. Там меня немцы взяли ухаживать за лошадьми. В конюшнях я спал. Немного отъелся, успокоился... Вдруг случайно явилась группа молодых гестаповцев порезвиться на лошадях. Там меня узнал Вольдемар (Володька) Людвиг – бывший вожатый. Чтобы не портить прогулку друзьям, он меня не застрелил, а отвез в тюрьму. Волею случая один немец взял меня на работу. По существу – спас мне жизнь.

В его части я проработал до 1943 года. Уезжая в Германию, немцы забрали меня с собой в город Кобленц (на Рейне). Была мысль удрать, но куда? А я был им необходим как безотказный раб в любое время суток. Так продолжалось до 1945 года, до прихода американцев.

Потом был переводчиком до середины июля 1945 года. А затем решительно отказался от всех благ, чтобы уехать домой. Не знал, что еду на новые муки.

У меня был немецкий документ, что я – Шевченко Григорий Иванович. В Умани мне взамен его выдали 6-месячный паспорт на мою настоящую фамилию при свидетельнице, дочери Фроси Ястремской Нине. Отправляя нас на родину, американцы снабдили наш поезд двумя полевыми кухнями. Путь был долгим, все было разрушено, взорвано. Через Лейпциг ехали в город Торгау. Мосты были взорваны, и мы пешком явились в зону, где «парадом» командовал «Смерш» (хуже КГБ). Вначале у нас отняли «ценности» и «излишки» продуктов (у детей-то). Ехали, в основном, семьи.

За все годы войны я ни разу и никому не признался, что я еврей. Мне было уже 18 лет, а это грозило отправкой в ГУЛАГ. После долгих дней допросов пришлось признаться майору. Рассказал, что все мои близкие погибли и т. д. Что-то дрогнуло даже у этого негодяя, и он меня отпустил.

Затем завербовался в Киев на завод им. Артема. Закончил там ФЗО. В 1950 г. был призван в армию. В 1953 г. демобилизовался, женился.

Вспоминаю гетто, все эти годы и... не верится во все это... Все, что изложено здесь – лишь малая часть долгих «хождений по мукам»...

«30 СІЧНЯ 1943 р. ВСІ ЄВРЕЇ З ГЕТТО БУЛИ РОЗСТРІЛЯНІ»

БУРДИНСЬКА Марія (1935 р.)

Я, Бурдинська Марія Іллівна, народилась 1 жовтня 1935 р. в містечці Лютичів Кам'янець-Подільської обл. (тепер Хмельницької). Мої батьки були службовці.

Батько, Бурдинський Ілля Іванович, помер в 1938.

Мати, Бурдинська Ганна Яківна (до шлюбу Керцбурд Хана Яківна), за національністю єврейка.

Брат Володимир 1937 року народження.

Коли почалася Велика Вітчизняна війна, моя мати, брат і я знаходилися у Лютичіві¹ на окупованій німцями з 17 липня 1941 р. території.

22 вересня 1941 р. почали насильно переселяти всіх євреїв в гетто, через кілька днів гетто було обнесено кількома рядами колючого дроту. Мою мати, мене і брата забрали в гетто, де ми були до січня 1943 р.

На початку 1943 р. почалися розмови про розстріли євреїв гетто. Тоді батькова сестра Осипчук Н.І. почала шукати спосіб врятувати мене і брата. Їй це вдалося зробити, вона нас сховала, а через кілька днів, 30 січня 1943 р. всі євреї з гетто в тому числі і моя мати були розстріляні за містом, в яру біля села Залетичівка.

Як тільки звільнили містечко Лютичів, я пішла до школи. Середню школу закінчила в 1953 р. Після розстрілу матері, батькова сестра Осипчук Н.І. усиновила нас з братом.

Після закінчення 10 класу я поступила до Кам'янець-Подільського педагогічного інституту, який закінчила у 1958 році і за розпорядженням поїхала до Узбекистану, де працювала 10 років вчителем в місті Гіждуван Бухарської області.

В 1968 році ми переїхали на Україну в м. Хмельницький, так як батьки чоловіка були старі і хворі за ними потрібен був догляд.

Уже 30 років працюю вчителем в середній школі №5 м. Хмельницького. Мені присвоєно звання Старшого вчителя, вчителя вищої категорії. Нагороджена медаллю «Ветеран праці».

В 1990 р. вийшла на пенсію, дуже часто хворію.

«ВСЕХ ПОВЕЛИ НА РАССТРЕЛ...»

БУРЛАКА Людмила (1935 г.)

Родилась я 8 июля 1935 г. в городе Херсон.

Когда началась Великая Отечественная война, в июне 1941 г., мне было почти 6 лет. Наша семья состояла из 4-х человек: отец – Ходырев Иван Андреевич, мать – Ходырева Дора Яковлевна, брат Анатолий и я.

Жили мы в Херсоне по Спартакoвскому переулку в доме №13.

Отца сразу мобилизовали на фронт, а мы, дети, остались с мамой в городе Херсон¹, который в скорости оккупировали немцы. Мы остались без средств к существованию, жили очень голодно, на то, что давали нам соседи.

В сентябре 1941 г. нас арестовали и поместили в гетто. Это были страшные дни: голод, вши, больные, переполненные людьми какие-то помещения. Крики, стоны взрослых и плач детей. Каждый день над кем-то издевались или зверски убивали. Это осталось в моей памяти на всю жизнь.

Потом всех повели на расстрел. Конвоировали колонну немцы с автоматами и собаками, а по обочинам дороги стояли жители Херсона.

Мама держала маленького брата на руках, меня за руку. Вдруг мама меня толкнула в людскую толпу. Раздались выстрелы. Меня ранили в грудь и в ногу. Все стало как в тумане (с тех пор я стала плохо видеть). Какие-то люди меня подхватили, унесли и спрятали. Маму и девятимесячного брата немцы расстреляли (как потом я узнала), а меня все время люди прятали от немцев. На протяжении всей оккупации Херсона и до окончания войны я жила в разных многодетных семьях. Меня передавали из одной семьи в другую.

Ни имени, ни адреса тех людей я не знаю до сих пор. Я не помню, у кого я жила и с кем. Помню, были какие-то маленькие хатки и подвальные помещения, и бабушки все седые. Помню, что какая-то седая женщина меня успокаивала, чтобы я не плакала, а я орала не своим голосом. Эта женщина лечила мои

раны и говорила, что я постараюсь тебя вылечить так, что и следа не останется от твоих ран. Но, к сожалению, они и сейчас есть и часто беспокоят (инвалид войны).

Помню, что было очень холодно и голодно. Взрослые приносили мокрую проросшую пшеницу из Днепра (взорван был элеватор с зерном), пекли из нее какие-то лепешки, а часто вообще нечего было есть.

Потом я заболела брюшным тифом, хотелось есть, а есть было нечего. Затем меня мучила малярия, желудок, простудные заболевания. И я заболела открытой формой туберкулеза, с которым боролась почти всю жизнь.

За мной все время ухаживали и спасли мне жизнь совсем незнакомые чужие мне люди. Я очень им благодарна и низко поклонилась бы тем людям, которые спасли меня, рискуя своей жизнью. Но, увы! Я не помню их.

В марте 1944 г. Красная Армия освободила Херсон. В первом классе я училась два года, так как я ничего не видела. Оказалось, потеря зрения на нервной почве. Через некоторое время зрение постепенно восстановилось, но не полностью.

После окончания войны вернулся с фронта инвалидом отец. Узнал страшную трагедию, которая постигла нашу семью. После продолжительных поисков ему удалось меня разыскать. Какое-то время жили с отцом. Разруха, нищета, голод. Потом отец женился, пришлось жить с мачехой, с которой был мне опять не мед.

Затем выучилась, работала всю жизнь. 40 лет экономистом, имею награды. Сейчас пенсионерка. Но страшные воспоминания никогда не забыть.

«Я ВИДЕЛ, КАК РАССТРЕЛИВАЛИ...»

БУРШТЕЙН Абрам (1928 г.)

Я, Бурштейн Абрам Львович, родился 8 октября 1928 года в семье портных. Отец, Лев Мендель, 1893 года рождения, работал в артели по пошиву мужских изделий, мать, Рива Годелевна, – домохозяйка. Старшая сестра Хона (Аня) училась в Одесском университете, закончила 3 курса до начала войны. Когда начали бомбить Одессу, она приехала в Соболевку. Брат 1937 года рождения.

Соболевка (Тепликского района Винницкой области – Б.З.) – большое село, сахарозавод, совхоз, пять колхозов, две неполные средние школы, одна средняя школа на сахарозаводе. Я ходил в семилетку, перед этим учился в начальной еврейской школе, директором которой был Изя Забохрецкий. Он освобождал Соболевку, был уже майором.

В Соболевке были синагога и церковь. Мой дед, Мендель Бурштейн, восемь лет служил в царской армии на Кавказе, вместе с батюшкой в одном полку. Мой дед мне рассказывал о службе на Кавказе, как он общался с сыном попа, который окончил Киевскую семинарию и учился вместе с митрополитом Шептицким.

Дед дружил с попом, несмотря на то, что они были разного вероисповедания. Дед был очень набожным. В 1935–1936 годах в церкви разрушили колокола и сняли звонницу. Оставили только церковь и сделали из нее колхозный склад. А батюшка был репрессирован, и больше его не видели. Это был очень порядочный человек, и наша семья его очень любила. Когда он приходил к нам в гости, бабушка его принимала, как родного человека. А когда дед приходил к нему в гости, то там делали праздник. Так было.

Я был ребенком, но очень любил ходить с дедом в синагогу, особенно по субботам. В 4 часа закрывали синагогу и после молитвы ужинали, хотя я не был голодным. Потом в 1935–1936 гг. синагогу разобрали (она стояла над речкой) под видом того, что она аварийная. Набожным евреям приходилось собираться на квартире тайком. Дед мой был настолько набожным, что в суб-

боту он не работал, т. е. не подчинялся советским законам и говорил: «Пусть меня судят, пусть делают, что хотят, а я все равно буду Богу молиться». Он работал бригадиром сапожной артели, и у него в подчинении было человек десять, но по субботам он не работал. Дед был николаевский солдат, выправка была солдатская до последнего дня его жизни (умер в 1940 г.). Его так и звали «Мендель-солдат». Бабушка погибла 27 мая 1942 г.

Раввин Сруль Чечельницкий одновременно исполнял обязанности майхема. Погиб со своей семьей. Из всей семьи остался сын Шуня, инвалид Великой Отечественной войны с 1944 года. После войны много лет работал бухгалтером Соболевского сельпо, а потом в Теплике.

Соболевка¹ была веселым и красивым еврейским местечком. Справляли свадьбы, ходили в гости друг к другу, дружили с местным украинским населением. К нам домой ходило очень много клиентов с сахарного завода. В 1937 г. многих репрессировали. Но жизнь текла своим чередом. Был клуб, демонстрировали фильмы, местные аматоры ставили спектакли на еврейском языке. В национальном совете был свой избирательный участок. Помню, на выборах 1937 г. папа мой был буфетчиком. Всем давали бесплатно пирожное, мороженое.

В воскресенье 22 июня 1941 года я был на базаре. Сказали: «Война». Все побежали к нацсовету. В 12:00 объявили по радио, которое выставили на улицу, что немецкие фашисты вероломно напали на Советский Союз и в 4 часа бомбили Киев. Вечером этого же дня началась мобилизация. Приехал представитель Тепликского военкомата. Многие еврейские ребята в первые дни ушли на фронт. Среди них наш сосед – Орадовский Муня, который дослужился до майора, после войны окончил Винницкий медицинский институт, служил в Германии.

Остались жены, дети, родители. Ушли на фронт мужчины до 50 лет. Среди них Бронфер, Шнайдер, Штейнфельд. Многие не вернулись.

26 июля Соболевку оккупировали. За две недели до оккупации не только местечко, все село жило военным временем. Началось движение войск: то на фронт ехали машины, то с фронта. Пролетали самолеты, бомбили. Некоторым удалось эвакуироваться. Мы тоже хотели, но нам не удалось.

Когда пришли немцы, на следующий день утром погнали нас на работу: мыть полы в школе, клубе, чтобы разместились немецкие солдаты. Брали, конечно, только еврейских женщин и девушек. Ну, а мы, мальчики, носили им воду.

Фронт пошел дальше. Пришли новые власти. Комендант разместился на сахарном заводе. Полицейским назначили Иосифа Венгера, бывшего офицера Красной Армии, который вернулся в село за две недели до оккупации. Поставил коня у своего дядьки Мокия в клуне и начал он руководить всем народом. Начал особенно издеваться над евреями.

Староста был Червонный. Юденрат не имел никаких прав, только исполнял приказы. Старшим назначили Мойшу Жорницкого, членом совета – Кельминского. Начали брать на работу молодежь, гнали на сельскохозяйственные работы. В начале зимы гнали на расчистку дорог от снега. Многие подростки расчищали железнодорожные пути.

Хотя многие машины с сахарного завода были вывезены, немцы хотели его восстановить. Инженер, привезенный из Западной Украины, говорил, чтобы мы разобрали «Більшовицьку зірку» на трубы и разобрали все по куску.

Весной 1942 г. было приказано выставить еврейскую молодежь для работы на дорогах. До вечера мы работали на заводе, а ночью нас под руководством Иосифа Венгера повезли в Теплик. В Нижней Кропивне, возле моста, нас высадили и пешком погнали в Райгород². Когда мы пришли к лагерю, я был в каком-то трансе, не знаю, как другие. Когда нас подвели к проволочному ограждению, вышел заместитель коменданта и сказал с издевкой: «Еврейские дети пришли в садик».

Мы пару дней сидели в лагере, так как шли сильные дожди. А потом нас погнали в карьер (с охраной днем и ночью, под пулеметом).

Старшие узники откапывали скалы, а мы, мальчики, кирками разбивали на щебень. Техники никакой не было. Кормили нас почти никак. На 10 дней буханка хлеба на одного человека. «Кофе» без сахара, а вечером – так называемый суп, в котором плавали гнилая картошка и свекла.

Где-то в июне привезли в этот лагерь из Ситковцев, Райгорода, Немирова еврейских женщин с детьми. Около 600–700 че-

людей. Их разместили за колючей проволокой. Кто был трудоспособный, погнали на работу. А в лагерь приехал спецотряд, и вместе с лагерной службой всех расстреляли.

Как же я остался живой? Это дело случая. Нас четверо подростков работало: два в кузнице, два на компрессоре. И старик-инженер (немец), видимо, пожалел нас, имел какое-то влияние на коменданта, вечером показал нас ему, а утром нас построили в колонну и повели на работу. Утром 26 июня 1942 г. всех, кто остался после этого, перевели в Брацлав³. Часть людей попали в лагерь по ремонту дорог, а другая – в каменоломни. Я работал в каменоломне.

В течение двух месяцев (июль–август) жили в техникуме, сделали нары, кормили очень плохо, а возили на работу в машинах с железными кузовами далеко. Было очень дождливо, и в кузовах было много воды, и в эту воду мы садились.

Из Брацлавских лагерей нас собрали, посадили на машины и отвезли обратно через Буг с румынской территории на немецкую – в Михайловку⁴. В лагере нас застала очень тяжелая картина. Туда привезли измученных, изувеченных, одетых в лохмотья евреев из Умани. Они были полуголые и истощенные. Мы ужаснулись, потому что мы были еще более-менее похожи на людей. Мы строили дорогу.

Мы знали, что в Тарасовку были привезены все, кто остался жив после погрома в Соболевке 27 мая 1942 г. Мы почти всегда встречались с ними по дороге на работу, и так я узнал, что все мои родные погибли, кроме отца.

В Михайловке был лагерь смерти. Кормили тоже плохо. Из Теплика привозили буханку хлеба на каждого на 10 дней. Кто был слабенький, не мог удержаться и съедал буханку за день-два, до следующего раза не доживал. На работе он киркой работать не мог, и его расстреливали.

После побега детей тепликского фотографа Заславского (я был вместе с двумя его детьми, они предложили мне бежать вместе с ними, они сумели бежать и попали в Гайсин, а я нет) меня должны были расстрелять, и не только меня, а 40 человек, по 10 человек в день. Но приехал комендант и приказал в этот день расстреливать только больных, а здоровые узники пусть мучаются дальше.

Меня и еще одного тепликского подростка, его фамилия Заец, взяли засыпать больных, которых расстреляют в лесу. По дороге они убили молодую девушку, которая не могла идти. Меня заставили взять останки и нести к яме. Я видел, как расстреливали. Со мной творилось что-то страшное. Я просил старшего полицая Земенского, чтобы меня тоже расстреляли, но он сказал, что «мы тебе сделаем еще хуже, чем расстрел».

Когда нас повели в лагерь, там нас положили на бочку и били втроем по 75 резин. Снимали кожу от шеи до ног.

В конце октября выпал первый снег. В лагере Михайловка был устроен погром, и расстреляли более 100 человек. Их расстреляли прямо в лагере. И лужа крови не замерзала всю зиму и окрашивала снег. После этого часть людей перевели в Михайловскую школу, а другую – отвезли опять в Райгород. После расстрела военнопленных нужны были рабочие руки.

Туда обратно попала подруга моей жены Роза Гивон.

Из Михайловки нас посадили в сани и отвезли в Ивангород. Туда протянули железнодорожную ветку и по ней привозили камень. Поместили в недостроенной школе. Было очень плохо.

После событий в Сталинграде почти всех немцев забрали на фронт, а лагерь передали гражданским инспекторам, и было послабление в охране. Многие сумели убежать и добраться в Бершадь⁵.

В ночь на 31 января 1943 г. меня наши знакомые помогли перевести в Гайсинское гетто к отцу. Я был весь опухший. Многие говорили: «Зачем вы его привезли – это же труп». Месяц я ни с кем не разговаривал и только ел, что давали. А потом я пошел на работу в швейную мастерскую. А 13 мая были расстреляны специалисты. Немногим удалось спастись, и среди них был я с моим отцом. Гетто закрыли.

В лагерь привезли буковинских евреев из лагеря Печора, и они строили в Гайсине⁶ мост через реку Соб. А нас поселили там, где мы работали. Жили в доме несколько портных и несколько шапошников.

В ноябре 1943 г., когда Киев освободили советские войска, стало ясно, что нас убьют. В Гайсин приехала жена врача Ковбасюка и сказала: «Якщо вам буде погано, тікайте до нас». Добрые люди переправили нас в Жерденевку, а оттуда нас перевезли в

Соболевку две женщины. Вот благодаря этим людям мы и остались живы.

В Соболевке мы жили у крестьянина Бабура два с половиной месяца, а потом под Новый год нас перевели к врачу Ковбасюку, где мы пробыли до 20 января 1944 г. Немецкие войска отступали и зверствовали. Поэтому нас отвели к Бугу и перевели через речку в Бершадь..

За это время было убито 400 евреев, многие из них были подпольщиками и были связаны с партизанами. Среди них и Ткач Давид, комсомолец Соболевский, из Гайсина – Дехтярь (дочь и сын в отряде).

В гетто было очень тяжело жить, работать было негде.

14 марта 1944 года в Бершади я стоял на мосту и смотрел, как шли наши танки, и встречал их три дня на мосту.

Радости не было предела. А потом мы вернулись в Соболевку.

Весной взяли лопаты и пошли в лес, чтобы привести в порядок могилу. Перезахоронили гайсинчанина Ставинцера, которого расстреляли в местечке. Возле совхоза была его могила.

Каждый год мы приходили к братской могиле. Я благодарен сельскому голове Попык Елене Антоновне. То, как все это чтят в Соболевке, заслуживает благодарности.

После войны мы сами привели в порядок могилы. Жорницкий, Горовец обратились с просьбой к директору совхоза. Он помог кирпичами, рабочими и построили памятник. На нем установили табличку, сделали ограду. Здесь собираются люди, пережившие эту трагедию, из Ленинграда, Москвы, Одессы, Львова и других городов.

Возрождение памяти: воспоминания свидетелей жертв Холокоста. – Вып. 1. – Днепропетровск, 2008. – Стр. 70–77.

«РАНА, КОТОРУЮ НАНЕСЛА ВОЙНА, БОЛИТ ДО СИХ ПОР...»

БУХАНОВСКИЙ Владимир (1930 г.)

Мне, Бухановскому Владимиру Ивановичу, родившемуся в 1930 году в городе Переяслав-Хмельницкий Киевской области, в сентябре 1941 года, когда был временно оккупирован наш город фашистами, было 11 лет.

Моя мать – Бухановская Полина (Песя) Анисимовна, 1900 года рождения, еврейка – при массовом расстреле евреев города в октябре 1941 г. не была расстреляна фашистами, так как мой отец – Бухановский Иван Емельянович, 1885 года рождения – был украинцем, и ее не выдали.

Считается, что были убитыми 800 человек женщин, детей, стариков. Но никто не считал. Ни тогда, ни после, а, наверное, как говорят очевидцы, там расстреляли более 1000 человек.

Перед приходом немцев в Переяслав-Хмельницкий¹ вся наша семья разошлась по селам, где были наши знакомые, чтобы хоть на время спрятаться, но долго прятаться было нельзя. Везде были объявления о том, что кто прячет евреев, коммунистов, будет расстрелян.

Отец мой был коммунистом, и те, кто прятал его, знали об этом, и нам пришлось вернуться домой.

Когда мы вернулись в Переяслав, то в нашем доме поселились немецкие солдаты, и нам пришлось жить в сарае. В огороде немцы поставили полевую кухню. Вырыли всю картошку, порубили деревья, и нам пришлось голодать.

Мать находилась в постоянном страхе и за нас, и за себя. Нас, детей в семье было четверо, да и мы очень боялись. Наш дом стоял на центральной дороге, и куда бы ни шли немцы и полицаи, мы думали, что это за нами. Мама наша дома мало бывала, постоянно пряталась у соседей, часто уходила в село Вовчков к родственнику отца Константину Орлу.

В 1942 году моих сестер угнали в Германию, дома осталась старшая сестра, у нее был грудной ребенок на руках.

Во время оккупации никто нигде не работал, и мы с отцом ходили по селам и меняли на хлеб все, что осталось из вещей, но их было очень мало, и я нанимался у соседней пасти корову, чтобы хоть чем-нибудь помочь своей семье.

В 1943 году весной, это я запомнил на всю жизнь, пришли немец и полицай к нам домой, и немец на ломаном русском языке спросил: «Здесь живет юда Паша? Собирайся и выходи!» Меня мать вытолкнула в окно, и я через ограду убежал к соседям.

Больше я своей мамы не видел. Я ходил к тому дому, где держали арестованных, туда близко не пускали, только по голосу я услышал, что это мама кричит: «Вова, не ходи больше сюда». Я тогда был босым, без ботинок, и было холодно, у меня обуви не было. И тогда отец пошел к маме на свидание, она передала мне свои ботинки и на смерть пошла босая. В скором времени отец понес передачу, вернулся назад, плачет и говорит: «Мамы больше нет». Долго мы плакали, но, как говорится, пришла беда – открывай ворота.

Пришло новое горе. Забрали отца и еще нескольких коммунистов, погрузили в крытую автомашину и увезли навсегда. Мне стало страшно заходить в свой двор. Я все еще верил, думал, может, отец вернется, пойду посмотрю с улицы, а во двор заходить боялся.

Сестра с ребенком тоже пряталась. Я прятался в огороде и видел, что опять приходил полицай во двор, может, и за нами.

Но 22 сентября 1943 года пришла к нам радость. Наши солдаты освободили Переяслав от немецких оккупантов. На второй или третий день началась страшная бомбежка, весь город горел.

Но время шло. Наступили холода, а я был голый и босой, сапожник-сосед подарил мне старые сапоги, а солдаты, которые у нас стояли, подарили мне старенькую шинель. Кушать иногда давали соседи, да и жил я больше у них.

Весной 1944 года меня разыскали две женщины и забрали в детский дом, который организовали в Переяславе. В детдоме в основном были маленькие дети, нас, старших, было двое. Выдали нам из колхоза лошадь и воз. Обучили нас запрягать, и мы стали возить продукты, дрова из лесу, в общем, трудились по хозяйству.

Потом начали молодежь забирать в ФЗО на Донбасс. Забрали и нас, четырнадцатилетних. Это была уже осень 1944 года. Обещали обууть и одеть, но ничего не дали. Выдали на ноги какие-то деревянные колодки. Они были очень большие, мы в них не могли ходить, и нас, малолеток, перевели в ремесленное училище в город Славянск Донецкой области.

Закончилась война, вернулись сестры из Германии. Их разыскала тетя – сестра отца, которую мы знали только по рассказам. Жила она в Дагестане, и они туда переехали. Мне захотелось их увидеть. Окончил ремесленное училище в 1946 г. и решил поехать к ним. Там я поступил работать на завод № 182, потом переехал в город Баку и оттуда пошел служить в военноморской флот. Отслужил 5 лет, потом вернулся в Киев, где жила моя старшая сестра, поступил работать на завод.

Но меня всегда тянуло в Переяслав. И с 1958 года здесь и живу. Женат, моя жена Пелагея Семеновна, имеем двух детей, сына и дочь. К большому сожалению, сын умер в этом году. Есть два внука. Часто ходим на Талую братскую могилу, которая находится рядом с Большой братской могилой. Это наш Переяславский Бабий Яр. Приносим цветы, которые сами выращиваем. Прошло уже много лет с тех страшных событий. Я уже старше своих родителей. Много забывается, но рана, которую нанесла война, болит до сих пор.

«КАЖДЫЙ ДЕНЬ УМИРАЛО ЧЕЛОВЕК ДВАДЦАТЬ...»

ВАЙНЕР Аня (1929 г.)

Я, Аня Вайнер, родилась в 1929 году в небольшом местечке Лучинец Винницкой области. С любовью вспоминаю наше местечко, где маленькие улочки даже не имели названий, а все жители знали друг друга, с радостью приглашали в гости и сами любили ходить по гостям.

Еврейские семьи жили очень дружно, среди них было много мастеров. А мастерские находились в центре местечка – там, где базарная площадь, на которой иногда проводились ярмарки.

Семья наша состояла из четырех человек. У нас был свой дом. Жили зажиточно. Мама занималась домашним хозяйством и воспитанием детей.

Уже в начале 1941 года стало нарастать напряжение в отношениях между евреями и украинцами. А когда началась война, многие из наших соседей стали откровенно оскорблять и унижать евреев. Некоторые украинцы сразу после прихода фашистов пошли служить полицаями.

Перед магазинами появились длинные очереди, на окнах – светомаскировка. Наша жизнь наполнилась страхом и ужасом ожидания. Мы не знали, что делать. Папа очень не хотел уходить из местечка, но жизнь наша стала совершенно невыносимой. К тому времени многие наши соседи уже убежали. Наконец, и мы решились уехать подальше в тыл, где было менее опасно. Сговорились с оставшимися соседями, наняли подводу и убежали. Но было уже поздно.

По дороге в Умань мы остановились ненадолго в доме, где жила украинская семья. В это время во двор забрели немцы. Увидели вещи во дворе и зашли в дом. Нас вывели во двор, построили. Я в то время была совсем еще девочкой, мне было всего 14 лет, многого не понимала. Немцы сказали, что берут нас на работу, что мы должны помогать им.

Мама, как услышала эти слова, сразу сказала, что надо убежать. Я незаметно пошла на кухню, выбила стекло в окне, сильно

при этом поранив руку – до сих пор остался шрам. Вылезла и побежала, но немцы услышали грохот и выскочили за мной, начали стрелять. Мне удалось добежать до поля, где я спряталась в кукурузе. Но из раны очень сильно текла кровь, и я была вынуждена вернуться в дом. То, что я увидела и услышала там, потрясло меня. Девочка, которая выехала вместе с нами, была изнасилована и сильно избита. Моего папу вначале страшно избили, а потом бросили в подвал. Вытащили мы его оттуда еле живого. Было ясно, что надо возвращаться домой, в Лучинец¹.

Вернувшись, мы не узнали свой дом: наши же соседи вынесли из него все подчистую. Папа сколотил лежанку из досок, на ней все и спали. Так мы прожили до 1945 года, потому что наш дом попал в район, отведенный фашистами под гетто. И мы жили вроде бы в своем доме, но в то же время и в гетто, за колючей проволокой.

К нам подселили еще несколько семей. Было очень тесно, но все помогали друг другу, жили дружно. Только новые семьи прибывали и прибывали, их распределяли по домам, и к нам – все новых и новых. Теснота стала неимоверной. Начался голод, болезни, эпидемии. Свирепствовали тиф, чесотка.

Каждый день в гетто умирало до двадцати человек. Все тела сбрасывали в одну общую яму или сваливали в кучу, а собаки потом растаскивали трупы. Помню, в одной еврейской семье была маленькая девочка, которая заболела тифом. Я иногда носила ей что-то поесть. Немного, сами жили впроголодь. Мне не удалось ее спасти, она умерла от голода. Эта девочка надолго осталась у меня в памяти. Я тоже заразилась и сильно болела. Так сильно, что еле-еле выздоровела. С трудом мне удалось встать на ноги.

Жизнь в гетто была постоянной борьбой за выживание. Фашисты регулярно проводили акции по истреблению евреев. Комендантский час, переключки, чуть опоздал или задержался – расстрел. Раз в месяц начинали стучать барабаны, и все жители гетто должны были выходить на всеобщую переключку. Зимой в холод – все стоят полураздетые, голодные. Многие люди не выдерживали, падали на переключке, тут же и умирали.

Во время переключки гитлеровцы отбирали мужчин и отправляли их на работу. Так забрали и нашего папу. Но он успел до того, как это случилось, сделать потайной ход, где мы часто

прятались. На одной из переключек меня схватили и бросили в амбар. Узнав об этом, мама потеряла сознание, упала, и ее за это очень сильно избили.

В амбар, где я оказалась, постоянно вталкивали новых людей. Однажды я толкнула входную дверь и сбила стоявшего снаружи полиция. Это могло плохо кончиться. Чтобы он меня не наказал, не сообщил фашистам, нужно было дать ему какой-то выкуп. Мама собрала ценные вещи, золото и все это отнесла тому полицаю. И он меня отпустил!

После этого случая я целый месяц лежала больная, не могла встать. Но надо было приходиться в себя, что-то делать. Я работала по дому, ухаживала за скотиной, трудилась в огороде. За эту работу я получала мизерное питание, но и эта оплата была нам за счастье.

Однажды я шла домой, как вдруг увидела, что навстречу какой-то немец идет. Испугалась страшно, хотела бежать. Он остановил меня и сказал: «Не бойся, я партизан. Мы находимся в лесу, приходи к нам».

В один из ближайших дней я с подружкой пошла в лес, но там было так темно, что мы побоялись зайти. На обратном пути нам встретились полицаи. Они забрали меня в участок. Били нагайкой из проволоки. И опять меня выручила мама. Она собрала все остатки ценных вещей и отнесла тем полицаям.

Отлежалась. Когда мне стало немного легче, я вновь начала работать. Крестьяне, жившие рядом с гетто, часто подходили к колючей проволоке и продавали продукты, меняли их на золотые вещи. Многие из них разбогатели на еврейском несчастье.

У меня был очень тяжелый период. Несмотря на все трудности, невзгоды, когда мы каждую минуту ожидали смерти, я влюбилась в одного мальчика. Он жил со своей семьей рядом с нами. Когда я болела, он очень переживал за меня, передавал продукты, а иногда просто бросал их в форточку.

Во время очередной переключки фашисты отобрали пять мужчин, в том числе моего папу и парня, который мне нравился. Их отправили на работу: копать торф. Они решили совершить побег. Но неудачно, их поймали – фашисты пустили собаку по следу. Папа успел спрятаться, а остальных расстреляли.

Папа все видел, но помочь не мог. Я очень переживала, плакала, ведь это была моя первая любовь...

Смотреть, как страдали люди, было тяжело. Я старалась помочь, порой даже с риском для жизни. Однажды я стояла у дороги, а передо мной проходили этапом люди. Среди них я увидела босую девочку. Зимой – босиком! Я сняла свои единственные туфли и отдала ей. Домой вернулась без обуви.

В другой раз я спасла от смерти человека, у которого были отморожены ноги. Много лет спустя, в 1972 году, совершенно случайно я его встретила. Знаете, какая трогательная была встреча...

Я часто пряталась на чердаке. Там был мой наблюдательный пункт. И вот я увидела, как в гетто вошли люди, одетые в фашистскую форму. Я не догадывалась, что это были переодетые партизаны. Им удалось хитростью вывести коменданта и его охрану на поле, где их расстреляли из пулемета.

В 1944 году мы были освобождены. Радости не было предела. Люди радовались, обнимались. Даже не верилось, что все мучения позади.

В 1973 году я со своей семьей – муж, дети, внуки – переехала в Израиль, на историческую Родину. Мы здесь все очень счастливы. Наконец, за наши муки и страдания мы обрели душевный покой...

«ТРИ БРАТСКИЕ МОГИЛЫ... НА ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК...»

ВАЙНЕР Аркадий (1927 г.)

Я, Вайнер Аркадий Петрович, родился 22 апреля 1927 года в селе Манивцы Красиловского района Хмельницкой области.

Нас было семеро: отец, мать, три сестры, брат и я. До войны мы жили в деревне. Мать работала заведующей птицефермой. Отец был на разных работах. Началась война, и после того, как 7–8 июля 1941 года гитлеровцы оккупировали Манивцы¹, нас всех переселили в Кульчин², в гетто.

Евреев из трех районов согнали в это местечко, которое оградили проволокой. Всем повесили такие желтые круги, спереди и сзади, с синей окантованной звездой Давида. Внутри гетто были еврейские, а снаружи – украинские полицаи. На нас накладывалась контрибуция: все должны были сдать золото, драгоценности, у кого что было. Если не приносили, значит, под расстрел. Принудительно заставляли отдавать деньги или ценные вещи.

В мае 1942 года, под дождем, по грязи, всех молодых погнали, как стадо, из Кульчина в село Орлинцы Антонинского района (километров 8). Там нас заселили в конюшни, коровники, свинарники – в колхозный комплекс. Давали есть кормовую свеклу, иногда – гороховый суп.

Нас отправляли на тяжелые работы: мы грузили большие камни на высокие немецкие повозки. Если не удавалось камень погрузить, приходилось вручную толкать 5–6 километров к назначенному месту – к помещению в парке Потоцкого. Там этот камень выгружали, полчаса перерыва, опять погрузка и вручную обратно толкали повозку.

Нас вели все это расстояние напоказ, для того, чтобы местные жители видели, что такое евреи. А если мы не могли погрузить камень, он падал и прибывал всех, кто грузил. Тогда брали следующую группу, а прибывших на эту же повозку забрасывали.

Так продолжалось месяца два–три. Потом объявили, что нас будут отправлять с Антонинской железнодорожной станции. И нас привезли в Манивцы, то есть в мое родное село. До

войны там находилось военное подсобное хозяйство в больших двухэтажных зданиях. Оттуда нас гнали ремонтировать дорогу Староконстантинов–Теофилополь. Нам не дали никаких инструментов. Мы руками вырывали бурьян у этой дороги. Так мы проработали дней десять.

Потом отобрали мужчин, человек восемьдесят, самых здоровых и крепких, дали хлеб, дали лопаты и сказали, что отправляют на сахарный завод в километрах четырех, на торфоразработку. Их не было недели две. После изнурительных работ по переноске камня и на строительстве дороги семью переправили в концлагерь, находившийся между селами Манивцы и Росолівцы. Сюда же гнали и евреев из созданного весной 1942 года Красиловского гетто, а также из окрестных сел.

В июле 1942 г. к нам подъехало 8 или 10 машин с высокими бортами – в таких обычно возили силос для животноводства, чтоб не рассыпался. Началась погрузка евреев, и начался массовый расстрел. Все здания окружили украинцы-полицаи и немцы. Ни еды, ни воды уже не давали. Среди нас были маленькие дети, стоял плач, крик, все были голодные. Я со второго этажа открыл маленькое окошко и хотел прыгнуть немцу-охраннику на голову. Но меня оттянули, а он начал стрелять. Все вокруг говорили: что Бог дал, так и будет. Детей поили мочой.... Все осознавали, что близится неминуемая смерть.

Мои мать и две сестры были в первом здании, их уже увезли... Я был с младшим 13-летним братом и третьей сестрой, 19 лет. Группы периодически загоняли в грузовик и увозили на расстрел.

И подошла наша очередь. Мы на одной машине ехали втроем. Машина была битком набита людьми, и кто попал под низ, того задавливали. Сестра стала сопротивляться, когда нас погнало: ее по спине ударили, прибили позвоночник и забросили на машину. Я решил, что не пойду в яму, пусть меня лучше убьют на ходу, но я попытаюсь бежать. Возле меня в углу кузова стоял полицай. Я приподнялся и перебросил его через борт. Он упал на землю, а я прыгнул за ним и начал убегать. По мне стали стрелять и ранили. Я прыгнул в камыши у озера, и полицай не видел, где я. Таким образом я остался жив.

Об этом трагическом дне поэт Коломийцев написал стихотворение:

Під Манівцями у 42-м, у 42-м помилувать Бога просили,
У 42-м, у 42-м, щосили, щосили, щосили.
У 42-м стільки нас впало, коли кулемети косили,
Що аж замало, стало замало на всіх однієї могили.
Скільки сховали нас там лопати в страшному багатоголоссі.
То полічити, порахувати не можуть усіх ще й досі.
Під Манівцями спіткнулися доли, коли кулемети косили.
Під Манівцями затихли у полі три братські могили.

Три братские могилы... На пять тысяч человек... Расстреливали в три приема.

...Мне удалось спрятаться в камышах, и меня больше не искали. Я пришел к директору школы, в которой учился до войны. Он меня спрятал в сарае, где стояла корова, потому что боялся, что его домработница меня выдаст. Я ночевал в сарае, под яслями, сосал у коровы молоко, жил, как зверь загнанный. Директор мне дал справку, что я из интерната и зовут меня Музычук Павло Иванович. И я пошел работать в совхозе – промышленном предприятии, созданном немцами во время оккупации.

В 1944 году пришла Красная Армия, и я ушел назад в свое село. А в том же году я, несовершеннолетний, пошел в Красную Армию, в 17 лет, и пробыл там до 1951 года.

В 1948 году познакомился со своей будущей женой Лидой Иосифовной, мы поженились. Вот уже более 60 лет мы вместе.

После армии я закончил вечернюю школу, потом кооперативный техникум, а затем институт во Львове.

А брат, сестра и другие евреи, с которыми я ехал в одной машине, были расстреляны. Никто не выжил, никто не спасся в тот день, кроме меня и еще одной женщины, учительницы из Староконстантинова Фаины Груббер. Ей удалось спастись: пулеметная очередь не задела ее, но она упала в яму, и была завалена телами убитых. Ночью она вылезла из этой ямы.

Она уехала в Израиль и, к сожалению, уже умерла. В 1998 году она написала мне письмо, которое хочу привести здесь:

«Письмо ваше получила. Читать без боли нельзя. Боль... Тень меня держит на земле, а не под землей. Эта рана уйдет вместе со мной. Спасибо, что отозвался, хотя уже поздно. Но лучше поздно, чем никогда. Уважаемый брат мой по несчастью! Я все время благодарна Всевышнему, что оставил одну жертву, чтобы было кому поведать о наших муках. Рада, что уже не одна. Сама я родом из Кузьмина. Пережила Красиловское гетто. Восемь раз находилась в партиях смертников. Наконец, и сама попала в яму. Пуля миновала. Не помню, как выбралась и как оттуда смогла добраться в Кузьмин, где находился спасительный сарай. Моя жизнь – история, а человек рисковал для меня спасением. Я связана со светом – Израиль, Москва, США, Латвия, Киев и т.д. Мои ползарплаты и пенсия уходят на корреспонденцию. В Киеве в посольстве Израиля во время церемонии вручали диплом и медали спасителям – Праведникам мира. Я имела встречу со своими живыми спасителями, детьми и внуками ушедших из жизни. Выступала с трибуны два раза. Показывали по телевизору. Имею два удостоверения: «Узника гетто» и «Партизанский билет». Книга спасителей, автор Коваль из Латвии, книга в двух томах, со своими воспоминаниями: фото спасителей, много жертв фашизма, мой портрет в Староконстантиновском музее. В письме не все опишешь. Если можешь, приезжай, пожалуйста, сроднимся ближе. Я 1918 года рождения. Мой финал уже на пороге. Война забрала все... Вот вкратце о себе. Жду вашего письма. Сообщите о приезде. Всего вам хорошего.

С уважением, Фаина Груббер-Савчук.

Высылаю стихотворение на твой адрес. «Страта», Петро Савчук. Присвячується Груббер Фаїні, вчительці, пенсіонерці з міста Старокостянтинова, яка чудом врятувалась від смерті під час масового розстрілу євреїв німецькими окупантами.

Розривалися нерви і жили,
чорний кужіль блакить заснував.
Ще коли ви ішли до могили,
сам Г-сподь на вас руку поклав.
Люди падали, кров'ю обліті,
як палив автомат із плеча.

Ви упали також, як убита,
але в тілі лишилась душа.
Чи на рать, чи до Божої слави,
у собі приплив сили знайшли.
Серед трупів з могили піднялись,
І, мов привид, безстрашно пішли.
Йшли вночі, скривавлені, голі*,
Між кущів пробирались, не знали,
чи йдете до смерті, чи до волі.
«Врятуватись!» – лиш думка одна.
То ж спасібі, що люди є добрі,
приютили і дали вбрання.
То були ризики благородні.
Ви про них пам'ятайте щодня.
А живете, приходите вранці на горбик,
поміж кленів сумних, щоб вклонитися батьку і неньці.
Слава Богу, що ви не між них.

Вот моя история. Это тысячная, миллиграммная доля того, что произошло во время войны. Там, где были немцы, – все стерто с лица земли. Там, где были румыны, частью остались люди в живых – сотни, тысячи.

Нам надо знать и помнить всегда, что такое фашизм. До конца своих дней наша обязанность – отстаивать интересы, помнить об этих людях, не забывать того, что было. Тот, кто не помнит прошлое, не может знать настоящего и будущего. Поэтому все живые, кто бы они ни были, какой национальности ни был бы тот человек, в его душе должна оставаться боль на всю жизнь. Если он это ощущает, понимает и учит других и своих детей – это человек. А если он этого не знает, не помнит и помнить не хочет – это не человек. Все то, что люди могут сделать хорошего, они этим самым памятник для себя делают. Все будут помнить их. И я считаю, что где бы, на какой бы земле ни был захоронен человек, его могила достойна благородного к ней отношения. К сожалению, мы этого не видим сейчас

* Бо перед тим, як розстрілювали – роздягали, забирали всю одягу, палили, забирали, може в кого було золото.

в отношении, например, к тем трем братским могилам. После войны люди за свои средства построили памятник. Но все уже пришло в негодность, нужно покрасить заново, сделать новую ограду.

Хуже всего то, что эти могилы откапывались и грабились! Даже два года тому назад. Ведь люди знают, что у многих убитых золото было, у мертвых были золотые зубы. И вот приходят, делают «раскопки», чтобы вытащить из черепа эти золотые зубы.

Лет 30 тому назад в селе Витиевка начали копать котлован для строительства какого-то сооружения. И как раз копали в том месте, где оказалось массовое захоронение. И экскаватор потащил эти кости, черепа, заблестело золото, и все как кинулись к этим костям, вытаскивать...

Мы обращались к властям Хмельницкой области с просьбой поддержать эти могилы, но, к сожалению, никто ничего не делает. Местные власти ничего не делают, вся надежда на международных спонсоров.

«Рожденные страдать»? Помни слезы и скитания Избранного народа. – Винница, 2011. – С. 147–149.

«ТАК ПОГИБЛО ЕВРЕЙСКОЕ МЕСТЕЧКО ХМЕЛЬНИК»

ВАЙНЕР Исаак

Сейчас публикуется много материалов о незаживающей ране нашего народа – о Катастрофе. Описываются трагедии того страшного времени, постигшие Киев, Минск, Винницу, Бердичев, Бар и другие города и местечки. Увы, к несчастью, не избежал этой участи и Хмельник¹ Винницкой области. До последнего времени он был известен как крупный бальнеологический курорт. Но не многие знают, что Хмельник был когда-то типичным еврейским местечком. Возникло это поселение около 700 лет назад, и среди его основателей были и евреи. Это они начали развивать торговлю, были первоклассными столярами, кузнецами, портными, меховщиками, ткачами, основали чугунолитейный завод (Гуревич и сыновья), текстильную фабрику (Гер) и др. Еврейское население Хмельника постоянно росло. Однако жизнь обитателей была трудной, работали они тяжело – от зари до зари. Не принесла и не могла принести достаток многодетным еврейским семьям и советская власть: люди едва сводили концы с концами... В первые годы советской власти еще существовали какие-то признаки еврейской жизни, но постепенно все еврейское уничтожалось: была закрыта синагога, в 1938 году закрыли единственную в городе еврейскую школу, а учителей репрессировали. Известен Хмельник своей знаменитой самообороной во время Гражданской войны. Тогда банды Петлюры, Шепеля и др. обходили Хмельник стороной... До 22 июня 1941 года в городе жило более 12000 евреев. Отчетливо помню, как мы были ошеломлены, предчувствуя беду. Но даже самые откровенные пессимисты не могли себе представить масштабы того горя, той трагедии, той катастрофы, которой суждено было произойти через какой-то месяц.

Помню, что в первые дни войны раввин Янкель Шапиро, бывший во время Первой мировой войны в плену в Германии, призывал евреев Хмельника бежать на восток. Он говорил, что

идут не те немцы, которых он знал, а идет армия убийц из совсем другой Германии...

Но организованной эвакуации не было – власти совсем не тревожились об опасности, которая грозила еврейскому населению. Бежали, кто как мог, и, увы, удалось это немногим.

Успела выбраться из города довольно большая группа шестнадцатилетних еврейских мальчишек, которые добровольно рвались на фронт.

Уже 9 июля 1941 г. в город вошли немецкие войска. Вскоре мне пришлось увидеть вблизи двух немецких солдат. Я прочел надпись на пряжках ремней: «Gott mit uns» – им все дозволено, им все дано, ибо с ними Бог...

Самуил Гиль в своей книге «Кровь их и поныне говорит» (Нью-Йорк, 1995) использовал воспоминания своего брата – Муси Гиля (*зихроно ле-враха*), бывшего узника Хмельникского гетто: «Когда фашисты ворвались в Хмельник, началась охота на евреев, и первыми в нее включились наши учителя-украинцы. Они оказались яркими националистами-антисемитами и уже на второй день оккупации собирали митинги, на которых призывали «скорее очистить город от жидов». Было издано воззвание, и подписали его наши бывшие учителя: Куприевич, Мазурук, Тараненко и другие. Да, нас предали учителя. И не только учителя, но и многие из тех, с кем мы вместе росли, учились, работали много лет. Из немецкого плена были уже в первые дни отпущены украинцы, и многие из них стали служить в полиции (Тарновский – начальник полиции, его заместитель – бывший лейтенант Щур, Киналь, Сулыма, Ищук, Фарина, Дремлюга и много других – всю свору и не перечислишь...). Это они с каким-то зверским остервенением, еще более изощренно, чем немцы, издевались, избивали, убивали беззащитных женщин, стариков и детей только за то, что те были евреями...

Евреи Хмельника сразу почувствовали, что они поставлены вне закона. Грабежи, избиения, убийства стали повседневными явлениями, смерть ожидала всех на каждом шагу, в любую минуту.

12 августа 1941 года под предлогом, что нужны мужчины для работы, немцы вместе с полицией согнали на площадь 400 мужчин и 1 женщину (ее звали Сарра Штрайхер, ее три сына

одними из первых ушли на фронт). Перед смертью над жертвами страшно надругались, избивали, у стариков отрезали бороды и заставляли их есть отрезанные волосы, петь «Интернационал» у памятника Ленину в скверике. Потом повели за город и расстреляли всех. Евреям запрещалось появляться на базаре; начался голод, надвигалась зима.

В первые дни 1942 года появился приказ всем евреям переселиться в Старый город, который был островной частью реки Южный Буг. Нам стало известно, что совсем недавно было уничтожено все еврейское население поселка Литин², расположенного в 30 км от Хмельника. Ранним утром 9 января 1942 года, в пятницу, после выпавшего накануне глубокого снега, в трескучий мороз Старый город оказался в плотном окружении немцев и полицаев. После сигнальной ракеты началась расправа над людьми. Мне удалось бежать и спрятаться в одной из пристроек к дому в центре города и наблюдать страшную картину.

Через щели в двери я видел, как выгоняли из домов полураздетых людей. Тех, кто не мог идти, избивали прикладами, убивали на месте. Всюду трупы и кровь на снегу... Пулемет не умолкал весь день. Лишь несколькими удалось бежать, выбраться из расстрельной ямы.

Было убито в этот день 6800 евреев города, а 16 января, тоже в пятницу, расстреляли еще около 1500 евреев. Это была вторая кровавая пятница. Оставили временно в живых только специалистов – столяров, портных и др. с семьями, всего около 1300 человек. Их поселили в большой скученности на одной из улиц и в прилегающих к ней переулках. Эту улицу называли Юденштрассе. Это было Хмельникское гетто. Позже нам стало известно, что планировалось полностью уничтожить всех местных евреев, но, по счастливой случайности, нашелся один порядочный человек, инженер Курдюков, который работал в управе. С большим трудом ему удалось убедить убийц, что необходимо оставить в живых специалистов.

Жизнь в гетто была очень тяжелой.

Многие пытались бежать, но почти все они погибли. Лишь единицам удалось попасть в партизанские отряды (среди них: Изя Резников, Аврум Вайсман, Лева Кнелойз, Сима Мазовецкая, Рахиль Портнова).

12 июня 1942 года в городе появились венгерские солдаты. Это они вместе с полицаями убили 360 пожилых людей и детей. Тогда погибла моя бабушка Бейла и трехлетняя сестричка Буся...

Жизнь в гетто становилась невыносимой, угроза его полного уничтожения уже витала в воздухе. 3 марта 1943 года это и произошло. В живых оставили всего 340 мужчин и трех женщин; их поселили в помещении бывшей еврейской школы. Бежать оттуда было очень трудно. Но все же единицам удалось вырваться из Хмельника и добраться до Транснистрии (румьинской оккупационной зоны на юге Украины, где расстрелов в то время уже не было).

Так погибло еврейское местечко Хмельник. Было расстреляно более 11000 евреев города, поселка Уланов и окружающих сел. Нет полного списка погибших в Катастрофе хмельничан – всего 2500 имен зафиксировано для времени Второй мировой войны в Мемориале Яд Вашем. Поступают туда единичные анкеты и в наши дни, но полного списка не будет уже никогда.

Мне хочется сказать здесь о двух фотографиях из книги Самуила Гиля «Кровь их и поньне говорит». На первой фотографии из пяти мальчиков остались в живых двое – Муся Гершман и Миша Брандт. Сема Беленький и Муся Горбонос погибли в 1942 году, а Нюне Шабесто удалось спастись, но после освобождения он сразу пошел на фронт и вскоре погиб...

В день окончания 10-го класса в середине июня 1941 года сфотографировались 9 прекрасных еврейских девушек. Каждая из них мечтала о счастье, о любви... Из этой группы в живых остались тоже двое: Зина Рибштейн и Рая Тыкер. Некоторые выжили благодаря добрым порядочным людям – неевреям, которые, рискуя своей жизнью и жизнью своих близких, спасали евреев. Это семьи Онупшкевич, Педаченко, Варфоломеевы Иван и Надежда, а также дядя Илько (к сожалению, его фамилия мне неизвестна), Горбатюк, Цыбульский, Войтенко.

Некоторым из них присвоено звание Праведников народов мира.

В настоящее время оставшиеся в живых хмельничане, их дети и внуки живут в Израиле, США, Германии, Австралии. Мы собираемся ежегодно в Тель-Авиве на День памяти в марте – в го-

довщину гибели Хмельникского гетто. Нами, а также евреями-хмельничанами диаспоры собраны средства и уже установлены памятники на девяти братских могилах, приведено в порядок еврейское кладбище в Хмельнике. Вблизи от одной могилы нами установлен также символический памятник Праведникам народов мира.

Прошло 70 лет с тех пор. И в наши дни снова льется еврейская кровь, теперь на Земле Израиля. Почти каждый день погибают наши люди. Но я верю: Израиль выстоит с Б-жьей помощью. Я верю: Израиль вечен!

«ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО»

ВАЙНТРУБ Лейка (1928 г.)

Я, Вайнтруб Лейка, девичья фамилия Гривне, родилась в 1928 году в местечке Скуляны Бельцкого уезда, Бессарабия, ныне Молдова.

В довоенное время Скуляны были местом отдыха: свежий воздух, река и лес привлекали отдыхающих со всей Румынии.

22 июня 1941 года рано утром немцы уже были в Скулянах, которые находились на границе с Румынией.

Наша семья – мать, отец, я и мой младший брат – пытались бежать, но немцы нас схватили. Они приказали всем разойтись по домам, а всем евреям нарисовать на стенах домов желтую звезду.

Когда стемнело, мы спустились всей семьей в подвал. Подвал был глубокий и холодный, и там мы просидели целую неделю почти без еды и воды.

В один день немцы стали выгонять людей, которые прятались. Когда мы вышли из подвала, мы не могли даже смотреть на свет, но от страха бежали вместе со всеми. А вокруг все горело, много домов было уничтожено огнем, на улице лежали убитые.

Выгнав всех людей, нас окружил конвой и погнал в неизвестность. В колонне были слышны крики детей и женщин. Тех, кто пытался подойти к колодезю набрать воды, расстреливали на месте.

Когда мы перешли Прут, то поняли, что находимся в Румынии. Поместили нас в поместье, которое называлось «Стынка Разнован». Там стали отделять евреев в одну сторону, молдаван в другую.

Евреям приказали рыть рвы, раздели и стали расстреливать, некоторые стали сопротивляться, поднялся крик, суматоха, и в этой суматохе нам удалось бежать с помощью знакомых молдаван и спрятаться в лесу.

Когда стемнело, мы стали пробираться поближе к нашему местечку и залегли в зарослях. Линия фронта проходила не так далеко, и мы слышали грохот канонады. Но через несколько

дней нас обнаружили немцы и под конвоем опять отправили в Румынию.

Когда мы проходили то место, где произошел расстрел, нам казалось, что земля «дышит». Кругом валялась одежда, обувь. Стояла жара. Нам приказали бежать – я этого никогда не забуду: на моих глазах маленькая девочка вырвалась от матери и побежала к колодцу, но кто-то из конвоя ее застрелил. К мертвой девочке подбежала мать, тогда солдаты конвоя стали прикладами ее избивать, и она тоже осталась лежать мертвой.

Когда мы подошли к городу Яссы, нас завели в помещение, в котором накануне казнили евреев. Во дворе были горы трупов, везде валялась одежда, и тут мы поняли, куда попали и что нас ожидает. Кругом стояли немцы. Нас завели в огромную темную камеру, а ночью нас вывели и построили вдоль кирпичной стены: отдельно мужчин, женщин и детей. Дети кричали и плакали, но нас, продержав некоторое время, снова вернули в камеры.

А через пару часов нас погрузили в товарные вагоны с зарешеченными окнами. Не давая воды и еды, куда-то повезли. Но вскоре поезд остановился, двери открыли и первых, кто стоял ближе к дверям, вытащили из вагонов и повели к близлежащему лесу. Затем мы услышали выстрелы... и все поняли.

Но палачи вскоре вернулись, и поезд поехал дальше.

В вагоне было много людей, так что присесть или прилечь не было никакой возможности, и люди стояли, прижавшись друг к другу. Тот, кто не выдерживал и умирал, оставался стоять, зажатый живыми. Так нас довезли до маленького румынского городка Гюргю, расположенного на берегу Дуная.

Там нас выгрузили и разместили в бараках, огороженных колючей проволокой. Ежедневно выгоняли на принудительные работы, а вечером давали немного похлебки. В этом барачном лагере мы пробыли до осени 1941 года.

В один из осенних дней 1941 года нас построили, отвели на вокзал и погрузили в товарные вагоны. На этот раз нас повезли в Бессарабию. Там, на одной из станций, нас выгрузили и этапом погнали до города Сороки в Косоуцкий лес.

Было очень холодно – осень, но разжигать костры, чтобы согреться, не разрешали. Люди пытались бежать. Тогда нас вы-

вели из леса и погнали в сторону Украины. Мы должны были перейти мост через Днестр. На мосту стояли немцы с большой посудиною и отнимали оставшиеся еще у людей драгоценности: кольца, серьги. Каждого проходящего через мост обыскивали, того, кто начинал сопротивляться бросали с моста в воду.

Перейдя через Днестр, мы добрались до города Ямполь (Украина). Каждый такой переход – это оставленные трупы.

Младший брат отморозил ноги и не мог идти, отец усадил его на плечи и нес на себе. Так мы достигли села Новая Ободовка¹ Винницкой области. Там был лагерь таких же несчастных, как и мы. Нас загнали в коровник, в котором была сорвана крыша и не было дверей. Люди лежали на земле в ожидании смерти. О медицинской помощи никто не мечтал, люди завшивели, болезни и голод косили несчастных. Те, кто еще мог двигаться, по утрам выносили трупы и бросали в ямы около фермы.

Отмороженные ноги брата стали гноиться, началась гангрена. Но первым умер отец, не выдержав издевательств и своей беспомощности. А вскоре умер и брат. Я и мама продержались еще до весны.

Весной 1942 года умерла и мама, а я еле ползала. Заболела дизентерией, чесоткой, меня совсем заели вши, и я решила выбраться из этого лагеря смерти. Ночью переползла через дорогу и добралась до домика, который стоял на окраине. Но когда я подползла к забору, на меня бросилась собака. Кричать я не могла, но хозяева, услышав лай собаки, выбежали из хаты и увидели меня. Они только и могли сказать: «Дыгына!»

Подняв меня на руки, занесли в дом. Я была на последнем издыхании, чуть живая и вся в прыщах. Меня привели в чувство, потом кормили с ложечки, постригли, и в конце концов хозяйка этого дома тетя Надя меня выходила.

Прошло довольно много времени, пока меня смогли поставить на ноги. Со временем я узнала, что у них в сарае был спрятан еврейский мальчик Миша. Ночью они его забирали в дом спать. Кроме Миши и меня, они прятали еще одну женщину по имени Ента, но они ее называли Лена. Это были благородные люди, которые рисковали своими жизнями. Вот имена этой семьи:

Гудыма Иван Федорович – отец

Гудыма Надежда Ивановна – мать

Гудыма Владимир Иванович – сын
Гудыма Галина Ивановна – дочь и
сестра Ивана Федоровича – Мария.

Меня они тоже называли Леной.

Неподалеку от них жил полицейский из местных по фамилии Форостян, он что-то заподозрил и стал меня выслеживать. Я к тому времени, одетая в вышитую украинскую кофточку, широкую юбку и в косынке, уже понемногу помогала по хозяйству. Однажды этот полицейский спросил у сына хозяина Володи:

«Что это за дивчина у вас?» И тот ответил, что это племянница из соседнего села Тростянец. После этого случая меня стали прятать.

В доме была большая русская печь, где лежали мешки с подсолнухами, и меня прятали там же среди мешков. Но однажды к дочке пришла молодежь – девчата и парни. Играли на гитаре, тихо пели, и вдруг стук в дверь – немцы! Они не знали, что со мной делать. Кинули на кровать и набросали сверху подушек и одеял. Немцы посмотрели вокруг, нашли самогон, напились и ушли. Когда стали стаскивать подушки и одеяла, то думали, что я задохнулась под этой горой белья. Но под матрацем были доски и между досками щели, и я, лежа на этих досках, смогла дышать.

Дядя Ваня и его сын Володя партизанили. Ночью они уезжали на подводе, а приезжали под утро. Вот они и узнали, что в городе Балта собирают всех детей-сирот из лагерей и гетто. И как-то тетя Надя мне сказала: «Леночка, в городе Балта собирают детей-сирот, может, и ты туда поедешь? Потому что если с тобой тут что-то случится, я никогда себе этого не прощу». Я расплакалась, но ответила, что поеду.

Меня стали готовить в дорогу: дали мне теплую фуфайку, выстروчили мне на машинке теплые валенки с галошами, положили в торбу хлеб, лук, сало и семечки. Короче, все что у них было дома. Как заботливая мать отправляет в дорогу своего ребенка, так обошлась со мной хозяйка дома.

Наступила уже зима, стоял сильный мороз. Однажды утром приехал какой-то человек на санях, меня усадили и отправили в Балту. Меня провожала вся семья. Когда я села в сани, там уже находился завернутый в тулуп мальчик, звали его Шейнфельд Рувин. Мы поехали...

В Балте² находился приют, где было много детей. Дети спали на двухэтажных нарах, и каждый укрывался тем, что у него было. В приюте работали воспитательницы: Роза Львовна со своей младшей дочкой и Раиса Львовна. Была еще нянечка, но я уже не помню, как ее звали. Дети приезжали из разных мест: Печоры, Бершади, Песчанки и других городов и сел. Кормили нас мамалыгой. Ночами приходили немцы с собаками и искали кого-то. Проснувшись, мы плакали – боялись.

Рядом с приютом стояла итальянская воинская часть, и мы ходили туда попрошайничать. Весной 1943 года приехали женщина и мужчина, которые привезли много одежды. Отобрали часть детей, приодели и сказали, что забирают в Румынию. В числе отобранных была и я. Ночью нас погрузили в товарные вагоны и мы поехали... Дорога была очень долгой. По пути нас бомбили. Так мы доехали до города Яссы в Румынии.

Была пятница, вечер. Нас ждали, приготовили баню. В бане нас постригли и переодели. Когда мы вышли чистые и одетые, то друг друга не узнали. Затем нас повели в столовую, где горели свечи. После ужина нас повели спать. Кровати были застелены чистыми простынями, все блестело. В эту ночь от волнения и радости никто не мог уснуть.

Но война шла за нами следом. Фронт приближался, и нас на машинах увезли в сторону Плоешт. Когда мы проезжали через город, он был весь в огне пожаров. Мы поехали дальше через Ботошаны, где оставили часть детей, а остальных увезли в Бухарест.

В Бухаресте нас поместили в какое-то помещение, где кормили, а больных детей лечили. Когда приблизились советские войска, мы спустились в бомбоубежища...

После того, как город был освобожден, к нам приехали представители советского посольства и составили список детей. Потом нам объявили, что нас отправляют на родину.

Опять товарные вагоны и сухой паек. Нас привезли в Константиновку Донецкой области в детский дом, где уже было много детей-сирот. Старших отправили в ФЗО, на работу, нас, младших, определили в школу. Кормили нас очень плохо, мы почти голодали, каждый старался попасть дежурным на кухню, чтобы сходить в подвал и набрать там морковку на всю группу,

а после отбоя, когда воспитатели уходили домой, все, как зайцы, лежа под одеялами, грызли морковь.

В этом детдоме была одна воспитательница Мария Моисеевна, еврейка. Она брала меня и мою подружку Эстер к себе домой и кормила.

В городе Константиновка был большой металлургический завод, который шефствовал над нашим детдомом. К каждому празднику шефы дарили нам подарки, а мы в каждый праздник выступали – пели и танцевали.

Став немного взрослей, я покинула детдом и поехала в Черновцы, где встретила ребе Зисю Португальского, его жену и сына Исроэля, которые вернулись из гетто. У него жило много детей, и он приютил и меня, так как хорошо знал моего отца и деда. Живя у него, я начала поиски оставшихся в живых родственников и нашла мамину сестру, которая вернулась из эвакуации. Она осталась одна с тремя детьми – муж и старший сын погибли. Она предложила мне переехать к ней в Скуляны. Мы поселились в маленьком домике, где жить было очень трудно. Ее дети и я повзрослели, пошли учиться, работать.

Потом я вышла замуж, обзавелась своей семьей и стала разыскивать своих спасителей: дядю Ваню и тетю Надю, но их уже не было в живых. Нашла их сына Володю, он жил в Виннице. У него была уже своя семья: дочь Галина, врач, другая дочь Валя – учитель, сын Олег, который окончил авиационный техникум. Мы встретились с семьей Владимира Гудымы. Собрались все дети и внуки. У него оказалась чудесная жена Антонина Ивановна. Все вместе поехали на кладбище в Новую Ободовку, побывали на могиле его родителей, а потом поехали к тому месту, где покоились мои родители и брат.

К сожалению, там нет никаких памятников или хотя бы надгробных плит, а ведь там лежат много безвинно погибших людей. Место это заросло бурьяном, и нет никаких знаков, которые бы напоминали о трагедии, происшедшей здесь во времена немецкой оккупации...

«Забвению не подлежит». – Мельбурн, 2003. – С.186–191.

«ЭТО БЫЛО ТОЛЬКО НАЧАЛО НАШИХ МЫТАРСТВ...»

ВАЙНШТЕЙН Анна

Июнь 1941 года. Летние каникулы. Я нахожусь в пионерском лагере. И вдруг, как гром среди ясного неба... Война началась неожиданно для всех нас, на наш город Могилев-Подольский¹ посыпались бомбы. Все готовились к эвакуации.

На тот момент наша семья была небольшая: мама Фира, сестра Рита 4-х лет, родители мамы – бабушка Фейга и дедушка Залман – и я (12 лет). Брат Натан после окончания школы пошел добровольцем в Красную Армию, а наш папа был репрессирован в 1939 г.

Райпотребсоюз, где мама работала бухгалтером, предоставил нам машину, по дороге нас много раз бомбили. Вскоре нашу машину забрали, и все ехавшие на ней люди разбрелись, кто куда. А мы каким-то образом добрались до города Томашполь и несколько дней жили там в одной еврейской семье. Но наш «отдых» недолго продолжался. В одну из ночей Красная Армия покинула город, и на рассвете в него вступили немцы.

Никогда не забуду это утро, когда под звуки духового оркестра немцы прошагали по главной улице, а украинское население встречало их хлебом и солью на белых рупниках. Мы стояли в стороне, и одна мысль нас одолевала: «Что с нами будет?»

Прошло два дня, и мы решили возвратиться в наш Могилев-Подольский. Через день мы уже шагали в сторону дома через местечко Боровка². Там мы остановились на пару дней, и до нас дошли страшные слухи о том, что немцы уничтожают евреев.

Недалеко от Боровки находится местечко Черневцы, и перед тем, как продолжать путь в Могилев-Подольский, мы решили туда зайти. Но мама хотела сама убедиться в том, что в Черневцах спокойно, и отправилась туда вместе с дедушкой. Они ушли на рассвете и обещали в тот же день вернуться.

Все еще спали, и летнее солнце не пекло так сильно. Вдруг это мирное утро огласили страшные крики соседей и команды

на немецком языке. В наш дом также ворвались гестаповцы с автоматами. Они кричали: «Выходите, паршивые евреи!» Бабушка Фейга, моя сестренка и я вышли из дома и были направлены к бывшему сельсовету. Когда мы туда пришли, там было немного людей, но постепенно люди прибывали и прибывали, а местные мальчишки вносили в здание сельсовета лопаты.

Наивные евреи говорили, что лопаты нужны для работы в поле, но наша мудрая бабушка поняла это по-своему. Она сказала, что надо отсюда выбираться. Но как? Здание было окружено высоким каменным забором, а на воротах стояли украинские полицаи, а украинские дети все несли и несли лопаты...

Бабушка обошла здание с обратной стороны и обнаружила там низкое место в заборе. Сначала она подсадила на забор меня, это далось ей нелегко: я боялась спрыгнуть на другую сторону. Потом подсадила Риту, и я ее приняла, а затем кое-как перелезла сама... И мы ползком стали пробираться сквозь бурьян и всякий мусор к дороге. Но как только мы вышли на дорогу, украинские жители предупредили нас, чтобы мы прятались, – немцы рыщут везде в поисках евреев. Тогда еще никто не предполагал, что они собираются делать с евреями.

Мы пробирались подальше от глаз – через кукурузное поле, небольшой лес. Маленькая Рита устала, и мы несли ее на руках. Она плакала, хотела пить, есть. Одна крестьянка сжалилась над нами и вынесла нам кусок хлеба и кружку молока.

К вечеру мы добрались до Черневцев, но когда нашли дом, где должны были находиться мама и дедушка, оказалось, что мама ушла за нами в эту проклятую Боровку. Мы были в шоке и посчитали маму погибшей – уже ходили слухи, что в Боровке убили всех евреев. Мы были уверены, что мама угодила в это логово и погибла. Но Бог распорядился иначе...

Мама почти уже дошла до Боровки, но ее встретили крестьяне и предупредили, чтоб туда она не ходила. Она, конечно, послушалась и продолжала идти дальше. Вблизи Боровки ее остановили душераздирающие крики. Она залегла в кукурузе и слышала выстрелы, она поняла: там убивают людей. Она хотела бежать к нам, но не могла подняться. Так она долго просидела в кукурузе, обдумывая, как покончить с собой. Но какой-то голос подсказывал ей, чтобы она не торопилась – может оказаться, что мы живы...

Когда стемнело, она побрела обратно в Черневцы. Как нашла дорогу, она не помнила. И когда, взойдя на порог дома, она увидела нас, она упала в обморок, и мы ее еле откачали. Но это было только начало наших мытарств во время оккупации, а затем – еще 2 года и 9 месяцев оккупации в Могилеве-Подольском.

Нас будто берег ангел-хранитель. Людей забирали в лагеря смерти, а нам удавалось этого избежать. Мы голодали и болели разными болезнями, в том числе тифом, но выздоравливали без единой таблетки. Может быть, потому, что наша религиозная бабушка день и ночь молилась за нас?

Холодной дождливой осенью 41-го года мы вернулись в родной город, из которого бежали под грохот артиллерии и бомбовых ударов. Это было ужасно, но еще хуже было вернуться в город, оккупированный немцами и румынами. Когда мы уходили из своего дома, с собой взяли только самые необходимые вещи, а вернулись в дом, полный разбитого стекла, поломанной мебели, перьев и каких-то тряпок. Все было разграблено, а то, что не смогли вынести, разбили, разорвали, уничтожили. Впрочем, такой же погром был учинен во всех еврейских домах. На меня, двенадцатилетнюю, эта картина произвела ужасное впечатление, и она преследует меня всю жизнь. Но самое страшное ждало нас впереди.

Когда мы почистили и убрали квартиру и кое-как устроились на ночлег, начался сильный ливень, и вода в Днестре стала прибывать. Через день–два почти весь город был залит, кроме небольшого островка в центре (Красная площадь). Весь народ кинулся спасаться к этому месту. Но оказалось, что и на окраине города на небольших возвышенностях нет воды, и там осталось несколько незатопленных больших домов. Туда мы со всеми и побежали. Не буду рассказывать, как пережили следующие несколько дней. Вокруг нас было море. Помню, как люди спали на полу и комнаты были забиты людьми до отказа. Взрослые вообще не ели, все отдавали детям.

Когда вода спала, мы вернулись в наш дом – он был разрушен наводнением. Мы нашли другую квартиру, в которой уже жили такие же бездомные, как и мы. В двух маленьких комнатах жили 10–12 человек, как одна семья.

Надо было добывать средства к жизни. Мама ходила на базар, покупала какие-то старые вещи, перешивала их на детскую одежду и продавала на той же толкучке. Каждый день она приносила нам что-то поесть. Без нее мы бы умерли с голоду. Бабушка готовила еду, а дедушка молился, да и бабушка вместе с ним. Это было ужасное время, годы голода, холода, болезней, опасностей – нас несколько раз чуть не угнали в лагерь смерти Печора, но удавалось спастись. Больше мне не хочется вспоминать те горести и муки, которые вынесли мы во время оккупации.

Сегодня мы с сестрой Ритой сидим и вспоминаем войну, нашу маму, бабушку, которой мы обязаны своим спасением, и Красную Армию – нашу освободительницу. 19 марта 44-го, когда мы увидели наших солдат, остается для меня самым счастливым днем жизни.

[www/netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Vainshtein.html](http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Vainshtein.html)

«МЕНІ ВДАЛОСЯ ВТЕКТИ З ГЕТТО»

ВАЙСКОП Олександр (1935 р.)

Я, Вайскоп Олександр Якович, народився 20 вересня 1935 року в селі Кузьмин Городоцького району Хмельницької області.

Коли почалася війна, батька забрали на фронт, село окупували німці.

В серпні 1941 р. почалися масові вивози євреїв в гетто станції Ярмолинці¹, в тому числі, як син єврея, був і я.

У грудні 1941 р. мені вдалося втекти з гетто, і до кінця війни я переховувався в селі Кузьмин² в сім'ї Чернецького Терентія Кириловича.

Після визволення села пішов у 1-й клас Кузьминської школи, в 1952 р. закінчив 7 класів цієї ж школи.

З 1952 року до 1996 року працював у колгоспі різноробчим, потім комірником.

Пенсіонер, інвалід 3 групи.

Одружений: дружина Вайскоп Марія Федорівна 1933 року народження, інвалід 2 групи.

Батько, Вайскоп Яків Афонович, помер в 1975 р.

Мати, Вайскоп Марія Михайлівна, померла в 1966 р.

МОИ СКИТАНИЯ

ВАСИЛЕНКО Иосиф (1927 г.)

Я, Василенко Иосиф Сергеевич, родился 9 мая 1927 года в селе Турье Старосамборского района Львовской области (бывшая Польша).

В 1934 г. я пошел в школу. В школе изучали польский язык и местный – украинский. Почему местный? Потому, что на то время местные жители считали себя не украинцами, а русинами, и их говор отличался от теперешнего украинского. В школах было принято перед началом занятий молиться, а так как я не христианин, то во время молитв я только стоял и слушал, как они молятся. Кроме меня, иудея, в классе были еще два еврея, а всего в нашем селе было свыше трех десятков детей еврейской национальности. Эти молитвы я хорошо запомнил, и в дальнейшем они мне пригодились во время моих странствий в 1941–1942 годах.

У нас было немного земли, на которой мы выращивали овощи и даже зерновые. Землю обрабатывали родители, и помогал я, поскольку я был старший. Была у нас в хозяйстве лошадь и корова, которая давала немного молока. Иногда я носил продавать творог и сметану в город Борислав, который находился недалеко. Каникул у меня не было из-за того, что приходилось помогать в огороде и по хозяйству. В свободное время я брал корзинку или ведро и собирал в лесу всевозможные ягоды, которых было много, а ближе к осени я собирал грибы. Отец в зимнее время работал на лесозаготовке, вывозил на своей лошади на склад спиленные бревна, а мама моя умела шить на машинке, чем и занималась.

Жили мы все дружно, я шефствовал над своими младшими братьями и сестричкой, ей было 5 лет, и была она очень красивая. Кем бы она стала, если бы не фашистские варвары, которые развязали войну!

В 1939 г. к нам, в село Турье, пришла советская власть но ненадолго: 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, и через несколько дней к нам пришли немцы, которые начали творить свои черные дела.

В один из дней за нами пришли полицаи и немец, нас повели на сборный пункт. Во время конвоирования я воспользовался моментом, забежал в один из дворов и побежал в сторону леса, который находился рядом. Я успел забежать в лес. Раздались выстрелы, но я продолжал бежать.

Когда я понял, что за мной нет погони, немного отдышался и пошел вглубь леса. Так я шел, пока не стемнело, потом я наломал веток и лег спать. Когда проснулся, пошел дальше. В лесу было много ягод, которыми я утолил голод. Так я дошел до полустанка, где сел на пригородный поезд и доехал до Львова.

Потом я пересел на другой пригородный поезд и доехал до станции Здолбунов. После чего я опять пошел пешком. В одном из сел я попросился к одному хозяину на работу, после долгой беседы он взял меня к себе. Сельскохозяйственные работы я знал, так как приходилось это делать дома.

Однажды, это была уже осень 1942 г., я выпасал коров, на опушке леса появились три вооруженных человека. Подозвав меня, спросили, есть ли немцы или полицаи, я все рассказал, потом я узнал, что это были партизаны. Я стал просить, чтобы они взяли меня к себе, рассказал им все о себе, почему я здесь нахожусь.

Посоветовавшись, они взяли меня с собой. Оказалось, что это разведчики партизанского отряда Дмитрия Михайловича Медведева, который начал действовать в этом районе. В отряде я находился до марта 1944 г.

Эту местность освободила Красная Армия. Деваться было некуда. Я пошел в военкомат города Дубно и стал просить, чтобы меня взяли в армию. После небольших уточнений меня направили в 139-й стрелковый полк, где я и прошел курс молодого бойца. Потом – присяга, и меня направили на 3-й Белорусский фронт.

Дошел до Восточной Пруссии, затем нашу часть перекинули на Дальний Восток на остров Сахалин, где пришлось воевать с японцами по освобождению Южного Сахалина. Был ранен.

Демобилизовался в 1953 г., решил поехать на родину. Приехал туда. На месте, где стоял наш дом, уже стоял другой

дом. Наш дом сожгли немцы. Здесь я узнал, что мои родители и моя семья погибли в гетто города Турка¹ Львовской области.

Моя бывшая одноклассница сообщила мне, что недобитые бандеровцы готовятся меня убить. Я не стал рисковать и уехал в Киев, где проживала моя единственная уцелевшая родственница. Нужно было устраиваться на работу. Для этого нужна была прописка. Наконец я нашел работу, где давали общежитие.

В отделе кадров начали придираться, почему я долго не прописывался. Я пошел к начальнику милиции Подольского района Киева. Я ему рассказал о своих похождениях. Он достал лист бумаги, дал его мне и сказал, чтобы я все описал. Прочитав, он наложил резолюцию на моем заявлении: демобилизованного из Советской Армии прописать постоянно. Устроился на работу в «Киевспецстрой», где и проработал до пенсии.

В 1959 г. женился. В 1960 г. у нас родились два сына-близнеца. Когда пришло время получать паспорта, а с фамилией Меер поступление в вуз было под вопросом, мы с детьми решили перейти на фамилию жены Василенко.

В 1991 г. я отдыхал с сыном в санатории в Сваляве Закарпатской области. В один из дней сын предложил поехать на мою родину, это недалеко. Мы за один день успели и вернуться. Когда мы приехали туда, я получил неожиданную новость, что два года назад приезжал мой младший брат, который отдыхал в Трускавце и которого я считал погибшим. Он оставил свой домашний адрес. Я ему написал, и он тут же приехал к нам в Киев. Так через 50 лет мы с братом встретились, считая до того друга погибшими. Сейчас он проживает в городе Подольск Московской области.

В настоящее время живем вдвоем с женой. Я являюсь инвалидом войны I группы, жена – инвалид труда II группы.

«ЗЕМЛЯ БЫЛА В КРОВИ...»

ВЕКСЛЕР Юлия (1936 г.)

Я помню, как на второй день войны провожали односельчан на фронт. Помню руки отца, он ласкал ими мое лицо. Помню приход немцев в село, помню охоту полицаев на подростков для рабства «цивилизованному рейху».

Я помню роковой день 14 сентября 1943 года. Время не сгладило случившуюся тогда трагедию. На грузовую машину погрузили всех моих родных. Их было 10 человек – дети, старики, женщины. Моей сестре исполнилось 17 лет. Через полчаса их расстреляли за селом. Я до сих пор слышу эти залпы, вижу эту машину. Очевидно, мне суждено было жить. Сидела под забором у соседки, она же и спасла меня. Не нашли убийцы и маму. Она работала в поле на обмолоте хлеба. К вечеру мы добрались к месту казни. Земля была в крови.

Господи! За что? Посмотрите на это безумие и жестокость! Смотрите и проклинайте убийц.

«...Не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит и по тебе.»

На второй день после гибели родных мне исполнилось семь лет.

Прошли годы. Вместе с мужем-украинцем мы воспитали двух дочерей. Растут четверо внуков. Они уже русские и украинцы. А я, их бабушка, остаюсь сама по себе, со своими мыслями, со своим народом. Все прошлое застыло во мне. Я с ним не расстаюсь. Потому что есть свой Бабий Яр. Он был в моем детстве, он останется со мной до конца моих дней. Своим детям я завещаю эту могилу, чтобы помнили.

Мучает один и тот же вопрос: зачем? За что? Сколько их, этих братских могил? Тысячи? Миллионы? Задумываются ли люди, что там, под камнем, чья-то оборванная жизнь, что там люди, смотревшие смерти в глаза? Они видели своих палачей, а те получали удовольствие и награды за убийство.

2500 евреев – жителей Терновки¹ и окружающих сел – были расстреляны в лесу, что в четырех километрах за селом.

...Тревожно шумел черный лес. Возле братской могилы стояли незнакомые мне люди. Тихо плакали. Они приехали хоронить еврея, последнего из «терновских могикан». В братских могилах лежат его жена, две дочери, расстрелянные фашистами. Он ушел к ним через 40 лет.

Мне показалось, что я слышу крики людей, залпы выстрелов. Слез не было, но хотелось превратиться в камень, ждала, чтобы рухнуло небо, чтобы в пламя превратился лес. Может быть, в этом аду погибли бы ненависть и жестокость, безумие и тупость...

«МИ ПОЧАЛИ ПУХНУТИ ВІД ГОЛОДУ ТА ХОЛОДУ»

ВЕНГРЕНОВСЬКА Тетяна

Коротке оповідання мого знаходження під час фашистської окупації в гетто для євреїв.

Я, Венгренівська (Шустерман) Тетяна Шулімівна, народилася в місті Джурин Вінницької області. Через деякий час ми переїхали жити в інші міста України.

Коли розпочалася війна, батька забрали до війська, а я, мама і брат повернулися назад в місто Джурин¹ з міста Проскурів. Але на той час у нас з родичів у місті нікого не залишилось, і ми розбрелися поміж чужих людей, хто куди міг.

Літом, коли прийшли німці, то вони зразу заснували гетто для євреїв. Декілька єврейських будинків загородили колючим дротом і зігнали туди всіх містечкових євреїв. Більшість євреїв притулились, хто де міг, а я – мале дитинча – опинилася в собачий будці, та й то слава Богові, що не в підворітті.

Та гірше всього почалося, коли нам всім заборонили вдень виходити за зону, щоб набрати води, чи що-небудь випросити у людей, хоч трохи лушпайок від картоплі. Ми почали пухнути від голоду і холоду.

Настала зима. Немає сили, щоб описати, що я пережила за ті довгі роки окупації. Вночі, коли заснеш, то на ранок не можна було вилізти з конури, в якій я жила, тому, що мої коси примерзали до землі. Та добрі люди підказали, що треба відрізати коси, а вони в мене були дуже красиві, та нічого іншого зробити не можна було. Після цього хоч можна було спасатися гребінцем від паразитів.

Приходив день, і поліцаї гнали дорослих на працю, а мене, як малолітню, не брали, хоч це і був єдиний порятунок щось з'їсти. Населення кидало хто шматок хліба, а хто бараболю, правда, поліцаї за це дуже били.

Згодом зима добралася до мене. На ноги не було що взути, приходилося завертати ноги гонучками. Та за день гонучки намочувались і вночі замерзали. Так я обморозила ноги вище

колін. Вони почорніли, і було дуже боляче. Ті болячки не пройшли і тепер. Від голоду і холоду перестав працювати шлунок, опух, і мені стало важко вилазити з моєї нори. Та добрі люди мене витягали і жаліли, хто як міг.

А для того, щоб хтось поділився їжею, потрібно було працювати, то й дитину посилали носити вдень воду...

«В ПЕРЕПОЛНЕННОМ ГЕТТО ЕВРЕИ УМИРАЛИ, КАК МУХИ...»

БЕРХ Михаил

В июле 1941 года наше местечко Бершадь¹ оккупировали немецкие фашисты. Первое время был у нас немецкий комендант, который издал приказ, чтобы все евреи носили белые нарукавные повязки со звездой Давида.

Создали гетто. Тех евреев, которые жили вне гетто, переселили из их домов в гетто. Немецкий комендант был у нас недолго. Через месяца два или три вместо него пришла румынская администрация во главе с комендантом. Румынский комендант издал приказ, чтобы все евреи желтую звезду Давида носили спереди на левой стороне и на спине с правой стороны. Тех, кто не носил эти знаки, румыны жестоко избивали.

Осенью 1941 г. в наше местечко и окрестные села пригнали буковинских и молдавских евреев. Их были тысячи. Люди жили в ужасающей тесноте. Каждая семья местных евреев брала к себе в дома по несколько семей. Например, у нас в двухкомнатной квартире, кроме нашей семьи, жило еще четыре семьи из тех, кого пригнали. А в пустующие квартиры набивалось по сорок и больше человек.

Зима 1941–1942 гг. была очень суровой и снежной, и запертые в переполненном гетто евреи умирали, как мухи, от тифа, голода и холода. В нашей семье мы все переболели тифом.

Всех умерших вывозили на еврейское кладбище. Земля была замерзшая, и невозможно было рыть могилы, поэтому трупы складывали просто на кладбище. И только весной 1942 г. их смогли похоронить в братских могилах. Говорили, что за зиму 1941–1942 гг. умерло десять тысяч человек.

Из гетто не выпускали, выпускали только тех, которых гнали на работу, по пропускам. На работу гнали, кроме взрослых, также и подростков.

Я тоже был угнан на работу в город Балта² Одесской области. Нас туда гнали пешком, мы шли три дня. Гнали нас туда

румынские солдаты. Но через два дня я с товарищем удрал из Балты домой.

Нас гнали на разные работы, от чистки железнодорожного пути от снега до прессования сена, чистки лошадей и уборки конюшен и на другие работы.

Зимой 1944 г., кроме румынского коменданта, был еще и немецкий комендант.

Начали арестовывать людей за помощь партизанам. Успели расстрелять больше двухсот человек. У властей был план ликвидировать всех евреев гетто.

Но, на наше счастье, 14 марта 1944 г. наше местечко освободила Красная Армия.

«ЖИЛИ В СТРАХЕ, В ОЖИДАНИИ ХУДШЕГО...»

ВИКНЯНСКИЙ Евгений (1927 г.)

Я родился в июне 1927 года в селе Богачевка¹ Кривоозерского района Одесской области. Моего отца звали Григорий Наумович, а маму – Ента Янкилевна. Вся наша семья состояла из восьми человек. Семья была большая, жили в одном доме на окраине села. Старший брат Миша учился в школе, сестра Роза 1924 года рождения, брат Борис – 1925 г., я – 1927 г., Шурик – 1928 г., Исаак – 1935 г. Во время каникул все дети работали в колхозе. В селе на то время было 4 колхоза – «Правда», «Реконструкция», «Красной Армии», «Постышева». Папа работал в колхозе «Реконструкция» на разных работах. А мы, мальчишки, пасли коров, лошадей, работали, в основном, на конюшне. Жили не богато, но были одеты и обуты. Родители о нас заботились.

В 1941 году наша мирная жизнь закончилась. Шли слухи, что после Финской войны Германия начала войну в Европе. Я не был еще взрослым, но помню, как старшие собирались и разговаривали на тему войны.

Так слухами до июня 1941 года и жили. Мы с отцом на поле пасли скот, когда увидели, как самолеты летели в сторону Одессы, много их было. Мы скот в деревню погнали и там уже узнали, что началась война, на нас напали немцы, закончилась мирная жизнь.

Нас всех охватила паника. Появились военные люди, началась мобилизация. Из колхоза увозили старших ребят в военкомат, затем начали призывать старшее поколение. У нас в семье военнообязанных, кроме папы, никого не было. Шли слухи об эвакуации, и уже через неделю появились первые беженцы. Люди ехали повозками целыми семьями, с вещами и скотом. Нам говорили, что евреев не трогают. Это были провокации.

Председатель колхоза предложил папе эвакуироваться, но папа почему-то отказался. Через несколько недель пришла повестка отцу, его забрали в армию. Мы остались одни. Слухи раз-

ные ходили, провокаторы уговаривали, что все будет хорошо. Эти люди были чужими в селе, все об этом знали. Мой старший брат подал заявление в добровольцы. Так ушел в армию старший мужчина в семье. Мы работали в колхозе. Так было до августа месяца, когда наши начали отступать.

В деревню пришли оккупанты – немцы, румыны, итальянцы и другие, которых мы не знали. Когда они пришли, в деревне все уже было ограблено местными – магазин, склад, дома, колхозное имущество. То, что осталось после отхода наших солдат, люди разобрали по своим домам – коней, кур, коров, свиней. Через несколько дней было объявлено все вернуть в колхоз.

У нас появились новые хозяева. Новый председатель колхоза, полиция, жандармерия и тому подобные. Колхоз снова начал работать. Мы вернулись на работу, как было до начала войны. Старый председатель Яковенко ушел с нашими войсками, а новым назначили Бакурова, он был добрым человеком.

Через два дня после начала оккупации евреев, коммунистов и окруженцев зарегистрировали. Недовольные советской властью начали заниматься мародерством и грабежом. Появились полицейские, старосты, какие-то управляющие – все ходили и выискивали пленных.

Наша семья была на особом положении. Каждый день к нам приезжали и проверяли – на месте ли мы. Мы жили на краю деревни, недалеко от кладбища, жили в большом доме. Страшной всего было ночью. Дом, в котором мы жили, был колхозным, в свое время конфискованным у одного богача, которого раскулачили. В один день нашлись хозяева, начались претензии к нам, нас загнали в угол. Каждую ночь мы ждали полицию.

Главным полицаем нашего села был Иван Сикорский. Ему было 18 лет, он ходил с моим братом Мишей в один класс, кличка у него была Байло. Страшный это был человек. Когда Байло проезжал на лошадах с колокольчиками по селу, все, услышав звон колокольчиков, разбегались кто куда. Этот беспощадный и жестокий изверг контролировал нашу семью, и нам доводилось не раз унижаться перед ним. Я часто просил председателя, чтобы семью не трогали.

Так было до осени 1941 года. Нас пугали, что заберут. Я слышал, что евреев забирают и куда-то увозят. Нас пока не трогали,

люди помогали, письма собирали, просили за нас. Мы были под надзором Байло, кроме того, на каждой улице на каждые 10 домов был десятихаточник, который отвечал за свой участок, за свои 10 хат. Он и о нас докладывал постоянно Байло, надсмотрщик сообщал обо всем – когда приходили, когда уходили, когда были дома.

Нашим надзирателем был наш сосед Гунька, живший от нас через три дома. Мы с его сыновьями дружили, ведь до войны все соседи дружны были между собой, жили хорошо и ладно. Пошли слухи, что в Малой Богачевке, где мы раньше жили, колонию еврейскую выселять будут, а куда, мы не знали. Я часто был в Кривом Озере и слышал от людей, что евреев вывозить будут этапом в Одессу, где их расстреливают.

В одну ночь, в сентябре или октябре, не помню, услышали мы пулеметные выстрелы. Запомнил я это очень хорошо. Мы поняли: пришло время наших родственников, которые там жили. Мы не спали всю ночь, а утром в нашу дверь постучали. Тихо-тихо. Розочка подошла к двери и спросила: «Кто?» В ответ услышала: «Это мы, тетя Поля и тетя Соня» (жена двоюродного брата). В этот день мы узнали, что деревня была окружена со всех сторон, людей выводили семьями из домов, стариков, детей и всех, кого могли поймать, расстреливали в огородах, малых детей накальвали на штыки жандармы и полицаи из соседних деревень. Особо свирепствовали молдаване...

Тетю Соню и тетю Полю мы спрятали в подвале, они были у нас несколько дней. Потом маму с бабушкой предупредили: если чужих у нас найдут, всю семью расстреляют. Это Гунька предупредил, хотя сам не знал, что мы своих прячем. В ту ночь они потеряли своих детей – у каждой по две девочки было. Сами они в подвале спрятались, а после расстрела детей выбрались и к нам пришли. Вот так было с евреями из нашей колонии. Спасти удалось тем, кто успел спрятаться в полях и посадках.

Жили в страхе, в ожидании худшего. В середине осени полиция уехала в Киев на спецзадание. В деревне стало тихо. Продолжали работать, но работали не за совесть, а за страх. Боялись, чтобы нас не отправили туда, где стреляют, где воюют. Это был не просто страх, а чувство ужаса и обреченности.

Так прошли октябрь, ноябрь 1941 года. Зима наступила морозная, снежная. Тучи сгустились над нашей семьей. Только и разговоров было, что из Одессы и других районов евреев к Бугу перевозят. По ночам слышали выстрелы, а утром уже знали, кто и кого расстрелял.

В один из декабрьских дней я ушел в поле за кормами для лошадей. Возвращался ближе к вечеру. Пришел на конюшню, а конюхи сказали, что семью полностью вывезли румыны. Всех, кто дома был, забрали. И хозяйство забрали, в райцентр увезли. Это было перед Новым годом. Дома я встретил братьев – Шурика и Бориса. У соседей я обнаружил кое-что из наших вещей. Полицай Иван Сикорский забрал меня в управу, там уже были пойманные евреи из других мест, из колонии, окрестных деревень. Ночь наступила быстро. Это была первая ночь моего ареста.

Сначала из комнаты выводили девочек пьяные жандармы и полицаи. Потом их забрасывали в комнату обратно, как дрова. Что с ними делали, только Богу известно. Мы слышали крики, стоны и истерический плач. Затем начали выводить мужчин и мальчиков. Пожилых людей просто забрасывали в комнату полуживыми.

Я ждал своей очереди. Недолго. Схватив за воротник пальто, меня потащили к стулу. Голову положили на стул, один держал голову и руки, а жандарм с полицаями спустили с меня брюки и начали бить по голой заднице по очереди, считая удары. Я помню первые десять. После – я боли уже не чувствовал.

На следующее утро обозом повезли нас в район Кривого Озера². Так начался новый 1942 год. Мы приехали в район, мне сказали, что мои здесь. Нас заперли в душной комнате, воздух был очень тяжелый. Люди спали вплотную друг к другу. Там я нашел своих маму, бабушку, ее сестру и всех малых сестер и братьев. Они расположились у стены на полу, там была солома, и они поверх постелили одеяла. Всю ночь румыны, немцы издевались над девочками и женщинами. Так прошла та ночь – сквозь крики детей и слезы матерей. Мужчин избивали шомполами и плетьюми. Людей там было много, порядка 200–300 человек.

Утром начали кричать, чтобы мы во двор выходили. И мы снова плакали, прощались друг с другом. Началось построение. Мою семью посадили на отдельные сани. Я подошел к полицей-

скому и попросил его оставить меня рядом с мамой, это был наш человек – украинец. Он махнул палкой в сторону мамы и сказал, что это все равно ненадолго. Я стоял возле своих.

Началась стрельба, нас погнали. Сопровождали нас полицейские, жандармов не было. Все пьяные, как собаки бешеные. Когда вышли из Кривого Озера, мы поняли, что нас гонят в сторону Любашовки. Дорога была тяжелая, часто нас останавливали, стреляли и кричали, что в следующей балке будет хуже. Появились жандармы, немцы, полицейские, началась высадка женщин, стариков и детей. Я стоял возле своих, когда стемнело, меня начали уговаривать бежать. Народу было очень много. Я выбрал удобный момент, когда полицейский отвернулся, и прыгнул в группу людей, затем – на дорогу.

Дошел до крайнего дома и постучал в калитку. Вышел хозяин, посмотрел на меня и спросил, откуда я. Я сказал, что из детдома, иду в свое село Секретарку. Мой ответ не был для него убедительным, он сказал, что у него уже прячутся две семьи, и указал на соседний дом. В соседнем доме меня приютили, накормили, разрешили переночевать. Женщина, которая там жила, спасла меня от смерти, дала мне торбинку, пожелала удачи и сказала, что догадалась, кто я, перекрестила меня на дорогу.

Дошел я до Секретарки, пришел в конюшню, там переночевал в яслях, утром меня нашли конюхи и сказали, что все знают, но где мои братья, им неизвестно. Через несколько дней в селе появилась моя мама. Я долго не верил, но в одну ночь я пошел на край села, мне сказали, что она там может быть. Так мы и встретились, соседи стояли на охране, пока мы говорили, всю ночь проплакали. Мама рассказала, что с ними произошло.

Когда я убежал, весь этап опять начали грузить на сани и повезли в сторону Доманевки. Со слов мамы, когда они дошли до станции Вradiевка, их погнали без остановок. Выехали за станцию, извозчики были пьяные. Тех, кто от усталости не мог идти дальше, избивали, расстреливали. Подъехали к скирдам соломы и начали сбрасывать полуживых детей и стариков прямо из сани под скирды. Так и с нашей семьей поступили.

Мои родные спали там почти сутки. Потом у мамы начались преждевременные роды. Родился мальчик. Он только успел закричать и задохнулся от морозного воздуха. Переждав какое-то

время, мама с моей сестрой Розой пошли в ту сторону, где лаяли собаки. Была жуткая буря. Они и все, кто с ними был, дошли до села Березки, переночевали там.

До Степановки добрались только ночью. Дойдя до Малой Богачевки, мама с сестрой разделились. У мамы ноги были обморожены. Мама пошла впереди, сестричка позади. До Секретарки мама еле дошла. Как выяснилось позже, сестра вошла в Малую Богачевку, а на выходе из села ее поймали полицаи, затащили в конюшню, изнасиловали, потом выгнали и велели идти, а сами в спину выстрелили, тело бросили в кювет, присыпали снегом. Весной ее в том кювете нашли и похоронили. Мама пряталась у соседей, я – где мог.

Весной 1942 года начались новые облавы на евреев. Кого поймали, отправляли в лагерь. В апреле маму выследили и отправили в район, там она пробыла около месяца. Затем выследили старшего брата Борю и тоже отправили в район, где был свой лагерь смерти. Самой голодной смертью умирали люди, пригнанные из Одессы и Румынии, более сильных забирали на работы в совхоз. Борис был слабым после тифа, но мама сумела его удержать. Так мама и Борис попали на работы в совхоз. Меня тоже выследили, и я попал в Доманевку³, там я встретился с мамой и братом. Работали на полях до осени.

Я решил бежать из гетто в свое село. В селе работал на поле, а ночью спал с лошадьми. Десятихаточник Гунька уговаривал меня пойти в управу. Он был инвалидом Первой мировой войны и хромал на одну ногу, поэтому не смог меня догнать. Я убежал и спрятался в камышах. Позже, вечером, я узнал радостную весть – вернулся папа. Счастье мое было неописуемо, но в тот же день отца забрали в управу, а потом – в район. В то время я решил искать папу и пошел, точнее, побежал в Доманевку. Идти было недалеко. Там я встретил остатки своей семьи.

Мы жили в домиках, спали на нарах по 5–10 человек. Затем была ужасная зима. Тех, кто не мог работать, отправляли в район. Оттуда был один только путь – смерть. Этого мы очень боялись и делали все, что нам прикажут, только за то, чтобы нас покормили. Так прожили зиму.

Наступил 1943 год. Весной работали, как обычно. Пошли слухи, что немцы отступают, но мы ничего не чувствовали, толь-

ко чаще стали появляться жандармы, усилился контроль. Чаще стали привозить более крепких узников гетто. Мы жили вместе: папа, мама, я и Борис. Младший брат прятался у трактористов в Секретарке. К концу 1943 года по дорогам потянулись потоки беженцев, но уже тех, кто боялся советской власти.

В начале 44-го нам приказали рыть траншеи на берегу Буга. Это было недалеко от нашего участка. Утром нас увозили, вечером привозили. В конце января почувствовалась паника, оккупанты отступали, за нами усилили контроль, чувствовалось, что что-то может произойти. Я начал уговаривать родных бежать обратно в Секретарку, но согласия не получил. Договорился с другом Абрамом, он был родом из села Тридубы. Мы вышли на дорогу и присоединились к беженцам, а к вечеру были недалеко от Секретарки. До Тридуб было километров 15. Мой друг попросил зайти к нему в деревню, мы переночевали у одной старушки и с чердака наблюдали, как отступают немцы и гонят людей этапом к железной дороге.

Так продолжалось несколько дней. По ночам на востоке виднелось зарево. Немцы начали обыскивать дома, и нам пришлось уйти и спрятаться в стогах соломы и сена. Но вскоре мы все-таки попались, мы поняли, что это были власовцы. Нам приказали рыть окопы. Копали до утра, чудом удалось отпроситься и спрятаться.

Утром услышали крик, шум, выскочили на улицу и не верили своим глазам – наши, наши советские солдаты входили в деревню Тридубы!

Мы плакали от радости. Решил идти в родное село Секретарка. По дороге мне сказали, что наше село освободили утром. В селе зашел к тем, кто нас прятал, узнал про брата Шуру, он прятался на другом конце села. О родителях ничего не было слышно. Бориса забрали на этап каратели во время отступления. В Николаеве на Варваровском мосту его вместе с другими беглецами расстреляли, а трупы сбросили в воду.

Вот так из нашей большой семьи остались в живых папа, мама, братья Михаил, Александр, я и сестра Раиса.

БЫЛИ ЛИ ЕВРЕИ В ЧЕЧЕЛЬНИКЕ?

ВИШНЕВЕЦКИЙ Александр

Местечко Чечельник¹, где я родился и вырос, было в течение нескольких столетий местом, где жизнь шла по установленным издревле еврейским традициям. Основным языком местечка был идиш, на нем говорили все, включая детей. Среди местного украинского населения находились люди, которые также понимали и даже говорили на идише. Еврейские ремесленники местечка производили все, в чем нуждались крестьяне окружающих сел, и на заработанные средства жили. Словом, в Чечельнике, как и во многих местах Украины, евреи вполне вписывались в этнографическую и экономическую реальность.

Но если кто-нибудь ныне попытается выяснить, обитали ли когда-нибудь в Чечельнике евреи, то это будет нелегко сделать. Даже в «Краткой еврейской энциклопедии» отсутствует отдельная статья о моем родном местечке, а в других справочных изданиях можно обнаружить разве что упоминание о том, что это – «поселок городского типа, райцентр в Винницкой области», где имеется железнодорожная станция и сахарный комбинат. Недавно внимательно просмотрел в интернете на русском и украинском языках все, что связано с моим родным местечком – Чечельником, где я родился, был в гетто во время войны и затем учился в школе. И здесь не обнаружил подробных упоминаний о еврейской жизни в местечке. Лишь на одном из американских порталов удалось найти фотографию здания нашей синагоги. А один из найденных там материалов меня и удивил, и возмутил.

На «Винницком региональном портале» <http://www.portal.vinnitsa.com/> в краткой исторической справке по Чечельнику содержится довольно подробная информация о местечке, но нет ни одного слова о евреях, хотя вся документальная почти 500-летняя история местечка связана с евреями. Например, в 1939 году в местечке проживало 1327 евреев, что составляло 66% от общей численности населения местечка. И если сейчас евреев там не осталось, то значит ли это, что эту тему надо игнорировать вообще? Вероятно, кое-кому хочется замалчивать нашу

еврейскую трагическую судьбу в диаспоре, особенно в свете Катастрофы; нашу, например, связь с Украиной, ее народом, ее историей?

Впрочем, эта тенденция имеет место в различных странах и тесно связана с растущим антисемитизмом и ненавистью к евреям и, в первую очередь, с попытками замалчивания Катастрофы, в которой немалая доля вины лежит на странах и народах, где жили евреи.

...По существовавшей неписанной традиции, жители каждого местечка имели свое прозвище. Обитателей Чечельника обзывали «мешугим» (дураки), хотя единственный действительно умалишенный местечка был застрелен немцами в первые же дни фашистской оккупации, когда он бежал по местечку и выкрикивал на идише: «Мама, мама – немцы порядочные люди!» На всю мою оставшуюся жизнь мне запомнятся люди местечка не только своим умом и юмором, но и трудолюбием, готовностью прийти друг другу на помощь. Может, поэтому после столь страшных испытаний войны они обошлись без психологической и медицинской реабилитации и сумели остаться полноценными людьми вопреки всему тому, что выпало на их долю.

Даже сейчас, встречаясь со своими земляками через много лет, чувствуешь их теплоту, близость и родство. В местечке провела свою жизнь многие поколения по линии моего отца.

Когда началась война и стало известно, что немцы подходят к местечку, отцу дали в колхозе лошадь и повозку, и семья в спешном порядке эвакуировалась. Но добрались мы только до Днепра, и к этому времени за Днепром уже находились немецкие десантники, отрезавшие нам дальнейшую дорогу.

Пришлось возвращаться назад. Возвращаясь домой, побывали по пути в селе Покотилово Кировоградской области, где жил и отец моей мамы, и две ее сестры с семьями. Они предлагали моему отцу остаться с ними в Покотилово. Но отец отказался, и это спасло нас. Уже после освобождения мы узнали, что все евреи в Покотилово были истреблены поголовно и что над отцом матери фашисты особо издевались перед смертью.

Через месяц после начала войны местечко Чечельник было захвачено оккупантами, и уже на второй день они, подняв стрельбу, выгнали жителей из домов с целью их расстрела. Люди были

согнаны на площадь, и только вмешательство высокого немецкого военного чина, прибывшего к этому моменту в местечко, спасло людей от гибели. С того времени существует легенда, что этим военным был переодетый партизан. Немецкие и румынские военные с помощью украинских полицаев из местного населения и нескольких еврейских предателей начали грабить, убивать евреев, выгонять людей из их домов. Часто к этим акциям привлекались украинские крестьяне из близлежащих сел.

К концу августа 1941 года немцы передали контроль над территорией между реками Буг и Днестр и от Могилева-Подольского до Черного моря румынам, и эта территория получила название Транснистрия. На этой территории до войны проживало 300 тысяч евреев, 185 тысяч из них были затем уничтожены немцами и румынами. Румыны депортировали в Транснистрию десятки тысяч евреев из Румынии и Молдавии. Местечки, попавшие в румынскую зону оккупации, были переполнены беженцами.

Страшно холодная зима 1941–1942 годов, голод, большая скученность людей в домах привели к массовым эпидемиям, в первую очередь тифа и дизентерии. Моя мама мне рассказывала, что смертность среди евреев, особенно беженцев, имела здесь в ту зиму массовый характер. Мама в 1933 году окончила медицинский техникум в Гайсине (где все обучение велось на языке идиш), и даже находясь в гетто, она работала в местной больнице.

Вот отрывок из свидетельства одного из депортированных в Чечельник евреев из Черновицкой области. Это – Израиль Тайглер, 1918 года рождения, его архивное дело в Яд Вашем под номером 03.246 (перевод с немецкого, на котором он дал показания, и изложение этого материала – мои). Он из села Кадобешти, где к началу войны проживало 20 еврейских семей, все были депортированы. В живых к моменту освобождения остались только представители пяти семей. В ноябре 1941 года их пешком гнали много дней и пригнали в Чечельник. По дороге от голода и холода погибла его мать, ее пристрелили, т.к. она не могла уже идти. В Чечельник он попал с первой группой депортированных. Потом пригнали еще группы из Буковины и Бессарабии. С 1939 года здесь уже находились десять семей, бежавших из Польши.

Пустовавшие раньше дома были переполнены депортированными беженцами. Сразу же среди них возникла эпидемия тифа, и как минимум половина из этих людей пала жертвой этой эпидемии. Его отец умер от тифа в один из дней после прибытия. Труп отца находился восемь дней в той же комнате, где и Израиль Тайглер, который лежал рядом в тифозном бреду. Когда к нему вернулось сознание и он смог подняться, он пошел в местную общину и попросил помощи по похоронам отца. Но это удалось сделать только через несколько дней, так как число мертвых было очень большим и не хватало людей для копания могил, не было и никаких транспортных средств для доставки трупов на кладбище.

В местечке был общинный комитет, возглавляемый Иосифом Заславским, Биленьким и Грановским, и еврейская полиция под руководством некоего Волоха. Еврейским руководством управляли лица из румынской жандармерии. По распоряжению жандармерии евреев отправляли на принудительные работы на железнодорожную станцию, на сахарный завод, на поля. Часть депортированных была отправлена в Николаев на строительство мостов.

За выход за пределы гетто грозил расстрел. Несмотря на это, многие шли в прилегающие украинские села и у крестьян либо выпрашивали еду, либо пытались ее заработать своим трудом. Иногда община делила маленькие пайки продуктов, средства, которые поступали от евреев, оставшихся еще в Румынии.

Среди депортированных были свои медики, готовые бесплатно оказать помощь, но у них не было лекарств. Таково содержание воспоминаний Тайглера по Чечельницкому гетто.

С самой подлой стороны показали себя еврейские предатели, прислуживавшие оккупантам. Двум жителям местечка – красноармейцам Янкелю Тенцеру и Мотлу Блюменталю – удалось бежать из немецкого плена в местечко. Янкель к тому же был ранен в голову. Их выдал румынам Иосиф Заславский и сам сдал в комендатуру. На глазах некоторых жителей, в том числе жены Янкеля, они были расстреляны румынами. Немцы также периодически врываются в местечко и убивали евреев.

Ежедневный террор проводили также украинские полицаи. Одной из самых страшных страниц, связанных с ними, была по-

пытка уничтожить евреев местечка путем провокации. На свадьбе своей дочери местный полицаи Павел Гнида убил помощника коменданта румынской жандармерии, а затем попытался подбросить труп на территорию гетто. К счастью, румынские солдаты поймали его при этой попытке и затем расстреляли его и тех полицаев, которые были на свадьбе.

В моих воспоминаниях маленького ребенка о тех годах остались чувства ужаса, страха, холода и голода. Я запомнил истерический смех матери в самые опасные моменты, связанные с угрозой гибели. Часто в такие дни мы отсиживались в подвале собственного дома, боясь даже кашлянуть. Уже ближе к приходу советских войск мы скрывались в украинской семье на окраине местечка.

В целом, у родителей были неплохие отношения с местными украинцами, и это во многом было связано с профессиональными навыками отца как парикмахера и огромным опытом матери как медсестры, готовой в любое время дня и ночи прийти на помощь людям местечка и окружающих украинских сел.

В нашей семье как полноправный член жила с 1935 года наша няня, украинка Анна Бойко. В годы оккупации она также осталась с нами, невзирая на опасность для нее нашего совместного проживания. Но разве эти факторы хоть как-то могли сказаться на благополучном исходе для нашей семьи? Наши родители, как и все евреи местечка, подвергались издевательствам со стороны немцев, румын, украинских полицаев и даже своих еврейских предателей. Их жизнь была превращена в ад. Но они пытались сделать все, чтобы оградить нас, детей, от всего того, что обрушивалось на них.

Моя сестра Дора со своей подружкой Лизой Фишер даже в эти страшные годы занимались тайно по советским учебникам с преподавательницей Шурой Спектор, что позволило им после освобождения сразу начать учебу с 4-го класса, а не первого. Два племянника отца потеряли свое здоровье в гетто местечка. Один из них – Саппа Макаревский – был насильно угнан на судоверфи в Николаев и вернулся через несколько месяцев оттуда полуживой. Другой – Хананя Винокур – был так избит полицаями, что остался заикой на всю жизнь. Оба они умерли потом совсем молодыми.

Надежды на спасение не было никакой, хотя в местечке была подпольная еврейская группа, а в близлежащих лесах были партизаны. В парикмахерской отца работал молодой паренек Моня Цукерман, подслушивавший все, о чем говорили полицаи и немцы, и эту информацию передававший подпольщикам. Подполье в местечке возглавлял Исаак Грановский, ему помогала Евгения Борода. У них была тесная связь с партизанами, находившимися в близлежащих лесах. Именно от Грановского родители узнали о победе советских войск под Сталинградом.

И, тем не менее, нам повезло в том смысле, что мы оказались в Транснистрии. Ведь на территориях, занятых немецкими оккупантами, даже гетто не создавались, а еврейское население подвергалось немедленно поголовному истреблению.

17 марта 1944 года местечко было освобождено. Оставшимся в живых людям предстояло еще пережить голод на Украине 1947–1948 годов. Пережитая Катастрофа, голод, антисемитизм, нелояльное отношение властей, стремление евреев покинуть места массовой гибели и унижений, а также стремление переехать в большие города, чтобы дать детям образование, привели к тому, что еврейская жизнь стала прекращаться даже в тех местечках, где часть евреев уцелела в ходе войны. Развал СССР и возможность совершить алию или уехать в западные страны довели этот процесс до логического конца.

Такие преимущественно еврейские местечки, как Чечельник, полностью лишились евреев. Но еврейская жизнь местечка продолжалась и продолжается, хотя его бывшие жители оказались в разных странах, и в первую очередь в США и Израиле.

Еще в советские времена – в июне 1985 года – бывшие жители местечка собрались на встречу в Одессе, где их было представлено около 40 человек. А спустя 10 лет в честь 50-летия победы над фашистской Германией уже 80 бывших жителей Чечельника собрались на встречу в Нью-Йорке. На встрече были люди, которые не виделись в течение десятков лет и даже не узнавали друг друга. Помимо нынешних жителей Нью-Йорка, были представлены жители Чикаго, Лос-Анджелеса, Бостона, Милуоки. Также приехали люди из Канады. Нашлось еще много людей потом, которые не знали о встрече и сожалели, что не приняли в ней

участие. Был заснят фильм об этой встрече, и у ее участников остались кассеты. Как было бы здорово провести еще одну такую «международную» чечельницкую встречу, но на этот раз в Израиле! Наше поколение переживших Катастрофу уходит, и такая встреча должна обязательно проводиться с участием наших детей и внуков. Пусть знают, откуда мы, где наши корни, что нам пришлось пережить. Думаю, что нам есть о чем поговорить на такой встрече, и для идущих нам на смену это будет достойный рассказ.

...Прошло уже более 60 лет после окончания Второй мировой войны. Все меньше остается людей, которые, несмотря на ужасные условия в концлагерях и гетто, дожили до сегодняшних дней. Особенно тяжелый и страшный груз воспоминаний остался у малолетних узников, лишенных детства, а ныне составляющих подавляющее большинство переживших Катастрофу. Их возраст уже составляет более 65 лет, и не так много у них остается времени, чтобы засвидетельствовать пережитое. Время летит быстро. Теперь уже мне по характеру общественных дел в Иерусалиме, куда я приехал как новый репатриант в декабре 2004 года, приходится сталкиваться с пережившими Катастрофу в гетто и концлагерях. Многие из них влачат жалкое существование. Сказываются годы и те страшные испытания, которые выпали на их долю в годы войны. Наше государство обязано признать особый статус узников гетто и концлагерей, который может облегчить условия их жизни.

И еще нужно обязательно собирать документы и свидетельства о населенных пунктах, в которых некогда были крупные еврейские общины. Ведь тех, кто еще хранит в памяти сведения о некогда процветавших местечках, сгинувших в пламени Холокоста, с каждым годом становится все меньше и меньше...

www/netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Vishnev.html

Опубликовано в «Новостях Недели», 18 августа 2005 г., в приложении «Еврейский Камертон».

«ВСЕХ РАССТРЕЛЯЛИ ЗА ГОРОДОМ»

ВОЛЧИНСКАЯ Алла (1937 г.)

Я, Волчинская Алла Борисовна (девичья фамилия Винокурова), родилась 23 марта 1937 г. в городе Павлоград Днепропетровской области. Отец мой – Винокуров Борис Львович, мама – Смиловицкая Елизавета Исаковна. В нашей семье было четверо детей: Бронислава, Семен, Владимир и я. Семья была очень дружная, и всегда было весело, мама играла на скрипке.

Когда пришла война, разлучила всех. Папа ушел на фронт с первых дней войны. Мама с нами не успела эвакуироваться.

Немцы вошли в город и начали забирать в гетто евреев, поляков и цыган. Перед новым 1942 годом в один из дней приехала машина с полицаями и немцами и забрали маму, Сему и Вову. Нас с сестрой в это время не было дома. Сначала их повезли в гетто, а потом всех расстреляли за городом. Соседи рассказывали, что там было убито 2000 евреев и 100 поляков. Когда мы с сестрой возвратились домой, окна были выбиты, на двери висел замок. Это было вечером, и скоро должен был быть комендантский час, по улице ходить нельзя, и мы побежали, но все калитки были закрыты, никто не пускал нас. Мы добежали до почты, где остались целыми (неповрежденными) угол с лестницей. Мы туда спрятались и переждали, пока прошел немец с собакой.

А когда мы вышли, нас вдруг кто-то тихо позвал. Это был директор школы, в которой училась Броня (его фамилия Симоненко). Он схватил меня на руки, и мы побежали огородами к нему домой. Но его соседка увидела и на второй день сказала: «Я знаю, что ты прячешь жидовских детей, если их не выгонишь, я пойду и заявлю в комендатуру».

На следующую ночь он с женой дали нам саночки и рюкзак с сухарями, и он нас проводил за город и сказал: «Идите, дети, подальше от города, куда глаза глядят, по железной дороге, чтобы не сбиться с пути. И еще, забудьте свои имена! Ты будешь Паша, а Аллочка – Галей и никому не говорите о своей национальности». А сам заплакал.

Сестра долго меня тянула на санках, пока не устала, потом бросила их. Мы долго шли, пока дорога не прервалась взорванным мостом, и мы попали в болото, засыпанное снегом. Потом вылезли как-то, но одежда была мокрая. Дошли до какой-то лесополосы и сели отдохнуть и поесть сухари. И опять пошли и дошли до будки стрелочника. Нас встретили женщина и мужчина. Спросили, кто мы и откуда идем. Броня сказала, что наш дом взорвали немцы и все погибли. Они нас покормили и уложили спать, постелив на полу солому. Утром мужчина сказал Броне, что у него есть друзья, у которых нет детей. Может, они нас возьмут. Фамилия его друга Покусай Емельян, а жена Галина Васильевна. Он очень хороший человек.

Мы ушли, и когда нашли их квартиру, нам открыла двери чернявая женщина, которая сказала, чтобы мы подождали ее мужа... Я им вначале очень понравилась, и мы у них прожили несколько дней. Как-то вечером, чтобы я не слыхала, они сказали Броне, что меня оставляют, а она пусть идет куда-нибудь, в другое село. Я, конечно, это почувствовала, схватилась за сестру и истерически кричала: «Не уходи!» Они меня оторвали от нее, и Броня ушла.

Через некоторое время они переехали в другое село, где жили родители Галины Васильевны и брат Василий с семьей. Когда в это село зашли немцы, ее брат стал служить у них полицаем. Он был очень жестоким, и все люди в селе его боялись, он людей убивал, будучи пьяным. Галина, его сестра, была такая же злая. (А Емельян с ее братом не общался, и был он потом в партизанах, и дошел до Берлина.)

Когда Галина узнала про мою национальность, она за малейшую провинность меня избивала и приговаривала: «Я из тебя выбью жидовскую натуру». Я все не могла понять, что это у меня за натура такая, что надо ее выбивать и так материть, и что хуже нации не бывает. А однажды, на Рождество, она меня ударила кулаком, и я залилась кровью.

Я у них прожила 7 лет.

Когда папа пришел из концлагеря, он меня забрал. Немного о моем отце: был сильный бой за город Лисичанск, и дивизия, в которой находился мой отец, попала в окружение немцев. Приказа отступить не было, хотя еще была возможность, и ко-

мандир сказал: «Кто отступит раньше меня – расстреляю своей рукой!» В это время ему попал осколок в голову, и он погиб. Когда наших солдат окружили, папа зарыл свои документы под деревом.

Пленных отправили в Германию, в г. Хаммерштайн. Там был большой лагерь, в котором они выполняли тяжелые работы – носили камни на гору. Кто не мог уже идти – пристреливали. Папа был очень сильным с детства, часто помогал, кому уже было невозможно идти. В этом концлагере был такой донской казак, он работал на немцев и издевался над пленными, т.е. он их сек плеткой. Он был огромного роста. Мне папа очень много рассказывал.

Три с половиной года папа пробыл по разным лагерям. В конце войны эти изверги накормили голодных людей брюквой, дали им по пачке маргарина и посадили всех пленных на многоярусные пароходы, которые, видимо, хотели взорвать, но что-то помешало, и отправили людей, как селедку в бочке, в Норвегию.

Когда папа возвратился и забрал меня, то мне было уже 12 лет.

Сейчас мои две дочери, два зятя и два внука живут в Израиле. Сестра живет в Санкт-Петербурге, а я с мужем – в Херсоне. Все это достоверные факты.

«ЕВРЕЕВ ВЫВОЗИЛИ ЗА ГОРОД И ТАМ РАССТРЕЛИВАЛИ»

ВОРОНЦОВА Ада (1934 г.)

Я, Воронцова (Кравцова) Ада Леонидовна, родилась 1934 г. в городе Херсон, где мой папа – Кравцов Леонид Иванович – служил в Красной Армии в качестве призывника-двухгодичника. Моя бедная мама – Кравцова (Эльман) Ада Моисеевна – умерла через месяц от послеродового сепсиса в том же роддоме, где родила меня...

Меня растили папа и бабушка (папина мама), и жили мы в Киеве, куда папа вернулся после окончания службы в армии.

Перед войной, когда Буковину присоединили к Советскому Союзу, папу из Киева послали в длительную командировку в г. Черновцы, где нас и застала война. Папа в первый же день ушел на фронт, а в Черновцы вошли румыны. Год мы прожили сравнительно спокойно, румынские оккупанты не слишком свирепствовали, по крайней мере, не трогали стариков и детей.

Однако осенью 1942 г. нас с бабушкой арестовали и со словами «москвичка-большевичка» отвезли в центральную тюрьму города. Там мы просидели сорок два дня, и камеру – огромный цементный «мешок» с зарешеченным окном у самого потолка – все это время пополняли новыми арестантами.

Когда набралось много народу (более 50 человек), нас погрузили в тюремные машины, отвезли на железную дорогу и затолкали в товарные вагоны, закрыв их тяжелыми засовами. Началась долгая дорога, полная унижений и кошмаров; на небольших полустанках нас останавливали в тупиках – отстойниках для товарных вагонов, давали «баланду» – полусуп-полукашу – и пускали по очереди в уличный туалет. Грязь, вонь, детский плач и стоны взрослых, голод и окрики охраны – все это составило «букет» впечатлений от той дороги...

Привезли нас на станцию Вапнярка. Там оказалось несколько сот таких же людей, причем основную массу составляли евреи, согнанные со всего региона; были и украинцы, и поляки, и русские, и цыгане, и многие другие. Всех построили и погнали под

конвоем по дороге, отделив детей, отчаянно рыдавших, от мам. Мамы тоже кричали, молили отдать детей, и не нашлось ни одного гуманного человека, который сказал бы им, что детей привезут туда же, куда «гонят вас», но привезут на телегах, чтоб они – дети – не задерживали движения колонны. Эта неоправданная жестокость до сих пор живет в моей памяти незатихающей болью.

На больших подводах нас, детей, привезли в лагерь, где взрослых расселяли по баракам. Несколько 2–3-этажных зданий стояло «посреди поля», и они были ограждены тремя рядами колючей проволоки, между которыми еще была натянута «колючка» наперекрест.

За проволокой – вышки, на которых были солдаты охраны; внизу бегали собаки-овчарки. Вокруг – ни единого сооружения, только овраги, заросшие травой, поля, на горизонте – лес. В бараках были сооружены нары в два этажа, и здесь мы жили; спали на голых досках, ели гороховую баланду, которую выдавали дважды в день возле пищеблока. Очереди людей с котелками в руках выстраивались длиннющие, однако двигались довольно быстро, и котелки опустошались голодной толпой тут же, стоя под открытым небом: есть хотелось так, что дойти до барака с кашей в руках не было сил. Справедливости ради надо сказать, что среди раздатчиков встречались и добрые солдаты, и они жалели нас, детей, и давали нам добавку.

На работу взрослых (а их было 11 тысяч!) гоняли за 10–15 км. Разбирали завалы от бомбежки, разгружали вагоны, копали траншеи, грузили мешки с зерном из элеваторов на железнодорожные платформы.

Детей иногда тоже пристраивали к работе: чистили склады, раскапывали кагаты и др. Как хотелось своровать какую-нибудь еду, но за это расстреливали на месте.

Через год нас перевезли в «трудовой лагерь» города Первомайск в такое же гетто: та же колючая проволока, тот же барак – то ли цех заброшенного завода, то ли гараж огромных размеров, без окон, но с воротами; те же нары и та же тяжкая и кровавая жизнь: заболевшие, ослабевшие, нарушившие порядок расстреливались на месте, и тела зарывали в землю те же узники, спавшие на соседних нарах. Кормили снова баландой, но уже не гороховой, а из пшеницы. На работу гоняли уже ближе – в черте города,

и это облегчало жизнь. Все это можно было бы терпеть – особенно детям, у которых за спиной не было прошлого в силу возраста, и поэтому все происходящее воспринималось как норма жизни.

Кошмары начались, когда стала приближаться Красная Армия: немцы приступили к расстрелам. Начали с евреев. Моя же бабушка была украинкой, и меня, полукровку, припрятала под свой паспорт, а мою метрику сожгла.

Евреев партиями по 200–300 человек вывозили за город, к оврагам (ярам) и там расстреливали. Мне повезло – до нас не дошла очередь.

В один день немцы погрузились кто куда – в машины, мотоциклы, на телеги – и молниеносно покинули город! Мы разбежались – недобитые, перепуганные, голодные. Был март, под ногами – талый снег, размокшая глина, холод! Мы стучались во дворы, нас жалели, давали еду, но в дом не пускали: жители городка боялись, что немцы за это их «постреляют» – ведь город еще был «под немцами».

Через несколько дней скитаний, утратив надежду найти приют, мы с бабушкой и ее подругой по несчастью – Анной Васильевной, бывшим доцентом кафедры физики Черновицкого педагогического института – постучали в очередную калитку крохотного домика на Базарной площади, где, как оказалось, жили очень верующие старики – бабушка и дедушка. Они в силу своих религиозных взглядов – раз Бог послал, нужно помочь страждущим – пустили нас в дом! Какое это было счастье – мы вернулись в жизнь!

Через несколько недель пришла Красная Армия и положила конец нашим мукам. А когда летом 1945 года вернулся с фронта мой папочка, я поняла цену бабушкиному пророчеству: «Бог сироту хранит!» С этим и живу всю свою жизнь...

«МОЯ ИСТОРИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ»

ГАЛЕЦ Люция (1928 г.)

Я, Галец Люция Брониславовна, 23 июня 1928 года рождения, проживающая в Днепропетровске, в годы Великой Отечественной войны была спасена от фашистских преследований семьей Колупаевых.

Когда началась война, мне исполнилось 13 лет. С первых дней оккупации немцы начали гонения на евреев, бесконечные облавы, обыски, вызовы в полицию. Моя мать, Галец Ревекка Самуиловна, 1910 года рождения, работала в трамвайном депо служащей. Бабушка, Ляковецкая Лея, 1879 года рождения, домохозяйка. Жили мы вместе по ул. Подгорная канава, 4, кв. 3. Их схватили немцы (меня в это время чудом не было дома) и затем расстреляли 13 октября 1941 года в Днепропетровске.

Дедушка, Галец Юлиан Иванович, меня прятал где-то в развалинах и через пару дней отвез на подводе ночью в село Большая Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области к своим друзьям. И попросил, чтобы они меня спрятали на некоторое время, пока он сможет меня забрать.

Я была очень напугана, плакала, страдала и крайне тяжело переживала смерть мамы и бабушки. Семью Колупаевых – Иллариона Самойловича, Евдокию Андреевну и Сережу – я знала, так как они бывали у нас в гостях. Они отнеслись с большим пониманием, приняли меня, как родную, и я осталась у них. Евдокия Андреевна сказала, чтобы я, если что, говорила, что я – племянница, дочь ее сестры. Так сказали и соседям. Я жила вместе с ними, ела и пила то же, что и они сами. Жалели меня, прятали на чердаке, в больших виноградных корзинах.

Настелили сена и старой одежды у печной трубы, чтобы было тепло. Сережа следил, и, когда слышал гул мотоциклов или видел немцев и полицаев, предупреждал меня, и я быстро пряталась на чердаке.

Потом на чердаке стало небезопасно. В огороде выкопали яму, замаскировали ее, утеплили. Там я пряталась во время облав. Еще позднее сделали еще одно убежище для меня в крочах,

в вырытой и замаскированной пещере. Иногда я там оставалась и ночью. Когда было безопасно, то за мной приходил Сергей и забирал меня в дом.

Евдокию Андреевну несколько раз вызывали в комендатуру, спрашивали обо мне, но она говорила, что я – родственница, дочь ее сестры. Заходили и полицаи, им тоже сказали, что я из города от сестры приехала, чтоб не умирать там с голода. Так и прожила я в этой семье, пока не освободили от немцев Днепропетровск. Затем меня отвезли домой к дедушке. Вот такова моя история во время войны.

Возрождение памяти: воспоминания свидетелей жертв Холокоста. – Вып. 1. – Днепропетровск, 2008. – Стр. 13–14.

КОЕ-ЧТО О МОЕЙ ЖИЗНИ

ГЕЙЗЕР Матвей (1940 г.)

*Только берегись, и тщательно храни
душу твою, чтобы тебе не забыть
тех дел, которые видели глаза твои...*

И поведай о них сынам твоим...

Второзаконие 4:9

Наверное, у каждого человека, склонного к размышлениям, раздумьям (у людей же пишущих – в особенности), в какой-то период жизни – чаще на склоне лет – возникает желание, а порой острая потребность осмыслить прожитое и пережитое и перенести все это на бумагу...

Я принадлежу к поколению людей, которые всю жизнь писали автобиографии (краткие и подробные), заполняли по каждому поводу анкеты (в которых пятый пункт был нередко куда важнее первого) – словом, каждый оставил немало письменных подтверждений о своем существовании в стране, недавно еще называвшейся СССР.

Случается, что автобиографию пишут для того, чтобы «заменить» собственную жизнь. Эти беглые заметки, разумеется, не автобиография и тем более не мемуары. О себе, о прожитом я рассказал уже немало в своих книгах «Соломон Михоэлс» (1990 г.), «Еврейская мозаика» (1993 г.), в многочисленных публикациях. Как сказал мой друг Михаил Синельников в статье «Камни в стене», написанной в качестве предисловия к «Еврейской мозаике», «М. М. Гейзер достаточно сдержан и не особенно охотно останавливается на подробностях собственной биографии, но ведь любые воспоминания, воспоминания о ком бы то ни было, всегда есть невольны и воспоминания о себе»...

Не открою ничего нового, сказав, что в пределах одной человеческой жизни, пусть даже не очень продолжительной, происходит так много исторических событий, что человек, даже считающий себя пассивным наблюдателем, все равно в той или иной мере причастен к своей эпохе, к своему времени. Допу-

скаю, многие предпочли бы жить во времена иные, но, как известно, времена не выбирают...

Мне, пишущему эти строки, 56 лет. Надо ли напоминать читателям, что раннее мое детство пришлось на военные годы. Потом наступили послевоенные, также лишившие людей моего поколения многих радостей...

Я родился в 1940 году в удивительном местечке Бершадь на Украине. Слово «удивительном» не вырвалось у меня. Бершадь надолго сохранила традиции того замечательного мира, который вошел в историю диаспоры как «штетл» (местечко), до совсем недавнего времени – исхода последних его обитателей в Канаду, Израиль, США.

В своем обращении к читателям моей книги «Соломон Михоэлс» я писал: «К этой книге я шел издалека – из гетто на окраине местечка Бершадь Винницкой области. Тысячи людей загнали в болотистую, зловонную долину реки Дохно. Был у меня друг Велвеле. Война пригнала его с родителями в гетто. Они были беженцами из Бессарабии. Я помню, как плакал навзрыд Велвеле, и его крик «хочу в Бельцы». Он грозился убежать «домой». Родители со слезами на глазах утешали его и в какой-то день принесли клетку с птичкой. Птичка эта стала единственной отрадой моего и Велвелиного детства, мы разговаривали с ней, кормили с рук. Через несколько дней птичка летала по улицам гетто, а мы носились за ней. К вечеру птичка возвращалась в клетку, а мы с Велвеле, уставшие, возвращались домой.

Территория гетто была ограждена колючей проволокой, и людей «выпускали» только на кладбище. Счастливая птичка не знала этих правил и однажды, вспорхнув ввысь, перелетела «по ту сторону» гетто. Не задумываясь, Велвеле перелез через колючее ограждение и, весь окровавленный, побежал за птичкой. Проезжавший на мотоцикле полицейский остановился, подошел к Велвеле и ударил его ногой в лицо. Велвеле упал, полицейский связал его руки, после чего веревку привязал к сидению мотоцикла и помчался на полной скорости. Птичка полетела вслед за Велвеле. Помню только крик Велвеле. Больше никогда я его не видел, но крик тот отчетливо слышу всю жизнь. Он сопровождал меня и в часы ночной работы над книгой.

И теперь, когда работа над книгой уже давно завершена, и я написал новую книгу «Еврейская мозаика», крик Велвеле, если и стал приглушеннее, продолжает тревожить меня, напоминая, видимо, о том, что вся история евреев и есть сеть трагических и тревожных лет... Ну, теперь-то читатели убедились, что я – истинный еврей, да еще и местечковый: начав с рассказа о себе, я снова ушел в рассуждения и воспоминания, так свойственные евреям.

В гетто я был еще очень мал и помню, конечно, не все, а только обрывки. Что запомнилось? Страх. Постоянный страх. И крик. Мне кажется, что в гетто все время кого-то били. И днем, и ночью.

Мы часто сидели «в секрете» в тесном погребе. Прятались. Я не хотел туда идти, орал изо всех сил. Мне затыкали рот: молчи! Троюродного брата, его звали Гриша Прицепт, сослали в Николаев. Он понял: погибнет там – и бежал. Переплыл Буг и пришел в Бершадь пешком, худой, весь в обмотках. Помню крик тети Голды, его мамы: «Это не мой сын!» – она его не узнала. До сих пор крик этот стоит в ушах. Грише было тогда 15 лет.

Когда освободили Бершадь, первым делом раскопали яму ту – куда немцы сбрасывали расстрелянных. Какой крик стоял надо рвом: люди спорили из-за мертвых. Не все могли опознать «своих». Погода была сырая, стылая. Так и остались в памяти: ветер и этот плач по-еврейски. И живые ссорятся – делят уже умерших. А мы своего Давида опознали сразу. Это мой дядя. Его увели в ту ночь, когда расстреливали партизан.

В конце апреля 1995 года с группой бывших узников концлагерей и гетто я участвовал в траурных торжествах, посвященных освобождению концлагеря Берген-Бельзен в Германии. На траурном митинге рядом со мной оказался пожилой, пожалуй, старый, немец с двумя внуками. Я плохо разговариваю по-немецки, но все же отважился спросить его, почему он взял на митинг детей. Старик вежливо, но с оттенком раздражительности, ответил: «Что еще могу я сделать, чтобы им не пришлось в голову сотворить то, что сделало поколение моего отца и мое... Пусть с детства сами видят и слышат прошлое...»

Старый немец ответил на вопрос, мучивший меня долгие годы: я не мог понять, почему в марте 1944 года мой дедушка по-

вел меня на место расстрела немцами сотен евреев. Помню, отчетливо помню, как их останки перевозили на еврейское кладбище в Бершади. Увиденное в тот день осталось в моей памяти, в воспоминаниях неизлечимой раной... Я часто возвращаюсь в мыслях к тому страшному мартовскому дню 1944 года...

Старый немец боялся, чтобы внуки его не повторили «подвиг» дедов, а мой дедушка хотел, чтобы я, его внук, запомнил все это... Мой дед достиг своего. Дай Бог, чтобы и мой новый знакомый оказался прав.

На митинге я встретил много бывших узников немецких концлагерей и гетто, а на приеме, устроенном властями Ганновера в ознаменование юбилея освобождения концлагеря Берген-Бельзен, я увидел немало людей – выходцев из бывшего СССР, не имеющих прямого отношения к трагическим событиям в Берген-Бельзене. Многие из них приехали в Германию как эмигранты... Понять этого не могу, но каждый волен выбирать свое будущее; об этом я писал в своей повести «Эзра Мордухаевич». Когда герой моей повести узнал, что его единственная дочь и внук уехали в Германию, он проклял их.

Впрочем, есть и другой взгляд: выдающийся немецкий раввин-реформатор Людвиг Филипсон писал: «Ханаан слишком мал для детей Божьих. Земля Израиля протянется через страны...» Немногим позже я услышал от раввина России Штейнзальца: «Евреем можно быть и оставаться в любой стране, но Земля Израиля всегда должна жить в сердце каждого еврея...»

И снова вернусь к своему детству. Сегодня трудно себе даже представить, какими голодными, холодными и мрачными были послевоенные годы на Украине. В очередях, наполовину состоящих из детей, за буханкой черного хлеба, за литром керосина для лампы люди простаивали по многу часов. И все же есть какое-то волшебство в слове «детство» – спустя годы, десятилетия всплывают неожиданно светлые воспоминания из того далекого времени.

Для меня детство – прежде всего мама, бабушка, дедушка. И еще сама аура послевоенной Бершади. Ее обитатели, потерявшие так много близких и родных в годы войны, в условиях всепоглощающей бедности, нищеты сохранили на удивление мно-

го истинно библейской доброты, желания помочь друг другу. Вспоминая об этом, я думаю, что люди по сути своей созданы, порой сами этого не подозревая, друг для друга, более того – живут друг для друга.

Замечу, что дедушка и бабушка – это родители моего отца, погибшего в гетто в январе 1942 года. Отца, разумеется, я не помню, но воспоминания о нем постоянно жили в нашем доме, и помню, как все родные, глядя на меня, говорили: «Точь-в-точь Мойшеле».

Наверное, война никогда не уйдет из моей памяти. Когда мне исполнилось 13 лет, дедушка достал из шкафа синий двубортный костюм и сказал: «Это тебе. Это был единственный нарядный костюм твоего папы». Моего отца, учителя еврейской школы, очень любили в Бершади. Долгие годы после войны встречавшие меня его бывшие ученики говорили друг другу: «Это сын Мойшеле Гейзера», и каждый из них делился воспоминаниями о моем отце...

Радость и горести, ошибки и грехи, взлеты и падения, тревоги – так было, есть и будет. Впрочем, как гласит еврейская поговорка: «Не желаю себе конца тревог, ибо с тревогами заканчивается жизнь»...

<http://www.sem40.ru/famous2/m283.shtml>

ДЕТСТВО И СМЕРТЬ

ГЕЛЬМАН Александр

Я не ученый и не изучал специально эту тему – детство и смерть. Но много думал об этом. У меня было множество вопросов к самому себе, и я до сих пор не на все эти вопросы ответил. Но все же кое в чем я, надеюсь, разобрался.

До войны я видел только одну смерть, одного мертвого человека. Потом за одну зиму я увидел десятки, сотни мертвых людей, в том числе мою маму, моего брата, мою бабушку, мою тетю, ее мужа и их сына, моего дядю и его жену и их сына... Смерть не просто присутствовала в моем детстве – смерть гуляла по моему детству, как полная хозяйка, и делала с моей душой все, что ей было угодно, я даже толком не знаю и никогда не узнаю, что она с ней сделала.

Когда человек рождается, он до какого-то времени, первые годы, не знает ничего о смерти, смерти для него просто нет. Но наступает день первой встречи со смертью, когда ребенок видит первого в своей жизни мертвого человека. Я, например, первого мертвого человека увидел в неполных семь лет, осенью 1940 года. Умер наш сосед, пожилой мужчина, всем известный и уважаемый всеми железнодорожный кассир. Он был русский человек, но свободно изъяснялся и на молдавском, и на еврейском, то есть на всех языках обитателей Дондюшан. Так называлась и называется до сих пор небольшая станция на севере Бессарабии, откуда я родом. А Бессарабия – это та часть Румынии, которая в том же сороковом году, но только на три месяца раньше, чем умер наш сосед, была присоединена к СССР в соответствии с секретным соглашением, подписанным Риббентропом и Молотовым. В Дондюшанах в ту пору уже стоял полк Красной Армии, чей оркестр, между прочим, играл на похоронах. Это были незабываемые похороны. День выдался солнечный, яркий. Покойник лежал в большом просторном гробу посередине двора. Проводить его в последний путь пришло все местечко, все нации. Я со страхом смотрел на мертвое лицо человека, которого еще три дня назад видел живым и веселым. В моих ушах еще

звучал его голос, а мои глаза видели плотно сомкнутые уста, навсегда закрытый рот. Я тогда еще не умел выражать свои сложные чувства словами, но, вспоминая сейчас тот день, я бы так сформулировал впечатление от первой встречи со смертью: я ощутил, я почувствовал, что ни между чем на свете нет такой глубокой, такой резкой разницы, такой пропасти, как между живым и мертвым человеком. Я почувствовал тогда эту страшную разницу – и ужаснулся. Разве мог я тогда предположить, что через год, даже меньше, мои глаза научатся смотреть на мертвые лица почти так же спокойно, как на живые?

Смена власти в Дондюшанах произошла ночью: легли спать с русскими – проснулись с немцами. Да еще с румынами, потому что одновременно вернулась и прежняя румынская власть. Комендантов было два, но последнее слово по всем вопросам было, конечно, за немцем. Поэтому, когда немецкий комендант приказал собрать всех евреев, румынский комендант тут же приказ исполнил. Когда все были собраны, – а надо сказать, ни один еврей не спрятался, не удрал, – нас выстроили в колонну по четыре человека, посчитали, дали одну подводку для старых и больных, на которую удалось посадить и нашу бабу Цюпу, едва державшуюся на ногах, и повели, погнали неизвестно куда. В пути выяснилось, что ведут нас в еврейское гетто куда-то на Украину.

Я не знаю, сколько дней или, может быть, недель длилось это скорбное путешествие. Помню, однако, что были не только остановки на ночь, но и привалы на три-четыре дня и больше. После войны я никогда не пытался получить какую-либо дополнительную информацию об этом «путешествии», никогда не уточнял маршрут, по которому нас вели, или другие детали. Даже отца, пока он был жив, не расспрашивал. Я не хочу об этом времени знать больше, чем я знаю, меня не интересуют новые подробности, с меня достаточно тех, которые сами собой запечатлелись в моей памяти.

Мы шли, шли, останавливались, и снова нас поднимали и гнали дальше, пока мы не оказались в городе Бершадь Винницкой области. Помню, что уже начались заморозки: первые ночи мы провели на ледяном полу в каком-то загаженном помещении с высокими потолками – возможно, это была бывшая синагога.

Начиналась самая холодная, самая мерзкая, самая жуткая зима моей жизни – зима 1941–1942 годов, зима, после которой из четырнадцати человек нашей родни в живых осталось двое. Включая меня. Начались другие похороны, другая смерть. Первым умер Велвеле, Володя. Он родился перед самым началом войны, мама кормила его грудью. На третьем или четвертом переходе у нее кончилось молоко, мальчик умер. Он умер в пути, мама донесла его мертвое тельце до очередного привала, который пришелся еще на правый (румынский) берег Днестра. Помню, отец не мог найти лопату, потом нашел лопату без ручки, начал копать, и в это время кто-то прибежал и сообщил, что только что скончалась женщина, мать наших знакомых. Было решено похоронить их вместе. Могилу выкопали неглубокую, недалеко от берега, сначала опустили женщину – в чем была, а сверху ей на грудь положили завернутого в какую-то тряпку моего братишку. И засыпали. И пошли дальше.

А через несколько дней на очередном привале, в городе, который назывался, если не ошибаюсь, Ямполь, уже на Украине, мы оставили лежать на земле умирающую, но еще живую бабушку Цюпу. Она лежала неподвижно, беззвучно. С открытыми глазами. Ни остаться с ней, ни нести ее на руках (подводки уже не было) не разрешали. Охранники предложили два варианта: оставить лежать или пристрелить. Мама вытерла платочком грязь с морщинистого лица бабушки Цюпы, поцеловала ее, и мы ушли...

В Бершади гетто занимало половину города. Наша семья и еще две семьи из Буковины попали в какой-то полуподвал, располагались мы частью на цементном полу, частью на наскоро сколоченных нарах. По мере вымирания одних другие, пока живые, перебирались с пола на нары. Об отоплении даже речи не было, согревались собственным дыханием да соприкосновениями завернутых в тряпье, невымытых, голодных, завшивевших тел. А морозы в ту первую зиму войны были такие, что даже толстые кирпичные стены промерзали насквозь.

Одной из первых в этом полуподвале умерла моя мама. Ей было тогда ровно в два раза меньше, чем мне сейчас, – тридцать один год. Я лежал на нарах рядом с ее мертвым телом, плечом к плечу, целую неделю. Я спал рядом, я что-то ел рядом с трупом

матери. Пять дней. Или четыре дня. Или шесть дней. Как она лежала рядом со мной живая, так она продолжала лежать мертвая. Первую ночь она была еще теплая, я ее трогал. Потом она стала холодной, я перестал ее трогать. Пока не приехали и не убрали, но уже не только ее, а еще нескольких человек, успевших умереть за эту неделю в нашем полуподвале. Они убирали трупы иногда раз в неделю, иногда два раза в неделю – это зависело не от количества трупов, а неизвестно от чего. Никого из моих близких не убили – они сами поумирали. От голода, от холода, от жуткой обстановки, от душевной боли, от безнадежности. От всего вместе. К весне во многих помещениях стало просторно... А со мной было все в порядке. Я все эти годы там, в гетто, непрерывно во что-то играл, особенно много и усердно, с вдохновением, играл в войну. Я все время жил в своем воображении, а не в этой жуткой реальности. Моя голова непрерывно рождала воображаемые события, ситуации, я участвовал в крупных сражениях, причем в качестве очень большого начальника, генерала всех генералов. Даже эта жуть не могла погасить, уничтожить мое кипучее воображение. Я до сих пор не знаю, о чем это свидетельствует, – о чем-то хорошем или о чем-то ужасном. Я боюсь об этом думать – похоже, я был не совсем нормальным, и эта непрерывная игра, непрерывное состояние возбужденного воображения и были, вероятно, моим сумасшествием. Я сошел с ума в восемь лет.

Наш полуподвал находился посередине – между рекой и шоссе. «Штаб фронта» я оборудовал в виде землянки возле реки, а в разведку отправлялся к шоссе: там всегда что-то двигалось военное – автоколонны с немецкими или румынскими солдатами, артиллерия, танки. Сначала все шло на восток, потом – на запад. Это были настоящие немецкие части, но под моим личным командованием. Я включал в свои игры реальные военные силы, которые двигались по шоссе, я их поворачивал в нужную мне сторону, они безоговорочно выполняли любые мои команды. В моей войне могло быть все, что угодно: например, украинские партизаны могли биться под началом немецких офицеров против румынских жандармов. Я бывал по очереди то немецким, то русским, то румынским генералом, а когда по шоссе прошла итальянская часть, тут же сделался итальянским генералом.

Про реальную войну я мало что знал и знать не хотел – меня интересовала и увлекала лишь моя воображаемая война.

Жизнь довоенная и жизнь в гетто были настолько две разные, две чужие, чуждые друг другу жизни, что они не могли обе поместиться в моей душе. Поэтому, попав в гетто, я свою довоенную жизнь как-то враз забыл, она выпала из моей памяти – и, казалось, навсегда. Мне ни разу даже не снилась довоенная жизнь. Единственное, что из той жизни перешло в эту, – игра, дух игры. Я увлеченно, непрерывно играл. Оказалось, что для этого совсем не обязательно бегать, прыгать и орать, как это бывало в Дондюшанах. Я научился играть молчком, про себя.

Я испытываю сложные чувства, вспоминая сегодня мои игры в Бершади. Хотя понимаю, что именно они меня спасли. И если я сегодня более или менее нормальный человек, во всяком случае не совсем, не полностью, не до конца сумасшедший, то это только благодаря тому, что тогда, в гетто, я непрерывно, как заведенный, как безумец, играл, играл – все три года непрерывно играл, и потом играл еще долго после возвращения, после войны... Психика человека очень пластична, податлива, и поэтому человек может приспособиться к любой ситуации и превратиться во что угодно, в кого угодно. Страшно подумать, во что может превратиться человек, причем запросто. Нужны особые меры предосторожности, учитывая эту кошмарную эластичность психики.

Возвращался я из гетто не как-нибудь, а на боевом советском танке. Этот танк одним из первых ворвался в Бершадь. Вдруг он остановился, свалилась гусеница. Толпа изможденных людей мгновенно обступила машину. Из башни высунулся молодой небритый танкист, заулыбался. «Ну, что, жида, живы?» – громко, простодушно спросил он и прыгнул вниз посмотреть, что случилось. На него не обиделись – его тискали, обнимали, жали руки, а он смеялся. Часа два он провозился с ремонтом, я помогал. Он взял меня с собой. Мы двигались вместе с фронтом. Я не помню, какой это был фронт, кажется, 2-й Украинский, которым, если не ошибаюсь, командовал маршал Конев. А маршалом Коневым командовал я... Когда мы переехали Днестр, танкист, поискав на карте Дондюшаны, огорченно по-

крутил головой – оказалось, они лежали в стороне от его боевого маршрута. «Не получается довести тебя до места», – сказал он, и я уже собрался спуститься на землю, как он вдруг махнул отчаянно рукой, нырнул вниз и, сделав на бешеной скорости крюк километров на тридцать, высадил меня на окраине родного местечка.

Я вернулся в Дондюшаны вооруженный до зубов. Я привез два пистолета – русский и немецкий, кинжальный нож, штук двадцать пулеметных патронов, две ручные гранаты. Я не узнал мою милую родину, с трудом нашел наш дом, который теперь показался мне крошечным, игрушечным. Меня окликнула соседская девочка Клава Руссу – она была так рада, а я ни разу ее за эти годы не вспомнил, забыл, что она есть на свете. Мне было одиннадцать лет, я не умел ни читать, ни писать. Взрослые, которые развязали ту войну, взрослые, которые сегодня развязывают бесчисленные так называемые малые войны, никогда не думают о детях. У них у самих имеются какие-то пусть абсурдные, идиотские, но цели. По крайней мере, им кажется, что они понимают, во имя чего они посылают людей убивать или сами убивают. Они помнят какое-то прошлое, им мерещится какое-то будущее. Но у детей во время войн все это отсутствует. Детям даже казаться ничего не может. Я, например, совершенно не понимал, кто с кем и зачем воюет. Я не имел понятия о том, что такое фашизм, социализм, кто прав или не прав – Сталин или Гитлер. Я даже не могу толком сейчас вспомнить, знал ли я эти имена. По-видимому, знал, но это не имело для меня никакого значения. Я совершенно отчетливо помню, что, находясь в гетто, я никакой другой жизни, кроме той, что там была, не знал, не помнил и не ждал. Я был уверен, что так будет всегда, вечно. Не надо забывать, что по сравнению с довоенной жизнью, во всяком случае, моей дондюшанской довоенной жизнью, война была необыкновенно зрелищной, интересной, многоплановой: шли танки, машины, шли войска – сначала туда, потом обратно. Все вокруг шумело, гудело, грохотало. Достать гранату или пистолет не составляло никакого труда. Мы были детьми – нам нужно было что-то интересное, опасное, чтоб дух захватывало. Если разобраться, война для детей – это все равно, что война для умалишенных. Они

точно так же ничего не понимают: льется кровь, а они усмеваются, рушатся дома, гибнут величайшие ценности, а они в восторге – здорово как! Я еще не понимал, что такое смерть, а уже видел десятки, сотни мертвых тел, фактически я три года жил в морге. Я скажу страшную вещь: если вы, взрослые, решите начать войну, поубивайте сначала всех детей. Потому что дети, которые останутся живыми после войны, будут сумасшедшими, они будут уродами. Потому что невозможно остаться, сохраниться нормальным человеком, если в то время, когда ты еще не понимал, что такое смерть, Библию, Тору в руках не держал, ты ел, чесался, сморкался рядом с телом мертвой матери, а чтобы выйти пописать за домом, должен был переступить через несколько трупов людей, которых ты день назад или час назад еще знал живыми.

В нормальных, мирных условиях дети осознают неизбежность смерти постепенно, медленно, в течение ряда лет. Инстинктивно они стремятся пройти этот важнейший, опаснейший рубеж, это испытание как можно более осторожно. Душа ребенка осторожно, трепетно нащупывает путь достойного смирения со своей смертной судьбой.

Как писатель, проживший всю жизнь в СССР, я хорошо знаю, что такое политическая цензура, с которой по мере сил боролся многие годы. Но существует и другая цензура – биологическая, когда сам организм – мускулы, мозг, нейроны, сама кровь препятствуют тому, чтобы человек узнал всю правду о себе. С этой цензурой надо бороться очень осторожно. Возможно, поэтому я и остерегаюсь разобраться до конца во всем, что произошло со мной тогда, в гетто. Я боюсь отмены биологической цензуры. Не исключено, что она скрывает от нас то, что непереносимо, что может убить.

«Мы здесь». – № 354. – 10–16 мая, 2012 г.

«ГЕТТО БЫЛО ОГОРОЖЕНО КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ...»

ГЕРБЕРГ Илья (1935 г.)

Местечко Жабокрич Крыжопольского района Винницкой области до войны, как и другие еврейские местечки на Украине, жило в окружении украинских хуторов, которые к нему примыкали. Жители сел и местечка жили спокойной нормальной жизнью, не ведая антисемитизма со стороны украинцев.

Когда началась война и объявили мобилизацию, большинство местечковых евреев-мужчин ушли в армию наравне со всеми соседями-украинцами. Другие, оставшиеся по возрасту мужчины и женщины, начали уезжать. Но многие по тем или другим причинам оставались на месте, считая, что ничего не изменится и останется так как было, помня оккупацию немцами Украины в 1918 году.

26 июля 1941 года фашистские войска заняли Жабокрич¹.

За неделю до оккупации для нашей семьи возник вопрос: куда ехать? Собрав свой скарб, на двух подводах отправились в неизвестность. Доехав до села Ободовка, мы были обстреляны немецкими самолетами. Бросив все, кинулись в лес, спасаться. Многие были ранены и убиты. Когда закончилась бомбежка, мы, не зная, что предпринять, решили ехать дальше до реки Буг и переправиться на другой берег на пароме. Таким образом мы добрались до села Терновка, которое было расположено на реке Буг, но там оказалось много отступающих частей Красной Армии, которые тоже ждали переправы, и нас, гражданских, отодвинули, чтобы дать возможность переправиться войскам. Переправа длилась очень долго, и передовые немецкие части на мотоциклах окружили нас.

Началась паника, мы не знали, что предпринять. Идти на восток мы не могли, но и сидеть на месте не могли тоже, и взрослые решили, что надо возвращаться домой.

Когда возвращались домой через ту же Ободовку, нас остановили румынские солдаты с криками: «Вы все жида и шпионы, вас всех нужно расстрелять». Но, на наше счастье, появился румын-

ский офицер и приказал нас отпустить. И мы тронулись в путь, решив ехать в местечко Бершадь, там жил наш дядя с семьей.

Приехав в Бершадь², мы сразу попали в гетто, которое там было уже организовано. В Бершади командовали румыны и венгры, они относились к евреям более терпимо, но из-за отсутствия нормальных санитарных условий мы все переболели тифом. Люди из Бершади рассказывали, что немцы в четырех подвалах в 1941 году, 28 июля, расстреляли 700 евреев.

Прожив в Бершади до января, мы договорились с местным жителем по прозвищу «кацап» и тайком, ночью уехали из Бершади домой. Моему младшему брату Александру было в то время 1 год и 10 месяцев. Зима была очень холодная, и когда мы доехали до села Верховка и стали проситься на ночлег, то никто не хотел нас приютить, кричали: «Жида пархатые, идите вон!» Как брат выжил, одному Богу известно.

Проезжая мимо конюшен на окраине, мы увидели замерзшие трупы. Мы были в шоке. А один из местных жителей рассказал нам, что и в Жаброкичае 28 июля 1941 года были убиты 700 евреев. Среди убийц были и местные пособники немцев: полицай Стопачинский, которого звали «комсомолец», и Гришка, по прозвищу «немец», и староста Жабокрича, одноглазый Полишук.

Не все были полицаями, не все служили раболепно немецким оккупантам, многие помогали евреям, как могли, и среди них я хотел бы назвать врача Воскобойника, аптекаря Коринчак и других, благодаря которым мы смогли выжить.

23 февраля 1942 года всех евреев – детей и взрослых – собрали на площади местечка, приказали взяться за руки, ходить по улицам и кричать: «Мы, жида, крали дрова». Такая демонстрация продолжалась 2–3 часа, поиздевавшись, нас загнали в гетто.

В январе 1943 года, нас, плохо одетых и обутых, выгнали на дорогу Жабокрич–Соколовка чистить снег, били нагайками.

Гетто было расположено на одной улице, в каждой квартире жило по несколько семей. Санитарные условия были жуткими. Вечный голод. В каждой квартире висел список людей, проживающих в ней. Отлучаться куда-либо было нельзя. Гетто было огорожено колючей проволокой.

Однажды, это было в конце 1943 года, я и старый еврей Хуна решили пойти и достать хоть какую-нибудь еду, но нас замети-

ли полицаи и начали стрелять, и мы, спасаясь от них, огородами, прячась, еле добрались домой, когда уже стемнело.

Что творилось на фронте, мы не знали, никаких известий мы не слышали, так как были изолированы от внешнего мира, и надежды на то, что выживем, были призрачны. Вместе с нами в гетто было много евреев из Молдавии, Бессарабии, многие из них знали румынский язык, и они являлись с румынскими солдатами.

Перед самым освобождением Жабокрича, 13 марта 1944 года, нас выгнали на площадь и объявили, что кто заплатит по 10 рублей золотом за человека, того отпустят, кто не выполнит этого требования, того расстреляют.

Но, как видно, на все Божья воля. Вдруг появились три всадника в форме немецких офицеров и начали кричать на румын, что красные подходят, а они занимаются евреями из гетто. Румынские солдаты испугавшись, нас отпустили.

Через три дня в Жабокрич пришли части Красной Армии и, в частности, дивизия, которой командовал мой дядя Герберг Яков Исаакович. Когда его дивизия освободила местечко Бершадь и ему сказали, что мы живы, то он все равно сомневался, пока нас не увидел.

Немцы, выселив нас из дома в гетто, устроили в нем столовую для себя и румын. Мебель, что была у нас, вывез к себе домой староста Полищук.

Дядя поехал к старосте, отобрал мебель, а его хотел расстрелять, но воздержался. И когда его спросили, почему он не убил старосту, он ответил: «Вам оставаться с местными жителями, а мне надо идти на запад бить врага». Дядя дошел до Берлина, командуя Вторым гвардейским корпусом. Он помогал нам материально, пока отец не вернулся из армии.

28 июля 2001 года исполнилось 60 лет со дня трагедии в местечке Жабокрич. Со всего света приехали почтить память зверски убитых. Бывшие жители Жабокрича теперь живут в Израиле, США, Германии и городах Украины, России.

А местечко? Как и сотни других местечек Украины и Белоруссии, его уже, наверное, больше никогда не будет.

«Забвению не подлежит». – Мельбурн, 2003. – С. 75–77.

«МАМУ ЗАМУРОВАЛИ ЖИВОЙ В АЛЕБАСТРОВОМ КАРЬЕРЕ»

ГЕРШМАН Эсфирь (1937 г.)

«О, кто даст голове моей воду
и глазам моим – источник слез!
Я плакал бы день и ночь о
пораженных дочерях народа моего.»

Иеремия 9:1

Я, Гершман Эсфирь Хуновна, родилась 10 января 1937 года в городе Артемовск Донецкой области, на востоке Украины. Наша семья жила там до и во время войны. Когда мне было 6 месяцев, умер мой отец.

Началась война, и моя мама, которая повторно не вышла замуж, не могла уехать из города, так как мои бабушка и дедушка были старенькие и не в состоянии переезжать. Так мы и остались в Артемовске.

С приходом немцев настал настоящий ужас. В первый день оккупации моих бабушку и дедушку расстреляли фашисты. Моя мама и я, а мне не было и 5 лет, вынуждены были убирать улицы и делать еще что-то, я и не помню.

В январе 1942 года маму замуровали живой в алебастровом карьере, а с ней еще много других евреев... После войны этот карьер открыли и всех похоронили.

В наш дом попала бомба, когда я была одна с тетей. Все горело. Люди бежали, кто куда, некуда было спрятаться. А меня схватили и отвели в гестапо, меня – «пятилетнюю преступницу». Там еще оказались и другие люди, но я не помню, кто. Нас повели в лес. Позже я поняла – на расстрел. Но началось неподвижное: с воздуха начал стрелять самолет, и люди разбежались. Меня подхватила пожилая женщина, и вместе мы побежали в лес, где бродили долгое время. Мы страдали от голода и холода. Бывало, мы прятались в подвалах.

Самое страшное произошло, когда мы вышли из леса: все мои родственники были мертвы; либо убиты, либо замурованы.

До сих пор меня охватывает ужас, когда я слышу звук разрывающихся бомб. Та женщина, что спасла меня, была русская. Она ходила в православную церковь и крестила меня. Дала мне новое имя Ирина и свою фамилию. А во время оккупации встречные думали, что я армянка, ведь у меня были черные волосы. А я и не знала, кто я была. Все мои документы сгорели в доме.

Сразу после войны брат и сестра моей мамы, которые уехали перед тем, как пришли немцы, вернулись из эвакуации и узнали от соседей, что я жива. Они пришли и взяли меня. Соседи засвидетельствовали о том, чья дочка я была. Спасибо, что мне дали новое свидетельство о рождении в доказательство, кто я была. У меня оно до сих пор есть.

Что я понимала в то время, я была еще совсем маленькая? По прошествии стольких лет я понимаю, что Бог спас меня. Только представьте, двадцать два человека из моих родственников были убиты, пропали без вести, и лишь я одна спаслась. Только я одна! Самым чудесным образом! Вот и живу, за себя и за них.

После войны начался голод. Все, что я помню из детских лет, это постоянное чувство голода, я все время хотела кушать. В то время была карточная система на черный хлеб. Мы вставали в 2 часа ночи и занимали очередь за хлебом. Вообще-то хлеб был в свободной продаже, но купить его было невозможно. Трудная была жизнь. Голод продлился до 1947 года.

Антисемитизма я не ощущала до лет 15, может быть, я не понимала или не могла распознать. Я училась на акушерку, после замужества я уехала в соседний город, в Константиновку.

Антисемитизма я долго не ощущала, но в годы перестройки и особенно после распада Советского Союза он вдруг вспыхнул с разрушительной силой и начал чувствоваться почти на каждом шагу. Было больше злобы, больше ненависти к евреям на Украине. В период 1993–1994 гг. кушать вообще было нечего. Поэтому, когда открылась возможность уехать в Израиль, мы выехали, не задумываясь.

Я счастлива, что есть такое государство как Израиль. Пусть Бог благословит его и поможет в процветании! А тем, кто оспаривает то, что был Холокост, – пусть Бог будет судья!

Когда город был освобожден от оккупантов, к членам Государственной комиссии подходили жители и спрашивали: «Куда делись тысячи евреев?» Они видели, как машины, груженные людьми, уезжали в сторону карьеров. Активисты города, пройдя с факелами около километра под землей, обнаружили заделанный кирпичом вход в шахту. Когда пробили стену, то увидели ужасающую картину: за стеной туннель был наполнен мумифицированными трупами... Разоблаченные пособники фашистов, украинские полицаи, выносили из шахты трупы, многие были опознаны.

В городе, где родилась Фира, в 1999 году был открыт мемориал в память о событиях в Артемовском Бабьем Яру на месте камеры № 46 в бывшем алебастровом карьере. Этот мемориал представляет собой скульптурное изображение женщины, на груди у которой колокол, символизирующий горе, страдания и скорбь. Этот колокол не дает памяти уснуть...

Стену, где вмонтирован мемориал, называли «Стеной Плача». Из этой стены все время сочится вода.... Нет! Это не вода, это слезы по безвинно погибшим.

7 января 1942 года немецкое командование разместило объявление по всему городу о том, что послезавтра всем евреям города Бахмут (бывший Артемовск) необходимо собраться в 8 часов утра. Тысячи людей были согнаны в подвальное помещение здания бывшего ж/д вокзала. Немцы не давали ни пить, ни есть, и через два дня (это был пятый день рождения Фиры), ночью, часть людей выгнали для того, чтобы замучить их в газовых душегубках, а остальных узников, более 3 тысяч, вывезли к месту казни – в алебастровые разработки, где и замуровали живьем. Долго оттуда слышались стоны и плач. Среди замурованных была и мать Фиры. Она не выполнила приказ изувера о всеобщей явке всех евреев и не привела свою дочь.

«Рожденные страдать»? Помни слезы и скитания Избранного народа. – Винница, 2011. – С. 171–172.

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ ДЕТЕЙ

ГЕХТМАН Циля

Моя родная тетя Хана Ароновна Куцовская (Руденко Анна Мироновна) родилась в семье кузнеца в селе Денисы Киевской области (Полтавская губерния ранее) в 1908 году. Отечественная война застала ее в городе Переяславе¹, где она проживала с двумя детьми: Рита – 4 года 8 месяцев и Миша – 3 года и один месяц. Ранее она с мужем жила в Житомирской области, но мужа в 1938 г. репрессировали на 10 лет, и она приехала в конце 1938 г. в Переяслав, где жили отец, мать, брат семьей и сестра с семьей (это моя мама).

Эвакуироваться не успела, тому было много причин. Когда записывали по домам евреев, ее и ее мать (мою бабушку Бруху) не записали. Муж у тети был украинец, Руденко Иван Дмитриевич. Ее двоюродная сестра Эстер-Тука (Вера) тоже имела мужа украинца из Переяслава, и она с двумя детьми приехала из Киева в Переяслав и решила уезжать, и также посоветовала тете. Бабушка Бруха осталась у сына в предместье Переяслава – Подварки. Сын – кузнец, инвалид, участник Гражданской войны, с тремя детьми и женой уезжать не хотел. Хотя возможность небольшая была. Мой отец был в истребительном батальоне от военкомата и также занимался с первого дня войны отправкой лошадей, так как был специалист по лошадям. Он дал им повозку, но дядя не захотел ехать, и повозку пришлось возвратить.

Их расстреляли в октябре 1941 г. Тетя решила ехать в Житомирскую область, село Баламутовка, где жили родители мужа, которые ее не видели и не знали, что она еврейка. Благодаря тому, что тетя жила в деревне, она знала и умела управляться с сельским хозяйством.

Свекор был настроен против нее, а главное – ночью она говорила во сне по-еврейски, а дочь Рита рассказывала о бабушке Брухе, тете Лизе и дяде Меере. Свекор предложил ей уйти, а детей оставить. Благодаря свекрови они нашли пустующую еврейскую избенку, где тетя стала жить с детьми.

По дороге мимо ее жилища вели на расстрел евреев, а тетя из погреба все это видела несколько дней. В свои 33 года она сразу стала седой. Работать она пошла уборщицей к управляющему – немцу по имени Штриевский, который владел русским языком. Постепенно ее перевели кухаркой. На нее писали доносы Штриевскому, что Анна, так она себя назвала, «юда», он ей сказал, что в это не верит.

Когда тетя ходила на работу, то детей закрывала в доме. Так прошла одна зима и вторая. Герр Штриевский говорил тете, чтобы она взяла кушать для своего «Фрица», так он называл мальчика Мишу, который в свои три года все понимал, но плохо говорил. Когда в Переяславе еще до войны тетя его повела к врачу, сказали, что постепенно он будет хорошо говорить.

Иногда на кухню к тете заходили солдаты, кто воды попить, а кто о себе рассказать, особенно после Сталинградской битвы, когда они поняли, что Гитлер завел их в авантюру и будет разбит. Один говорил, что он музыкант, он никого не убивал, у него остались жена и дети, а Гитлер заставил их быть солдатами – убийцами.

Тетя иногда могла послушать, что говорят по приемнику. Герр Штриевский как-то ей сказал, что если к нему придут полицаи, он им ничего не даст, а если придут партизаны, он им отдаст, что они попросят. Он сказал: полицаи способны на все.

Когда Красная Армия освободила село Белолецтовка, то тетя решила ехать в Переяслав, но до этого она сидела в окопах. Когда наши войска зашли и она услышала русскую речь, так сказать, «народную» и выбежала на улицу, навстречу бежали молодые ребята в полушубках и с винтовками. Тетя бросилась им навстречу со словами: «Моя власть пришла!» Эти ребята ее окружили, и один начал кричать: «Тетка! Кто тебя обидел? Я сейчас их прикончу!» На ту пору по виду она была похожа на седую старую женщину.

Тетя сказала, что рада их приходу, а рядом прячутся ее малые дети. Домой она приехала на подводе, и ее привез свекор в 1944 году. Тут он оказался человеком. На наш запрос в Переяслав о судьбе родных мы получили телеграмму за подписью «Хайкин». Мы догадались, что произошла ошибка и это «Хан-

ка», тогда мы жили в Северо-Казахстанской области, станция Булаево. Так воскресла из мертвых наша тетя и ее дети. Муж вернулся в 1947 году.

Так выжили моя тетя и ее дети в годы фашистской оккупации, благодаря человеку – немецкому офицеру.

Значит, были и такие люди в Германии.

«НЕ ВЕРИЛОСЬ, ЧТО МЫ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ...»

ГИЛЬБЕРГ Михаил (1931 г.)

Журавлиной стаей улетают годы, десятилетия, а детская память оставила неизгладимый след на всю жизнь. Детство в гетто... Разве было оно? Разве можно назвать это детством? Мы рано повзрослели: голод, холод, обыски, облавы и расстрелы отняли наше детство.

Десятилетним мальчуганом выбирался я со своим братом Изей из гетто, и с риском для жизни мы шли в село, чтобы обменять кое-какие вещи на продукты. Зима. Снег засыпает дороги. Метель не утихает. Деревенеют ноги от холода, руки-ледышки еле удерживают мешок с продуктами, которые обменяли в селе Чапаевка, что в семи километрах от гетто. Приближаемся к гетто, а на улице имени Ленина на каждом столбе висят повешенные, покачиваясь на ветру. А из бывшей редакции, где, в основном, разместились евреи из Молдавии и Буковины, выносят умерших от голода и холода. Складывают, как дрова, штабелями и везут на еврейское кладбище. Встречаем Пиню и Айзика, стариков-соседей. Они еле плетутся: их заставили бородами подметать двор комендатуры. Со слезами на глазах, голодные, замерзшие, избитые, униженные, они еле добрались до гетто.

Как страшный сон, вспоминаю то, как в Бершадь гнали евреев из Молдавии и Буковины. Было это, думаю, осенью 1941 года. Люди падали, их били палками жандармы и полицаи. Многие умерли по дороге. Многих погнали в Пятковку. Там в конюшнях от голода, холода и тифа многие умерли, не дождавшись освобождения.

Помню еще, как однажды вечером мы с братом увидели несчастного человека, сидящего на траве. Он бежал из Пятковки, когда их гнали из города Бельцы. Как врач он запасся бутылкой йода, она разбилась и обожгла ему кожу. Это был доктор Флейшман. Мы забрали его, а через некоторое время из Пятковки сбежали его жена и родственники. Доктор Флейшман навечно остался в Бершадской земле – погиб перед самым освобождением. С ним вместе расстреляли тогда сто человек, а потом еще 400.

После освобождения эти ямы раскрыли, изуродованные тела извлекли и похоронили на еврейском кладбище. Доктор Флейшман лежал на самом дне ямы...

Однажды комендант приказал собрать все швейные машинки, что остались в гетто. А это были, можно сказать, наши кормилицы. Отец сошьет что-нибудь, а мы с братом, сняв с себя шестиконечные звезды, несли в село, чтобы добыть продукты. Мама вцепилась в машинку, как в последнюю надежду выжить, и не давала ее выносить. Солдат направил на нее винтовку со штыком. Мы, дети, вцепились в винтовку. Что-то человеческое, наверное, зашевелилось в сердце солдата. Он опустил винтовку, но машинку все-таки увезли.

Осенью, прячась от полицаев, я выходил на дорогу, по которой возили подводами свеклу на сахарный завод. На кочках подводу трясло, свекла падала, а я собирал ее и быстро бежал в гетто. А если свекла сама не падала, тогда при помощи палки, в которую был забит гвоздь, я доставал ее из задней части подводы.

В феврале 1944 года, а может, в первых числах марта (точно не знаю) в небе появились наши самолеты. И вдруг мы увидели солдат с пулеметами и автоматами. Кто-то крикнул: «Это конец! Мы пропали!» Все быстро спустились в «секрет-яму», метров двух–трех, в которой можно было только стоять. Мама осталась наверху, чтобы прикрыть яму всяким хламом. «Может, хоть вы уцелеете», – сказала она. С нами была моя сестра Поля. Ей было годика 3–4. Она плакала. Симон Фоер, зубной врач из Черновцов, предложил задушить ее, чтобы всех нас не выдала. К счастью, все быстро кончилось: самолеты улетели, солдаты удалились.

А вскоре началось отступление фашистов. Из-под Умани они бежали раздетые, кто в чем, но с оружием. Ночью они ворвались к нам. Симон Фоер говорил по-немецки, и он сказал, что у нас есть тифозные. Но немцам уже было не до евреев, они ушли, а через день–два, 14 марта 1944 года, утром в Бершадь вошли партизаны. А уже днем шли наши войска. Слышна была канонада, самолеты летели на запад. Не верилось, что мы остались живы.

Теперь все это вижу в кошмарных снах, которые иногда напоминают о пережитом.

«ДЕТЕЙ БРОСАЛИ ЖИВЫМИ НА ДНО ЯМЫ...»

ГЛАДКАЯ Ева

До войны наша семья жила в местечке Барановка¹ Житомирской области. С началом войны немцы согнали всех евреев на самую «еврейскую», Жабокрицкую улицу в гетто.

28 августа 1941 г. они устроили первый погром. Тогда вместе с другими мужчинами погиб мой отец, Хмара Аврум Ныселевич.

В погроме 5 января 1942 г. погибли около тысячи детей, женщин и стариков. В 30-градусный мороз их раздели догола, детей бросали живыми на дно ямы, затем расстреляли взрослых, сбросили трупы на живых детей и закопали. В этом погроме погибла моя мама Лея Рувиновна Хмара.

Мне удалось бежать. Я скрывалась у Галины Мартыновны Пилипенко (ныне – Праведница народов мира). Полиции донесли, что она укрывает еврейку, и мне пришлось бежать. Меня поймали и отправили в еврейский трудовой концлагерь в Новограде-Вольнском². Там оказался и мой 14-летний брат Наум.

Тяжело передать те испытания, которым мы там подверглись: тяжелый физический труд – укладка шпал и рельсов, жизнь в непригодных бараках, голод, холод, антисанитария. Нам удалось связаться с подпольщиками, а те помогли установить связь с партизанами.

Ночью 15 ноября 1942 г. партизаны, уничтожив охрану, вывели нас из лагеря. Изможденные, оборванные люди едва держались на ногах. Это был очень тяжелый переход: по ночам, глухими дорогами, под обстрелом. Многие не дошли, пали от пуля и истощения.

Нас привели в штаб партизанского соединения генерал-майора А. Сабурова. Накормили, распределили по батальонам. Я была санитаркой отряда «За Родину». Брат Наум стал бойцом. Со временем я добилась, чтобы мы воевали в одном отряде. За участие в подрыве немецких эшелонов брата наградили орденом Красной Звезды. Я также принимала участие в боевых заданиях, ходила на подрывные работы, минировала железнодорожные пути и мосты, была контужена.

После войны Наум окончил военное училище, служил в армии, сейчас – полковник в отставке. Я после демобилизации окончила юридический институт, работала судьей в Житомирской области. После замужества переехала в Харьков. Но так как я еврейка, по специальности мне работать не пришлось. Сейчас живу в Чикаго. Недавно отпраздновала свое 85-летие.

«Never Forget». – Chicago, 2010. – P. 54.

«БОЯЛИСЬ ВСЕХ, ОСОБЕННО ПОДОНКОВ, КОТОРЫЕ ВЫДАВАЛИ ЕВРЕЕВ...»

ГЛОНЗА Т. Н.

1941 год. Мне три с половиной года, сестре два с половиной. У нас есть папа, ведущий инженер завода, и мама. Живем в доме «специалистов». Эту квартиру отец получил как специалист. И по сей день этот дом известен под этим названием.

Война. Мы эвакуируемся, с нами и бабушка – мамина мама. Дальше Херсона ехать нельзя, вокруг немцы. Возвращаемся. Идем от села, не занятого оккупантами, к следующему селу, выменивая последние вещи на продукты, чтоб не умереть с голода.

Когда немцы полностью оккупировали область, возвращаемся в Николаев. В городе есть рабочий поселок, называемый «Ялтой», там нас никто не знает. Хозяйка дома, где мы остановились, получила сильные ожоги от пожара. Мама отдала ей гуся, вымененного на оставшиеся вещи, жиром которого женщина лечила ожоги. В благодарность за это хозяйка оставила нас проживать в ее времянке.

Как папе удалось переделать документы – не знаю, но из Гальпериных мама и бабушка стали Гальперовыми, мама из Юдковны стала Адольфовной, а бабушка, будучи, Таубой Ицковной, стала Татьяной Ивановной.

По всей вероятности, хозяйка догадывалась, что что-то не так, но пыталась это не проявлять. Во времянке был подпол, где мы и прятались. Когда нацисты приходили делать перепись населения, чтоб выявлять евреев, от пережитого страха теряли сознание. Топот их сапог заставлял нас каменеть от ужаса.

Боялись всех, особенно подонков, которые выдавали евреев, спасая свою шкуру. Питались объедками, которые приносила нам бабушка со стороны отца. Делала она это тайно, так как боялась, чтоб никто из родственников не узнал, где мы прячемся. У меня и у моей сестрички коклюш, кашляем так, что кровь идет из носа и ушей. Сыро, холодно, темно. И все-таки кто-то донес, что бабушка – еврейка и скрывается. Ее забрали в гестапо. Как

нацисты поверили, что она Татьяна Ивановна, не знаю, но вернулась бабушка совершенно седая, а ведь ей было всего 45 лет.

Пережив бомбежки, оккупацию Николаева, мы были истощены, полуслепые, боявшиеся всех и каждого. А в 1945 году моя маленькая сестра, которой не исполнилось и 7 лет, погибла, не дождавшись отца с фронта.

И долгое время я боялась сказать слово «еврейка». Эта катастрофа затронула нас, отняла много здоровья, но не погубила.

Теперь я счастлива, что есть государство Израиль, где с гордо поднятой головой я хожу и горжусь, что я – еврейка.

...Я знаю одну очень пожилую женщину, которая в своей жизни очень часто и горько плачет.

Это была многодетная русская семья, мать этой семьи спрятала двенадцатилетнюю еврейскую девочку от нацистов. Но нашлись предатели, которые заявили об этом немцам. Тогда фашисты поставили детей этой женщины под расстрел, если она не отдаст эту девочку.

И всю свою жизнь эта женщина живет с этой страшной бедой и горько плачет.

Я ВСЕ ПОМНЮ. ВОСПОМИНАНИЯ МАЛЬЧИКА ИЗ ГЕТТО

ГОЛДОВСКИЙ Марк

Я расскажу вам о том, что видел своими глазами, что пережил вместе со своими родными. О том ужасе, который пережил и который преследует меня до сих пор. Мне долго снились сны о войне, но ничего нового сверх того, что я видел и пережил вместе со своими близкими, в них нет, хотя после каждого из них я тяжело прихожу в себя.

Немцы вместе со своими сателлитами – румынами и венграми – 22 июля 1941 года захватили местечко Шаргород Винницкой области на Украине, небольшой городок с таким поэтическим названием.

Отец служил в Красной Армии с 1940 года.

Немцы пошли дальше на восток, а хозяйничать остались румыны, хотя грабили они и избивали людей вместе с венграми. Когда венгры вошли в наш дом, меня спрятали под кроватью, и в эти минуты я пережил первый неповторимый ужас в моей жизни, когда у моей тети венгр начал вырывать золотую коронку. Ее нечеловеческий крик стоит у меня в ушах до сих пор. Они (венгры) начали избивать ее и мою маму, требуя ценностей.

Перевернув все в квартире, они ушли. Я помню рыдания тети и ее окровавленный рот.

Править в местечке начали румыны. Я хорошо помню события тех лет и имена, несмотря на то, что был ребенком. Видимо, все под таким страшным напряжением на всю жизнь отложилось в моей памяти, ибо уже первые школьные годы (когда нас освободили наши) я почти не помню.

В местечке было создано гетто, за пределы которого под страхом расстрела евреи не имели права выходить. Его границами была речушка, которая окружала Шаргород с трех сторон, с четвертой был небольшой мостик. Главным у румын был пре-тор, по-русски вроде бургомистра. Сигуранцу – гестапо – возглавлял Диминган, полицию – Лаци. Им пугали детей. Была украинская управа во главе с Драчинским. О нем я расскажу

далее. Лаци ходил с палкой и нещадно бил того, кто попадался ему под руку.

Надвигалась зима, начались голод и болезни. Однажды на чердаке нашли подсолнух и поджарили семечки, это было счастье, которое быстро кончилось. Я никогда больше в жизни ничего вкуснее не ел, но никогда так и не плакал, как тогда, когда они кончились.

К нам начали пригонять евреев из Румынии, Бессарабии, Буковины. Однажды ночью пригнали 26 человек, а началась лютая зима 1941–1942 годов. Их посадили на улице, и охранники приказали ждать, пока для них найдут какой-нибудь сарай. Уходить нельзя – побег и расстрел. Все люди замерзли. Я видел мельком окоченевшие эти трупы, ибо мама меня тут же увела.

Нас всех должны были расстрелять в декабре 1941 года, но в это время Гитлер отдал Антонеску (правителю Румынии) территорию между Днестром и Бугом, и массовых расстрелов не было, таких как в июле–августе.

В Шаргороде, кто выходил из гетто и был пойман, расстреливали. Расстреляли молодую женщину – мать двоих детей – без всяких причин.

Люди начали умирать от холода и голода, от болезней. Тиф, скарлатина и голод начали косить людей. Над многими из нас румынские врачи начали проводить эксперименты. Больным давали сыворотки для выздоровления, но большинство, кто их получал в виде уколов, умирали. Я тоже заболел весьма тяжело, и мне собирались делать уколы от скарлатины, но старый фельдшер сказал маме, чтобы она не давала делать мне уколы, ибо у меня тяжелая форма ангины, и он меня вылечил народными методами.

Городская управа тесно сотрудничала с немцами. В районе работала группа подпольщиков во главе с Федором Степановым и Малинским. Именно Федор (Федя) зарезал предателя Драчинского. Прибыли гестаповцы. Людей согнали на похороны Драчинского.

Мы жили недалеко от него. Я проскочил мимо старших посмотреть, что там творится, и получил сильный удар шомполом от эсэсовца. След остался до сих пор. Федю Степанова и Малинского схватили. Феде удалось бежать из тюрьмы, а Малинского

расстреляли. Перед этим во время радиопередачи был застрелен подпольщик Гречаный.

Когда ждали больших облав, прятались по подвалам. Когда вставали утром, некоторые люди были мертвы. Мы с мамой проснулись утром, а возле нас лежал труп. Люди умирали и на улице.

И вот наступил долгожданный день 20 марта 1944 года – день нашего освобождения. Я впервые увидел красноармейцев. Моросил дождь, а они шли колоннами на запад по украинскому чернозему. Но я редко кого видел в сапогах и шинелях. Большинство были в фуфайках и в ботинках с обмотками. Была непролазная грязь. Но уже к вечеру на площади стоял «Студбеккер», и я впервые в жизни увидел кино: два фильма «Она защищает Родину» и «Радуга».

«НЕМЕЦКИЙ СОЛДАТ ПРЕДУПРЕЖДАЛ СЕМЬЮ ОБ ОБЛАВЕ»

ГОЛИШЕВСКАЯ Вера (1940 г.)

Я, Голишевская Вера Михайловна, урожденная Бендерская, родилась 4 января 1940 года в поселке Попельня Житомирской области в семье служащих.

Мой отец, Бендерский Михаил Владимирович, как офицер запаса был призван на военную переподготовку 11 мая 1941 г. в село Скригалевка Бердичевского района Житомирской области. До сих пор у меня сохранились его письма и почтовые открытки. В предпоследнем письме он просил маму привезти меня повидаться.

В последнем письме от 21 июня 1941 г. откуда-то от западных границ он в приказном порядке велел маме оставить дом в Попельне и немедленно уехать к сестре и маме, которые жили в селе Насташка Рокитнянского района Киевской области.

И так мы всю войну прожили в семье Пидопличко Виталия Макаровича, который работал в селе ветврачом и болел туберкулезом.

Я кое-что помню с того времени. Помню, как при бомбежке мы прятались в погребе, как немецкий солдат предупреждал семью об облаве.

Помню, как мы с бабушкой собирали овощи на колхозном поле.

А еще помню, как отступали немцы и как зашли наши измученные, грязные (было болото, слякоть) красноармейцы, и бабушка поила их молоком. С ними ушел и мой двоюродный брат Вова – и в первом же бою погиб.

В 1944 г. мама поехала в Попельню посмотреть на наш дом – и пришла в ужас. До войны дом был готов к заселению, но папу забрали, и мы думали по возвращении переехать. Но не было суждено.

Дом разграбили. Мама увидела его без окон, полов, дверей. Говорили, «це жидивська хата», и немцы отдали ее поляю.

В 1945 г. мама забрала меня в Попельню.

В военкомате нашли дело отца, а потом и восстановили, что он погиб в декабре 1944 года.

Похоронка пришла его матери. Она была с семьей сына Якова в эвакуации на Урале. А самого Якова расстреляли в первые дни оккупации по доносу – еврей.

Я за отца получала пенсию до совершеннолетия, потом ее продлили в связи с тем, что я заболела туберкулезом.

Но помогли Всевышние силы, и я выздоровела.

Да, еще в 1945 году осенью вернулся из Германии мой родной брат (по маме) Жан. Его в 1941 году с пионерским лагерем из Шепетовки увезли в Германию. Ему было 16 лет. Вернулся инвалидом. Погибла в Бабьем Яру родная сестра отца Маня.

Я окончила школу, пединститут и проработала 30 лет в своей школе преподавателем английского языка.

«МНОГИЕ ПОГИБЛИ НАКАНУНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ»

ГОЛОВАТЮК Б.С. (1932 г.)

Я, Головатюк Б. С. (девичья фамилия Шенкер), родилась 15 августа 1932 года в селе Великая Косница Ямпольского района Винницкой области. Кроме отца, матери и меня, в семье были еще два брата и старшая сестра.

В июле 1941 года наступила угроза захвата немцами нашего села, и родители предприняли попытку от них убежать. Погрузив нас на телегу и прихватив кое-какие пожитки, они вместе с другими семьями тронулись в путь. Однако попытка бегства оказалась неудачной. Время было упущено, мы были окружены и под конвоем немцев и местных полицаев возвращены в свое село.

Проезжая через местечко Жабокрич¹, мы были охвачены страхом и ужасом – под ногами шевелилась земля, вздрагивала, как при землетрясении. Это была братская могила убитых и живо похороненных немцами и полицаями таких же евреев, как и мы. После возвращения в наше село я с сестрой и братом были спрятаны на печке нашего знакомого Ивана Брыка, а папа, мама и младший брат пошли в немецкую комендатуру.

Местные полицаи должны были отправить нас под конвоем в Ямполь, но так как папа пообещал им отдать наши вещи, они вручили ему пакет и разрешили самим ехать в Ямполь. Ночь мы провели в канаве на кладбище, в холоде. Моя мама в это время болела тифом.

Когда приехали в Ямполь², то явились к еврейскому старосте и вручили ему пакет, который он вскрыл. В этом пакете было написано, что высылают жида-коммуниста и нужно принять к нему меры, т.е. уничтожить его и его семью. Этот пакет был предназначен для немецкой комендатуры, но по счастливой случайности нас к еврейскому старосте направил ездовой, который вез нас в Ямполь. Этот пакет староста и мои родители запрятали в консервную банку и зарыли в землю возле туалета.

Спустя несколько дней по приказу немцев всех евреев собрали вместе, поставили охрану и огородили колючей проволокой. Таким образом организовали Ямпольское гетто.

Помню, что в нашей комнате проживало много семей. Было холодно, голодно, все спали на полу. Регулярно, в основном ночью, подымали всех узников гетто и выгоняли на плац для проверки. Детей, мужчин и женщин строили отдельно. Всем нам велели нашить на рукав желтую повязку и носить ее постоянно.

Каждое утро забирали молодых мужчин и женщин, часть из которых затем в гетто не возвращалась. Тех узников гетто, которые имели еще кое-какие вещи и хотели их выменять через колючую проволоку у местных жителей на кусок хлеба или несколько картошек, немцы сразу же, на месте, расстреливали.

Все мы были постоянно в холоде и голоде. Болели разными болезнями, заедали вши. Но самое главное – это постоянное чувство страха в ожидании смерти. В гетто из-за расстрелов, голода, болезней была большая смертность. По мере приближения Красной Армии немцы готовились к ликвидации гетто, и всем его узникам грозила неминуемая смерть, но им помешал налет советской авиации. Гетто тоже попало под бомбежку. Бомбы падали на территорию гетто. Охрана бросила лагерь и разбежалась, а вслед за ней разбежались люди.

Многие погибли накануне освобождения. После освобождения наших местностей частями Красной Армии мы всей семьей вернулись к себе на родину в село Великая Косница. Последствия пребывания в гетто тяжело отразились на нашей семье. Рано (сравнительно молодым) ушел из жизни наш отец, преждевременно умерли оба брата. Старшая сестра, тяжело больная, проживает в Израиле.

Я же с многочисленными болезнями в настоящее время являюсь инвалидом войны II группы.

«ПАМЯТЬ О ТЯЖЕЛОМ, УРОДЛИВОМ ДЕТСТВЕ»

ГОРЕЛИК Лариса (1936 г.)

Мне шел пятый год, когда грянула война. И, естественно, моему детскому сознанию это событие ни о чем не говорило.

Но уже в августе сорок первого года наш город Херсон¹ был оккупирован немецкими войсками.

Отец на фронте. Маму предупредили, что железнодорожные пути бомбят немецкие самолеты, люди гибнут в поездах. Куда ехать?

Мы оказались на оккупированной территории. Вот тогда мое детство и окончилось.

Улица, где мы проживали, попала в зону гетто.

Во дворе нашего дома фашисты схватили семью наших родственников по папиной линии и расстреляли.

Семья наша, т.е. я и мама, была под угрозой.

Что происходило в нашем городе, тяжело вспоминать: убийства, повешенья и т.д.

Меня увезли в другой район города и прятали...

Через месяц перед нашим домом появилась легковая машина с репродуктором на крыше, из которого лилась музыка песни «Цыпленок жареный, цыпленок вареный, цыпленок тоже хочет жить...». Потом голос вещал, чтобы жители этого квартала в течение суток освободили жилье и убирались. Об этом объявлялось и на других улицах.

Мама собрала все, что могла нести на себе, взяла меня за руку и вместе с другими родственниками ушла из города.

Поток людей двинулся в неизвестном направлении. И мы шли. Я много раз падала, меня поднимали, и опять мы шли.

Пришли в деревню. Все дома были переполнены городскими беженцами. Ночевали в холодном сарае. Кое-как устроились в одной хате на краю села, недалеко от сельской церкви. Немцы в деревне тоже были.

Как жили, сейчас все не опишешь. Я не помню, что ели все три года.

И вот в марте 1944 года мимо нашей хаты по дороге, что уходила из села, стали спешно двигаться немецкие повозки и оборудование. Над селом взлетали ракеты. Как объяснила одна женщина, ожидается наступление. Мы поняли, что немцы отступают. Немецкий обоз вдруг остановился у нашего двора. Из окна мы видели, как суетливо бегали по двору немецкие солдаты с автоматами наперевес. Кричали во все горло. В хату вбежали две девушки и стали искать место, где можно было бы надежнее спрятаться. Они были пленницы и сбежали из обоза.

Я повернулась лицом в комнату, спиной к окну. Вдруг что-то резкое, визгливое, злобное пролетело мимо моего уха, оглушив меня своим визгом. В этот же момент закричала женщина, стоявшая против окна: пуля попала ей в ногу. Оказывается, что это из автомата дал очередь в наше окно подбравший немец.

Меня от этой пули спасла доля миллиметра, доля секунды... Стрельба, стоны, крики продолжались. Я уже не видела, как ушел обоз.

Потом воцарилась тишина. К концу дня деревню освободила Красная Армия (тогда еще так называли армию).

К нам в хату пришел советский капитан и рассказал, как артиллеристы наблюдали за нашей хатой: не могли понять, что там происходит. То ли это штаб? Почему такое движение на этой территории?

«У вас здесь кто-то счастливый, – сказал капитан. – Два раза артиллеристы отменяли приказ взять хату на «мушку». Сомневались, вдруг там мирные люди».

В церкви расположился госпиталь. Мама помогала по уходу за ранеными. Через неделю мы возвратились в свой освобожденный Херсон, опять пешком из деревни в город. Дом, где мы жили до войны, сгорел. Весь город разрушен, везде пожарища. Мне было уже восемь лет. К осени меня записали в школу. Прошло более полувека. Но память о тяжелом, уродливом детстве остается такой ясной.

«ЛЮДИ СТАЛИ ВЫХВАТЫВАТЬ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ...»

ГОРЕНШТЕЙН (ЗАСЛАВСКАЯ) Майя (1937 г.)

Я, Горенштейн (Заславская) Майя Марковна, родилась в городе Херсон 7 июня 1937 г. Я с родителями, Заславским Марком Исааковичем (отцом), Гольдберг Зинаидой Бенционовной (матерью), бабушкой и старшим братом жили в нашем городе и не тужили.

Но началась война, и 19 августа 1941 года город Херсон¹ был оккупирован немецкими захватчиками. Всю нашу семью забрали в гетто. Время пребывания в гетто опишу коротко. Меня, брата и бабушку отделили от родителей. Их расстреляли, а мы попали в колонну, которую повели к тюрьме на расстрел. Бабушка несла меня на руках, брата вела за руку. Люди, которые сопровождали эту колонну, стали выхватывать маленьких детей.

Меня спасла Еременко Мария Евдокимовна, привела домой, потом удочерила и дала свою фамилию. Я стала Еременко Мария Ивановна. Всю войну, вплоть до освобождения города, я ходила вместе с мамой Марией на работу на консервную фабрику.

После освобождения города и полной победы над фашистскими захватчиками мы жили очень бедно, и Мария Евдокимовна приняла решение отдать меня в еврейскую семью. Моими родителями стали Харитонов Яков Иосифович – отец и Харитонова Бася Моисеевна – мать.

Став Харитоновой Майей Яковлевной, я окончила школу, получила среднее образование. После окончания поступила на работу в Облстатуправление.

В 1959 году вышла замуж, и по сей день я – Горенштейн Майя Яковлевна.

Все данные, описанные мною, взяты из архива данных и установлены решением суда.

Мария Евдокимовна Еременко умерла, и ей присуждено Почетное звание и медаль «Праведника народов мира», ее имя высечено на Стене почета Аллеи Праведников в Яд Вашем.

Мама и папа Харитоновы тоже умерли. Живем мы с мужем вот уже скоро 50 лет в нашем родном городе.

Память обо всех мне дорогих людях навсегда будет в нашей памяти и памяти наших детей.

«МЫ ЧУДОМ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ...»

ГОРЛОВЕЦКАЯ Муся (1938 г.)

Я, Горловецкая Муся Фроиловна, родилась 6 октября 1938 г. в городе Биробиджан Хабаровского края, по национальности еврейка.

Мать – Буняк Любовь Яковлевна – по национальности еврейка, 1911 года рождения. Отец – Горловецкий Фроим Абрамович – по национальности еврей, 1912 года рождения. Мама работала телефонисткой на телефонной станции, отец работал сапожником в военной мастерской, там шили одежду военным, чинили обувь.

У меня был младший брат – Абрам, который родился 19 октября 1939 г. в городе Вяземск Хабаровского края, мы там немного жили, затем переехали обратно в Биробиджан. Там у нас было свое хозяйство – куры, утки, во дворе был пруд. Папа часто ходил в лес на охоту.

И вот однажды мама услышала по телефонному аппарату, что летит самолет, едут танки, затем часто это передавали по аппарату. Мама пришла домой и все рассказала своему папе (моему дедушке). Посоветовавшись с маминим младшим братом Сашей, у которого была своя семья, и дедушкой и решив, что здесь скоро могут начаться военные действия, решили уехать с Дальнего Востока.

Мои мама и папа с детьми отправились в город Белая Церковь Киевской области. В этом городе жил папин старший брат со своей семьей. А Саша с моим дедушкой уехали в Крым, там тоже жили родственники.

Мама с папой и я с братом приехали в Белую Церковь¹ перед самой войной. Через три дня стали к городу подступать немцы. Папа пошел в военкомат и добровольцем ушел на фронт. Он погиб, и мы даже не знаем, где он похоронен.

Когда началась война, ушел на фронт и мамин брат Саша. Он был убит в 1942 г. в Севастополе.

Мама была партийная, беременная еврейка. Ей сказали эвакуироваться, а детей сдать в детский дом. Детей обещали вывезти из города на другой день утром. На следующий день пришли

немцы, и детский дом остался с детьми в городе. Маму эвакуировали в город Татарск Новосибирской области.

Я с братом остались на оккупированной территории. Нас в детском доме было девять еврейских детей. Это я пишу со слов медсестры Соцковой Веры Даниловны. Вера Даниловна была самая молодая сотрудница, ей было тогда 18 лет. Написала в журнале, чтобы скрыть, что мы евреи, украинские имена и фамилии.

Как только слышно было близко стрельбу, нас, еврейских детей, брали и уводили через дорогу, там была горка высокая, на горке жила Катя, которая работала поваром в детском доме. Вот у нее в подвале нас и прятали. Немцы туда не могли зайти, так как горка была высокая, а нам, детям, приказали сидеть тихо в подвале и не высовываться. Когда немцы уходили из детского дома, Вера Даниловна нас забирала из подвала, и мы бежали в детский дом. Мы прибегали голодные и холодные, особенно зимой, морозы были лютые, а одежды зимней у нас не было. Помещение в детском доме было маленькое, а детей было человек тридцать. Спали на полу, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Кормили нас тем, что принесут жители города. А что могли принести, когда немцы у всех, что могли, забрали? Вера Даниловна рассказывала, что ходили сотрудники в лес, собирали ягоды, грибы.

Однажды осколками ранило брата под лопатку и в бедра с двух сторон, эти осколки до сих пор у него остались, врач сказал, что оперировать его нельзя, они сидят очень глубоко.

Когда мне исполнилось 4 года, меня перевели из дома малютки в другой детский дом – это было в 1942 г.

С этого момента я уже все помню. Меня звали Швыдка Нюся. От бомбежек прятались в подвале, там было много крыс. Мы чудом остались живы. Немцы часто приходили, смотрели в комнатах, может быть, кого искали, не знаю, заглядывали даже в подвал, наверное, искали партизан.

4 января 1944 г. наш город освободили от немцев. Пришли советские войска. Сколько было радости, кричали все «ура»! В феврале 1944 г. приехала мама из эвакуации и забрала меня из детского дома. Позже забрала брата из другого детского дома. У брата были отморожены ноги, и он не мог ходить, ему хотели

отрезать ноги. Я стала просить маму, что отрезать всегда успею, давай лечить. Так мы его лечили и вылечили.

Я окончила 10 классов и медицинское училище, по профессии медсестра, затем работала в детском саду, в больнице диетсестрой. Вышла замуж, имею сына 1962 г. рождения, внучку 1984 г. рождения, они прекрасные люди.

Сейчас я на пенсии, живу одна. Мама умерла в 2007 г. Отец погиб на фронте 6 мая 1944 г.

Мой брат окончил 10 классов и Высшую партийную школу в Киеве. Сейчас на пенсии. Есть у него сын, Горловецкий Сергей Яковлевич, 1964 г. рождения. В 2000 г., когда музей начал собирать о Холокосте все данные, я узнала, что в нашем городе, когда пришли немцы в 1941 г., начались массовые расстрелы евреев. На площади, в центре города, был детдом, и там было 90 человек детей. Немцы их расстреляли. А одна женщина рассказывала мне, она уже умерла, что евреев вели 5 км по дороге, где было набито много стекла, по морозу босиком, затем довели до селекционной станции и там уже расстреляли этих несчастных людей.

ПЕРЕЖИВШИЕ БАБИЙ ЯР

ГОРОДЕЦКАЯ Елена (1935 г.)

Каждая еврейская семья, пережившая Холокост, может сказать о своей судьбе: «Произошло чудо!» Счастливый случай, стечение обстоятельств, рядом оказались хорошие люди и многое другое.

Когда в толпе идущих к Бабьему Яру евреев наша семья встретила бегущую навстречу мамину подругу по гимназии, произошло это самое чудо!..

Перед приходом немцев в Киев радио вещало каждый день: «Київ буде наш, Київ буде радянським!» На что мой дед, ненавидящий большевиков, говорил мне, шестилетнему ребенку: «Лена, выключи радио, надоели борщ и каша!» Он категорически уговаривал нас не эвакуироваться, и, обращаясь к маме, говорил: «Хана, ты что не помнишь немцев в 18-м году в Киеве? Это же культурная нация!»

Мы не уехали еще и потому, что старшая сестра Люба, окончившая мединститут, работала в госпитале, и ее не отпускали.

На день прихода немцев отца дома не было, он работал в почтовом вагоне и был в отъезде. Жили мы на окраинной улице Борщаговской, в частном доме, где во дворе жили еще четыре еврейских семьи, а также украинцы, поляки и русские.

Я очень отчетливо помню, как немцы входили в Киев¹ – парадным маршем, на мотоциклах, с фотоаппаратами в руках проследовали от площади имени Сталина по Крещатику (перед приходом немцев мы неделю жили у деда, там было бомбоубежище) до бульвара Шевченко.

На том месте, где был памятник Ленину, «депутация» города с хлебом и солью на вышитых рушниках встречала «освободителей». Немцев буквально стаскивали с мотоциклов, христосовались трижды.

А затем начался грабеж, мародерство. Разбивали камнями витрины магазинов и тащили все, что можно было унести. Уже к ночи люди стали выходить из бомбоубежищ. В подъезд заходит немецкий солдат, толпа его окружает, слышатся вопросы: «Ну, что вы теперь будете делать?» Я стою рядом и вижу, как он

жестами объясняет: «Коммунисты, комсомольцы – пиф-паф, а юден (скрещивая руки) – арбайтен, арбайтен!»

У меня всегда было чувство, что Бабий Яр случился на Украине неспроста. Я понимала, что приказ убивать евреев исходил от немецкого командования, но то, что на Украине были очень сильны антисемитские настроения, тоже сыграло свою роль. Не хочу обвинять всех украинцев и русских (на примере нашей семьи именно жившие в нашем дворе соседи – поляки, русские, украинцы – не выдали нас немцам и два года, как могли, помогали нам выжить), но то, что на заборах висели по-русски написанные листки: «Бей жидов – спасай Россию», – то, что идя по улице, показывали немцу на «подозрительную» личность: «это юден», – это было. Я своими глазами на улице напротив Оперного театра видела расстрел. Такие подонки были – выдавали, и захватывали еврейские квартиры, и шли в полицаи.

28 сентября 1941 года в Киеве были вывешены объявления: «Всі жиди міста Києва повинні з'явитися... взявши теплі та цінні речі».

Евреи нашего двора с утра начали собираться. Варили курицу, брали с собой примус, упаковывали теплые вещи: «Ведь мы будем долго ехать, детям надо что-то есть».

Манилов, близкий друг отца, ходил в талесе с посохом в руках: «Евреи, сегодня Йом Кипур, Бог нас призывает, скорей собирайтесь!» Деду Мошке 80 лет, он сам идти не может, и ему сколачивают тачку. Манилов подбегает к маме: «Хана, что вы не собираетесь, уже все готовы». А мама: «Ицик, я без Володи (отец) не пойду, мы потеряемся, я его дождусь, и мы вместе пойдем». Он отдает маме для отца черный витой шнур с кистями на конце. Спустя пару месяцев на этом шнуре отец повесится – мистика!

Все ушли, мы остались. Назавтра радио: «За укрывательство евреев – смерть». И мы решаем идти. Мама, сестра Люба – 23 года, сестра Дина – 14 лет и я 6-ти лет. Взяв в руки узелки, идем в толпе таких же, как мы.

Не доходя несколько улиц до Бабьего Яра, слышим крик: «Хана, девочки, куда вы, там всю ночь строчит пулемет, там убивают!» (Маруся Бантыш, мамина близкая подруга, жившая рядом с этим местом, бежала к нам, чтобы успеть задержать.)

Я помню, как мои сестры зарыдали: «Мама, мы не хотим умирать!» И мы возвращаемся домой. А ночью приходит отец – десять дней он добирался в Киев, их поезд разбомбили, и он чудом остался жив. Мы рассказываем все, но он не верит, сидит, обхватив голову руками, и бормочет: «Этого не может быть, это чудовищно!»

А утром он решается пойти узнать, так ли это. Он возвращается через 5–6 часов – взгляд блуждающий, руки трясутся: «Да, это правда, я прошел через заграждения и видел, как полицаи обыскивали в поисках ценностей, раздевали и складывали в кучи теплые вещи». С этого дня он стал сходить с ума, у него было тихое помешательство от страха за нас.

Я помню, как они лежали в постели, а на шеях у них были веревки: «Если постучат ночью, если за нами придут, мы затянемся». Мама: «А дети?» – «Они рыжие, они выживут, ведь немцы ищут курчавых, черных, с кривым носом – такой у них стереотип еврея».

В нашей квартире (мы жили на первом этаже) мы выкопали большую яму возле печки, сверху положив железом обитые доски, и днем прятались туда. Соседи нам помогли выжить, меняли наши вещи на еду, молочница Устина из соседнего села приносила молоко. На постое в нашей квартире жил поляк из стройбата, мобилизованный немцами на стройработы. Он в бидоне приносил нам суп-«кондер». Во время обхода солдат СС по домам в поисках евреев мама сидела в подполье. А сестра Дина, натерев щеки щетками, чтобы они стали красными, лежала и стонала, а я говорила немцам: «Тиф, тиф», – и они испуганно уходили.

В марте умер мой дед, и в эту же ночь отец покончил с собой. Их хоронили вместе – два гроба везли на одной подводе. После смерти отца мать несколько раз пыталась покончить с собой, но сестра-врач буквально вынула ее из петли.

Мы выжили чудом. Киев освободили, а через неделю мать вызвали в НКВД и несколько часов допрашивали: «Как вы остались живы?». В конце концов мать разрыдалась: «Я ждала вас как Бога, а вы...» Ее отпустили. Она умерла в 58 лет, тяжело проboleв 5 лет, что было последствием пережитого.

А мы, ее дети, остались живы, прожили свои жизни, свои судьбы. Меня судьба с моими детьми забросила в Австралию, чудесную страну, где мы живем благополучно и спокойно.

ЧТО СОХРАНИЛА МОЯ ПАМЯТЬ

ГОРОДНЯЯ Елена (1935 г.)

Я, Городняя Елена Михайловна, родилась в 1935 г. в городе Хмельник Винницкой области.

Когда фашисты захватили Хмельник¹, мама, мамин брат Михаил, его жена Рахиль, мамина сестра Рухл и я оказались на оккупированной территории. Мне тогда было 6 лет. Я помню, как под утро двое немцев зашли в дом, вывели нас на дорогу, где было уже много людей, и выстроили всех по 10 человек в ряд.

Молодой красивый немец стал выкрикивать фамилии людей (это были люди нужных немцам профессий), и их с их семьями отводили в сторону. По-видимому, дядя понял, что эти люди останутся живы, и он обратился к немцу со словами: «Ich bin ein Tischler!» («Я столяр!»).

Немец спросил, сколько человек в его семье. Наверное, дядя так растерялся, что не смог сосчитать нас. Он ответил: «А вайб, а кинд унд цвай швестер» («Жена, ребенок и две сестры»). Немец разрешил нам тоже отойти в сторону, но у маминой сестры были больны ноги, и пока она подходила, на ее место подскочила наша дальняя родственница. Когда моя тетя, наконец, подошла, немец стал кричать ей: «Zurück!» («Назад!»). Дядя пытался объяснить, что это родная сестра, но немец рассердился и стал нас всех толкать обратно в колонну. Тогда тетя Рухл сказала: «Ладно, вы оставайтесь, а я пойду». Колонна двинулась. Больше мы нашу Рухл никогда не увидели. Их всех расстреляли.

А нас отправили вместе с другими уцелевшими сначала в какой-то большой зал, где все сидели на полу и было очень душно, потом – в гетто. По дороге я увидела страшную картину, которая долгие годы стояла у меня перед глазами: во дворе небольшого дома на земле лежал старик, и свинья грызла его окровавленную голову.

В гетто было достаточно много детей, но нас родители все время прятали от немцев и полицаев, потому что детей и иждивенцев (как моя мама или старики) периодически, чаще всего во время регистрации, убивали. Я дружила с девочкой Женей

Ланчин и мальчиком Вилей. Вилю убили во время одной из регистраций на глазах у его мамы.

Дядя работал на лесоскладе, его ежедневно уводили и приводили с работы – он делал гробы для немцев.

Когда объявляли новую перерегистрацию (а это делали часто), отмечаться шла жена дяди, тетя Рахиль – ей пока ничего не угрожало, а мы с мамой как иждивенки прятались в диване, в дне которого была крышка, которая совпадала с крышкой погребка. Мы залезали через диван в погреб, сверху крышки дна тетя набрасывала всякие вещи, закрывала диван и уходила на регистрацию, а мы сидели в темном погребе и ждали ее возвращения и рассказов о том, кого на этот раз убили или увезли неизвестно куда.

В гетто оставалось все меньше людей. Поползли слухи, что скоро будет последний погром, после которого никто не останется в живых.

Поскольку дядя работал в городе, то у него была какая-то возможность договориться с местными жителями, которые взялись нас спасти. Ночью мы ушли из гетто и залезли в подвал одного заброшенного дома, который нам указали наши спасители. Раз в сутки они нам туда спускали казанок горячей картошки в мундире.

Я не представляю себе, сколько мы там просидели, но помню, как-то открылся люк подвала, в него хлынул яркий режущий глаза свет, и два полица вытащили нас наверх. Помню, мама плакала, целовала руки полицаям, сняла свои часы и отдала им, а дядя дал две золотые монеты. Они согласились не отводить нас к немцам, но потребовали, чтоб мы немедленно убрались оттуда. Куда идти, когда белый день, и в любой момент можно попасть в руки полицаев или немцев? Дядя решил вести нас на лесосклад, где он раньше работал. Мы добрались туда благополучно. Там сторож, украинец, маленький ростом, худенький такой, спрятал нас на чердаке. Там было светло, тепло и пахло стружками. Сам сторож связался с человеком, который пробирался на оккупированную румынами украинскую территорию. Туда бежали многие евреи с немецкой территории Украины, так как румыны евреев не убивали, а только заставляли тяжело работать.

Наш проводник оказался очень добрым человеком. Мы шли ночами, а днем прятались в лесу. Когда я во время ночных переходов уставала, он брал меня на руки и нес, а когда днем мы прятались в лесу, он шел в село и приносил мне молоко в бутылке, заткнутой куском качана кукурузы. До сих пор помню вкус этого молока.

Как-то под утро мы вышли на опушку леса. Наш проводник показал нам границу, где начиналась румынская территория. Границей оказалась небольшая речушка, через которую было перекинуто толстое бревно, а на том берегу стояла маленькая будочка. Проводник сказал, что в будочке обычно находятся румынские пограничники, но сейчас она должна быть пустой, так как время завтрака, и пограничники, вероятно, ушли.

Сам он с нами не пошел, а мы перешли по бревну речку и попали прямо в руки румынам, которые находились в будке. Они стали нас обыскивать, нашли у дяди не замеченный и не уничтоженный им Магендовид – такой, как мы все носили в гетто, закричали «Юде, юде!», повалили и избili дядю, пинали его ногами, потом нас заставили снова вернуться на тот берег речки.

Мы вернулись опять в тот лесок, из которого только что вышли, и дядя Михул сказал, что у нас нет выхода, надо пойти в село и сдать немцам.

Мы пошли в село и вошли в первую хату. Там была очень красивая молодая женщина. Она страшно перепугалась, заохала, сказала, что ее свекр – староста села, что он должен с минуты на минуту зайти в дом. Она схватила меня, посадила на теплую печь, задернула занавеску, а маму с дядей и тетей куда-то увела. Потом вернулась и стала возле печки.

В это время в дом вошел человек, я его не видела, но слышала, как он разговаривает. Мне было очень страшно, я хотела к маме. Я видела через щель неплотно прикрытой занавески стоящую рядом хозяйку и хотела спросить, где моя мама, но она испуганно прижала палец к губам, и я ничего не произнесла. Когда староста ушел, она собрала для нас узелок с продуктами, вывела нас на дорогу и сказала, чтоб мы снова попытались перейти на румынскую территорию. Мы снова перешли через речушку по бревну, но будка на этот раз была пуста. Так мы ока-

зались в оккупированном румынами городе Мурафа², где нас в марте 1944 года и освободила Красная Армия.

Пешком мы двинулись в обратный путь и вернулись в освобожденный Хмельник.

Вот и все, что сохранила моя память.

К сожалению, я не помню имен наших спасителей, некоторых эпизодов ужасного времени, а спросить уже не у кого.

Мама, дядя Михул, тетя Рахиль – все уже в могилах. Дядя и тетя покоятся на хмельникском кладбище, а мама – в Ужгороде, на еврейском кладбище.

«ИЗ ДЕВЯТИ ЧЕЛОВЕК СЕМЬИ ВЫЖИЛ ТОЛЬКО ОДИН...»

ГРИМБЕРГ Ефим (1935 г.)

Многим иерусалимцам, бывшим узникам гетто и концлагерей, как и руководству соответствующей Всеизраильской ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто», этот человек хорошо знаком. Не по годам активный, Ефим сумел объединить вокруг себя практически всех русскоязычных пожилых людей, прошедших через все ужасы и испытания на оккупированных фашистами территориях бывшего СССР в годы Второй мировой войны. То, что произошло в детском возрасте с Ефимом, трудно укладывается в сознании, и рассказывать об этом ему очень тяжело и сейчас.

Когда началась война, их семья проживала в городе Первомайск¹ Одесской области. Ефиму тогда было 6 лет. Отца забрали на фронт, а его дедушка и бабушка со стороны отца с двумя дочерьми, мама Ефима, он и две его сестры не успели эвакуироваться.

В первых числах августа 1941 года в город ворвались немецкие оккупанты. Дедушку и бабушку немцы расстреляли в первые же дни нахождения в городе.

В конце августа 1941 года власть в городе перешла под контроль румынских войск. Всех евреев города румыны согнали к вокзалу и посадили в товарные вагоны. Не доезжая до местечка Кривое Озеро, состав остановили, так как началась перестрелка. Эшелон был разбит, многие евреи в поезде были убиты. Уцелевших построили и погнали в неизвестном направлении. Это происходило в декабре при очень сильном морозе.

В тот день многие погибли по дороге, люди от усталости и холода падали, полицаи их добивали. Многие еще живые замерзали, оставшись на снегу. Его мать выгнали из дома в одних туфлях с грудным ребенком на руках (младшей сестре Ефима было 7–8 месяцев, возможно, даже меньше). По дороге, уже в Кривом Озере, мать Ефима сумела выбежать из гонимой толпы евреев и положить свою грудную дочь в ясли (кормушка для коров), при

этом коровы в это время там не было. Мать надеялась, что дитя подберут из ясель и оно выживет. Но потом рассказывали, что хозяйка привела корову, корова стала мычать, обнаружив лежащего в яслях ребенка. Хозяйка взяла ребенка, но он был уже мертвым.

Так они остались втроем – мама, Ефим и старшая его сестра Фаня, в возрасте 9 лет. Голодных, замерзших, обмороженных людей пригнали в Кривом Озере² в каменный подвал здания из гранита. Подвал набили огромным количеством людей, так что ни лежать, ни сидеть было невозможно. Мать Ефима обморозила голени по дороге в Кривое Озеро, и началась гангрена. Ефим с Фаней мочили в своей моче тряпки и прикладывали к ногам матери.

В подвале они были несколько дней, затем вечером одного дня их вывели из подвала и построили спиной к реке. Готовились расстреливать из пулеметов. Мать это поняла и шепнула ему и Фане: «Бегите, может, вы спасетесь». И здесь началась стрельба. Ефим побежал, увидел соломенную скирду и зарылся в нее. Когда стрельба закончилась, кто-то из полицаев залез на скирду и штыком от винтовки тыкал в солому. Но штык прошел мимо него, и Ефим остался невредимым.

Украинцы, жители местечка, которых согнали для присутствия при расстреле, видели, что в скирде кто-то спрятался. И один парень, когда закончилась стрельба и все разошлись, подполз к скирде и дал Ефиму кусок малая (кукурузная лепешка) и обещал его забрать, когда стемнеет.

Через некоторое время он пришел за ним и привел его к одной женщине, попросив, чтобы она его спрятала. Но женщина не хотела прятать Ефима, она боялась. Парень пообещал ей, что через день заберет Ефима и перепрячет его, и тогда женщина согласилась. Она покормила Ефима, и он ей все рассказал о себе. После она ему постелила, и он уснул. Проснулся Ефим от сильного стука, и за то время, что женщина ходила открывать калитку, он успел залезть на печь, и там, на печи, спрятался за дымоходом. Зашли полицаи и немцы, осмотрели дом, заглянули на печь, но его там они не обнаружили.

В тот же день опять ходили по домам полицаи и искали тех, кто сбежал от расстрела. Затем собрали жителей деревни и у

них на глазах заставили пойманных евреев раздеться и утопили их в проруби на реке. Так погибла старшая сестра Фаня. Оказывается, она тоже смогла убежать от расстрела, но ее кто-то выдал.

На второй день после расстрела, не дождавшись того, кто должен был прийти и забрать Ефима, женщина, у которой он прятался, опасаясь, что если его обнаружат у нее, то за укрывательство еврея ее расстреляют, сдала его румынам. Их машина как раз направлялась в гетто Доманевка, и туда был доставлен Ефим.

Доманевка³, как много позднее узнал Ефим, была одним из крупных лагерей смерти, наряду с расположенными вблизи такими же лагерями смерти – Богдановкой, Акмечеткой и Березовкой. Эти населенные пункты вблизи Первомайска получили название «королевства смерти». В Доманевке за годы оккупации погибли от расстрелов, голода, холода и болезней около 15 тысяч евреев.

Гетто Доманевка находилось за селом с таким же названием, там были коровники, свинарники, полуразрушенные дома. В один из свинарников поселили Ефима, в загородку для свиней, где он находился вместе с одним стариком. Все гетто было огорожено колючей проволокой и просматривалось с вышки. Вышку и ограждение строили военнопленные, которых затем расстреляли.

Ужасы пережитого и виденного им в гетто маленьким ребенком – это горы трупов людей, умерших от болезней, голода, холода. В гетто полицаи и румыны грабили каждую семью, будь она живая или мертвая. В гетто свирепствовали сыпной тиф, дизентерия. Все люди в гетто были завшивлены, и Ефим сейчас полагает, что это было не только из-за грязи и антисанитарии, а из-за возможного завоза вшей немцами и румынами, чтобы спровоцировать эпидемии в гетто.

Были дни, когда Ефим не ел по три–четыре дня и ходил в поисках пищи, убегал из гетто, пробираясь под забором, искал что-то съедобное на заснеженных полях, где росли раньше кукуруза, картошка, свекла. Если удавалось выкопать что-то из под снега, то все оно было померзшее. Ел он найденное им вместе со стариком, и от такой пищи у него при опорожнении желуд-

ка вылезала прямая кишка, которую ему приходилось заправлять на место. Он был очень худым, при освобождении (ему уже было 9 лет) его вес составлял где-то 10–12 килограммов – полный дистрофик. Старик, который жил с ним, не дожид до освобождения гетто Красной Армией. Умер, как и другие тысячи узников гетто.

Все увиденное и пережитое Ефимом в детстве осталось его болью на всю дальнейшую жизнь. Это загубленное детство, где каждая минута, час, день, сутки, месяцы и годы, проведенные в гетто, возвращаются к его памяти напоминанием о пережитом – голоде, холоде, страхе, расстрелах, виселицах, криках, плаче и столах умирающих.

Он помнит случай, когда румыны объявили перед наступлением Красной Армии на Одессу, что ворота гетто открыты, т.к. ожидается приход отступающих немцев. Все евреи должны покинуть территорию гетто до вечера. Те, кто мог, покинули гетто, и в том числе знакомая Ефима, у которой было трое маленьких детей и старая мать. А позднее они, как и многие другие, не вернулись. Были слышны выстрелы – их всех за Доманевкой расстреляли. И в гетто никто из ушедших не вернулся.

В гетто Доманевка Ефим пробыл с декабря 1941 года по март 1944 года. В марте 1944 года в гетто были открыты все выходы, румыны удрали, забирая с собой все, что могли. Уже слышалась артиллерийская канонада. Все ушли из гетто, кто куда смог, а Ефим один остался, никому не нужный, ведь из близких у него никого не осталось.

В брошенное гетто пришли селяне, чтобы собрать пожитки, которые оставили узники. Увидев Ефима и поняв, что у него никого не осталось, одна женщина взяла его к себе.

На следующий день после бегства румын в Доманевку пришли власовцы, потом немцы. Немцы вместе с полицией шныряли по хатам, выискивали и расстреливали евреев, которых находили. Отступающие немцы спали в тяжелых грузовых машинах, крытых брезентом. Потребность в еде вынудила Ефима и еще двух украинских мальчишек совершить попытку украсть что-то из еды у немцев. Дождавшись ночью момента, когда немцы уснули, им удалось стащить из немецкой машины 3-х килограммовую банку плавленого сыра, а в другой раз тюбики с вазе-

лином. И даже вазелин был для Ефима пищей. Одного из этих украинских детей он потом уже взрослым встретил в Горловке, на Донбассе.

После освобождения Доманевки советские власти организовали детдом для сирот в Березках, сначала здесь было 10–15 детей. Березки находились недалеко от Доманевки, километрах в десяти. Колхоз, где находился детдом, был разорен, и в нем удалось достать для детдома только муку, из которой детям варили затируху.

Сразу после освобождения в лесах вблизи детдома осталось много немцев из-за быстрого наступления Красной Армии. В эти дни было еще несколько моментов, когда Ефиму грозила смертельная опасность. Выходя из детдома в поисках еды, он и еще один детдомовский мальчик-цыган наткнулись на немца, от которого спаслись бегством и затем спрятались, т.к. он гнался за ними. Во второй раз два немца не тронули его, а только посмеялись над ним, видя, что он не в состоянии выбраться из большой дубовой бочки с остатками повидла, куда Ефим залез в поисках еды.

В Березках был его первый детдомом, где он находился в течение года. У детей была сильная завшивленность, здесь для ее снижения использовали прожарку одежды. Тем не менее, вшей у детей в детдоме не смогли вывести. Нищета в детдоме была ужасная, на всех детей у выхода из помещения стояли одни галоши, чтобы по нужде можно было выбегать на улицу. Никакого лечения в детдоме также не было. Помимо вшей, у Ефима были запущенные, еще приобретенные в гетто, трахома и золотуха.

Два спасшихся брата погибшего деда Ефима забрали его из детдома в Березках и сдали его в детдом в Первомайске, где они проживали. С благодарностью Ефим вспоминает о заботе властей, позволившей ему и другим детям излечиться от трахомы и золотухи. Из всех ближайших детских домов уже сразу после окончания войны вывезли детей с трахомой в Одессу и создали там специализированный детский дом для лечения этих детей. Профессор Филатов взял шефство над больными детьми и при своей клинике создал для детдомовцев трахомотозное отделение. И хотя лечение было очень болезненным, но подорванное в гетто физическое здоровье почти удалось восстановить, чего, конечно, нельзя сказать о душевном состоянии.

За время с 1944 по 1952 год Ефим побывал в нескольких детдомах по всей Украине, а также Якушенцах, где находилась детская трудовая воспитательная колония (ДТВК) с более строгим режимом, чем в детдомах. Здесь у Ефима, которому к этому времени исполнилось 14 лет, взяли даже отпечатки пальцев, как у малолетнего преступника. Причина смены детдомов была в зловещих проявлениях антисемитизма даже среди детей, как, впрочем, и повсеместно в Украине.

В каждом новом детдоме при мытье в бане обнаруживалось, что Ефим еврей, и его лезли бить. Ведь в детдомах того времени среди сирот были переростки, урки, ворье. Фима дрался и предпочитал бежать из этих детдомов. Его опять ловили, но он не говорил, откуда убежал, и попадал в итоге в другой детдом. Воспитатели также проявляли антисемитские настроения, что, в свою очередь, способствовало преследованиям Ефима. И даже из ДТВК он бежал по той же причине, со второго этажа через окно, связав две простыни, и потом добирался всю ночь до ближайшей железнодорожной станции.

Там, в детдомах, он, вопреки всему, окончил семилетку, затем было ремесленное училище, где Ефим учился на слесаря. Потом был завод в Одессе, армия и комсомольская путевка на работу на Донбасс. Здесь Ефим проработал 42 года, продолжая учиться. Он окончил техникум, где получил специальность механика. Затем он получил высшее образование по специальности «оборудование заводов черной металлургии». Соответственно менялся и характер работы – от слесаря до механика, затем мастер и главный инженер управления рабочего снабжения металлургического комбината.

В 1957 году Ефим женился, а в 1997 году репатриировался вместе со своей семьей в Израиль. Из 9 человек семьи Ефима в военное время выжил только он один. Сейчас у Ефима своя большая семья – сын и две дочери со своими семьями, семеро внуков и один правнук.

Записал Александр Вишневецкий

<http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Stories/GrimbergVishnev.html>

ТО, ЧТО Я ПОМНЮ

ГРУ Борис (1936 г.)

Когда взрослые на улице начали говорить о том, что началась война, мною это не воспринималось практически никак. Лица взрослых стали очень строгими и растерянными.

Было лето, теплый день, синее, почти безоблачное небо; пролетело несколько самолетов. Мне полных 5 лет. Наш дом находился на улице Красноармейской (потом – Мельникова), недалеко от нынешней гостиницы «Дружба», у самого Днестра в городе Могилев-Подольский¹ Винницкой области. Сюда мы приехали из местечка Озаринцы приблизительно за полгода до начала войны.

В июне 1941 года начались бомбежки города. Мы с мамой, младшим братом Шурой, сестрой Фаней и бабушкой Итой вернулись в Озаринцы². Но через месяц, как рассказывали старшие, и здесь наступили страшные времена.

В моей памяти очень четко остался такой эпизод: всех евреев нашего местечка согнали в синагогу, которую фашисты собрались поджечь. Женщины громко плакали – я тогда не понимал, почему они кричат, – а мужчин, которые помоложе, отправили как будто на работы (их расстреляли в яру, рядом с синагогой). Продержав нас целый день, женщин с детьми и стариков выпустили.

Вскоре, это была уже середина июля 1941 г., в Озаринцах румыны и немцы устроили «кровавую субботу», когда евреев выгнали на Базарную площадь (мама держала на руках Шуру, а я держался за ее юбку), и мы видели, как зверски убивали людей. Одним из них был мой дядя (родной мамин брат Исаак Энтин). Ему, бывшему моряку, сначала отрезали обе руки, затем выкололи глаза и бросили на машину с трупами. Как и в синагоге раньше, кто-то из богатых евреев сумел подкупить фашистов (а румыны были очень падки на золото), и благодаря этому мы остались живы.

Примерно весной 1942 года (по рассказам старших), пренебрегая опасностью, мы пешком добрались до Могилева-Подольского, где жили мамины сестры Белиц Маня Борисовна и Столяр Хая Борисовна. Но попали мы не к ним, а в местное гетто, которое находилось в районе улицы Ставицкой (позже Дзержинского, а сейчас даже не знаю, какое имя она носит), рядом с базаром. Больше года мучились мы там. Запомнилось имя изверга Бурбулеску, которым пугали непослушных детей. И не только детей.

Так как гетто не очень строго охранялось и стало известно, что в местных лесах появились наши партизаны (в частности, часто произносили имя озаринского Ивана Куливаря), мы вместе с несколькими другими земляками снова рискнули и через огороды, овраги за ночь нам удалось вернуться в свои Озаринцы. Говорят, что это было летом или ранней осенью 1943 г.

Прятались мы у очень-очень пожилых людей Эстер и Айзека Гольденбергов. Днем мы находились в подвале, который представлял собой небольшую, выкопанную в сарае глиняную яму. Деревянный люк закрывал ее, и сверху еще притрусил соломой. При очередном обходе фашисты даже открыли этот люк. Бросили в погребок зажженную бумагу, но мы прижались к углам ямы, и нас не обнаружили (моему братику было всего около 2 лет). В общем, натерпелись мы, конечно, порядочно от страха, голода и холода.

В конце марта 1944 г. нас освободили советские войска. По центральной и единственной в местечке мощенной камнем дороге шли по направлению на Вендичаны солдаты, танки, огромные лошади.

Мы начали получать письма с фронта от дяди Яна, а в конце года бабушке Ите прислали сообщение, что младший лейтенант Энтин Яков Борисович погиб в боях за Прибалтику.

Потом я пошел в школу. Она называлась еврейской. Первыми моими учителями были Хандрос Наум Борисович и Мина Борисовна, его жена.

«ИЗ ВСЕХ ДЕДУШКИНЫХ ВНУКОВ ВЫЖИЛА Я ОДНА...»

ГУРАЛЬНИК Мария (1931 г.)

Я жила с родителями в селе Юстинград (Соколовка)¹ Маньковского района Черкасской (Киевской) области. После оккупации села, когда отец уже был на фронте, мать немцы заставили строить дорогу. Я жила с дедушкой.

Когда дедушка услышал о расстрелах евреев, он собрал всех своих внуков и сказал, что вместе мы не выживем, и всех детей развез по селам и отдал людям. Из всех его внуков выжила я одна.

Мне пришлось бродить по селам, искать себе работу и сменить несколько хозяев, пока я не пришла в село Цибермановка (ныне – Степовка) Монастырищенского района и не попала в семью Бондарь Клеопатры Трофимовны. У нее было двое детей, Иван и Люба, за которыми она ухаживала, выполняла всю домашнюю, а также и работу в колхозе. Хозяйка ко мне относилась очень хорошо.

Когда выяснилось, что осталась жива моя мама, Винокур Виктория Бенционовна, которая пряталась в селе Княжики и после освобождения вернулась в Юстинград, то Клеопатра Трофимовна сама привела меня в село Юстинград и передала маме.

После войны наша связь прервалась. Я вышла замуж за военнослужащего и много переезжала из одного места в другое, скрывая, что была на оккупированной территории. За это время село переименовали, оно сменило район, сменило область, и получилось так, что только в 1999 г. я смогла найти свою спасительницу. Я обратилась с просьбой присвоить Бондарь Клеопатре Трофимовне звание «Праведник народов мира».

«ЧУВСТВО УЖАСА И СТРАХА...»

ГУРТОВОЙ Борис (1939 г.)

Я, Гуртовой Борис Петрович, родился в 1939 году в городе Киев. Мой отец, Гуртовой Шнеер Давыдович, с начала войны ушел добровольцем на фронт, а я с матерью, Гуртовой Галиной Петровной (девичья фамилия Баранова), не смогли эвакуироваться и оказались в оккупированном немцами Киеве¹ на ул. Франко, 36.

Буквально через несколько дней к матери прибежала соседка по дому, Ольга Райская, и сообщила, что ее мать пошла выдавать немцам жиденка, который не должен жить в их дворе.

Мама схватила меня и, не успев даже взять что-нибудь из одежды, мы убежали из нашего дома. Начались наши скитания по маминым знакомым, которые жили на окраинах города. Долго мы не могли оставаться ни у кого из них, так как они боялись за свои семьи, поэтому за период оккупации нам часто приходилось менять жилье и жить какое-то время и на чердаках заброшенных домов, и в полуразрушенных частных домах. Документы мои мама закопала и всем говорила, что мужа у нее нет.

Когда я обратился в архив за подтверждением о нахождении в период оккупации в Киеве по довоенному адресу, то данных обо мне не оказалось. Тогда я обратился к архивариусу и попросил меня с матерью поискать в других районах Киева, назвав некоторые улицы и районы, где мы прятались и которые я помнил. Мне пообещали поискать, и через несколько месяцев нашли данные о нахождении меня с матерью на оккупированной немцами территории совсем в другом районе Киева.

Что мне запомнилось, несмотря на мой возраст, в те страшные годы, так это постоянное чувство тревоги и страха, и, конечно, голода. Я хорошо помню, как во время облав, которые немцы часто проводили в разных районах Киева, мать вместе со мной убегала в другой район, и это бывало и днем, и утром, и на ночь глядя.

Мы с матерью выжили в эти ужасные годы, многое стерлось в памяти, но что я никогда не забуду, так это – чувство ужаса и страха, которые сопровождали мою мать и меня в годы оккупации.

«ЖИТЬ БЕЗ ЛАСКИ И ЗАБОТЫ РОДИТЕЛЕЙ...»

ДАВЫДОВА С. М. (1931 г.)

Прошло много лет. Но события 1941 года не дают спать по ночам. Войну моя семья встретила в Харькове. Мы – папа, мама, старший брат и я – жили на Черноглазовской улице.

16 декабря 1941 года моя семья, как и все евреи Харькова¹, отправились в бараки. Там с родителями я прожила до последнего их дня. Когда уже не осталось никакой надежды, что мы останемся живы, родители решили спасти меня. Русская женщина Зирер Доминика вывела меня из барачков. Родители пообещали завтра зайти за мной. Я им поверила, тогда я не знала, что вижу их в последний раз и что это их последний поцелуй.

И вот в десять лет я стала взрослой. Бесконечные скрывания, страх и самое тяжелое – ожидание родителей. Мне кажется, что всю сознательную жизнь я жду маму и папу. Мне так не хватило их ласки, поцелуев, заботы. Как я страдала, когда видела, что других детей целуют. Мне было очень больно. Я со всем могла примириться, все перетерпеть, но самым ужасным было жить без ласки и заботы родителей.

Сейчас мне уже много лет, но я до сих пор не могу понять, как могли люди так жестоко уничтожать людей и лишать детей родителей. Люди ли они?

ГЕТТО В ШКАФУ

ДАНОВА Екатерина (1930 г.)

За мою, теперь уже можно сказать, длинную жизнь мне приходилось не раз заполнять всевозможные анкеты и писать автобиографии. С годами многостраничные опросники «худели», и в последний раз (это было в 1969 году на Лентелевидении) я уложила в страничку. О том, что произошло полвека назад, там сказано: «В 1941 году мои родители были расстреляны немецкими фашистами, меня удочерила семья Дановых, с которыми я находилась в партизанском отряде». В разные периоды чиновники от кадров делали разные выводы. Как еврейку меня, рекомендованную в 1953 году Ученым советом Ленинградского государственного университета, не приняли в аспирантуру, а много позже как русскую утвердили главным редактором телевидения.

Сложилось так, что дети мои знали и того меньше – только о партизанском отряде.

Поскольку никто из нас не оформлял партизанских документов, то и эта страница моей жизни не очень интресовала членов моей будущей семьи – к слову, на редкость и радость дружной, крепкой.

Мои сыновья считали самым для себя счастливым временем дни, когда они гостили у бабушки Кати в Крыму, в маленьком, без удобств, домике на окраине Симферополя.

Это был уже ее собственный дом, а не тот, в котором застали война и оккупация Екатерину Трофимовну Колесникову с мужем, шестилетним сыном и парализованной свекровью. Тогда они снимали у хозяйки квартиру в доме с большим, как водится на юге, двором, где все все друг о друге знают, ежедневно видятся, так как и вода, и общий туалет – в том же дворе. Собственно, квартирой-то их жилье и назвать было нельзя: небольшая комната и еще меньшая кухня-прихожая с печкой и дверью прямо на улицу.

Вспоминаю я об этом не для того, чтобы показать, как скудно жилось в те времена советской интеллигенции, агрономам в

частности, а чтобы вы могли представить, как трудно, даже невозможно было спрятать там живое существо, тем более ребенка.

Немцы вошли в Симферополь¹ 1 ноября 1941 г. без боя, после двух дней пребывания города во власти местных мародеров. Для оставшихся евреев немедленно был установлен порядок: без шестиконечной звезды на одежде не появляться – иначе расстрел на месте. Со звездой же – любое оскорбление и тоже расстрел, если... Это «если» было таким емким, что мои родители предпочитали сидеть дома. Впрочем, и там никто не чувствовал себя в безопасности: любой солдат мог безнаказанно ворваться к «юде», ограбить или просто покуражиться. За полтора месяца таких «набегов» было столько, что в преддверии зимы мы оказались без продуктов и вещей на продажу. Никому не хотелось думать, что ничего этого скоро уже и не потребуется. А может быть, это я одна ничего не понимала, страдая без прогулок и друзей-товарищей.

И все-таки новый приказ – всем евреям собраться с «необходимыми вещами» в Студенческом городке – потряс всех. Многие тянули время, словно надеясь на какое-то чудо.

Мы, во всяком случае, добрались туда на вторые сутки, когда расстрел шел уже полным ходом.

Стоящих, сидящих, лежащих, старых и немощных, оттого не эвакуировавшихся вовремя, было много. Уводили партиями. 16 декабря очередь дошла и до нас.

Симферополь, хоть и был столицей Крымской АССР, но из конца в конец пройти его ничего не стоило. От Студенческой до Феодосийского шоссе и сегодня рукой подать, а мы шли и шли. Папа нес новорожденную племянницу – у его сестры было много детей, и все мальчишки. Долгожданная дочка родилась, чтобы тут же погибнуть. Я даже не помню, было ли у нее имя.

Меня вела за руку мама. Ее родная сестра Ева на сборный пункт не явилась, много позже мне рассказывали, что ее видели среди партизан. Видно, она погибла во время одного из немецких «прочесов» крымских лесов.

Противотанковый ров, предназначенный для обороны города, теперь расширяли и углубляли женщины, которых немцы согнали из близлежащих домов; при них и расстреливали, порой заставляя копать еще, если «емкости» не доставало. Все это

я знаю уже по рассказам, так как от смерти в этой огромной братской могиле меня отделили буквально четыре шага, как поется в известной песне... Для меня эти «четыре шага», увы, не метафора – так было...

Но в полной мере я осознала все случившееся позже, вновь и вновь прокручивая тот день в памяти. Времени для этого у меня оказалось предостаточно.

Когда наша колонна поравнялась с толпой женщин, мама неожиданно вытолкнула, как выкинула, меня к ним. Кто скажет теперь, что ею двигало – последний отчаянный порыв, искра слепой надежды или просчитанный матерью один миллионный шанс спасти своего ребенка? Я только успела услышать за спиной дикий крик, немецкую брань, топот, а мы уже бежали куда-то изо всех сил...

Теперь и улицы той, Ишуньской, нет, и ров зарос травой и маками. (О его поистине чудовищной послевоенной судьбе поведал поэт А. Вознесенский в поэме «Ров».)

А тогда?.. Тогда, наверное, все произошло так быстро, что когда мы с какой-то женщиной ворвались в незнакомый двор и дом и за мной захлопнулась дверца платяного шкафа, я так ничего толком и не успела понять.

Все пришло позже: духота (пока не догадались сломать заднюю стенку старого одностворчатого шкафа), ломота в скорчившемся растущем детском теле и неумный, но тихий плач.

С того момента во всех нас поселился страх. Пожалуй, моя спасительница в тот миг даже не успела подумать, какой опасности подвергает свою семью, на что, спасая чужого ребенка, обрекает собственного. Ведь немцы объявили и доказали, что слова у них не расходятся с делом: за спрятанного еврея казнили всех членов семьи.

На фонарях главных улиц уже висели неосмотрительные добросердечные жители Симферополя.

Но поступить иначе она, видимо, не могла. Много позже, в минуты особой нежности, она, неверующая, говорила, что меня ей послало само Провидение и что дать жизнь мне ей было гораздо труднее, чем собственному сыну.

Вот последнее было сущей правдой. Мгновенный порыв человеколюбия минул, и наступила пора невероятного напря-

жения всех душевных и физических сил, подвиг ежедневный и ежечасный. Ведь мое «гетто в шкафу» длилось два с половиной года!

Началось с того, что вся семья, ошеломленная и напуганная донельзя, стала разговаривать шепотом; шестилетнего Володю под предлогом какого-то заболевания до самого лета не выпускали гулять, пока и он не научился молчать о девочке в шкафу: она, мол, из Севастополя, а немцы таких убивают. Увы! Это было очень даже убедительно.

Сейчас трудно понять, как эта женщина все выдержала, как жила, постоянно страшась навлечь подозрение соседей любым неосторожным жестом, словом, сознавая свою ответственность за содеянное перед подавленными мучительным страхом мужем, родственниками.

Ко всему – проблема, чем накормить семью, в которой появился лишний рот, а менять на продукты стало нечего. Но, возможно, одно доброе дело всегда влечет за собой новые... Так это или нет, но Екатерина Трофимовна с мужем сделались участниками антифашистского подполья. В книге И. Козлова «В Крымском подполье» она фигурирует под прозвищем «Мать», о Данове упоминает в своей книге «Побратимы» Н. Луговой, комиссар Северного соединения крымских партизан.

Они собирали медикаменты, одежду для партизан, а главное – оба участвовали в организации побега советских военнопленных из лагеря на Речной улице.

Я хорошо помню летчика, вернее, его тело в ужасных рубцах от ран и пыток, когда он мылся у нашего колодца, сразу после войны разыскав Екатерину Трофимовну, чтобы поблагодарить за спасение.

Но в марте 1944 года в подпольной организации начались аресты, и еще уцелевших вывели в лес к партизанам. Это было само по себе опаснейшее предприятие – незамеченными выйти за пределы города, найти явку со связным и ночью по весенней пахоте, пересекая охраняемое шоссе, преодолеть почти 50 километров, чтобы успеть до рассвета достичь безопасного лесного укрытия.

Для меня же, годы не знавшей свежего воздуха и почти разучившейся ходить – это было еще и трудным физическим ис-

пытанием. Оказалось, что земля, на которую падаешь плашмя, дает новые силы, а если к тому же к груди приставлено дуло автомата (оставлять в живых знающего место явки не разрешалось) – и вовсе чудом приходит второе дыхание. Сама без сил, Екатерина Трофимовна тащила на себе детей, чаще меня. Она во второй раз спасла мне жизнь, так как в ту ночь, когда мы буквально ползли к своим, к лесу, в Симферополе в наш дом пришли гестаповцы. Кто-то из подпольщиков, схваченных раньше, не выдержал допроса...

В партизанском отряде мы пробыли до освобождения Симферополя и вместе с армией вошли в город.

Казалось, что теперь можно наконец-то зажить спокойно. Но нас ждали новые беды.

И без того полунищенский дом мы нашли разграбленным, одежда, что была на нас (а из своей я к тому же давно выросла), обгорела у партизанских костров.

Но самое страшное и несправедливое заключалось в том, что очень скоро началась массовая депортация из Крыма татар, греков, а затем и армян. Русская Екатерина Трофимовна Колесникова была замужем за армянином! Состоящим в смешанных браках позволили выбирать, и она с нами, детьми, осталась.

Решающим аргументом на домашнем совете стала я. Им обоим представлялось невозможным вновь обрекать меня на гонения по национальному признаку, теперь уже от своих. Так мы С.А. Данова никогда больше и не увидели, лишь носим с братом его фамилию – в память об этом очень хорошем и добром человеке.

Екатерина Трофимовна, оставшись с двумя детьми, конечно, не смогла уже устроить свою личную жизнь, воспитывала нас одна и всегда, сколько помню, работала.

Моя партизанская ленточка без труда открыла мне двери в седьмой класс, хотя до войны я закончила третий. Но вернувшиеся из эвакуации одноклассники помогли, и десятилетку я окончила с золотой медалью.

А потом – Ленинградский университет, где, кстати, меня не приняли на отделение журналистики по причине пребывания в оккупации; работа с мужем на Крайнем Севере, снова Ленинград... Журналистом я все-таки стала.

И все эти годы баба Катя, как стали называть ее внуки – мои дети – делила с нами наши радости и трудности. Я всегда считала ее родной и не хотела, чтобы кто-нибудь думал об этом иначе.

Смею надеяться, что была ей хорошей дочерью. Во всяком случае, об этом говорят ее письма ко мне, особенно написанные в старости, в последние годы. Она не хотела навсегда покинуть любимый Крым; уже на пенсии выращивала цветы, розы, только зимовать приезжала к нам – ведь никогда ей так и не довелось пожить в собственной отапливаемой квартире с водой и туалетом не на улице.

Мои симферопольские друзья, уехавшие насовсем в Израиль, увидели в Иерусалиме деревья, посаженные в честь и в память людей, спасавших еврейских детей, и написали мне об этом. Тогда же, весной 1991 года, я послала письмо в Яд Вашем – с надеждой, что к пятидесятилетию героического поступка русской женщины мой народ на моей исторической родине скажет ей слово благодарности, а может, и чем-то поможет в ее нелегкой даже на старости лет жизни... Ведь события в нашей стране сулили ей все новые трудности... И впрямь, пока длились проверки и опросы свидетелей в Израиле, здесь мы оказались с ней в разных государствах со всеми вытекающими последствиями. Правда, с еще довоенными друзьями мы успели выхлопотать для нее документы подпольщицы и Ветерана войны, чтобы увеличить ее небольшую пенсию, и несмотря на продуктовые талоны в Петербурге и купоны в Крыму, тепло отметили мамино 85-летие...

Но зимовать сюда, как обычно, она уже не поехала – испугалась политической нестабильности. А через три месяца, 10 марта 1993 года, ее не стало: подняла тяжелое ведро с углем, чтобы истопить печь. Врач рассказывал, последнее, что ее волновало: «А Катя знает? Катя едет?» Я опоздала; из-за отсутствия топлива в Украину не летали самолеты... Зато наконец пришло письмо из Яд Вашем: «Сообщаем, что медаль и почетная грамота «Праведницы народов мира» для Вашей приемной матери Колесниковой Екатерины Трофимовны в самом ближайшем будущем высылаются на адрес Посольства Государства Израиль в Москве».

Теперь мои дети все знают, и я впервые пишу об этом для книги воспоминаний, но отчего-то меня не покидает горькое чувство, что все пришло слишком поздно, что я опоздала...

Остается досказать, что спустя много времени после войны случилось чудо: до меня дошел последний привет – написанная моей родной мамой в гестапо записка, Бог знает как добытым карандашом, на листке из ученической тетрадки.

И там она думала только обо мне: чтоб не плакала, не верила слухам (!), не болела, любила добрых людей, которые меня спасут...

Значит, ее все-таки схватили тогда из-за меня и не расстреляли со всеми, а одну замучили в гестапо!

До самого последнего года я носила к Памятнику погибшим от рук немецко-фашистских оккупантов, поставленному на Федосийском шоссе у начала рва и, чтоб не допустить очередного надругательства, неподалеку от поста ГАИ, цветы, выращенные Екатериной Трофимовной.

Теперь имена моих родителей – Марии Львовны и Соломона Соломоновича Фельдманов – в Зале Памяти музея Яд Вашем в Иерусалиме.

А на симферопольском кладбище в Крыму стоит памятник моей второй маме, в Иерусалиме же ее имя написано на памятной мраморной доске.

«ЖАНДАРМЫ НАС ИЗБИЛИ И БРОСИЛИ В ПОДВАЛ...»

ДЗЮБЕНКО Петр и РОЗЕНГАФТ-МОСТОВАЯ Шеля

Петр Дзюбенко:

Я родом из небольшого села в 1,5 км от Джурина¹ – районного центра Винницкой области (ныне село Шаргородского района). Войну встретил в своем родном селе. С первых же дней начались гонения на коммунистов и евреев, погромы и грабежи. Мой отец ушел на фронт, а я остался с мамой. Еще у меня был брат, который жил отдельно. Мой отец пришел с войны инвалидом I группы. Все издевательства над евреями в годы войны я видел собственными глазами...

Шеля Розенгафт-Мостовая:

Мы уже знали, что мама, папа и мальчики в Могилеве-Подольском². Идти туда далеко, и там у нас не было никого. Тетя Соня предложила пойти через местечко Джуриин, где жила ее подруга Фаня Флат-Шнайдер. Мы направились в Джуриин, шли двое суток...

Мужа Фани, Иосифа Шнайдера, в Джуриине знали все: он до войны был начальником железнодорожной станции. Нам сказали, что Шнайдеры в гетто. Джуриинское гетто было за рекой и отделялось от остального местечка мостом.

Дом Шнайдеров мы нашли под вечер... Они приняли нас радушно и собрались обогреть и накормить с дороги. Но тут в дом постучали, и вошли четыре румынских жандарма с переводчиком. Кто-то донес... Жандармы нас забрали, избили и бросили в подвал.

Утром пришли представители местной еврейской общины и попросили нас освободить за выкуп... К середине дня нас отпустили, и мы пошли в гетто...

Через несколько месяцев мы связались с моими родителями, которые написали из Могилева-Подольского, что при первой же возможности с нами соединятся... В апреле 1943 года папа, мама и оба братика приехали в Джуриин.

Иосиф Шнайдер договорился с одним украинцем, который жил за чертой гетто, и тот сдал папе хилую времянку – одна комната с печью, лежанкой, несколькими лавками и глиняным полом. Туда перешла вся наша семья – всемером.

Петр Дзюбенко:

Наша знакомая Фаня Шнайдер попросила приютить еврейскую семью – семью Шели: ее отца, мать, двух сыновей и двух теток. Ей было тогда 14 лет. Каким-то образом им удалось перебраться с немецкой территории. Мы не могли их взять в свой дом, поэтому пустили их в небольшую времянку за огородами, где до того прятались другие евреи. Поселить-то мы их поселили, но везде были полицаи, которые следили за каждым домом, кто где прятал евреев. И полицаи требовали золото и ценности и угрожали расстрелом тем, кто не платил и помогал евреям.

Но у семьи Шели денег не было – они бежали из Немировского гетто, и у них не чем было платить. Моя мать боялась, что нас разоблачат. Она поручила мне рано утром и вечером, когда темно, тайком носить в сарай, что только у нас было в доме – картошку, хлеб, муку, одежду (была зима, и времянка не отапливалась).

Один раз полицейский по фамилии Поперечный увидел, как я что-то нес в сарай, но я не мог ему ничего дать, чтоб откупиться. Так он ударил меня несколько раз по спине резиновой плеткой с запаянным на конце свинцом. Раны от его ударов заживали больше месяца...

Так мы три месяца прятали и кормили семью Шели Мостовой, до 18 марта 1944 года, когда Джурин был освобожден Красной Армией. Семья Шели вернулась в Немиров, и мы потеряли связь.

В 1998 году я попал в Винницкую больницу на прием к профессору Юрию Михайловичу Мостовому. Когда я узнал, что это сын той самой Шели, я сказал ему, что это ведь я помогал их семье и, по сути, спас его мать. Он знал об этом. Мы встретились, вместе праздновали Новый год и с тех пор поддерживаем отношения. Шеля написала письмо в Яд Вашем с просьбой признать меня и мать Праведниками народов мира, но пока мы до сих пор ничего в ответ не получили.

Шеля живет сейчас в Виннице. Я иногда провеждаю ее. Она очень болеет. Муж ее умер в ноябре 2009 года.

Шеля Розенгафт-Мостовая:

В 1948 году я вышла замуж, а через три года окончила Немировское педагогическое училище и стала читать математику. В 1953–1959 годах училась заочно на физико-математическом факультете Винницкого педагогического института, одновременно работала, воспитывала учеников и троих своих детей. Моя старшая дочь Наташа – учительница английского языка. Сын Юрий – врач, доктор медицинских наук, профессор Винницкого медицинского университета, заведует кафедрой. Младшая дочь Яночка – тоже врач, живет и работает в Германии. Дети подарили мне пятерых внуков, из них трое в Израиле. Есть у меня два правнука – тоже в Израиле. Надеюсь, будут и еще.

«Рожденные страдать»? Помни слезы и скитания Избранного народа. – Винница, 2011. – С. 179–180.

«ПОЛИЦАИ ПОЙМАЛИ ОТЦА И РАССТРЕЛЯЛИ ЕГО В БАКШИВНОМ ЯРУ»

ДОЗОРЕЦ (ОЛИЙНЫК) Раиса (1924 г.)

Я, Дозорец Раиса Яковлевна, родилась в 1924 году в селе Хижня Жашковского района на Киевщине. До июля 1941 года ходила в школу, окончила 9 классов. Мои предки были евреями, родители – колхозниками.

В июле 1941 года в село вошли немцы. В селе было четыре еврейские семьи: наша, бабушкина (папина мама), тетя с двумя маленькими мальчиками, 4-х и 6-ти лет, и еще семья старых людей – дедушка Хаим и его жена Юля, детей у них не было.

Как вошли немцы и выбрали полицаев (не знаю, или они сами добровольно пошли в полицаи), нам сказали носить желтые шестиконечные звезды. Отца, Янкеля Абрамовича, и дядю забрали на войну, остались старики и дети. Мама всегда ходила на работу, а нас, детей, тоже гнали на ток веять зерно, а зимой расчищать снег. Потом у нас забрали корову, свиней, кур, брали, что было в доме.

Где-то в начале 1942 года нас всех согнали в дом площадью приблизительно 20 кв. м, нас было 14 человек. Каждый вечер приходили полицаи, клали по одному на лавку, били ремнями, маленьких мальчиков засовывали под печь, в печь, старших – на печь. У нас забрали одежду, еду, и каждую минуту мы ждали, что нас расстреляют. Мы не жили, а мучились, не знали, когда нам будет конец.

В трех километрах от нашего села жили мамини бабушка Хайка и дедушка Йоська. Я с братом пошла их проведать, а когда мы шли домой, на краю села нас догнал полицай, остановил, снял с нас сапожки и вел нас расстрелять. А потом передумал и отпустил нас, сказал, чтобы он нас больше не видел. Это был март, лежал снег, и мы босиком бежали домой, оглядываясь, не идет ли он за нами. Можете себе представить наше состояние и что делалось дома, когда нас встретили.

После этого мама пошла в совхоз Севериновка Озерянского сахарозавода узнать, можно ли там перебыть до прихода наших

войск. Маме сказала одна женщина, которая там жила и работала, что там спрячутся люди от вывоза в Германию, что там очень много пленных. Считалось, что если работать в совхозах, это то же, что и в Германии. За работу ничего не платили, работали только за еду, все (зерно, мясо) вывозилось в Германию. От нашего села совхоз был в 70–80 км.

Я с братом в это время пряталась в знакомых украинских семьях. Через три недели мама пришла за нами, и в марте 1942 года мы пошли селами, ночевали у людей, кто пускал в дом. У нас ни еды, ни одежды не было, в чем убежали из дому, в том и пошли. Когда мы добрались до совхоза, мама работала на кухне, там она и жила, меня взяла одна семья, у них было двое детей, а брата поместили в общежитие.

В тот самый день, когда мы ушли из дому в совхоз, наш отец шел домой, он попал под Харьковом в плен, убежал оттуда, и на подходе к нашему селу полицаи его поймали и расстреляли в Бакшивом яру возле села Вороное Жашковского района.

Всех старых евреев и детей тоже расстреляли, а младших выгнали под польскую границу в гетто. Все это мы узнали от той же знакомой по совхозу, она никому не говорила, кто мы, делала вид, что нас не знает. Нас еще спасал чистый украинский язык, наш внешний вид, да и работали мы, как каторжные. Я работала в поле, целыми днями боялась, чтобы нас никто не узнал и не сказал, кто мы. Ели в основном суп из проса, суп из чечевицы и кто из людей что даст. Одежды совсем не было, хозяйка мне (спасибо ей) за то, что я работала по хозяйству, давала свою старую одежду, когда чашку молока, кусок пшеничного хлеба.

Где-то в начале 1943 года появилась в этом совхозе семья – муж с женой, они тоже из нашего села, украинцы. Они увидели нашу маму и сказали управляющему, что она «жидовка». Он был фольксдойч. Вызвал маму и сказал ей это, но нас не выдал. Недалеко от нашего совхоза находились в лесах партизаны, они часто ночью приходили к нему и говорили, что если он выдаст хотя бы одного человека немцам, то его расстреляют. Часто приезжала машина (говорили на нее «черный ворон»), забирали мужчин-пленных, которые были партизанскими разведчиками, и расстреливали. Вот так мы и жили, каждую минуту ждали смерти.

В январе 1944 года нас освободили советские войска. Брата сразу забрали в армию, домой он вернулся через семь лет. Мама пошла домой, дом был пустой, люди, что могли, то ей дали. Она еще тяжело отработала в колхозе, а я домой вернулась в 1946 году: после освобождения совхоза меня забрали работать в контору, потому что все мужчины были забраны в армию. В 1947 году я вышла замуж за украинца и стала Олийнык.

ПОДСТАКАННИК ИЗ МОЕГО ДЕТСТВА

ДОКТОРОВИЧ Шейла (1926 г.)

Когда в прошлом номере газеты «Die Brücke» я прочитала статью о встрече с писателем Забарко, в моей душе что-то надломилось. В Германии издана его книга воспоминаний бывших узников гетто «Nur wir haben überlebt», и я, пережившая Холокост в Украине (а нас с каждым днем становится все меньше), почувствовала, что могу рассказать и свою историю. Для этого мне потребовалось 65 лет...

Я родилась в городе Тульчин Винницкой области. Когда началась война, мне было 15 лет. Отец ушел на фронт, а я с мамой и бабушкой осталась в городе.

В декабре 1941 г. нас вместе с другими евреями отправили в концлагерь Печора¹ (Шпиковский район Винницкой области). В 2002 г. здесь был установлен памятник погибшим в лагере смерти. Большой вклад в осуществление этого проекта внесли бывшие узники, особенно Михаил Бартик, проживающий ныне в городе Магдебург.

В этом лагере нас не сжигали в печах, не расстреливали в оврагах, а просто обрекали на смерть от голода и болезней. Перед отправкой в Печору нам сделали какие-то прививки – на нас ставили опыты.

Лагерь располагался на территории бывшего санатория, где за колючей проволокой были ограждены тысячи евреев из разных мест области. Нас расселили по палатам, по 40 человек в каждой. После вспышки сыпного тифа количество узников уменьшилось вдвое. Умерла и моя бабушка, а мы с мамой остались между жизнью и смертью.

Каким-то чудом нам удалось три долгих года устоять на этой грани и вернуться к жизни. Для мамы, к сожалению, недолгой. После освобождения она постоянно болела и медленно угасала.

После войны в моем доме не было подстаканников. Они напоминали мне о счастливом детстве, о бабушке. В лагере я жила одной мечтой: напиток горячего чая из стакана с

подстаканником и съесть булочку с вареньем, сидя за столом. С этой мыслью я засыпала, а просыпалась на полу в грязной палате, где рядом со мной лежали такие же голодные, часто отечные, одетые в лохмотья люди.

И все же в этот ад, охраняемый, в основном, украинскими полицейскими, к нам поступала помощь. Моя подруга Надя Кондратюк перебрасывала через забор свеклу и картофель, сухофрукты. Таким же путем мамы коллеги передавали медикаменты и продукты, когда я, вслед за бабушкой, заболела тифом. Только благодаря участию добрых людей мы с мамой выжили.

В марте 1944 г. советские войска освободили Печору. До дома нам надо было пройти 35 км. Навстречу двигались немецкие танки, солдаты, но на нас уже никто не обращал внимания. Падая от усталости, мы постучались в какую-то хату. Хозяйка пустила переночевать, накормила борщом и кашей. Вкус этой небесной пищи я запомнила навсегда. Потом нам было очень плохо – после длительного голодания нельзя было так насыщаться.

Наш дом уцелел, так как был занят немцами, и мы могли жить в нем дальше. В 1945 г. отец вернулся с фронта. Я поступила в Винницкий мединститут. 41 год я работала врачом в детском отделении Херсонской городской больницы, где меня уважали коллеги и пациенты. Однако в моей биографии оставалось «темное пятно» – бывшую узницу концлагеря не выпустили в 1973 г. в Югославию.

Мой муж не дожил до нашей Золотой свадьбы ровно год. У меня две дочери и три любимых внучки. Ради них я живу в Германии, так как без родителей дети не хотели уезжать.

Единственное мое желание, чтобы все пережитое моим поколением никогда не повторилось для наших детей и внуков. И еще я хочу поблагодарить автора и издателей книги «Nur wir haben überlebt», а также организаторов встречи с Борисом Забарко. Спасибо за ПАМЯТЬ!

«Die Brücke». Zeitung der Jüdischen Gemeinde (Kassel). – Dezember, 18. – 2009.

«МОИХ РОДСТВЕННИКОВ ПОГИБЛО 15 ЧЕЛОВЕК»

ДРАНИКОВА (ЯКОВЛЕВА) Алла (1939 г.)

Я, Драникова (Яковлева) Алла Иосифовна, родилась 24 сентября 1939 г.

Во время немецко-фашистской оккупации жила в городе Николаев. Со слов матери, мне было к началу войны 1 год и 9 месяцев. Мама прятала нас с сестрой в погребах у соседей.

Мать работала, копала траншеи. Мы сидели голодные, холодные.

В 1943 году умерла моя сестра.

Во время войны моих родственников погибло 15 человек. Немцы били и обижали наш народ. Погиб отец, погибли дяди Бархтянский, Драников Иван, Иосиф, Лев Давидович.

«И НАЧАЛИСЬ МОИ СТРАДАНИЯ, ПОЛНЫЕ УЖАСОВ И КОШМАРОВ»

ДРАНИЦКИЙ Валентин (1931 г.)

В первые дни войны мой отец, Драницкий Наум Семенович, ушел на фронт. Я, Драницкий Валентин Наумович (тогда мне едва исполнилось девять лет), с матерью, Червинской Софьей Яковлевной, жил в Херсоне¹, по улице Подпольной, 53.

Еще не успели войти в город немцы, как один из соседей заявил матери, что теперь он разберется с жидами. В ту же ночь, бросив все, мать со мной ушла к своей маме, Червинской Дарье Аверьяновне, моей бабушке, которая жила со своей младшей дочерью по ул. Ленина, 70. Квартира была большая, с парадным и черным ходами. Здесь меня и спрятали. А бывшим соседям сказали, что я далеко отсюда.

Конечно, днем я сидел взаперти. Двери черного и парадного входов были всегда закрыты. Соседей в квартиру не пускали. Когда же во двор входили немцы (а приближение их я слышал по громкому цокоту подкованных солдатских сапог по вымощенному камнем тротуару и двору), я сразу же через черный ход (дверь кухни выходила в глухой длинный переулок метров 14–15) убегал между домами двух дворов в тупик, становился в нише, которая образовалась от обрушившейся части стены, зашитой досками, вжимался в нишу и стоял так до тех пор, пока за мной приходила бабушка.

Мы боялись всех, особенно одного соседа, который говорил бабушке, что советские придут, когда у него на ладони волосы вырастут. Может быть, это он донес на меня, или кто-то другой (наверное, подозрительно было, что в квартиру никого не пускали), но если бы я не спрятался, как всегда, в переулке, меня бы ничего не спасло, когда однажды днем в квартиру вошли немец с местным полицаем. Они искали мальчика-еврея.

В тот же вечер меня увела к себе подруга матери, тетя Вая (фамилии не знаю) в свою комнату на улице Горького. День этот я запомнил: это был бывший праздник Октября (7 ноября 1941

года). С этого дня и начались мои страдания, полные ужасов и кошмаров.

У тети Вали было опасно прятаться, ведь через стену жили соседи. И вскоре она отвела меня к двум одиноким старикам в маленький домик в районе Сухарного. Было это далеко, так как шли долго. Звали стариков бабушка Галя и дед Петро (Иванчуки). У них была маленькая хата-мазанка, очень низкая, под камышовой крышей. Днем меня прятали на чердаке, так как к старикам часто приходили соседи, и иногда заходили немецкие солдаты: обыскивали сарай, входили в хату, но быстро уходили. В холода чердак был теплый, но летом там было нестерпимо душно. Попадал я на чердак через закрывающийся люк в потолке прихожей. Освещался чердак окошком в боковой деревянной стене крыши. Для естественных нужд здесь была кастрюля с крышкой.

На чердаке я задыхался от тоски и безделья, там можно было только лежать и сидеть. Каждый день на чердаке был для меня пыткой! Ночью я спал в хате на сундуке. Вставать и ходить вокруг трубы, даже полусогнувшись, я боялся, так как любые шорохи на чердаке были слышны в хате. На чердаке висела густая пыль, когда я двигался. Со слезами ранним утром я поднимался наверх, на свои мучения.

Еда была скудная, особенно зимой: свекла, капуста, изредка картошка в кожуре, хлеба было очень мало.

Я очень тосковал по маме, бабушке, по свободе. У меня были истерики. Тогда дед говорил: «Ваших уже всех поубивали. Иди! И тебя убьют!» От страхов и страданий я уходил в воспоминания о счастливой жизни до войны: о детсаде, о школе, о друзьях в нашем дворе на улице Подпольной. Вспоминал, как там, в переулке ул. Ленина, где я прятался, когда я плакал, мать уговаривала меня: «Потерпи! Скоро, скоро придут наши!» Но пришла зима, наступила весна, лето, снова осень, зима...

И не знал я, что худшее ждало меня впереди: весной скоропостижно скончалась бабушка Галя, и сразу же после ее похорон пришла тетя Валя и увела меня в другое место, к бабке Насте, которая жила неподалеку, на Сухарном. Хата у нее была довольно большая, но полуразрушенная, облупленная,

камышовая крыша дырявая. Бабка была очень бедная и старая. У нее днем я сидел в погребе, который был вырыт в довольно большом коридоре (прихожей) в углу. Погреб был, как мне виделось, большим. В нем можно было сидеть, лежать (на дно положили старый тулуп), даже спать. Стояло в погребе ведро для естественных нужд, накрытое крышкой. Была здесь и лесенка, запах в погребе был тяжелый, хотя он был пуст. Но больше всего меня угнетала темнота, я засыпал и видел странные сны. Когда можно было вылезать, баба Настя стучала палкой по крышке погреба, прикрытой полосатым рядном.

Ночью спал я в кухне на полу. Баба Настя была очень молчаливая, соседи заходили к ней редко. Зато часто заходили солдаты. Даже в погребе было слышно, как они кричали. Еда была тоже скудная: макуха, буряк. К нам мама, как и к бабушке Гале, приходиться боялась, страшилась слежки. Я понимаю это теперь, но тогда жизнь в погребе была для меня страшным сном, который никогда не закончится, и я сердился на мать и мысленно умолял забрать меня отсюда.

Всю жизнь меня преследует то мучительное чувство безысходности и ужаса, те страдания, которые я испытал, сидя в этой яме долгие месяцы (больше полугода).

И вдруг в начале зимы жизнь моя резко изменилась (был декабрь 43-го года). В хату к бабе Насте пришли мама, моя бабушка, моя тетка и тетя Валя! А причина была в том, что населению было приказано покинуть город. С примыкающих к Днепру и с центральных улиц города людей выгоняли силой. Люди уходили кто куда: к родственникам и знакомым на окраины, в села (улицы Ленина и Горького были в центре). Убежав с хлебозавода, на котором мама проработала всю войну, она воспользовалась неразберихой, решила с семьей и тетей Валею уйти в бабе Насте, так как Сухарное было тогда окраиной города.

С ужасом смотрели на меня: я был страшно худой, грязный, оборванный, завшивленный, но я был счастлив: через долгих два года заточения я был снова рядом с родными, дорогими мне людьми!

Я и теперь не выходил из хаты, ходил с головой, закутанной в мамин платок, под видом зубной боли (если зайдут немцы).

Так мы и перезимовали у бабы Насти Павленко. Было холодно, голодно, но рядом была мама.

Перед отступлением немцы взрывали и сжигали дома в центре, был взорван и наш дом на улице Подпольной.

А 13 марта 1944 года в город вошли наши. Благодаря маме, тете Вале, добрым людям – бабушке Гале и деду Петру, бабушке Насте – я остался жив. Благодаря помощи чужих мне людей!

«А КРУГОМ ЛЮДИ ВЫМИРАЛИ, ДОМА ПУСТЕЛИ...»

ДРУТМАН Леонид (1937 г.)

В начале июня 1941 года я, мой брат Мотл и отец – Друтман Янкель Лейбович – поехали в село Песчаная Балтского района Одесской области в гости к родителям отца.

В первые дни войны отца мобилизовали из Песчаной. Новобранцев собрали на Базарной площади. Наш дом был к базару ближе всех. Духовой оркестр играл марши. Людей переодели в военную форму, и они ушли. Отец пропал без вести в 1944 г. Пропали без вести и два брата отца. Дедушка Лейб эвакуировал в Сибирь колхозное стадо и там умер от воспаления легких.

Немцы вошли в село Песчаная¹ в начале осени 1941 года. Свой приход они отметили тем, что разорвали машинами рыжего Бориса. Борис был хромым и под мобилизацию не попал. К нам зашел молодой немецкий офицер. Узнав, что мы евреи, он сказал, что нам будет очень плохо, и угостил нас с Мотлом конфетами.

Потом по селу прошли мадьяры и донские казаки. Они убивали всех, кто попадался им на глаза, не разбирая национальности. Остановились в Песчаной румыны и итальянцы. Обыск у нас делал румынский офицер. Он был выше среднего роста, молодой, стройный, в желтом мундире. Голова у него была круглая, коротко остриженная, лицо заросшее. Он старательно прощупывал подушки и перины и становился перед тетей Сурой в импозантные позы. Тетя Сура была красавицей. На ее заверения, что у нас ничего недозволенного нет, он отвечал, что выполняет свой долг. Офицер насвистывал мелодию и спросил у тети Суры, знакома ли она ей. На отрицательный ответ он сообщил, что это русский похоронный марш. После обыска из дома исчезли все продукты.

Начались изменения. Тетя Шенди и ее сын Мотя, которые жили напротив нас через дорогу, исчезли. В их дом заселилось многочисленное семейство Давидовичей из Бессарабии. К нам заселились муж и жена Валавац, тоже из Бессарабии. Они были

средних лет, культурные и добрые. Над входной дверью висел список жильцов.

Во время ночных облав проверялось соответствие наличия со списочным составом. Несоответствие каралось. У нас проживали прабабушка Хува, которой было лет под сто, бабушка Хона, тети Сура и Лэйка, мы с братом, Валаваца, Сурин муж Пиня Дратва. Пиня не попал под мобилизацию, так как в то время отсутствовал. Общая жилая площадь составляла около 20 квадратных метров.

Запрещалось возделывать огород, что возле дома, разводить в печи огонь и зажигать свет, а также выходить за пределы гетто. Кто нарушал, тот об этом жалел, правда, недолго.

На базаре стояла виселица. Там по воскресеньям вешали семерых партизан, больше не помещалось. Партизанами объявляли, кого угодно. Чаще всего ими становились самогонщики, что спаивали солдат. Висели они до смены.

А еще люди прятали запасы муки, которые не обнаружили ни советские, ни немецкие обыски. Мука была кукурузная, в ней водились толстые черви желтого цвета.

Акации возле дома нельзя было ломать, чтобы не подумали, что будем разжигать огонь. Выручал Мотл. Лицом он не был похож на еврея. Его кое-как одевали, и он уходил с ведром за пределы зоны в поисках горючего. Он приносил щепки, кору и прочий мусор, что мог гореть. У нас была большая печь, что занимала две трети кухни. В ней бабушка Хона умудрялась печь на треножке коржи, и мы жили.

А кругом люди вымирали, дома пустели. Вскоре Пиню и Валаваца отправили на работу. Валавац слесарничал, а Пиня работал парикмахером. Они уходили, когда я спал, и приходили поздно. Они коржей не ели, так как были сыты. У меня на голове была незаживающая рана. Тетя Сура рассказывала, что когда итальянцы варили у нас в печи конину, я полез, куда не надо, и получил по заслугам. Я этого не помню, наверное, потому, что отключился. Благодаря этой ране у меня водились рекордные вши. Люди смотрели и охали. Мои были вдвое крупнее их. Однажды Валавац пришел с работы и заявил, что я спасен. Он показал что-то серое и плохо пахнущее и сказал, что это сливочное масло. Мне смазали раны, и теперь у меня вавки нет.

Зимой я сидел дома, так как был раздет и все время болел. Однажды весной в нашем районе появилось людей больше, чем надо. Они перешептывались и оглядывались. На пороге у Давидовичей появился ловелас и сердцеед Симхе. Он держал что-то завернутое в одеяло, похожее на ребенка. Люди быстро подходили, наклонялись и отходили. Я там обнаружил две катушки с бумагой, на которой что-то написано. Бабушка Хона сказала, что это «ди Тойрэ» (Тора). Был праздник Песах.

В Песчаную наведывалась немецкая комиссия. Однажды она решила, что мы плохо вымираем. Нас согнали в центр к пекарне, посадили в бурьяны, поставили оцепление и поехали за пулеметом. Через несколько часов охранники нас пинками разогнали. Наверное, кончились патроны.

Летом я жил хорошо. В зарослях на пустыре рос паслен. Он числится несъедобной ягодой, а мне он нравился. Как-то я сидел на завалинке и грелся на солнце. Напротив, через дорогу остановился итальянский солдат. Он свистнул и поманил меня пальцем. Мы пошли в дом, где раньше была маслобойка, а теперь был склад. На полу лежал мешок, на котором были навалены хлебные объедки. Солдат указал пальцем на мешок и на дверь. Я за углы поволок мешок домой. После я ждал, что буду объедаться хлебом, но он так и не попал в наш рацион. Наверное, к дарам оккупантов не было доверия. Ведь мы должны были вымирать, а мы все медлили.

На комендатуру иногда нападали партизаны. Ходили слухи, что у наших есть огромный танк «Катюша», от которого отскакивают немецкие снаряды. Я думал, что этот танк резиновый. Тайком распевались революционные песни, вроде:

Антонеску дал приказ:
«Всем румынам на Кавказ»!
А румына не дурной,
На каруцу, и домой».
(Каруца – румынская телега).
Или:
«Я вам расскажу
Весь фронт, по блату,
Русские пилоты немцев бьют.

А румыны руки поднимают
И кричат, что Гитлеру капут».

Над нами постоянно кружил самолет «Рама». Однажды недалеко от нас упал сбитый немецкий самолет. Вопреки запретам мы пошли посмотреть. Самолет опирался на колесо и левое крыло. Возле него стоял немецкий солдат. Увидев нас, он что-то сказал, и отошел в сторону. Самолет был маленький, транспортный, без вооружения. Были видны следы пожара. Я был разочарован, так как ожидал, что самолеты намного больше.

Итальянцы срубили акацию, что росла возле дома, и по ней залезли ночью к нам на чердак. Они несли факел, а крыша была камышовая. Мы были одеты и готовы к эвакуации. На вахте стоял Мотл.

Однажды итальянцы оставили на ночь машины с закрытыми кузовами. Утром они обнаружили, что кожаные ремни срезаны. Тех, у кого их нашли при обыске, избивали прикладами.

Дома вокруг нас пустели. Куда-то пропали Давидовичи и с ними наша любовь Рутти. От нас ушли Валавацы. Может быть, переселились в опустевшие дома. Возле нас жили два Менделя – кривой и горбатый. Горбатый Мендель занимался плетением веревок, фамилия его была Поляк. Кривой Мендель был ровный, у него не было одной ноги. Он ходил иногда на деревянной ноге, а иногда на костылях. В прошлые времена он был крутым мужиком и побеждал на соревнованиях по поеданию сырых яиц. Он занимался портняжеством. Когда итальянцы разожгли ночью под нашим домом костер, Мендель разогнал их костылями, а костер потушил. Мы думали, что Мендель пришел конец, но итальянцы его не тронули.

Настали другие времена, канонада гремела с другой стороны.

Однажды Пиня, который стриг румынских солдат и все знал, так как понимал их язык, сообщил, что румыны собираются отступить. В эту ночь оставаться дома было нельзя, так как могут быть поджоги и расстрелы.

Было начало марта 1944 г., дорога состояла из месива грязи со снегом. Тетя Сура утверждала, что меня лучше оставить дома, потому что я раздет и на улице замерзну, но бабушка Хона на-

стояла на том, что я должен быть вместе со всеми. Тетя Сура меня несла и плакала, а когда опустила меня на дно оврага, где мы собирались прятаться, отвесила мне пару оплеух. Наверное, от усталости. Я потихоньку замерзал и не слышал, как наверху раздались голоса. Это шли домой брат и сестра Яков и Марфа Халаим. Мы пришли к ним домой. У них было чисто, тепло и ослепительно светло.

В гетто у нас умерла прабабушка Хува и тетя Вайсман Лэйка Лейбовна.

«БЫЛО ОДНО ОБЩЕЕ ГОРЕ...»

ДУДНИК Валентина (1925 г.)

Я, Дудник Валентина Львовна, родилась в городе Умань Черкасской области 29 декабря 1925 г. в еврейской семье. Родители были выходцами из деревни. Мать, Горель Цири Хаймовна, родилась в деревне Зеленый Рог. Отец, Дудник Лев Натанович, – из деревни Княжья Криница; где она находится, не знаю.

В Умань они попали после многочисленных погромов в 1920-х гг. Снимали жилье на окраине города, жили огромной семьей – у бабушки было 6 детей. С тех пор, как начала себя помнить, слышала в семье разговоры о погромах, не только тех, которые были в годы революции, но и в начале XX века. В данном случае потому упоминаю, что мой отец эмигрировал в Америку после этих погромов, с семьей сестры и двумя детьми убитого брата. Одного ребенка из-за болезни не пропустили, девочка осталась с моей матерью. Родители мои до того много лет прожили в браке, но детей не было. Отец вернулся в 1914 г. В 1915 г. родилась старшая сестра, в 1918 г. средняя, а потом я. Рассказы о том, как они с двумя детьми прятались от погромов в пруду, запомнились надолго.

В 1941 г. старшая сестра была замужем, было у нее двое детей. Жила она в Макарове Киевской области, на оккупированной территории. К данной истории отношения не имеет. Главное действующее лицо – Раиса – средняя сестра. В память о ней, о ее друзьях я и решилась на трудную для меня исповедь и, если кое-что будет излишним, прошу меня простить.

В 1941 г. я окончила 9 классов. Сестра перешла на 4-й курс физического факультета Днепропетровского университета. 22 июня она выехала на каникулы домой, заранее был взят билет.

В первые дни войны проходила мобилизация. 24 июня всех мальчиков–подростков собрали на стадион и увезли. Девчонки бежали, напрашивались, но нам отказывали.

Эвакуация, мы знали о ней, была для членов партии, может быть, еще для кого-то, но население об этом не знало. Днем и но-

чью через город шли войска. Мы общались с солдатами, узнавали тревожные новости, радио в городе не работало. В домах его почти не было, а на улице после 3 июля, когда выступил Сталин, больше его не слышали.

15-го июля мы узнали, что город скоро будет сдан. Все или большинство куда-то движутся, пошли и мы с сестрой и родителями. За день прошли до деревни Оксанино, приблизительно 12 км. Но отец сказал, что дальше идти не может.

Домой вернулись к ночи. Родители сказали, что больше никуда не пойдут, а мы вольны идти, куда хотим, может, будет хоть один шанс выбраться. Вслух ни о каких погромах не говорили, да и не знали, может быть, обо всем ужасе. Тогда людям не говорили, как, впрочем, и спустя 50 лет. Это была закрытая тема.

Все дни с рассвета до темноты мы проводили на улице, по которой шли войска. Остановилась колонна, это было 29 июля, солдаты сказали, что через день-два в городе будут немцы. Мы попросили, чтобы они нас взяли с собой. Они согласились, и мы уехали, не попрощавшись. Не было времени. Я, моя сестра и подруга Козодой Лиля. Двигалась колонна в район Подвысокого очень медленно. На дороге сотни тысяч людей: солдаты, мирное население с запада на подводах.

В ночь на 1 августа отъехали куда-то в сторону и въехали в самое «пекло»: появились осветительные ракеты, стреляли из минометов – грохот, взрывы, стоны. Дана была команда всем пробираться в деревню, названия не помню. Добрались, а там кто куда стал прятаться – в погреба, ямы, но там уже было местное население. Со временем все мы разошлись, местные – домой, а мы – куда глаза глядят.

Через какое-то время забрели в одно село, предложили жителям пошить что-нибудь – не отказали, а когда попросили помидор продать, то в ответ услышали, что жидам не продаем. И добавили, чтобы мы быстрее убирались, а то скажут немцам, а они были почти в каждом подворье.

Прошли еще пару деревень, на ночлег никуда не просились. Все напуганы, за один день мир перевернулся. Мы держали путь на Умань. Было это 1 августа. Через двое суток добрались мы до местечка Головановск. По пути нам показали, где живут «жиды», они пусть и пускают. Пустила нас ночевать одна

пожилая еврейка, святой человек. Пробыли мы там несколько дней.

Немцы бесчинствовали, издевались над евреями. Заходили в основном с целью ограбить, но брать было нечего. Было очень голодно. Какую-то похлебку эта женщина один раз в день делила с нами, но ее скромные запасы подходили к концу.

Однажды пришла соседка и сказала, что висит объявление, что всем евреям надо явиться с документами, трехдневным запасом продуктов, ценными и необходимыми вещами, и что их будут вывозить в другое селение. Поскольку у нас этого ничего не было, то мы наутро собрались и ушли домой. Проводила нас эта святая женщина за околицу, а сама пошла собираться в дорогу. Было это буквально в первой декаде августа.

В маленьких местечках, где мало евреев, погромы проводили, не откладывая в долгий ящик. Мы и не думали, что это будет убийство. Вот так мы избежали первого погрома. Да и о том, что был погром, мы поняли из дальнейших событий в Умани. Никаких «средств информации», как сейчас говорят, тогда не было.

Дома родители встретили нас с ужасом. Сказали, что были уверены, что мы выбрались с войсками и избежали оккупации. Рассказали обо всех бесчинствах над евреями Умани¹: кого-то повесили, неизвестно за что, а то взяли десять человек заложниками и расстреляли, молодежь гоняют на разные работы, и много евреев задействовано на расширении и углублении рва на окраине города.

На этом месте расположен был кирпичный завод, где немцы устроили лагерь для военнопленных. Печально известная «Уманская яма», о которой говорили на Нюрнбергском процессе.

На второй же день в дверь постучал полицейский и сказал, чтобы мы шли на работу. До этого он знал, что в подвале находятся два старика, и не заглядывал. Жили мы в большом дворе, где было 7 домов и домиков, в них жили евреи и украинцы, ребята сразу доложили, что здесь появилась молодежь. Повели нас на стройку подсобными рабочими. Иногда даже нам давали хлеб после работы, который мы, проходя через двор, отдавали пленным. Они копали какие-то траншеи под охраной тех же полицейских. До сих пор у меня перед глазами эти пленные – во

что можно превратить молодого, здорового человека за 3–4 недели голода.

Пришли мы на работу 17 сентября, но немец сказал, что больше для нас работы нет, и вел себя как-то странно, хлеба дал больше обычного. Как-то я стояла в очереди за капустой и была свидетелем, как подъехала машина, из нее вышел немец, стал заглядывать всем в лицо, определяя, кто еврей, подошел к старой женщине, вытащил ее из очереди и начал избивать. Люди, стоявшие в очереди, сказали, что он ежедневно приезжает.

Однажды из соседнего дома увели Розенфельд с двумя дочерьми. Муж ее оставался дома, так как мужчины обычно прятались. Об их наличии не всегда знали, считалось, что идет «охота» на мужчин потому, что их берут заложниками, вешают. Розенфельд все-таки успел спрятаться на чердаке. Со слов соседей, он там повесился.

Меня с мамой вывели во двор, где стояло несколько евреев, и повели нас, небольшую группу, человек 10–15, примерно столько же охраны, один немец, остальные полицейские и сотни людей – зевак – вокруг. Привели нас в Дом пионеров, затолкали в подвал, где было уже много людей. Потом подводили еще людей. Когда дверь уже с трудом открывалась, выбили винтовкой окно и начали туда их проталкивать на головы стоящим. Люди задыхались, в первую очередь маленькие дети, стоял крик обезумевших матерей. Я начала терять сознание. Но в приоткрытую дверь стал попадать свежий воздух. Сквозь стоявший крик переводчик спросил, есть ли здесь украинские дети. Мама меня подпихнула, и полицейский пропустил.

Я пошла к своему дому, но там пусто, нет ни отца, ни сестры. На одной из улиц вышел мне навстречу солдат в немецкой форме, осветил фонариком и обратился ко мне с вопросом: «Юде?» – я ответила, что нет. Изъяснялись мы почти на украинском языке. Солдат сказал, что он из Польши, ему 18 лет, недавно мобилизован. Сказал, что сейчас опасно ходить по улице, посмотрел на мою разорванную кофточку и замолчал.

Я пришла к своей подруге, но ее отец меня в дом не пустил, сказал, чтобы я шла в сарай, а завтра чтобы я ушла. А утром меня нашла сестра и рассказала, что с ними произошло. В подвал, где они прятались с отцом, набежало много евреев. Сосе-

ди указали, где они спрячутся, и их увели по направлению к тюрьме. По пути толпа людей увеличивалась, их подгоняли, избивали тех, кто медленно шел. Так поступили с моим отцом, которому было 70 лет. Он умер на территории тюрьмы, где находилось очень много людей. Это было главное место действий.

Периодически подъезжали машины, грузили людей и увозили в тот ров, который увеличивали до последнего дня те, кто там работал. Они же были первыми и убиты. Начальником полицейских, которые вместе с немцами были исполнителями акций уничтожения евреев, оказался однокурсник моей сестры. Увидев ее, он сказал, что с наступлением темноты они закончат эту работу. Ее и многих других евреев выпустили.

Мама осталась жива, так как все время находилась у выбитого окна, которое прикрыла фанерой, и откуда поступал свежий воздух. Так живы остались человек пять. Это было 20 сентября, а 21 сентября был развешен приказ о том, что всем евреям нужно в трехдневный срок переселиться в гетто, иначе...

Была в Умани улица, в народе называлась Раковка. Там скученно с начала века жили евреи. В основном, это были домишки без участков. Район еврейской бедноты, верней, нищеты. Дома эти опустели после погрома. Вот туда и надо было переселиться.

Официального названия улицы не знаю. Заходили туда, где было место на полу, там и садились. Нам досталась кухня. Там мы были с мамой, сестрой, тетей, дядей и их дочерью. Тетя была маминой сестрой, у которой погибли четверо детей из пяти, еще была бабушка 82-х лет.

С соседями мы не успели познакомиться, было одно общее горе: матери без детей, дети без матерей, слезы, но живы. Рядом с гетто была размещена воинская часть мадьяр. Вечером солдаты заходили с целью чем-нибудь поживиться. У нас ничего не взяли, нечего было.

Такая мирная жизнь длилась всего пять дней. Утром 28 сентября пришла соседка и сказала, что ходят слухи, что 29 сентября опять будет погром «в честь» Рош а-Шана. Все были в панике. Мы с сестрой решили выйти за пределы гетто, чтобы найти что-нибудь поесть.

А на рассвете немцы учинили погром, в результате которого погибла наша мама. Дядя собрал десять пожилых евреев, и они молились на чердаке заброшенного дома. В этот дом полицейские не вошли – и все евреи уцелели. Но он начал искать жену и дочь, и нашел их на третий день, вытащив их из-под пола в кухне дома, откуда увели других евреев. Мама спасла их, задвинув диван, где находилось отверстие в полу. Этот поступок она мотивировала тем, что ее детей здесь нет, может, уцелеют, а у сестры от большой семьи почти никого не осталось.

Оставшихся в живых мужчин гоняли на строительство концлагеря на трассе Умань–Кировоград. За дядей не заходили, он, полуобезумевший, днем и ночью рыдал о детях, разговаривал с Богом. О дяде моем (фамилия Переpletчик) и его семье рассказываю, потому что хочу, чтоб хоть какой-нибудь след остался о них.

Мы с сестрой остановились на квартире у Ларжевских. Все обсуждали одну проблему – как быть дальше. Наступала весна, знали примерно время, когда гетто будет ликвидировано. Мы с сестрой могли пробираться в гетто и обратно, знали место, и оно было близко от городской квартиры Ларжевских. Решили, что мы с сестрой должны выбираться из города. Вся семья Ларжевских была единодушна в своем решении, включая парализованную мать, которая улыбалась, кивала головой – нравилось поведение детей.

Однокурсник сестры, Алексей Губарь, тоже оказал нам неоценимую помощь. Он принес нам какие-то справки, которые, скорее всего, изготовил сам.

А в это время началась ликвидация гетто. Шашков Владимир Иванович, работавший невропатологом в поликлинике, привел меня в один дом, где согласились меня принять. Но вскоре у ограды собралась толпа женщин, которые кричали, что знают, что здесь находится еврейка, что если не уйду, то приведут полицию. Пришлось уходить, то в один дом, то в другой, то в третий.

В городе творилось невообразимое. Трудоспособных евреев увели в концлагерь, который существовал некоторое время. Они строили участок дороги Кировоград–Умань. Немощных, пожилых людей расстреляли. А малых детей живьем бросали в

яму в черте города. Говорят, долго земля шевелилась. Факт достоверный. Мне об этом рассказала женщина, у которой я была. Об этом я также прочла через 25 лет, когда была в Умани, где один подпольщик, когда пришел на явку, был в шоке, увидев, как шевелилась земля.

К тому времени Алексей Губарь вывез из города мою сестру. А в начале мая выбралась из города и я с Алексеем Губарем. Приехали в деревню Оксанино, а оттуда в Небыливку Кировоградской области. Пристроили меня к одинокой женщине, и я ходила работать в колхоз.

Однако, узнав, что моя сестра Раиса в Кировограде, решила перебраться к ней. Оказалась я в Ромейково, затем в Екатеринополье, где тоже работала в колхозе.

Как-то появилась сестра, два года мы с ней не виделись, не надеялись, но мечтали о встрече. Она рассказала мне, что с ней произошло за эти два года. В Кировограде она была недолго. Во многих местах была, но нигде не могла закрепиться. Направление держала в Белоруссию, по пути была наслышана о партизанах. В одной из деревень ее задержали, допытывались, не еврейка ли она. Содержали под замком, грозились отвезти в город. Но однажды пришел староста, выпустил ее и указал дорогу к партизанам. Она рассказывала, что ее долго допрашивали, но приняли. Отряд их действовал в районе города Барановичи.

Теперь мы уже не могли расстаться. Она мне рассказывала, что в отряде занималась тем, что приказывали. На задания ходила, на железную дорогу. В Екатеринополь она прибыла в шинели, на шапке красная полоса. До этого мы не видели таких партизан.

По радио услышали, что освободили Умань. Поехали в Умань, оттуда в Бершадь. Ходили слухи, что сюда сбегали евреи из Умани и что здесь в гетто не убивали. Думали, что там найдем родных, но не нашли.

После войны я окончила Московский мединститут, сестра – Московский университет. Прошли годы, но мы все время вспоминаем своих друзей, что помогли нам выжить. Хотели узнать об их судьбе.

Люди, которые нам помогали:

– Ларжевская Раиса Феодосьевна, студентка Днепропетровского университета. Проживала в Умани. Умерла в 1989 г.

– Ларжевский Николай Феодосьевич, студент Днепропетровского химико-технологического института. Проживал в Умани. Умер в 1987 г.

– Ларжевский Леонид Феодосьевич, студент Днепропетровского химико-технологического института. Умер в 1985 г.

– Губарь Алексей. После ликвидации гетто вывез из города Дудник Раису (мою сестру) и меня, Дудник Валентину.

– Шашков Владимир Иванович, врач-военнопленный, работал в городской поликлинике. После ликвидации гетто прятал у своих знакомых в Умани Дудник Валентину.

Наши близкие и родственники:

Бабушка Горель Фрима (82 года). Погибла 19 сентября 1941 г. в городе Умань. Жила в семье дочери, Переплетчик Зони, и ее мужа, Переплетчика Ицика. Их дети: Хова, 17 лет; Мойша, 16 лет; Шея, 14 лет; Хаим, 10 лет; Лейка, 8 лет. Погибли в гетто Умани четверо детей, 19 сентября 1941 г. Их мать, Переплетчик Зоня, и сестра Шея, 14 лет, погибли в концлагере. Дата неизвестна.

Погибли наши родители: мама, Дудник Цири, 62 года, дочь Горель Фримы, погибла 29 сентября 1941 г. в Умани; отец, Дудник Лев, 70 лет, погиб 19 сентября 1941 г. в Умани.

Возрождение памяти: воспоминания свидетелей жертв Холокоста. – Вып.1. – Днепропетровск, 2008. – С. 80–89.

В КРУГАХ АДА

ДУХНО Владимир

Солнечное воскресное утро 22 июня 1941-го года. Никаких признаков, указывающих на то, что сгущаются тучи. Как обычно, в выходной день вся наша семья – папа, Матвей Лейбович, мама, Елизавета Ушеровна, брат Шура и я – собираемся отдохнуть в лесочке, что неподалеку от нашего местечка Ильинцы (Винницкая область).

Но тут по местному радио объявляют: всем жителям собраться в клубе. И здесь мы узнаем, что началась война...

Всех здоровых мужчин мобилизовали в армию. Папу не призвали, так как он участвовал в войне с белофиннами, вследствие чего стал инвалидом.

Началась эвакуация промышленных предприятий. Первой у нас в местечке эвакуировали артель «Красный швейник». По радио ежедневно сообщают, что сданы города Львов, Каменец-Подольский и другие.

Немецкая армия стремительно продвигается вперед. Оставаться в Ильинцах небезопасно, ибо фашисты несут издевательства и смерть евреям в захваченных городах и селениях. Решаем вместе с родственниками покинуть родные места.

Две мамы сестры, Фаня и Этя, эвакуировались с предприятиями, на которых работали их мужья. Родной мамин брат Илья эвакуировался с сахарным заводом. Они попали в Среднюю Азию. Сын маминой сестры Суры Володя был призван в Красную Армию, а дочь Клара из Киева эвакуировалась вместе с сыном Оскаром.

Отец купил в соседнем селе пару лошадей для нас и для маминой сестры Суры. Погрузили на телегу кой-какой домашний скраб, и в путь – на Умань. На одной телеге наша семья: папа, мама, брат Шура и я; на другой – Сура и три ее дочери, Маня, Клара и Фира Борисовские.

Всего с нами было 15 еврейских семей. От развилки дороги наши две телеги поехали прямо, остальные свернули влево. Проехали мы немного и увидели: с неба сыплются люди. Это

был немецкий десант. Буквально в считанные минуты туча вооруженных гитлеровцев покрыла землю. В завязавшемся бою советские воинские части были перемолоты.

Продолжать путь на Умань значило попасть в кровавые лапы фашистских извергов. И мы повернули к себе в Ильинцы¹. Будь что будет.

Вернулись мы домой. Красная Армия отступила, взорвав за собой мост через речку Сось.

Отец собрал нас, дал каждому адреса наших родственников, немного денег и хлеб, положив все это в узелки, и сказал: «На нас идет большое горе, будем прятаться в подвале».

И мы все пошли в подвал около чайной. Просидели мы там два дня. К концу второго дня на улице появились немецкие разведчики. После них пошли немецкие войска.

К этому времени мы уже вернулись в свой дом. Когда немцы вошли в Ильинцы, сразу начали бегать по хатам, требовать молоко, яйца, хлеб, корочке, все, что можно было съесть. Появились полицаи – в немецкие холоуи охотно шли уголовники, антисемиты и возвратившиеся раскулаченные Советской властью. Начались грабежи, у евреев отбирали все мало-мальски ценное.

На следующий день в центре города был вывешен приказ немецкого командования о введении военного положения. От гражданского населения требовалось неукоснительное выполнение всех распоряжений немецкого коменданта. Начались черные дни оккупации.

В Ильинцах было образовано гетто. На дверях домов, в которых жили евреи, написали «юде» – жид. Всех нас заставили надеть белые повязки на руку, а на спину пришить нашивку с желтой звездой Давида. Мы все, узники гетто, не имели права покидать его пределы; как только стемнеет, запрещалось выходить из дома. Полицаи ходили по домам, забирая все, что попадалось под руки.

Был такой случай, когда пришел полицай к нашей тете Суре Борисовской, хотел снять кольцо с пальца, а оно не снимается. Так мучил целый день (хорошо, что палец не отрубил), пока не снял кольцо.

Из гетто нас брали на разные работы. Ходили мы на поле, где был посажен – впервые на Украине – каучуконос (кок-сагыз).

Поле было очень длинное, надо было его обрабатывать. За это давали обед – похлебку из гороха и кусок хлеба.

Затем отца поставили на прием, проверку, упаковку и отправку яиц для немецкой армии. Отцу разрешили взять нас с братом Шурой для помощи. Мы с ним сбивали ящики для упаковки и отправки яиц.

Привозили яйца и кур из сел, кур невозможно было отправлять сразу. Так мы сделали печь, поставили большой бак и грели воду. В теплой воде запаривали отруби для кормежки кур. Очень тяжело было заполнять бак водой.

Однажды мы с братом задержались на работе допоздна и домой пошли, скрываясь между домами. Нас нагнал полицай Полищук и начал избивать. Брат говорит: «Коля, что ты делаешь? Мы же свои». Они до войны учились вместе, в девятом классе. А Полищук наоборот, стал бить нас еще сильнее, хохоча над нами: «Жида – свои!» Избитые до полусмерти, мы еле добрались до дома.

Женщин, узниц гетто, водили расчищать от снега дорогу от села Морозовка до станции Липовец. Ежедневно вместе с другими женщинами гнали на эту работу мою мать Духно Елизавету, Борисовскую Суру – мою тетю – с дочерьми Маней, Фирой и Кларой.

Это было зимой 1941–1942 годов. В местечке появились каратели с нагайками в руках. Согнали всех евреев на площадь. Стариков заставили подмести у памятника Ленину, а затем развести костер. К пылающему пламени садисты подтаскивали стариков и поджигали им бороды. Потом больных, немощных старых людей заставили танцевать вокруг костра. Когда я вспоминаю об этом ужасе, невольно слезы застилают глаза.

В один из ноябрьских дней гитлеровцы провели в нашем местечке страшную акцию. Согнали на площадь евреев, отобрали из толпы сорок два человека, в основном пожилых, и заставили их рыть яму на известковом поле. Когда яма была вырыта, фашисты начали методично расстреливать стариков. Убитых, раненых и даже чудом оставшихся в живых сваливали в яму, засыпали землей.

Четыре дня изверги никого не подпускали к месту расстрела. А когда, наконец, люди смогли приблизиться к могиле, они уви-

дели, что земля сотрясалась, словно живая, слышали стон заживо погребенных. В этой акции погиб наш сосед Мойше Каплун, брат моей бабушки Эле Уманский.

По местечку шныряли машины, на которых был нарисован устрашающий череп, многозначительно предупреждавший, что едет «страж порядка». Мы-то знали цену этому «стражу»...

В четырех-пяти километрах от Ильинцев возникало все больше и больше отрытых ям, предназначенных для обреченных евреев. Появились в селе румыны. Они служили в трудовой армии, их заставляли копать ямы за селом – готовили могилы для массовых расстрелов.

В один из дней, рано утром, я и мама услышали страшный шум. Евреев гнали на площадь, и все уже знали: раз гонят каратели, то домой уже никто не вернется.

Отец и брат дома не ночевали, они остались спать на работе. Я с мамой, соседкой и ее детьми укрылись на чердаке. Чтобы спасти детей, мама решила спрятать в дымовой трубе меня и соседкиного сына Леню. Поверх дымовой трубы положили доски, а на них кирпичи. В щель едва просачивался воздух, дышать было очень тяжело. Я сидел, тесно прижавшись к другу, соседка с двумя маленькими детишками приютилась у трубы, а мама забилась в темный угол чердака.

Не прошло и часа, как я услышал топот кованых сапог и хриплый голос полиция: «Ну-ка, жида, вылазьте, покуда живы!». Увидев соседку с малышами, полицаи начали их избивать. До нас доносились душераздирающие стоны и мольба: «Не убивайте, не убивайте малышей моих!» Вскоре все стихло.

Соседку с деточками полицаи стащили с чердака. Маму, притаившуюся в темном углу, они не заметили. И это спасло ей жизнь.

Неожиданно в дымовой трубе стало светло – это мама, едва живая, доползла до трубы, сняла кирпичи и доски и с большим трудом забралась к нам. Каждую минуту мы с тревогой ждали, что вот-вот полицаи снова заявятся на чердак. Так мы просидели в нашем жутком убежище – без еды, без питья – два дня.

В это время всех евреев местечка согнали в синагогу. Каратели бесчинствовали с особой силой: врывались в еврейские дома, ломали двери, окна, мебель, избивали до полусмерти всех, кто

не успел спрятаться. В синагоге сняли с несчастных хорошую одежду, забрали кольца, серьги, цепочки и погнали к вырытым ямам. Тех, кто, обессилев, не мог идти, били прикладами, подгоняли нагайками. Молодые тащили на себе стариков.

Так обреченные приблизились к месту казни.

Отец мой, услышав, что началась карательная акция, поставил брата Шуню в большую цистерну, в которой мы грели воду. Вода была Шуне выше пояса. А сам отец укрылся на складе. Ему казалось, что это надежное укрытие, но рыскавшие по всем углам полицаи нашли их...

Папу и брата расстреляли вместе с нашими родственниками и друзьями. Этот день – 24 апреля 1942 года – я не забуду, пока бьется мое сердце. В этот день фашисты расстреляли в местечке около 4000 евреев.

На третий день после совершенного злодеяния садисты, считая, что свое геройское дело сделали, убрались из нашего местечка. Мы смогли выйти из дома.

Мы с Леней залезли через окно в синагогу, там я нашел в куче одежды отцовскую рубашку, в которой были записка и деньги. Рубашка лежала сверху, так как отца и Шуню нашли и пригнали в синагогу позже других.

На следующий день мы с Леней сумели добраться до места расстрела. На дороге валялись детские игрушки, туфельки, разная одежда. После расстрела полицаи разгромили стоявшие пустыми дома убитых евреев и разграбили находившееся там имущество.

На этом издевательства над оставшимися в живых евреями не закончились. Всех, кто мог ходить, заставили работать на селекционной станции. Туда, по сути дела, перевели Ильинецкое гетто.

На селекционной станции нас заставляли работать на полях. Жили мы все в бараках, по несколько семей в одной комнатке. В нашей комнате жили семья маминой сестры Борисовской Суры с дочерьми Фирой, Маней и Кларой и я с мамой. Мама убирала бараки, ходила работать в поле. Я выполнял различные работы: возил агрономшу, пахал землю сначала на быках, потом на лошадей; убирал сено граблями, которые были больше меня, увозил с молотилки солому и укладывал ее в скирды.

Однажды, убирая сено, я очень захотел пить. Подошел к одной из женщин и попросил у нее воды. В это время подъехал польский полицай Павлик. Увидев, что я пью, набросился и стал пороть меня нагайкой. «Так вот как ты, жидня, работаешь? – заорал он. – Сегодня домой, жидовская морда, не пойдешь!» Всю ночь напролет я работал, а утром снова начал убирать сено.

Моя двоюродная сестра Клара и родственники Женя и Яша Койфман решили перейти линию фронта. Им удалось уйти с селекционной станции. Яша перешел линию фронта, а Клару и Женю расстреляли.

Каждый вечер в гетто была проверка. Проверял наличие узников в гетто полицай Павлик. Управляющим был майор Шульц, который очень жестоко обращался с нами, избивал каждого, кто ходил в рабочее время или останавливался во время работы.

Молодые мужчины и девушки решили уйти в партизаны. Под руководством бывшего командира Красной Армии Давида Мудрика им удалось уйти в лес и добраться до партизанского отряда. Среди них были жена Давида Зинаида Мудрик, ее сестра Соня, Фройка Карлицкий, Маня Кваша – моя двоюродная сестра – и другие.

Однажды осенью под утро немцы-каратели окружили гетто и стали грузить евреев на машины, чтобы везти на расстрел. Жуткие крики обреченных людей заполнили селекционную станцию.

Мы потихоньку перешли в другую хату и вылезли на чердак. Слышались выстрелы, они убивали наших евреев, оставшихся пока еще в живых. Когда стрельба немного утихла, мы выбежали в поле, засеянное просом. Но так как просо было низкое, примерно 40–50 см от земли, мы легли возле арыка.

Немцы, прежде чем отъехать от селекционной станции, начали стрелять по окружающим полям, чтобы добить тех, кто там спрятался.

Но нас Бог миловал. Мы продолжали лежать в арыке до вечера. А вечером подошли к нам женщины и говорят: «Люди добрые, вставайте, они уже уехали. А мы все, соседи, видели, как вы тут лежали. Но у вас есть Бог, он вас спас».

Мы поднялись, поблагодарили этих людей и ушли в темноту, подальше от этого страшного места. Шли мы по полям, села об-

ходили, ночевали в стогах. Иногда мы с Фирой (двоюродной сестрой) заходили в дома на окраине какого-нибудь села, просили хлеба. Кто давал, а кто кричал на нас и грозил выдать немцам.

Так шли мы вчетвером: я с мамой и мамина сестра Сура Борисовская с дочкой Фирой. Однажды утром, это было около большого села, смотрим – идет женщина с сумкой. Увидела тетю Суру и говорит: «Борисовская, что вы здесь делаете?» Тетя ей отвечает, мол, ищем своих. А женщина ей говорит: «Видите дом, что стоит на горе? Это мой дом. Можно вам туда пойти, а я сейчас приду».

И мы пошли по направлению к дому, поверив в ее добрые намерения. И вдруг, словно с неба явилась, подошла другая женщина и предупредила нас, что в этом доме и вообще в деревне полно немцев и полицаев.

Мы повернулись и побежали в другую сторону, и на окраине села остановились в одном доме. Прошло несколько часов, в селе началась стрельба. Забегает хозяйка и говорит: «Вас ищут немцы, уходите». Мы пошли быстро в поле, там стояла большая скирда. Влезли мы в глубь этой скирды, легли и боялись пошевелиться. Вокруг слышалась стрельба и немецкая речь.

Стемнело, немцы ушли. Мы выбрались из скирды и пошли дальше, искать убежища у добрых людей.

Жили мы в селе Болюховка у дяди Кости (фамилию не помню) и у Грибовских, тети Марии и дяди Андрея. Я точно не помню (прошло 60 лет), в какие месяцы у кого мы жили. Но помню, что скитались мы по селам Ромер Хутор и Болюховка. Прятали нас люди в погребках, сараях, на чердаках, сеновалах. Это были Свиридовы, Гребенюки, Грабовские, Пилипчуки и другие добрые люди, фамилий которых я теперь не помню.

Зимой жили мы у Давида Пилипчука в Ромер Хуторе. Жили мы у него во времянке (я в то время болел тифом). В семье Грабовских жили несколько месяцев. Жили мы в сарае вместе с коровой, укрывались на сеновале на чердаке (там было очень много сена) или в яме во дворе, где можно было только сидеть. Еду нам приносили по возможности.

Перед уходом в партизанский отряд были мы у Грабовских. Немцы и полицаи зверствовали, проводили обыски в домах. Если бы нас нашли, то расстреляли бы и нас, и семью Грабовских.

Ночью тетя Мария вывела нас из села. Мы вчетвером: мама, я, тетя Сура и Фира пошли по направлению к деревне Борисовка, которая находилась недалеко от леса. Путь, который мы прошли до Борисовки, был очень тяжелый. Мы едва не угодили в руки полицаям. Днем мы укрывались на полях в стогах, а ночью двигались.

В последний день перед тем, как пойти в лес, мы находились среди работающих женщин, которые очищали свеклу, а мы им помогали. Когда стемнело, одна из женщин, звали ее Мария, провела нас в Борисовский лес. Там мы и заночевали в овраге. Затем мы долго бродили по лесу, по протоптанным дорожкам – в поисках партизан.

На четвертый день мы почувствовали запах пищи. Я пошел вперед и вдруг услышал окрик: «Стой!» Я остановился, а караульный вызвал начальника. Начальником караула оказался Фройка Карлицкий, наш земляк из Ильинцев, который находился с нами в гетто на селекционной станции. Так мы попали к партизанам. Это был сентябрь 1943 года.

Мы попали в еврейский партизанский отряд Давида Мудрика, нашего ильинчанина, прошедшего муки ада Ильинцевского гетто и гетто селекционной станции вместе с нами. Партизанский еврейский отряд Мудрика входил в состав 2-й партизанской бригады имени Сталина под командованием Кондратюка Анатолия Ивановича. Начальником штаба был Михаил Яблочкин.

Давид Мудрик, наш командир, обладал исключительными организаторскими способностями и создал боевую единицу – еврейский партизанский отряд. Будучи минером, он обучил этому искусству партизан, много сделал для спасения еврейских семей. Лично руководил каждой операцией по минированию железных дорог.

Мама и тетя Сура стали готовить в отряде еду для партизан, печь хлеб.

Я с другими ребятами пас скот, кормил лошадей, следил за исправностью повозок, был связным, готовил секреты для хранения продуктовых запасов, готовил лошадей и подводы для выполнения боевых заданий. Скромные задания, но очень нужные партизанам.

Вокруг леса партизаны создавали укрепления, копали окопы. Приближался фронт. Немцы прочесывали лес, стремясь уничтожить партизан, но наш отряд храбро сражался. В начале 1944 года наш отряд соединился с частями Красной Армии.

Мы с мамой остались в Киеве, куда было приказано явиться всем оставшимся в живых партизанам для получения документов. Затем мы стали работать на гвоздильном заводе. После освобождения Ильинцев вернулись в родные места.

[www/netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Duhno.html](http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Duhno.html)

«МАМУ И ВСЕХ, КТО БЫЛ В КАМЕРЕ, УБИЛИ»

ЕФИМОВ Борис (1931 г.)

Я, Ефимов Борис Александрович, 12 декабря 1931 года рождения, к началу Великой Отечественной войны проживал с матерью, Ефимовой Этель Наумовной, в городе Херсон по улице Карла Маркса, 6. Мать по национальности – еврейка. Отец, Ефимов Александр Иванович, – русский, работал на траулере рыбной промышленности в городе Мурманск.

После захвата Херсона¹ фашистами, где-то 24–26 августа 1941 года, всех жителей еврейской национальности загнали в гетто, организованное немцами в северной части города. Там оказались и мы с мамой, ее сестрой, Цыганковой Марией Наумовной, и их родителями. Из гетто нас выгоняли на поле собирать овощи.

В конце сентября рано утром всех людей, находившихся в гетто, выгнали на улицу и погнали в сопровождении полицаев и немцев в городскую тюрьму. В то время мне было девять лет, но и сейчас, через 67 лет, я помню весь этот ужас: этих несчастных людей, эту скорбную дорогу. Тюремный двор был забит людьми, а вокруг – немцы, полицаи с овчарками.

Во дворе тюрьмы мы пробыли до следующего дня. Утром людей начали грузить на крытые автомашины и будто бы вывозить в село на новое место жительства, а на самом деле – на расстрел. Не знаю, по какой причине, но женщин, мужья которых были русскими, вместе с детьми отпустили. Всех остальных расстреляли. Так погибли мои бабушка и дедушка. В этот тяжелый час большую помощь нам оказали наши соседи: Донда Савелий Андреевич и его жена – Анна Никифоровна (ул. Карла Маркса, 6).

В феврале 1942 года полицаи забрали меня с мамой и ее сестру, тетю Марию, с детьми. Так мы снова оказались в херсонской тюрьме. Я не помню, сколько дней нас там продержали, но помню, что в камере было женщин с детьми человек 35–40. В этой же камере находилось несколько наших пленных. Запомнилась мне слепая старушка, которая все время говорила о Боге.

В один из дней маму, тетю Марию, еще нескольких женщин и нас, детей, вывели из камеры в коридор, где были полицаи и

немец, говоривший по-русски. Тут же стояли Донда Анна Никифоровна, тетя Нина Цыганкова (сестра мужа тети Марии) и несколько женщин. Поцеловав меня, мама отдала меня Анне Никифоровне. Через пять минут мы были на улице. Вот и все. Маму я больше не видел. Ее и всех, кто был в камере, убили.

Боясь за меня, Анна Никифоровна отправила меня за город в совхоз имени Куйбышева к надежной знакомой, Хлебенко Валентине Семеновне. Так я и жил: то у тети Вали, то у Анны Никифоровны и Савелия Андреевича. Они мне сказали, что теперь я – их сын, а тетя Валя – тетя.

В декабре 1943 года жителей Херсона выгнали из города. После долгих мытарств оказались мы в городе Николаев². Прожили там около недели, а затем, забрав меня, мои новые родители срочно покинули Николаев.

Помню: перебирались через реку, шли через село Варваровка, затем ехали товарным поездом и добрались до города Одесса. Со временем, будучи уже взрослым, я узнал, что Савелия Андреевича предупредили о чем-то доносе, что он скрывает еврейского мальчика, и нам нужно было срочно уходить. Об этом мне рассказал уже в наши дни друг детства, Ковалев Анатолий Мефодиевич.

В Одессе нас приютили добрые люди.

10 апреля 1944 года наши войска освободили нас от фашистов (румын и немцев), и на другой день на попутной машине мы вернулись в Херсон.

Прошу прощения, что не описал вам все ужасы, которые выпали на мою долю. Очень тяжело все вспоминать. Могу добавить, что отец мой, Ефимов Александр Иванович, служил на «Морском охотнике». Лежит на дне Баренцева моря.

МЕНЯ СПАСЛИ ЗЕМЛЯКИ

ЖЕБРАК Софья

В конце июня 1941 года немецкие войска оккупировали мой родной город Самгородок¹, находящийся в Винницкой области в Украине и бывший тогда райцентром.

Все евреи города были согнаны в гетто. Люди жили по 3–4 семьи в одном помещении, многие умирали от болезней и тяжелого труда.

В начале июня 1942 года я проснулась рано утром от шума, доносившегося с улицы. Выглянув в окно, я увидела вдали людей, которых каратели выгоняли из домов. Поняв, в чем дело, и видя, что от нашего дома каратели еще далеко, наша семья решила бежать. Нам это удалось, но через три дня нас поймали и отправили в гестапо, а оттуда в концентрационный лагерь города Казатин Винницкой области. Среди узников лагеря ходили слухи, что в этом лагере дисциплина не столь сурова, как в других лагерях, и что комендант лагеря капитан Тинель весьма либерально относится к заключенным и даже приказал больным и детям увеличить порцию хлеба. Да и охрана в лагере была не очень озлобленной.

Мои родители стали уговаривать меня, чтобы я убежала. Сами они бежать не решались, так как здоровье их было сильно подорвано во время пребывания в гетто и концлагере. Убежать было не очень трудно, труднее было найти укрытие, где бы никто не смог тебя обнаружить и вновь вернуть в концлагерь. Поэтому мало кто решался на побег. Я же решила рискнуть, к тому же внешность моя была такова, что незнакомые люди принимали меня за украинку. Я хорошо знала украинский язык, и у моей семьи было много хороших друзей среди украинцев, русских, поляков, проживавших в Винницкой области.

Я убежала из лагеря в начале августа 1942 года во время лагерных работ по рытью траншей, воспользовавшись тем, что охранявший наш участок полицай куда-то отлучился.

В скором времени после моего побега все узники лагеря были уничтожены (22.08.1942). Там погиб мой отец и почти вся моя

родня, жившая до войны в Казатине и оказавшаяся в этом концлагере. Удалось спастись только моей маме и моему младшему брату. Спаслись они благодаря коменданту лагеря капитану Тинелю. Ему почему-то нравился мой брат, и он сказал как-то старосте лагеря Борису Давидовичу о своем намерении выпустить брата из лагеря. Борис Давидович рассказал об этом моей матери.

Капитан Тинель, зная о предстоящем уничтожении узников концлагеря, дал возможность брату бежать – и не одному, а вместе с мамой, так как понимал, что одному четырнадцатилетнему ребенку трудно будет укрыться и выжить.

После побега из лагеря я скрывалась на оккупированной территории Винницкой области в домах знакомых и незнакомых людей вплоть до начала 1944 года, когда Красная Армия освободила эту часть Украины.

Первое свое укрытие после побега из лагеря я нашла в поселке Первомайский Калиновского района Винницкой области в семье Петра Антоновича Кмиты. Меня прятали на чердаке, а дочь Петра Антоновича, моя ровесница Мальвина, кормила меня там.

В ноябре 1942 года Петр Антонович Кмита раздобыл для меня свидетельство о рождении на имя Галины Матвейчук. Это свидетельство давало мне возможность перемещаться по территории Винницкой области. Как только возникала малейшая опасность, я тут же покидала свое укрытие и отправлялась на поиски нового. Получив свидетельство, я отправилась в село Кардашовка Казатинского района Винницкой области, где в ноябре–декабре 1942 года нашла приют в семье Николая Ивановича Степанова. В январе 1943 года семья Степановых и я вместе с ними переехали в Винницу, но уже в феврале 1943 года я вынуждена была покинуть эту семью.

Вероятно, кто-то меня узнал, и пошли разговоры, что я не Галина Матвейчук, а Софья Койфман. Николай Иванович знал, кто я и откуда, а его семья не знала. Поэтому, когда жена Николая Ивановича спросила меня, правду ли говорят люди, мне пришлось ей все рассказать. После этого я начала собираться, чтобы уйти. Степановы относились ко мне с симпатией и уговаривали не уходить, но я настояла на своем решении, так как не

могла подвергать их опасности – ведь за укрывательство евреев грозила смертная казнь.

Я ушла в село Гавришовка Винницкого района и жила там в доме парализованной старушки. Я ухаживала за ней и помогала по хозяйству, но в марте 1943 года старушка умерла, и мне пришлось покинуть этот дом.

После этого я жила в селе Степановка Вороновицкого района Винницкой области. Там я была до июня 1943 года, пока не донесли обо мне в гестапо.

Мне пришлось вновь бежать в поселок Первомайский в семью Кмиты. В это время шел набор молодежи для отправки в Германию. Петр Антонович Кмита с помощью друга моего отца Федорука, работавшего главным врачом больницы Самгородка, раздобыл для меня медицинскую справку на немецком языке. В справке говорилось о том, что я, Галина Матвейчук, больна туберкулезом. С первой же медкомиссии меня прогнали и не стали даже обследовать, как только увидели эту справку.

Из поселка Первомайский я вскоре перебралась в село Юзефовка Самгородского района Винницкой области. Там я жила в семье Николая Ивановича и Ванды Ульяновны Слободенюк до начала 1944 года, когда Красная Армия освободила мой родной город Самгородок, и я вернулась домой.

ВЫЖИЛА ПОД ЧУЖОЙ ФАМИЛИЕЙ ЖИГИЛИЙ (ДУХМАН) Ася (1925 г.)

В начале июля 1941 г. село Ладыжин¹ Винницкой области, куда я приехала к родителям на каникулы, оккупировали немцы.

В первые дни они на евреев, которых в селе было человек 200, как будто не обращали внимания. Но вскоре приказали нашить на одежду желтую шестиконечную звезду и стали выгонять на различные работы: заготовку дров, уборку помещений, где жили солдаты, стирку белья и т.п. По мере того, как фронт продвигался на восток, немцы уезжали из села, а потом их не стало совсем.

Хозяйничали в селе полицаи. В начале сентября 1941 г. евреев выгнали копать большие рвы за селом. Затем прошли по домам, переписали всех евреев и приказали собраться 13 сентября в восемь часов утра на окраине села с документами, ценными и теплыми вещами для эвакуации. Никто не знал, куда и зачем будут вывозить, но все чувствовали беду, так как уже ходили слухи, что в соседних селах евреев расстреляли.

Мои родители не хотели, чтобы я шла с ними, уговаривали, что я уже взрослая, на еврейку не похожа и, может быть, мне удастся спастись. Я не согласилась и сказала: «Пусть со мной будет то же, что и со всеми».

Когда мы вышли во двор и стали прощаться с соседями, одна из них – Мария Колесник – вдруг, ни слова не говоря, толкнула меня в свой сарай, возле которого я стояла, и закрыла за мной дверь. Я только услышала, как мама со слезами в голосе проговорила: «Спасибо, Маня!» Весь день я просидела в сарае, дрожа от страха, неизвестности, с мыслями о родных.

Под вечер пришла Мария и сказала, что всех евреев села расстреляли в тех рвах, которые они сами выкопали, и что я теперь – круглая сирота, но назло немцам должна выжить. Положила в карманы моего пиджака какую-то еду, дала в руки надщербленный горшок с разведенным мелом для маскировки и выпроводила со словами: «Иди, девочка. Больше я ничего сделать не могу. Бог тебя не оставит».

Глотая слезы, я пошла. В сумерках покинула село, переночевала в поле под стогом соломы. А утром, увидев толпу женщин-

беженков, которых тогда немало бродило по дорогам, присоединилась к ним.

Так начались мои скитания. Где добрые люди давали поесть, а где подрабатывала: убирала картошку, капусту и другие овощи, перекапывала лопатой огороды, белила мелом хаты, за кусок хлеба выполняла любую работу, которую мне предлагали. У меня не было никаких документов, и я старалась обходить стороной крупные населенные пункты, заходила только в маленькие села, где документами никто не интересовался. К беженцам тогда многие относились с состраданием. А о том, что я еврейка, никому, естественно, не говорила.

Продолжая свой путь, попала в село, которое, кажется, называлось Самчинцы. Зашла в какой-то двор, попросила поесть или любую работу за тарелку супа у вышедшей ко мне женщины лет тридцати. Она покормила меня и стала расспрашивать, кто я, откуда, куда иду. Я заранее придумала себе легенду по рассказу одной из беженок: жила в Виннице, в семье мужа, при бомбежке дом сгорел, все погибли, я в это время была в магазине, и осталась, в чем стояла, без документов. Муж в армии, а я добираюсь на Донбасс, где живет моя тетья. Видимо, проникнувшись ко мне доверием, женщина рассказала о себе: зовут Татьяна Осипенко, учительница, двое детей, муж в армии – и, поговорив еще немного, предложила остаться, помогать по хозяйству. Оно у нее большое: огород, корова, поросенок, куры. Я согласилась.

Работать приходилось много, с рассвета и дотемна, но я была довольна. Жилось неплохо. Старалась только лишний раз не показываться людям. Так прошла зима, а в начале весны пришла как-то хозяйка и сообщила, что видела сейчас старосту и он заявил: «Ты чего это перепрятываешь у себя жидовку, хочешь загреметь вместе с ней?» Подозревала ли она, что я еврейка, не знаю. Но хотя староста был ее дальним родственником и даже носил, если память мне не изменяет, ту же фамилию Осипенко, хозяйка сказала, что он – плохой человек, и мне нужно уйти подальше от греха. И, чего уж я совсем не ожидала, дала мне документ своей младшей сестры – Марии Осипенко.

Вот с этим документом, удостоверяющим мою личность, я опять отправилась в путь. Ходила от села к селу, нигде подолгу не задерживаясь.

Случайно узнала, что требуются рабочие на Ильинецкую селекционную станцию, пошла туда, и меня приняли. Очищала, перелопачивала зерно, таскала мешки. Жила впроголодь, так как платили очень мало, но это была работа на одном месте и койка в общежитии. Хотя я и умирала от страха при одной мысли, что кто-нибудь меня разоблачит или узнает.

Летом 1942 г. прошел слух, что всю молодежь, которая работает на селекционной станции, после уборки урожая отправят на работу в Германию. К этому времени я подружилась с одной из работниц, Наташей, и мы с ней решили уйти отсюда. А так как я говорила, что моя единственная тетя живет на Донбассе, то Наташа предложила пробираться туда.

Почему именно Донбасс? Трудно сказать. Мне, собственно, было все равно, куда направиться: и тут страшно, и там страшно. Решено было ехать поездом. Пешком прошли до ближайшей станции, но оказалось, что там только узкоколейка. Нужно было еще добираться до настоящей железной дороги. Поезда тогда ходили не по расписанию и только товарные, которые люди брали штурмом, да и то, если в них не было немцев. Никто не знал, где поезд остановится, сколько будет стоять и не прогонят ли набившихся туда людей.

Так и ехали мы с Наташей – от станции к станции, иногда останавливались, чтобы попросить поесть или заработать что-нибудь. Расспрашивать дорогу боялись, поэтому садились в те поезда, которые шли на восток.

Так продолжалось три месяца. Скитания лишали всяких сил, и мы решили где-то обосноваться. Выбравшись из товарного вагона на очередной станции, выяснили, что это – долгожданный Донбасс. О моей тете, жившей якобы в здешних местах, речь уже не шла. Возможно, Наташа догадалась, что это – миф.

Оглядевшись, мы обратились к стоявшей неподалеку женщине и спросили, не нужны ли ей помощницы по хозяйству. Она поинтересовалась, кто мы, и получив ответ, что беженки, сказала, что возьмет только одну, и остановилась на мне. Жаль было расставаться с Наташей, но что поделаешь! Вскоре она нашла себе другую работу.

А я оказалась на хуторе, который назывался то ли Гончарный, то ли Гончары. Хутор был небольшой, всего, кажется, дворов восемь–десять. Самой зажиточной здесь, видимо, была се-

мья хозяйки, состоявшая из ее мужа и четверых детей. Держали двух коров, нескольких свиней, овец и прочую живность.

Вся домашняя работа легла теперь на мои плечи. Животных нужно было кормить, поить. Кроме того, убирать в доме, стирать, присматривать за детьми. К вечеру ноги у меня подкашивались. Но я была довольна: есть кров над головой, дали мне кое-что из одежды. И, главное, вокруг мало людей. Соседям тетя Поля (так велела себя называть хозяйка) сказала, что я – ее дальняя родственница и приехала сюда, спасаясь от голода.

В январе 1943 г. эту территорию освободила Красная Армия. На рынке, куда я отправилась за покупками для хозяев, увидела объявление о том, что военному госпиталю требуются санитарки. И вскоре меня приняли туда на работу.

Полтора года страданий ушли в прошлое. Как описать их словами? Как передать ужас расставания с идущими на смерть родными? Как описать пронизывающий, сковывающий страх при кажущемся косом взгляде любого прохожего, который, опознав во мне еврейку, мог сообщить властям, и тогда я была бы обречена на гибель. Как забыть это?

...Закончилась война. В 1945 г. я вернулась в Винницу и продолжила учебу в Медицинском институте. При первой же возможности побывала в Ладыжине¹ на месте расстрела евреев, поклонилась общей могиле, положила цветы. Затем встретилась со своей спасительницей, Марией Колесник, и ее дочерью Лидой. Вспомнили все, поплакали вместе.

Ко времени моего последнего приезда в Ладыжин в 1986 г. сюда были перенесены останки погибших от рук фашистов. В центре села поставлен памятник. Отрадно было видеть, что все ухожено, у подножия лежат свежие цветы.

Марии Колесник уже не было в живых. А у Лиды к тому времени случилась беда: тяжело заболел ее сын Михаил. Я привезла его вместе с Лидой в Киев, проконсультировала в онкологическом институте. Спасти его, к сожалению, не удалось. Недавно ушла из жизни и Лида.

Но осталась память о тех, кому я обязана своим спасением, обо всех, кто помог мне так или иначе преодолеть этот тяжелый период жизни.

БЕРШАДСКОЕ ГЕТТО ГЛАЗАМИ МАЛЬЧИШКИ

ЖОРНИЦКИЙ Александр (1934 г.)

О Бершадском гетто написано много.

Вероятно, потому, что собирался писать о своем бездетстве, не стал искать литературу, смотреть в интернете и рыться в архивах. Кое-что попадало под руки, весьма интересное, написанное с изложением устных показаний свидетелей, литературных и архивных источников, обобщений и осуждений Холокоста с позиции современности. Не желаю повторяться, ибо многое из прочитанного помимо воли откладывается в памяти и может быть повторено, особенно факты, свидетелем которых ты сам был.

Решил изложить все так, как увидел и запомнил в те годы пребывания в Бершадском гетто. Забытые факты не старался воспроизвести искусственно с позиции современности, пользуясь обширной информацией.

Вообще, Бершадское гетто – уникальное явление в истории Холокоста, со многими неясными вопросами.

Буду весьма рад, если эти скромные воспоминания малолетнего узника в чем-то помогут исследователям. Тем более, что ныне живущих узников осталось, к сожалению, мало.

28 мая 1942 года на рассвете сестра Фира прибежала домой, ибо ночевала у дедушки, дом которого находился на окраине, и крикнула: «Прячьтесь!»

Когда все уже спустились в подвал, в стенке которого был сделан потайной ход в небольшой земляной отсек, она спросила, где ребенок, т.е. я. На ответ взрослых, мол, что детей в рабочие лагеря не гонят, сообщила, что гонят всех по направлению к Уманскому тракту на расстрел. Мать выскочила из подвала и потащила меня спящего вниз, сообразив перед этим распахнуть все наружные двери дома, имитируя отсутствие в нем людей, мол, уже угнали. Однако, до конца дня немцы с полицией неоднократно входили в дом с криками: «Выходи на улицу! Не надо прятаться!»

На второй день утром мы услышали голос папиного брата. Сквозь рыдания он рассказывал, что его среди нескольких дру-

гих специалистов (если память не изменяет – 14 человек) оставили в живых. Остальных возле заранее вырытой глубокой ямы расстреляли. «Возле ямы я вас не видел, – продолжал дядя, – если все живы, выходите, отряд СС уехал». Мы молчали.

Чуть позже началась организованная вывозка вещей подводами в один из бывших больших магазинов. Грузили вещи полицаи под руководством немцев из Терновской комендатуры, а под вечер слышали голоса местных людей, искавших добычи. Среди посетивших наш дом легко узнал охрипший от крепкого табака и водки голос дядьки М., ездового промышленной артели, которую до войны возглавлял мой отец, ушедший на фронт. Между ним и его подручным шел разговор. «Тут нема що брати. Я цю хату добре знаю. Хазяїн годував сім'ю, жінка цілими днями варила і обшивала дітей, плаття зі старшої – на середню, з середньої – на меншу, а з меншої – штани на малого Шурика. Він завжди коло мене крутився, дуже коней любив, царство йому небесне. Мене, мужика, садили за стіл і давали те, що самі їли. Дуже смачно хазяйка варила борщ із квашеного буряка та квасолі, німес у них називається». «То чого ми сюди прийшли?» – спросил напарник. «Щось найдемо таке, що пригодиться в хазяйстві. От, бачиш, станочок стоїть, щоб шлеї плести, хазяїн добрі шлеї плів, крепельні, з конопельного клоччя, а хто їх тепер буде плести? Берко, що з ями відпустили, на всіх не наплете... Відро якесь візьмемо, сокиру, лопату... Ти думаєш, щось краще найдемо у другому місці? Багаті з добром ще до німців повтікали, молодих на фронт позабирали, старі портні, чоботарі, бондарі, грабарі, водовози, красильники, бляхарі. Всіх я знав... Хіба що на горищі пошукати пасхальну посуду, з якої їли раз у рік». Видимо, они таки поднялись на «горище», ибо их голоса пропали.

На третий день снова пришел дядя Борис и плачущим голосом просил нас выйти. Так или иначе, но надо было выходить из маленькой земляной конуры, где трое суток довелось просидеть без еды, с ограниченной водой, справлять нужду в одно ведро и дышать его испарениями.

Он привел нас в маленькое гетто, если можно так его назвать, скорее это было несколько домов, куда собрались оставшиеся в живых человек около пятисот для временного пребывания до дальнейшей запланированной акции.

Гетто не охранялось, не имело специального ограждения ни со стороны немцев, ни полицаев. Полицаи изредка навевались и спокойно объясняли: «Тікати не можна, бо буде капут!». Но все понимали, что в любом случае будет капут, и пытались удрать. Хорошо помню, как пойманного за пределами Терновки уманского еврея прилюдно повесили, небольшую группу, пытавшуюся перебраться через Южный Буг, немцы расстреляли прямо на берегу реки.

Теперь мы уже знали все подробности массового расстрела.

Всех собирали напротив бывшего польского костела на плац, который назывался «степок». Оттуда небольшими партиями пешком и на подводах (неходячих) направляли по полевой дороге, ведущей в село Антоновка.

Возле леса, у вырытой глубокой ямы, выстраивали вдоль нее тесным рядом, и сзади немецкие пулеметчики СС расстреливали. Перед этим людей всех раздевали догола, а вещи аккуратно складывали в штабеля. Особое внимание уделялось драгоценностям из золота, которые описывались для прихода и складывались в огромный железный ящик. Весь процесс от формирования групп до расстрела выполняли по отработанному заранее плану с чисто немецкой пунктуальностью.

Однако не все шло у фашистов гладко. Молодая еврейка Роза (фамилию забыл) с грудным ребенком на руках развернулась от ямы лицом к пулеметчику и с возгласом «Гитлер капут!» – пошла прямо на него. Собиравшийся стрелять фашист от неожиданности выпустил пулемет и, опомнившись, начал кричать: «Цюрук, фарфлюхте, юде!» – однако Роза уже была в полуметре от него, успела плюнуть ему в лицо и замахнулась левой свободной от ребенка рукой, но тут же была сражена пулями охранников-эсэсовцев.

Шестнадцатилетний Шурик Шахрай, не принятый по состоянию здоровья в отряд резерва Красной Армии, отправленный в тыл до прихода немцев, ударив ногой в пах охранника колонны, побежал в лес. Его поймали, побили и снова привели в колонну, но он снова вырвался и убежал и, уже будучи раненым в ногу, не стал раздеваться перед расстрелом, а пытался доползти и броситься в яму.

Группа мальчишек перед самой ямой разбежались в разные стороны. Двоим из них удалось скрыться в зарослях леса. После оккупации мы узнали, что их приютили крестьяне села Антоновка, и с приходом Красной Армии они ушли «сыновьями полка».

Многодетный шестидесятилетний кузнец Кива вцепился своими большими руками в пояс эсэсовца и пытался вместе с ним прыгнуть в яму.

Пожилые религиозные мужчины без страха подходили к яме, не переставая молиться своему еврейскому Богу, и с молитвой на устах падали туда.

Хава Лямец, женщина 33 лет, трижды убегала из колонны, трижды ее ловили, под руки привели к яме, и в момент расстрела под пулями убежала в лес, спряталась, а потом добрые люди помогли ей выжить до конца оккупации. Потом она была бесценным свидетелем на всех процессах против пойманных эсэсовцев и их прислужников, несмотря на угрозы со стороны родственников местных фашистских пособников.

Было немало примеров, особенно со стороны молодых женщин и подростков, активного сопротивления, непокорности. В колонне гонимых на смерть пели «Интернационал», еврейские революционные песни, раздавались возгласы: «Гитлер капут, да здравствует Сталин! Смерть фашистам! Мы умрем, но за нас отомстят! Смерть за смерть!» – и много подобного.

Ездовые колхоза, принудительно мобилизованные немцами на перевозку обреченных, долго потом рассказывали, как больные (ибо здоровых на подводы не сажали) бросались с повозок на землю, желая умереть без немецких пуль.

В маленьком гетто все понимали, что нас ждет впереди смерть. Но пока надо жить, надо кушать, чтобы не умереть голодной смертью, а запасов еды ни у кого не было. Нужны были картофель, мука, соль, фасоль и немного молока грудным детям, у матерей которых молоко перегорело. И все это приносили вечерами терновские крестьяне своим знакомым, бывшим сотрудникам, друзьям, просто безымянным из жалости и гуманности.

Ведь в Терновке евреи, хотя в основном и жили компактно, но не обособленно от украинцев. Работали вместе в промартели,

колхозе, который почему-то назывался еврейским. Сапожники, портные, бондари, плотники, веревщики, красильщики, парикмахеры и другие обслуживали крестьян не только Терновки, но и окружающих сел.

Часть еврейского населения жила в сельском районе Терновки под названием «Грабарня». Они имели лошадок и на легкопереворачиваемых грабарках вывозили грязь из отстойников сахарных заводов Удыча и Ладыжина.

Полиции знали о посещении гетто крестьянами, но молчали, не из солидарности, конечно, а из боязни перед массовостью поступка и угроз от вернувшихся из плена мужиков, которые прошли через многое. Тем более, что они прекрасно понимали временность этого явления, исходили из принципа: «Хай жид попасеться перед смертю».

Сейчас отдали должное тем, кто рисковал собственной жизнью, спасая евреев, но мне кажется, что украинский народ в целом заслуживает всемирного признания как народ добросердечности и национальной терпимости. Не знаю, как вел бы себя другой народ в исторических условиях, сложившихся для Украины, когда многие чужеземцы на них нападали, угоняли в рабство, резали, грабили, убивали. Но это темы отдельного разговора.

Вечерами, поужинав и не забыв оставить НЗ (неприкосновенный запас), взрослые сбивались в небольшие кучки и полушепотом обговаривали возможные варианты спасения.

В один из таких вечеров маму вызвал на улицу Даниил Немировский, известный в округе сапожник и негласный староста гетто, ибо назначенный раньше немцами староста Дувуд – водовоз, алкоголик и проходимец, жил пока еще отдельно от гетто в своем доме. Он служил немцам верой и правдой и, если бы не умер до последней акции по уничтожению оставшихся евреев, то в знак его заслуг был бы застрелен последним.

О разговоре Даниила с мамой на улице узнали, уже находясь на территории за Бугом, в румынской зоне оккупации, в Бершадском гетто. Он сообщил, что есть человек из села Чернятка Михалко, которого хорошо знает и доверяет ему. Он хочет переводить евреев через Буг в Бершадь¹, где румыны не убивают. Моя мама была женщина умная, решительная и не робкого де-

сытка. Конечно, здесь был определенный риск, и сам Немировский не решился первым уйти из гетто, а счел необходимым получить весточку от мамы о благополучном исходе. Она все это прекрасно понимала, как и то, что в случае отказа найдутся другие желающие, и тогда очередь до нашей семьи дойдет неизвестно когда, а время не ждало. Она пошептала с двумя моими сестрами и вскоре разбудила меня, спавшего в одежде. (Все в то время спали одетыми.)

За околицей гетто нас ожидал мужчина средних лет, который повел нас глухими полевыми тропинками, минуя населенные пункты. К началу рассвета мы добрались до глухой окраины села Чернятка, где жил Михалко. Он завел нас в чистую часть клуни, где земляной пол был устлан свежесушенным и приятно пахнущим сеном, которое было застлано самодельными чистыми ряднами. Мы повалились спать, а Михалко ушел в дом.

Утром женщина, вероятно, его жена, принесла глечик свежесквашенного молока, буханку хлеба домашней выпечки, большой кусок сала с хорошо просмазанной шкуркой. Оно было мягким, имело слегка розоватый цвет, а просмазанная соломой шкурка придавала ему незабываемый привкус, который запомнился мне на всю жизнь. Мать, религиозная женщина, сало не ела. Днем поели вкусный борщ с молодой фасолью. Такой борщ редко сейчас найдешь и в селе, там уже в основном готовят пищу на газовых плитах, а не «в печи», где он долго-долго млеет в горящем жару.

Далеко за полночь Михалко повел нас к Бугу, приблизительно к тому месту, где ныне находится плотина Чернятской маломощной ГЭС. Буг здесь был неглубокий, но быстрый, с дном, покрытым большими камнями, скользкими и холодными, хотя сама вода была относительно теплой. Михалко шел впереди, осторожно ступая между камнями. В левой руке он держал меня, в правой – палку из лещины, которой постоянно ощупывал дно. Он ступал медленно, но уверенно, будто досконально знал каждый изгиб песчано-каменистого дна, часто оглядываясь на идущих позади мою маму и сестер. Мы преодолели реку без приключений, поднялись на каменистый высокий шумиловский берег и направились к молодому небольшому, но густому леску, где Михалко быстро развел костер из сухих бурьяна и ве-

ток. Это было очень кстати, ибо свежий предрассветный августовский прохладный ветер уже успел хорошо продуть мокрую одежду, и все успели замерзнуть.

Прогревшись и просушив одежду у костра, быстро съели приготовленную в дорогу хозяйкой снедь и двинулись к проселочной дороге, ведущей из села Шумилово в село Маньковка, а от него в Вийтивку и Бершадь.

Насколько помню, тот день, очевидно, был базарным, ибо по дороге в сторону Бершади двигались небольшими группами люди из сел с мешками на плечах. Изредка мимо нас проезжали повозки, груженные мешками, а позади них шли небольшие группы людей, преимущественно женщины, одетые в вышитые блузки, широкие темные юбки, из которых выглядывали ниже колен «підтички» – вышитые украинским орнаментом края нижних рубашек. Почти у всех на шеях были в несколько рядов крупные цветные бусы. В наших местах подобного не видел, там «підтички» не носили. Кстати, это было характерно для сел правого берега Буга. Люди не обратили на нас особого внимания.

Еще было светло, когда добрались почти до самого центра Бершадского гетто, в полуподвальное помещение, названное бершадскими евреями «башкой». Оно было достаточно длинным и широким, состояло из двух половин, в каждой из которых было по три комнаты и кухни. В первую комнату, самую холодную, поселили нас, во второй жила хозяйка «башки» баба Рухл, старая неряшливая женщина лет под 90, с длинными седыми непричесанными волосами. Над «башкой» начинался второй этаж, разделенный соответственно на две половины, в каждой из которых жили два ее сына со своими семьями, оба парикмахера от деда-прадеда. Ни их жены, ни дети, ни они сами никогда мать не навещали, изредка передавая ей небольшое количество еды, в основном, объедки со стола.

Утром просыпаясь, она садилась на кровать, оставаясь в широкой ночной рубашке неизвестного года изготовления, столь грязной, что цвет ее определить невозможно было, и начинала с обращения к Богу: «Готэню (идиш, «Боженька» – Б. З.), пришли мне немедленный удар на моего старшего сына...» – называла его имя, затем имя невестки и всех детей, потом шло перечисление всех членов семьи младшего сына, савранских и тернов-

ских низот, т.е. семьи из Саврани, жившей во второй половине «башки», и нашей семьи, которые не могут платить ей за квартиру авансом. В конце своего обращения к Господу она просила смерть Гитлеру и румынскому королю Михаю, из-за которых в Бершади поселились десятки тысяч евреев-голодранцев, и кончала она так: «А мне, Готэню, дай прожить до ста двадцати, дабы собственными глазами увидеть твою благосклонность ко мне». Потом, шаркая большими рваными сандалиями, она делала обход квартирантов. «Я слышала, вы уже варили мамалыгу, но мне никто и кусочка не дал, Бог накажет всю вашу мишпуху (идиш, «семья» – Б. З.), всех моих сыновей, их жен и детей. Аминь».

Утром на следующий день после нашего прибытия, когда мы проснулись с мыслями, что спасены от смерти, к нам явился высокого роста мужчина, обутый в полуботинки на толстой подошве с гетрами, в которые были заправлены узкие штаны, в зеленой с высоким воротником рубашке, и непонятной мне формы головном уборе, который, как я позже узнал, носили выходцы из Буковины. Он выглядел необычным для нас человеком, проявлял спокойствие, говорил медленно, слегка улыбаясь, но маленькие, глубоко спрятанные в орбиты неопределенного цвета глазки, низкий лоб и глубокие морщины на лице выдавали в нем злость, недоброжелательность, пренебрежение к окружающим.

Разговаривая, он беспрерывно производил какие-то пугающие жесты, как будто размахивал невидимым оружием.

«Буно диминяцо» (рум., «Доброе утро» – Б. З.), – произнес он, внимательно оглядывая всех: маму, сестер и небрежно меня. Мы все молчали.

– О, – после перерыва продолжил он, – я забыл, что вы с того берега и румынского приветствия не знаете...

Мама прервала его: «Мы из села Маньковка, там жили еще до войны».

– Так там же живут буковинские, хорошо знающие румынский язык.

– Мы с ними не общались, – продолжала врать мать, – мой муж украинец, он на фронте, дети не знают даже еврейского, только украинский.

Моя старшая сестра, окончившая Одесский педагогический институт, очень красивая и обаятельная девушка, быстро за-

тараторила, обращаясь к нему, на чистом украинском языке с терновским диалектом. Ожившие глазки забежали сильнее и, обращаясь к маме, спросил по-еврейски:

– Что она говорит?

– Моя дочь говорит, что такой обаятельный мужчина не может иметь плохие намерения и просит изложить цель посещения.

– О, да-да, – вспыхнул он, не переставая смотреть на сестру, – имею благие намерения, – и тут же их изложил.

Он, дескать, в хороших отношениях с местным румынским начальством, а мы нарушители, пусть даже не с того берега, допустим, из Маньковки, но все равно незаконно переселились в Бершадь, надо что-то кинуть, немного лей или хорошую вещь. Мама стала перед ним плакать, мол, мы люди бедные, муж был простым колхозником, так-сяк зарабатывал трудовни, жили в основном с огорода. Если не верите, посмотрите все мои вещи или спросите селян из Маньковки.

– Верю, верю, – жалобно произнес он, опытным взглядом оценив наше «богатство» и шаря им по одежде всех присутствующих, наконец остановился на моем почти новом матросском костюмчике и предложил: – Пусть снимает костюмчик.

Мама посмотрела на меня и ласково сказала специально по-украински:

– Знімай, синку.

Я быстро снял костюмчик и остался голым, ибо ни трусов, ни майки не имел. Мама аккуратно сложила его и почтительно преподнесла «гостю». Пришелец небрежно взял костюмчик и сказал:

– Теперь все будет хорошо, никто вас не тронет, ларивидерчи (рум., «До свидания» – Б. З.), – и ушел.

Все были омрачены в этот первый день относительной свободы от насильственной смерти, только мать оставалась, как всегда, в хорошем настроении: «Ничего, дети, обойдемся без костюмчика, сегодня смастерим Саше что-нибудь одеться, а там, даст Бог, разживемся».

И она с сестрами затеяли мастерить мне штанишки. Перебрав нехитрый наш мотлох, остановились на добротном довоенном домотканном большом мешке, в котором хранился шпагат для

плетения шлей (элемента конской сбруи). Через час–полтора умелые руки мамы с помощью сестер соорудили из мешка очень удобные брюки по фасону морских, правда, без пояса, но с одной шлейкой на одной пуговке, сделанной из ситцевого пояса старшей сестры. Одев их, остался очень довольным, они были очень удобными и требовали минимум времени для одевания и раздевания. Бывало, идем с пацанами купаться в речку Дохна, пока все снимают свои лохмотья, мне стоило расстегнуть одну пуговицу и брюки падали на землю, первым окунался в речку и первым после купания одевался. Еще больше преимущества имели они благодаря длинному и объемистому внутреннему карману, куда мог помещать огромное количество выигранных пуговиц и прочее. А игра на пуговицы была очень популярной среди бершадских пацанов. Они были разменной монетой, десяток их, разнокалиберных, стоил поллея, а одна маленькая буханочка ячменного хлебца – 2 лея. Игра состояла в том, что пацаны один за другим после жеребьевки били медными монетами о деревянную дверь или ворота и после каждого удара вымеряли пятерней расстояние от упавшей монеты до предыдущей. Если дотягивался, выигрыш одной или двух пуговиц по предварительной договоренности. В случае «цока», т.е. попадания монеты на монету, выигрыш утраивался. Он зависел от прицельного удара и длины вытянутой пятерни, но главное – это умение ударить монетой так, чтобы падала недалеко от других монет. Этому я научился и имел солидную практику еще в Терновке.

На третий день вышел из подвала, повернул вправо, в узкий переулок между двумя домами, и вскоре очутился на улице, которая ныне называется Народная. Это была весьма оживленная в те годы улица, там находился Дом еврейского самоуправления. После войны говорили, что в нем сидели люди умные, которые выполняли румынские приказы, но не забывали, что они тоже евреи.

Мы, вездесущие пацаны, все знали, что надо и не надо, наверное, больше и раньше взрослых. За день–два наперед знали многие тайны, например, через какие улицы и в каком направлении пройдут румынские части, где останутся в Бершади на привал, где будет стоять их походная кухня, откуда к ней будут возить продукты. Последнее было очень важно, ибо могли раз-

работать стратегию и тактику мелкого воровства, если не самих продуктов, то хотя бы отходов, что было крайне необходимым в голодной и холодной Бершади.

Вышел на улицу, повернул влево и обратил внимание на группу пацанов, азартно бьющих в наружную глухую дверь медными монетами. Это был дом Грамзугеров, который, по-моему, еще существует. Подошел ближе, стал сбоку среди меньших пацанов, уже проигравших все пуговицы, обратив внимание на паренька, который придерживал руками брюки, от которых срезал все пуговицы, желая отыграться. Штанишки и рубашка выглядели на нем добротными, что свидетельствовало о принадлежности к небедной семье. Игра шла сосредоточенно, почти молча били монетами и замирали при измерении расстояний между ними. Среди всех особо выделялся высокий пацан с несоразмерно длинными руками, который постоянно выигрывал и таким образом имел право бить до тех пор, пока его монета не удалится от других на неизмеримое расстояние. Изредка он хитрил, специально удаляя монету далеко в сторону, давая возможность играть двум–трем мальчишкам, которые наверняка не могли попасть в цель, и тогда, прицельно ударяя, мог выиграть сразу две–три пуговицы.

Обратил внимание, что играющих становилось все меньше, а проигравших больше. В какой-то момент долговязый посмотрел на наблюдавших пацанов и остановился взглядом на мне, потом подошел ближе и спросил:

– Ты не с Долины?

– Нет, – ответил, – я с «башки».

– Играть умеешь?

– Немного, – лукавил я.

– Пуговицы имеешь? Покажи!

Достал горсть пуговиц, показал.

– Гайда в кон.

Достал свою монету и вошел в «кон».

Согласно жеребьевке, я должен бить предпоследним, а он – последним. Четыре монеты уже лежали на земле безвыигрышно. За три удара подряд четыре пуговицы стали моими. За мной бил длиннорукий. Он с силой ударил монетой об дверь, и она улетила весьма далеко, на что он и надеялся. Глянул на меня и сказал:

– Выигравший получает две пуговицы. Согласен?

Я кивнул головой, произвел удар и выиграл. Он изучающе на меня посмотрел и произнес:

– Ну-ну, давай, давай! Эй, киндерлех (идиш, «детиски» – Б. З.), все в игру!

Играющих стало больше. Обратил внимание, что большинство из них играли против меня: окружали во время измерения расстояния до монет, всячески его удлинняя, отсовывая монету ногами, а били своими со всех сил, дабы падали далеко и были слабо достигаемыми. Тем не менее, мы оба постоянно выигрывали, что, разумеется, не нравилось большинству, да и ему тоже. Проигравшие роптали: «Кто он такой этот шмок (еврейское ругательство), кто ему дал право нас обыгрывать? Покажи ему, Феликс (так, понял, звали соперника), дай ему в морду, ты что, забыл, кто ты для нас или струсил, или, может, пальцы у тебя высохли и не умеешь больше драться?»

Вскоре я очутился в тесном кругу разъяренных мальчишек, а передо мной стоял Феликс. Ободренный своей ватагой, он напустил на себя царскую невозмутимость, в упор смотрел на меня, выбирая момент для удара, который должен последовать немедленно. Я не стал его ожидать и, приблизившись к нему, со всей силой ударил в нос. От неожиданности он опустил поднятые для удара длинные руки, сделал рывок в мою сторону, но обильно хлынувшая из носа кровь, его остановила. Окружившая нас толпа замерла, а я медленно, не оглядываясь, выходил из расступившегося круга. Неписанный закон, что кровь – сигнал к прекращению поединка – хорошо помнил и надеялся, что здесь он тоже действовал. Через несколько минут меня догнал паренек по кличке Исаак-кривошея.

– Эй, ты, терновский байдл (попрошайка)!

– Откуда ты меня знаешь?

– Ха-ха, поц (здесь ругательство, в смысле – дурак), ты живешь у меня в «башке», а я наверху. Иди, Феликс тебя зовет. Ты понял?

Подошел к Феликсу. Держа левой рукой у носа неопределенного цвета мокрую тряпку, он правой рукой обнял меня за плечо и повел через дорогу в нижний этаж длинного двухэтажного деревянного дома. Дверь толкнул ногой, и мы очутились в

полутемной небольшой комнате, где стоял сбитый из неотесанных досок стол, один поцарапанный старинный высокий стул и узкий высокий ящик, служивший, очевидно, вторым стулом. А напротив стояла железная кровать, изготовленная в довоенной промартели, узнал это изделие, ибо точно такие выпускала аналогичная организация в Терновке, где отец ее возглавлял, хотя был беспартийный, а я довольно часто там крутился.

– Пойду, умою лицо и принесу еду.

Умытый, он принес кусок мамалыги, смазанный подсолнечным маслом с чесноком.

– Ешь, – сказал он, разрезая толстой ниткой для шитья мешков мамалыгу на куски. Мамалыга, приготовленная по методу буковинских евреев, тогда была единственной едой жителей гетто. Секрет ее приготовления, как узнал потом, состоял в том, что в кипящую воду бросали кукурузную муку небольшими порциями, помешивая деревянной лопаткой медленно и долго на небольшом огне. Добавляли по вкусу соль, по окончании варки казан переворачивали на деревянную доску, а затем разрезали ниткой на куски, предварительно смазав ее, разведенным в небольшом количестве горячей воды с толченым чесноком подсолнечным маслом.

Несмотря на то, что в течение всего пребывания в Бершадском гетто (более трех лет), это была моя, как и большинства узников, основная еда, она никогда не надоедала.

И сейчас, спустя много лет, помню ее необыкновенный привлекательно-аппетитный неповторимый и ни с чем другим несравнимый запах, вызывающий у меня сейчас очень положительные эмоции. К сожалению, достать сейчас настоящую продовольственную кукурузную муку в Украине, за исключением районов, граничащих с Молдовой, весьма проблематично.

Хотя высокоурожайную кукурузу, с подачи Никиты Хрущева, сеют везде и много, но она преимущественно кормовых сортов. Правда, хорошо сваренные кочаны молодой кукурузы в горячем виде источают запах, напоминающий мамалыгу. В советское и постсоветское время нередко бывал в Приднестровье и Молдавии, где имел возможность наслаждаться настоящей мамалыгой, которую подавали с натуральной брынзой и настоящим сухим молдавским вином. Иногда просил друзей–молдаван

заказать мамалыгу с подсолнечным маслом и чесноком. Пока мы пили тягучее, необыкновенно вкусное, пахнущее солнцем и хорошо утоляющее жажду вино, нам приносили мамалыгу и в чашечке приправу: взбитый орех, растертый в небольшом количестве сметаны с чесноком...

Но до этого необходимо было дожить, и если не быть убитым, то хотя бы не умереть с голоду, ибо в то время не каждый день и мамалыга попадала, не говоря уже о хлебе.

Феликс, не спрашивая меня ни о чем, кратко рассказал о себе. Они жили на границе с Польшей в военном городке. Отец был командиром, носил две «шпалы». В первые дни войны он успел между боями отвести их с мамой в группе семей военнослужащих на какую-то глухую станцию, которую немцы почему-то не бомбили, и отправить товарняком на восток. Куда шел товарняк, он не знал, но где-то очень далеко от Бершади он остановился.

Они пересели в маленький, почти игрушечный поезд, мало-мощный паровозик которого работал на дровах. Часто останавливались, пассажиры резали пилами деревья, складывали в бункер и ехали дальше. В этом поезде мама познакомилась с бершадскими евреями и вместе с ними прибыли в Бершадь.

С помощью Феликса за несколько дней освоил бершадское гетто. В основном, компактное проживание евреев облегчало задачу румынам, отпала необходимость в ограждении. Реки Дохна и Берладынка стали естественными преградами, на них два моста: один по дороге на Бырловку, другой – на сахарозавод и Флорино. Мосты постоянно охранялись полицией и румынами.

По улице Советской и 50-летия ВЛКСМ, идущим перпендикулярно полевой дороге на Гордиевку, и к улицам Шевченко и Ленина, размещались административные и военные румынские учреждения, которые охранялись и патрулировались (указаны современные названия улиц).

Вдоль линии Кинотеатр – Дом культуры – Мебельная фабрика тянулся в то время высокий и толстый каменный забор с двумя хорошо охраняемыми воротами: у входа в парк и на мебельную фабрику. На территории быткомбината располагался крытый рынок, к которому примыкал построенный до Октября-

ского переворота 1917 г. торговый центр «Брум», с длинными глубокими каменными подвалами, и действовавший до 1970-х годов, пока не построили универсам, недавно сильно пострадавший от пожара.

Возле «Брума», где работали неевреи, наша ватага пацанов весьма часто крутилась. Сюда для распределения румынским властям свозили мясо, рыбу, муку, овощи и другие продукты. Все доставлялось гужевым транспортом, далеко не идеальным в те времена, поэтому где-то что-то рассыпалось, иногда падало с подводы, тем более, что в ворота запускали их по одной, медленно разгружали. Ездовым доводилось долго ждать, а приехавшие издалека, еще ночью, засыпали.

В достижении цели мы были очень изобретательны, ведь были хронически голодны. Один из наших приемов состоял в следующем. Трое рослых пацанов шли прямо к крайней подводе в случае ее загруженности мешками. За их спинами шел маленький пацан с металлической трубкой небольшого диаметра, длиной 35–40 см. Пока тянулся разговор с полусонным ездовым, меньший пробирался с другой стороны подводы, втыкал трубку в мешок, набивая в нее содержимое мешка, потом переворачивал ее вверх, чтобы ничего не рассыпалось, и прятался опять за спинами ребят. В случае, когда ездовой нас прогонял сразу, он с полной трубкой убегал. Человек на подводе мог только вяло матернуться, ибо все мешки оставались на месте, тем более, что маленький пацан мешок не утащит. Годилось все: крупа, мука, сахар, особенно последний, который, получив чуточку на ладонь, долго вылизывали. Остальное шло на варку похлебки.

«Сытно» мы жили с сентября где-то до февраля, когда через Бершадь на сахарозавод гужевым транспортом свозили сахарную свеклу. Расстояние от Бырловского моста до следующего моста было четко распределено между ватагами пацанов. Наша зона была от теперешнего лесхоза до мебельной фабрики. Заранее запасались крепкими палками из лещины, длиной полтора–два метра с гвоздем–двухсоткой на конце. Разделившись на две группы по 4–5 человек, мы шли по обочине дороги, каждая в противоположную сторону: одна – навстречу подводе со свеклой, другая – по ходу.

За каждой подводой следили пацаны поочередно. Иногда из подводы просто падал один, редко два корня, бегом забирали их и кидали в мешок пацану, который быстро удалялся в надежное место. При отсутствии падающих, один пацан подбегал сзади подводы и палкой с гвоздем сильно ударял по свекле, затем с корнем клал на плечо так, чтобы он был ближе к шее и в любой момент мог быть подхвачен рукой.

Некоторые ездовые даже внимания не обращали на такую шалость, иногда, для важности, оборачивались, били батоном по заду подводы, но в пацана попасть не могли, на то была рассчитана длина палки. Нередко убедившись, что улица пустынна, две-три свеклы сам легонько ссовывал на землю. Изредка подводы останавливались, возчик соскакивал и с криком бросался в погоню. Такой момент для нас считался редкой удачей. Убегавший пацан тут же замедлял бег, создавая иллюзию, что вот-вот его догонят, в эти минуты мы кучей подбегали к подводе и разбрасывали корни подальше на обочину дороги, напоследок захватив, кто сколько мог.

Честно и справедливо в конце дня делили добычу по количеству и величине корней, а поздно вечером мать и сестры пекли свеклу в жару «румынки», напомилавшей примитивную железную буржуйку. Это очень сытная, вкусная и полезная еда с неповторимым запахом современной карамели.

Как-то угостили этим продуктом флоринских пацанов, с которыми иногда, рискуя, встречались. Это они снабдили нас палками из лещины, которая растет в лесу, куда доступ нам был закрыт. Они рассмеялись:

– Цього добра у нас багато. Люди прямо з поля таскають, самогонку варять. Тепер у нас староста молодий хлопець Коновал. Не дуже служити, приїхав, покричав та й поїхав. Сам п'є чарку й румунам дає.

– Якщо маєте можливість і охоту, принесіть трошки бараболі, – я сказав на чистому українському.

– А ми вам пуговиці, – тут же вставил Феликс.

– Це добре, – обрадовался старший из них, – гудзиків ні в мене, ні в інших хлопців дома нема.

Сделка состоялась. Вскоре они притащили торбу отборной картошки, но это случилось весьма редко. Феликс загнал ее бу-

ковинским евреям за 6 лей, а за них мы купили две с половиной буханки ячменного хлеба.

Как сейчас помню, по улице Первомайской, если идти вверх, справа на обочине дороги, выложенной еще до революции из камня, стоял длинный столик с такими хлебцами и продавец кричал: «Свежий горячий хлеб, уну пуно дуо лей» (одна буханка – два румынских лея).

В немецкой зоне оккупации, за Южным Бугом, в основном шли украинские карбованцы, реже марки, а здесь – только леи. Шатаясь по улице, старался держаться противоположной стороны, чтобы не чувствовать убийственно манящий запах свежего хлеба. Изредка, когда продавец и его жена были заняты дома, у столика стояла наголо остриженная девчонка (как большинство, для профилактики вшивости), и слабым голосом пищала: «Уну пуно дуо лей».

В один из таких дней я шел прямо на столик с единственным желанием схватить хлебушек и удрать на край света. Увидев худого, босого, в одних штанишках из мешка на одной шлейке, идущего прямо на нее, быстро сообразила о моем намерении и начала кричать: «Эй, ты, гонефець (ворипшка), не подходи близко, сейчас тоте позову, он тебе руки и ноги выломает!»

Тем не менее я шел к намеченной цели, но высунувшаяся из дверей рыжая голова мужчины быстро меня охладила, будто вылитое на голову ведро холодной воды в жаркий летний день, что не раз делали внезапно пацанам конфликтной группировки, и я ретировался, будто растворился, ибо девчонка не смогла, крутясь то влево, то вправо, показать отцу направление убежавшего.

Мы теперь с Феликсом владели богатством, шутка ли – две с половиной буханки хлеба, хотя и маленькие, но тяжелые, где-то около полутора килограммов. Он предложил взять по хлебцу домой, а половинку спрятать в нашем «секрете» – железном ящике под крышей «его» дома, доступ к которому имели только мы. Поломав ее на небольшие кусочки, чтобы высохла на сухари, отнесли в «секрет». Перед этим каждый из нас дал клятву: никому ни слова!

Вечером в «башке» наша семья имела царский ужин. Чай, заваренный из веточек вишни, подслащенный сахарным сиропом, добытым из сахарной свеклы по методу, выданному нам паца-

нами из Флорино, впритык примыкающего к Бершади даже без четкой границы.

Свекла натиралась на терке с мелкими отверстиями, затем руками выжималась над кастрюлькой, куда капал сок. Отжим (жмых) шел на варку условного борща, который состоял, кроме него, из одной маленькой картошки и нескольких штук фасоли при их наличии, а в большинстве случаев только из жмыха. Выдавленный сок затем долго кипятился до густого сиропа и был весьма сладким. Чайная ложка такого сиропа, добавленная на двухлитровый чайник воды, создавала в то время иллюзию сладкого чая. Тем более, что в тот вечер такой чай мы пили с маленькими кусочками ячменного хлеба. Это был кайф!

К сожалению, после ужина, как всегда, пришлось заниматься крайне неприятным, но необходимым занятием. Все раздевались догола и тщательно осматривали одежду на предмет вшивости: сантиметр за сантиметром, особенно складки и швы. Обнаруженные паразиты тут же ногтями уничтожались. Раз в неделю одежда кипятилась, а зимой реже, так как за ночь не успевала высохнуть.

В то время вши были в каждом доме, у каждого человека, и подхватить их было весьма просто. Вшивость в гетто, да и за его пределами, стала смертельной угрозой. Вскоре вспыхнул брюшной тиф, который постепенно, но уверенно распространялся. Начали умирать люди, в первую очередь бездомные и голодающие, затем эпидемия закономерно усилилась.

Среди евреев гетто были и врачи. Они хорошо знали переносчиков болезни, да и саму болезнь, но в основном из-за отсутствия медикаментов были бессильны. Правда, немало людей использовали старые довоенные связи, кое-что доставали, а бывшие аптекари рылись в остатках своих запасов и тоже что-то находили. Но это было каплей в море.

Румынские военные власти спокойно смотрели на эти ужасы по принципу: «Баба з воза – коням легше», – пальцем о палец не ударяя. Чем меньше останется евреев, тем легче для них, хорошо понимая, что в случае победы фашистов их все равно заставят строить газовые печи. Но, с другой стороны, среди румынских вояк было немало умных людей, не принявших фашизм и понимавших, что победа фашистов еще за далекими горами.

Когда эпидемия достигла апогея и в день умирали сотни людей, появились первые, еще слабые ростки борьбы с инфекцией. В пять утра по нашей улице шагал невысокого роста еврейский полисмен и орал на идише, размахивая румынской нагайкой, состоящей из резинового шланга, в середине которого была переплетенная проволока:

– Вставайте и выходите убирать улицу.

Улицы стали чистыми. Их подметали, поливали из ведер возле каждого дома. А идя босыми ногами, необходимо было внимательно смотреть под ноги, дабы на «мину» не попасть. Ведь люди жили скученно в домах, в маленьких комнатах без водопровода и канализации и с несколькими маленькими общественными туалетами, куда в основном под утро сносили ведрами ночные естественные отходы.

На улице Якира, где сейчас стоят пятиэтажные дома, выкопали несколько очень глубоких и длинных ям, над которыми соорудили общественные деревянные туалеты. Ими могли пользоваться одновременно более 30 человек в каждой половине. Раз в неделю их дезинфицировали весьма крепко пахнущим средством. Думаю, это был креолин. Подобным дезинфекатом или карболкой дезинфицировались места, где умерли люди.

Мы, пацаны, скрупулезно следили за строительством. Ямы копали сотни человек, десятки подвод вывозили груженные на них землю и глину. Командовал строительством высокий еврей из Бессарабии, не выпускавший из рук большой сложенный ватман, а изо рта – сигару. Видимо, его помощники или бригадиры подбегали к нему, что-то спрашивая, обращались почтительно, называли «пан архитектор». Слова эти были тайной, прикрытой мраком, отчего ошибочно считали его главным, пока однажды не увидели приезд на стройку главы еврейского старостата (пусть читатели простят мне неточное румынское название), к которому «пан архитектор» быстро подбежал, что-то объяснял и постоянно по-румынски отвечал: «Да, будет сделано, пан, как прикажите». Мы не настолько знали румынский, чтобы все понять, но в нашей ватаге был мой товарищ Бенья, хорошо владеющий им, и дословно все переводивший при помощи еврейских и частично румынских слов, ибо ни русского, ни украинского не знал.

Он жил в доме одинокой женщины, бывшей учительницы, которая приютила его, круглого сироту. Беня знал румынский и еврейский языки, посещал на родине с малолетства хедер, четко знал все необходимые молитвы, воспитывался в богатой семье с религиозными родителями, был спокойный, не драчливый, мало приспособленный к тяжким условиям жизни и действующим законам улицы. До знакомства со мной часто попадал в ситуации, когда пацаны его обижали, обрезали пуговицы, заставляли выносить из дому что-нибудь съестное.

В дождливую погоду я выбегал из «башки», быстро преодолевая расстояние к его дому, метров 20–25, пролезал в деревянный сарайчик, стоящий перед домом, громко свистел, и Беня немедленно прибегал ко мне. Он знал очень много сказок, еврейских и румынских, древних историй и сказаний, часами их рассказывал. До сих пор я благодарен Богу, что встретил в детстве маленького человечка, научившего меня любить народное творчество и в любых условиях оставаться человечным. Вспоминаю эти вечно грустные детские глаза сироты и никогда не забываю их необыкновенное излучение доброты. В эти часы общения с ним казалось, что он намного старше меня, мой духовный учитель, так много знающий и проникновенно рассказывающий без менторства. Он первый в моей жизни возбудил любовь к знаниям.

Еще в 1943 году он, как и многие другие переселенцы из Буковины и Бессарабии, стал получать через Красный Крест посылки вещей и продуктов, а в 1944, после освобождения Украины, уехал с земляками на родину. Потом мне рассказывали, что его дядя из Бухареста забрал к себе. Дальнейшая судьба его мне неизвестна. Из первой полученной им посылки он подарил мне грубошерстный шарфик, который постоянно свисал на голой шее, заменяя, как уже писал, рубашку.

Зима 1942–1943 годов была суровой и безжалостной для всего гетто. Люди умирали от холода и от тифа, а нередко от обоих разом. Все запасы продовольствия и вещей в нашей семье кончились. Вечерами мы грелись у «румынки», попивая чуть сладкий чай, благодаря заготовке с осени сиропа из сахарной свеклы. Это был наш суточный рацион.

Прибывший к нам двоюродный брат мамы Иосиф Блиндер, бывший второй секретарь Теплицкого райкома комсомола, где-

то сутками пропадал. Изредка появлялся и всегда приносил полстакана кукурузной муки или кусочек готовой холодной мамалыги.

Я редко ходил на улицу, ибо не имел во что одеться и обуться, но изредка, надев мамины большие сапоги, предварительно замотав ноги онучами, и ее фуфайку, все же делал обход своих пацанов, особенно часто навещал Беню и Феликса.

С последним постоянно строили грандиозные планы добычи продуктов, но они не осуществлялись. У него дома мамалыга все-таки бывала чаще, и он снабжал меня кусочком, приговаривая, что, кроме смерти, из всего можно выкрутиться.

Однажды утром он спустился к нам в подвал, попросил мою маму дать мне одежду, дескать, есть дело. Разговаривая, он всегда смотрел в глаза и никогда не вызывал каких-либо сомнений. Уже одетого, он схватил меня за руку и потащил на улицу, успев крикнуть: «К “Бруму”!» Придя туда, заметили, как высокий дядька, с большими усами, в черном кожухе и каракулевой шапке, размахивал здоровенными кулаками, убеждая двух мужиков, одетых в старые с заплатами белые кожухи и выдавшие виды шапки-ушанки, стоявших у запряженных саней, из соломы которых выглядывал хвост здоровенной рыбы. Соблюдая дистанцию, мы медленно приблизились к ним и внимательно прислушались к их разговору.

Высокий мужчина – чинуша (так мы решили), пересыпая слова сельским матом, говорил:

– Ви що, берізянські курви, хочете мене під вішалку підвести?! Я віддав вам ціленькі леї за рибу, жабри вже чорні, а не червоні!

– Половину того, що варті, – заметил несмело один из стоящих.

– Та вас, сук-п’яниць, треба жандарму віддати, аби добре по-пороли, а не мішало б і я...

– Та заберіть і цього сома...

Но он перебил говорящего:

– Якщо ви зловили дохлим під льодом, то навіть із перваком не будете їсти. Він полежав в теплі і так набздів, що дихати не було чим. Викиньте десь там коло жидівського срача, щоб ніхто не бачив.

Внимательно слушая, забыли, что стоим на виду, но, видимо, он давно нас заметил, а теперь крикнул без особой злости:

– Ей, жидки, ходіть сюди, не бійтесь!

Боятся нам было поздно, да интерес разобрал. Мы подбежали. Он сделал строгое лицо, потом усмехнулся:

– Опці дядьки дають вам сома без грошей, беріть і тікайте.

Мы приблизились к саням и, не подходя, почувствовали неприятный, хотя и разбавленный морозом запах.

Феликс, как всегда, глядя ему прямо в глаза невинным своим взглядом, спокойно сказал, дескать, отнесем рыбу на яму, но за это пусть дадут хотя бы две маленькие рыбки. Тот, разглядывая двух оборванных, бледных, истощенных пацанов, рассмеялся:

– Ти бач, маленький жидюга, а вже гендляр. Беріть, поки дають, – и, развернувшись, удалился в помещение.

Один из мужиков, порывшись в соломе, нашел кусок рваной веревки, пропустил сому через рот, затем достал две блестящие мясистые верховодки и протянул нам:

– Беріть, хлопчики, свіжа риба, а сома куди хочете викидайте, хай ця румунська наймичка таку рибу їсть...

Подумал и добавил:

– Якщо хтось подумає її варити, відріжте голову і викиньте, так само кишки з ікрою, а остальне довго варіть, а смажити – ні-ні...

Сбежал домой, взял два рваных мешка и нож. Мы затащили рыбу на пустующий в тот день рынок, отрезали большую голову сома и выпотрошили его, а тушку аккуратно с большими усилиями порезали на приблизительно одинаковые куски. При этом довелось прикладывать нож к рыбе и бить сверху большим камнем. Разделив добычу пополам и разложив в два мешка, собрались уже домой, но услышали голос:

– Эй, вы, сморкачи, что вы тут делаете?

Мы увидели шедшего к нам слабой походкой худого мужчину в рваной одежде. Его появление нас не напугало и, взвалив мешки на плечи, удалились, а когда оглянулись, то ни тощего мужчину, ни вонючую голову сома не обнаружили. Для голодающих любой продукт годился, тем более, если его сварить.

Через много лет, читая литературу о «голодовках», встречал описания массового поедания людьми собак и кошек. За годы пребывания в гетто не видел их тогда, да и мыши не водились.

В жизни приходилось затем много раз употреблять уху из разных видов рыб, «царскую», «архиерейскую», «рыбацкую» и «охотничью», но вкус навар из дохлого сома, без приправ и овощей, лишь слегка присоленного, запомнился, как необыкновенно райская пища. Он веселил, подымал настроение, придавал силу и желание выжить во что бы то ни стало. Варили мы его поздно вечером, плотно закрыв дверь и завесив небольшое оконце тряпками. Вместе с нами пиновала семья из Саврани, жившая с нами в «башке».

Где-то около конца семидесятых годов с женой был на свадьбе в Хмельнике у своих терновских земляков, которые женили сына. Расхаживал в фойе ресторана, куда собирались из разных мест гости, вдруг ко мне подбежала молодая женщина и, рыдая, бросилась мне на шею, начав целовать. Со всех сторон люди наблюдали эту трагикомичную сцену, а моя оторопевшая жена оглядывала то нас, то собравшихся здесь гостей...

Не отрываясь от меня и не вытирая слез, она шептала: «Саша, Сашунька, ты помнишь “башку”? Сколько лет прошло! Какое счастье!» К нам подошли ее муж и моя жена, начались воспоминания, и первое, о чем вспомнили, это была восхитительная уха из задохнувшегося подо льдом сома. Тогда это был критический момент в период голодания наших семей.

Соль в гетто, да и по всей оккупированной территории, была очень дефицитной и за нее давали все, что хочешь. Торговцы солью, как правило, чужой, зарабатывали на кусок мамалыги. Мать моя это поняла давно, но пробраться в этот клан было невозможно. Одна из ее землячек по Теплыку, а мать была оттуда родом, торговавшая солью, пыталась пробить ей дорогу, но не сумела. Однако, заболев и боясь потерять место, отдала маме оставшуюся у нее соль для реализации, стаканов 50. Соль не взвешивали, ее мерили небольшими гранеными стаканами, предварительно тщательно растерев и слегка увлажнив водой. При такой «технологии» на дне стакана, при его наборе, оставалось небольшое невидимое воздушное пространство, что создавало возможность на каждом стакане экономить 5–7 г. Это и был основной «навар» продавца. При таком бизнесе реализатор мог зарабатывать в базарный день на 300–400 г кукурузной муки, из

которой при правильной варке получали 1 кг мамалыги, т. е. на сутки кормежку семьи из 4–5 человек.

В дни болезни маминой землячки мы несколько ожили, тем более, что мои сестры, хорошо владея украинским языком, одевались в поношенную, за неимением добротной, национальную одежду с пидтычками и прочими атрибутами, шли в ближайшие села и там меняли соль на недорогое съестное, что, в общем, тоже было более выгодным.

Такой шаг был очень рискованным. Мама отговаривала их, но они были молоды и рисковали, хотя этим занимались в гетто считанные лица, ибо их останавливал не только риск, но и недоскональное знание украинского, особенно сельского.

Но, как говорил «философ» Яша–рыжий из Долины, с которым общались, «хорошее проходит быстро, а плохое длится долго». Эту философскую мысль он высказал в период перемирия между пацанами Долины и центральных улиц, постоянно «воевавшими», нередко из-за мелочей.

Такие войны продолжались неделями. Шли либо грудь на грудь, т. е. в рукопашную, либо с применением камней и рогаток. Но первое нас не устраивало, потому что против ватаги, состоящей в основном из ребят детдома, питавшихся относительно лучше и находившихся под опекой со стороны еврейской администрации, в рукопашной мы, всегда голодающие и малосильные, терпели поражение, после которого я, Феликс и Люсик Флешмахер темными вечерами подкрадывались к краснокирпичному зданию детдома и камнями разбивали несколько окон.

Вообще эти чисто одетые и всегда умытые пацаны вызывали у нас, «голодных и ободранных», постоянную неприязнь и раздражение, тем более, что не каждого бессарабского или буковинского пацана туда принимали. Там содержались не только сироты, но немало детей бывших состоятельных родителей, которые временно нуждались. Они никогда не ходили в центр или на базар по одиночке, дабы не быть нами битыми, с конфискацией содержимого из карманов, особенно при наличии там съестного. В Долине среди пацанов они занимали господствующее положение и такие бершадские мальчишки, как Яша–рыжий, их поддерживали вынужденно, территориально. Он всегда вы-

ступал за перемирие, хотя не был трусливым и в драках не уступал. По традиции считался «врагом», но мы его почитали за сдержанность и не жадность, ибо мог поделиться безвозмездно всем, что у него было.

Судьба решила так, что с Яшей, уже взрослым и женатым человеком, встретился в начале 1960-х годов, когда после окончания института был направлен на работу в Бершадь, имея возможность наблюдать за его карьерным ростом. Начав работу простым работником торговли, он вскоре стал заместителем председателя Балановской потребкооперации, затем ее председателем, окончил заочно Торговый институт, постоянно занимал первое место по Бершадской районной потребкооперации. Чечельницкий райком, возглавляемый бывшим вторым секретарем Бершадского райкома Матвийчуком Б.Т., пригласил стать руководителем отстающего Чечельницкого пищекомбината Райпотребсоюза, который годами проваливал выполнения всех планов, а в его заведение общественного питания стыдно было привести порядочного человека. Уже когда Яша там работал, я встретился с первым на одной воскресной рыбалке в селе Голдашовка и после удачного улова, как принято было, пили по рюмочке. Он хорошо отзывался о Якове Александровиче. Я был рад за него и снова вспомнил Яшку–рыжего, этакого немногословного и решительного мальчика, всегда на переговорах о мире между ватагами говорившего: «Нам нужен мир и мамалыга». Он был прав и тогда, когда говорил о краткосрочности везенья.

Торговля солью быстро закончилась, и снова наступили долго тянувшиеся полуголодные, а нередко и голодные, дни. Иногда заходил к терновскому товарищу Толику, жившему с мамой и трехлетней сестричкой Аней в маленьком углу маленькой комнаты, где теснились четыре семьи. От голода Аня постоянно плакала, а Толик говорил ей:

- Анечка, Анечка, что ты плачешь?
- Хочу кушать, – отвечала сквозь слезы.
- Дать тебе хлеба с маслом?
- Да! – радовалась та.
- Но у меня нет.

Снова плач и снова предложения какой-то еды. И так долго-долго, пока обессиленная девчонка не засыпала.

Иногда зимой по вечерам к нам в «башку» спускался дядька Микола, живший во Флорино за бывшим маслозаводом и стороживший какие-то склады, стоявшие за магазином, уже после войны получившим название «У Наума». Население Бершади и всего района, решившее что-либо купить из железоскобяных изделий, шло только к Науму, безобидному, доброжелательному человеку.

Дядька Микола носил неокрашенный старый, в заплатах, но хорошо гревший кожух и постоянно подкашливал, что стало привычкой, как он рассказывал: еще до войны получил «белый» военный билет о непригодности к военной службе. Не снимая кожух, он садился на пол у «румьнки» и грел замерзшие руки.

Немногословный, он изредка приносил маленький сухарик и молча подавал его мне. Однажды, просидев так минут десять, вытянул из кожуха кусок ледяной соли и, подавая маме, сказал, что обнаружил в заброшенном хламом углу склада, куда постоянно сбрасывали непотреб, кучу цементированной ледяной соли, кусок от которой ломом отбил. Если его можно размельчить и продать, а деньги поделить пополам, то был бы благодарен.

– Бачу, як бідуєте, та й у мене в хаті пусто.

Мама с радостью согласилась, ибо ледяная соль особо ценилась, благодаря ее острой солёности.

Ежедневно поздним вечером вся семья осторожно, с учетом каждой щепотки, разбивала, а потом растирала принесенные Миколой куски соли. Для растирки он принес из дому два небольших точильных круга из камня. Мы зажили «вольготно».

Почти ежедневно, утром и вечером, съедали по кусочку мамалыги, а раз в месяц мама приносила с базара полпорции «эйсер точ», представляющий собой растертый картофель, мгновенно зажаренный в кипящем подсолнечном масле. Его запах и вкус всегда меня манили.

С пацанами простаивали на улице возле жаровни, представляющей по конструкции мангал с надетым сверху деком, в котором постоянно кипело подсолнечное масло. Растертый картофель в виде густой массы заливали на всю емкость и быстро переворачивали широкой деревянной лопаткой, предварительно разделив ножом на небольшие прямоугольники. Изредка нас

использовали на подноске дров и уборке угля. За услуги выдавали всей компании полпорции, разделив которую на 3–4 ребят, по существу, глотали только запах от «точка».

До сих пор помню этот прекрасный деликатес, воссоздать который никто из нашей семьи впоследствии не смог. Что-то подобное представляют собой украинские барабольники – деруны, которые много раз ел в разных уголках Украины с большим аппетитом, но хотя в обоих случаях их основой является картофель, это различные блюда. Через много лет бывал в Молдавии, Румынии, спрашивал о нем, но все разводили руками, даже в том случае, когда излагал технологию приготовления.

Зима 1943 года была суровой. Еще накануне, в ноябре и декабре, мороз сковал все вокруг, а постоянные метели и северный ветер не давали возможности выйти на улицу. Однако жизнь на грани смерти продолжалась. Распространялись слухи о недовольстве Гитлера поведением румынов. Бывавшие по делам в Бершади немцы при виде живых евреев матюкались, а последние тем временем потихоньку вымирали от мороза и тифа. Правда, пик эпидемии постепенно снижался, очевидно, от сильных морозов.

От пацанов, с которыми общался или просто знал, а знал многих, к весне осталась половина. К сожалению, точных данных об умерших от эпидемии в гетто не существует, хотя учет населения в тот период был в порядке. Поименный список жильцов в каждой комнате висел на стене, а его копии находились в еврейском и румынском управлениях, о чем свидетельствовала периодическая их проверка, при этом проверяющие сверяли выписанные списки с принесенными.

Архивы не успели сжечь, об этом мы, пацаны, точно знали, ибо в первый же день освобождения побывали во всех казенных учреждениях и никаких следов сжиганиях там и во дворах не обнаружили.

Очевидно, уже при советской власти часть архива была либо уничтожена, либо забрана соответствующими органами, как это делали в период Голодомора. Свидетельством того, что архивы не сжигались, является факт выдачи справок бывшим узникам гетто об их там пребывании из Балтского архива, в то же время Винницкий областной архив, куда после войны вошла Бершадь,

подобных данных не имеет, зато располагает сведениями о количестве домов и переулков гетто и некоторыми другими.

Сейчас всплыли сведения о 20 тысячах прибывших осенью 1941 года в Бершадское гетто евреев из Буковины и Бессарабии. Коренные бершадцы хорошо помнят, что в то время перепись населения не проводилась, она осуществилась только зимой 1942 года, когда и была установлена данная цифра.

Понятно, что 20 тысяч человек плюс местные 6,5 тысяч никак не могли расположиться в 337 еврейских домах, тем более, что уже в 1942 году значительная часть прибывших селилась в подвалах, сараях и т.п.

В первую холодную зиму 1941–1942 годов не менее 5 тысяч депортированных умерли от холода, как рассказывали бершадцы. Следует считать, что сюда загнали осенью 1941 года не менее 25 тысяч евреев. Исследования Бершадского гетто, уверен, дадут бóльшую цифру. Тем более, что оно было самым большим в Транснистрии.

Уже зимой 1942–1943 годов по гетто курсировали не менее 8–9 запряженных саней, куда клали штабелями не менее 10–12 трупов. Одни сани делали не менее одной ходки на кладбище, где трупы сбрасывали в «братскую» могилу, некоторые делали по два заезда. За день вывозили не менее 200 мертвецов, а в пик эпидемии и самых сильных морозов – более трехсот. Когда прекратились морозы и ослаб тиф, смертность резко сократилась.

Вспоминая те ужасные дни, мы, не без содрогания сердца подсчитывая с бывшими малолетними узниками гетто количество ушедших в то время мучеников, пришли к мнению, что оно составляло не менее 15 тысяч, из которых прибывших – 94%. Каждый из нас, выживших, мог быть в том числе.

К концу зимы в гетто почувствовалось какое-то послабление. Феликс передал мне точное содержание листовки, которую написала его мать под диктовку Талиса. Сообщалось о победах Красной Армии, о скором освобождении.

Мы догадывались, что в гетто существует подпольное сопротивление, в котором участвовал мамин брат И. Блиндер. Он изредка вечерами передавал со мной записки для Яши (Талиса) в дом Грамзугеров. Дверь всегда открывала его племянница Анюта, веселая девчонка с большими смеющимися глазами, которая

мне очень нравилась. Впоследствии часто видел у Люсика, она нередко принимала участие в наших походах, в одном из которых нас застиг ливень, и все разбежались в разные стороны прятаться от дождя. Мы с ней очутились в каком-то полуразваленном деревянном сарайчике. Прижавшись друг к другу от холода, мы с ней целовались по-настоящему, губы к губам.

В гетто появились инфекционная больница, посылки из Румынии, разумеется, не для украинских евреев, школа с румынским преподаванием.

Правда, в эту школу ходило несколько пацанов бершадских, в том числе Исаак–кривошея, который из-за незнания языка вскоре был отчислен. Феликс, Люсик, я и другие «наши» на большую школьную перемену туда подходили, тем более, что школа находилась рядом в доме на Первомайской.

Аккуратно одетые мальчишки (по-моему, это была мужская гимназия) вытаскивали съестное и начинали между играми есть. Это было, по нашему мнению – голодных и оборванных, – большой несправедливостью, нарушением всех ветхозаветных законов. Мы подходили к меньшим едокам, и Феликс весьма толково напоминал им о праотце Моисее и взятых им от самого Бога заветах. Некоторые отламывали кусочки хлеба или мамалыги, которые быстро исчезали в больших карманах моих мешковинных брюк. Другие прятали еду в своих карманах, пугая нас своими старшими братьями и отцами. С этими был отдельный разговор. Феликс принимал вид древнего судьи, поднимал руки ладонями вверх, голову закидывал к небу, изрекая: «Видит Бог, что вы отступники от еврейства и его законов, а поэтому вас накажет». При последних его словах мы с Люсиком уже кулаками подпирали их сзади. Еда отбиралась, причем весьма вкусная, а иногда сласти из посылок – предел наших мечтаний. Делали это не каждый день, а через два–три, дабы не вызвать большой огласки. При этом пытались постоянно иметь информацию от учащихся.

В какой-то день остановили упитанного мальчика, возвращавшегося после уроков домой. Мы его быстро склонили к службе информации, обещав его постоянно охранять и не трогать. Он сообщил, что в школе уже все знают о нашем, как он сказал, хулиганстве, в том числе учителя, которые пообещали детям в

случае повторения подобного вызывать полицию. Мы решили изменить тактику: в школе больше не появляться, а наметить несколько школьников и сопровождать их из дому до школы.

Кроме школы и больницы, в гетто открылась аптека и благотворительная столовая, особенно нас заинтересовавшая. На нее возлагались большие надежды, которые, к сожалению, не увенчались успехом. Во-первых, вход туда был ограничен, во-вторых, там стоял еврейский полицай, который добросовестно следил за порядком, умело используя качество румынской нагайки, которой я однажды получил от румынского жандарма и запомнил на всю жизнь.

Дело было летом на новом Флоринском базаре в районе сыпучих песков, на том месте сейчас стоит магазин рядом с воротами завода продтоваров. Базар собирали раз в неделю. Торговали прямо на песке длинными рядами вдоль обочины дороги. В основном там продавали фрукты, овощи, арбузы, дыни, тыкву, резаный самосад, соль. На базаре была своеобразная специализация по рядам. Вот, скажем, начинался ряд табака–самосада, по его окончании – другой и т.д., все шло в одну линию.

В тот день мы с Феликсом осваивали табачный ряд, ибо уже были заядлыми курцами, в основном, за счет окурков, которые имели весьма подробную классификацию по их происхождению и ценности. Например, самый дешевый – из самосада, завернутого в плотную бумагу, чаще в листок какой-то книжки. Наиболее ценным считался окурочек сигары, затем сигареты, папиросы и цыгарки с тонкой бумагой.

Как-то обратил внимание на щеголовато одетого румынского офицера, почти ежедневно проходившего по середине улицы Первомайской сверху вниз с дымящей сигарой. Естественно, сигара когда-нибудь должна быть выкуренной, а бычок брошен на землю, после чего мог стать нашей ценной добычей. Неоднократно мы сопровождали его на приличном расстоянии сзади. Издалека видели, что, доходя до стены парка, повернул влево, где недалеко находились охраняемые ворота, бросил сигару на землю. Прибжав к этому месту, окурочка не нашли, будто растворился в воздухе. В следующий раз мы уже ожидали офицера с двух сторон близ поворота. Каково же было наше удивление, когда в момент небрежного бросания окурочка и поворота офи-

пера налево, небольшой худенький пацан метеором оказался у окурка и, схватив его, так быстро исчез, что мы не успели в него взглядеться.

В следующий раз офицера с сигарой сопровождали по обочине улицы, а у поворота сидел наш пацан, и от него окурочок дорогой сигары попал к нам. С более взрослыми курцами совершали выгодный бартер.

На базаре начали обход самосада, я с одного конца, Феликс – с другого. Подходил, нагибался к торбе, брал пучок, тербил, нюхал, высыпал назад, но часть табака оставалась в руке. Затем, пропустив двух–трех продавцов, проделывал то же.

Когда в кармане оказалось определенное количество табака, мы ретировались с этого ряда. В сторонке испытывали смесь табака, сотворив при помощи куска книжного листа цыгарку.

Затем шли в яблочный ряд, запах которого очень манил, особенно антоновки, присаживались метрах в четырех от спин торгующих женщин. Выжидали момент, когда владелица яблок кем-то или чем-то отвлекалась, осторожно подходили и брали яблоко из корзины или торбы, не рискуя, забирали по одному–два яблока и уходили с базара.

Воровавших по мелочам или просто нищих румынские жандармы, постоянно присутствующие на базарах, всегда прогоняли, не забыв при этом полоснуть нагайкой по спине. Опытные воры, преимущественно карманники, которых знали поименно, пользовались защитой стражей порядка и в случае поимки их отводили за пределы базара и отпускали, не забыв при этом взять мзду. Жители гетто хорошо знали, что с жандармом в большинстве случаев можно договориться за определенную сумму.

Незаметно для хозяйки взяв яблоко, уже выпрямился, чтобы удалиться, но внезапно услышал позади себя тяжелые шаги и шепот Феликса «атас», донесся, вернее уловил, свист нагайки и упал на песок без сознания. Не помню, сколько пролежал на раскаленном, горячем песке, но очнулся, когда Феликс тянул меня за руки, пытаюсь поднять, а на голову кто-то лил воду. Открыв глаза, увидел крестьянку с перевернутой крынкой в одной руке и с яблоком в другой. В глазах летали мушки, от сильной боли не мог ступить ногой. Казалось, что передо мной стоят два

Феликса, а сбоку две женщины, сующие мне два яблока. Он взвалил меня с зажатым в руке яблоком на свою спину и понес. Так и дотащил с частыми остановками на отдых до «башки». Дома спасался, в основном, холодными компрессами, а затем – примочками из чистотела, который мать нашла на пустыре окраины гетто. До сих пор, через много лет, парясь в сауне, принимая душ или ванну, мне кажется, что чувствую кожей спины место удара румынской нагайки.

В период послабления режима гетто слегка оживало. Кроме крытого рынка, по воскресным дням собирался большой базар по улице Красной, полностью ее заполняя тесными рядами от начала до конца.

На просторную и широкую улицу Ленина съезжались, а чаще сходились пешком с мешками на плечах, корзинами в руках люди из окрестных и, нередко, далеких сел и валили перелучками мимо крытого рынка и магазина «У Наума», а затем дома Пакина на базар. Протолкнуться через эту, по сути, толпу людей было крайне тяжело, но мы знали ходы через узкие перелучки, по которым могли пролезть только пацаны.

На этом базаре можно было купить или обменять все, что угодно, начиная от рваной одежды и обуви и кончая добротными на то время вещами, не говоря уже о продуктах, число которых в зимнее время было ограничено. Но помню хорошо в деревянных кадушках квашеные капусту, огурцы, помидоры, яблоки и в изобилии сушеня (мелко нарезанные яблоки и груши, вишни и сливы с косточками).

Русские старожилы из Пилипоновки торговали по особому рецепту заквашенными арбузами, особый вкус которых узнал спустя много лет. Были здесь фасоль и крупа, в основном, кукурузная. Пшеничной муки мы не видели, но ячменная, а нередко перемешанная с ржаной, суржик называлась, попадалась. Говядину, свинину и сало наблюдали очень редко и то в мизерном количестве. Легко было купить нарезанную ломтями, и Бог знает, как сохранными в земляных подвалах, тыкву.

По тому ограниченному количеству продуктов, реализовывавшихся на базарах, легко было догадаться, что население, работавшее в основном в так называемых общественных сельхозпредприятиях (бывшие колхозы), тоже влачило полуголодную жизнь.

Только крайняя нужда заставляла их отрывать ото рта семьи немного продуктов и тащить их на базар.

Особый интерес вызывали у нас парни лет 14–16, носящие на тесемках прямоугольные чистые дощечки с сигаретами, папиросами, спичками, зажигалками и камушками к ним, а в карманах – самодельные, под золото, кольца и браслеты. Они во все горло перечисляли ассортимент товара и его цены.

Где-то в это время в гетто распространилась песенка сироты, продающего папиросы, в которой русские и еврейские строчки шли одна за другой, и мотив этой песенки был очень жалостный и трогательный. Помню, ее хорошо исполняла бессарабская девушка лет шестнадцати, черная, как цыганка, но с очень нежным лицом княжны. Она садилась вечером у открытого окна, выходящего в переулок, между приблизительно четвертым от «башки» и пятым домами, и пела. Аккомпанировал ей на гитаре высокий рыжий парень. Она пела много песен, но одна особенно запомнилась – «Папирине киндер» («Бумажные дети»). Собиравшиеся здесь десятка два людей разного возраста без слез эту песню не могли слушать, ведь речь шла о погибших детях, от которых остались одни фотографии:

«Папирене киндер ба мир аф ди вент,
Папирене киндер ба мир аф ди ент».
«Бумажные дети на стенах висят
Бумажные дети в руках шелестят»
(Свободный перевод Б. Забарко)

Слова и музыка этой песни, думаю, народные, но, возможно, авторы или автор уже давно нашлись.

В эту оттепель, послабление режима у людей усилились надежды на освобождение, люди стали лучше выглядеть, то тут, то там вечерами раздавались негромкие песни на разных языках: украинском, русском, румынском и еврейском. В нашем доме, забыв об ужине, рассаживались на полу и тихонько пели:

«Ой, дівчино, шумить гай, / Кого любиш забувай...» или
«Їхав козак на війноньку, / Прощай, сказав, дівчинонько...»

Пели и плакали молодые женщины и девушки, у каждой из которых любимый воевал на фронте, и один лишь Бог знает, когда они вернутся и вернутся ли вообще. Вечерами раздавались и веселые, шуточные песни на разных языках. Уже перед сном пели комсомольские.

Возвращаясь под вечер домой, непременно проходил переулком, где иногда пела бессарабка. Мое детское сердце разрывалось от ранее неведомых мне чувств. Всегда пробирался ближе к окну и смотрел в ее темные глаза, наполненные доброй человеческой грустью. Уходил последним, когда ее белоснежная худая рука уже закрывала окно. Заметив мое постоянство, она однажды спросила, почему не ухожу домой. Смущаясь и заикаясь, просил разрешения еще секунду на нее поглядеть. Она тепло усмехнулась и нежно погладила мою голову.

Кругом была нищета, вшивость и грязь, хлестала румынская нагайка. Замученным от хронического недоедания и неуверенности в будущем людям смех был радостью. А в эти минуты я шел домой, обласканный нежной солнечной феей, и видел себя могучим воином-великаном, налево и направо рубящим немцев и румынов, а заодно полицаев, а впереди в солнечном сиянии бояся фея манила рукой.

При очередной встрече с Феликсом он протянул ко мне свою длинную руку, на ладони которой лежало одно маципусенькое зеленое монпансье, и сказал:

– Кусай половинку.

Пососать конфету, вкус которой давно забыл, было в то время неведомым счастьем. Взял из его рук стекляшку и, зажав в своей, сказал:

– Нет, отдай всю, так надо...

Он, вытерев рукой набежавшие на губы слюни, испытующе на меня посмотрел:

– Пусть будет по-твоему.

Мне везло в этот день, как никогда, ибо пробираясь в тот знакомый переулок, услышал тихие звуки грустной песни и быстро очутился у самого окна. Сегодня она пела без аккомпанемента и, видимо, устав, отошла от окна. Когда люди разошлись, певица протянула руку к открытому наружу окну, чтобы взяться за ручку. В это мгновение достал сладкую стекляшку и сунул в ее

руку. Разглядев ее, она протянула мне руку и сказала: «Спасибо, мальчик, такого подарка мне давно уже не дарили». Быстро нагнулся к руке, горячо ее поцеловал и, не оглядываясь, счастливым умчался в «башку».

Вскоре открылся еще один вечерний рынок, который начинался от колодца перед домом сестер Верх по улице Октябрьской и тянулся двумя переулками к улице Советской, туда не доходя. Скорее всего, это было место общения, куда люди из перенаселенных домов и подвалов собирались вечерами для выяснения новостей, обмена информацией.

Для нас, оборванцев, этот рынок не представлял особого интереса из-за отсутствия возможности чем-то поживиться. Здесь, втихаря торговали последними сохранившимися ценностями: золотыми часами, кольцами и более-менее хорошего вида старинными вещами. Правда, «румынские» евреи продавали самодельные из грубой шерсти носки, типа гетр, и свитера. Их покупали для последующей перепродажи или бартера на продукты в селах.

С правой стороны, вдоль переулка, идущего к улице Советской, в небольшом количестве с учетом спроса выставляли пирожные, мамалыгу и «эйсер точ», другие продукты отсутствовали. В реализации были сигареты, папиросы, зажигалки и камушки к ним. Здесь их продавали не с открытых лотков, а прятали по карманам, торбам, держа в руках один-два экземпляра, ибо боялись облавы жандармов, нередко приходивших в гетто с плохими последствиями для торговцев.

Румыны не столько проверяли документы, как отбирали подряд весь товар, раздавая удары нагайками налево и направо, даже не выясняя принадлежность к евреям, хотя рынок был сугубо еврейским. На нем никто зазывающе громко не выкрикивал название товара и цены, говорили тихонько, почти шепотом.

Здесь крутились воры-профессионалы, но их почти все знали в лицо, и удача им не светила, как знали двух молодых проституток, не пользовавшихся успехом, и, видимо, приходивших ради прогулки перед ночной работой с румынскими вояками. Они жили в тесном невзрачном переулке, который примыкал к дому Пакина, на втором полуэтаже деревянного дома. Шаткая грязная лестница вела на такой же балкончик, откуда двери

шли налево – к хозяевам, а направо – к ним. Иногда мы здесь, прижимаясь к стене дома напротив, ожидали брошенного вниз с балкона окурка, разумеется, престижного.

Новые и редкие товары, как зажигалки и сигареты, что пацаны быстро установили, шли потоком из Одессы. Пилипоновские и флоринские ребята нашли пути их доставки оттуда, сдавали оптом в гетто под реализацию, не желая светиться на рынке.

Видимо, и в селах чуть улучшилась жизнь. Селяне тащили на ремонт одежду и обувь, изредка шили свадебные наряды, заказывали сбрую для лошадей, сапы и косы, подковы, покупали или меняли на продукты соль, часто заходили в аптеку, шли к знакомым врачам. При этом расчет шел на продукты.

Заработали сапожники, портные, веревочники, бондари и другие мастера, не говоря о парикмахерских, в одной из которых работал отец Исаака–кривошеи. Она находилась напротив «башки», что позволяло мне видеть всю проходящую и приезжающую клиентуру с целью не пропустить хорошего окурка. Среди клиентов были и жандармы, и полицаи. Староста села Флорино был постоянным клиентом, но, к сожалению, не курил. Среднего роста, совсем молодой, но рано располневший, он всегда был «под мухой», забывал имя парикмахера, называл любое пришедшее ему в голову: «Давай, Хаим» или «Давай, Мойша, стрижи». Всегда рассчитывался небольшой торбой с продуктами, которую вносил его кучер.

...Предприимчивые еврей-бершадцы, наблюдая отсутствие на рынке кожи и изделий из нее, организовали производство. Одно из них, расположенное по улице Ленина за домом Шварцов, где сейчас безымянная остановка автобусов и маршруток, идущих на Вийтивку, хорошо помню. Там мы с Феликсом и другими мальчишками пытались подработать, но и без нас желающих взрослых было предостаточно. В резиновых чунях (самодельные из резиновых камер склеенные глубокие калоши) на босые ноги, кое-как одетые, с мешками на плечах, носили тяжелые мокросоленные шкуры рогатого скота и лошадей в глубокий многоступенчатый подвал, где стояли огромных размеров дубовые бочки с закваской, куда их аккуратно подавали стоящим на лестницах у краев емкостей рабочим, а те их опускали в жидкость. В сарае, во дворе и особенно в подвале стоял стойкий

удушливый запах шкур и прокисшего, слегка разложившегося подкожного жира. Там же, наверху, где лежали на невысокой полукруглой деревянной подставке шкуры, стояли, полунагнувшись, самые здоровые мужчины и на специальных деревянных подставках мездили косами сырые шкуры, очищая от подкожного жира. В большинстве это были шкуры павших из-за бескормицы животных. Здесь смрад был особо нестерпимым. В одном из сараев этого дома разглаживали после обсыхания вычищенную кожу и красили вручную, отдельно хром и юфть. Кстати, изделия из такой кожи были весьма качественными, долговечными и несносимыми. И тогда, и много лет спустя юфтевые сапоги были незаменимы в условиях бездорожья и вечной грязи, особенно весной. Больше всего нас интересовал последний участок, и даже не он, а тот, где шла раскройка шкур и валялись их кусочки, которые, как мы думали, можно пустить флоринским пацанам на бартер. Вскоре убедились, что отходы шли в дело. Из них делали ремешки для плетения кнутов и украшений конской сбруи и намордников. Тем не менее, не отступали.

Для нас еще тогда стала ясной философская мысль, что ничто из ничего не возникает, и дабы сделать кожу, нужны шкуры, а они в гетто сами не приходят. Также установили, что наиболее качественные изделия получаются из шкур молодняка, а это уже был вопрос. Одно дело – найти шкуру коровы или вола, а другое – теленка или лошадки, проданных на мясо. И в этом случае не обойтись без флоринских пацанов, которые могли попать на бывшие салотопки или заброшенные свалки.

– Умные хлопцы, – сказал Феликс, – стацат где-то лошака или теленка, на пустыре зарежут, разберут мясо по домам, а шкуру выкинут, во-первых, не знают ее ценности, а во-вторых, побоятся шухера.

Его логика, как всегда, была железной. Встретились со знакомыми пацанами из Флорино. Договор был кратким: они приносят шкуру, мы ее загоняем, а выручку – пополам. Вскоре один из пацанов, пришедший с мамой на базар, принес в торбе небольшую, килограмма четыре весом, шкуру теленка. Спрятав ее в надежное место, быстро помчались к шкурочинному цеху. Прежде, чем назвать приблизительную цену, хозяин долго мутит нам головы: и спроса нет на шкуры, и жизнь, мол, сами знаете,

а вообще он завален сырьем и вы, мол, пацаны ушлые, а шкура может быть ворованной и, не дай Бог, жандармы...

Феликс – обезьяна с худыми длинными конечностями – носил умную, светлую с большим лбом голову и умел выкручиваться из любой ситуации. Глядя хозяину прямо в глаза, произнес:

– Тоте, вы же не один шкурятите в гетто, мы уже были в Хаима-парха, и он дает нам десять лей, но вы же знаете, что это очень низкая цена.

Тот остолбенел. Мол, не буду торговаться, если шкурка хорошая, не обижу. Через момент были со шкуркой снова здесь. Он долго ее мял, разглядывал со всех сторон, искал порезы, затем грустно произнес, опустив глаза, что больше 11 лей дать не может и то, чтобы насолить сопернику. Мы держались стойко и после долгих торгов отдали за 16 лей. Феликс 8 лей отложил в потайной карман для пацанов из Флорино, а остальные поделил между нами. Я стал обладателем огромного состояния, шутка ли, 4 леи, за которые можно купить две буханки хлеба, правда, небольшие.

Но хлеба есть не довелось...

Вернулся домой радостно-возбужденным. Меня встретили плачущие сестры, а на полу, на соломенном тюфяке металась в жару мама. Все мы решили, что это брюшной тиф, который унес из гетто не одну тысячу людей, тем более, что мать недавно навещала больную землячку, а вечером в тот же день обнаружила в одежде немного вшей. Женщина та вскоре умерла, однако мы даже мысленно не допускали подобного с мамой, морально сильной и физически выносливой, которая заменила нам отца.

Вообще, о ней можно написать большую книгу о стойкости, мужестве, любви к семье и к людям. Это она, когда забирали в Терновке молодежь в лагерь села Оситное близ Умани на строительство дороги Умань–Гайсин, заменила сестру Фиру, долго выпрашивала на это разрешение у еврейского юденрата, составившего соответствующие списки.

Со слезами на глазах она напомнила ему, как отстраненному от работы за пьянку мой отец, приступивший к исполнению обязанностей председателя промартели, дал возможность работать. Все эти просьбы плюс отцовские часы решили вопрос, хотя мать просилась на верную смерть. Но и в лагере не растерялась.

Охрана лагеря осуществлялась одними молодыми литовцами. Это, по сути, были первые месяцы оккупации, когда в победном угаре немцы наступали и быстро продвигались к Киеву. По рассказам матери, эти литовские хлопцы не были отъявленными фашистами и не проявляли жестокости. Они неплохо говорили по-русски и даже пели русские песни. Один из них как-то подошел к ней и сказал, что она своей быстрой работой похожа на его мать. Хорошо разбиравшаяся в людях, она увидела в нем еще не испорченные человеческие чувства и решила испытать судьбу, тем более, что в лагере пока отсутствовал эсесовский режим со строгим учетом и татуировкой номеров. В удобный момент мать уговорила его выпустить ее из лагеря, пообещав при этом передать ему подарок со следующей партией. От подарка он отказался, но решил подумать. В один из дней, когда под вечер пошел сильный дождь, литовец шепнул ей пристроиться к концу колонны возвращавшихся в лагерь узников, а сам пошел туда же. В ворота лагеря пропускали по одному человеку и крайние литовцы, сопровождавшие колонну, ушли, дабы не промокнуть, кивнув последним, мол, охраняйте. Момент был удачным. Литовец толкнул маму, и она быстро растворилась в дождливой вечерней темноте.

В последующем, как стало известно после войны, фашисты лагерь близ села Оситное превратили в место жестокой эксплуатации на строительстве дороги и уничтожения более пяти тысяч евреев.

О маминой порядочности, человечности и бескорыстии свидетельствует уникальный случай. В первые дни оккупации она обратила внимание на постоянные ссоры соседей из рядом стоящего дома. До этого они жили в мире, отличались скрытностью и, в отличие от нас, скупостью. Моя мама пекла в печи простые, но очень вкусные пряники. Вечерами, когда отец возвращался с работы, ставили самовар и пили чай. Это был скромный ужин, на который нередко приглашали соседей, но ответного приглашения не помню. Их дети питались лучше нас, они, выбегая на улицу, быстро глотали недоеденные дома куски бутербродов (хлеб с маслом и вареньем или хлеб с гусиным жиром). Подобное мы ели только на праздники. Однажды вошедшую к нам соседку мать доверительно спросила, что у них случилось и почему

ругаются. Та объяснила, что несколько дней назад на рассвете несла в сарай пересчитанные золотые монеты, дабы спрятать их под куриной клеткой. Мать позвала меня на кухню.

– Сынок, – сказала, обращаясь ко мне, – ты часто играешь старыми монетами, они у тебя еще есть?

– Да, – ответил.

– А ты новых монет не нашел нигде?

– Нашел целую торбочку.

Сразу пошел и принес. Соседка быстро высыпала содержимое на кухонный стол и, бережно пересчитав, вернула на место, затем на ходу уже возле дверей произнесла «спасибо» и умчалась.

Разумеется, все монеты были мной при находке пересчитаны, ибо должны были пойти на игру, помню, там были по 10 и 5 рублей, всего 40 монет. Старые монеты собирал не для коллекции, о которой понятия не имел, а для игры, их ценности тогда не понимал, но уже в гетто хорошо разобрался, что золото может спасти от голода, а иногда им можно откупиться от насильственной смерти, правда, не у немцев, а у румын. Первые убивали и золото забирали.

Если б тогда соседка в знак благодарности дала нам хотя бы одну золотую пятерку, ох, как бы она в гетто пригодилась для лечения очень больной мамы. Но Бог и в этот раз не обошел ее своей милостью. Отдал я старшей сестре Мане заработанные четыре лея, и она побежала к знакомому маме доктору, жившему от нас через несколько домов. Он всегда покупал у нас соль и нередко брал в долг, иногда посиживал, любил поговорить о том, о сем, расспрашивал сестру о методах преподавания в наших вузах, ибо сам медицинский закончил в Вене, хорошо знал идиш, румынский и немецкий языки. Он долго осматривал, выслушивал и выстукивал маму, задавал много вопросов и, измерив температуру, произнес:

– Слава Богу, это не то, скорее похоже на дизентерию, да и брюшной резко пошел на спад.

Выписал рецепт, сказал, что завтра придет, надеется на спад температуры. Уже помыв руки горячей водой, достал мокрую ватку с резким запахом и вытер ею руки, затем сказал Мане:

– Если не хватит денег на лекарство, скажете провизору, пусть дает в долг, сошлитесь на меня.

Утром температура спала, но кровавый понос продолжался. Проведавший вечером доктор сказал:

– Пусть непрерывно пьет кипяченую воду, поищите местные ягоды и травы, в народе известные, знаю их только полатыни, но это вам ничего не дает, хотя знаю на идише ягоды терна. Они растут на кустах вокруг лесов, по крайней мере, у нас.

Мы быстро установили украинское название: червоний дерен, который часто путают по вкусу и основным качествам с кизилом. Осенью, когда отец ездил в лес, брал меня с собой, и мы с ездовым рвали его. Хорошо помню колючий кустарник, росший, как правило, на опушке леса над самым рвом.

С сестрой Фирой, старшей меня на 8 лет и младшей среди трех сестер, одна из которых эвакуировалась с маминим братом, помчались на крытый рынок. За стакан соли флоринская тетя отдала нам торбу сушеного дерену и в придачу остатки сушеной лесной груши:

– Варіть з них узвар, люблю срачку забере.

Через несколько дней Феликс принес твердый черный камушек размером с небольшой шарик. Он назвал его пчелиным клеем. С мамой они часто отдыхали в селе у бабушки. Когда Феликс, объевшись зелени, понёсил, его заставляли пить отвар из этого клея, и понос за сутки исчезал. Бабушка во все передачи им клала кусочек клея. Роясь в домашних лохмотьях, он недавно обнаружил его, спрятал в надежное место как «кусочек бабушки», которую очень любил.

Отвар из дерена и диких груш, настойка пчелиного клея (прополиса) сделали свое дело, и через неделю мать поднялась с постели. Даже будучи слабой, она не могла усидеть дома и снова ринулась на базар, хотя сестры с продажей соли весьма хорошо справлялись.

В один из вечеров до начала комендантского часа Иосиф предложил мне пойти с ним в гости. Переулками добрались на Народную и, подойдя до стоящего за домом Грамзугера длинному строению, повернули в переулок и из него зашли через широкую дверь в длинные сени.

Остатки желобов свидетельствовали, что здесь когда-то держали лошадей. Одна из дверей открылась, и в ней показался вы-

сокий заросший мужчина неопределенного возраста, крепкого телосложения, державший большие руки впереди себя, готовыми к боксу. Иосиф ему что-то шепнул, и тот отступил от дверей, пропуская нас вперед.

Через тесный темный коридорчик вскоре очутились у второй двери, пропускающей лучи света, а открыв ее, вошли в комнату размеров где-то моих 20 x 35 шажков, заставленную двумя длинными столами и соответствующими деревянными скамейками. Отсутствие стульев не удивило, но зато у меня вызвала восторг ярко светящая сравнительно большая керосиновая лампа, невиданная в то время роскошь.

За одним из столов, накрытым белой простыней, сидел молодой русый мужчина, скорее взрослый парень. На середине стола красовалась карафка (графин), заполненная мутноватой жидкостью, а рядом в продолговатой тарелке – большая селедка, залитая подсолнечным маслом, запах котрого сразу ощутил, а чуть дальше – несколько нарезанных кусков фаршированного карпа. Рядом с карафкой стояли два грубых граненных стакана, точно таких, какими продавали на базаре соль. Быстро сообразил, что это один из двух шинков, недавно открытых, о чем пацаны узнали, но не заинтересовались ими.

Иосиф сел напротив парня, налил в стаканы по чуть-чуть мутной жидкости, и они молча выпили, после чего слегка закусили кусочками ячменного хлеба. Я не прислушивался к их разговору о каких-то «макогонах», «макитрах», поглощенный фаршированной рыбой, которую последний раз ел дома в Терновке, но сейчас прикасаться к ней не имел права. Иосиф кивнул в сторону рыбы и произнес:

– Съешь кусочек.

Было бы хорошо, подумал мгновенно, взять его домой и там поделиться со своими, но быстро понял неосуществимость задуманного и проглотил, не разжевывая, кусок тающей во рту фаршировки, и уже касался рукой следующего, когда услышал спокойный голос:

– Стань в переулочек, как пацаны говорят, на шухере.

С зажатым в маленькой руке куском рыбы выскочил и вмиг очутился в сенях, огляделся в темноте и обнаружил натянутую

на веревке для сушки белья старую рваную простыню, с отвисшими кусками. Небольшой кусочек оторвал, завернул в него деликатес и опустил в правый карман.

Вышел в переулочек, по которому стал медленно шагать, периодически оглядываясь то в один, то в другой конец. Когда находился со стороны Народной улицы, заметил вышедших и оглядывавшихся обоих мужчин. Иосиф направился в мою сторону, а незнакомец – в обратную. Он был в хорошем настроении, обещал в скором будущем мне школу и много книг.

Но скорое светлое будущее оставалось еще далеко впереди, а пока продолжалась оттепель. После открытия румынской школы поступил приказ еврейского управления, всех мальчиков с пятилетнего возраста направить в хедеры (религиозные школы). С Феликсом очутился в одной из таких школ в Долине. Вход туда вел по примитивной деревянной лестнице со стороны реки Дохна, да и окна туда выходили, что давало возможность во время занятий больше смотреть туда, чем на ребе, пожилого мужчину с бородой и пейсами цвета слегка обгоревшего дерева.

Он учил нас молитвам и основам древнего завета, а его сын – языку идиш. В противовес спокойному доброжелательному отцу, он был злым и вспыльчивым юношей, на уроки приносил длинную узкую дощечку, которую всякий раз пускал в ход для убедительности занятий. Меня и Феликса он невзлюбил с первых дней как наименее прилежных учеников и нередко бил по рукам дощечкой, весьма пристающей и вызывающей острую боль, что терпеть мы не могли и строили тайные планы отмщения, выбирая время и место. Стали следить за ним, установив, что он сопровождает свою мать, постоянно закутанную в рваные дурно пахнущие платки, по воскресеньям на рынок. Не воспользоваться этим было бы большим нашим упущением. Око за око.

Вскоре мы нашли толстую цыганскую иглу без ушка, забили в отверстие пуговицы и ждали. В одно из воскресений в переулочке напротив дома Пакина, где толпа людей, идущих на базар, становилась особо плотной, мы уже стояли на страже, и, когда он поравнялся с нами, протиснулись сзади, и Феликс сильным ударом всадил иглу ему в мягкое место. Лавируя между взрослыми, которые нас почти несли по ходу, отстали и за указан-

ным домом, где направление движения уходило правее, взяли влево и, по только нам известным тропинкам, пробрались на улицу Народная, где у дома Грамзутера организовали игру в пуговицы.

В понедельник явились на занятия в хорошем настроении, успев даже подготовить домашнее задание по языку и выучить, в конце концов, молитву, которая начиналась: «Благодарю тебя, Господи, за то, что ты сотворил меня мужчиной, а не женщиной». Эта молитва нам очень нравилась, но с учетом нашей постоянной занятости поисками съестного, времени, да и сил учить наизусть не хватало. Что касается языка, то наш молодой учитель, не удосужившийся с нами выучить алфавит, заставляя по 5–6 раз переписывать простые предложения, типа: «В каждой реке есть разнообразная рыба», – что мы механически и делали карандашом на бумаге неизвестного происхождения, уже прежде для письма использованной. Многие бершадские мальчики имели тетради, оставшиеся в их домах с довоенных времен.

Учитель с болезненно сморщенным лицом стоял у своего столика и за весь урок ни разу не присел по известным только нам и ему причинам. Когда был поднят для сдачи домашнего задания Феликс, он тут же взял со стола свою любимую дощечку. Однако я и еще пару пацанов, были готовы в случае его избития смотреть в окно и громко кричать: «Топится! Топится! Мальчик топится в реке!» Феликс весьма выразительно пять раз прочитал заученное наизусть вышеуказанное предложение о реке и рыбе.

Радостные и довольные собой, возбужденные кислым видом учителя, трехступенчатое имя которого не запомнил, быстро бежали домой, посмеиваясь, наверх к месту теперешнего крытого рынка, по дороге всячески его перекиривляя, изображая во всяких непристойных видах.

Дома мама сказала, что теперь я должен больше сидеть дома, ибо в Бершадь прибыло гестапо и Бог знает, чем это кончится. Сведения были достоверными.

С Феликсом переулками добрались до удобного места наблюдения – здания расположения гестапо. Там постоянно стояла красивая черная легковая машина, которую у румын не замечали. В нее садился молодой высокий немец, видимо, начальник,

которому все вокруг, в т.ч. и румыны, отдавали честь. Приветствия «Хайль, Гитлер!» мы не слышали.

Машина выезжала на мошеную дорогу от бывшей милиции вниз, в сторону парка. Так длилось два–три дня. А вскоре в гетто резко ужесточился режим. Базары были закрыты. По улице целыми днями шныряли конные и пешие жандармы, а затем – полицаи, одетые в бэушные румынские мундиры, а раньше особой формы, в отличие от забужских запроданцев, не носили. Вход и выход в гетто строго контролировался. По улицам начались периодические облавы. Жителей окружающих сел в гетто не допускали, за исключением работающих в оккупационных учреждениях и на производстве.

Всем евреям от малого до взрослого было приказано носить желтую звезду Давида, и в случае ее отсутствия били нагайками. Имевшее место постоянное распространение листовок прекратилось, но устная информация действовала.

Стало известно о больших победах Красной Армии, росте сопротивления в селах, о многочисленных нападениях местных партизан, перестрелках с ними и облавах по лесам. Видимо, ни гестапо, ни румынская комендатура не располагала большими гарнизонами. Бывали дни, когда на улице гетто не было видно ни одного жандарма, а вечером они возвращались с жалким видом, в местах порванных мундирах, а отдельные – с повязками на руке, плече или голове, на которых виднелись капли крови.

Однажды в конце улицы Ленина, приблизительно между музыкальной школой и рестораном «Поділля», повесили двух убитых в бою молодых партизан с табличками «партизан». В одном из них моя сестра узнала терновского парня Волкова.

Через Бершадь все чаще стали проходить длинными колоннами румынские войска. Солдаты шли пешим порядком в весьма поношенных мундирах, ботинках с обмотками и винтовками на плечах. Сбоку на кавалерийских лошадях ехали офицеры, сзади в один ряд шли запряженные волами (быками) узкие с высокими бортами груженые каруцо (повозки) и нередко тянули за собой грязные пушки. Все это двигалось медленно и долго.

Постоянно вертясь возле «Брума» в надежде что-либо урвать, однажды увидели несколько стоящих полукругом крытых машин, недалеко от них – дымящую полевую кухню и много мо-

лодых солдат в незнакомом нам обмундировании и быстро говорящих на незнакомом языке. Ни внешностью, ни поведением они не похожи были на немцев или румын. Большинство из них, держа в руках котелки с ложками, направлялись к кухне, откуда легкий предвечерний ветерок, настоящий на дыме и мясном аромате, вызывал у них оживление.

Облизнув несколько раз подряд губы, Феликс произнес:

– Надо какую-то посудину...

Я зло на него посмотрел.

– Давай, мотнись, тебе ближе, будет дело.

Когда вернулся с выдавшей виды цинковой кастрюлей, Феликс стоял с очень молодым чернявым солдатом и при помощи рук, русских и румынских слов что-то ему втолковывал. До сих пор не знаю, что понял солдатик, еще почти пацан, но, взяв кастрюлю, которую Феликс вырвал из моих рук и сунул ему, быстро побежал к кухне, вернулся с наполненной, издающей необыкновенно дразнящие запахи, и поставил перед нами на землю. Оба мы хотели быстро исчезнуть со свалившимся на нас сокровищем, но солдатик стал серьезно смотреть на нас, быстрым движением пальца ведя то в сторону кастрюли, то своего рта. Поняли неотступность его желания, и стали поочередно жадно есть очень вкусную мясную гущу с макаронами, опустошив более чем двухлитровую кастрюлю в быстром темпе. Уставшие и опьяневшие от вкусной еды, стояли у кастрюли и тупо смотрели на нее, а он подошел ближе, глянул на пустую посуду, подняв большой палец вверх и, схватив ее, побежал в сторону кухни. Принес полной, сунул ее Феликсу в руки, левой рукой показал, откуда пришел, а правой – помахал до свидания, не переставая азартно смеяться и выкрикивать: «Итальяно, итальяно...» – и теперь уже показывал в сторону заходящего солнца.

«Итальяно» нам надолго запомнилось, тем более, что на следующий день утром мы снова были там, но, не заметив их, все-таки ушли не с пустыми руками. Собрали немало сигаретных окурков, небольшую пластинку белого сгустка, завернутого в серебряную блестящую бумагу и большую золотистую банку с остатками на дне пахнущей мясом густой жидкости.

Обнаруженный в следующий день армейский привал нас не только разочаровал, но и напугал, хотя мы не относились к

числу пугливых. Еще издали обратили внимание, что это не румыны и не «итальяно», а скорее по одежде похожие на немцев, однако, осторожно приближаясь и прислушиваясь, поняли, что это не немецкий язык, много слов из которого знали.

Солдаты были с растегнутыми верхними пуговицами подфренчных рубашек и без поясов. Они оживленно переговаривались между собой на незнакомом языке, на нас не обращали никакого внимания, хотя мы стояли от них совсем близко.

Друг появился высокий подтянутый военный в очень блестящих черных сапогах и мундире с фашистскими знаками отличия. Все солдаты мгновенно остановились, вытянув руки по швам, и стали быстро застегивать пуговицы. Он что-то сердито им говорил, увидев нас, крикнул: «Жидар? Жидар капут!» («смерть жидам» – Б. З.). Слово «жидар» мы не поняли, но немецкое «капут» быстро привело нас в бегство.

Уже возле крытого рынка нас остановил пожилой мужчина, хотя и в поношенной одежде, но с очень открытым интеллигентным лицом и говорящий на необыкновенном, не привычном для наших ушей идише. Он спокойно объяснил, это, мол, мадьярский фашист, которому скоро-таки будет капут.

Жители гетто очень желали «капут» всем немцам, в первую очередь Гитлеру с Антонеско, а также всем фашистам вместе взятым, о чем постоянно молились, обращаясь с этой просьбой к своему неизменному Богу. Однако с появлением гестапо, несмотря на достоверные слухи о приближении красных, все меньше верили в свое спасение.

Между тем прибывающие из разгромленных частей для создания новых формирований румынские солдаты были обозлены на немцев, нередко появлялись выпившими и в открытую говорили «румынским» евреям, что красные скоро придут, а король Михай с Гитлером помрут. Они даже пели оскорбительные песенки об их главнокомандующем Антонеску, о его бездарности и фашистском холоуйстве.

Мы с Феликсом уверенно знали, что в гетто действуют подпольно «наши», которые имеют внешние связи. Для нас не было секретом, что доверенные мастера ночью шьют одежду, обувь, а слово «партизаны» давно вошло в наш лексикон, о них все чаще стали говорить и взрослые.

Наши еще детские, но уже взрослые головы не имели понятия о масштабах подполья, его тактике и методах действия, но, в общем, знали, что победу они приближают. Из гетто тихонько исчезали молодые известные нам хорошие хлопцы, которых куда-то переправляли.

Однажды без определенной цели, вцепившись в груженую повозку, которую тащила лошадь, а ее погонял рыжий хромой старовер из Пилипоновки, нередко бывавший в гетто, быстро на нее взобрался и обнаружил под соломой несколько торчащих дул винтовок. Не вдаваясь в подробности, рассказал об этом Феликсу. Он улыбнулся и сказал:

– Не только винтовок, а еще кое-что: и «макогоны», и «маки-тры».

– Где берут?

– «Свистят» или покупают у проходящих румынских солдат.

Но вскоре гетто потрясло самое страшное известие: ночью берут людей и сажают. За 2–3 дня по нашим подсчетам посадили более 200 человек, в том числе и папу Грамзугер Анюты. Бершадцы, да и мы, знали, что среди арестованных не было ни одного бывшего советского активиста или коммуниста.

Это были сапожники, портные, мастера разных специальностей и люди, кое-что сохранившие из довоенных ценностей. Старые евреи решили, что берут заложников, дабы потребовать большую контрибуцию, но даже мы, пацаны, понимали, что здесь что-то не так!

Хорошо знали, что Грамзугер, например, и некоторые другие арестованные ночами работали на «наших». В одну из ночей пришли к нам в «башку»: офицер, два жандарма и сопровождающий их еврейский полицай. Они подняли всех на ноги и стали сверять жильцов со списком, висящим на стене, и признанным.

Обнаружив всех присутствующих, офицер что-то сказал еврею по-румынски, а тот спросил, проживает ли здесь Иосиф Блиндер. Наши соседи почти ни разу не видели его здесь, а месяца два тому назад он вообще пропал. Все замотали головами, дескать, не знаем, и пришельцы удалились.

Утром помчался к другу. Дверь открыла его мать Катя, очень красивая и всегда приветливо улыбающаяся. Она была бледна,

со следами бессоницы и, не ответив на мое приветствие, молча пропустила в комнату, где Феликс был уже наготове. Мы ушли на мрачную улицу, где дул снизу от парка пронизывающий холодный февральский ветер, но, охваченные событиями последних дней и минувшей ночи, его почти не чувствовали, быстро спрятались в одном узком знакомом переулке. Выслушав меня, он сказал:

– Берут подпольщиков, кто-то сдал.

– За что тех, что ремесла?

– За помощь, «у них» был список всех помогавших, закопанный в земле, но обнаруженный.

Не сомневался в его информации, догадываясь об источнике.

Буквально через несколько дней по гетто уже шепотом передавали друг другу последние новости, вызывавшие страх и негодование. Знали жестокость немецких фашистов, не сомневались в последующей за разгромом подполья акции всеобщего уничтожения гетто, на чем давно настаивало гестапо, а румыны пока еще не соглашались (последнее стало известно после войны).

Опытные гестаповцы случайно, о чем мне рассказал Феликс, вышли на молодого активного подпольщика, под пытками указавшего дом, в погребе которого был зарыт список помогавших подполью. Видимо, гестапо приняло его за само подполье и начало повальные аресты, но время было упущено и часть подпольщиков сумела уйти в ближайшие партизанские отряды, деятельность которых резко активизировалась.

В этом нас, пацанов, убедил факт заброса в гетто большого количества листовок, напечатанных типографским способом. Несмотря на успехи гестапо, румыны особо не радовались, они и на улицах появлялись не по одному, а в компании одного жандарма и двух полицаев.

В листовках конкретно сообщалось о близости наступающей Красной Армии и о защите гетто от уничтожения.

Вечером мама сообщила, что Иосифа посадили, и велела мне утром понести ему передачу.

Забрав небольшую торбу с крохами продуктов, отправился на улицу к одноэтажному кирпичному зданию, в котором после войны размещалась санэпидемстанция, а затем районное управление статистики.

Там, у правой стены дома, возле входа в подвал, уже выстроились человек двадцать с котомками, в основном пожилые женщины и пацаны. Здесь дежурили два полица с винтовками, а чуть далее – вооруженный жандарм. Один полицай держал в руках бумагу со списком, как я убедился позже, заключенных, другой – принимал передачи, открывал большим ключом дверь подвала и, снова закрыв ее, спускался в подвал.

После освобождения Бершади с Феликсом и другими обследовали подвал, который занимал площадь почти равную самому зданию. Стены были толстые, кирпичные, на них имелись хорошо различимые краткие надписи имен и фамилий арестованных.

Когда моя очередь подошла к подвалу, полицай, услышав фамилию Блиндер, взглянул в список и кратко сказал: «Тутечки нема».

После массовых арестов наступила относительная тишина. Пацаны прекратили свои игры, стихийно распустились румынская школа и хедеры.

Еще в конце февраля появились слухи о расстреле заключенных, а в первых числах марта – о новом расстреле...

Флоринские пацаны утверждали, что зеленогайские жители в это время ночью слышали многочисленные выстрелы, особенно те, что жили за узенькой болотистой протокой Дохны, где на противоположном берегу в сторону Бершади находилось огромное глубокое глинище.

Холодная зима в конце февраля неожиданно сдала свои позиции, резко потеплело, а внезапно растаявший снег превратил немощеные улицы в сплошное жидкое месиво.

Появились первые пока еще небольшие колонны отступающих румын. Как правило, они шли от спиртзавода по улице Красноармейской в сторону Бырловского моста. В основном, шли пешие – грязные, уставшие, но затем колонны повалили с утра до вечера: солдаты, каруцо, пушки.

Пребывая постоянно на улицах, тем более, что стало тепло, однажды с Феликсом обратили внимание на повозку с молодой здоровой лошадейю.

На повозке лежал закрытый некрашенный гроб, а управлял ею мужик с длинной, характерной для пилипоновских староверов бородой. С двух сторон гроба по два в ряд сидели четверо

парней со спущенными с повозки ногами и лопатами на коленях. А сзади гроба спиной к нему и лошади полулежал хорошо нам известный худенький старик, постоянно отпевавший умерших и державший в руках небольшую, но толстую с черной замасленной обложкой книгу. Весь желтый, с закрытыми глазами, он напоминал мертвеца, но мы знали, что это его привычная поза на похоронах.

Вся эта пестрая картина скорее напоминала нередко разыгрываемые нами похороны погибшего на «войне» дорогого командира, тем более, что в войну играли часто, предварительно разделившись на белых и красных. При этом Феликс никогда не соглашался играть белого, хотя при делении на две команды ему нередко выпадало нечетное число.

Наиболее сложно было подобрать пацана на роль отпевающего, он должен быть внешне похожим на ныне сидящего на повозке еврея и в обязательном порядке читать кадиш (поминальная молитва) очень трогательным голосом, чтобы слезы выступали на глазах у многих пацанов. Это было главным для такой роли, все остальное делал успешный грим из сажи и глины.

Сопровождая медленно едущую повозку с гробом, мы напустили на лица печаль, будто хороним близкого человека, но не прекращали тщательно изучать все детали, дающие возможность составить свою версию. Но к правдоподобной версии пришли гораздо позже.

События в гетто стремительно разворачивались и на несколько дней мы забыли об увиденном.

Шутка ли, магазины перестали охранять, и их активно начали грабить с утра до позднего вечера. Вначале это делали люди из ближайших сел, затем к ним присоединились осмелевшие мужчины и пацаны гетто.

К сожалению, нам, пацанам, попасть в магазин практически было невозможно, более взрослые и сильные вышвыривали из рядов штурмующих, а желание было сильное, хотя кое-что и нам доставалось.

Несущие в спешке награбленное, мужчины кое-что теряли, а мы быстро все подбирали, противопоставляя их стихийности высокую организованность. Одни пацаны собирали и быстро относили к ожидавшим парням, которые все складывали и отно-

силы в нужные места. Весьма удачным для нас было тщательное обследование уже разграбленных пустых магазинов. Роясь под прилавками, в углах, особенно под валяющимися кучами разорванных мешков и хлама, кое-что находили: иногда монпансье, кусочек сахара, маленький ножик, гвозди, маленькую слегка помятую кружку, надбитый стакан, а однажды, о счастье, серый мешок с небольшим количеством сахара на дне.

Нашей мечтой был «Брум», но туда никто не мог попасть. Он был закрыт на все большие замки, а внутри охранялся людьми, очевидно, его работниками, которые, вероятней всего, ночами растаскивали в какой-то мере принадлежащее им добро.

Освобождение ожидалось со дня на день.

Ночами уже были слышны отзвуки пока еще далекой канонады, а днем люди собирались по домам и обсуждали события. Стало известно, что во второй заход арестов забрали известного в гетто доктора Флейшмана и некоторых других, чьи имена не помню. Некоторые были известны как члены еврейского управления гетто. Переживали за всех, но чаще вспоминали доктора, репутация которого была безупречна, тем более – член подполья.

Феликс утверждал, что все эти люди заслуживают очень многого и со временем так и будет. Сомневаюсь, что тогда он владел особой информацией, но мать его, близкая к подполью, многое знала.

– А когда ты Талиса видел? – задал я провокационный вопрос, ибо слухи о его исчезновении появились накануне.

– Он зашел к нам попрощаться не так давно, и больше его не видели.

– А как же он смылся в такой суматохе?

– Не знаю, как, но то, что в партизанах – точно знаю.

Я был рад за Яшпу Талиса, ведь немало его соратников по подполью сидели или уже в то время были расстреляны.

Активные грабежи магазинов прекратились так же внезапно, как и начались. Наступила тишина, ночью уже хорошо были слышны звуки интенсивной стрельбы, а утром 14 марта в Бершпади появились небольшие отряды партизан с красными лентами на шапках, а через несколько часов – танки с красными звездами и за ними пехота.

Из-за Бырловского моста началась интенсивная стрельба, которая быстро прекратилась, а через некоторое время оттуда на двух повозках привезли павших красноармейцев. Их похоронили в парке, перед длинным деревянным Домом культуры, где в последующем крутили фильмы и выступала самодеятельность. В данный момент останки этих солдат покоятся в общей братской могиле между современным Домом культуры и польским костелом.

Отстояв добросовестно при захоронении павших солдат и собрав гильзы от выстрелянных в их честь патронов, мы с Феликсом двинулись к «Бруму», который оказался пустым. Однако, спустившись в один из длинных подвалов, обнаружили остатки кое-каких канцелярских принадлежностей, в том числе тетради и деревянные ручки с перьями, они впоследствии весьма пригодились, когда пошел в школу.

Придя домой, обнаружил перед «башкой» танк, а внутри, за сколоченным из снарядных ящиков столом, сидели танкисты и моя семья. На столе дымился горячий борщ, а рядом из стоящих железных банок все что-то доставали и аппетитно ели. Почти упал к краю стола и жадно поглощал все подряд.

Рано, как всегда, поднявшись, нашел Феликса дома. У них на столе стояли остатки консервов, хлеба, лука и какая-то желтая бутылка, не привлекавшая мое внимание. Тетя Катя предложила мне поесть, но я отказался. Уже на улице, когда стал рассказывать о вчерашнем ужине, Феликс спокойно сообщил, что ужинали у них два командира партизанских отрядов.

Собрав своих верных друзей, мы ринулись к зданиям бывших жандармерии, гестапо и других учреждений, названий которых в то время не знали.

В очень интересующем нас гестапо буквально ничего не обнаружили, не считая двух немецких сигарет, валявшихся у ножки одного из столов. Зато в жандармерии и в других «правительственных» зданиях была уйма бумаг в подшитых стопках или просто разбросанных. Аналогичное зрелище видели во дворах.

Повезло в трехэтажном здании бывшей школы, где на втором этаже нашли настоящий пулемет и ленты патронов. Кто-то из ребят предложил вытащить его на улицу и пострелять, но никто понятия не имел, как это сделать, поэтому спустились на

пустырь, где сейчас расположен стадион, и через него в глинище. Там обнаружили труп немецкого солдата с закрученной на правой ноге проволокой. Видимо, кто-то его притащил, убрав со двора или с улицы.

Выбравшись из глинища, пошли вверх к рядом стоящему украинскому кладбищу, окопанному мелким рвом, и направились по ходу к полю. Прошли 15–20 метров и обнаружили труп, в котором я сразу узнал Иосифа Блиндера, тем более, что лежал лицом вверх. Феликс, который не раз его видел, никаких сомнений не высказал.

По моему сигналу вскоре сюда прибыли мои мама и сестры, а вечером помыли, одели в сохранившиеся у нас старую рубашку и брюки. Во время обмывания внимательно смотрели на его тело, где явно выступали следы пыток. Все пальцы были перебитыми и распухшими, на лице и теле были множественные следы ожогов, пулевые отверстия отсутствовали, что дало повод сделать вывод о смерти как последствии сильных пыток.

Через некоторое время советские власти сообщили: жандармы привезли его в больницу поздно вечером за два дня до освобождения, а скончался он на рассвете в день освобождения.

Похоронили Иосифа без почестей, и ни один из оставшихся в живых подпольщиков на похороны не пришел. Мы поставили ему скромный камень–памятник, каких множество было тогда на еврейском кладбище. Как говорил один наш пацан в таких случаях: лучше быть неизвестным живым, чем известным мертвецом, аминь.

Жизнь в бывшем гетто восстанавливалась. В останавливающихся на привал воинских частях можно было хорошо покушать, а буханку хлеба запросто взять. Солдаты нам ничего не жалели, голодных уже не было, а летом была сыграна первая свадьба, где играли Бог знает откуда взявшиеся клезмеры (еврейские музыканты – Б. З.). Танцевали прямо на улице все, кто хотел. Однажды с пацанами присутствовали на ритуале обрезания крайней плоти, после которого было обильное угощение.

Многие мастера уходили в села, где на месте шили кожаную обувь, ремонтировали обувь и одежду, а оттуда приносили муку, крупу и прочее. Старые гимнастерки, галифе, оставленные проходящими солдатами, приводились в порядок и стали, за неимением другого, весьма модными.

Вспыхнула с новой силой торговля. Все, что припрятывалось на черный день, выкидывалось на рынок.

Бессарабские и буковинские евреи потихоньку потянулись домой, некоторые – вслед за наступающей армией. Уехал и мой друг Бенья. Перед отъездом, прощаясь, он обнял меня и заплакал.

Все небершадцы рвались из этого тесного и пока еще грязного местечка. На попутной военной машине добрались и мы в родную Терновку, куда вскоре вернулся с войны раненный на фронте отец.

За несколько дней до нашего отъезда Феликс, сидевший уже с мамой на скудном багаже и собравшийся уезжать, предложил всем пацанам собраться.

Мы пришли к дому Грамзугера, где давно уже не играли на пуговицы, и решили сыграть прощальный кон. Игра была веселая, все выигрывали, кроме меня и Феликса. Отдельные возмутились, мол, это не по правилам – поддаваться.

В разгаре мы остановили игру, и нас, в предчувствии сенсации, быстро окружили пацаны. Задуманный Феликсом ритуал прощания не получился. Обратили внимание на массовое движение народа в сторону Красноармейской.

Все пацаны побежали вслед за людьми и вскоре узнали: люди идут в сторону глиница, где начались раскопки захоронений расстрелянных. Мы ускорили шаг и одними из первых очутились там. Копали пленные, их было несколько десятков, работа продвигалась медленно. Сначала черпаками выбирали глинистую грязь, затем долбили лопатами глину.

Копавшие менялись местами, и это в какой-то мере ускоряло их усилия. А народ все прибывал и прибывал, казалось, вся Бершадь здесь, все ее население. В какой-то момент наступила гробовая тишина, а когда достали первые трупы, ее нарушили громкие рыдания и крики, православные и католики усиленно крестились.

Люди рванули к трупам, пожилая седая женщина рвала на голове волосы, две женщины, мать и дочь, чей отец и муж был среди расстрелянных, валялись на земле в обмороке, и их то били по щекам, то поливали водой и совали в рот стакан с настоек вальерьянки.

В безумном порыве толпа готова была растерзать всех пленных, но, видимо, власти эту возможность предусмотрели. Молодые здоровые допризывники, еврейские хлопцы, а также члены еврейской общины, известные религиозные люди все-таки сумели удержать людей и в какой-то мере успокоить, выдвинув главный козырь: надо всех откопать, опознать, привести в порядок, а затем отдать родственникам.

Как только сняли землю, трупы, кинутые в яму, как попало, ибо расстрел проводили румыны бессистемно, стали быстро доставать и выкладывать в ряды так, чтобы к ним был доступ для опознания. Последнее длилось очень долго, и к вечеру потянулась вереница подвод, развозивших убитых последний раз по домам.

На следующий день Бершадь была в трауре. На улицах и в домах люди оплакивали своих близких. Почти с самого утра до вечера на еврейском кладбище рыдания прерывались только звуками кадиша.

В этот же день в братской могиле возле школы, ныне конторы Райпотребкооперации, похоронили неопознанных, а затем останки были перенесены в единую братскую могилу, стоящую сейчас между польским костелом и Домом культуры. Похороны состоялись и на второй день.

Спустя какое-то время жизнь снова забурилась. Передвижные киноустановки крутили советские фильмы с заходом солнца прямо на улице. На площади близ старой синагоги, где сейчас находится Центральный рынок, впервые увидел фильм «Радуга».

А в деревянном театре в парке почти ежедневно шли концерты самодеятельности, на одном из которых еще раз услышал голос молодой певицы, так зачаровавшей юное сердце, но сейчас она пела только веселые праздничные песни, которые уже не доходили до глубины души.

Утром перед отъездом в Терновку зашел к Феликсу попрощаться. Тетя Катя меня обняла и заплакала. Даже в слезах она была очень красива и благородна. Феликс вышел за мной на улицу, и мы обнялись, пожали друг другу руки по-мужски крепко и разбежались, чтобы не видеть друг у друга на глазах слезы, допускать которые было запрещено.

«МИ – ДІТИ ВІЙНИ»

ЖУРА-СТЕЛЬМАХ Тамара (1934 р.)

Я, Жура-Стельмах Тамара Григорівна, 1934 року народження, народилась у місті Київ. Проживала разом з батьками в Києві до 1940 р. Мій тато, Жура Григорій Зосимович, працював директором радгоспу «Жуляни», а потім водієм трамвая і тролейбуса у Києві. В 1940 р. у міський військкомат поклав на стіл свій партквиток. При цьому сказав, що у партії немає правди. А в душі він був справжньою чесною людиною. Ці документи знаходяться в архіві військкомату. За подібне щонайменше було сподіватися, це – депортації до Сибіру. Але непокірного Журу Григорія Зосимовича разом з родиною вислали на захід, зміцнювати радянську владу на Буковині. А бандерівці, мов, знайдуть управу на москаля, порохують йому ребра гвинтівкою.

В Чернівцях тато працював водієм трамвая та тролейбуса. Йшла війна. Не встигали евакуюватись. Людей, котрі приїхали за півроку до війни у Чернівці (а їх було 95 чоловік), забрали до сигуранції (як гестапо). Спочатку забрали тата, проводили йому тортури, аби признався, що нібито він – московський шпигун. Потім прийшли жандарми вдень, забрали мою маму – Журу Матрону Іванівну, 1906 р. народження, мене та моїх двох братів: 1938 року народження та 5-ти місячну дитину.

На другий день нас всіх затовкли у товарні вагони, де не було ні де сісти, ні лягти. А під стелею вагона було малесеньке віконце, затягнуте колючим дротом. Потяг мчав без зупинки.

На станції Вапнярка Вінницької області наказали всім полоненим вийти з вагонів, дорослим наказали шикуватися в колону, а діти залишились стояти під великим дощем на платформі, це: я, мій молодший брат та п'ятимісячний брат Євген у мене на руках, Оля 7 років та Аля 7 років. Всі притулилися до мене, я, як могла, їх виштовхувала.

А з колони полонених чути було зойки моєї мами за дітьми. То шомполами били мою маму за її крики, а дорога була 4 км від зупинки поїзда до концтабору.

Потім до нас, дітей, приїхав старенький візник з фірою, допоміг нам всім розміститися на фірі і повіз нас до концтабору Вапнярка¹. Нас, дітей і дорослих, помістили на ніч у клуб до ранку.

Вранці всім наказали шикуватися у дві колони, і почалася перевірка документів. У кого були імена Світлана, Леніна, Сталіна, Октябрина, цих людей під дулом автомата відвели у інший бік. Потім нас повели у самий концтабір.

Табір був обнесений у три ряди колючою проволокою, а посеред рядів теж була проволока колюча натягнута навхрест. Кожні 50 метрів стояв охоронець. На подвір'ї були три двоповерхові будинки. У двох будинках були розташовані євреї, а в третьому розмістили нас, українців, росіян та євреїв, які приїхали з нами.

Вдень ми гралися з єврейськими дітьми до 19.00. Нас, українських дітей, було менше, ніж єврейських. Нас було 4 – я, мій брат Юра 3 років, Оля 7 років, Аля 7 років, – а єврейських було 7. Дітьми займалася єврейка Клара. Вона була для нас як старша наша сестра.

Розмістили нас по камерах по 30–40 людей, спали на підлозі. Вдень давали на камеру 1 буханку хліба, яку ділили по шматочку на людину. Потім я і Оля, закривши обличчя, казали кому цей шматочок хліба дати. Годували нас баландою, приправленою горохом.

Потім влітку 1943 р. з табору було вивезено кудись усіх євреїв. Тоді з нами почала займатись наша українська дівчина Антоніна Блаженко, яка з батьками та сестрою перебувала в нашому концтаборі.

А восени 1943 р. нас всіх, українців, росіян і частину євреїв перевезли в Голту (Первомайськ)² Одеської області, а потім до Миколаївської області.

Розмістили нас у гаражах, де були вже зроблені нашвидкуруч нари. Наша родина з 5 чоловік мала одні нари, поряд розмістилася Оля із своїми татом та мамою. Ми з Олею вечорами перешіптувалися. А коли увечері закривали нас, полонених, на ключ, то мій тато та тато Олі тихесенько всьому бараку читали газети, розповідали, як наша Червона Армія

веде бої. Потім мій молодший брат, який виріс у концтаборі, любив вечорами разом із татом співати пісню «Катюша». Тато з моїм братом накривалися ганчір'ям, аби пісня не була почута. Перед Новим роком 5 чоловіків з нашого бараку: мій тато, тато Олі та ще троє чоловіків пішли розвантажувати вагон з німецькими новорічними подарунками. Ці подарунки були загорнуті в папір.

Я кажу Олі, щоб вона та я розривали ці подарунки на половину і відкидали вбік. А там були цукерки, шоколад та іграшки. Я наказала нічого не брати. А як хотілося покуштувати хоч одну цукерку! Десь через 20 хвилин прибіг мій тато і прогнав нас до табору, бо за це мав бути розстріл на місті. Ми тоді з Олею боялися вийти з табору.

Часто ми з Олею ходили на залізничні колії, де стояли заблоковані товарні вагони. Так як я була вища від Олі, я зривала пломби, а Оля підкладала камені під кожне колесо. Це ми робили коли охоронець був далеко від нас.

Нас відпускали з табору, аби ми ходили на базар просити їжу і приносили в барак батькам, а вони вже розподіляли людям.

У нас у родині була одна фуфайка на всіх, а на ноги тато вистругав колодочки з дошки, прибив два ремені, і так я по снігу і по льоду ходила, просячи у людей милостиню разом з Олею. Її тато теж зробив їй такі колодочки. Ми з Олею намагалися зібрати чим побільше їжі і принести до бараку.

Кажуть, що у війни – не жіноче обличчя. Але воно було на війні і дитячим обличчям. Разом з нами був хлопчина – Затолочений Микола Данилович. Йому було неповних 16 років. Він розклеював листівки у місті Хотин Чернівецької області.

Одного разу ми, діти, пішли на елеватор. Там були російські військовополонені – 5 чоловік, які розвантажили бочку зі згущеним молоком. Вони з нами не розмовляли, бо недалеко був вартовий. Ми «розмовляли», як німі, на пальцях. Вони заховали одну бочку зі згущеним молоком, а друга бочка була порожня, лиш на стінках бочки зсередини місцями залишились ділянки згущеного молока. Коли військовополонені пішли з вартовим, ми почали зішкрябувати залишки згущенки.

Навесні 1944 року (у березні) з концтабору почали вивозити євреїв, а українці стояли у дворі табору, чекаючи на свою долю.

Наразі дуже швидко посідали на машину залишки охорони табору. Машина була заведена, з неї зіскочив італієць, підбіг до нашої юрби українців і сказав: «Тікайте швидко, я вам відкрив ворота». Ще 2 тижні німці були у місті.

Ми – діти війни, кривавий фашизм забрав у дітей здоров'я, дитинство.

Діти у війну виносили те, що не підвладно було дорослим.

«Я РАЗЫСКИВАЮ СВОИХ СЕСТЕР...»

ЗАБОЛОТНЫЙ Захар (1932 г.)

Я, Заболотный Захар Владимирович (Штенпблик Зорик Владимирович), 1932 года рождения, разыскиваю своих сестер Штенпблик Риту Владимировну, 1928 года рождения, Рудницкую Лилю Владимировну (Штенпблик Цилю Владимировну), 1 апреля 1930 года рождения.

Наша семья проживала в городе Умань, ул. Чапаева, 52. Осенью 1937 г. отца арестовали и дали ему 10 лет за то, что два его брата в 1914 году уехали за границу.

Когда отца забрали, родственники сдали нас в детские дома. Моих сестер сдали в школьный детдом № 1, а меня в дошкольный детдом, где находилась моя средняя сестра Циля. Старшая сестра сбежала из детдома после выхода из больницы мамы и осталась жить возле нее. Они в то время жили в Умани.

Когда я окончил первый класс, а Циля четвертый класс, в 1941 г. началась Великая Отечественная война. Наш детдом эвакуировался, пошли в сторону Кировограда. Мы дошли до города Первомайск, и в селе Поповка нас захватили немецкие войска. Нас заставили возвратиться в Умань. По возвращении в Умань одна девочка по имени Люба Финкель (подруга Циля) отвела меня к маме. Я остался с нею.

В сентябре по городу прокатился первый еврейский погром. Хватали всех, загоняли в подвал Дворца пионеров и отравили газом.

Затем на наших дверях местные власти приклеили циркуляр (постановление) немецкой военной комендатуры о том, что все граждане еврейской национальности должны переселиться в места, указанные в циркуляре. Кто не выберется, будет на месте повешен, а дом сожгут.

Мы выбрались. Старшая сестра Рита (ей было 13 лет) вместе с подругой Шкальш Марой ходили мыть полы в городскую управу. Мама говорила, чтоб они мыли чисто, потому что хлеб не дадут.

В октябре Рита с Марой в 4 часа утра ушли мыть полы. Еще темно было, мама нас разбудила (мы спали на полу) и сказала: «Убегайте туда, где мы жили». Начался второй погром. Циля просила маму, чтоб она дала что-то из дому, чтоб спасти. Последние мамины слова: «Спасайте жизнь свою!»

Мы бежали по центру садика Котовского, держась за руки, а с левой стороны немцы с собаками, с оружием гнали людей на расстрел. Это было возле жандармерии, а с правой стороны находились мадьяры в желтой форме. Мы пролетели, повернули на улицу Октябрьскую, и добежали до Осташовской улицы и спрятались в зарослях у дома, где раньше жили. Затем Циля мне сказала: «Ты будь здесь, а я побегу, скажу Рите и Маре, чтобы домой не шли». Затем они пришли втроем, и мы сидели в зарослях. К концу дня решили, что я должен пойти узнать жива ли мама.

И я пошел. Мне необходимо было идти через рынок, но когда я поднялся к рынку, я увидел трех громадных немцев с бляхами на груди. Я сдрейфил (испугался) и возвратился. При возвращении мне пришлось идти по улице Чапаева на стыке с улицей Биробиджанской, там была водораздаточная будка. В это время соседка Сонька там брала воду. Она жила в бабушкином доме и натравила полиция на бабушку, которая вместе со своей сестрой пряталась в надворном туалете. Полицей их выгнали и громадной палкой бил по голове, добил и бросил в сливную яму. Бабушка, умирая, смотрела на меня, а я шел.

Эта Сонька увидела меня и как заорет: «Пан, жид, юда, то ж Дорин сын!» Я остановился, в глазах у меня все было красное. Ко мне шел молодой немец, что-то говорил, а я стою, он взял за левую руку и провел в направлении, куда шел. Когда я вышел на Октябрьскую улицу, там полиция проверяла с обеих сторон прохожих, я пересек улицу наискосок и прошел без проверки.

Пришел я к месту, где были сестры и рассказал все, что было. Мы дотемна просидели в зарослях, пока хозяин дома нас не выгнал. Ночь мы провели тоже в зарослях. Октябрь-месяц. Было уже очень холодно. Нас обнаружил какой-то человек и хотел сдать в полицию. Рита ему ноги целовала, а потом отдала ему 25 рублей, и он ушел.

Через три дня утихло. Нам рассказали, что видели нашу маму, когда гнали на расстрел, сказали, в чем она была одета. Нашу маму расстреляли в Сухой балке 8 октября 1941 г.

Мы перезимовали в Умани в голоде, холоде. Я ходил на рынок, покупал продукты людям, они со мной делились, я поддерживал сестер, мы были очень ослаблены, завшивлены ужасно. На моих глазах умирал мальчик, они жили до войны возле нас. Мы видели, как вешали людей. Зимой повесили трех врачей возле подоженного института и церкви, потом повесили четырех человек в центре города напротив бывшего ресторана, где мама работала до войны официанткой.

В апреле 1942 г., еще темно было, Рита меня разбудила (я спал на стульях) и сказала, что начался погром, и исчезла. На улице стрельба, крики. Я схватился и выбежал в коридор, когда услышал над головой разговор двух старших мальчиков. Я протянул им руки, они меня вытянули на чердак. Там уже были сестры и еще мальчиков и девочек человек восемь. Мы пролежали на чердаке трое суток без всего (без еды и воды). Когда выгоняли всех, там лежал один неходячий парень, его на месте застрелили. На чердаке было все слышно.

Наступила весна 1942 г. Днем железная крыша накалялась, а ночью было холодно. Решили разбиться по два человека и идти по деревням. Перед этим Циля мне сказала, что фамилия и имя мамы будут «Рудницкая Лиля», а я сказал, что я буду «Заболотный Захар». Меня взял в напарники Яша, который стал «Колей».

Когда мы спустились и шли мимо рынка, там два мальчика к нам пристали и кричали: «Жида, жида!» Яша был крепче и старше меня, оттолкнул одного, а второй, узнав меня, спросил: «Зорик, это ты?» Я посмотрел на него и сказал: «Да». Он сказал, что это не жида. Когда папа еще был, они жили у нас через стенку. Его звали Гречковский Борис Васильевич, он старше меня. По сведениям, они после войны переехали во Львовскую область, в город Сокаль. Его сестра Катя дружила с Ритой. Возможно, они еще живы. Я хотел их найти, может, они что-то знают о Рите.

Мой напарник Коля (Яша), я его по сегодняшний день помню и очень хотел бы его найти, он был на 3–4 года старше меня, он был светлый и немного косил на один глаз.

Через три дня мы попали в село Сыньки. Я был очень ослаблен, и в районе кладбища я полностью потерял силы. Нас подобрала одна женщина. Получилось так, что мы остались в этой деревне на второй день. Коля остался у нее, а меня определили в семью Форостяных. Его звали Михаил, а старуху – Годоска, с ними жила племянница Евфросиния, она работала в ближнем детдоме воспитательницей.

В тот же день, когда я к ним попал, я начал пасти их корову, но сильно заболел. Пришел во двор и потерял сознание. Я без сознания пролежал трое суток, после чего они привели меня в чувство и подсказали идти в сельсовет и просить главу сельрады (сельского совета), чтобы меня отправили в больницу. Я его нашел в одном из домов возле сельсовета. Хозяина звали Захар, он попросил главу, чтоб я полежал у него, пока возможность будет, чтоб меня отправить в больницу, и я пролежал трое суток, после чего везли молоко в село Трояны, и меня мужик взял в охапку, положил возле бидонов и отвез в больницу.

Только 1 мая 1942 г. я очнулся, и мне санитарка больницы сказала, что врач распорядился, чтобы я немедленно убирался (я был без сознания, и они определили мою национальность). Мне некуда было идти. И я пошел в село Сыньки к этим людям и пас их корову, они меня лечили настойкой полыни, я выздоровел. У них было что кушать.

В июле я навестил своего проводника Колю. Он мне сообщил, что видел Цилю, она рассказала, что она с одной девочкой бежали из лагеря, а Рита не смогла. Циля знала, где я (Коля ей сообщил). В степи старшие мальчишки определили мою национальность, и надо мной издевались и часто говорили: «Во имени отца и сына жидивська дыгына». Хозяин хотел меня отдать на уничтожение, его мужики поймали и сказали: «Если ты его предашь, мы уничтожим твою семью, а дом сожжем». И я ушел из Сынек по совету людей, дошел до села Крутеньке, там был совхоз и были порядочные люди. Я был там одну неделю у комбайнера Красикова Александра и его жены Серафимы. Мне было у них хорошо, но я был сильно болен, ночью я бредил, кричал. Я вынужден был от них уйти. Я пошел в село Перегоповка, там два совхоза и сахарный завод. Люди упросили женщину, которая жила с комендантом (его фамилия Барч), и меня оставили в совхозе. Я пас овец,

возил зерно от комбайна бестаркой, складывал свеклу в кагаты за тарелку кулеша. Я был этому рад. Было где спать.

И даже ночью приходилось волов пасти, а мне только 10 лет исполнилось. После этого я был в Копенковатском совхозе. Там были мальчики из детдомов и много военнопленных. Но как малолетку меня отвезли в село Лебединка в детдом.

Какие ужасы, холода и голод я перенес – неопишимо. К осени 1943 г. нас отправили в село Липовеньке, поселок Жуково, там был детдом, я там тоже ухаживал за животными. Это Голованевский район. Мне шел уже 12 год.

В марте меня взял бывший полицаи из села Подвысокое к себе в семью, чтобы я по хозяйству помогал. Но через непродолжительное время наши войска освободили Подвысокое. Полицай получил срок, а меня через год определили в детдом села Лебединка (апрель 1945 г.). После освобождения я видел Цилю в селе Подвысокое (она была в том же клетчатом пальто). Но я боялся ей сказать, что это я. И теперь я себя проклинаяю. Это был март 1944 г.

В Лебединском детдоме я пробыл до августа 1948 г. Во время пребывания в детдоме я писал в Красный Крест. Разыскивал папиных, маминых родственников. Мне отвечали, что такие не значатся. В августе 1948 г. ввиду некомплектности классов меня отправили в Дмитровский детдом Знаменского района Кировоградской области. После шестого класса меня как переростка (мне шел 16 год), отправили на Новогеогиевский обозостроительный завод в ФЗО. Здесь я учился на колесника, а вечером ходил в вечернюю школу, окончил 7 классов. Потом работал до ухода в армию.

По окончании службы в Советской Армии я поселился в Николаеве, поближе к родственникам, работал на заводах, окончил вечерний Судостроительный техникум.

У меня много историй и приключений было по поиску сестер...

Я эту историю описывал в сокращенном виде во многие общественные организации в Киев, в Москву.

...Может быть, Коля где-то живет или кто-то из девочек, которые были с Цилей или Ритой?

«ВО ВРЕМЯ ОККУПАЦИИ ПОЛТАВЫ БЫЛИ РАССТРЕЛЯНЫ ВСЕ НАШИ РОДСТВЕННИКИ»

ЗАБРАМНАЯ София (1935 г.)

Я, Забрамная София Исааковна (девичья фамилия Эдлина), родилась 7 мая 1935 г. в городе Полтава.

В 1939 году, после тяжелой болезни, в возрасте 24-х лет умерла моя мама – Марголина Броня Соломоновна. Отец мой – Эдлин Исаак Львович – был военнослужащим и с первых дней войны ушел на фронт. На воспитание меня взяла мать моего отца – Эдлина Вера Исаевна. В мои четыре года она стала для меня матерью. В семье я была единственным ребенком.

До начала Великой Отечественной войны мы жили большой дружной семьей. Но началась война, и бабушка с дедушкой, взяв меня, решили выехать к дедушкиному брату в город Краснодар. Так мы оказались в Краснодаре.

Но немцы подошли к Краснодару, и мы вынуждены были эвакуироваться. Двигались на подводах в сторону горы Эльбрус. В группе эвакуированных нас (родственников) было семеро: я, бабушка, дедушка, дедушкин брат – Эдлин Арон Соломонович, его жена и двое несовершеннолетних детей.

Уже при подходе к Эльбрусу нам сказали, что идти дальше нет смысла. Кругом фашисты. Немцы заняли Краснодарский край. Дорога была одна – в горы. Ни моя восьмидесятилетняя прабабушка, ни я подняться в горы не сможем. Поэтому было решено, что в горы уйдут дедушка и его брат. С нами осталась моя приемная мать – Вера Исаевна. Никто не знал дальнейшего развития военных событий. В горы ушли все, кто мог.

Нам оставили подводу с лошадью, корову и продукты на несколько дней. Вскоре пришли фашисты и погнали всех обратно в сторону Краснодара. Дедушкину мать, бабушку Соню, пришлось спрятать на дно повозки под сеном. Она была старым человеком и плохо говорила по-русски.

Почти полтора месяца мы добирались обратно в Краснодар. Нас постоянно останавливали фашисты, издевались надо мной и бабушкой. Мы остались без припасов и вещей. Дорогу и села, по которым мы проезжали, часто бомбили, обстреливали.

Уже по дороге в Краснодар бабушка узнала, что фашисты уничтожают евреев. Только я не могла понять, за что. В глубине души у нее засел страх за мою жизнь, и она решила говорить, что она и ее муж русские, а ее сына – моего отца – звали Петром, а фамилия была Геодаков. Документы она закопала где-то в лесу и говорила, что они утеряны. Так я во время оккупации стала Геодаковой Софией Петровной.

Знакомая женщина, которой бабушка пообещала подарить подводу и лошадь, пустила нас к себе в дом. Мы тогда не знали, что муж у нее работал в полиции. Несмотря на то, что хозяйка дома сказала мужу, что мы ее родственники, на следующий день мы все втроем были в комендатуре.

Нас много раз вызывали на допрос. Несколько раз оставляли на ночь. Мы валялись на полу вместе с другими людьми, а утром нас допрашивали. На допросах немцы требовали новых доказательств, что мы не евреи, а русские. Требовали, чтобы нашли свидетелей, которые подтвердили бы, что мы говорим правду. Однажды, идя из комендатуры, бабушка встретила знакомого. Это был артист драмтеатра Дроздов Аркадий Петрович. Он, фактически чужой человек, пришел к нам на помощь. Бабушка рассказала ему все, что происходит с нами, и попросила засвидетельствовать, что мы русские. Он, не задумываясь, явился в комендатуру и подтвердил это, а когда необходим был еще один свидетель, он привел еще одного, совершенно незнакомого нам человека.

Фашисты допрашивали и меня. Перечисляли все еврейские имена, чтобы узнать, кто в действительности был мой отец. И я, будучи ребенком, уже понимала. Я твердила одно: «Моего папу звали Петей», – хотя они напоминали мне имя Исаак.

Трудно и жутко вспоминать те страшные дни – дни допросов, время голода, время страданий.

Вся наша страшная жизнь в оккупированном фашистами Краснодаре подробно описана еврейской писательницей Р. Рубиной, как говорится, по горячим следам, в рассказе «Одна в Краснодаре». Этот рассказ был написан в 1943 году и вошел в сборник рассказов писательницы под общим названием «Еврейские женщины» и был издан в 1944 году издательством «Дер Эмес» в Москве.

После освобождения Краснодара от фашистов мы с бабушкой выехали в Казахстан, затем в Узбекистан. Там проживала невестка с детьми (в эвакуации). В Узбекистане я заболела малярией. Врачи сказали, чтобы меня срочно увезли, иначе я могу умереть. И опять бабушка бросает все и уезжает, спасая меня.

К этому времени Полтава¹ уже была освобождена от фашистов. Весной 1944 года мы возвратились в свой родной город. В Полтаве нас ждал новый удар: во время оккупации Полтавы были расстреляны все наши родственники:

- Фершбок Хая Туба – мать моей бабушки;
- Эдлин Давид Соломонович – родной брат дедушки;
- Эдлина Дора – его жена;
- Эдлин Сеня – их сын, 12 лет;
- Эдлина Хана – их дочь, 15 лет;
- Марголина Вера Ароновна – моя бабушка, мать моей матери;

тери;

- Марголин Соломон – мой дедушка, отец моей матери;
- Левикова Хася Соломоновна – родная сестра моей матери;
- Левиков Алик – ее сын, 5 лет;
- Левиков Вова – ее сын, 3 года.

А это список родных и близких, которые погибли в начальный период войны при окружении Краснодара и в горах Предэльбрусья:

- Эдлин Арон Соломонович – брат дедушки;
- Эдлина Роза – его жена;
- Эдлин Михаил – их сын, школьник;
- Эдлина Белла – их дочь, школьница;
- Эдлина Соня – мать моего дедушки, 80 лет;
- Эдлин Лев Соломонович – мой дедушка;
- Эдлина Иза Львовна – его дочь;

В Полтаве существует скорбное для еврейского народа место в районе бывшего стрельбища – это место расстрела евреев 23 ноября 1941 года.

В 1975 году по инициативе архитектора Л.С. Вайнгорта и ленинградского скульптора А.Н. Черницкого был создан памятник расстрелянным возле братской могилы («Скорбящая мать»). Он представляет собой бетонную стелу у подножья задернованного кургана. На ней надпись: «Пам'ять про Вас в наших сердцах».

С левой стороны стелы установлен бюст «Скорбящая мать». Ежегодно, 9 мая и 23 ноября, еврейская община здесь чтит память погибших.

Недавно рядом установлена стела с надписями:

«Народ єврейський! Славний! Не втішати
Тебе я хочу. Кожен хай тут слуха:
В цей час, коли синам твоїм вмирати
Прийшлося від фашистського обуха, –
Я хочу силу, силу оспівати, –
Безсмертну, вічну силу твого духа».

Павло Тичина

Внизу на иврите и украинском языке вторая надпись:
«Не всі жертви нацизму були євреї, але всі євреї були жертвами нацизму».

Елі Візель

На фронтах Великой Отечественной войны погибли:
– Эдлин Исаак Львович – мой отец, погиб в сентябре 1943 года под Белгородом;
– Марголин Виктор Соломонович – родной брат моей мамы, погиб при освобождении Украины;
– Левиков Леонид Юдович – муж маминой сестры, погиб в 1943 году.

И только два человека прошли с боями через всю войну и живыми вернулись после Победы домой:

– Эдлин Давид Львович – брат отца, воевал в Белоруссии;
– Эдлин Соломон Львович – брат отца, воевал с первого дня войны и закончил войну в Германии.

Записал И. Гофман

Возрождение памяти: воспоминания свидетелей жертв Холокоста. – Вып. 1. – Днепропетровск, – 2008. – С. 22–27.

«ЖИТЕЛИ НАШЕГО СЕЛА ВСЯЧЕСКИ СОДЕЙСТВОВАЛИ НАШЕМУ СПАСЕНИЮ»

ЗАГОРУЙКО Полина (1940 г.)

Я, Загоруйко Полина Исааковна (девичья фамилия Зиньковецкая), родилась 1 января 1940 года в селе Волица-Керекешина Староконстантиновского района Каменец-Подольской области (ныне – Хмельницкой) в еврейской семье.

В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, мне исполнилось 1,5 года.

Отец мой, Зиньковецкий Исаак Соломонович, по национальности еврей, с начала и до конца войны был на фронте.

Мама, Зиньковецкая Ксения Марковна, по национальности украинка, с четырьмя малолетними детьми и родителями мужа осталась на оккупированной территории. По рассказам мамы, 8 июля 1941 года в наше село вошли немцы, а через неделю нашу семью вывезли в гетто города Староконстантинов¹.

Маму как украинку отпустили домой, а нас, малолетних детей, брата Леонида, сестер Розу и Анюту, оставили со стареньким дедушкой, его братом и семьей тети. Когда мы остались в гетто, нам всячески помогал друг нашего отца Слипчук Платон, который служил полицаем в гетто.

В 1941 году осенью начались массовые расстрелы евреев и военнопленных. От Платона Слипчука наш дедушка узнал об очередном расстреле евреев и начал просить его, чтобы он помог спасти детей. В ночь с 20 на 21 декабря тот организовал нам побег. 21 декабря Слипчук сказал дедушке привести нас к проходной. Там стояла колонна евреев, которую вели на какие-то работы. Колонну сопровождал Слипчук, и он смог вывести нас вместе с этой колонной.

Заранее была договоренность с Кучеруком Иваном, который возил молоко на маслозавод. Он вместе с нашей мамой посадил нас на сани и увез в село.

Нас никто не искал, так как малолетних в гетто никто не регистрировал. Жители нашего села всячески содействова-

ли нашему спасению и посоветовали нашей маме отправить нас к маминым сестрам в село Борщовка² Теофипольского района, где мы и прятались до прихода наших войск в марте 1944 года.

За наше спасение тете Столбюк Александре Марковне присвоили посмертно почетное звание «Праведник народов мира».

В ноябре 1945 года вернулся домой из армии отец.

В 1947 году я пошла в первый класс и окончила десятый класс в 1957 году. В 1962 году поступила во Львовский сельскохозяйственный институт, который окончила в 1967 году и по специальности экономиста работала до выхода на пенсию. В настоящее время пенсионерка, живу с мужем.

«МОЮ МАТЬ И ДВУХ МОИХ СЕСТЕР РАССТРЕЛЯЛИ...»

ЗАЛЬЦМАН Абрам (1933 г.)

Родился я 5 марта 1933 года в городе Тульчин Винницкой области. В 1941 году окончил первый класс, а в июне началась война, и вскорости наш городишко был занят немцами, и оккупанты все еврейское население нашего города согнали на площадь около школы. Построив в колонны, нас погнали пешком в лагерь Печора¹.

В основном это были женщины, дети и старики. В этой колонне были мои родители, сестры и братья. Кто не мог идти и падал, их тут же расстреливали. Пока мы дошли до лагеря, немало людей остались лежать на дороге мертвыми.

Наконец нас привели в так называемый лагерь. Это было большое помещение, в котором окна были выбиты, двери выломаны, и вся площадь вокруг этого помещения была огорожена колючей проволокой. Вокруг ограждения стояла охрана. Помещение было разбито на клетки-комнаты, и в каждой из них ютилось по 20–30 человек.

Шел снег. Помыться, искупаться, привести себя в порядок было негде, и вскорости появились вши. Чтобы немного согреться, затыкали тряпками выбитые стекла. То, о чем я пишу, считалось за счастье. Меня, маму, троих моих сестер и брата загнали в бывшую конюшню без окон и дверей. И чтобы удержать тепло, двери завесили одеялами и разными тряпками. Здесь в первую оккупационную зиму умерли сестричка, которой было пять лет, и двухгодовалый братик. Еды нам практически не давали, и к весне многие, не выдержав холода и голода, умерли.

Летом 1942 года появился карательный отряд, и стали отбирать на работу тех, кто мог еще двигаться. Однажды на работу забрали мою мать и двух моих сестер. С работы они уже не возвратились, их расстреляли.

Однажды, когда стали отбирать на работу людей, гестаповец выхватил грудного ребенка из рук одной женщины, схватив младенца за ножки, со всего размаха стукнул головкой о дерево.

Мне уже было 10 лет, и, видя эти ужасы, попробовал бежать, но меня схватили и посадили в карцер. Сколько времени я находился в карцере, я не знаю, но у меня так ослабли ноги, что, казалось, что они под коленками срослись, и когда меня выпустили, я ходить не мог, а передвигался на четвереньках.

Было лето, и я отогрелся на солнце, но еды не было, и я ел траву и всякие отбросы, которые находил. Старшую сестру тоже забрали на работу, в гетто она не вернулась, но люди мне потом рассказали, что она была расстреляна в лесу около Гайсина, это Винницкая область. Сейчас там большая братская могила.

Я могу сказать, что я счастливчик. Мне несколько раз удавалось бежать. Скитался по деревням. Просил милостыню. Меня ловили, избивали. Однажды меня поймал полицейский и избил до такой степени, что в гетто меня принесли на носилках и бросили в комнату, где лежали полумертвые женщины. Когда очнулся, я увидел, как одна грызет грудь у покойницы.

Второй случай произошел со мной в семи километрах от лагеря в селе Бортники. Это было на Рождество: выпал большой снег, был мороз, и я ходил из хаты в хату и попрошайничал. Попал в один дом, где шла большая пьянка. Один из полицейских, который был там, узнал меня и с криком кинулся и стал меня избивать ногами. Я упал в снег, в штанах стало мокро, я, видно, кричал не своим голосом. А он, схватив винтовку, хотел стрелять. Его еле оттащили люди.

В третий раз за мной на рынке гнался немец и хотел меня убить, но там было много людей, и мне удалось от него скрыться. Это было уже в 1943 году.

В 1944 году, когда нас освободили, я пришел домой один, дом был разрушен.

И мне, еще ребенком, надо было начинать строить свою жизнь.

«БОЖЕ, НЕ ДОПУСКАЙ, ЧТОБЫ ПОДОБНОЕ ПОВТОРИЛОСЬ!»

ЗАНВЕЛЕВИЧ Мария (1925 г.)

Я родилась 27 декабря 1925 г. в селе Малая Богачовка¹ Кривоозерского района Одесской области (ныне Николаевской). Вся семья работала в колхозе. Я занималась в средней школе.

22 июня 1941 года пронеслось страшное известие – война. Но мы тогда еще не знали, какие мучения, голод, холод, побои, издевательства и мучительные смерти ждут нас впереди.

10 октября наше село было окружено с трех сторон, и начались гонения, убийства. Многих убивали на месте, а некоторым удалось скрыться. Я убежала в сторону села Секретарка. Там я у одних людей на огороде лежала до вечера, а вечером хозяйка меня пустила домой, напоила, накормила, и я у них просидела два дня в погребе, а на вторую ночь она велела мне уйти.

В селе началась облава, и она меня отправила через лес в другое село – Богачовку. Рассказала, где живут хорошие люди. Это были семьи Ткачуков, Пшениных. Там я встретилась со своей сестрой и узнала, что маму и еще одну сестру с двумя детьми угнали в сторону Доманевки, и больше мы их не видели, их убили.

Из Акмечетки мы с сестрой шесть раз убежали. В очередной раз, когда мы убежали, попали в семью Горгуни Авраама, жена и дочь которого прятали маленького мальчика, его нашли в леднике у школы. Они его прятали восемь дней, но, когда начались облавы и убийства, мальчика нашли. Хозяев, Горгуни – мать, дочь и мужа – побили и бросили между тифозными. Мать и дочь выжили, а Авраам заразился и умер.

Нас, голодных, угнали в Доманевку², где с нами обращались, как со скотом. Мы носили камни, укладывали мостовую.

Оттуда нас угнали в Акмечетку³. Начались массовые расстрелы. Над обрывом люди толкали друг друга, а пулемет все строчил. Мы с сестрой упали между убитыми. Ночью, когда убийцы ушли, мы вылезли и убежали.

Шли, не зная дороги. Зашли в небольшое село Копани, постучали, нам ответили по-украински: «Заходьте, двері відчинені».

Не успели мы переступить порог, как увидели, что в углу стоит винтовка. Человек, увидев наше замешательство и испуг, сказал: «Девочки, заходите, винтовка сама не стреляет». Он нас накормил, и мы с ним не успели поговорить, услышали возле дома ругань. Это пришли звать его на работу. Нас он спрятал под нарами, а им сказал, что болен, наверное, тифом, и они тут же ушли. Он нас держал до вечера, а потом через все село под дулом винтовки отправил в другое место. Женщина нас приняла, держала несколько дней, а потом отправила в лес, потому что в селе была облава.

Мы попали в Богдановку⁴. Там нас избили и кинули в клетки, где когда-то были свиньи. Потом мы попали в село Семихатки, нас туда гнали на работу, и там мы были до 28 марта 1944 г. Там руководил Григоренко. Большое спасибо всем добрым людям, которые нас спасали и рисковали своей жизнью.

Это все написано вкратце, если писать подробно, то всей оставшейся жизни не хватит. Люди, особенно молодые, будьте добры друг к другу и читайте это, не забывая нас. И пусть наши правнуки читают это как легенду, как страшный сон.

После войны мы с сестрой и еще несколько узников за свой счет поставили памятник убитым и замученным на месте бывшего села Малая Богачевка. Я каждый год езжу туда на могилу. Боже, не допускай, чтобы подобное повторилось!

ГЕТТО НЕ СЛОМИЛО ЖЕЛАНИЯ ВЫЖИТЬ И ПОБЕДИТЬ

ЗАПОРОЖЧУК Екатерина (1922 г.)

Хочу поделиться воспоминаниями о своей тяжелой трагической юности.

1 августа 1941 г. на рассвете в наш город Умань вошли фашистские танки. Моя мама, младшие сестрички и братик шести лет остались у бабушки в доме. Отец в это время находился в селе на работе, а оттуда его забрали неизвестно куда. Так он пропал без вести.

Через пару дней всех евреев выгнали из своих квартир и по 10–15 семей согнали в дома на трех улицах: Шолом-Алейхема, Некрасова и Восточной. За пределы этих улиц выходить было запрещено. Немецкая жандармерия и мэр города господин Марцын (бывший директор школы № 3, где я училась до войны) создали полицию из местных негодяев и уголовников. Они организовали гетто под проволочным ограждением и за попытки самовольного выхода расстреливали. Каждое утро полиция гнала на работу – разбирать разрушенные дома и складывать кирпичи, чистить улицы, на вокзале разгружать вагоны с углем и загружать их боеприпасами.

22 сентября 1941 г., в день еврейского Нового года, эсэсовцы и полиция устроили первый погром. На рассвете загнали людей из гетто в подвал бывшего Дома пионеров – набили битком, так, что невозможно было вздохнуть. А снаружи подъезжали машины и через решетчатые окна пускали туда отравляющие газы.

Нас загнали последними, и мы оказались у дверей, только поэтому выжили. Тех, кто остался жив, а таких было немного, фашисты фотографировали при выходе и смеялись. Очень много погибло детей, родителей...

Те, кто выжил, стали разбегаться, но их поймали, вернули в гетто и заставляли под конвоем хоронить погибших и расчищать разрушенные дома.

8 октября 1941 г. ночью согнанные со всех сел и из города полиция, немцы и жандармы выгнали всех из гетто и погнали в Сухой

яр. По дороге детей и старых людей, которые не могли идти, расстреливали. Там расстреляли мою маму, сестричек и братика.

А мне ночью моя подруга партизанка Соболенко Таисия по-могла выбраться из яра – окровавленной, но живой. Она меня доставила в село Дмитрушки к своей тетке, где я побывала неделю, и вместе с Таисией стала выполнять диверсионные работы по заданию партизанского отряда Евгения Корпачева.

В январе 1942 года меня схватили немцы на станции Поташ и отправили в концлагерь. Там был страшный, изнурительный труд, но в марте 1943 г. мне удалось бежать. Я добралась до Купянска Харьковской области, где Красная Армия начала наступление. Вступила вольнонаемной в пехотный полк, затем в прифронтовой полевой Ленинградский госпиталь ЭГ 271. Работала санитаркой, выносила раненых с поля боя и оказывала первую помощь. Прошла с госпиталем всю Украину, часть Молдавии.

В сентябре 1944 года вернулась в Умань (она была освобождена в марте 1944 г.). Все родные и близкие погибли, я была круглая сирота. Работала, училась. Имею много наград от советского правительства. Сейчас старая, больная, 85 лет. Руки дрожат. Написала коротко, потому что все, что я пережила, описать невозможно.

Книга памяти. Судьба еврейского народа во Второй мировой войне. Воспоминания очевидцев. Составитель-редактор Е.А. Файзенберг-Гальперина. – Кельн, 2009. – С. 86–87.

«ЭТО БЫЛО ВСЕ ТАК ДО БОЛИ НАСТОЯЩИМ»

ЗИГЛЕР Эtti

Шел март 1944 года. Я не помню точной даты, но помню, что это был Шаббат и один человек из нашей группы молился. Было холодно и сыро. Сквозь щели заколоченных окон нашей комнаты мы наблюдали, как немцы отступали вразброд. И хотя эти фанерные щиты были мрачные и сковывающие, мы были им благодарны – они защищали нас от лютого холода и от вида нацистов. Впрочем, последних мы менее всего интересовали в те дни. Через дорогу от хаты, в которой мы жили, стоял обветшалый почтамт, оставленный советскими властями два с половиной года назад. Именно здесь фашисты установили командный пункт и полевую кухню. Солдаты шлепали по грязным улицам Джурина, чтоб получить свой рацион.

В 1941-м, будучи хозяевами положения, нацисты и их союзники–румыны собрали людей в этом маленьком убогом городишке Южной Украины. В нем проживало 800 евреев, в основном старики, женщины и дети. Вскоре местечко разрослось до 4000 человек, когда оно было превращено в гетто.

Именно здесь был конечный пункт, куда депортировали нашу семью вместе с еще несколькими тысячами человек в октябре 41-го года. Это было за два с половиной года до того, как я видела солдат, сидевших возле подъездов или на грязной земле. Запуганные и ободранные, они все же внушали мне чувство страха.

Дорога была долгой и раны болели. Выселив из домов лишь с тем, что можно было унести, нас гнали, как скот, сперва в товарных поездах, затем в грузовиках на Украину. Мой дом был в Радауце, красивом мирном городе на севере Румынии. Позади остались семья и жизнь, полная надежда, друзей, образования и веры. Один беглый взгляд назад перед тем, как меня толкнули в поезд – и все осталось позади. Впереди были Заднепровье и верная смерть от голода и болезней.

В конце изнурительного и мучительного трехнедельного путешествия грузовик остановился. Мы оказались на окраи-

не Богом забытого Джурина¹. Остальную часть пути к лагерю нам предстояло пройти пешком и искать приют. В тот день еще были живы все семь членов моей семьи – нас ждали убогие переполненные помещения гетто. Трое из них никогда не вернуться.

Моя бабушка умрет от дизентерии. Моего гордого, трудолюбивого отца подкосит тиф. А мою милую любимую сестру унесет туберкулез легких после двухлетних мучений. Я все это переживу, будучи изуродованной приступами еще одной разновидности туберкулеза. Мое лицо покроют открытые гноящиеся раны, тело ослабнет, ощущения притупятся годами жестокого и несправедливого существования практически без пищи и условий в Джуринском гетто. Но я останусь в живых.

Я до сих пор по памяти рисую картины этого местечка, построенного на косогоре. Единственная шоссе́нная дорога, протянувшаяся через все село и служившая главной торговой артерией. Остальные дороги были бульжные и грунтовые. Во время дождя местечко превращалось в болотное месиво. Я помню сахарный завод, где во время оккупации производство было остановлено. В освободившиеся помещения поселились депортированные из Бессарабии и Буковины.

Была и синагога, величественный фасад которой скрывал нищету и затхлый запах, так как там жили поселенцы из Бессарабии.

В центре поселка был рынок. Сюда приезжали крестьяне из соседних деревень, чтобы продать продукты. Поскольку лишь у немногих водились деньги, торговля велась путем бартера. Моя семья обменивала одежду на муку, зерно и картофель. Это была борьба за выживание, и если кончались скудные запасы для обмена, то ты был обречен на голодную смерть.

Недалеко от рынка разбили госпиталь, где было несколько палат с поломанными койками и соломенными матрацами. В нем работали несколько доведенных до отчаяния врачей и две медсестры, беспомощные от того, что они не могли уделить нам никакого внимания из-за отсутствия инструментов и медикаментов. А болезни, особенно тиф, свирепствовали по всему гетто. На окраине села стояла школа, которая также была заселена депортированными, большинство из которых были моими земляками из Радауца.

Вода в Джурине была на вес золота. Единственный насос находился за версту. Мы все по очереди носили большие деревянные ведра через холмы к насосу, а затем обратно в хату.

Жизнь в основном состоит из того, что ты помнишь. Иногда я вспоминаю местечко, людей, гетто и наши мучения короткими эпизодами, а иногда все это разворачивается как печальная повесть. Но это не было выдумкой, это было все так до боли настоящим!

Я вспоминаю плач трехлетнего сына нашей хозяйки, и как я была этим плачем разбужена и вынуждена сосредоточиться на событиях, которые разворачивались за заколоченными окнами. Я снова наблюдала за солдатами, которые были заинтересованными в их собственной безопасности во время отступления. И все же мы продолжали чувствовать себя их пленниками и боялись самой возможности, что они могут причинить нам боль. Я надеялась, что, глядя сквозь проемы фанерной двери, я не буду замеченной нацистскими солдатами.

В тревожном ожидании чего-то непредвиденного напряжение всё возрастало. В конце концов, мой брат не выдержал. Он неожиданно выскочил через заднюю дверь и побежал к дому, в котором жили оставшиеся в живых наши дядя и двоюродные братья. Он пробыл там несколько часов. Вдруг он решил вернуться, как раз тогда, когда последние немецкие солдаты должны были уйти.

Неожиданно увидев бегущего брата, солдаты окликнули его и приказали ему подойти. Этот момент я не забуду никогда! Видеть моего брата, направляющегося к немецким солдатам, было самым страшным воспоминанием, оставшимся от Джурина. Я затаила дыхание в ожидании того, что станет с моим любимым, отчаянным братом. Все мы не без основания боялись, что ему, а может и нам всем, пришел конец. Мы наблюдали, как офицер начал допрашивать его. Онуй ответил на беглом немецком и указал пальцем на нашу хату. Нацистский офицер осмотрел брата, обратив внимание на его ободранный вид, особенно ноги, обернутые в лохмотья. Партизан так выглядеть не мог. Он явно не был одет как тот, которого застрелили полчаса назад. Офицер отпустил Оную. Так брат остался в живых. Мы вздохнули с облегчением...

Оглядываюсь на людей в нашем тесном помещении. Теперь нас 14 – пятеро взрослых, пятеро подростков, и четверо детей, все ютимся в трех маленьких комнатках. Эти 14 человек были членами четырех семей – Зингеры из Вижницы Черновицкой области, Анна Харт, дальняя родственница моей мамы, Бронштейны и мы, Адельштейны. Я думала о троих, которых уже не было с нами. Особенно я вспоминала мою сестричку Рейзеле, о том, как её трясло и как она страдала, и как мы пытались ее утешить, насколько могли. Мой брат Онуй и я перешли жить на кухню. Это была крохотная комната с земляным полом, маленьким столом, сломанным стулом и одной на всех печью. Наверху печи мы соорудили спальное место для нашей сестры, чтоб как-то согреть ее. Мой брат спал на доске, подвешенной между столом и стулом, а я спала на полу. Когда Рейзеле умерла, моя сестра Мали перешла на кухню и разместилась там.

У нашей хозяйки Фрумы Бронштейн было четыре сына в возрасте от трех до четырнадцати лет. Муж Фрумы воевал в составе Красной Армии и, к сожалению, ни разу не сообщал о себе. Фрума была приятной женщиной, которая кормила детей тем, что продавала неразграбленные остатки товаров со склада ее мужа. Дети не ходили в школу, поскольку еврейским детям было запрещено посещать школу. Тем не менее, Фрума договорилась с раввином и шойхетом обучать Изю, старшего сына, ивриту, чтобы сделать Бар–Мицву. У Изи была Бар–Мицва незадолго до освобождения.

Фрума использовала одну комнату для себя и своей семьи, а три остальные семьи делили между собой другую комнату. Иногда она пускала нас в свою комнату, чтобы согреть нас (там было больше дров для поддержания огня), но в тот дождливый день дров не было. Как обычно, страх перед солдатами и их автоматами не давал нам выйти на улицу. Подростки под покровом темноты собирали прутики и щепки за пределами гетто, чтоб мы могли хоть как-то согреться. Однако чаще мы сидели в хате, прижавшись друг к другу, сопротивляясь холоду и голоду.

Такими и застал нас день освобождения. Такой я помню нашу несчастную компанию, которая держалась вместе ради тепла, охваченная страхом неопределенности. Ощущения праздника

не было. Вскоре все немцы ушли. Через пару часов вошли партизаны и рассредоточились по городу. Они стучали в двери и на русском языке, с ликованием сообщали, что немцы ушли из Джурина и скоро придет Красная Армия.

На следующий день Красная Армия вошла в город. Эту часть Украины они не знали вообще, а термин «Транснистрия» для них не значил ничего. На нас, голодных, несчастных депортированных в Транснистрию, они не обращали никакого внимания. К тому мартовскому дню 44-го года только треть из всех прибывших из Бессарабии выжили в Джуринском гетто. Война была еще не окончена, и Красная Армия продолжала гнать нацистов с советской земли.

Это был день так называемой нашей свободы, холодный, сырой день нашего освобождения наступающей Красной Армией. Некоторые из оставшихся в живых связали в узлы свои вещи и приготовились к отходу, хотя они и не знали, куда их приведет грязная дорога. Другие волочились позади, в неопределенности гадая, куда они идут и зачем. Я надеялась, что мне удастся попасть в госпиталь, где мне смогут оказать столь необходимую помощь. Свобода все еще была словом и ощущением, которые мы не способны были постичь. Те, кто были чуть здоровее и моложе, запрыгивали на советский военный транспорт, а иногда просто следовали за армией, надеясь на остатки солдатской пищи. Многие из этих несчастных выживали попрошайничеством.

Весна 1944 года не положила конец страданиям беженцев Закарпаття. Наши испытания были далеки от завершения, и мы были за тысячу миль от отчего дома. В моем конкретном случае ещё потребовались годы лечения и хирургическое вмешательство, чтобы восстановить лицо, изуродованное туберкулезом. Мое здоровье также ослабло за два года недоедания, антисанитарии и слабой защиты от дождя и снега.

Этот темный период в моей жизни оставил физические и душевные раны. Я была благодарна за Божий дар сохранить силу духа и воли, которые помогли мне преодолеть разлуку с семьей и вновь начать жизнь в позитивном ключе. Благодаря безусловной поддержке и помощи членов семьи, оставшихся в живых, и позитивному отношению со стороны медперсонала и друзей,

которых я встретила на этом длинном и трудном пути от больницы к больнице, я смогла увидеть перемены в моей внешности и реализовать свои цели.

Я вышла замуж за хорошего и порядочного человека и вместе мы вырастили замечательных детей – двух сыновей и дочь. Нам также повезло, что мы оказались в стране, в которой смогли предстать свидетелями гнусных преступлений нацистов и их приспешников во время Второй мировой войны.

Мои дети и внуки из первых рук узнали о трагедии Холокоста. Теперь дело за ними – передать эти знания будущим поколениям. Только помня и постоянно напоминая себе и другим о катастрофических последствиях политики ненависти и необузданной дискриминации, мы сможем предотвратить подобные события в будущем.

После 55 лет борьбы, трудностей, и жертв я почувствовала свое истинное освобождение и удовольствие, когда мой внук Дов прошел Бар–Мицву. Когда он произносил речь, в которой поклялся исполнять заповеди еврейской веры, со всеми обязанностями, возложенными на него, я поняла, что наследие живо. Наиболее трогательным для нас с мужем был момент, когда Дов в своем рассказе упомянул страдания его прародителей и других людей, испытавших ужасы Холокоста. Когда я смотрела на мою семью, собравшуюся на это знаменательное событие, я не могла не думать о моем отце. Как бы он гордился этим юношей! С огромным облегчением и удовлетворением я ощущала уверенность, что факел памяти будет передан следующему поколению и что память о тех, кто погиб в те печальные времена нашей истории, не исчезнет.

«ТАКОЙ УЖАС НАМ ПРИШЛОСЬ ПЕРЕЖИТЬ...»

ЗИМНЯЯ Галина (1930 г.)

Пишу Вам свои воспоминания о времени, прожитом на оккупированной территории. Вторая мировая война застала нас в селе Сунки Смелянского района, где мы жили при школе, в которой мама работала учительницей.

Эвакуироваться у нас не было никакой возможности. Когда немецкая армия оккупировала Украину, в том числе и Смелянский район, мама, Зимняя Мария Григорьевна (девичья фамилия Могилева), сестра Тамара и я переехали на станцию имени Т. Шевченко Одесской железной дороги. Ютились мы в кухне, т. к. отапливать квартиру было нечем. Кушать тоже было нечего. Молодежь, в том числе и сестра моя Тамара, ходили ночью на поле и выкапывали корни свеклы и собирали мерзлую картошку. Морозы были сильные, так что сестра обморозила щеку.

Весной 1942 года все трудоспособное население вызывали на биржу труда с паспортами, якобы для устройства на работу. И мама пошла, паспорт у нее забрали, а маму отпустили домой. Но через два дня пришел полицай и увел маму в полицию, а потом в гетто. Так больше я маму не увидела и ничего с того времени не помню, где была, и что со мною было... Такой ужас нам пришлось пережить: в 1937 году НКВД отца забрали, а через четыре года гитлеровцы маму увели. «Очнулась» я (пришла в сознание), когда две женщины, Прохаченко Галина и Желтякова Шура, везли меня ночью в село Искреннее, Шполянского района. Помню, ехали на платформе с углем, и я или задремала, или уснула, так как машинист замедлил ход поезда, а женщины меня столкнули с платформы, а потом и сами спрыгивали по очереди. Я упала в лебеду и продолжала спать. Они потом рассказали, как искали меня и звали.

До освобождения нашими войсками Украины я жила в семье дяди Якова, пасла корову, носила молоко на молочарню. Тетя Евфросинья мне все говорила: «Проси Бога, щоб батько вернуться, бо мати навряд чи вернеться». А я плакала и просила и за

отца, и за мать. Отца расстреляли в том же 1937 году, а мать, слава Богу, осталась жива и вернулась.

Обо всем, что было с мамой и сестрой, я узнала, когда они приехали за мной в апреле 1944 года. Собрались мы втроем, как говорится, «ни кола, ни двора», даже не в чем было идти в школу.

«ЗА НАРУШЕНИЕ РЕЖИМА ЛЮДЕЙ РАССТРЕЛИВАЛИ...»

ЗИНЬКОВЕЦКИЙ Леонид (1931 г.)

Я, Зиньковецкий Леонид Исаакович, родился 19 июля 1931 года в селе Волица-Керекешина Староконстантиновского района Каменец-Подольской (ныне – Хмельницкой) области в еврейской семье.

Свое десятилетие встречал в Староконстантиновском гетто, потому что через 16 дней после начала Великой Отечественной войны немцы оккупировали наш район, а через неделю нашу семью вывезли в гетто города Староконстантинов¹.

Мой отец, Зиньковецкий Исаак Соломонович, по национальности еврей.

Мама, Зиньковецкая Ксения Марковна, украинка.

Когда началась Великая Отечественная война, в первый же день ушел в действующую армию наш отец, а мы, малолетние дети – я и мои сестры, – остались с мамой и дедушками в нашем селе. С первых дней прихода немцев начались издевательства и гонения на евреев.

В моей, на то время детской памяти, запечатлелся такой эпизод. Мой друг сказал мне, чтоб я не подходил к своему дому, потому что там немцы и они хотят расстрелять моих дедов. Я все же подбежал к своему дому и увидел что один мой дед стоит на коленях и молится Богу, а другой копает яму, а немец стоит с автоматом, и ждет, когда он ее выкопает.

Это видели наши соседи. Кто-то из них побежал и позвал сельского старосту, сообщив ему о том, что немцы хотят расстрелять Зиньковецких. Староста при помощи деда, который владел немецким языком, начал объяснять немцу, что эти сельские «жиды» никому ничего плохого не сделали. После этого разговора дедов отпустили, но через два дня нас всех вывезли в Староконстантиновское гетто.

Маму под угрозой расстрела как украинку выгнали от детей. Меня и моих трех сестер оставили в гетто с дедушками и тетей (сестрой моего папы).

Гетто было огорожено колючей проволокой. Я часто пролезал под этой проволокой и ходил в село за 10 км, где проживала моя мама, чтобы взять еду. Во время моего возвращения дед караулил меня с одной стороны, а двоюродный брат – с другой, чтобы не заметили полицаи. Это продолжалось с июля по декабрь 1941 года.

Бывали для нас, а особенно для моих младших сестричек, «праздничные дни», когда к нам приходила мама. В охранниках-полицаях гетто был наш односельчанин, который пропускал нашу маму к нам. Можно ли себе представить эти встречи, а особенно расставания с детьми, когда знаешь, что завтра можно их не застать живыми! Сколько было пролито материнских и детских слез, когда оставляешь четверых малолетних детей на смерть! А сколько было таких встреч и расставаний за долгих мучительных шесть месяцев?!

Запомнились еще такие эпизоды: по улице, где находился наш барак за колючей проволокой, шла дорога на маслозавод. Этой дорогой каждый день из нашего села везли молоко. Возил его наш сосед Кучерук Иван. Я его часто ожидал возле колючей проволоки, потому что он привозил передачи от мамы. Однажды я выскочил к нему, и меня заметил полицай. Он избил меня так, что я три дня лежал полуживой. Дядю Ваню он тоже избил, но тот все же продолжал привозить передачи от мамы. Еду в гетто давали такую, что ее даже собаки не ели.

За каждое нарушение режима гетто людей расстреливали поодиночке и группами. В первую очередь расстреливали стариков, больных и детей.

Первый массовый расстрел был в ноябре 1941 года. Тогда расстреляли около 3500 евреев и военнопленных. Каким-то образом наш дедушка узнал, что должен быть очередной расстрел. Дедушка передал охраннику (нашему односельчанину) Слипчуку Платону эту новость и, стоя на коленях, просил его, чтобы он помог спасти нас, малолетних детей. Тот пообещал дедушке организовать наш побег через Кучерука Ивана. Я передал записку нашей маме, чтобы она пришла.

В ночь с 20 на 21 декабря 1941 года по гетто прошли слухи, что собирают людей на какие-то работы. Я побежал посмотреть, что там творится. В этот момент меня кто-то дернул за руку и тихо сказал: «Скажи дедушке, чтобы завтра утром вас всех привели

к проходной». Я рассказал все это бабушке, и утром бабушка с тетей привели нас к проходной. Там находился охранник Слипчук Платон, который выпустил нас с группой евреев, которая отправлялась на работу.

Когда мы перешли через дорогу метров 100–150 от гетто, раздался выстрел, но мы были уже вне опасности. К нам подбежала мама, посадила нас на сани, и мы поехали домой. Нас никто не искал, так как малолетних в гетто не регистрировали.

Когда мы вернулись домой, к нам пришел сельский староста и посоветовал нашей маме, чтобы она нас отправила к своим сестрам, которые проживали в Базалийском (ныне – Теофипольский) районе. К нам пришли племянники нашей мамы, и нас ночью пешком увели в село Борщовка Теофипольского района, где мы и прятались до марта месяца 1944 года. А чтобы меньше было заметно чужих детей в этом селе, нас, тоже ночью, переводили в село Ордынцы этого же района к другой маминной сестре.

Описывать это сейчас очень трудно, а как это все было пережить? Сколько было пролито слез, сколько раз замерзали босые детские ноги, сколько раз приходилось голодными ложиться спать, сколько раз при малейшем шорохе приходилось вскакивать и думать, что сейчас придут немцы и нас расстреляют, как без вины расстреляли в 1942 году наших дедов.

Уже нет в живых наших тетей, которые нас прятали и пережили все тяготы того времени. Они никогда ничем не обидели маленьких еврейских детей и всеми силами старались сохранить жизнь детей своей сестры. Неоднократно приходилось им угощать сельского старосту и других сельских недоброжелателей, надеясь на то, что они нас не выдадут.

За наше спасение Столбюк Александре Марковне посмертно присвоено звание «Праведник народов мира».

После освобождения нашего села (8 марта 1944 года) началась моя трудовая жизнь, работал в колхозе на разных работах. В 1945 году, когда отец вернулся с фронта, пошел в пятый класс. Не закончив десять классов, был призван на службу в армию. В 1954 году поступил в Каменец-Подольский сельхозтехникум, окончил его в 1958 году и начал работать по специальности в колхозе. В 1991 году вышел на пенсию.

В настоящее время проживаю в селе Папковцы Староконстантиновского района с женой-пенсионеркой и семьей дочери.

«ЭТО БЫЛО 18 НОЯБРЯ 1942 ГОДА...»

ИЦКОВИЧ Виль (1932 г.)

Я, Ицкович Виль Александрович, родился в 1932 году в городе Херсон. В 1941 г. я окончил первый класс, и мы – мама, я и младший брат – поехали на лето к бабушке, которая жила в городе Ялта Крымской АССР. Это было 21 июня 1941 г.

Войну я встретил тогда, проплывая город Севастополь в пять утра, когда немецкие самолеты его бомбили. Это потом капитан корабля объявил.

Через шесть месяцев Ялта¹ была занята немцами. Помню тот день. Утром я вышел на улицу, была непонятная тишина. И тут я увидел немецкого солдата. Это был рыжий, довольно упитанный, среднего роста солдат, который верхом на лошади (представляете, при полной тишине) проскакал по улице. Потом я их много видел, но этот запомнился на всю жизнь.

Как и все евреи, оставшиеся в оккупации, наша семья, кроме дедушки, который был татарин, попала в гетто. Когда попали туда, увидели картину, которую обычными человеческими словами передать невозможно – холод, голод, грязь, издевательства, побои, наказания и страх. А ведь нам говорили, что собрали нас, чтобы перевезти в другое место, и мы же верили в это и ждали этого дня «икс».

Еды не было, каждый питался, чем мог, иногда попадало что-то извне. Нашей семье очень помогала соседка бабушки – Горюшкина Евдокия Кузьминична, прожившая с нашей семьей до самой смерти. Она рисковала жизнью и за наше спасение получила звание «Праведник народов мира». Она приносила нам еду, но как это ей удавалось, я не знаю.

И вот настал этот день «икс». Это было 18 ноября 1942 г.

Рано утром нам всем было приказано построиться во дворе, женщины и мужчины – отдельно. Полицаи ходили по рядам и отбирали детей, вещи.

Меня мама спрятала под юбку, и я остался не замеченным, брата спрятала бабушка. Началась погрузка в большие, крытые брезентом, машины. Начались паника, плач, крики т. д. Разлучались семьи.

Первые машины загрузились и уехали, остальные стояли, ждали. Такая процедура стала наводить на мысль, что это не переселение, а что-то другое. Люди стали уходить из первых шеренг в конец строя, как будто это спасает, но всему этому был поставлен строгий надзор полицаев и немцев.

Подошла наша очередь, в машину набили много людей, все стояли. Когда машина подъезжала к «лобному месту», стали слышны выстрелы.

Что я увидел? Небольшая площадка, по которой бегают немцы с крючкообразными палками и непокорных за шею стаскивают с машины и ведут к куче разных вещей, заставляют раздеваться.

Напротив этой кучи вещей, через площадку – обрыв, на краю которого ставят раздетых людей, и немцы стреляют им в спины, после чего они падают туда, а немцы уже подгоняют другую группу. И так работал этот конвейер по уничтожению населения, национальность которого – евреи.

Нас тоже подогнали к вещам, чтобы мы разделись, что мы и начали делать, но тут маме пришла спасительная мысль. Она взяла меня за руку, брат был у нее на руках, и пошла к двум немецким офицерам, наблюдавшим в стороне. Солдат увидел это и подбежал к нам, но мама уже говорила офицерам, что мы татары, а не евреи, что это ошибка.

Дав команду солдату оставить нас (один из этих офицеров говорил по-русски), он сказал: «Отвернитесь и не смотрите на эту жуткую картину!»

Не все немцы тогда и сейчас думают одинаково, точно так же, как и среди других народов. Но эти два офицера стоят у меня перед глазами всю жизнь, и кто знает, будь на их месте другие, где бы были мы сейчас.

Что это – судьба, счастье, охранял нас кто-то? Не знаю. Подошла очередная машина, и офицер подозвал солдата, что-то сказал ему, а нам сказал: «Возьмите свои вещи, и вас отвезут домой этой машиной». Взявшись за руки, опустив глаза, мы шли к машине мимо кучи вещей, мимо обрыва, где все еще стреляли.

Мы торопились, потому что: а) мы все еще не верили в это чудо и боялись, что это обман;

б) нам было стыдно перед всеми – их расстреливают, а мы живые уезжаем и ничем не можем им помочь...

Вот такое чудо произошло с нашей семьей.

Все два остальных года мы жили при оккупации в Ялте. Несколько раз по доносу маму и бабушку арестовывали – но опять это чудо нам помогло, а оно, по-моему, имеет одно значение – хорошие, добрые люди. В нашем примере – как русские, так и татары, которые нас прятали, помогали нам в беде, рискуя собой, защищали.

«ЕЖЕДНЕВНО СОТНИ ЛЮДЕЙ УМИРАЛИ ОТ ГОЛОДА, БОЛЕЗНЕЙ, ХОЛОДА»

КАБАЦКИЙ Изяслав (1929 г.)

Я, Кабацкий Изяслав Яковлевич, родился 23 февраля 1929 года в городе Брацлав Винницкой области. Отец, Кабацкий Яков Яковлевич, 1885 года рождения – рабочий. Мать, Кабацкая Блюма Лейбовна, 1880 года рождения – домохозяйка. Национальность – еврей.

В 1937 г. я поступил в первый класс брацлавской средней школы. В 1941 году закончил четвертый класс. Учеба была прервана войной.

Наш город Брацлав¹ был оккупирован немецкими войсками в июле 1941 г.

С 1 января 1942 года по март 1944 года мои родители, я и две мои сестры, Мария и Рахиль, находились в немецком концлагере «Мертвая петля». Лагерь находился в селе Печора Шпиковского района Винницкой области. Родители и я находились в одном блоке, сестры – в другом. Мы должны были выполнять разные принудительные работы (ремонт дорог, рубка дров, уборка территории). Каждый день отбирали на работы, обратно люди уже не возвращались – все были расстреляны.

Сестра моя Рахиль уехала на работы и была расстреляна. Ежедневно сотни людей умирали от голода, болезней, холода. Из блока малолетних детей забирали и использовали как доноров, затем их уничтожали.

После освобождения Брацлава я продолжал учиться в брацлавской средней школе. В 1947 году закончил седьмой класс и поступил в Брацлавский бухгалтерский техникум. В 1950 году после окончания учебы был призван в Советскую Армию, где проходил обучение на курсах младших командиров. 25 марта 1951 года был отправлен в город Пушкин Ленинградской области. В Советской Армии служил с 1951 по 1985 год. Уволился в запас и получил квартиру в городе Хмельницкий.

Работаю завхозом в издательстве «Поділля».

ОДЕССА. 23 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА

КАЛМЫКОВА София (1935 г.)

В центре традиционно населенного евреями района Одессы – на углу Ришельевской и Большой Арнаутской, в доме № 36 в начале XX века жила большая семья Ханы и Вольфа Коганов. Ювелир Коган был известным человеком в общине, семья жила в относительном достатке. У них было шестеро детей: Роза-Елена (1899 года рождения), Леонид (1901 года рождения), Сарра (1904 года рождения), Рая (1906 года рождения), Елизавета (1908 года рождения) и Мария (1910 года рождения).

Роза вышла замуж и уехала в Москву. Вслед за ней уехала в Москву, где вышла замуж за Иосифа Манзона, и Рая. Обзавелась семьей Сарра, муж которой, архитектор Сергей Романов, обвиненный в сотрудничестве с румынской сигуранцей, был расстрелян НКВД в 1941 г. Вышла замуж в 1930 г. и Мария. Ее муж Ейль Гороховский был арестован, но спустя год выпущен из застенков НКВД полуслепым инвалидом.

В 1935 г. у Марии и Ейля родилась я, София.

Вольф Коган скончался в начале войны. Ушли на фронт и прошли всю войну мужья его дочерей. Оставшимся в Одессе, к которой приближался враг, удалось эвакуироваться. Но бабушка Хана уезжать отказалась, заявив, что немцы – не петлюровские бандиты, а европейцы. С ней остались дочь Рая и внучка Инночка.

Утром 23 октября 1941 г. улицы города представляли страшную картину. На фонарях и деревьях центральных улиц висели тысячи людей. Это была первая «акция» оккупантов в ответ на взрыв румынской комендатуры.

23 октября стал для Одессы¹ Днем жертв Холокоста. В этот день по приказу коменданта, действующего по прямому указанию диктатора Антонеску, всем евреям было предписано двигаться в село Дальник. Десятки тысяч людей (стариков, женщин и детей) согнали в колонны, конвоируемые румынскими солдатами, а также полициями из немцев-колонистов (фольксдойче), русских и украинцев.

Эти марши по «дороге смерти» продолжались всю жестокую осень и зиму 1941–1942 гг. Выживших трагический конец ожидал в концлагерях Березовки², Доманевки³, Константиновки⁴, Богдановки⁵ и др.

В одной из таких колонн людей, обреченных на ужасную смерть, видели Макса Кюсса – военного дирижера, композитора, автора вальса «Амурские волны». Моя бабушка Хана, тетя Рая и ее дочь Инна тоже были в этой колонне...

Вспоминая убийство миллионов людей и среди них членов моей семьи, я присоединяю свой голос к тем, кто помнит: «Holocaust – Never again!» Хочу надеяться, что в новом музее Холокоста в Скоки малоизвестная американцам трагедия евреев юга Украины и Молдавии получит достойное освещение. Это нужно не мертвым – это нужно живым. Never Forget!

«Never Forget». – Chicago, 2010. – P. 48.

«МОЕ ДЕТСТВО И ЖИЗНЬ ЗАБРАЛА ВОЙНА»

КАЛУЖИНСКАЯ Раиса (1939 г.)

Я, Калужинская Раиса Львовна, родилась 28 июня 1939 года в Киеве.

Когда началась война, мне было два года, проживала на оккупированной территории в Киеве с мамой Чернявской Еленой Нестеровной, дедушкой Чернявским Моисеем Леонтьевичем, бабушкой Чернявской Шейной–Рухлей Евсеевной, прабабушкой Чернявской Кейлой Янкелевной. Отец, Чернявский Лев Моисеевич, был на передовой на фронте до конца войны и после войны к нам не вернулся.

28 сентября 1941 года немцы издали приказ, что все евреи Киева должны на следующий день явиться с ценными вещами и документами на угол улиц Мельникова и Дехтяревской. Кто не явится – расстрел, за укрывательство евреев – расстрел. 29 сентября 1941 года мои дедушка, бабушка, прабабушка (все евреи) и моя мама со мной на руках пошли по приказу. Чем ближе мы подходили к сборному пункту, тем становилось страшнее.

Мама вынула паспорт, где было указано, что она украинка, и показала полицию, рядом стоял немец, который вытолкнул нас из толпы.

Мама со мной в ужасе вернулась домой.

Потом мы узнали, что дедушку, бабушку, прабабушку немцы расстреляли в Бабьем Яру.

Когда мы в слезах вернулись домой, зашли к соседям Опанасенко, мама им все рассказала об увиденном и попросила помочь спрятать нас. Особенно мама прятала меня, так как в нашем дворе жила соседка Луша, она была дворничихой и выдавала немцам евреев. Она угрожала маме выдать меня, говорила, чтобы «жидовское дитя распотрошили, как курча».

Мама меня прятала в колодце возле дома. Туда мне бросала кусочки хлеба и просила сидеть тихо, чтобы не услышали немцы и соседка Луша. Мамины слова: «Прячься – немцы!» – до сих пор звучат в моих ушах. Так я сидела там в холоде, голоде одна, мама тайно навещала меня и приносила еду, которую собирала

на мусорке. Когда колодец наполнялся водой, она меня прятала в подвале дома.

Меня там также опекала Шевелянская Мария (она теперь записана в книге Праведников народов мира моим праведником, а я – спасенной).

Я сидела в погребке без света, все время в голоде и страхе. Это были нечеловеческие условия.

Но когда уже начались облавы и мы боялись соседки Луши, которая могла в любую минуту выдать меня немцам, мама со мной вынуждена была пешком отправиться к знакомым в село Ставище Киевской области, это в 70 км от Киева.

Под пулями, лесом, голодными, полураздетыми добирались до села, где нас также прятали в сарае и на чердаке Лузан и его жена Христя, которые боялись из-за нас погибнуть.

В их селе жил полицай, по указанию которого расстреливали евреев. Мама боялась, чтобы он не узнал, что я еврейка, оставила меня одну и возвратилась в Киев, а тетя Христя меня проводывала в сарае, приносила хлеб и похлебку. Это была не жизнь, а пытка.

Через некоторое время мама пришла за мной, и мы опять пошли с ней пешком в Киев. Когда мы пришли, то наша квартира была ограблена. Меня мама опять прятала в колодце, семья Опанасенко приносила кое-какую еду.

Мое детство и жизнь забрала война. Мать умерла, отец к нам не вернулся. Дедушка, бабушка и прабабушка расстреляны в Бабьем Яру. Вот какие у меня остались воспоминания о войне. Это неописуемый ужас – два года жизни на волоске от смерти.

Еще опишу тот колодец, где меня прятала мама и мне пришлось находиться почти всю войну. Мы жили на улице Оболонской, 34, это недалеко от Днепра, и весной – всегда наводнение. Колодец наполнялся водой, мамы не было, она уходила добывать пищу, а я всегда там была одна. И вот вдруг колодец стал наполняться водой, я стала кричать, плакать. Проходила рядом женщина и услышала крик, она меня выгатила, и я побежала к соседке Шевелянской Марии. Но когда пришла ко мне мама, к колодцу, и увидела, что он полон воды, она упала в обморок. Когда она пришла в себя, она нашла меня у соседки.

Опять начались мытарства, опять поход в село под пулями. В ноябре 1943 г. нас освободила Красная Армия.

Сейчас я проживаю вдвоем с мужем, оба пенсионеры. Детей не было и нет – одиноки, у мужа онкологическое заболевание. Я, после всего перенесенного, имею целый ряд заболеваний: ишемическую болезнь сердца, гипертоническую болезнь с постоянными кризами, язву желудка, холецистит, хронический панкреатит, остеохондроз и другие заболевания.

18 марта 2004 года

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

КАЦУРА Давид (1936 г.)

Я родился 17 августа 1936 года в местечке Копайгород Винницкой области. Мою маму звали звали Этя, а отца – Абрам. Мы жили на одной из центральных улиц местечка, улицы носили названия по ремеслу жителей – Сапожная, Портная, Жестянщиков. Только после войны они были переименованы, наша улица стала Первомайской.

В начале лета 1941 года я находился в местечке Миньковцы, недалеко от Каменца-Подольского, у бабушки Инды – матери отца. Там же жили папин брат Сона, его жена Чарна и их сын Яша.

О том, что началась война, я запомнил только крики людей и поспешные сборы. Мои родственники решили следовать в Копайгород. Это был не близкий путь – идти надо было пешком.

Бабушка Инда отказалась идти с нами, сказав: «Не могу я все бросить, что будет со мной, того не миновать!» Через несколько дней она была расстреляна фашистами в числе более 3000 евреев, и их тела были сброшены в известковую яму. На этом месте после войны установлен обелиск в память о безвинных жертвах.

В селе Снитков Мур нас встретила моя мама, и мы вместе с Сосей, дочерью тети Чарны, дошли до Копайгорода¹. Через несколько дней еврейское население Сниткова постигла участь евреев Миньковцев². Часть была расстреляна на окраине местечка, часть согнали в Куриловцы (более 3500 человек) и расстреляли.

Наш большой дом был построен в начале 60-х годов XIX века прадедом Аврумом (отцом мамы) после 25-летней службы в царской армии. Тут жили бабушка Меня, мои родители, брат Мозя, сестра Марьям, мамины младшие сестры Голда, Хая, Бруха, брат Колман с женой Зисл и тремя детьми. Еще три брата мамы – Сруль, Ефим (Йойхель), Шика – в это время уже находились на фронте. (Дядя Шика погиб в октябре 1943 года в боях у поселка Аулы.)

Территорию местечка, где компактно жили евреи, огородили досками и колючей проволокой. Это было гетто, приблизительно 800 на 400 метров. Вскоре в гетто появилось много беженцев-

евреев из областей Румынии, Буковины, Молдавии, Польши. Часть из них нашли пристанище в нашем доме.

С наступлением осени нас пешком погнали на станцию Копай (в 6 км от местечка). Там был концлагерь...

По углам территории стояли вышки с вооруженными солдатами, по периметру была натянута колючая проволока. Людей разместили просто под открытым небом. Чтобы не умереть с голоду, ночами приходилось с риском для жизни выбираться в близлежащие села Кошаринцы, Поповцы, Шипинки, где обменивали какие-то ценные вещи, одежду на продукты питания. Нередко эти вылазки заканчивались трагически. Так погибла родственница тети Зисл – Фрейда: вместе с другими смельчаками она напоролась на немецкий патруль, и все были расстреляны на месте.

Начались болезни. Особенно свирепствовал тиф, тела людей кишели вшами. Взрослых ежедневно гнали на работы по ремонту железнодорожных путей и заготовке леса. И никто из них не знал, вернутся ли они живыми и увидят ли своих родных и близких.

Тут, в концлагере, и родилась моя сестричка Манечка (Марьям), она умерла в 1943 году, прожив всего 2 года. Помню, как мама завернула ее тело в талес моего дедушки Давида, и в нем ее похоронили.

В начале зимы нас этапировали обратно в местечко. Это была уже территория Транснистрии. В доме все разграблено и разбито, пол покрыт перьями от подушек. Продолжались тяжелые, холодные и голодные, сопровождавшиеся болезнями, дни жизни и смерти в гетто.

Тяжело заболела в 1943 году бабушка Меня. К больной бабушке пришел полицай забрать ее на работу. А когда мама сказала, что бабушка больна, он ударил ее нагайкой со свинцовым набалдашником. Долго у матери болела рука... Она так и дожила до дня освобождения. Вскоре бабушка умерла. Умерла и мать тети Чарны – Сося. Обе они похоронены на кладбище в Копайгороде. Умер в гетто и мой двоюродный брат Яша Кацура. К сожалению, могилка его не сохранилась.

Мой отец с братом Соной работали на заготовке леса. Приносили немного дров, чтобы можно было хоть немножко согреться

и приготовить какую-то скудную еду. Помню, как нам давали в тряпочке так называемые «квачи» – сваренные отруби.

Ежедневно на кладбище уносили 15–20 человек, которые умирали от болезней, голода и холода. После войны на четырех братских могилах были поставлены обелиски.

В Израиле на кладбище в Беер-Шеве общиной выходцев из Копайгорода сооружен памятник в память о погибших и умерших копайгородцах.

Много из изложенного я узнал из рассказов родителей и родственников, хотя эти рассказы были редкими, так как наносили всем душевную травму.

В марте 1944 года наступил долгожданный день освобождения. Папу, дядю Сону и Колмана призвали в действующую армию.

Жизнь продолжалась, продолжалось детство. Вскоре я пошел в школу. Писали мы на бумаге, которую раздобыли в комендатуре после отступления немцев и румын.

Вот и закончилась война. Возвратился с фронта отец и стал продолжать работать на узле связи механиком, мать – в буфете чайной. В 1949 году родилась моя младшая сестра Ида. Ее назвали в честь расстрелянной немцами бабушки Инды.

После Копайгородской средней школы я поступил в Винницкий политехнический техникум, который закончил уже после службы в Советской Армии. В армии был рядовым, командиром отделения, зам. командира взвода. После окончания техникума вернулся на службу в армию, где и прослужил до 1984 года.

После увольнения в запас работал электриком в городской больнице № 4 г. Винницы. Женат. В 1959 году женился на Тане (Тубе), живем в Беер-Шеве, куда мы репатриировались в конце 1990 года. Имею дочь – Эллу, сына Ярослава и троих внуков. Исполнились мечты моих родителей, дедушек и бабушек, чтобы их потомки жили на Земле Обетованной.

<http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/KatzuraDav.html>

«И НАЧАЛИСЬ ПОВАЛЬНЫЕ РАССТРЕЛЫ ЕВРЕЕВ...»

КВАЛЬВАСЕР Адольф (1933 г.)

Я, Квальвасер Адольф Леонидович, родился 1 декабря 1933 года в городе Полтава.

Моими родителями были Квальвасер Леонид Моисеевич, по национальности еврей, и Квальвасер (девичья фамилия Коваленко) Пелагея Лукинична, по национальности украинка.

Мой отец был репрессирован в советское время, а затем пропал без вести в конце 1943 года.

Моя мать во время войны была на временно оккупированной фашистами территории в Полтаве¹ и умерла в 1976 году.

Когда началась война, я жил у тетки с матерью, двумя братьями (Леонидом, 1929 года рождения, и Евгением, 1931 года рождения) и маленькой сестрой Маргаритой, 1941 года рождения, на ул. Пушкаревская, 18, напротив Красных Казарм.

Когда фашисты оккупировали город, жить стало тяжело. В Красных Казармах держали военнопленных, а рядом был Яр – большая яма, сейчас Братская могила, где расстреливали всех пленных и евреев.

Вскоре появились карательные отряды, и начались повальные расстрелы евреев. Чтобы семья не пошла под расстрел, мы переехали на ул. Катериновскую, 48 (сейчас Розы Люксембург), где не знали, что мой отец еврей. Это было 30 июня 1942 года, однако это не гарантировало сохранение жизни, и мы разбежались, кто куда.

Я ходил по окресным селам, просил кушать, ночевал, где попало – на чердаках полуразрушенных домов, в скирдах соломы, пока было еще тепло. Немцы на таких маленьких оборванцев, как я, не обращали внимания. Когда было очень холодно, особенно в зимний период, я тогда, чтобы никто не видел, приходил к своей тете по материнской линии, чтобы отогреться и отоспаться.

Летом 1943 года я узнал от своей тети, что моего брата Леонида арестовали и насильно увезли в Германию.

Так, мытарствуя и постоянно меняя место жительства, я дожид до освобождения от фашистской оккупации Полтавы Красной Армией 23 сентября 1943 года. Это был большой праздник для всей нашей семьи.

После освобождения от фашистской оккупации проживаю в Полтаве.

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО УЗНИКА БЕРШАДСКОГО ГЕТТО

КЕРПИЛЕВИЧ Наум (1933 г.)

Я родился 12 сентября 1933 г. в местечке Бершадь, районном центре Винницкой области, в семье служащего, мать была домохозяйкой. В 1939 году в семье родилась еще девочка, моя младшая сестра Леночка. С нами жила еще бабушка Сура, мать моей мамы. Наша семья из 5 человек жила до войны в половине старого дома, состоящей из трех маленьких комнат и сеней (кладовки).

Бершадь расположена среди других бывших еврейских местечек Подолья и находится на берегах реки Дохна (приток Южного Буга). Еврейское население проживало в центральной части, а вокруг проживали люди других национальностей: русские, украинцы, поляки, молдаване и др. В 1939 г. в Бершади проживали 4270 евреев.

Незадолго до начала войны меня нарядно одели, отец повел меня в школу и записал в первый класс. Это был торжественный момент в моей детской жизни, т. к. я с раннего детства стремился к учебе. Ко времени поступления в школу я уже свободно читал, брал книги в библиотеке, обладал навыками письма и производил арифметические действия с многозначными числами. Акцентирую на этом, т. к. после освобождения от оккупации благодаря этой подготовке мне удалось дальнейшая учеба.

Прекрасно помню день начала войны. Это было теплое воскресное утро, обычный выходной день. Но я понял по тревожному поведению взрослых, что что-то неладно. Шли разговоры о том, что началась война, хотя я своим детским умом не совсем понял, что это такое. Затем я вместе с родителями слушал выступление Молотова по радио.

Вести по радио с войны были неутешительны, а вскоре в небе появились немецкие самолеты и бомбили город. Через Бершадь потянулись отступающие советские войска. Умные евреи начали эвакуацию, в основном на телегах с лошадьми. Часть из них через некоторое время вернулась обратно, застигнутая в дороге немецкими войсками.

Моя семья даже не успела начать эвакуацию. Немцы и румыны спокойно вошли в Бершадь¹ 29 июля 1941 г. Сразу начали устанавливать новые порядки. Мужчин мобилизовали на восстановление моста через реку, взорванного Красной Армией при отступлении.

Еврейская часть местечка была объявлена гетто. Гетто не было еще огорожено колючей проволокой, однако выход за его пределы карался смертью. Еврейским ремесленникам было вменено в обязанность шить одежду и обувь для оккупантов.

Было много мужчин, бежавших из плена или вышедших из окружения. В один из дней им было приказано явиться на территорию районной больницы. Начали выявлять среди них коммунистов и евреев и отправлять на расстрел. Один еврейский парень попытался бежать, немецкий офицер за ним погнался, догнал возле нашего дома и застрелил на месте. Это была первая смерть на моих глазах, а в дальнейшем их было еще много. Были случаи грабежей и мародерства.

Нашу семью это миновало, но я хорошо помню такой случай. Среди оккупантов было и венгерское подразделение (мадьары). Однажды к нашему дому подошел венгерский солдат и заговорил с родителями на идише. Это был венгерский еврей. Разговор был дружелюбный, но вдруг он увидел висящую на стене гитару, на которой отец иногда играл, тут же забрал ее, сказав при этом, что она нам все равно больше не пригодится.

Основные события начались осенью. Бершадское гетто было передано под власть Румынии и вошло в состав так называемой Транснистрии. В местечко были пригнаны колонны евреев, которых румыны по приказу Антонеску депортировали из Бессарабии и Буковины в Транснистрию. Переселенцев поселили в домах местных евреев.

Началась жизнь в очень стесненных условиях. К нам в дом поселили двух братьев с женой одного из них. Мужа звали Саул, он был еврей, а жену звали Лула, она была румынкой. Было им примерно по тридцать лет, до войны они проживали в городе Черновцы. Родители Лулы жили в Бухаресте, и румыны предложили ей бросить мужа и уехать к родителям, но она отказалась и пошла с ним по этапу.

Осенью 1941 г. в гетто насчитывалось 25000 узников. Был введен режим жесткой изоляции, окружили гетто колючей проволокой и выставили часовых. Румынские оккупанты не проводили акций по уничтожению евреев, они им просто создали условия вымирания от голода, холода и болезней.

Зима 1941–1942 гг. была очень холодной, топить было нечем, продуктов питания не было, началась эпидемия тифа. Умирало по 150–200 человек в день. Был в гетто человек по имени Авраам-Ице, у него была тощая лошадь и повозка, на которой он ежедневно вывозил умерших на кладбище, находящееся за пределами гетто. Я не раз видел, как под крики и плач живых он грузил на свою телегу мертвых и затем вывозил их за железные ворота гетто, которые только для этой цели открывались для евреев. Вот как написал об этом бывший узник Бершадского гетто еврейский поэт Борис Цицерман (отец известного российского певца и шоумена Ефима Александрова):

Если едешь в Балановку,
Не объедешь Авадивку,
Лагерь здесь и есть,
Лагерь здесь и есть.
Горе правит этим краем,
Здесь живем мы, пропадаем.
Нечего нам есть, не дают нам есть.
Старому Аврааму-Ице
Приказали быть возницей –
И без лишних слов, и без лишних слов.
Он и грузчик, он и кучер,
На своем возу скрипучем
Возит мертвецов, возит мертвецов.
Нелегка его работа, минул час и умер кто-то.
Всех не сосчитать, всех не сосчитать.
Он на кладбище в Бершади
Избавляется от клади,
А потом опять забирает кладь.
Бедному Аврааму-Ице
Спать бы ночью, да не спится.
Мнится: он идет, мнится: он идет

Рядом со своею клячей, плачет он, да не оплачет
Тех, кого везет, всех, кого везет.

Это стихотворение Бориса Зицермана перевел с языка идиш поэт Наум Гребнев. Зицерман написал еще много стихов о гетто. Он жил много лет в Израиле, в городе Араде, и недавно, к сожалению, умер.

Вспоминается мне случившееся с моим сверстником Борей Володарским. Он имел неосторожность выйти за пределы гетто, и это заметил немецкий офицер на мотоцикле. Он привязал Борю веревкой к мотоциклу и потащил на полном ходу по мостовой. Через некоторое время, решив, что Боря мертв, он его бросил. Но, к счастью, Боря остался жив, его спасли украинцы из ближайших домов. Сейчас Борис Володарский живет в городе Кирьят-Ата и возглавляет организацию бывших узников в этом городе.

Не обошли болезни и нашу семью. Сначала заболела дифтеритом сестра, затем перенесла тиф в тяжелой форме моя мать. Спас их от смерти фельдшер Юрко, который с риском для жизни приходил в гетто лечить евреев.

Чтобы как-то прокормить семью, отец устроился работать на мебельную фабрику, которая находилась за пределами гетто, работа была тяжелой, на пилораме. Я ему часто помогал убирать стружку и опилки. С работы отец приносил буханку хлеба, настолько кислую, что у меня началась сильная изжога, которая проявляется и сейчас.

После страшной зимы и весны летом 1942 г. в гетто осталось 10000 узников. В то же время положение узников несколько улучшилось, когда в 1942 г. начала поступать помощь от евреев Бухареста. Распределением гуманитарной помощи занимался член еврейского комитета гетто адвокат Михаэль Шренцл, который жил в доме напротив нас, на квартире у сестер Гольденберг. Я его видел ежедневно, это был очень респектабельный господин. Он работал в помещении претории (орган гражданского управления румын). Но его судьба также была трагична.

Несмотря на тяжелейшие условия жизни в гетто, лишения, невзгоды, постоянную угрозу жизни, люди не теряли надежды на освобождение.

Каким-то образом проникали сведения о положении на фронте. Я слышал, как взрослые мужчины говорили шепотом о победах Красной Армии под Москвой, Сталинградом, Курском. Особенно воодушевились после победы на Курской дуге. Чувствовалось приближение освобождения от оккупантов. В 1943 г. с приближением фронта установилась связь между гетто и партизанами, которые находились в ближайших лесах. Многие евреи оказывали помощь партизанам вещами и медикаментами, иногда прятали у себя партизан.

В январе 1944 г. списки евреев, помогавших партизанам, попали в руки гестапо, которое обосновалось в Бершади с весны 1943 г. С появлением гестапо участились убийства евреев. По гетто циркулировали слухи, что готовится ликвидация. Сейчас имеется подтверждение того, что немцы настаивали на ликвидации, но румыны не согласились. Но, получив списки, гестапо отыгралось. Первым попал в их руки адвокат Шренцл.

Однажды утром к нему подъехал на фаэтоне румынский жандарм и зашел в дом. Через некоторое время они вышли вместе. Шренцл выглядел прилично, с портфелем в руке. Фаэтон их увез. Его доставили в гестапо, где ему предъявили обвинение в том, что он часть гуманитарной помощи передавал партизанам (говорили, что он коммунист). Он был подвергнут пыткам и расстрелян.

В начале февраля 1944 г. были арестованы около 200 человек из упомянутых списков, а 11 февраля они были расстреляны на западной окраине около села Берловка.

А в начале марта взяли вторую группу, примерно 150 человек, в которую попал и мой папа. До сих пор помню до мелочей момент его ареста. Ночью раздался стук в дверь. Никто дверь не открыл, а женщины забились в угол и начали истерично кричать. Тогда власовцы (это были именно они) прикладами выбили окно, у которого стояла моя кровать, где я спал, и я почувствовал на себе солдатские сапоги. Я схватился и убежал к маме и бабушке.

Ворвавшиеся в дом власовцы обнаружили отца в спальне, избивали его, дали возможность одеться и увели. Утром к зданию комендатуры, в подвале которой находились арестованные, начали приходить их родственники и передавать передачи. Так продолжалось до утра 7 марта.

6 марта мне удалось получить свидание с папой. Мне дали две пачки папирос, я подошел к румынским охранникам, отдал им папиросы и на румынском языке попросил дать увидеть папу. Они были очень удивлены, что еврейский мальчик говорит на румынском языке. Меня научила языку Лула. Охранники подвели меня к подвалу, открыли двери и окликнули папу по фамилии. Он вышел, и я увидел человека с кровоподтеками на лице и сильно заросшего. Увидев меня, он заплакал и ничего не мог сказать, а только назвал мое имя. Через пару минут двери подвала закрыли, а меня прогнали.

7 марта утром к комендатуре уже близко никого не подпустили. Мы издали видели, что заключенных вывели и построили во дворе, затем открылись ворота и их строем под усиленным конвоем повели в западном направлении. На плечах у многих были лопаты, а некоторые бросали вверх головные уборы в знак прощания. В эту ночь они были расстреляны, в том числе и мой отец Израиль Керпилевич.

Через 3–4 дня оккупанты покинули Бершадь, а 14 марта на рассвете пришли наши освободители. Боев в Бершади не было, бой был слышен потом, западнее Бершади. Люди с опаской стали выходить на улицу навстречу войскам. В одном месте остановилась армейская кухня.

Среди освободителей Бершади оказался автор «Повести о настоящем человеке» писатель Борис Полевой. Он в своих «Дневниках» так описал увиденное: «Перед нами – очереди людей с бидончиками, с мисками, с консервными банками на веревочках. Тени людей, облаченных в лохмотья, в отрепья некогда добротной одежды. Двигаются осторожно, точно по тонкому льду. В огромных глазах, кажется, навсегда застыли тоска и страх». «Страшное это место, – писал о нашем гетто Борис Полевой. – Между нормальными домиками прежней постройки теснятся целые массивы развалюх, кое-как сколоченных из фанеры, старых досок, железных листов и Бог знает еще из чего. Хибары лепятся одна к другой, местами сплошняком, и все они буквально набиты людьми, истощенными до крайней степени».

Через несколько дней силами пленных немцев вскрыли две большие могилы, в которых находились тела расстрелянных. Тела выносили и укладывали в ряд. Родственники опознавали

своих и забирали их, чтобы похоронить на кладбище. Кругом стоял крик и плач. Некоторые тела были настолько обезображены, что среди женщин возникали смертельные споры и крики в попытке определить, чей здесь муж, брат или сын. После окончательного опознания мертвых увозили на кладбище для захоронения. Моего отца похоронили ночью при свете факелов.

Постепенно стала налаживаться жизнь. Жителям были выданы продовольственные карточки. Была произведена перепись всех детей школьного возраста. Школьников определяли в тот класс, в который они должны были пойти в сентябре 1941 г.

Понятно, что все были переростки на 2–3 года. Меня хотели определить в первый класс, но я категорически отказался, т.к. по уровню знаний я соответствовал четвертому классу. Кроме той подготовки, которую я получил до войны, мне пришлось немного подучиться у прекрасной семьи учителей из Бессарабии Каушанеров. Они очень рисковали, т.к. учили несколько детей по советским учебникам. Помню, однажды мы читали известный рассказ о пребывании Ленина в Шушенском под названием «Кешин друг». Завуч школы устроил мне экзамен, покачал головой и из-за моего маленького роста направил меня в третий класс.

В 1949 г. я окончил с отличием семилетку. В Бершади было принято после семилетки поступать в Одесский техникум пищевой промышленности. И вот здесь мне пришлось впервые столкнуться с вопиющим фактом антисемитизма. Нас собралось 8 юношей, из них 7 хороших еврейских учеников и один украинец Володя Христич, троечник. Всех еврейских ребят завалили на первом вступительном экзамене, а Христич был принят. Меня как отличника приняли без экзаменов, но директор техникума вызвал меня к себе и сказал: «Знаю я вас, бершадских, я Вас вынужден принять, но после первой же тройки выгоню из техникума». Я забрал документы, уехал в город Херсон и поступил в машиностроительный техникум, который и окончил с отличием в июне 1953 г., уже после смерти Сталина.

И тут я столкнулся с антисемитизмом наоборот. Директором техникума был еврей из Сибири Михаил Абрамович Агарков. Он очень хорошо относился ко мне, даже посодействовал исправлению в моих оценках одной «тройки» на «четверку», благодаря чему я получил диплом с отличием. По положению,

обладатели дипломов с отличием зачислялись в 5% выпуска и направлялись на учебу в МВТУ им. Баумана. Но Михаил Абрамович вызвал меня и сказал: «Пойми меня правильно, я не могу зачислить тебя в 5% выпуска, выбирай любое назначение и езжай на работу».

Я взял назначение на Днепропетровский завод горношахтного оборудования. Проработал год в должности мастера и был призван на службу в армию.

Через 3 года после службы вернулся на завод и проработал в разных должностях 15 лет.

Последняя моя должность на этом заводе была начальник отдела материально-технического снабжения. И снова свою роль сыграл антисемитизм. На одном из совещаний в присутствии еще сорока человек директор заявил мне: «Товарищ Керпилевич, бросьте свои сионистские штучки». Я вышел из кабинета и тут же подал заявление об увольнении.

Я поступил на работу на небольшой завод местной промышленности на должность заместителя начальника технического отдела. Вскоре меня назначили начальником технического отдела, а затем и главным инженером завода.

После 11 лет работы на этом заводе меня пригласили обратно на завод горношахтного оборудования – уже при другом директоре – на должность начальника производственно-диспетчерского отдела, а через 2 года назначили заместителем директора.

Забыл упомянуть, что после службы в армии я закончил Днепропетровский горный институт и получил специальность инженера-механика. В 1989 г. мне предложили выдвинуть свою кандидатуру на должность директора одного из заводов местной промышленности (в тот период руководителей предприятий избирал коллектив). Коллектив доверил мне быть директором, и я проработал с этим коллективом 6 лет, вплоть до репатриации с семьей в Израиль, в сентябре 1995 г.

Я понял, что здесь моя Родина, и жизнью в Израиле я очень доволен. Занимаюсь общественной работой, являюсь председателем совета Натанийского филиала Всеизраильской ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто».

<http://www.netzulim.org/R/OrgR/Articles/Memo/Kerpilev.Naum.html>

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

КЕСЕЛЬМАН Александр (1928 г.)

Я, Кесельман Александр Абович, родился в 1928 году в местечке Красное Тывровского района Винницкой области. До начала Великой Отечественной войны наша семья жила в поселке городского типа Гнивань Тывровского района.

В июле 1941 года семья переехала в местечко Красное, где жили родители матери. Старший брат ушел на фронт и вернулся домой в 1945 году.

В июле 1941 году Красное¹ было захвачено немецкими оккупантами, а позже немцы передали территорию от Буга до Днестра румынам. Румыны в Красном устроили гетто, откуда евреям запрещалось выходить. Перед приходом немцев в районе местечка Красное проходили ожесточенные бои, и наша семья пряталась в дедушкином подвале в течение двух недель.

Условия в гетто были ужасные, не было света, тепла. Печь топили сухим бурьяном, была антисанитария, и свирепствовал тиф. В 1942 году от тифа умерла моя мама, а также сестра Рая.

В местечке Джуриин Шаргородского района в гетто жили родственники отца: мать и две сестры. В январе 1944 г. знакомый отца, украинец, нас с сестрой и отцом перевез в повозке в гетто в Джуриин².

В Джурине в гетто были евреи из Бессарабии, которых румыны выгнали, отобрав их дома и имущество. В гетто брали евреев на работы.

Перед отступлением немцев на запад, на Могилев-Подольский, в течение 10–15 дней шла военная техника.

В конце марта 1944 г. нас освободила Красная Армия, жители радовались, а в первый день мы попали под бомбежку.

«ВОЗЛЕ ОГРОМНОГО РВА НЕМЦЫ РАССТРЕЛЯЛИ ОКОЛО 4 ТЫСЯЧ ЕВРЕЕВ»

КИШКАНЬ (Зильман) Анатолий (1941 г.)

Моя семья Зильман состояла из пяти человек: отец, Зильман Яков Ханович, мать, Зильман Сара Израилевна, брат, Израиль Яковлевич (1921 года рождения), сестра, Соня Яковлевна (1923 года рождения), и я (1941 года рождения).

На период начала войны наша семья проживала в Лубнах Полтавской области. С первых дней войны мой старший брат Изя был призван красноармейцем в действующую армию. В декабре 1941 г. Изя пропал без вести. Об этом моей матери сообщили извещением военного комиссариата в 1944 г. после освобождения Лубен советскими войсками.

В период временной оккупации Лубен¹ немецко-фашистскими захватчиками наша семья оставалась в городе.

Из рассказов матери и свидетелей, которые были участниками страшной трагедии или просто наблюдателями со стороны, я узнал, как нашу семью – отца, сестру и мать со мной на руках (мне тогда было 4,5 месяца) – вместе с другими евреями Лубен и близлежащих сел колонной погнали в село Засулье. Там, в районе пенькозавода, возле огромного рва отдельными группами немцы расстреляли около 4 тысяч евреев. В результате этой варварской акции погибли мой отец и сестра Соня.

В числе расстреливаемых была и моя мать со мною на руках. Ров, возле которого расстреливали евреев, немцами после акции был засыпан. Некоторые из упавших в могилу, остались живыми. Среди живых оказалась и моя мать. Так получилось, что она упала еще до выстрела. Она очнулась под грудой тел от моего плача. Дождавшись ночи, она выбралась с ребенком из ямы и пошла прочь от этого страшного места.

Свидетели из села Засулье рассказывали, что еще долго с этого места слышны были человеческие стоны, и кровь выступала на поверхности земли.

Под покровом ночи мать с ребенком на руках лесом добралась до села Засулье. Она ходила под окнами хат и проси-

ла помощи. Так как село Засулье являлось пригородом Лубен и сельчане часто бывали в городе, то многие хорошо знали семью Якова Зильмана. Мать свидетеля Константина Пшеничного пожалела женщину с крошкой на руках и впустила в пристройку около дома. Там она пробыла несколько дней.

Оставаться дольше было опасно и для нее, и для людей, ее приютивших. Она пошла в села подальше от города. Она исходила не только села Лубенского района, но и в Хорольском районе была, нигде надолго не задерживаясь. Люди, как могли, помогали матери, но бывали и такие случаи, когда ей отказывали в ночлеге, и тогда мать перепрыгивалась в стоге сена. Так она дождалась до освобождения Лубен от немецкой оккупации.

В результате мук и страданий, перенесенных матерью во время ее скитаний, она стала инвалидом. Инвалидом 2-й группы с детства стал и я, оставшийся в живых ее сын Анатолий.

Мы бедствовали и по окончании войны. Мать как инвалида никуда не брали на работу. Жила она на пенсию, которую ей выплачивали за погибшего сына, и помощь добрых людей. Моя мать умерла в возрасте 92 лет в 1991 году. Факт расстрела отца был определен народным судом 1-го участка Лубенского района Полтавской области, дело № 2-115 от 1954 года.

«ОТЦА НА НАШИХ ГЛАЗАХ РАССТРЕЛЯЛИ»

КЛИМЕНЧУК Галина (1936 г.)

Я, Клименчук Галина Борисовна (в девичестве Ксензовская), родилась 15 декабря 1936 года в городе Белая Церковь Киевской области.

Мой отец – Ксензовский Борис Судикович (по национальности еврей) родился в 1915 году. Моя мать – Ксензовская Феодосия Афанасьевна (по национальности украинка) родилась в 1912 году. В семье у нас было трое детей.

Брат – Ксензовский Виктор Борисович, 1935 года рождения, сестра – Ксензовская Тамара Борисовна (по мужу Кравец), 1940 года рождения, и я.

Когда началась война, родители отца (наши дед и бабушка) решили уехать в город Казань. Отец поехал их сопровождать. А когда вернулся, то в Белой Церкви¹ уже были немцы. На тот момент мы проживали по ул. Ярмарочной (недалеко от Центрального рынка).

В сентябре 1941 года начались массовые репрессии против евреев, и отец вынужден был скрываться у родственников жены (нашей матери), которые проживали на Заречье (это район в Белой Церкви). Но полицией, который жил по соседству, сдал отца в комендатуру. Позже мы узнали, что этот предатель после войны получил 10 лет тюрьмы за то, что выдавал немцам людей.

Помню, как осенью 1941 года нашу семью привезли в комендатуру, которая тогда находилась по ул. Шолом-Алейхема. Там собралось очень много народа. Как оказалось, немцы устроили расстрел евреев возле комендатуры (теперь на этом месте размещаются стадион «Трудовые резервы» и Третья воинская площадка).

И тут мы увидели отца. Брат Витя бросился к нему, ухватился за ногу. Но подошел полицией и отшвырнул его ногой на большое расстояние. Отца подвели к яме и на наших глазах расстреляли. У меня до сих пор в ушах стоит крик людей, которых бросали в яму, – кого расстрелянного, кого раненого.

На другой день сестра матери ходила на то место и с ужасом

рассказывала, что земля шевелилась и сквозь нее просачивалась кровь. Немцы обнесли все колючей проволокой, выставили часовых и никому не позволяли приближаться.

Мать неоднократно вызывали в комендатуру, утверждая, что дети еврея – евреи и должны быть уничтожены. Мать поняла, что добром это не кончится. К тому моменту дом наш разбомбили, на его месте зияла воронка.

Мы остались без всего. Первое время мы скрывались у маминой родной сестры Марии, которая жила по ул. Шевченко, а потом у маминой тетки, у которой было много детей, и нас она тоже выдавала за своих. За время войны нам много пришлось скитаться, прятаться в погребках, сараях у чужих людей.

В 1943 году, при отступлении, немцы вытягивали трупы из ямы, обливали бензином и сжигали, чтобы скрыть следы преступления.

В 1944 году, когда освободили Белую Церковь, мы жили в домике Володарской Полины Судиковны (родной тетки отца), семья которой находилась в эвакуации в Казани. После возвращения семьи тети мы вынуждены были искать другое жилье. Мать вселилась в старенький полуразваленный домик Шаинской Иды, которая во время войны выехала из Белой Церкви. После своего возвращения она предложила продать это жилье нашей семье. Так как денег у нас не было, то она согласилась, что мать будет выплачивать ей частями.

Там мы жили все время. Этот домик и сейчас стоит (по ул. Гоголя), в нем жил брат, а сейчас его сын.

В 1945 году мне исполнилось 9 лет, и я пошла в первый класс. Семь классов я окончила в 1952 году. И с этого года началась моя нелегкая трудовая жизнь. С 1968 года я 24 года работала на заводе «Электроконденсатор», до выхода на пенсию.

ПОМНЮ...

КОГАН Борис (1939 г.)

Я, Коган Борис Яковлевич, родился 7 июля 1939 г. в городе Киев¹ и жил вместе с братом, Коганом Михаилом Яковлевичем, на ул. Борщаговской в доме № 87.

Себя я помню сидящим в коляске рядом с братом, отец любил брать меня на руки и играть со мной. Часто он приносил домой большие и круглые конфеты и давал нам. Отец работал на заводе им. Лепсе электриком. Завод находился на ул. Полевой. Дом наш стоял внизу, под насыпью, в яме. Сверху проходила ул. Борщаговская – сейчас на этом месте частные гаражи. Дом наш называли «хрусталкой», т.к. в нем жило много воров, которые воровали с поездов Юго-Западной железной дороги, которая проходила рядом с домом. Дом был большой, деревянный, обложен кирпичом. В нем жило много людей.

Однажды я проснулся от сотрясения дома и увидел во дворе весь кирпич, отлетевший от стен. Потом помню сарай, где мы с братом находились в погребе. После мать нам рассказала, что дом, в котором мы жили, немцы разломали, чтобы избавиться от воров, которые воровали с немецких поездов, а некоторых и убили.

С тех пор мы стали жить у тети Насти – подруги матери. Ее маленький домик находился напротив депо ЮЗ железной дороги, а сейчас на этом месте – остановка скоростного трамвая «Политехническая». За домиком был большой погреб, и мы в основном там и жили. Помню круглую печку, как ее сейчас знают, «буржуйку», на которой мать готовила еду. Рядом с домиком была металлическая лестница, лежащая на откосе насыпи. Она лежит там и сейчас на том же месте. По ней люди попадали в депо с Борщаговской улицы. Помню, как на улице Борщаговской, под забором, лежали трое расстрелянных рабочих, и у одного из них была перевязана рука. И когда я это увидел, то прибежал в погреб и плакал, а мать и брат меня успокаивали.

Долго я боялся выходить на улицу, а потом и ходить по той стороне, где я увидел убитых. Помню, как немцы выселяли людей с улицы, как взрывали депо и как летали доски через железнодорожное полотно, и мы с братом ходили их собирать на дрова.

К концу оккупации мать купила у подруги тети Сони квартиру по ул. Полевой № 51. Это был ее с мужем частный дом, а когда немцы начали уходить из Киева, мы в этот дом и переехали.

Помню сильный гром на улице, когда все взрывалось и стреляло, а мы с соседями Петровыми – тетя Лиза, баба Женя, Игорь, Алешка и другие – сидели в подвале под сараями. Потом мы, пацаны, бегали смотреть, как разбомбили Политехнический институт, и собирали осколки. Помню, как мать бегала встречать наших солдат, и как недалеко от нас горели бараки. Помню пленных немцев, которые расчищали завалы кирпичей на заводе и в клубе завода Лепсе, в КПИ, как их водили колоннами на работу.

Наша мать рассказывала нам, как погиб отец, что она – еврейка, и почему где-то в 20-х годах поменяла документы, сбежав от погрома в России 16-летней девушкой, но никогда не говорила нам своей настоящей фамилии и не учила нас языкам, хотя знала и еврейский, и немецкий. И только став взрослым, я начал все понимать.

ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ

КОГАН Тамара (1940 г.)

Я родилась в январе 1940 г., так что войны совсем не помню. Но мама, рассказывая о войне, припоминала много эпизодов на одну и ту же тему: как нам удалось выжить. Может быть, потому что это было самое главное во время войны.

Война застала нас в Киеве. Как поется в известной песне: «22 июня ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Бомбили ужасно. И мама решила уехать с детьми в Миргород, на родину, надеясь, что маленький тихий городок так сильно бомбить не будут. Но поезд завез нас на Донбасс, в Славянск¹. Может быть, потому что все поезда тогда шли на восток... Мы оказались в чужом городе и очень скоро – в оккупации. К тому же почти год здесь проходила линия фронта. Местные жители, успевшие кое-что спасти из горевших магазинов, как-то держались. А пришлым было очень трудно. Оставалось только менять свои пожитки на что-то съестное.

Но скоро в городе уже ничего невозможно было выменять. Приходилось ходить в окрестные села. Мама пошла и где-то выменяла на свои модельные туфли полмешка буряков. Радость-то какая! Но как донести? Мама слабая, истощенная. А снег – где по колено, а где и по пояс. Сделает шаг и с трудом достает ногу из снега. Сделает еще шаг. И так еле-еле бредет по полю вдоль железной дороги. Но на приличном расстоянии. К железной дороге приближаться запрещено: это тщательно охраняемый стратегический объект. И действительно, по шпалам взад-вперед шагает немецкий часовой с автоматом, наблюдая за ее мучениями. Вдруг часовой машет маме рукой и кричит: «Иди сюда!» Она испугалась: наверное, идет слишком близко к дороге – сейчас расстреляет. Но послушаться страшно. Подходит, а он ей показывает: «Иди по шпалам». Для него это было ужасное нарушение, а для нее – такое счастье, которого она не могла забыть до конца жизни. Полмешка этого буряка помогли нам продержаться долго: мама варила его и давала детям. Первой моей фразой было: «Мама, дай бяк!» Он был такой вкусный и сладкий... Но буряк закончился, а с ним закончились и наши силы. Руки совсем опустились.

И вот однажды мама увидела, что все бегут в какой-то двор. Оказалось, осколком убило лошадь, немецкий солдат рубит ее и раздает мясо людям. Мама тоже побежала туда. Только вокруг солдата огромная толпа, все кричат и протягивают руки. Ей не пробиться. Да она и не пытается, не кричит и не протягивает руки, а только стоит в оцепенении, глядя на происходящее обезумевшими глазами. И вдруг солдат через все головы именно ей протягивает огромный кусок! Это нас спасло. Уже наступила весна, на брошенных огородах пробивался щавель, и мама долго варила борщ с этим мясом.

Мясо закончилось, и наступил тяжелый весенний голод. Мама опухла первая. Потом стала пухнуть моя старшая сестричка. Люди прямо на улицах падали и умирали от голода. И тогда немцы ввели хлебные карточки и стали выдавать по 100 г хлеба на человека в день. Мама рассказывала, что, когда она принесла первый хлеб и дала мне кусочек, я начала не есть, а давиться, запихивая его в рот пальчиками. Мама испугалась, что ребенок или сошел с ума, или сейчас удушится. Она стала меня уговаривать: это твой хлеб, и никто его у тебя не отнимет – не надо весь сразу в рот, ешь по кусочкам. А потом как-то раз мама увидела, что старшая сестра, тоже ребенок, отламывает от своего пайка кусочки и дает мне. За это сестра была строго наказана: выжить нужно всем.

Когда совсем потеплело, решили ехать домой. Скооперировались с другой женщиной, тоже с двумя детьми. На мамину шевиотовую юбку выменяли повозку, посадили в нее детей, сами впряглись – и тронулись в путь, 600 километров. Но в дороге повозка развалилась. Стали проситься в поезд к немцам. Немцы взяли. Поехали. И вдруг – о ужас! У мальчишки начался голодный понос, девочка плачет. Подошел офицер: «Что с ребенком?» – «Животик болит». Он ушел. Мама, зная, что такое кишечная инфекция в условиях войны и как ее боятся немцы, думала: сейчас вернется и выпшвырнет из поезда. Он вернулся с котелком горячего бульона...

Приехали в Киев, стали как-то жить. И наступила зима. И началось наступление Красной Армии. По всему городу развесили приказ немецкого командования о том, что все жители должны покинуть город. За неповиновение – расстрел. Мама поняла: уйти с двумя маленькими детьми в поле, в снег, мороз и пургу – это верная смерть. Пусть уж лучше расстреляют. И

осталась. Приходит патруль, офицер с двумя солдатами. Офицер спрашивает: «Почему не ушли?» – «Дети больные» (мама говорила по-немецки). – «Поймите, я обязан вас расстрелять. Я этого не сделаю. Но будет другой патруль». И был другой патруль, а потом и третий. И все повторялось...

* * *

Шел 1968-й год. Наши танки в Праге. Моему возмущению нет границ. А по стране идут митинги в поддержку решения партии и правительства. Нас (600 человек научно-исследовательского института) тоже гонят в актовЫй зал на митинг. На трибуне ораторы один за другим горячо одобряют. Зал аплодирует. Я оглядываюсь: неужели все сошли с ума? Я рвусь на трибуну. Друзья меня держат за руки. Я вырываюсь – и с трибуны, во весь голос: «Люди! Что с вами случилось? Опомнитесь!» И дальше – все, что я думаю о танках. Закончила свое «пламенное выступление», а в ответ – гробовая тишина...

На другой день вызывает директор: «Ладно, ты не жалеешь себя. Тебе терять нечего, у тебя нечего отнять, потому что у тебя ничего нет. А о других ты подумала? Обо мне подумала?» – «Нет, я думала о чехах».

Удивительно, но за мой «героический» поступок никто не пострадал. Каким-то образом директор выкрутился. Наверное, воспользовался моей репутацией юродивой, говорящей правду в глаза. На Руси сздавна такой обычай: дурак может говорить царю всю правду. И ничего ему за это не будет, его не трогают: он же юродивый, что с него взять?

Прошло много-много лет. Однажды я смотрела по телевизору состязание политологов. И вдруг один из них говорит: «Когда в 1968 г. в Прагу ввели танки, то лишь единицы выступили против. Но они спасли честь страны». Я возликовала: я – единица, я – единица! По аналогии мне хочется сказать: возможно, немецких солдат и офицеров, которые с риском для себя спасали жизнь мирных жителей на оккупированных территориях, было мало. Возможно, единицы. Но они на своих плечах пронесли в будущее идеалы добра и милосердия. Они спасали честь своей страны.

«Еврейская газета». – Берлин, 2010. – Май, № 5 (93).

«Я ВЫЖИВУ!»

КОЙФМАН Григорий (1927 г.)

Я родился, как это было заведено у евреев, в многодетной семье (нас, детей, выросло пятеро; я оказался самым младшим). Отец – Иосиф – родился в 1878 году. Он воевал в Гражданскую войну, был ранен. Спасли его, как это ни удивительно, немцы: сделали ему операцию, и поэтому он вплоть до самого начала Великой Отечественной войны всегда отзывался о них как о хороших людях.

У матери – Полины – было десять братьев и сестер. Неудивительно, что двоюродных у меня оказалось 24 брата и сестры.

Родился я в селе ДЕРЕБЧИН Шаргородского района Винницкой области 7 сентября 1927 года. До войны успел закончить 7 классов. К 1941 году два брата – Михаил и Авраам – служили в армии; сестра Мария работала в школе учительницей, а старший брат Айзек (Исаак) с женой и четырехлетним сыном жил вместе с нами в ДЕРЕБЧИНЕ.

Наше село находилось в окружении населенных пунктов, где евреи составляли большой процент от общего количества жителей: Шаргород, Мурафа, Джурин, Шпиков, Красное. Все местечки, села были разнонациональными, люди жили, не задумываясь, кто есть кто: украинцы, русские, евреи, поляки.

Местечко ДЕРЕБЧИН было небольшим, и к 1941 году там жило всего 54 еврея. Мой отец, мать и старший брат знали идиш. Семья была верующей, потому что происходила из Коэнов (одной из самых почитаемых глубоко религиозных ветвей еврейской нации). Мы стремились к соблюдению настоящих традиций и получению образования. Так, в нашем немногочисленном довоенном 7-м классе было шесть евреев.

Жили мы очень дружно. Так как небогатые родители не могли обеспечить помощь всем пятерым детям в семье, мы самостоятельно становились на ноги, каждый выбирал свою дорогу. Поэтому судьбы сложились по-разному. Брат Михаил (1919 года рождения) был призван в армию еще в 1939 г. Ему пришлось провести всю Финскую кампанию, где он был в первый раз ра-

нен. Затем он был направлен в Прибалтику, к новой границе Советского Союза. Накануне войны – за два дня до ее начала – он приехал в Деревчин в отпуск, но на следующий день решил вернуться к месту службы. Попал в окружение, сумел выйти из него и провоевал до 1944 года, когда был тяжело ранен, и демобилизовался в начале 1945 года.

Второй брат, Авраам, работал в Одессе и с первых дней войны был призван в армию. Участвовал в боях за город, покидал Одессу с последним кораблем. Знакомым своим он сказал: «Передайте жене, что я ухожу на фронт». На глазах у друзей фашистская бомба попала в корабль, который взорвался. Мне передали, что Авраам погиб. Но брат выжил и героически воевал против немцев. В 1944 году он все-таки погиб.

С сестрой Марией мы собирались эвакуироваться, несколько дней ждали поезда, я проголодался, пошел домой, чтобы поесть, но в это время прибыл состав. И вот она уехала, а я остался на оккупированной территории. Затем Марию под Ростовом мобилизовали в армию. Она воевала, дошла до Сталинграда, где была контужена. Ей выдали письмо-документ, в котором содержится обязательство в любое время, как только она этого захочет, предоставить ей в Сталинграде квартиру.

Вот так с первых дней войны два моих брата и сестра сражались на фронте, а мы с братом Айзеком, отцом и матерью пережили страшное время оккупации. Почему я начал рассказ не с себя? Да потому, что Михаил, Авраам и Мария своим героизмом во время войны заслужили право на то, чтобы потомки знали и преклонялись перед ними. А что я? Мне 7 сентября только исполнилось 14 лет.

Перед самой оккупацией семья еще раз пыталась эвакуироваться. Нам выделили повозку с одной лошадкой, но, проехав 20 км, мы вынуждены были вернуться, так как немецкие войска нас опередили.

Деревчин¹ был оккупирован 18 июля 1941 года. Как только мы выехали из нашего дома, его разграбили и заняли другие люди.

Некоторые украинцы встречали приход немцев с хлебом и солью. С первых же дней началась интенсивная антисемитская пропаганда, разбрасывалось много листовок, в которых обвиняли евреев во всевозможных грехах, призывали местное насе-

ление уничтожить коммунистов, политработников и «жидов». Это не могло не сказаться в дальнейшем на поведении местного населения.

Наше положение усугублялось еще тем, что два брата воевали на фронте, и об этом знали все односельчане (о фронтовой службе Марии тогда никто не знал).

Преследование евреев началось с того, что всем было приказано перебраться в центр села. Нас приютил у себя портной Фавел Кислях, и мы все шестеро оказались в одной маленькой, тесной комнатке.

Из отведенной для евреев части села под страхом расстрела нельзя было выходить. Вскоре появился приказ, чтобы все евреи носили отличительный знак – шестиконечную звезду на спине и на груди. Так мы оказались против своей воли узниками гетто.

Трудоспособных мужчин и женщин (а поначалу крепких стариков и детей) начали гонять на тяжелые физические работы. «Естественно», ничего не платили, а если кто-то не так работал, то немцы, а потом румыны избивали несчастных людей найкаками.

Меня, четырнадцатилетнего, послали работать на откормочный пункт скота убирать навоз. Чувство голода грызло постоянно. За то, что я посмел надоить для себя стакан молока, по приказу директора этого пункта меня так избили, что я около двух месяцев находился в бессознательном состоянии из-за поврежденного черепа. Всю жизнь преследуют головные боли и шум в ушах. С тех пор прошло уже 70 лет, но я все еще не могу смотреть на молоко.

Оккупанты находили изуверские способы издевательств над евреями. В Деревчине были высокие деревья, на которых гнездились вороны, видите ли, своим карканьем мешавшие немцам, а потом румынам отдыхать. И те отдали приказ сбросить все гнезда на землю. Но сделать это должны были не шустрые пацаны, а старики-евреи. Именно их – бессильных и беспомощных – заставляли лазить на деревья. Оккупанты от души смеялись над тем, как пожилые люди пытались это сделать. Особенно веселились они, если кто-либо из стариков падал и разбивался.

Так как оставаться в гетто было смертельно опасно, родители отправили меня в соседнее местечко Джурин².

Вскоре, с приближением зимы, я узнал, что евреев из Дербичина должны куда-то отправить. В конце ноября я решил повидаться с родителями. И надо же было такому случиться, чтобы именно в ту ночь румыны произвели облаву, схватили всех узников гетто и под конвоем повели в сторону Шпикова, чтобы в дальнейшем доставить на верную смерть в концлагерь в Печору.

Был 25-градусный мороз, идти пришлось по глубокому снегу. Слышался громкий крик и плач. За одну ночь мы – пешком – прошли 20 км. Практически ничего не могли с собой взять. Отцу моему было 63 года, а брат Айзек нес на руках четырехлетнего сына. Кто отставал, того избивали. К концу ночи добрались до Шпикова³, который уже «очистили» от своих евреев, выслав их в концлагерь «Мертвая петля» в Печору.

Загнали всех в какой-то свинарник, а жандармы и полицаи отправились пьянствовать. И вдруг обнаружилось, что двери сарая открыты. До сих пор не знаю, кто сделал это. Воспользовавшись тем, что охрана выпивала, мы решили бежать. Для безопасности решили идти не все вместе, а разделиться на группы. Маленьким детям внушили, чтобы они не плакали, иначе нас могут обнаружить и убить. И они молчали! Почему за нами не погнались, не знаю, видно, поздно обнаружили.

Я снова вернулся в Джуриновское гетто, к родственникам. С продуктами было очень сложно, жить не на что, одолевали болезни, холод.

Через некоторое время я вернулся в Дербичин, но там облавы были постоянными. В них участвовали украинские полицаи, из местных. До войны у меня был одноклассник Павел, с которым мы считались друзьями-соперниками, так как оба стремились к лидерству. Став полицаем, он три раза хватал меня во время облавы и с каким-то садистским наслаждением доставлял в тюрьму.

Летом 1943 года меня с братом Айзеком снова забрали при очередной облаве. Сначала нас пешком отправили в Могилев-Подольский, где сделали «дезинфекцию»: всю одежду так прожарили, что по дороге она стала расплываться. Кроме того, сделали какие-то уколы, после которых многие заболели и в пути, прямо в товарных вагонах, умерли.

Доехали мы до станции Журавлевка и «отсортировались»: кто послабее – отправили в Печорский лагерь на смерть, а кто по-

крепче – в рабочий лагерь «Нестерварка», откуда гоняли на добычу торфа или строительство дорог. Кто не мог работать – расстреливали, а многих женщин и девушек периодически куда-то уводили, откуда они возвращались изнасилованными, избитыми.

Мы с братом решили бежать. В этом нам помог один украинец, Василий Сауляк, который сумел вывести две группы узников. Помогая бежать третьей группе евреев, он погиб. Светлая ему память!

Побег наш удался с большим трудом, так как была погоня с собаками. Опять пришлось скрываться.

В феврале – начале марта 1944 года наступил самый опасный момент – так называемое «междувластие». Регулярные румынские войска ушли. Мы остались во власти украинских полицейских, дрожавших за свою шкуру. Но даже перед лицом неминуемого наказания со стороны советской власти они не забывали о своей патологической ненависти к узникам еврейского гетто.

К нашему селу приближались бегущие с фронта немецкие оккупанты. И украинские отморозки решили вместе с ними напоследок поизмываться над кучкой оставшихся в живых евреев.

В ночь на 8 марта начался погром еврейских домов. Их окна с разбитыми стеклами были закрыты ставнями. Вдруг началась стрельба, раздались крики взрослых, стариков, детей. Неожиданно послышалась автоматная стрельба, прозвучал топот убегающих людей. До этого стучали в ставни нашего дома, кричали (на украинском и немецком языках): «Жида, выходите!» Мы спрятались в комнате и не открывали двери. Вскоре стрельба затихла, но крики пострадавших продолжались.

Утром узнали, что в двух соседних домах было убито 15 человек – старики, дети: наши сельские и румынские (их пригнали в Дербчин в конце 1941 г.) евреи. По слухам, погром устроили местные полицаи и отступающие немцы.

На улице, несмотря на март, еще фактически была зима. В селе хоронить погибших оказалось невозможным, так как еврейского кладбища у нас не было, нужно было хоронить на кладбище в Мурафе. Лошадей не нашли (не у полицаев же их просить!). И тогда на собственный страх и риск взрослые евреи запряглись в сани и отвезли убитых по глубокому снегу в Мурафу, где и похоронили по обряду.

19 марта 1944 г. Деревчин был освобожден советскими войсками. Военные корреспонденты впервые увидели оставшихся в живых евреев, стали делать снимки: в том числе был сфотографирован и мой отец, Иосиф Койфман.

Когда нас освободили, брата Айзека (Исаака) сразу же забрали в армию – без всякой подготовки, только переодели и отправили в действующие войска. Он попал в Карпаты, когда там шли ожесточенные бои. Немцам помогали банды, которые в народе прозвали «бандеровцами» – по имени их руководителя Степана Бандеры. Именно из-за этих бандитов Исаак стал инвалидом: его ранили подлым выстрелом в спину. На этом война для него закончилась, и он вернулся домой в начале 1945 года.

Трудно себе представить, как я отчаянно стремился попасть на фронт. Но вот беда: 17 лет мне должно было исполниться только через полгода – 7 сентября. Но я нашел себе применение: нас привлекли к поискам бандитов, бывших полицаяв, немцев, поскольку не все враги сумели бежать. Мы не только охраняли объекты типа сельсоветов: за несколько дней, научившись пользоваться оружием, смогли начать поиски противника. Признаюсь – в нас кипело столько злобы, столько ненависти к врагу, да еще появилась реальная возможность защищать себя и свои семьи (в гетто такой возможности практически не было)!

За время до призыва в армию в октябре я успел еще два месяца походить в школу. Нас должен был забрать эшелон в 30 км от Шаргорода, на станции Рахны, куда мы шли пешком. Провожать меня отправилась мама: все-таки на фронт уходил самый младший из пятерых детей. Последний ребенок, и неизвестно, кто останется в живых. Вы знаете, обычно во всех еврейских семьях «мизинец» – это самое дорогое. Наступал вечер, нам сказали, что эшелон сегодня не придет: мама ушла, чтобы где-то переночевать. И тут внезапно подали поезд, ночью нас погрузили и доставили на станцию Казатин. Так я с мамой и не попрощался.

В Казатине, на пересылочном пункте, тех, кто постарше, сразу же отправили на фронт, а нас, 17-летних, пожалели, послали сначала в Калугу для подготовки к какой-либо военной специальности (нашу группу из Украины обучали приемам борьбы против танков).

Лучше всех к нам относились командиры, прошедшие войну, но были такие, которые страшно боялись, что их отправят на фронт. Эти трусы издевались над нами, новобранцами, как могли. Но мы тоже не молчали. Был у нас один старшина – командир взвода, не нюхавший пороху, – заставлявший нас делать много лишнего. Устав от бессмысленной работы и придирок, мы в начале января ночью вынесли его, спящего, на улицу и оставили на морозе. Вдруг раздался крик: «Меня украли!» Построили весь батальон, чтобы наказать: «Сознайтесь, кто это сделал! Иначе будете ходить пешком до Волги, пока не назовете зачинщика!»

Но никто никого не выдал, молодцы! А этого «командира», когда разобрались, отправили на фронт. Дослужился!

В феврале нас погрузили в вагоны, и я оказался в Кенигсберге, тогдашней территории Германии. Отношение к нам было очень хорошее: военнослужащие, которые сражались не первый год, заботились о нас, говорили: «Вы новички, мы вас стараемся уберечь!»

Но через два месяца сражений я был контужен; сестрички милосердия меня с тяжелой травмой головы оттащили с поля боя в военно-полевой госпиталь. Только там я пришел в себя.

В госпитале 8 мая поздно ночью мы вдруг услышали много выстрелов. Вскочили, всполошились: а вдруг это опять на нас напали немцы? Оказалось, что пришел День Победы! Какая была радость, не передать! Действительно, у многих (даже сейчас в моей душе, когда я вспоминаю) текли слезы. Знаете, я никогда не пил. Но в тот День Победы позволил себе фронтовые 100 грамм.

Завершая рассказ о военных испытаниях, хотелось бы напомнить фразу, расхожую в 50-е – 70-е годы: «Евреи «воевали» в Ташкенте», т. е. в эвакуации. Вспомним о моей семье. У отца Иосифа и матери Полины нас было пятеро: четыре брата и одна сестра. Воевали все. Один брат – Авраам – погиб в 1944 г. Трое вернулись с войны инвалидами. Лишь я один остался относительно здоровым, если не считать так и не рассосавшихся рубцов на голове. Итак, из пяти – пять участников войны (100%). Это к вопросу о якобы не сражавшихся евреях...

Военная служба не закончилась для меня в 1945 году. Пройдя тщательную проверку, жесткий отбор, я попал на флот. Кро-

ме крепкого физического здоровья (пришлось доказывать его во время заплыва в шторм на гребной лодке из Кронштадта в Ленинград), требовались еще серьезные умственные, конструкторские способности. Проявились они у меня в экстремальной ситуации. Еще до войны я научился делать детекторный приемник. А известно, что оккупанты под страхом смертной казни приказывали сдать все виды радио. Но знать, что делается на фронте, хотелось очень! И вот мне удалось в конце 1943 года при помощи кремня, наушников и антенны собрать такой приемник. Но вот беда: антенну нельзя было выставлять, сразу поймут, что ты слушаешь радио! Придумать выход мне помогла... собака. Я повесил провод как будто бы для нее, а на самом деле это была антенна. Так я узнавал, что делается на фронте, и рассказывал людям, хотя и это было очень опасно. Понятно, что когда я попал в морское училище, то меня определили в отделение связи. Служил во флоте 7 лет. Обезвреживал мины, так что закалка была хорошая.

Во время службы мне разрешили поступить в Институт иностранных языков, хотя образование было всего 8 классов. Я неплохо знал немецкий язык и проучился на заочном отделении чуть более четырех лет. Демобилизовался в 1951 году. Вскоре скончался тяжело болевший отец. Я закончил вечернюю школу, поступил на заочное отделение Киевского политехнического института по специальности «радиоинженер».

И тут произошло самое светлое событие моей жизни: встреча с будущей женой Аделью. Она жила до войны в Виннице (в районе еврейской Иерусалимки) и во время акции уничтожения десяти тысяч евреев 19 сентября 1941 г. чудом осталась жива.

Вся ее семья была убита фашистами: отец, мать, две сестры, многие родственники. Из битком набитого грузовика, везущего ее, одиннадцатилетнюю, на казнь в Пятничанский лес, ее вытолкнул и велел бежать офицер гестапо Франц, фамилии которого она не запомнила.

Адель была умницей, красавицей, замечательным врачом. Жили мы опять-таки на другом конце Винницкой Иерусалимки (угол улиц Свердлова и Шолом-Алейхема).

Сразу же после окончания Киевского «политеха» я уже работал – 4 года преподавал в пединституте и 44 года проработал

в Управлении связи. Более 13 лет трудился председателем Винницкого Общества узников гетто, членом Украинского и Международного союзов евреев – бывших жертв нацизма.

Когда приходят болезни, испытания и потери, то самое главное в жизни – это верить, причем верить по-еврейски, как мой отец.

К нему, будто к раввину, даже местные жители – неевреи – обращались за советом. После голодного 1933-го года в 1934-м – новая напасть, засуха. И вот соседи приходят к отцу и говорят: «Иосиф, помолитесь своему Богу, чтобы дождь пошел». Ну, а вы помните пословицу: «На Бога надейся, а сам не плошай». У отца был ревматизм, «помогающий» предчувствовать изменения погоды с точностью до дня или даже часа. Он и говорит им: «Люди добрые! Идите домой, через 3 дня будет дождь!» И действительно – через 3 дня дождь пошел. Соседи-украинцы снова пришли к отцу – на этот раз со словами благодарности: «Мы дарим Вам свое спасибо, потому что верим, что с Вами есть Бог!»

Действительно, самое главное – оставаться человеком, верить и не думать: «Ой, мне плохо, я погиб». Надо думать: «Я выживу!» Я почувствовал это однажды, во время оккупации, когда бежал в очередной раз из лагеря и не успел добраться до села. Мои спасители – папа и мама – обложили меня в сарае кирпичами, и таким образом я спрятался. Полицаи пошли меня искать вместе с главным врагом – бывшим соучеником, о котором я рассказывал раньше. Собака почуяла меня, а найти не может, только лает. Я потерял сознание. Но не переставал надеяться, что выживу. И выжил.

«Рожденные страдать»? Помни слезы и скитания Избранного народа. – Винница, 2011. – С. 123–126.

«МОЮ МАТЬ РАССТРЕЛЯЛИ ВМЕСТЕ С ОТЦОМ...»

КОЛЕЧИЦ Юрий (1931 г.)

Я, Колечиц Юрий Дмитриевич, родился в 1931 году в городе Белая Церковь. Отец, Колечиц Дмитрий Сидорович, по национальности русский, мать, Колечиц (Ровинская) Фаня Абрамовна, по национальности еврейка.

До Отечественной войны я окончил третий класс средней школы. Мой отец работал в пожарной охране города, и в связи с этим эвакуироваться мы не успели.

После прихода в 1941 г. в Белую Церковь¹ фашистов начались расстрелы коммунистов и евреев. Моя мать сменила имя Фаня на Галина, была на фамилии отца, но это не помогло, и мою мать расстреляли вместе с отцом, который ее защищал.

Меня и моего младшего брата, Колечица Владимира Дмитриевича, 1937 года рождения, спрятали родственники отца – его сестры Грановская М.С. и Любович В.С. Наши спасители прятали нас – детей, они рисковали своими жизнями. Мы, дети, и наши спасители в период оккупации голодали и замерзали – и это, кроме того, что ежедневно могли быть расстреляны.

Белая Церковь была под оккупацией два с половиной года, и как мы жили все это время, описать невозможно.

По городу рыскали полицаи и жандармы, нас прятали, где только возможно, и на чердаке, и в погребе, и это все два с половиной года. Нам, детям, еще повезло, а наши родители, отец и мать, погибли только за то, что нашей маме суждено было родиться еврейкой.

После освобождения нашего города от фашистов я в тринадцать лет пошел работать, закончил вечернюю школу, отслужил в армии, поступил и закончил Киевский политехнический институт (заочно). После окончания института работал инженером-проектировщиком. С 1991 года на пенсии по возрасту и продолжаю работать.

Все годы, за исключением служб в армии, проживал и проживаю в городе Белая Церковь. Мой брат Колечиц Владимир

Дмитриевич после войны закончил школу, техникум, а затем Сельхозинститут. В настоящее время на пенсии, проживает в г. Золочев Львовской области.

Наши спасители, Грановская Мария Сидоровна и ее сестра Любович-Попова Вероника Сидоровна, умерли.

«В АВГУСТЕ 1942 ГОДА НАЧАЛИСЬ РАССТРЕЛЫ»

КОНДРАЕВА Цилена (1923 г.)

Меня, Кондраеву Цилену Иосифовну (девичья фамилия – Байч), 1923 года рождения, война застала в местечке Рожище¹ Вольнской области, где я жила вместе с моей семьей (отец, мать, три сестры, три брата, племянники и племянницы).

Осенью 1941 г. немцы организовали гетто и согнали все еврейское население в него. Дом моих родителей был первым в гетто. С нами в гетто была еще семья родственников по материнской линии из Луцка, в составе пяти человек.

В августе 1942 г. начались расстрелы.

На границе гетто стоял дом украинской семьи Белецких. Это были наши соседи. Очень хорошие люди. Так как нечего было кушать, я тайком ночью пробиралась к ним, чтобы поменять кое-какие вещи на еду. У нас в доме были маленькие детки, которые постоянно плакали, просили кушать. А напротив дома Белецких стояла так называемая «молочарня», где делали масло, творог и другие молокопродукты для немецкой комендатуры и полицаев. Население из окружающих сел в обязательном порядке должно было сдавать молоко в эту молочарню. Таким образом, было сырье для изготовления молокопродуктов.

В этой молочарне тайно работал сторожем русский пленный Иван Кондраев, которому в конце декабря 1941 г. удалось бежать из плена в Польшу, недалеко от Треблинки. Хозяину «молочарни» было выгодно его держать у себя на работе, так как ему ничего не платили, и он им делал финансовые расчеты тайком от немцев. Он закончил Саратовский институт автомобильного транспорта и хорошо знал математику. Ему выделили маленькую комнатку при молочарне для проживания.

Я с ним познакомилась у Белецких, когда приносила им кое-какие вещи для обмена на продукты питания.

Из гетто никого не выпускали, люди голодали и болели тифом. Меня иногда брала на работу семья фольксдойче Церанкевич. Я у них убирала в доме и маленьком ресторане, смотрела за

детьми. Иногда нас из гетто гнали, как собак, на сбор картофеля и уборку другой сельскохозяйственной продукции для немцев и полицаев. За это ничего не платили и не давали кушать.

Выходить за территорию гетто было очень опасно, и однажды меня поймали вместе с Иваном Кондраевым полицаи. Я думала, что это конец. Но счастливый случай помог мне. Ивана выпустили через день – его выручил его хозяин. А мне помогла семья Церанкевич – заплатили деньги полицаяу. Он меня и выпустил.

За месяц до расстрела евреев Иван предупредил нас, чтобы мы бежали куда-нибудь. Доходили слухи о расстрелах евреев в гетто. Но куда можно было бежать? Вокруг охрана и колючая проволока.

И вот пришло это самое страшное время расстрелов. Вывезли вначале мужчин, как будто бы на работу, и никто из них не вернулся.

А потом пришла наша очередь. Моя семья выкопала в конце нашего огорода большую яму. Мы там прятались. Но дети ночью плакали, просили пить и есть. Там их полицаи и поймали. А я в это время убежала к Белецким в погреб. Меня прятали две недели. Я слышала, как мою семью выгнали из ямы и повели на расстрел.

А потом начались облавы по всему Рожищу. И пани Белецкая мне сказала, чтобы я бежала ночью в лес, так как на следующий день должна была приехать машина с полицаями для «чистки» еврейских домов. Повидимому, кое-кто из евреев остался в живых после расстрела и прятался.

Ночью мне удалось бежать, и я около месяца ходила по селам. Где смогла, просила кусок хлеба и воды. Кое-кто давал, другие гнали меня, крича вслед: «Вон, жидовка!» Все было. Это невозможно ни описать, ни рассказать...

Однажды я прибилась на хутор к одному польскому домику. Хутор назывался Ольганувка. Там жила польская семья из пяти человек. Очень хорошие люди. Вот они меня и приютили на некоторое время. Ночью я им помогала по дому, а днем меня прятали под сеном в сарае для скота.

Все пришлось увидеть: погромы поляков, потом украинцев, сожжение села, крик ночью в лесу еврейского мальчика, которого терзали полицаи, рассказ соседки об изнасилованной в

лесу молодой еврейской девочке, потом убитой, и т. д.

В этой семье я прожила несколько месяцев, оставаться дольше было все опаснее и опаснее. Начала все чаще приходиться полиция, и я сказала мамусе (так я называла хозяйку дома), что в Рожище в молочарне есть сторож – русский пленный Иван: «Пойдите к нему и скажите, что я жива, может, он чем-то поможет». Так и случилось.

Иван согласился забрать меня, но прежде вырыл яму в маленькой кладовой, а землю ночью выносил на чердак, так как была снежная зима и было опасно выбрасывать землю на улицу.

Когда уже было подготовлено место, где я могла прятаться, меня положили на дно повозки, сверху сено и повезли в Рожище. И вдруг немецкий патруль. Мамуся думала, что это конец! Но, слава Богу, все обошлось, в это время они осматривали другую повозку. Меня оставили у Ивана.

Днем я сидела в яме, а ночью выходила наружу. Так я пробыла у Ивана до февраля 1944 г. О том, что меня прятал Иван, знала семья Саши и Мани Радкевич. Это были белогвардейцы из бывшей царской России. Сами из Петербурга. Очень высокообразованная и интеллигентная семья. Мария Радкевич училась и дружила с дочерьми царя Николая II. Много об этом рассказывала. Они также прятали двух еврейских мальчиков по фамилии Гун. Они, эти два еврея, сейчас живут в США.

Когда начала наступать Красная Армия, дальнейшее пребывание у Ивана было опасным. Несколько раз немецкие офицеры заходили в молочарню, где я сидела в яме под тряпками. Ночью Иван и еще один человек посадили меня на повозку и отвезли в село Ужова, заранее договорившись.

Все время Иван приходил и приносил еду этим людям, что меня прятали. Через 2–3 недели пришли советские войска. Начались бои за Ковель. Освободили Луцк, Ковель и Рожище. Были очень сильные бои.

Вскоре я узнала счастливую для меня новость: мой старший брат Шлема остался жив. Он бежал из гетто. Его спас чешский доктор Фрид вместе с 75 евреями и советскими пленными, которых впоследствии доктор Фрид переправил в партизанский отряд. К сожалению, доктора Фрида в конце войны убили бандровцы.

После освобождения Волыни Иван Кондраев был призван в армию, служил рядовым в 349-м стрелковом полку, участвовал в боях за освобождение городов Броды и Рава-Русская Львовской области, в освобождении польских городов, в форсировании Вислы в Польше. В боях под Сандомиром Иван был тяжело ранен. Более девяти месяцев он лежал в разных госпиталях, перенес много операций. После госпиталя Иван приехал в Рожище. Мы поженились. У нас двое детей: сын и дочь.

В 1992 году Ивану Кондраеву присвоили звание «Праведник народов мира».

«ВОЙНА ЗАБРАЛА У МЕНЯ ВСЕ...»

КОНОНОВА (Гершойг) Светлана (1937 г.)

В Черкасском благотворительном фонде «Хэсэд Дорот» организован клуб для узников гетто и людей, переживших Холокост. Стали мы делиться своими воспоминаниями. Нельзя без слез слушать все те ужасы, которые пережили люди в годы войны. Мы плакали. Нам сказали, что Вы, Борис Михайлович, собираете сведения о людях, переживших Холокост. Решилась и я сообщить Вам о себе.

Родилась я 10 июля 1937 г. в городе Киев. Жили мы по ул. Степана Разина в Старо-Киевском районе.

В начале июня 1941 г. мама с отцом поехали к бабушке в город Коростышев¹ Житомирской области. Мама ждала второго ребенка.

И вдруг – страшная весть: война!!! Оккупация! С первых чисел июля и до августа 1941 года продолжались массовые расстрелы людей еврейской национальности. В братской могиле урочища Долина города Коростышев расстреляно более 3000 евреев (в городе проживало более 5000 жителей). Расстреляна и многочисленная семья моей бабушки Гершойг Ханы Абрамовны. Знаю, что всю семью до единого человека расстреляли. Об этом свидетельствовал хорошо знавший нашу семью, длительное время работавший заместителем председателя Горсовета города Коростышев Райх Идель Гершкович (Райх Илья Григорьевич), живущий по ул. К. Маркса, 7.

Я чудом осталась жива. На моем теле (ногах) остались шрамы от пулевых ранений.

Кто-то спас меня. После этого шока я тяжело болела и очень долго не говорила. Мучили страшные головные боли, бывают приступы и сейчас.

Людей, которые спасли и выходили меня, звали тетей Настей и дядей Васей. У них была дочь Валя. Фамилии их я не знаю. Была слишком мала. Воспоминания ужаса (ужасный лай овчарок, постоянный страх, бомбежки) преследовали меня долгие

годы. Ночами пугала детей в детском доме. «Вставай! Немцы едут!» – кричала я неистово.

Помню, как потом с другими детьми пряталась в подвалах вокруг Евбаза (Еврейский базар) возле железнодорожного вокзала Киева. Ели картофельные очистки, собирали отходы на мусорках, жарили каштаны.

Сразу после освобождения Киева от фашистов я попала в Спецдетдом № 10 (Святошин) для детей-сирот, где находилась до 1950 года. В детдоме у меня обнаружили туберкулез. Все тело было расчесано от вшей и покрыто коростой. Помню фамилии детей-евреев, что были со мной в детдоме № 10: Мира Когут, Ляля Гейлик, Саша Гайдамака, Володя Корсунский, Лида Проничева (ее мама чудом осталась жива после расстрела в Бабьем Яру).

Война забрала у меня все: семью, родных, близких, здоровье, дом. Я не знала радостей жизни, постоянно чувствуя свое одиночество.

Ужасы пережитой войны преследуют меня до сего времени.

«МОЯ МАТЬ ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ УЗНИКАМИ ГЕТТО БЫЛА РАССТРЕЛЯНА»

КОНОНЧУК Владимир (1941 г.)

Я, Конончук Владимир Ильич, родился 15 мая 1941 года в селе Шатерники Славутского района Хмельницкой области. У меня отец по национальности украинец, а мать – еврейка.

С начала оккупации района, т. е. с июля 1941 г. по март 1942 г., мой дед, Стратон Ефимович Конончук, прятал меня вместе с моей матерью по разным местам.

В марте 1942 г. немцами в городе Славута¹ было организовано еврейское гетто, куда меня вместе с матерью в том же месяце забрали. Моему деду удалось спасти меня.

Моя мать 14 июля 1942 г. вместе с другими узниками гетто была расстреляна. Мой дед до самого освобождения советскими войсками Славутского района весной 1944 г. прятал меня.

СТРАШНОЕ ДЕТСТВО

КОРДОНСКИЙ Ефим (1931 г.)

Мне было неполных 10 лет, когда Германия вероломно напала на нашу страну. Жили мы в небольшом еврейском местечке Комаргород¹ Томашпольского района Винницкой области.

До войны население местечка составляло около 2000 человек. В основном это были ремесленники, медработники, учителя, бухгалтеры и другие служащие. Часть населения работала в еврейском колхозе им. Петровского.

В начале войны мужчины ушли на фронт, в том числе и мой отец Израиль Кордонский и дядя Мотя Розенберг. Все три года оккупации мы о них ничего не знали. Часть жителей эвакуировалась. Мы же не смогли эвакуироваться, так как у нас не было транспорта, чтобы добраться до железнодорожной станции, не было достаточно денег. Наша семья состояла из двух женщин и пятерых мальчиков мал мала меньше: мама Соня – 39 лет; брат Иосиф – 12 лет; я, Фима, – 10 лет; Борис – 5 лет; сестра мамы Неся – 33 года, с двумя мальчиками: Фиме 4 года и Семе – 2.

Не прошло и месяца после начала войны, как немцы заняли наше местечко. Они ехали, как на парад, – офицеры в легковых машинах, солдаты на мотоциклах и велосипедах. Украинцы встретили оккупантов цветами. Огромная толпа народа, одетая в национальные костюмы, стояла с обеих сторон дороги. Я никогда не видел подобного в нашем селе. Даже в дни октябрьских и первомайских праздников.

Шли первые недели оккупации. До нас доходили слухи, что в северную часть Транснистрии (наши края) отправился румынский карательный отряд для «окончательного решения еврейского вопроса». После себя он оставил кровавый след, полностью уничтожив евреев Ладыжина, Жабокрича, Боровки, Кодымы и Песчанки. Помогали карателям местные украинские националисты.

В Комаргород карательный отряд не пришел. Но и здесь не обошлось без жертв. У нас жандармы расстреляли семерых пожилых мужчин: Ехила Бровера, Ицика Краймера, Герша

Мееровича, Израиля Нагирнера, Шмила Шенкера и двух евреев из Бессарабии, имена которых, к сожалению, остались не известны. Мойше Шрайману удалось спастись. Вот как это было.

Женщины и подростки ушли на уборку урожая в поле. Мужчины средних лет и парни 16–18 лет, которых до войны не призывали в армию, спрятались – знали, что таких убивают в первую очередь. Дома остались старики и малолетние дети. Стариков жандармы забрали для подсобных работ. До полудня их заставляли переносить камни, а вечером повели в лес и велели выкопать яму. Но потом отпустили домой, надеясь, что на следующий день с ними придут другие.

Но пришли те же. На этот раз их морили голодом, издевались, избивали за малейшую провинность, заставляли пасть, как скот. В конце дня их привязали друг к другу за руки и повели в лес. Мойше Шрайман шел с одного края шеренги. Свободной рукой он развязался и велел соседу передать всем последовать его примеру, но никто не согласился. Жандармы же шли за жертвами на довольно отдаленном расстоянии, будучи уверены, что никому бежать не удастся. Когда шеренга приблизилась к опушке леса, Шрайман побежал. Жандармы открыли огонь, но промахнулись. Он скрылся в лесу, а ночью вернулся домой и рассказал о случившемся. Остальных подвели к выкопанной ими же накануне яме и расстреляли.

В Томашполе во время массового расстрела погибла семья Писаревских из Комаргорода: Янкель, Сура, их взрослые дочери Зелда и Фрейда. Они узнали, что карательный отряд расстрелял евреев в Томашполе и что завтра он приедет с той же целью в Комаргород. Поэтому они решили ночью пойти в Томашполь и через день, когда в Комаргороде все свершится, вернуться домой. Сура специально приходила к маме сказать, чтоб мы пошли вместе с ними. Мама отказалась. Писаревские ошиблись на один день, и эта ошибка им стоила жизни.

Расстрел был намечен на день, когда они пришли. Они попали в облаву и были расстреляны вместе с томашпольцами. У Зелды были золотые часы, и она предложила их полицая, который их охранял, чтобы тот их отпустил. Тот согласился отпустить только ее одну. Она осталась. Эти подробности мы узнали после

войны из публикаций в местной прессе о судебном процессе над полициями, участвовавшими в акции расстрела.

По сравнению с другими местечками Подолии, в Комаргороде было относительно спокойно. Спасаясь от смерти, кое-кому удавалось убежать и обосноваться у родственников. Так, из концлагеря Печора, который каратели превратили в Винницкий Аушвиц, сбежали три семьи: Рива Урман с дочкой Фирой и сыном Роней, Малка Урман с сыном Фимой и Хана Шрайман с дочкой Рахилью и сыном Пуней.

Старостой у нас был молдаванин Иван Петрович. Благодетелем его не назовешь. Он достаточно издевался над евреями местечка. Но за определенную мзду с ним можно было решать некоторые вопросы. Так удалось приписать законными жителями нашего гетто три семьи, сбежавшие из Печоры. Со своими родственниками они дожили до освобождения. Одна из них, Фира Рабинова, в настоящее время живет в Мельбурне.

Однажды в нашем местечке появилась молодая женщина с четырьмя детьми. Ее звали Соня. Ее детьми были необыкновенной красоты мальчик лет 7 и 2-летняя девочка. Две девочки немного старше были детьми ее сестры. Они жили в селе Боровка² Могилев-Подольского района. Здесь местные полицаи, не дожидаясь карательного отряда, по собственной инициативе учинили расправу, уничтожив около 900 евреев. Соне с детьми удалось спрятаться и убежать. Чудом им удалось добраться до наших мест. Но нелегко с четырьмя детьми найти приют. Мама их забрала к нам в дом. Так мы стали жить одной большой семьей. Сделали из соломы матрацы, поделились подушками и одеялами. Делились продуктами – благо, было лето, и мы с братом могли снабжать семью картошкой с собственного огорода.

Шли месяцы совместной жизни нашей большой семьи. Вскоре у нас появился отец Сониных племянниц. Он знал, что они спаслись, и нашел их у нас. Они решили вернуться в свой край. Мама уговаривала их остаться, но они надеялись устроиться у своих хороших друзей и дождаться освобождения. Мы помогли им нанять извозчика. Прощание было трогательным. Две Сони подружились и стали считать себя сестрами. Они поклялись встретиться после войны, если удастся выжить. Но не сбылась их мечта... Полицаи обнаружили их при въезде в село и всех рас-

стреляли. От румын можно было спрятаться, иногда откупиться, но от местных головорезов – нет. Эту печальную весть рассказал нам извозчик после возвращения.

В самом начале оккупации мой сосед Гриша Волох попросил меня вместе с ним пасти его корову. В долине, где мы ее пасли, больше никого не было. В нашей больнице разместился немецкий госпиталь. В любое время немцы могли прийти и забрать корову на мясо. Так и случилось. К нам подошел немец с пистолетом на ремне и приказал Грише гнать корову в село. Мы шли с Гришей за коровой, а за нами шагал немец. Когда мы поравнялись с первыми домами, Гриша, не предупредив меня, стал сильно бить корову палкой по спине. Корова с ревом бросилась в одну сторону, Гриша в другую. Я же от неожиданности остоленел. Заметив, что немец, дрожа от злости, достает пистолет из кобуры, я тоже бросился бежать. Грянул выстрел, я продолжал бежать. Второй выстрел прозвучал, когда я повернул за забор, – повезло! Немец промахнулся, и мне не суждено было стать первой жертвой нашего местечка, но впереди еще было три года оккупации!

Следующий случай произошел со мной в августе. Шла уборка урожая. Всех выгоняли в поле на работу. Я тоже участвовал в страде. В этот день я поднялся в 4 часа утра. На улице увидел жандарма, который стоял возле бывшего сельмага, примерно в 100 м от меня. Мы его прозвали «Немой» за молчаливость и угрюмость. Мне почему-то пришла в голову глупая мысль: смог бы я убежать, если бы он начал стрелять? Какая-то неведомая сила заставила меня оглянуться. Я не поверил своим глазам – «Немой» в меня целился. Я побежал изо всех сил. Последовал выстрел, а через несколько секунд я повернул за угол дома. Сердце билось с такой силой, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Мне вторично повезло.

В октябре 1941-го было организовано гетто, куда согнали всех оставшихся жителей местечка. В нашем доме разместились шесть семей. В других домах люди жили тоже в большой тесноте. Гетто огородили забором из колючей проволоки. Против нашего дома была единственная калитка, у которой попеременно дежурили жандармы или полицейские. Нас заставляли носить нагрудные и нарукавные повязки с шестиконечной звездой.

В гетто применялась система рабского принудительного труда, что лишило нас возможности свободно обменивать вещи на продукты. За нарушение режима беспощадно избивали, издевались, унижали человеческое достоинство. Каждый день гнали на работу. Люди страдали от голода, холода и болезней. Не было лекарств, никакой медицинской помощи. Особенно тяжело было зимой, когда почти ежедневно выгоняли на очистку от снега железнодорожных путей и шоссе. В жутких условиях и в страхе мы прожили мучительных три года, опасаясь, что в любое время нас могли депортировать в концлагерь для уничтожения.

Наступил 1944 год. Стало заметно движение немецких войск на запад. А мы по-прежнему находились в гетто за колючей проволокой. Мы первые могли стать жертвами отступающих эсэсовцев и решили ночью разобрать и растащить забор. На следующий день в село приехали гестаповцы на четырех подводах. С ними были русские женщины, возможно, переводчицы, но скорее всего сожительницы. По коварству и злости они явно превосходили своих хозяев. Они остановились у нас и в соседних домах. На рукавах «наших гостей» были нашивки – «смерть на месте». Мы решили, что нам пришел конец. Но они очень торопились. Шло массовое отступление – некоторые солдаты даже ели на ходу. Утром они уехали.

В феврале в наше село приехала на отдых немецкая воинская часть. На работу к ним староста выделил восемь женщин, в том числе мою маму. Семь женщин отправились на кухню, а мама попала уборщицей в штаб. Кроме уборки, мама должна была топить печку. Вечером фельдфебель приказал маме привести юношу колоть дрова, так как эта работа не для женщины. Так я оказался вместе с мамой. Каждый день я ходил на кухню за обедом для нас с мамой и для собаки фельдфебеля. Кроме того, меня заставили вымостить во дворе дорожку из камня, чтобы не заносить грязь в дом. Фельдфебель и его заместитель, на удивление, относились к нам дружелюбно и уважительно. В очереди за обедом солдаты меня тоже не обижали, хотя я опасался встретить среди них какого-нибудь негодяя. И случай не заставил себя долго ждать. На следующий день во дворе появился рыжий, коренастый немец с красными злыми глазами. В это время я во дворе чистил сапоги фельдфебеля. Он возился у открытой

двери автофургона, где хранилось стрелковое оружие. Рыжий подошел к машине, хотел взять винтовку, но фельдфебель ему не позволил. Они начали спорить. Мама заподозрила что-то неладное и позвала меня в дом. Она догадалась о причине спора немцев, но мне ничего не сказала. Подробности я узнал дома. Рыжий хотел застрелить меня, но фельдфебель не позволил ему и прогнал со двора.

В последние дни наши «хозяева» заметно погрузтели. Заканчивался отпуск, предстояло ехать на фронт. В свободное время фельдфебель беседовал с мамой. Он рассказывал ей, что в Дрездене у него большой дом, семья, была хорошая работа. Выражал недовольство, что приходится воевать. Война нарушила его мирную жизнь тоже. Прощаясь с нами в последний день, он сказал, что нас скоро освободят. Мама молчала, боясь провокации. Дал нам несколько буханок хлеба, консервы, сахар, мне лично шоколад, для папы табак и сигареты. Мама говорила, что папа работает в совхозе, боясь сказать правду о том, что он воюет.

И среди немцев попадались порядочные люди. И мне особенно повезло, что на моем пути встретился именно такой человек. Ведь, фактически, он в очередной раз спас меня от смерти перед самым освобождением. Он сказал правду, что нас скоро освободят.

16 марта 1944 года в село въехал танк Т-34 с красным флагом на башне и надписью на броне: «За Родину!» Он принес нам спасение и свободу. Говорили, что командиром этого танка был еврейский парень из Томашполя.

Война унесла много человеческих жизней. Много погибло и комаргородцев, в том числе мой дядя Мотя. В память о погибших в центре площади в Комаргороде воздвигнут памятник, на котором высечены их имена.

Мой отец вернулся инвалидом войны.

Тяжелая доля в период оккупации выпала женщинам местечка. Но они выжили, прожили долгую жизнь, вырастили детей, дождались внуков.

Видимо, так было надо, чтобы кто-то выжил, несмотря на боль утрат, и назло антисемитам всех времен доказал, что еврейский народ жив и будет жить всегда.

«МАМИНЫМ СЛЕЗАМ НЕ БЫЛО КОНЦА»

КОРЧИК Тамара (1927 г.)

Пишет Вам Корчик Тамара Семеновна, 1927 года рождения, учитель-пенсионер из города Смела¹ Черкасской области.

Моя мама, Зимняя Мария Григорьевна (девичья фамилия Могилева), в мае 1942 года была вызвана на биржу труда с паспортом, якобы для устройства на работу. Мама домой вернулась, но без паспорта. Через два дня пришел полицейский и повел маму в полицию. Из полиции маму повели в лагерь, куда сводили всех евреев.

Кто-то из бывших учеников (мама была учительница) сказал об этом Лидии Степановне Прохаченко. Лидия Степановна взяла золотые часы своего отца и пошла в лагерь. Отдала часы охраннику и попросила выпустить маму.

Вечером того же дня бывший соученик Лидии Степановны на подводе вместе со своей мамой отвезли меня с мамой подальше от станции им. Шевченко, где мы тогда жили. Младшая сестра Галина была оставлена дома.

От села Ташлык мы шли пешком 12 дней. Ночью просились ночевать у людей. Учитель, работавший с мамой, определил маршрут нашего передвижения (через какие села надо было идти) до станции Грушки. Там жил его родственник, который был оставлен для подпольной работы.

Он направил нас в село Сабатиновка к рыбакам. Они перевезли нас через реку Буг и показали домик, куда надо было идти. Там жил человек, который мог нам помочь. Мы остановились в селе Вильшанка. Работали в сельском хозяйстве. У мамы был фальшивый паспорт на имя Марфы Ивановны Щербины. Условия жизни были ужасные: ни одежды, ни еды, ни спокойствия. Все время проверки, все время кого-то искали.

Маминым слезам не было конца. Освободили нас в конце марта 1944 г. Маме было 42 года, а во рту ни одного зуба, волосы все седые.

Война на всех нас наложила отпечаток. Сестра жила в селе, где все знали, на ком женился отец. И ее прятали в погребе. Сейчас она инвалид 1-й группы по зрению.

Лидии Степановне Кружевой (девичья фамилия Проханченко) присвоили звание «Праведник народов мира».

«НЕ СТРАШНО УМИРАТЬ, СТРАШНО, ЧТО НАШ РОД КОНЧАЕТСЯ...»

КОСТОМАХА Медея (Лидия) (1928 г.)

Я, Костомаха Медея (Лидия) Марковна, до замужества – Маркович, родилась в Днепропетровске 21 июля 1928 г. Проживала все время с родителями по ул. Гоголя, 3, – папа, мама, братик и бабушка. Это был небольшой дом, в котором жили четыре семьи. Отец мой, Марк Лакаонович, работал сначала в еврейской оперетте, а когда она была разогнана, работал в Театре русской драмы и на других работах.

Когда началась война, ему было 50 лет, его в армию не взяли, потому что к тому же он был еще и близоруким. Мама, Розалия Менделевна, работала на швейной фабрике.

Когда мы собрались эвакуироваться, вокзал уже разбомбили. Папа сказал, что мы перейдем через мост. Кинулись к Днепру – мосты взорваны.

Началась бомбежка. Во время воздушной тревоги мы побежали в большой дом по нашей улице Гоголя, 15. Там был большой подвал и много людей, которые прятались в нем.

Когда мы прибежали домой, то от нашего дома остались камни и щепки.

Начался бой за Днепропетровск¹ Наши войска били орудиями по городу с одной стороны, а немцы – с другой.

Мы просидели в подвале почти месяц. Водопровод не работал. Мой братик Ленечка бегал под снарядами с котелком и кружкой в балку, где протекал чистый ручей. Воду он сначала давал детям, потом старикам и другим. Он рассказывал, как снаряды летели с двух сторон. На земле валялись трупы. Горели дома. Питались мы сухарями и крохами, которые нам давали люди, вернее, делились последним.

Наконец перестали грохотать снаряды, советские войска отступили, а немцы вошли в город. Они прошли по нашей улице, потом маршировали по проспекту Карла Маркса под оркестр.

Мы сначала боялись выходить, еще пару дней сидели в подвале. Потом люди потихоньку стали вылезать из подвала. Мы

вышли последними, так как у нас не было жилья. Мама и папа нашли свободную полуподвальную квартиру по ул. Короленко, которая была очень сырая.

Немцы повесили объявления, чтобы все евреи носили белые повязки с шестиконечными звездами. Мы видели, как по нашей улице шли люди партиями (группами), а за ними полицаи. Им говорили, что их ведут в гетто.

К нам тоже пришел полицаи и сказал, чтобы мы собрались всей семьей и забрали свои лучшие вещи, которых у нас не было. Мама ответила ему, что мы подождем папу, что он пошел искать продукты. Он еще добавил, чтобы мы несли хорошие вещи в большой универмаг, который находится по пр. Карла Маркса. Мы быстро собрались, но в универмаг не пошли, а присоединились к последней партии.

Уже вечерело, когда мы подошли к зоне расстрела. Из-за деревьев выскочил немец и стал кричать на пришедшую колонну людей. Мы услышали крики людей и пулеметную очередь и догадались, в чем дело.

Вернулись домой и ждали в страхе, когда за нами придут. Каждый шорох, каждый стук пугал нас. Полицаи вынюхивали, где живут недобитые евреи, и доносили немцам. Они приезжали на машинах и увозили на расстрел. Кто-то донес на папу, что он был ополченец. Подъехала машина, его забрали, и он больше не вернулся.

Мы с мамой в это время находились во дворе и чудом уцелели. Потом братика забрали где-то на улице – он был с повязкой. Соседи видели, как его на Базарной улице поймали и увезли.

Мамочка моя родная не выдержала такого испытания и ночью повесилась. На четвертый день пришли две женщины и положили ее на санки. Я шла за ними. Они сказали мне, чтобы я вернулась.

Я вернулась домой, так и не знаю, где ее захоронили. Я запомнила этот день. Это было 30 января 1942 г. Когда я стала старше, то всегда клала цветы к памятнику погибшим воинам.

Я оделась теплее и домой больше не вернулась. Целыми днями я ходила по городу, не в центре, а по окраинам. Спала в чужих брошенных сараях, укрывалась лохмотьями. Слышала, как ходит патруль. Он заходил в парадные, а я сидела наверху,

подстелив какую-нибудь тряпку или досточку. И все время дрожала, мне казалось, что он вот-вот доберется до меня. Но Бог милывал. Когда патруль уходил, я с облегчением вздыхала.

Однажды я просидела между деревьями на пеньке всю ночь. Страшно было. Я стала сочинять стихи, хотя у меня не было способностей. Я запомнила один куплет:

Темнота и чернота,
Еще ветер веет.
Нет нигде приюта мне,
Я дитя евреев.

Я бродила по улицам и, если кто глянет на меня, мне казалось, что меня узнают. Я была перепугана. Однажды я иду по улице, а навстречу идут две девушки и говорят: «Ось дивись, ще одна жидівка зосталась».

Однажды я встретила соседку из нашего бывшего двора, Пугач Людмилу Петровну. Она забрала меня к себе и некоторое время прятала. У нее самой было трое детей. Она ходила немцам стирать белье, мыть полы и за это приносила похлебку в котелке и кусочек хлеба, которые делила всем поровну.

Она не могла меня долго держать и повела в село Новоалександровка, в 17–18 км от Днепропетровска, к знакомой Ульяне. Людмила сказала, что я умею вышивать. Они кормили меня, и я немного окрепла. Потом меня пригласили вышивать соседи Кужили. Они были очень бедные. И так я вышила всем на краю села, а потом меня отвели в село Первомайск.

В одной хате мне не повезло. Забирали молодежь в Германию, кто-то донес и на меня. Полицей стал стучать в дверь, хозяйка не открывала и спрятала меня на печку, думала, что он не найдет. Но он заскочил в хату, стал все перерывать, нашел меня, стащил с печки. Посадил меня на бричку и сказал, что везет в гестапо в Днепропетровск.

Он привез меня в город, на проспект Карла Маркса, завел в здание, где я увидела немцев. Папа говорил, что ему не страшно умирать, страшно, что наш род кончается – честный, трудолюбивый, и я решила выжить, исполнить папино желание. Полицей завел меня в комнату и сказал, что привез еврейку. Один

гестаповец стал меня пытаться: несколько раз спросил еврейка ли я, потом стал бить кулаками по голове, я теряла сознание, он обливал меня холодной водой – и так несколько раз.

Я твердила одно и то же, я хотела выжить. Гестаповец бросил меня и уехал. Это был конец дня. Дежурный завел меня в другую комнату, где было много стульев. Ночь я просидела на стульях в страхе – боялась заснуть.

Утром пришел другой немец, лицо у него было не злое. Он рукой показал подойти к нему и тоже спросил – еврейка ли я? Я ответила, что нет, что я гречанка. Тогда он засмеялся и сказал по-русски: «А имя Медея?» Я опять ответила, что нет, может, это потому, что у меня волосы длинные, кучерявые и темные. Он махнул рукой и показал на дверь.

Я подумала, что, наверное, будут убивать. Мама, папа, братик и бабушка на том свете, и я пойду к ним. Когда я вышла, он посадил меня в свою машину и привез за город Днепропетровск. Там стояли небольшие домики с разбитыми окнами и стеклами. Здесь я увидела украинскую молодежь, которую, как я потом узнала, ловили на улицах, военную кухню с немцами, а вокруг была колючая проволока.

Я там пробыла дня два или три, не помню. Спали мы одетые в этих домиках, а затем нас отправили в товарных вагонах. Мы спали на полу на соломе, сколько ехали я не помню.

Высадили нас в Германии и грузовой машиной отправили в трудовой лагерь в Фюрстенвальде. Вдоль леса стоял длинный барак. Когда нас регистрировали, то я назвала не свою фамилию, а чужую. Я была так напугана, что мне казалось, что тот гестаповец со зверским лицом найдет меня и здесь. Я придумала имя и фамилию – Лидия Морквина. Мама меня тоже называла Лидочкой. Когда мы зашли в барак, там уже была молодежь, которая приехала раньше.

За лесом был аэродром. Позже мы узнали, что этот лагерь находится недалеко от Берлина. Утром всех, кто постарше, отправляли куда-то на тяжелую работу, а меня и еще одну девочку из Литвы – на кухню.

Мы работали с раннего утра до 7 часов вечера. Мыли большие котлы, полы, стирали солдатам белье. Во второй половине дня чистили картошку. Я запомнила Валю из Нижнеднепров-

ского района, которая заставляла меня стирать персилом ее белье, но я не могла все время стирать, так как была очень слабая. Она угрожала мне и говорила, что я жидовка. Я дрожала всем телом и из последних сил стирала. Зимней одежды я и еще некоторые заключенные не имели, так мы брали брошенные солдатские кители и вечером шили жакеты.

Приблизительно в марте 1945 года забрала меня одна женщина – жена военного. Женщину звали Гизыля, у нее было четверо детей. Я согласилась перейти к ней, так как физически мне трудно было работать, да и Вальку я боялась.

Мы приехали в Потсдам. Вскоре начались бомбежки. Несколько раз в день была воздушная тревога и ночью тоже. Особенно было трудно ночью. Мы таскали сонных детей в бомбоубежище. Они плакали. Я пережила бомбежку в Днепропетровске, а эту бомбежку не хватало сил выдержать. Как сирена завоет, я начинала дрожать, и очень болел живот. Сыпались дома, жить там с детьми уже было невозможно. Муж хозяйки приходил домой два раза, со мной он не разговаривал. Но однажды я слышала, как он ругал Гитлера.

Однажды он прислал двоих солдат, они взяли чемоданы, мы – детей и поехали сначала в Берлин. Затем ехали поездом, я смотрела в окно и видела разбитые города. Потом мы пересели в автобус и приехали в село Фельц-Гофен.

Нас поселили у бауэра, который предложил нам второй этаж. Здесь бомбежек не было. Через некоторое время сообщили, что окончилась война.

Немцы капитулировали. Все радовались, и я тоже со слезами на глазах. Это было 9 мая 1945 г. В эту часть Германии пришли американцы и англичане. По радио сообщили и кругом висели объявления, чтобы все репатриированные явились в Оста-Гофен.

Гизыля оставила детей у хозяев и проводила меня в Оста-Гофен. Подарила мне за работу два своих платья и маленький чемодан. Я ей по дороге рассказала, где мои родители, что я пережила, как я сюда попала. Она тяжело вздохнула, но ничего не сказала. Попрощалась со мной и ушла к детям.

Сюда прибывали репатриированные, которые оказались в этой части Германии. Нас регистрировали. Я назвалась: «Лидия

Марковна Маркович». Здесь я вместе с другими пробыла еще пару недель. Я стремилась на свою Родину, где у меня никого и ничего не осталось.

Нас посадили на машины и привезли в Будапешт. Мы еще около месяца ждали, пока соберутся еще репатриированные. Наконец нас собрали, посадили в товарные вагоны, и эшелон поехал на Родину. Паек давали по списку, все было на учете, посторонних не было. В вагонах была настелена солома, где мы спали на полу.

Ехали мы приблизительно месяц. На каждой остановке, на каждом полустанке, даже в поле, поезд останавливался надолго. Я запомнила, когда однажды поезд долго стоял в поле, ребята поймали козу, разделали ее и в ведрах сварили суп, без приправ. Он казался нам таким вкусным, что я запомнила его на всю оставшуюся жизнь.

Я запомнила еще один случай. На одной из остановок на станции вышли ребята из концлагеря. Это было страшное зрелище. Одни скелеты, кожа и кости. Руки и ноги, как палочки, голова – голый череп и глаза торчат. Они на наших глазах убили мужчину – забросали его камнями и били палками. Потом выяснилось, что он был доносчиком у немцев. Из-за доносов немцы строго наказывали ребят и оставляли без еды. Мы все делились с ними своим пайком. Они жадно ели, а мы говорили, чтобы они ели понемногу, так как это навредит их здоровью.

Когда мы приехали на Родину, каждый выходил на своей остановке. Поезд остановился в моем родном городе Днепропетровск. Я вышла из вагона и пошла на свою родную улицу Гоголя, а там не только наш дом был разбит, но и вся улица лежала в руинах, даже памятник Гоголю лежал разбитый. Придя к своим родственникам, проживающим по ул. Короленко, я там тоже не нашла для себя места, поскольку там было много людей. Я уехала к дяде в Макеевку, затем училась и всегда помнила все, что со мной произошло во время войны.

Возрождение памяти: воспоминания свидетелей жертв Холокоста. – Вып. 1. – Днепропетровск, 2008. – С. 48–55.

«ДЕТИ, НЕ СМОТРИТЕ! ДЕТИ, НЕ СМОТРИТЕ!»

КРАСНЕР Циля (1935 г.)

«Воспоминания – это единственный рай, из которого никогда никого нельзя изгнать». И как ни тяжело к ним возвращаться, наш долг – возвращаться к ним, чтобы восстановить в памяти то, что было с нами, со мной, с моими родными и с теми, кто пострадал в Холокосте. В Писании говорится: тщательно береги душу свою, чтобы помнить о тех делах, которые видели глаза твои. И поведай об этих делах сыновьям своим. И, в принципе, в этом я вижу суть нашей жизни, тех, кто уцелел в огне Катастрофы.

Я, Краснер Циля Ароновна, родилась в Тульчине Винницкой области.

Росла я в обычной еврейской семье любимым старшим ребенком. В семье детей было двое: я и младшая сестренка, которая сейчас живет в Израиле. Мать у меня была домохозяйка, хранительница домашнего очага, а отец работал на обувной фабрике. Он был беспартийный, но во время войны его все называли коммунистом и общественником, пособником советской власти.

Детство проходило приятно, как у всех. Отец мой был из многодетной, религиозной семьи, а мама – более светская женщина, но все радости, все удовольствия, которые касаются нас, детей, нам были доставлены. Конечно, война перечеркнула все. И мои первые воспоминания о войне – это когда пришел сосед и страшно плакал, кричал. Он был немножко такой нервный, больной, бился буквально головой о стенку и кричал: «Война, война!»

Мы не знали, что такое война, и когда я спросила маму, а что такое война, она сказала: «Дети, это очень страшно».

Долго думали – эвакуироваться или нет, и в конце концов, посоветовалась вся родня отцовская, потому что родня матери жила не здесь, – у меня мама родом из Одессы была, – и решили все-таки эвакуироваться. Взяли лошадей, погрузили на них пожитки, нас посадили на эти повозки, и мы двинулись. Но далеко

уехать мы не успели. По дороге уже были бомбежки. Во время бомбежек мы прятались в кукурузе, в каких-то зарослях, – по моим воспоминаниям, – и мать накрывала нас своим телом. А когда после бомбежек немцы улетали, уже оставались трупы, которые тут же хоронили, и слышались крик, стон и плач.

Я сразу повзрослела и не стала задавать никаких вопросов, хотя постоянно меня что-то интересовало, я вообще росла любопытным ребенком и задавала вопросы.

Нас настигли немцы, они забрали лошадей и все пожитки, которые мы погрузили, и мы, в чем были, двинулись в обратный путь в Тульчин¹.

Изможденные, мы ночью возвратились через какое-то время, я не помню, через какое, и пошли к своему дому. В Тульчине уже были немцы, а в нашем доме жил уже какой-то украинский полицаи. И, естественно, мать обратилась к нему, чтобы он пустил нас переночевать. Он не позволил нам даже переступить через порог, и мать стала его умолять, чтобы он дал что-нибудь из продуктов, которые еще оставались в доме, в погребе. (Это был урожайный год, еще хранилось очень много продуктов.)

В результате он вышел, разозлился, стал кричать, что жидам и коммунистам пришел конец, и столкнул мать. У нас такая веранда была с одной ступенечкой, и он ударил мать в живот. И в результате того, что он ее ударил, мать всю оставшуюся жизнь страдала и рано ушла из жизни. А маме моей в то время было 29 лет.

Затем немцы собрали всех евреев Тульчина, поселили их в какое-то здание по ул. Шевченко, «для прохождения карантина», как они сказали. Там, конечно, были дикие условия из-за скученности в одном небольшом здании. Там спали на цементных полах, повернуться было негде, целый месяц там находились.

Утром выстраивались, должны были стоять по стойке «смирно», а если кто-то не успевал на этот подъем, то им доставались удары прикладами, дубинками.

Кормить – тоже не кормили. У кого были какие-то пожитки, кто успел захватить, у того было, ну, у нас ничего не было, поскольку мы возвратились, и этот полицаи нам ничего не отдал из дому.

Единственным спасением стало то, что были очень хорошие люди. И наши украинские соседи приходили и давали нам что-то поесть.

Спустя месяц ночью всех подняли и повели в то место, которое до войны называлось улица Володарского, как немцы ее там называли, я не помню. И повели нас на эту улицу, которая была уже загорожена, там были полицаи, охрана, так называемое гетто. Сопровождали нас собаки, и дикий вой, и крики полицейских, когда гнали туда. Кто отставал – тому доставались удары.

Привели на эту улицу, дома были все разрушены, темно, посреди улицы горели костры. Костры – потому, что света не было, темень страшная.

Это было страшное зрелище. До сих пор, хотя мне было шесть лет, я вспоминаю эти страшные костры, и эту темень, и эти вой и лай собак...

Каждый занимал то помещение, которое ему доставалось, и, естественно, каждый старался занять что-то получше. Но люди все приходили и приходили, потому что ни дверей, ни окон не было, и набивалось очень много семей в эти здания.

Через какое-то время стали отбирать людей для отправки в Печору, оставляли в гетто только «специалистов» для обслуживания оккупантов. Поначалу нас построили, чтоб в Печору гнать тоже со всеми евреями. Это я помню, что нас гнали, а потом... Не знаю, то ли украинские друзья помогли, то ли попались какие-то, что выкупились. Как есть, так и говорю.

И моего отца с семьей оставили, хотя родня многодетной была. Отец кого мог, того прихватил, потому что сказали, с семьями. Отец еще взял мать, брата, сына его, который был тоже как бы его сын.

А остальных родственников погнали в Печору².

Еще до того, как гнали туда, помню, что в бывшей 2-й школе, по-моему, это бывшая еврейская школа, проводили еще какие-то эксперименты медицинские. Там делали уколы... Мы же тогда не знали, говорили – это, чтоб не заразиться чем-то, и так далее. Никто не знал, и заставляли делать вот эти уколы, я помню, что мы, дети, после этого очень болели, но оказывается, что они, наоборот: заражали, заражали...

И так началась наша жизнь в гетто – полная страха, унижений, оскорблений, голода. Это была Транснистрия. По словам некоторых или в представлениях некоторых, румыны – это чудо, это мед, это сладкая жизнь. Я знаю, что мы так же точно боялись их, они точно так же были оккупанты, они были страшные взяточники, насильники.

Я помню, что мама у меня была очень интересная женщина, красивая, молодая. Но, когда какие-то были облавы, одевала черный платок, и лицо замазывала сажей, и превращалась в такую старую страшную старуху, потому что они не гнушались ничем... и молодыми красивыми женщинами, насильовали их.

В музее Катастрофы винницкого Сохнута есть материал о том, как девушек из Тульчинского гетто забирали для утешения венгерские солдаты, которые находились в резерве где-то в лесу. И еврейских девушек насильовали; это было ужасно, потому что их заражали сифилисом и разными венерическими болезнями.

Часто в гетто устраивались облавы. Наезжали в основном румыны и украинские предатели, полицаи. Они разыскивали тех, кто бежал из лагерей, искали партизан (это ж были партизанские края); искали тех, кто бежал из Печоры, и тут же их уничтожали.

Я помню такой эпизод, когда всех заставляли выйти из домов, это было поздней ночью, горело все. С двух сторон стояли эсэсовцы (я помню эти физиономии страшные). Они стояли все вооруженные, а мы напуганные, и мама говорила: «Не плачьте и ничего не говорите, идите спокойно и быстро, спокойно и быстро». Вот так мы шагали. Мама помогала идти младшей сестре – ей было всего три года, а я топала сама. Так мы сквозь коридор этот шли на улицу, где они все стояли, когда кого-то вешали или расстреливали. Я так помню очень хорошо, что мама все время говорила: «Дети, не смотрите! дети, не смотрите!» Она даже в этот момент пыталась оградить нас от этого ужаса.

В 1943 году отца моего забрали в жандармерию, не объясняя никаких причин, просто забрали, приволокли, поместили в подвальное помещение и бросили на цементный пол. Там его сильно избили. Он был весь окровавлен, он там не раз терял сознание, это рассказывали очевидцы. А мы уже помним, когда

его потом приволокли назад и бросили на территорию гетто, буквально, как собаку.

Его подобрали на территории гетто и пытались как-то еще спасти, и даже украинские друзья прислали какого-то врача или фельдшера, договорились с охраной. Полицаям они заплатили, ночью пропустили, но, посмотрев, врач сказал, что все – уже конец. Я помню его в таком состоянии...

Да, именно украинские друзья помогли привести доктора, но это уже ничего не дало. Хоронили отца под надзором полиции. Нас, детей, не пустили. Была мать, еще там несколько, наверно, каких-то евреев; несколько человек, которые работали там с отцом, и несколько украинских друзей пришли. Похоронен он на Тульчинском кладбище недалеко от братской могилы.

После его смерти мать все время боялась, что нас выселят из гетто, потому что отец был оставлен как «специалист», а отца уже не было. Мы жили, каждый день ожидая, что нас или выселят, или убьют, или неизвестно куда денут. Мать все время дрожала за наши жизни.

После смерти отца в гетто часто приходила украинская женщина, ее звали Мария. Она до войны жила в селе, дружила с моей мамой, приносила молоко. И когда она узнала, что отца уже нет, она пришла к нам, и через ограждение сказала маме: «Я не знаю, смогу ли я тебя спасти, но детей – я должна».

Но ночью за нами пришла другая женщина. Я помню, что мама очень плакала, а мы не хотели уходить от нее, естественно, маленькие еще дети, но вот мама сказала: «Ничего, я потом к вам приду. Вы сначала пойдете». Мы были до ужаса напуганы, я такой типичный еврейский ребенок – черненькая, длинноносенькая, еще худая, как щепочка, такая. И вот очень боялась эта женщина за нас. А сестра у меня такая голубоглазая, беленькая, она была не похожа на еврейку, особенно боялись за меня.

Помню, что эта женщина спала с нами и согревала нас своим теплом. Сестра все время плакала за мамой, я старалась держаться, успокаивала ее и говорила, что мама скоро придет за нами.

И вот как-то отступающие немцы вдруг решили переночевать у этой женщины. Погнали ее на кухню, а нас согнали с той

кровати, на которой мы спали; мы где-то в уголке сидели, как те собачата, прикрывшись, и боялись этих громких криков.

Помню офицерские шапки, такие немецкие, они... с длинным высоким козырьком. Помню, что они разложили какую-то карту, склонились над ней, что-то там говорили, естественно, на немецком языке, подгоняли эту хозяйку, чтобы она им кушать давала, – и что у нее было, и что-то свое у них там было, какие-то консервы. Они были замерзшие, естественно, с этим отступлением. И они так остались ночевать, а мы уже где-то улеглись на полу в уголке.

Потом тетя Мария нас забрала к себе. Мария вела нас к себе. До чего тяжело было идти! Сестричку, которая младше меня на два с половиной года, она немножко несла на руках, немножко за ручку вела; а я шла и плакала, потому что не было сил идти: как я могла быть здоровой, если подошвы прохудились, и на ногах моих были мокрый снег и грязь. Так мы дошли до ее села где-то к вечеру.

Я помню такой эпизод. Немецкая колонна мотоциклистов ехала и, видимо, они пытались спросить дорогу, и какой-то водитель остановил свой мотоцикл и подошел к нам, и тетя Мария закрыла нас и говорит: «Не чіпай, це мої діти». Она протянула свои жилистые руки и с такой ненавистью глядела на него. Я думаю, отступающим было уже не до нас.

Я помню, что потом тетя Мария нам нацепила крестики, якобы мы христианские дети, это я очень хорошо помню. Она сказала, что я теперь не Циля, а Лиля, а Циля – это сугубо еврейское имя, и, если «хочеш жити – то мовчи, нічого не кажи, мовчи». Я так притихла, подумала сразу о смерти, думала, что это страшно, выставила свой крестик и все время так вот ходила с ним.

Тетя Мария нас прятала в своей квартире, я очень хорошо помню, что мы спали на печи. Это было самое теплое место, но каждую ночь нас будили и переводили в другой дом, к каким-то ее знакомым или родственникам, к порядочным, надежным людям, потому что оставаться на одном месте было опасно, чтобы ее не выдали.

И через две недели тетя Мария пошла за мамой. Мы плакали все время, она нам все обещала, видно, пообещала и маме, и

она, оставив нас в селе, пошла за ней. Но маму привести в наше село она уже не могла. Она привела ее в какое-то другое место. Главное было – забрать ее из гетто. Потому что под конец непонятно было, что вообще творилось: раздавались выстрелы, гетто горело, все разбежались.

И она, значит, забрала маму и устроила ее в конюшне, где находились лошади немцев. Она договорилась с конюхом, который ухаживал за немецкими лошадьми, и он спрятал ее. Там было сено, и за этим сеном она пряталась какое-то время. И можете себе представить, что приходили еще оккупанты, которые тоже смотрели за лошадьми своих хозяев, и они вилами доставали корм для лошадей и могли в маму попасть, но, слава Богу, она уцелела.

А потом со временем тетя Мария маму привела к нам.

Помню еще, что у нашей спасительницы было какое-то такое укрытие, в котором нас прятали, типа кладовки с маленьким окошечком. Вход в ту кладовку был закрыт ковриком, и там мы прятались: сидели целый день за придвинутой кроватью. Даже когда уже было меньше оккупантов в селе, мы продолжали находиться в этом укрытии, думали: а вдруг они снова придут.

Я помню очень хорошо такой эпизод, как мы сидели, ели какой-то борщ (вкуснее я ничего не ела в жизни, как мне казалось, и до сих пор помню вкус этого блюда. И очень хорошо помню, что это была деревянная ложка, впервые я ела деревянной ложкой), я сидела напротив окна и вдруг увидела всадника на белом коне, такого огромного, с усами. А у меня все ассоциировалось с немцами, и я так уронила ложку в этот борщ и говорю: «Немцы!» – с таким страхом. И, естественно, что тетя Мария и мама посмотрели сразу в окошко и говорят: «Это наши». Это был то ли разведчик, то ли партизан. Во всяком случае, это был уже освободитель. Мама и тетя Мария выскочили, начали его целовать, свежую воду из колодца набрали. Нам сказали: «Выходите!» И мы вышли на свободу.

После освобождения мы побыли еще пару дней у тети Марии и отправились к себе домой, в Тульчин. Наш дом был уже пуст, украинский полицаи удрал куда-то с немцами, все было разграблено, разрушено. Ни окон, ни дверей. Отца не было. Мы маленькие дети, и вот так началась вдовья жизнь мамина.

Началась послевоенная жизнь. Поскольку мне было 8 лет, я пошла сразу во второй класс. Помню очень хорошо, когда говорили «немцы», то все тряслось во мне, я сразу вспоминала своего изувеченного отца, эти бомбежки, ужасы, которые нам пришлось перенести, эти унижения.

Я помню такой эпизод: когда нас повели в госпиталь, где находились советские раненые, так я там рассказала стихотворение, не помню, какое. И меня позвал к себе какой-то раненый (ему отняли ногу, это я помню очень хорошо) и говорит: «Деточка, подойди ко мне». И я подошла к нему, он погладил меня по головке и спросил, где я была во время войны. Я говорю: «Здесь, в Тульчине, в гетто». А он говорит: «У меня тоже погибли дети примерно твоего возраста под Харьковом». И помню, как на глазах у него выступили слезы, это я очень хорошо помню.

Так он меня гладил по головке, и в это время в палату зашел главврач. Он был в белом халате, и распахнулся у него халат, а он был, наверное, полковник или майор медицинской службы. И вы знаете, я посмотрела на него, а у меня военная форма ассоциировалась только с немцами. И воскликнула: «Немцы!» И потеряла сознание. Меня привели в чувство и говорят: «Деточка, это не немцы, это свои, это наши – красные». (Мы говорили на нашу армию – «красные».) Вот что наделала война.

Послевоенная жизнь, школа, институт, работа – как обычно, как у всех.

Я считаю, что мое поколение, несмотря на все перенесенное, на голод, страдания, муки, на унижения, все-таки не ожесточилось и поняло смысл своей жизни. Во имя памяти тех людей мы должны были жить и рассказывать о них.

Когда меня спрашивают, что я делаю на этой земле, я отвечаю словами Симона Визенталя: «Я сохраняю память о тех, кто погиб в Катастрофе».

Конечно, это нелегко – предаваться воспоминаниям. Это очень сложно, и я не удивляюсь, если кто-то отказывается. Но кто – если не мы? Мы – живые свидетели Катастрофы, и за нас никто больше этого не сделает.

С 1991 года я занимаюсь общественной работой, являюсь членом совета и заместителем председателя городского Общества узников концлагерей, гетто и их спасителей. Вместе с другими

членами совета мы очень много сделали для бывших узников, для защиты их социальных прав.

И я считаю своей святой обязанностью, поскольку мне жизнь подарила украинская женщина, заниматься Праведниками народов мира. Я оформляю материалы, делаю все для того, чтобы им было присвоено звание Праведника мира, которое дает Институт Катастрофы Яд Вашем. И одновременно Праведниками Украины, потому что наконец-то теперь уже украинское правительство тоже оценило подвиг этих людей...

О праведниках я могу рассказывать много. Это святые и очень близкие мне люди, как родные, потому что на фоне тех ужасов, какие были, на фоне черной ночи фашизма, нацизма это были святые люди, они стали светлым пятном в этой жизни.

К сожалению, их тоже остается все меньше и меньше, как и нас, бывших узников гетто, но все, что мы можем, мы для них делаем.

Мне все они, как родственники, они говорят: «Мы помолимся за вас в церкви». Они мне говорят, и мне это очень приятно. Они хорошие, душевные люди. Основная наша задача – это сберечь память о Катастрофе, передать ее следующим поколениям и не забыть тех, кто сгорел в огне Катастрофы. Я могу еще много рассказывать о том, что мы делаем: мы посещаем могилы, я лично выступаю на каждом митинге, особенно на могилах детей, я выступаю в школах и перед молодежью...

Я благодарна судьбе за то, что она меня свела с такими замечательными людьми – Трахтенбергами Ритой и Леонидом. Они явились инициаторами создания в Виннице Музея Катастрофы. Там есть фотография моего отца, и я очень счастлива, что смогла помочь создать в музее стенд Праведников. И еще – большое спасибо Куну Карлиру за то, что он устраивает встречи со спасителями евреев – Праведниками.

Еще мы сберегаем память, часто посещая святые могилы. Но беда в том, что из 156 еврейских братских могил по области 56, как минимум, еще не приведены в порядок должным образом. Хотелось бы, чтобы какой-то знак памяти был поставлен и в честь Праведников. Мы, дети, остались живы благодаря им, остальные лежат в братских, детских могилах.

Этот памятный знак, посвященный Праведникам, должен быть размещен рядом с детскими могилами в Виннице.

Расскажу, как я чту память о своих погибших. Со мной здесь, в Виннице, живут муж, сын и его семья. Был еще отчим – участник войны Григорий Иосифович Сафро – очень хороший человек, который открыл мне дорогу в жизнь, он полюбил мою маму, женился на ней и вывел нас с сестрой в люди. Живут в Израиле две мои сестры. У той сестры, которая была со мной во время оккупации, есть сын (он назван именем моего отца). Значит, благодаря тете Марии, которая нас спасла, жизнь продолжается.

В Израиле, в городе Ашдод, где живут мои сестры, создан мемориал Катастрофы. И на одной из памятных табличек – имя моего отца. Я привезла капсулу с землей из могилы моего отца и из братской могилы евреев, расстрелянных в Тульчине. И в присутствии родственников и выживших в Холокосте, а также представителя мэрии города Ашдод Мери Брускин, представителя муниципалитета, которая сыграла основную роль в создании и деятельности этого мемориала жертвам Катастрофы, захоронили ее. На капсуле выгравировано на иврите, английском и русском языках: «Тульчин, Украина. Арон Краснер, год рождения, год смерти».

Все пережитое не могло не сказаться на моем здоровье, но это уже неинтересная тема, но я хочу сказать, что, насколько мне позволяет здоровье, хотя его у меня очень мало осталось, я стараюсь участвовать во всех мероприятиях, митингах, посвященных памяти Холокоста.

«Рожденные страдать»? Помни слезы и скитания Избранного народа. – Винница, 2011. – С. 83–88.

«ОТЦА И МАМУ НЕМЦЫ РАССТРЕЛЯЛИ...»

КРАСОВИЦКАЯ Ева (1928 г.)

Я, Красовицкая Ева Михайловна, родилась 8 марта 1928 г. в местечке Ильинцы Винницкой области.

Жила семья под Винницей. Это наша, Пустильников, семья, сейчас моя фамилия Красовицкая. Мой папа работал кузнецом в колхозе, а мама вела хозяйство.

Но грянула война, как гром, и туча небо все затмила, а мне, Еве, было 13,5 лет. Когда люди стали уезжать, спасая себе и детям жизнь, наша семья решила: немцы не тронут нас, и куда мы поедем? Ведь мы простые работяги.

Но, увы, они быстро явились – и началось. Евреев немцы истребляли, везде стреляли, убивали, сажали в гетто, в лагерь. И лишь за то уничтожали, что в жилах кровь еврейская текла. Многих наших знакомых, которые пытались эвакуироваться, немцы вернули из-под Киева и расстреляли. Это было очень страшно.

Зверствовали не только гестаповцы, но и наши полицаи. В Ильинцах¹ была больница и там родильный дом. Из роддома рожениц выгоняли с детьми, и на глазах матерей детей кидали в озеро. Об этом страшно даже подумать, а каково это было видеть и пережить?

Нашу семью с другими евреями отправили в гетто. Территория была ужасной – везде колючая проволока, на работу людей выводили, как скотину, к которой лучше относились, били палками, прикладами. Не давали ни пить, ни есть, по ночам, а то и среди белого дня, большими группами выводили куда-то за местечко и расстреливали. Иной раз к нам даже доносились далекие автоматные очереди.

Благодаря сметке отца, нам с мамой и ему самому в одну из дождливых ночей удалось пролезть под проволокой и убежать в лес. Там нас уже на рассвете встретили партизаны. Так мы очутились в большом партизанском отряде – во второй партизанской бригаде имени Сталина, партизанского соединения имени

Ленина, которым командовал Кондратюк (имени не помню). Командиром нашей бригады был Мединский, а начальником ее штаба был Яблочкин.

Я делала в отряде все, что могла: ухаживала за ранеными в лазарете-землянке, кормила лошадей, помогала поварам на кухне. Меня часто брали в разведку, чтобы посылать как девочку-нищенку по домам и в более опасные места.

А как-то меня вызвал командир и говорит: «Пойдешь в село Неманка к одной хорошей женщине, тете Ане, ее сын Саша работает в немецкой комендатуре. Будешь там жить как племянница. Саша будет тебе рассказывать то, что надо передать партизанам, а в назначенное время ты будешь выходить на леваду и рассказывать все это ожидающему тебя связному».

Так я жила у тети Ани. И раз в неделю по вечерам я выходила на встречу с партизанским посланцем. А что рассказывала? Все для них очень важное: и какие карательные отряды готовятся для посылки в партизанский лес, и сколько у них будет бронетранспортеров, сколько немцев и сколько полицаев и все подобное.

И вот однажды на связь со мной никто не явился, а Саша сказал, что завтра немцы будут обстреливать партизанский лагерь в лесу. И я решила сама отправиться в отряд, чтобы рассказать обо всем. Но в лесу я заблудилась. Бродила-бродила, но так и не могла выйти на знакомую когда-то тропу. Совсем выбилась из сил, плачу, ноги уже не несут. Опустилась под кустиком и уснула, хотя уже холодный ноябрь. А связной, оказывается, опоздал. Не дождавшись меня за левадой, рискуя жизнью, зашел к тете Ане и Саше. Они с волнением рассказали ему, что я сама ушла в отряд и что лес должны бомбить. Он, конечно же, поспешил назад и поднял нашу братию на поиски. Нашли меня под утро едва живой.

А скоро началась бомбежка. Все раненые были срочно вывезены в дальние блиндажи. Именно в эту бомбежку и я была тяжело ранена осколками в голову, ногу и руку.

Всех родных со стороны отца и мамы немцы расстреляли, никто не остался в живых, а родственники в Луганске выжили. Они пригласили нашу семью к себе. Так мы в 1952 г. стали луганчанами.

В Луганске вышла замуж, так я стала Красовицкой.

У меня два сына, пять прекрасных внуков и одна правнучка. Удостоена двух орденов «Отечественной войны», ордена «За мужність», медали «Партизан Отечественной войны», израильской медали и многих юбилейных медалей. Я – инвалид 2-й группы Великой Отечественной войны.

«ЕВРЕЕВ УВОЗИЛИ НА МАШИНЕ В ЛЕС, ГДЕ УНИЧТОЖАЛИ»

КРАТКОВА Фаина (1927 г.)

Я, Краткова Фаина Аркадьевна (в девичестве – Вчерайшанская Фаня Айзиковна), родилась 25 августа 1927 года в местечке Ружин Житомирской области. Моя семья: отец – Вчерайшанский Айзик Шулимович, 1905 года рождения, мать – Вчерайшанская Елизавета Ароновна (девичья фамилия – Островская), 1908 года рождения, сестры – Соня, 1929 года рождения, Фира, 1934 года рождения, и Аня, 1938 года рождения. Отец работал кузнецом в разных колхозах, мать – домохозяйка.

Отца забрали в армию 23 июня 1941 года, а уже 28 июня 1941 года местечко Ружин¹ было оккупировано. Мы не успели эвакуироваться и остались в Ружине. Часть, в которой служил отец, попала в окружение, кто попал в плен, а кто, как отец, убежал в родные места. Так отец оказался в оккупированном Ружине, но это было уже после первого погрома.

Немцы в Ружине вскоре издали распоряжение о регистрации всех евреев в полиции и приказали пришить на верхней одежде спереди и сзади большие шестиконечные звезды желтого цвета. Каждый день надо было отмечаться в полиции.

Начальником полиции был бывший конюх колхоза «Коммуна» Йосып Руденко, староста – Качанивский (не помню имени), бывший секретарь райкома комсомола, а полиция была много украинцев, но хорошо помню полицаев по фамилии: Крохмаль, Скородумов, Гнатюк, Заселян, Козак Толя, которому было 16 лет, но в 1943 году партизаны его убили. Полицаи не раз избивали меня и маму железными прутьями.

За несколько дней до первого погрома в Ружине взяли 5 стариков–евреев, в том числе и моего дедушку, которому было 78 лет, долго издевались над ними прямо на улице, заставляли ползать по лужам, а потом загнали в жандармерию, которая находилась в помещении бывшей милиции в районе под названием «Баламутивка», и здесь забили до смерти.

11 сентября 1941 года был устроен первый погром. Накануне, вечером 10 сентября, по еврейским домам ходил еврейский староста Михаил Островский, пожилой мужчина, жена которого была украинка, выпрашивал ценности и деньги, чтобы предотвратить погром.

С рассветом 11 сентября 1941 года мы услышали крики людей. Это шли немцы, румыны, мадьяры и украинские полицаи, выгаскивавшие из домов евреев. Мама с меньшей сестричкой Анютой прыгнула в яму, которая находилась в старой комнате резника. Я с сестрой Соней побежали в сарай, но Соня решила забежать к соседке-украинке, у которой был маленький ребенок, но, как видно, та ее выгнала, и она направилась к сараю. В это время шли два немца, вооруженные до зубов, и тут же ее забрали. Я ее видела последний раз через щелку в сарае. Соня погибла в этом первом погроме.

Я успела забраться на чердак, где пряталась моя сестричка Фира и соседка Геня Постернак. Но нас нашли румыны и полицай Крохмаль. Меня и Геню схватили и били металлическими прутьями. Сестричке Фире удалось спрятаться там же на чердаке, но ее нашла и выдала другая соседка, украинка.

Нас пригнали в центр, где раньше находился магазин «Универмаг». Здесь уже была мама с сестричкой Анютой. Позднее сюда привели и сестру Фиру. Отсюда евреев увозили на машине в лес, где уничтожали.

Когда нас пригнали в «Универмаг», здесь еще оставалось человек 8–10 евреев, которые не поместились в машине: она была набита людьми, а на ее бортах сидели вооруженные солдаты. Машина увезла обреченных, а нас отпустили по домам, причем староста полиции Качанивский предварительно приказал мне вымыть пол от крови в полиции.

В этом первом погроме погибло большое число еврейского населения местечка Ружин. В нем погиб и еврейский староста Михаил Островский. После погрома немцы распорядились переселить всех уцелевших евреев на улицу у речки. Сейчас эта улица называется Набережная. Здесь и было устроено гетто. Оно начиналось в начале улицы и тянулось до дома, определенного немецкой комендатурой.

Гетто обтянули колючей проволокой, на выходе дежурили полицаи. Проволоки не было со стороны реки. Старостой гетто назначили еврея по фамилии Журавель. Желая выслужиться перед немцами и полициями, он нередко избивал заключенных палкой. У него было человек десять детей. Но и он не уцелел: его и его детей убили во время второго погрома, 1 мая 1942 года.

Нас поселили в маленьком домике, состоявшем из двух комнатушек. Всего нас было 17 человек. Каждый день нас гоняли на различные работы. Поздней осенью (в ноябре) 1941 года приехал председатель колхоза из села Топорий, что в 12-ти км от Ружина. Он искал хорошего кузнеца, и ему разрешили забрать отца. Немного спустя ему разрешили забрать в село и нас, но 2 января 1942 года в село приехали четыре полиция с приказом забрать всех евреев и отвезти в Ружин, где нас снова поместили в гетто.

Мы понимали, что готовится еще одна акция по уничтожению евреев, но никто не знал, когда это произойдет. Так в постоянном страхе, голоде, холоде прошла зима 1942 года.

30 апреля 1942 года в гетто стало известно, что приехали немцы-каратели. Они были в черной форме. Мы и еще несколько евреев решили, что терять нам нечего, и решили бежать из гетто. Отец, мама с сестричкой Анютой ночью вышли из гетто со стороны речки и пошли по направлению к лесу. Вместе с нами была бабушка и еще одна женщина. Остальные пошли сразу в лес. Но бабушка была истощена и не могла передвигаться. Тогда мама решила переночевать в поле в стогу сена вместе с бабушкой и с сестричкой Анютой, а я с сестричкой Фирой и отцом пошли в село Топорий.

Как я потом узнала, их нашел полицай Скородумов. Избил их железным прутом и вернул в гетто. Но мы с отцом не знали ничего об их судьбе, и отец решил отправиться в Ружин, чтобы узнать, что с ними произошло. На рассвете 1-го мая 1942 года отец ушел в Ружин, где его тут же схватили.

Подождав отца два дня, я не знала, что делать, к тому же женщина, у которой мы находились, выгнала меня с сестричкой, забрав предварительно деньги, зашитые мамой в моем жакете. Нам ничего не оставалось, как снова идти в Ружин. Дойдя до крайнего дома, я увидела женщину. Напротив ее дома была маслобойка, в ней работал еврей (его оставили как специалиста).

Я попросила женщину узнать у этого еврея о моих родителях. Он сказал, что 1 мая многих евреев расстреляли, мама осталась жива, а бабушку и сестричку Анюту убили в поле, за колхозом «Коммуна». Всех закопали в большой канаве.

В отчаянии я пошла в гетто, но, проходя мимо жандармерии, увидела маму, которая вместе с другими женщинами-еврейками убирала двор. Мама замахала на меня руками, давая понять, чтобы я уходила, но мне некуда было идти, и я с сестричкой Фирой направилась в гетто.

Вечером в гетто вернулась группа мужчин, которых пригнали с работ. Среди них был и отец. Его снова брали на кузнечные работы в разные села, за что работодатели платили взятки деньгами и самогоном охранникам. Отец просил, чтобы ему разрешили брать с собой и меня. Если работы в селе было много, нам разрешали остаться на несколько дней до окончания работы. Работа отца давала возможность иметь кое-какие продукты питания, которые мы приносили в гетто, а когда мы оставались в селе на несколько дней, я ночью относила продукты маме в гетто и сразу же возвращалась, чтобы хозяева не увидели моего отсутствия.

Так продолжалось до середины июля 1942 года. В это время было много кузнечной работы, и я уже больше двух недель не видела маму и сестру Фиру, не приносила им продукты. Как обычно, ночью пошла я в Ружин, но на окраине местечка, в поле, встретила женщину, которая сказала мне, что несколько дней назад всех евреев гетто убили.

Так я узнала о гибели моей матери и сестрички Фиры. Я возвратилась в село, где мы с отцом работали, но его не было ни дома, ни в кузнице. Вдруг я услышала голос отца, который, спрятавшись среди старья во дворе кузницы, ждал меня. Он сказал, что нас искали и что нам надо уходить. С наступлением темноты мы ушли из села Топорий.

Шли мы в Казатин, куда пришли утром следующего дня. Там, на самой окраине, мы зашли в дом, который казался заброшенным, но в нем жила старушка. Мы сказали, что идем домой, в Донбасс, и просили ее разрешить у нее побыть несколько дней, пока я не поправлюсь (у меня были ноги распухшие, как колодки, покрытые гнойниками и струпами). Мы обещали помочь ей по хозяйству.

Старуха была слепая, а мы говорили по-украински совершенно свободно, лучше, чем по-русски. Хотя нас никто не видел, а выходили мы только по ночам, да и то только в огород, отец решил уходить, но взять меня с собой не мог. Мы сказали старушке, что отец завербовался на работы, а я останусь у нее на некоторое время, так как у меня нет никаких документов. Я не буду показываться на людях, чтобы не вызвать никаких подозрений.

Бабушка согласилась и сама была рада. У нее никого не было, и по старости она ничего не могла делать. Здесь я пряталась до освобождения. Всегда была голодна, раны на ногах не заживали. Мы питались тем, что я могла ночью насобирать на огороде или у дороги крапиву, подорожник, съедобные травы. Варила чай, иногда удавалось найти несколько грибов.

Зима 1942–1943 гг. была очень голодной и холодной. Я сожгла все, что было на чердаке, сожгли крыльцо дома, изгородь. Наученная горьким опытом, я стала делать запасы съестного на зиму. Засушила много травы, особенно щавеля и крапивы, насобирала много ветвей и хвороста. Все делала по ночам. Несколько раз заходили полицаи, взять было нечего, но они никого не искали. Я пряталась в подвале, а от старухи ничего нельзя было добиться, она совсем ослепла и оглохла и передвигаться больше не могла, вся высохла.

В последние дни перед освобождением я уже тоже не могла выходить из подвала, который был завален мусором и тряпьем. Я не имела никаких сил подняться с тюфяка, на котором лежала. Я потеряла счет времени и не помню, как и когда меня нашли солдаты. Они выгнали меня из подвала и отвезли в военный госпиталь.

Позже меня перевезли в больницу города Казатин. Там я пролежала более двух месяцев. Бабушка умерла за несколько дней до освобождения, но я узнала об этом уже в больнице.

В начале апреля 1944 года я поехала в Ружин. Вскоре в местечко Вчерайше, которое находится в 18 км от Ружина, вернулся с семьей брат отца – Вчерайшанский Ушер Шулимович. Он разыскал меня и забрал к себе во Вчерайше. Вместе со мной находился в Ружинском гетто Белиловский Михаил, который проживает в Хьюстоне (США), Коган (девичья фамилия Вайсбурд) Берта, 1924 года рождения (проживает в Украине).

«Я СПАСУ ВАС, А БОГ СПАСЕТ МОЕГО СЫНА»

КРЕЙМЕР (БРОДСКАЯ) София (1931 г.)

Я, Креймер (Бродская) София Ароновна, родилась 28 мая 1931 года в городе Кировоград.

В нашей семье, кроме меня, были отец, Бродский Арон Давидович, мать, Бродская Елизавета Моисеевна, и брат Григорий.

Когда началась Великая Отечественная война, брат, 1924 года рождения, ушел добровольцем в армию и в 1944 году погиб на фронте.

После того, как Кировоград¹ был захвачен немецкими войсками, начались убийства еврейского населения – мужчин, женщин, детей, стариков. Во время одного из массовых расстрелов евреев в сентябре 1941 г. немцы убили моего отца.

Нас с мамой спасли соседи – украинцы Иван Николаевич Бахновский и его жена. Я им очень благодарна и буду помнить их вечно. Мы у них были до 5 часов утра, а потом спрятались в погребе до вечера. Ночью мы ушли, соседи боялись нас оставлять, потому что проходили повальные обыски и облавы.

Мы с мамой пошли, куда глаза глядят. И так мы дошли до села Федоровка. Мама надеялась, что в селе нам помогут. Нас приютила колхозница, сын которой был в армии. Она сказала: «Я спасу вас, а Бог спасет моего сына». Но на следующий день пришел староста села – бывший председатель колхоза – и сказал, что знает, что она прячет евреев. Если евреи не уйдут, он выдаст их, и немцы их расстреляют.

И мы с мамой ушли. Хозяйка очень плакала.

В этом селе был большой пруд, мама не знала, что делать, и она решила покончить свою и мою жизнь, решила утопить себя и меня в этом озере. Мы очень боялись расстрела. Мама раздела меня и начала меня топить. Я плакала, кричала, просила меня не топить. На берегу, недалеко от нас, мужчина набирал воду. Когда он услышал мои крики и увидел, что делает мама, он закричал: «Что вы делаете? Не берите грех на душу». Он помог нам выбраться, успокоил маму, и мы пошли скитаться дальше.

Жили в селах Клинцы и Веселое. Спали в сараях, просили кусочек хлеба.

И так дожили, домучились до тех пор, пока советские войска не освободили нашу землю. Потом мы вернулись домой в Кировоград.

«ОТЦА ЗАБРАЛИ, И БОЛЬШЕ МЫ ЕГО НЕ ВИДЕЛИ...»

КРИВИЦКИЙ Александр (1941 г.)

Я, Кривицкий Александр Аронович, родился 10 августа 1941 года в селе Чураховка Ахтырского района Сумской области. Семья наша состояла из шести детей, отца, контуженного во время Гражданской войны, и матери, безграмотной женщины, всю жизнь проработавшей по найму. Отец был неплохой сварщик и кузнец. Работал он на сахарном заводе. Звали его Кривицкий Арон Самойлович, мать моя – Ветер Ульяна Ивановна. Сам я войны не помню, но о том, как мы выжили, знаю из рассказов моих старших сестер и братьев.

Когда началась война, отца на фронт не взяли, так как он был контужен. Немцы пришли в наше село в октябре 1941 года. Нас поначалу не трогали, надо было восстанавливать сахарный завод. Его демонтировали перед войной, и немцам нужны были специалисты.

А в конце февраля 1942 г. пришли два полицая и немец. Отца забрали, и больше мы его не видели. Где его расстреляли, не знаем и по сей день. А недели через три к нам зашел полицай, который знал нашего отца, и предупредил нашу маму. Он сказал: «Если хочешь жить, бери своих жиденят и уходите отсюда, завтра вас придут забирать».

Мы собрали, что было теплого и что могли из продуктов, и пошли в село Алешино. Это в тридцати километрах от нас. Село маленькое, глухое и недалеко от леса. Но нас там знали, и никто не пустил в дом, хотя немцев в том селе не было.

В конце села мы нашли недостроенный дом, а возле него была яма, видимо, там планировался погреб. Мы перекрыли эту яму, кое-как ее утеплили, дожили так до лета, а летом мы перешли в село Росоховатое, там жил дядя моей матери. Он согласился пустить к себе мать с нами, двумя близнецами, а старших детей определил к своим знакомым: Нину и Галю в село Перелуг, что недалеко от Росоховатого, а Николая и Володю еще в какое-то село, не помню точно его названия.

Так мы и прожили до лета 1943 года. А летом немцев выгнали из нашего села. Мать нас всех собрала, и мы вернулись в наше село. Дом наш был разрушен. Нас поселили в бараке на окраине, недалеко от сахарного завода.

Вот и все, что я могу сейчас вспомнить из рассказов моих старших сестер и братьев.

«Я БЫЛ НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ...»

КРИС Семен (1926 г.)

Я, Крис Семен Иосифович, родился в Балте 6 мая 1926 года. Балта – маленький еврейский городок в Одесской области. В 1931 году мы всей семьей переехали в Донецк, тогда он назывался Сталино, а еще до этого Юзовка.

Моего отца звали Иосиф. Он работал сапожником на фабрике. У моих родителей было пятеро детей, все мальчики. У меня было три старших брата и один младший, который родился в 1939 году. Я пошел учиться с 10 лет, потому что болел менингитом. Так что я закончил всего 5 классов, а потом трехмесячное ремесленное училище и выучился на слесаря. С 1939 года я начал работать в железнодорожном депо.

Потом 22 июня 1941 года началась война. Мой отец был инвалидом и не мог идти на фронт, но мой старший брат был призван в Красную Армию. Немцы захватили Сталино (Донецк)¹ без боя в октябре 1941 года. И было много, много евреев, которые не успели эвакуироваться и которым пришлось остаться и пережить фашистскую оккупацию.

Я расскажу вам подробности. Немцы бомбили металлургический завод, и при бомбежке погибло несколько моих знакомых. Немцы почти разрушили весь город.

На второй день после захвата города на столбах и на домах были повешены объявления, что все «жиды» должны явиться в карьер: «Кто не явится, будет расстрелян на месте». Евреи толпой пошли к этому карьеру. Я не пошел, правда, – я уходил куда-то. Отец, мать и трое братьев пошли туда тоже, как и все. Там планировали расстрелять всех, но позже мы узнали, что подпольная группа коммунистов сумела убедить Айхмана, немецкого коменданта города, что будет лучше убить евреев после их работы в шахтах и на разборке руин. Всем сказали на русском языке: «Жиды, идите сейчас домой, придут люди и зарегистрируют вас всех». После этого мои родители вернулись.

На следующий день организовалась украинская полиция, которая ходила по домам в поисках еврейских семей и делала

перепись всех по фамилии и имени. Таким образом образовалась еврейская община под наблюдением местной полиции.

Через несколько дней стали приходиться 2–3 полицейских и выгонять работоспособных мужчин и женщин на работы в шахтах, на очистку от мусора и т. д. Все шахты были затоплены, чтоб немцы не могли добывать уголь. Когда шахты были расчищены и уголь снова можно было добывать, людей отправляли собирать и грузить уголь на грузовики.

За эту работу выдавали 400 г черного, из сгоревшей пшеницы, хлеба на одного рабочего. Потом начали давать 30 марок в месяц, но мы, евреи, ничего не могли купить за эти деньги; мы не имели права никуда выходить. Евреи давали эти деньги русским, и они покупали что-то для нас.

Были случаи, когда местное население грабило евреев, хотя у них и так нечего было брать...

Я помню один случай, когда один мужик-украинец, Носков, зашел с сыном к нам домой – я с этим сыном учился в одном классе. В доме не было абсолютно ничего, была только одна лампочка. Так этот мальчик, Носков, открутил лампочку и забрал. У других забирали все до последней нитки! Если нечего было брать, евреев просто-напросто убивали. Если кто сопротивлялся – били дубинкой.

Однажды мы с папой зашли к одному старому еврею, соседу, который жил недалеко от кладбища, – его убили. Была зима, и его надо было похоронить. Мы просто отгребли землю и закопали его там, рядом с кладбищем.

Массовые убийства начались через 3 месяца, когда выдали подпольную группу, – и всех их повесили. Я лично видел своими глазами, как 6 человек были повешены.

Что было потом? Они выбирали улицу, и ночью приезжала машина с украинскими полицейскими, и, может быть, с одним немцем среди них. Они загоняли евреев в машину, били прикладами и отвозили на шахту 4/4-БИС (бригада имени Стаханова), в центре города. Эта шахта все еще была затоплена. Там евреев расстреливали и бросали вниз. Маленьких детей, не расстреливая, бросали живьем.

Мы жили всего в 2 км от этой шахты, и ночью я говорил отцу, что слышу автоматные выстрелы. Но отец отвечал, что мне все это кажется.

Когда дошли до нашей улицы, меня не было дома, инстинкт подсказывал мне всегда, и я спал у кого-то на чердаке. Той ночью, 26-го апреля 1942 г., вывели на шахту всю нашу семью и мамину сестру Двойру. Там их всех расстреляли и бросили. Мне было 16 лет, когда родители были уничтожены...

Потом я ушел из города; массы людей уходили. Нечего было кушать, поэтому многие ходили по селам и меняли свои вещи на хлеб. Я был среди этой толпы и шел вместе с ними около 500 км пешком от Донецка, пока, наконец, не дошел до города Скадовск² Херсонской области.

По дороге я встретил свою соседку Лидию, у которой было двое детей, одного ребенка она оставила по пути возле детского приюта. Лидия ходила по Скадовску и добывала еду. Она увидела объявление на дверях школы о том, что требуются рабочие в колхозах, и они принимают всех желающих. Мы пошли туда вместе, и одна из женщин записывала нас на работу и задавала вопросы, например, где мои родители. Я ей сказал, что они попали под бомбежку, что папу звали Иван, и назвал себя: Семен Иванович Шпаченко. Я получил документы с новым русским именем, и это меня в каком-то смысле спасало.

В селе люди давали нам продовольствие, и нас поселили в школе.

Я был похож на еврея, и кладовщик спросил: «Откуда ты взялся здесь, жид?» Лидия была похожа на русскую, а вторая беженка, которая была с нами, сказала ему, что я ее брат. Она спасла меня. Я делал там разную работу.

В июне 1943 приехали немцы с полицией и сделали облаву, чтобы найти работоспособную молодежь и угнать на работы в Германию. Они записали нас, 38 парней и девушек, и староста приказал выдать продукты на пять дней.

Нас посадили на подводу и погнали на пристань, а оттуда – на баржу и на Херсонский железнодорожный вокзал. Нас загнали в товарные вагоны и повезли на запад.

Трое суток поезд ехал к польской границе, к городу Перемышль. Там нас загнали в одну школу, мы должны были раздеться догола, чтобы одежду продезинфицировали. Голыми нас погнали на медкомиссию.

Вот тут я был на волосок от смерти – я ведь обрезанный еврей. Мы переходили от одного врача к другому, последний врач – уролог – посмотрел на меня и махнул рукой, говоря: «Иди!», немец же, который сидел рядом, крикнул: «ЮДА!» Я, как железный, не обратил внимания и пошел дальше, туда, где вещи выбросили из дезинфекции. Вышел какой-то врач, (он у меня до сих пор перед глазами) и показал мне: «Молодец!» Смерть меня миновала. Всевышний спас меня!

Когда мы прошли эту комиссию, нас опять загнали в вагоны и отвезли аж в Бреслау, где был лагерь для остарбайтеров. Это был как концлагерь: охрана загнала на нары, нас подстригли налысо и сделали укол за ухом – мы не знали, что это было. Там был еще крематорий посередине между бараками. С фабрик и заводов приезжали люди и выбирали себе работников.

Я попал на фабрику, где делали брикеты из угля. Охрана отвозила нас туда и потом привозила назад в лагерь. В этом лагере я пробыл около трех месяцев.

Потом какой-то покупатель нашелся и отобрал 60 ребят, включая меня. Он вывез нас электричкой в большой дом в городке недалеко от Бреслау. Мы пробыли там три дня. Туда приезжали покупатели и отбирали нас. Меня купил один мужчина по имени Лоренс Гегерт. У него было три работника и большое хозяйство: десять коров, много свиней и много земли. Я проработал у него с августа 1943-го по 12-е апреля 1945 года, когда нас освободила Красная Армия.

Этот Гегерт был настоящим фашистом. Когда ему показалось, что я сделал что-то не так, – выбил мне зубы. Нам варила украинка, еда была плохая.

Фрау Гегерт давала нам в кофе какие-то таблетки – я не знал, что это было. Там был один пленный француз; он говорил нам, чтоб не пили эти таблетки, потому что они понижают мужскую потенцию и, как допинг, позволяют работать 30 часов подряд без усталости.

После освобождения Красной Армией допрашивали меня особисты, и я сразу признался, что я еврей. Они были в ужасе... и попросили меня помочь им: ходить в села и искать, есть ли там немцы, власовцы, бандеровцы, потому что я хорошо разговаривал на немецком. Один раз я пошел с группой ловить немца. У

меня была такая ненависть к ним – за все, что я пережил, и за то, что они сделали с моей семьей! Я помогал русским, и мы поймали немецкого офицера и привели его в отряд на допрос.

Я оставался с военными и дошел аж до Кенигсберга. Этот город освободили после страшных боев. Мы с группой зашли в город и подорвались на mine. Я был ранен в голову, была контузия небольшая, и меня отправили в госпиталь, где мне оказали помощь. Я пробыл там две недели, мне дали бумагу, чтобы подтвердить, что я еврей, военную матросскую форму и продукты.

Потом они приказали мне явиться в Киев в военкомат. Тяжело было добираться до Киева. После проверки я сказал им, что моя настоящая еврейская фамилия Крис, а мое еврейское имя было Шабса. И затем меня направили туда, откуда я был угнан в Польшу, – в город Скадовск.

Секретная служба НКВД сажала таких людей, как я, в тюрьму за «измену». После того, как я приехал туда, они были тоже удивлены, когда я им все рассказал. У меня были все бумаги. Я знал все фамилии тех, с кем меня угоняли, я показал им все фотографии и документы. Они забрали бумаги и сказали возвращаться домой – в Балту. Там сохранились в ЗАГСе все мои документы, и мне выдали повторное свидетельство о рождении.

«Рожденные страдать»? Помни слезы и скитания Избранного народа. – Винница, 2011. – С. 175–177.

МОЯ МАМА

КРОЛЬ Людмила (1935 г.)

Я, Крость Людмила, 1935 года рождения, пережила войну в селе Андрушки Попельнянского района Житомирской области.

Прошло много лет с момента окончания войны, а я без слез и боли в сердце не могу вспоминать события тех лет.

В 1939 г. мой отец ушел на Финскую войну и там погиб. Моя мама, Криворот Надежда Ивановна, 1913 года рождения, осталась вдовой с тремя малолетними детьми. Так как мой отец был партийным работником, мы жили в ведомственной квартире. Когда отец погиб, нас из этой квартиры выселили в маленькую комнатку в общежитии.

В конце 1940 г. моя мама вторично вышла замуж за вдовца с тремя малыми детьми. Отчим забрал нас в свой дом в центре села.

А потом отчим ушел в партизаны и там погиб.

Теперь мама вторично овдовела и осталась с шестью малолетками.

Когда немцы вошли в наше село, они выгнали нас из нашего дома и сами там поселились. А мы переселились в маленькую каморку во дворе нашего дома.

Чтобы нас кормить, мама пошла работать к немцам поварихой.

Наше село расположено в двух километрах от леса. Моя мама пекла хлеб, брала у немцев продукты и передавала в лес партизанам. Зимой я на санках возила хлеб в лес к партизанам.

Однажды ночью к нам в каморку постучала женщина с двумя крошечными детьми: один грудничок и другому 1 год и 2 месяца. Она рассказала, что в селе Соколка (это около нашего села и близко к лесу) фашисты с помощью полицаяв вечером согнали в помещение школы всех евреев и семьи тех, кто помогал партизанам.

А та женщина – еврейка (имени ее я не помню) шла с малыми детками: одного несла на руках, другой ребенок шел, держась

за руку. По дороге она споткнулась и упала в яму, заросшую бурьяном.

Грудничка она прижала к груди, а второму зажала рот рукой, чтобы не плакал.

В этой яме она присидела до ночи. Она слышала, как забивали двери и окна школы, до нее доносился запах бензина, которым облили школу. А потом гогот палачей и треск пожара, и крики и стоны заживо сгорающих людей (там были одни старики, дети и калеки).

Когда все стихло, она выбралась из ямы и с детками пришла в наше село. Постучалась в нашу каморку. Моя мама ее приняла и с детками поселила на чердак нашей каморки.

Эта женщина, по-видимому, знала, что наш отчим в партизанах, и пришла к нам.

Через несколько дней ее переправили в лес к партизанам. О дальнейшей судьбе этой женщины и ее детей я ничего не знаю.

На следующий день после того, как сожгли школу, к нам в деревню прибежали две еврейские женщины. Они наткнулись сразу на фашистов. Те их избили и бросили в колодезь, где они и утонули.

«Доброжелатели» донесли немцам, что мама моя помогает партизанам. Ее забрали фашисты. Они ее избили, пытали. Затем привязали за руки к бричке, запряженной четырьмя лошадьми цугом. Коней погнали, а моя мама бежала за бричкой, пока не упала. Ее волокли еще 1,5 км. Но она, вся побитая и окровавленная, была еще жива. Ее и еще несколько человек бросили в шахту сахарного завода. Утром следующего дня их собирались повесить. Но ночью партизаны их освободили. Это было за шесть месяцев до конца 1943 года, когда нас освободила Красная Армия. Моя мама все эти шесть месяцев была в партизанском отряде.

Когда мы, шестеро детей, остались одни, то старались как-то выжить.

Ходили в соседние села побираться, собирали оставшиеся в поле овощи и колоски. Однажды я собирала в поле колоски. Меня увидел полицай. Он на коне объезжал местность. Он меня догнал, избил нагайкой и забрал торбу с колосками.

Поздно ночью я добралась до нашей каморки. Долго не могла встать. Помню, что руководил полицаями Петро Черный. Это был злобный зверь, а не человек.

В нашем селе жила молодая женщина. Она недавно родила ребенка. Ее муж был в партизанах. К ней пришли фашисты вместе с полицаями. Один полицай схватил маленького ребенка за ножки и разорвал его, а мать изнасиловал.

Когда в конце 1943 г. в село вошли наши войска, этот полицай остался в селе. Или не успел убежать, или недостаточно было «заслуг», и его немцы не взяли с собой.

Вместе с нашими войсками в день освобождения вошли и партизаны. Среди них был муж той женщины, над которой надругался полицай.

Партизаны схватили негодя. Они привязали его за ноги к разным лошадям и погнали их в разные стороны. И не важно, что это был самосуд. Все село радовалось этой расплате. Палач получил по заслугам и сдох.

Наша мама вернулась домой в начале января 1944 г., после освобождения нашего села.

Всех детей, а нас было шестеро, она поставила на ноги.

Она работала очень тяжело и много. Потом долго и тяжело болела и умерла в 1976 г.

Моя мама была человеком необыкновенной доброты и щедрого сердца.

Похоронена она в Киеве на Лесном кладбище.

«ШЕВЕЛИЛАСЬ ЗЕМЛЯ И СТРУИЛАСЬ КРОВЬ...»

КСЕНЗОВСКАЯ Тамара (1940 г.)

Я, Ксензовская Тамара Борисовна, по мужу Кравец, родилась 15 июня 1940 года в городе Белая Церковь.

Отец мой – Ксензовский Борис Судикович, еврей, 1915 года рождения. Мать моя – Ксензовская Феодосия Афанасьевна, украинка, 1912 года рождения. Брат – Виктор, 1935 года рождения. Сестра – Галина, 1936 года рождения.

Когда началась война, мы проживали по ул. Ярмарочной. В сентябре 1941 года (это со слов матери) к дому подъехала машина «воронок», и приказали всей нашей семье сесть в машину. И всех нас повезли на улицу Шолом-Алейхема, где находилась третья воинская площадка. Там была вырыта яма и стояло много людей. Там расстреливали евреев. Брат Виктор вцепился в ногу отца, полицай его ногой отшвырнул на большое расстояние.

Мать и нас троих отпустили домой, но мать домой не пошла, а пошла к своей сестре. На другой день сестра нашей матери пошла посмотреть на то место, где был расстрелян наш отец и другие евреи, после с ужасом рассказывала, как шевелилась земля и струилась кровь. Место было обтянуто колючей проволокой.

Мать неоднократно вызывали в комендатуру, требуя выдать детей. Наш дом разбомбили, мы остались без всего, не во что было одеться, обуться. Мать прятала нас у чужих людей в сараях, подвалах.

Позже мать вселилась в старенький домик Шаинской Иды, которая во время войны выехала из Белой Церкви. Когда она приехала после войны, то она не выгнала мать, предложила ей купить у нее этот кусочек дома, и понемножечку выплачивать. Мать согласилась. Так и сейчас этот домик есть, в нем проживает сын моего брата – Ксензовский Константин Викторович.

Когда мне исполнилось 7 лет, я пошла в школу. Окончив 7 классов, я пошла в Горисполком просить, чтобы мне помогли устроиться на работу, так как не было возможности дальше учиться. Мне не отказали, дали направление на мебельную фаб-

рику ученицей в отделочный цех. Я там проработала 15 лет, но так как у меня пошатнулось здоровье, я уволилась и пошла работать на хлебозавод. Я вышла замуж в 1961 году, имею сына 1962 года. Сын – инвалид 1 группы, я за ним ухаживаю.

Я проживаю по улице Ярослава Мудрого, 30, кв. 44. Мне эту квартиру подарил Набитовский Михаил, он выехал в Израиль и мне доверил, чтобы я ухаживала за могилами его родных. Я так и делаю.

ВОСПОМИНАНЬЯ ЛЕТ ВОЕННЫХ НЕ СМОЕТ ВРЕМЕНИ ТЕЧЕНЬЕ...

КУДЕНКО Альберт и Рудольф

В той жизни в Харькове¹, до 22 июня 1941 года, остались школа № 30, библиотека имени Короленко, где я – Алик – был самым молодым читателем, Дворец пионеров, где мы – Алик и Рудик – занимались в кружках.

После – разбомбленный дом, тяжело контуженный отец, эвакуация любимых тети Розы и тети Ани с их семьями. Муж тети Ани – дядя Саша (Александр Львович Слободской) накануне оккупации Харькова вывез созданный им Институт переливания крови, а мы не смогли эвакуироваться, так как наша семья не была связана с производством.

В сентябре 1941 г. наша семья перешла жить в дом брата мамы Бернарда Блоштейна (переулок Здоровья, № 5), который успел отправить в эвакуацию работников и оборудование паровозостроительного завода и свою семью, а сам серьезно заболел. Там и застала нас оккупация Харькова немецкими захватчиками. Берnard Моисеевич, узнав о гибели младшего сына, был вторично парализован и скончался в первые дни оккупации. Нам удалось его тайно похоронить. Оставаться в его доме стало опасно. Родители нашли свободную жилплощадь на окраине города, по улице Чернышевского, 88. Здесь нас не знали, и родители надеялись, что укрылись от преследований.

В конце ноября 1941 г. был объявлен приказ немецкого командования об изгнании из города лиц еврейской национальности, но наша мама Клара в гетто не ушла. Опасаясь за жизнь мужа и детей, в декабре 1941 г. – январе 1942 г. она проживала вне семьи, скрываясь у подруги, мамы моего соученика Вовы – вдовы Кузьменко Лидии Михайловны (улица Змиевская, 9). Семья Кузьменко оказала маме необходимую помощь и поддержку в самый трудный для нее период. Володя в то трагическое время делал все возможное в его возрасте – он был связным между нами. Чтобы успокоить маму Клару, ему приходилось бегать на другой конец города, чтобы узнать, как мы живем. Но мама

рвалась увидеть своих детей, и это желание было сильнее страха смерти, и она изредка ходила на свидание с нами. Одно такое свидание закончилось трагически: при очередной облаве на евреев маму схватили и отправили в гетто, откуда она уже не возвратилась. Дробицкий Яр стал ее могилой.

Мы, дети, оставшись без матери, перенесли все ужасы нацистских преследований во время оккупации. Я – Альберт, четырнадцатилетним подростком в начале сентября 1942 г. был вывезен на принудительные работы в Германию.

Наш отец за неявку на регистрацию был арестован и отправлен на принудительные работы, взяв с собой шестилетнюю дочь Лию.

Я – Рудольф, одиннадцати лет, остался совершенно один.

Кузьменки ушли на «менку», и меня приютила Анна Крутогорова, у которой я находился до освобождения Харькова советскими войсками.

Вспоминая маму, мы всегда вспоминаем и ставших, по нашему заявлению, Праведниками народов мира Анну Крутогорову, Лидию Михайловну Кузьменко, которая вместе с сыном Владимиром помогла нашей осиротевшей после гибели мамы семье. Они сделали для нас все, что было в их силах.

«БАТЬКА МИ УЖЕ БІЛЬШЕ НЕ БАЧИЛИ...»

КУДРИЦЬКИЙ (ВАЙНБЕРГ) Едуард (1933 р.)

Я, Кудрицький (Вайнберг) Едуард Сергійович, народився 16 лютого 1933 року в селі Стара Гута колишнього Вовковинецького, нині Деражнянського району Хмельницької області. Мій батько – Вайнберг Сергій Ельтухович, мати – Кудрицька Михайлина Йосипівна.

До початку Великої Вітчизняної війни наша сім'я мешкала в місті Деражня¹, де я і закінчив 1-й клас початкової школи.

Коли почалася війна, наша сім'я не встигла евакуюватись і опинилась на окупованій території.

Оскільки мій батько був за національністю євреєм, то його викликали до жандармерії, і після того ми його більше уже не бачили.

Восени 1942 року всіх євреїв з Деражні було відправлено в Летичівське гетто². Нашу сім'ю теж не минула ця страшна доля.

Оскільки мама не була єврейкою, їй дозволялось виходити за територію гетто, але вона не залишала нас трьох і на хвилину. Однієї ночі, коли фашисти проводили розстріли у гетто, наша мама впросила охоронця – мад'яра, щоб він нас відпустив.

Всю ніч ми переховувались на летичівському кладовищі. Потім ми потай повернулись додому в Деражню. Мене мама замурувала в запічку, щоб ніхто не знайшов і не виказав фашистам, а сама повернулась у Летичів.

Мама віддала гебітскомісару жандармерії гроші та каблучку, щоб переписати нас на своє дівоче прізвище. З тих пір ми носимо прізвище Кудрицькі. З цими документами ми потай пішли в село Стара Гута Деражнянського району і там переховувались в сім'ї Плотницького Карла Матвійовича до квітня 1944 року, поки радянські війська не звільнили село.

Після війни я закінчив 4 класи початкової школи в селі Стара Гута.

В 1957 році я поступив учнем в швейну майстерню Вовковинецької промартілі імені 19-річчя Жовтня, де і пропрацював до 1970 року.

В 1970 році пішов працювати робітником на Вовковинецький маслозавод. В 1976 році перейшов на роботу у позавідомчу охорону при Деражнянському РВВС, де й пропрацював до виходу на пенсію у 1992 році.

Одружений, маю двох дочок.

«ОТ ГОЛОДА И ХОЛОДА МНОГИЕ УМИРАЛИ»

КУПЕРМАН Абрам (1937 г.)

Я, Куперман Абрам Копилевич, родился 7 июня 1937 г. в селе Шировцы Хотинского района Черновицкой области.

После начала войны нас, еврейские семьи, согнали в контору села и этапами гнали аж до Винницкой области. Там после сортировки наша семья попала в село Поповцы¹ Барского района Винницкой области.

Сначала многих загнали жить в школу, а потом распределили по всему селу. Мы и еще одна семья попали жить в сарай, который переоборудовали. Отец построил печку, и так мы жили. Родители утром уходили на работу, а мы, голодные, оставались.

Что мы делали? Мы просили милостыню, поэтому были несколько раз биты за нарушение режима. От голода и холода многие умирали, умер и мой средний брат.

Что больше всего врезалось в память – это освобождение. Впервые в жизни я положил в рот что-то сладкое – это была конфета, которую нам дал солдат-освободитель.

«В ГЕТТО МЫ МУЧИЛИСЬ ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА»

КУПЕРМАН (ШКОЛЬНИК) Евдокия (1931 г.)

Я, Куперман Евдокия Ефремовна (в девичестве – Школьник Добриш-Дуся Фроимовна), родилась 18 июня 1931 года в еврейской семье в местечке Станиславчик Винницкой области.

Мой отец, Школьник Фроим Абрамович, 1901 года рождения, моя мама, Ливша Мордковна, 1904 года рождения; мой брат, Марк (Мордке), 1938 года рождения, живет со своей семьей с 1994 года в Израиле. Меня называли в память о бабушке Добриш. Но звали меня Дуся, а когда во время Великой Отечественной войны сгорели все документы, меня записали в свидетельстве о рождении Дуся, а на работе (я учительница) все обращались ко мне Евдокия Ефремовна.

Итак, 18 июня 1941 года мне исполнилось 10 лет, брату – 3, а 22-го началась война. 17 июля 1941 г. немцы вошли в наше местечко, но нашей семьи уже там не было; мы попытались эвакуироваться, но проехали только 25 км и попали в окружение; все бросили и прятались в подвале вместе с евреями города Красное¹.

Отца по состоянию здоровья в армию не взяли, а поручили организовать эвакуацию всех архивов и семей партработников. Всех и все вывез, а свою семью не успел.

Вокруг рвались снаряды и свистели пули, а утром немцы открыли двери подвала и с криком «Ароус!» выгнали нас. Женщин и детей отпустили, а мужчин забрали хоронить русских солдат, своих немцы сами похоронили. Потом они забрали мужчин и велели им быть ездоками. Нашу повозку наполовину разграбили, а лошадку забрали. Мама с трудом наняла калеку с телегой, и он нас отвез домой в Станиславчик².

А дома тоже ничего уже не было – растащили. Но в Станиславчике оставалось несколько десятков еврейских семей, среди них наши родственники: дедушка, бабушка, дядя, тетя и другие. Все они потом окажутся в нашем домике, когда колючая проволока очертит границы гетто.

Потом еще поселили евреев, выгнанных из Бессарабии и Северной Буковины. У нас семья из Черновцов поселилась. В этом гетто мы мучились до 18 марта 1944 г, т.е. два с половиной года.

Как мы существовали? В холоде, полуголодные, потому что иногда крестьяне умудрялись через проволоку бросить нам картофель, бурячок, а больше всего пряжу конопляную, из которой мы вязали носки, юбки, кофты, за что нам тоже еду передавали.

Румыны, под властью которых мы оказались, не убивали, но грабили, избивали, заставляли работать на себя, а осенью приказ: отправить в концлагерь «Затишье» всех, кроме ремесленников.

Было страшно, потому что в 8–10 км от нас, по ту сторону Буга, немцы убивали евреев. В местечке Межиров жила мамаина младшая сестра Лия с пятью детьми, их расстреляли в Брацлаве³ вместе с другими. Под Житомиром убили жену мамино брата (он погиб на фронте) Соню и ее сыночка.

В Виннице жила сестра моего отца Эпштейн Клара с двумя детьми. Муж ее Абрам Абрамович погиб в боях за Польшу, а ей прислали похоронку сразу после 1944 года. Трижды немцы объявляли, чтобы евреи собрались на стадионе «Локомотив», их отправят куда-то, но все понимали, куда. Тетя с детьми пряталась в подвале, а потом ушла к нам. Она с нами была в гетто, а потом в концлагере до освобождения.

Умерли мои родители, Клара с детьми после войны вернулась в Винницу, где ее уже давно похоронили, а Рива и Бетя со своими семьями в 1990 году уехали в Израиль. Бетя живет в Беер-Шеве, а Ривочка в Кармиеле возглавила Комитет узников гетто, вела большую общественную работу, а 12 июля ушла из жизни.

...Я не хочу писать о том, как и сколько умирали в гетто и концлагере. Думаю, об этом пишут все. Я хочу написать о том, что, несмотря на издевательства, побои, голод и холод, мы все-таки выжили, потому что духовная жизнь крепче и глубже, чем физическая. К примеру, разграбили у нас книжный магазин, а вокруг валялись только еврейские книги (кому они нужны?). Я их собрала, принесла домой, а дедушка показал мне буквы; я очень быстро научилась читать (по-русски я читала с 5 лет). В часы покоя я пересказывала содержание своим сверстникам и детям постарше.

За два года я прочла всего Шолом-Алейхема, выучила несколько стихов Л. Квитко («А кецеле, а фиделе» и др.). Мы считали своим долгом разговаривать на идише.

Не знаю, насколько это Вам интересно – я просто хотела сказать, что нас нельзя убить, уничтожить, как бы враги наши ни старались.

«КАЖДЫЙ ДЕНЬ МОГ СТАТЬ ПОСЛЕДНИМ...»

КУШНИР Александр (1927 г.)

Когда началась война, мне было 14 лет. Я жил в районном центре Песчанка¹ Винницкой области. Мой отец Герш Кушнир был портным, мать Перл (Полина) – домохозяйка. С нами жила бабушка. Узнав о приближении немцев, родители приняли решение эвакуироваться (бабушка с нами не поехала, она, как и многие старики, не ждала от немцев плохого). На нанятой за большие деньги подводе мы доехали до городка Чечельник² Винницкой области. Но там возчика кто-то переманил, и он удрал вместе с подводой. Мы остались в чужом городе, а через пару дней туда вошли немцы.

Поначалу немцы нас не трогали, и мы решили вернуться домой. Дома отец начал понемножку работать. В обмен за работу заказчики приносили продукты. Так продолжалось до 16 октября 1941 г., когда румыны и немцы заняли Одессу. В этот же день на городской сходке население города приняло решение выселить всех евреев из Песчанки, мотивируя это тем, что якобы евреи виноваты в сносе церкви в 1930-е годы.

Многие районы Винницкой области попали под протекторат Румынии, в регион, называемый Транснистрия. Всех евреев, и нас в том числе, согнали в колонну и погнали в город Котовск Одесской области. Нас было тысяч десять.

В Котовске³ к нам присоединились евреи из Молдавии. Нас, как скот, загнали в конюшни и коровники. Обессиленные люди лежали на голой земле. На другой день из Песчанки привезли нашу бабушку вместе с другими стариками.

Затем из Котовска всех погнали в село Доманевка⁴ Одесской области. Было очень холодно, а спать приходилось на голой земле. По ночам немцы для развлечения стреляли – утром мы находили трупы.

Нашу колонну охраняли немцы, румыны и украинские полицаи. Последние на глазах у немцев забирали у евреев ценные вещи. До войны папа купил мне в Одессе сапоги, полицейай со-

рвал их с меня, и я шел босой, пока мама не нашла мне старые галоши.

Немцы убивали тех, кто медленно шел, задерживая колонну. У нас на глазах расстреляли бабушку. На подходе к Доманевке мама заметила, как еврей-парикмахер о чем-то шепчется с полицаем. Она тут же включилась в разговор, отдала полицая два отреза и другие ценности, и он отпустил нас. Потом мы узнали, что в Доманевке колонну евреев расстреляли. Это было в декабре 1941 года.

Мы блуждали по полям, питаюсь чем попало, спали на голой земле. И, наконец, добрались до деревни, где в одной хате в обмен на вещи нас накормили. Хозяева же в другой деревне выдали нас румынам. Румыны забрали последнее, что было у нас, избили, но отпустили.

Так мы дошли до города Балта⁵ Одесской области. Здесь мы узнали, что в Чечельнике есть гетто, где можно жить, работать, и отправились туда. Это решение спасло нам жизнь, так как румыны, в отличие от немцев, относились к нам не так жестоко.

Я стал работать на сахарном заводе, с которого мы воровали все, что могли. Часто румыны обыскивали нас и отбирали все. Иногда нам даже платили за работу одну марку в день, но купить на нее ничего нельзя было – евреям, носившим желтые звезды на груди и на спине, хлеб в лавке не продавали.

Жизнь в гетто была смертельно опасной, каждый день мог стать последним. Однажды во время работы я не понял приказа немца, и тот схватил меня за волосы, поднял и поставил на стул. От боли я чуть не потерял сознание. Как-то мы с двоюродным братом и другими ребятами шли по улице, появившиеся неожиданно немцы схватили нас, поставили к стенке и собирались расстрелять. Спасли нас итальянцы, упросившие немцев отпустить мальчишек.

За несколько дней до освобождения, 15 марта 1944 года, бежавшие от наступавшей Красной Армии немецкие солдаты предупредили нас, что за ними идут эсэсовцы и они будут расстреливать всех. Мы спрятались и благодаря этому выжили.

Помню, как советские солдаты освободили нас, помню радость и слезы. Мы с мамой выжили, а отец умер еще в январе 1942 г. от дизентерии. Я тоже заболел, но выжил.

Когда мы с мамой вернулись домой, дома, собственно, не было. Соседи разнесли его по частям. Мы поселились у папиного брата, всю семью которого расстреляли.

После войны я уехал в Одессу, где поступил в артспецшколу, а затем – в Черновицкий строительный техникум. В 1952 г. я познакомился со своей будущей женой, с которой мы вместе воспитали двоих детей – Григория и Анну.

ПРИМЕЧАНИЯ

АЙЗЕНБЕРГ–АНЧИПОЛОВСКАЯ Грета (1942 г.)

«ЖИЗНЬ В ГЕТТО БЫЛА АДОМ»

¹ В селе **Шумилово Бершадского района Винницкой области** в 1941–1944 годах находился лагерь для депортированных из Буковины и Бессарабии евреев. Из 750 помещенных в лагерь евреев от голода, болезней и нечеловеческих условий умерли 448.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства 1941–1944 гг. Энциклопедический справочник. – Харьков, 2001. – С. 350; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. – Москва, 2009. – С. 1097.

АЛЬТМАН Евгения

НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

¹ В селе **Жорнище Ильинецкого района Винницкой области**, оккупированном немецкими войсками в июле 1941 г., первые 13 евреев были расстреляны в августе того же года. В расстрелах и издевательствах над евреями принимали участие фольксдойче. В сентябре 1941 г. в Жорнище было создано гетто, в котором находились около 500 человек, среди них – беженцы из Винницы. Гетто было ликвидировано 27 мая 1942 г. 434 человека были угнаны в город Ильинцы и расстреляны там вместе с 800 местными и пригнанными из села Новожитов Оратовского района Винницкой области евреями. Акцией руководил комендант Вагнер. Из 9 спрятавшихся евреев уцелели 3 подростка, двое из них воевали в партизанском отряде. В селе уцелела еще одна женщина с двумя детьми. 13 марта 1944 г. село Жорнище было освобождено советскими войсками.

См.: Живыми остались только мы. Свидетельства и документы. – Киев, 2000. – С. 285–286; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. – Кн.3. – Киев, 2007. – С. 181–182; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства. – С. 116; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 316–317.

АНТОНЕВИЧ Виктор – БАБИЧ Дмитрий (1930 г.)

РАССТРЕЛЯННЫЙ ДЕТДОМ

¹ В 1939 году в **Умани** – районном центре Киевской области (ныне Черкасской области) – в 1939 г. проживали 13233 еврея (29,8% населения).

Умань была оккупирована немецкими войсками 1 августа 1941 г. В городе осталось около 15 тысяч евреев, включая беженцев. Первыми жертвами стали 6 еврейских врачей. 13 августа прибывшая из Винницы зондеркоманда 46 расстреляла 80 евреев из числа интеллигенции. 21 сентября 1941 г. украинская полиция и солдаты вермахта устроили погром: несколько тысяч евреев, подвергаясь избиениям и издевательствам, были согнаны в тюрьму, где около 1000 человек умерли от удушья в наглухо закрытом подвале. 22–23 сентября подразделение оперативной команды освободило 5 женщин и детей, а 1412 евреев-мужчин расстреляли. 1 октября 1941 г. в районе Раковки был создан еврейский жилой район, но уже 8 октября 304-й полицейский батальон по приказу «высшего фюрера СС и полиции Россия–Юг» фактически ликвидировал его, расстреляв 5400 евреев города и 600 евреев-военнопленных.

Как свидетельствовал обер-лейтенант Бингель, солдаты «расстреливали целые шеренги людей из автоматов и пистолетов, причем делали это с таким удовольствием, словно занимались главным и любимейшим делом своей жизни. Пощады не было никому: даже женщины с трехнедельными грудными младенцами не избежали страшной участи. Матери видели, как убивали их детей, разможив им головы рукоятью пистолета или палкой, а потом хватали за ножки и бросали в могилы, где вперемешку лежали убитые и живые еще люди. Лишь после того, как матерям причиняли эту страшную боль, в них посылали пулю, освобождая от невыносимой муки...

Ввиду того, что в верхних эшелонах власти считали, и совершенно правильно, что эта процедура может сильно уронить престиж немецкого военного командования, ибо выполнение позорных убийств было возложено на т.н. отборные команды, было решено действовать иначе: использовать для массовых убийств специально обученную Уманскую украинскую полицию. Командовали ею несколько офицеров и сержантов СС. Таким образом, массовому убийству пытались придать национальную окраску. Жертвами этой акции пали 6000 человек; это число было официально подтверждено». (Цит. по: Mira und Gerhard Schoenberner. Zeugen sagen. Aus Berichte und Documente über die Judenverfolgung im Dritten Reich. – Berlin, 1988. – S. 128.)

Оставшиеся в Умани евреи-специалисты с семьями (около 1500 человек) были помещены в гетто. Трудоспособных ежедневно забирали на работы, кормили шелухой из проса и выдавали 50 г хлеба. Ночью полиция насильовали девушек, грабили. Гетто было ликвидировано

после расстрела заключенных 22 апреля 1942 г. В общей сложности в Умани в 1941–1942 гг. было уничтожено около 10000 евреев.

После ликвидации гетто в Умани был создан рабочий лагерь, куда из Транснистрии привезли бессарабских и буковинских евреев. Несколько десятков евреев бежали в партизанские отряды.

В Умани, как и во многих других местах Украины, за помощь евреям нацисты жестоко наказывали. Как вспоминал известный поэт Евгений Долматовский, оказавшийся в 1941 г. в лагере военнопленных в Умани, была повешана Ольга Свитницкая, которая пыталась спасти своего мужа-еврея, за которого она вышла замуж вопреки Нюрнбергским законам. Расстреляли вместе с женой и тремя детьми Александра Дятлова – за укрывательство в сделанном им убежище 12 человек, членов четырех еврейских семей.

В Умани действовала подпольная организация, в которой активную роль играл Зигмунд Гроссбарт, скрывший свою национальность и работавший в гебитскомиссариате. Он сумел достать для подпольщиков 20 винтовок и сотни патронов, информировал их о подготовке нацистами карательных операций.

Город Умань был освобожден советскими войсками 15 марта 1944 г.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941–1944). – К., 2000. – С. 90; Долматовский Е. Зеленая брама. – Москва, 1985. – С. 194–195; Живыми остались только мы... – С. 129–143; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. – Кн.1. – С. 250, 261–274, 460–461; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста. – Кн.3. – С. 187–189, 479–480; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 322–323; Mira und Gerhard Schoenberner. Zeugen sagen. Aus Berichte und Documente über die Judenverfolgung im Dritten Reich. – Berlin, 1988. – S. 128; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 годах. – К., 2002. – С. 90–93, 249, 258–259; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). – Иерусалим, 1992. – С. 97–98, 367–369; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 1004–1005; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos during the Holocaust. Vol. II. – P. 861.; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos? 1933–1945/ – P/ 1606–1607.

БАБУХ Арон (1927 г.)

ЗА ДАВНОСТЬЮ ЛЕТ...

¹ Город **Владимир-Волынский** **Волынской области** до 1939 г. входил в состав Польши. Осенью 1941 г. в городе оказалось несколько тысяч

евреев-беженцев из польских земель. Общая численность еврейского населения составила свыше 20 тысяч человек.

26 июня 1941 г. город был захвачен немецкими войсками, поэтому эвакуироваться у евреев не было никакой возможности.

Евреям было предписано носить опознавательные знаки в виде звезды Давида (позднее – в виде желтого круга), они были назначены на тяжелые работы без оплаты, им было запрещено покидать пределы города, они подвергались систематическим грабегам и избиениям со стороны украинской полиции.

В городе был создан юденрат и еврейская служба порядка в качестве исполнительного органа юденрата. Первый руководитель юденрата рабби Моргенштерн умер через два месяца после избрания. Новый председатель, юрист Вейлер, был арестован и расстрелян уже в сентябре 1941 г. за нарушение распоряжений оккупационных властей. Третьим председателем был юрист Пасс, а последним – Лейб Лудиш, который был коллаборационистом, сотрудничавшим с оккупационными властями.

Первая антиеврейская акция в городе, в ходе которой в тюремном дворе были убиты 150 евреев, была проведена уже 5 июля 1941 г.

В августе были убиты еще 300 евреев.

В Йом Кипур (1 октября 1941 г.) был произведен новый массовый расстрел евреев.

27 февраля 1942 г. 250 молодых евреев были депортированы в рабочий лагерь в Киевской области. Домой они не вернулись.

Остальные евреи были помещены в гетто. Оно состояло из двух частей: в одной находились ремесленники с семьями, в другой – нетрудоспособные евреи. Гетто было окружено оградой из колючей проволоки высотой 2–3 метра. По немецким данным, в гетто было около 15000 человек, а фактически – более 19000 (см.: Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 390–391). В «Enzyklopädie des Holocaust» (Vd. III, S. 1611) указано иное количество – около 22000.

В июле 1942 г. началась ликвидация гетто, с августа – с расстрела 2400 евреев – массовые акции. В ходе трехдневной операции, 1–3 сентября 1942 г. (в «Enzyklopädie des Holocaust», Vd. III, S. 1611, указано, что «акция продолжалась две недели»), у села Пятидни команда СД из Ровно, команда жандармерии из Луцка, местная жандармерия и украинская полиция, а также 103-й украинский полицейский батальон из Мацеева

(Лукова) расстреляли свыше 13500 евреев. В гетто оставалось еще 4000 евреев. Во время новой акции, 13 ноября 1942 г., которая стоила жизни почти 2500 людей, немцы впервые встретились с вооруженным сопротивлением. Оставшиеся в живых 1500 высококвалифицированных специалистов стали жертвами последней акции по ликвидации гетто, проведенной 13 декабря 1943 г. зондеркомандой 46 с участием немецкой жандармерии и украинской полиции. Только малой части евреев удалось убежать из гетто, некоторые влились в партизанские отряды Федорова и Сабурова.

Во Владимире-Волынском, где находился лагерь для пленных советских офицеров, производились расстрелы военнопленных евреев. Так, 3 марта 1942 г. были уничтожены евреи, больные тифом, и еврей-врачи, а в июне 1942 г. полиция безопасности выявила и расстреляла 76 «еврейско-большевистских офицеров», готовивших в лагере восстание.

20 июля 1944 г. город Владимир-Волынский был освобожден советскими войсками.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 54; Enzyklopädie des Holocaust. Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. – Bd. III. – S. 1610–1611; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 71; Наконечный В. Холокост на Волыни: жертвы и память. – Луцк, 2003. – С. 1–23; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 196, 390–391; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 166–167; The The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 936–937; The United States Holocaust Memorial Museum... – Vol. II. – P. 1496–1497.

БАЛК Миля (1924 г.)

«ГОЛОД, ХОЛОД, БОЯЗНЬ БЫЛИ НАШИМИ СПУТНИКАМИ»

¹ В 1939 г. в городе **Жмеринка Винницкой области** проживали 4630 евреев (17,78 % населения).

17 июля 1941 г. Жмеринка была оккупирована немецкими войсками. В конце июля 1941 г. полевая полиция и СД произвели в Жмеринке аресты и казни евреев в качестве возмездия «за саботаж»

В сентябре 1941 г. Жмеринка вошла в состав Транснистрии.

18 октября 1941 г. румынские оккупационные власти создали в Жмеринке гетто, в которое были помещены евреи, оставшиеся в городе, пригнанные из сел района и депортированные из Бессарабии и Буковины.

На 31 октября 1943 г. в гетто числилось 3271 узника, в том числе 2071 так называемых румынских евреев и 1200 местных. В их числе – 200 сирот. Евреев привлекали к принудительным работам. Ежедневно на работы выходило 300–500 человек. Многие узники работали на железной дороге и вокзале, который находился под контролем немецких войск. О жестокости последних свидетельствует случай, когда в сильный мороз немцы не разрешили слезть с крыши группе кровельщиков, которые в результате погибли от переохлаждения. Специальным приказом запрещался выход узников за пределы гетто. Нарушивший приказ зубной врач Меламуд в ноябре 1941 г. был повешен с табличкой: «Казнен за выход из гетто без пропуска и опознавательного знака».

В Жмеринке действовал юденрат во главе с депортированным из Черновцов адвокатом Адольфом Гершманом, функционировали еврейские полиция, школа на 250 учащихся и детский сад, работали семь цехов и три мастерские. Благодаря доходам (в том числе полулегальным) от этих производств, в гетто была создана система социальной помощи неимущим. Была организована бесплатная столовая для убежавших из плена (их переодевали в гражданскую одежду) и детей-сирот, ежедневно готовили котел супа и другой пищи для бедняков и беженцев, в том числе из немецкой зоны оккупации. Осуществлялись культурно-просветительская и религиозная деятельность. Функционировал клуб, на сцене которого играли артисты, ранее выступавшие в еврейских театрах Вены и Черновцов. По субботам и еврейским праздникам клуб превращался в синагогу.

В Жмеринке было много евреев, бежавших из немецкой зоны оккупации. В августе 1942 г. по требованию немецких и румынских оккупационных властей 286 браиловских евреев были выданы немцам, которые их расстреляли. Перед отступлением немецких войск в Жмеринке 17 и 18 марта 1944 г. были расстреляны 49 человек, в том числе 2 еврея. Еще не менее 17 евреев погибли в Жмеринке в мае–июле 1944 г. во время немецких бомбардировок.

В Жмеринском гетто действовала антифашистская подпольная группа, которой удалось подготовить и распространить много листовок, наладить издание подпольной газеты. Группу возглавлял учитель математики из еврейской школы – Арон Гефтер. Он был казнен в тираспольской тюрьме в 1943 г.

Жмеринка была освобождена советскими войсками 18 марта 1944 г. Уцелело около 3000 евреев.

См.: Буриштейн Л. Из истории Жмеринского гетто //Алеф. –1992. – № 447. – С. 39–43; Винокурова Ф.А. Холокост на Винничине: сравнительный анализ архивных документов о судьбах евреев в немецкой и румынской зонах оккупации (1941–1944 гг.) //Проблеми історії Голокосту. – Вып. II. – Днепропетровск–Запорожье, 2005. –С. 30; Вольф Э. Воспоминания бывших узников Жмеринского гетто. – Иерусалим, 2001; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 32; Живыми остались только мы... – С. 431–433; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 124, 485–485; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 68–74, 73, 161, 326–327, 419–420, 450–451; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 464–465, 602; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 114; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 822, 828; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 314–315; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... Vol. II. – P. 982–984.

БАРАННИК–ЭЛЬГОРТ Елена (1935 г.) **«ЕВРЕЕВ РАССТРЕЛЯЛИ ЗА ГОРОДОМ...»**

¹ В городе **Константиновка Донецкой области** в 1939 г. проживали 3365 евреев (3,51% населения). 28 октября 1941 г. был захвачен немецкими войсками. В конце декабря отряд зондеркоманды 46 расстрелял всех оставшихся в оккупации евреев – 240 человек, в том числе более 70 детей.

6 сентября 1943 г. город был освобожден Красной Армией.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 162; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 194; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. – München, 2011. – Bd. 7. – S. 464–466, 475–478; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 450.

БАРОН Рувин (1932 г.) **ГОРЕ И СТРАДАНИЯ НЕ МИНУЛИ НИКОГО**

¹ В **Бершади Винницкой области** в 1939 году проживал 4271 еврей (73,6 % всего населения), в селах района – 274.

29 июля 1941 г. Бершадь была занята венгерскими войсками, которых вскоре сменили немецкие, а затем и румынские. До того времени около половины всего еврейского населения смогло эвакуироваться. Немцы принудили евреев нашить на одежду опознавательные знаки,

указывающие на их национальную принадлежность, а румыны поселили их в гетто, созданное в двух частях города – нижней (Долина) и верхней. В эту территорию входили 12 переулков и 337 домов. Гетто не было огорожено колючей проволокой, однако выход за его пределы карался смертью. Во второй половине 1942 г. был введен режим жесткой изоляции гетто, его окружили рвом и колючей проволокой.

Осенью 1941 г. румыны вселили в Бершадь около 15 тыс. евреев из Буковины и Бессарабии, а также несколько тысяч евреев из тогдашней Одесской области – несколько сотен из Гайворона, около 500 из Песчаной, прибл. 1500 из Балты (около 500 вскоре вернулись в Балту). В общей сложности в гетто были собраны 25000 человек, из которых 12500 умерли от голода, холода, болезней (по данным ЧГК от 10.04.1945 г. – 13871 человек). В первую зиму оккупации от эпидемии тифа погибло более половины населения гетто. Умирало по 150–200 человек в день. Ежедневно по улицам проезжала телега, отвозившая трупы на кладбище. Только весной их похоронили в шести братских могилах. Около 50 евреев, без разрешения покинувших гетто, в мае 1942 г. были расстреляны у села Глинское.

Убийства евреев участились с весны 1943 г., когда в Бершади разместилось отделение гестапо.

В 1943 г. в Бершадь начали поступать продукты и медикаменты, собранные еврейскими организациями Румынии и Швейцарии. Положение узников несколько улучшилось, часть пищевых продуктов и медикаментов передавалась партизанам. В гетто была создана одна из активнейших подпольных антифашистских организаций во главе с бежавшим из плена старшим лейтенантом, уроженцем Бершади Яковом Талисом. Подпольщики получали поддержку от председателя еврейской общины доктора М. Шренцля. С риском для жизни группа установила контакты с партизанами, наладила сбор оружия. На ее вооружении было 37 винтовок, 2 пулемета, 7 гранат. В феврале 1942 г. Я. Талис и А. Альтман были арестованы сигуранцей, но выкуплены подпольщиками. Арестованного еврея-офицера Якова Вишеровского не удалось спасти. Его казнили в апреле 1942 г.

В гетто Бершади действовали еще две подпольные группы под руководством Льва Воскобойника (84 человека) и Иосифа Блиндера (45 человек). В отчете о деятельности подпольщиков отмечалось: «Подпольная организация города Бершади создавала укрытия для еврейского населения соседних районов левого берега Буга (т.е. немецкой зоны оккупации) – Теплика, Гайсина, Умани и других районов. После

того, как этим людям оказывалась материальная помощь... многие из них становились активными членами по борьбе против оккупантов». Многие евреи оказывали партизанам помощь деньгами, вещами, медикаментами, а также прятали в гетто партизан.

Группе удалось организовать побег 900 из 3 тысяч узников, которых хотели отправить в рабочий лагерь в Николаев летом 1943 г. 17 евреев из созданной вооруженной группы для выявления и уничтожения агентов сигуранцы и полицаев, возглавлявшейся Ефимом Лебедем, были арестованы и расстреляны оккупантами. 5 из них были женщины. Остальные члены группы продолжали борьбу в подполье и партизанских отрядах. Всего в Бершадском районе действовало 213 подпольщиков (в большинстве своем – евреи), из которых 111 погибли.

В августе 1943 года 1203 еврея были вывезены в рабочий лагерь, 327 были расстреляны 11 февраля и 11 марта 1944 г. В январе 1944 г. список евреев, помогавших партизанам, попал в руки гестапо. Нацисты расстреляли всех перечисленных в списке. Их похоронили в двух братских могилах в долине Берловка.

В Бершадском лагере-гетто от голода и болезней умерли 13120 евреев.

14 марта 1944 г. Бершадь была освобождена от оккупантов. В живых остались 11129 евреев.

См.: *Ancel J. Transnistria, 1941–1942. The Romanian Mass Murder Campaigns.* – *Tel Aviv*, 2003. – Vol. 1. – P. 362–367; *Воскобойник С. Бершадь, милая Бершадь.* – 2004; *Довідник про табори, тюрми, та гетто на окупованій території України...* – С. 28; *Живыми остались только мы...* – С. 144–152, 231, 286; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 1. – С. 291–294, 400–403, 477–479; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 2. – С. 58–63, 259–260, 442–444; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 3. – С. 43–45, 70; *Круглов А. Катастрофа украинского еврейства...* – С. 37; *Последние свидетели...* – С. 107–113; *100 еврейских местечек Украины.* – Вып. 2. Подолля. Петербург, 2000. – С. 77–140; *Фишер Ю. Транснистрия: забытое кладбище.* – *Одесса*, 2002. – С. 77–78; *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden...* – *Vd. 7.* – S. 824–825, 828; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия...* – С. 86–87; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. I. – P. 41–43.

БАРУ Юрий (1935 г.)

«В ХАРЬКОВЕ ВСЕХ ЕВРЕЕВ РАССТРЕЛЯЛИ...»

¹ В 1939 г. в городе **Харьков** проживали 130250 евреев (15,64% населения).

23 октября 1941 г. Харьков был захвачен немецкими частями 6-й армии. Большая часть евреев (до 90%) смогла эвакуироваться на восток. Во время оккупации город находился под военным управлением и не входил в зону рейхскомиссариата Украина.

Первые казни евреев в Харькове были совершены вскоре после его оккупации. 14 ноября после уничтожения нескольких зданий радиоминами репрессии усилились. Были расстреляны или повешены 200 коммунистов, и арестована 1000 заложников, среди которых было много евреев. Во время облавы 15 ноября подразделения 57-й пехотной дивизии арестовали еще 500 заложников, 20 из них были сразу повешены на здании штаба саперного полка. 16 ноября еще 50 «большевиков» были повешены на балконах домов главной улицы города. А 28 ноября, как отмечал в своем дневнике офицер штаба 55-го армейского корпуса А. Минценмай, из концлагеря для заложников были «изъяты» 400 человек, в том числе 300 евреев, что означало, без сомнения, казнь этих лиц.

«Еврейский вопрос» специально обсуждался 22 ноября на заседании президиума Городской управы, которая под руководством А.И. Крамаренко принимала активное участие в антиеврейских акциях. В постановлении указывалось: «В государственных и общественных учреждениях евреи вообще работать не имеют права. Евреев не пускать в помещение управы, кроме старосты общины. На руках евреи должны носить повязку. Всех евреев переселить в один район. Обратить внимание немецкого командования на желание населения принять меры к евреям...». Евреи должны были пройти обязательную регистрацию. В специальные списки (на бланках желтого цвета) были внесены 10271 человек, из них детей до 16 лет – 1959 человек (999 девочек и 960 мальчиков).

26 ноября 1941 г. в Харьков прибыла зондеркоманда 4а во главе с штандартенфюрером СС Паулем Бломбелем, что означало скорое уничтожение евреев города.

14 декабря немецкий комендант города отдал приказ о переселении евреев до 16 декабря на околицу Харькова – в бараки станкостроительного завода. «Эвакуация евреев, в которой участвовали почти исключительно украинцы, проходила без осложнений, – сообщалось в «Донесении о событиях в СССР» № 164 от 04.02.1942 г. – Одновременно идут приготовления к расстрелу евреев. 305 евреев, которые распространяли приотрашие немецкий вермахт слухи, были немедленно расстреляны».

В разрушенных, неотапливаемых (без окон и дверей) бараках, в лютую зиму, без пищи и воды, в антисанитарных условиях много евреев умерли от холода, болезней и голода.

Три недели спустя после создания этого гетто началось тотальное уничтожение евреев. 800 еврейских мужчин-«добровольцев», которые согласились поехать на работу в Полтаве и Лубнах, были на грузовых машинах отвезены в Дробицкий Яр и расстреляны в оврагах. 24 декабря 1941 г., под предлогом перевода в еврейскую общину, были забраны из психиатрической больницы и затем расстреляны около 200 больных евреев, а со 2 января 1942 г. началась общая «ликвидация» евреев. На грузовиках и пешком они были доставлены в Дробицкий Яр и расстреляны. Из показаний бывшего оберштурмфюрера СС Виктора Войтона: «Это была ужасная картина. В одном конце рва длиной 60–80 метров уже лежали друг на друге трупы в несколько слоев, в яме наблюдалось шевеление... Я увидел одного лежащего, который крикнул “добейте меня”...я сбoku сошел в ров и добил его...».

Были расстреляны свыше 9000 человек. К этому числу следует добавить несколько сотен больных и стариков, которые не могли дойти до места переселения. Их собрали в здании синагоги на Мещанской улице, где они умерли от голода и холода.

В Харькове оставалось еще некоторое количество скрывавшихся евреев. Для их выявления приказом городской управы № 63 от 24.01.42 г. всем бургомистрам районов было предписано создать особые группы, которые должны были проверять «все подозрительное население в своем районе и иметь списки всех коммунистов и евреев по своему району». Выявленные евреи передавались полиции безопасности для казни. Так, согласно «Донесению о событиях в СССР» № 187 от 30.03.42 г., наряду со «193 агитаторами и опасными подрывными элементами» в Харькове были расстреляны 64 еврея.

Точных данных о количестве уничтоженных в Харькове евреев нет. А. Круглов указывает, что нацисты в 1941–1942 гг. убили в Харькове около 12000 евреев. В отчете Комиссии, которая после войны, расследуя преступления нацистов в Харькове, раскопала овраг в Дробицком Яру, говорится о 15000 жертв.

16 февраля 1943 г. Харьков был занят советскими войсками, затем сдан и окончательно освобожден 23 августа 1943 г.

Несколько десятков евреев, оставшихся в оккупации, уцелело благодаря помощи и поддержке городских жителей разных национальностей.

См.: В огне Катастрофы (ШОА) на Украине. Свидетельства и документы. – «Бейт Лохамей ха-геттаот», Израиль, 1998. – С. 60–82; Живыми остались только мы... – С. 326–328; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 176–177; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 420–426, 494–497; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 104–107, 218–222; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 78–80, 514–526; *Enzyklopädie des Holocaust...* – Bd. I. – S. 278–279; Книга пам'яті Дробицького Яру: спогади, нариси, документи. – Харків, 2004; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 327–329; Ляховицкий Ю.М. Попранная мезуза: Книга Дробицького Яра. – Харьков, 1991; Ляховицкий Ю.М. Пережившие Катастрофу: Спасшиеся, спасители, коллаборанты. Свидетельства, факты, документы. – Харьков–Иерусалим, 1996; Ляховицкий Ю.М. Желтая Книга: Свидетельства, факты, документы. – Харьков, 1994; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 109, 112, 121, 123, 136; *Verbrechen der Wehrmacht...* – S. 183–185; *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden...* – Bd. 7. – S. 398–399, 401–404, 443, 352; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 1027–1030; Черная книга... – С. 46–49; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. I. *The United States Holocaust Memorial Museum...* – Vol. I. – P. 304–305.

БАТУЛИНСКАЯ (ПОПЕРЕЧНАЯ) Татьяна (1926 г.)

«ФАШИСТЫ СТРАШНО ИЗДЕВАЛИСЬ...»

¹ В городе **Проскуров (Хмельницкий)** в 1939 г. проживали 14518 евреев (38,73% всего населения). До оккупации города немецкими войсками 8 июля 1941 г. свыше 2500 евреев смогли эвакуироваться на восток либо вступить в Красную Армию.

В середине июля 1941 г. зондеркоманда 46 расстреляла в городе 146 коммунистов, в том числе евреев.

С 19 июля до начала сентября 320-й полицейский батальон расстрелял несколько сотен евреев.

11 ноября 1941 г. отряд СД из состава оперативной команды 5 с помощью немецкой и украинской полиции расстрелял свыше 800 евреев.

Осенью 1941 г. в городе были созданы два гетто – общее и для специалистов. В них находились свыше 10000 человек (по немецким данным, после регистрации в декабре 1941 г. – 3040 «вместе с убитыми»).

Руководителем юденрата была назначена жестокая женщина Лиза Линденбойм. Ежедневно узников выгоняли на принудительные работы.

В октябре 1942 г. было ликвидировано общее гетто – расстреляно 5300 человек, с ними были казнены и евреи, пригнанные из Николаева, Черного Острова и Фельштина (Гвардейского), всего около 2500 человек. В ходе расстрела узники оказали сопротивление, убив троих эс-совцев и пять полицаев.

30 ноября 1942 г. команда СД с помощью немецкой и украинской полиции, расстреляв около 7 тысяч евреев, ликвидировала и гетто для специалистов.

Осенью 1942 г. в Проскурове был создан рабочий лагерь, куда согнали евреев из окрестных местечек. В здании школы содержалось около 2 тысяч человек. Вскоре и этот лагерь был ликвидирован.

В общей сложности в Проскурове в 1941–1942 гг. было уничтожено около 16000 евреев.

В январе 1942 г. в гетто была создана подпольная группа из не менее 8 человек во главе с Шейнманом. Она была связана с городским подпольем. В гетто удалось доставить оружие, в том числе 3 пулемета, а также переправить в партизанские отряды более 20 вооруженных узников. Однако организовать вооруженное сопротивление при ликвидации гетто не удалось.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 331; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации... – С. 297–298; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 819; The The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 613–614. The United Stfetes Holocaust Memorial Museum... – Vol. II. – P. 1449–1450.

² В селе **Фельштин (Гвардейское) Хмельницкой области** в 1939 г. проживали 1125 евреев (27,8% населения). 8 июля 1941 г. село было оккупировано немецкими войсками. В 1941–1942 гг. местные полицейские и бандеровцы убили большинство оставшихся в оккупации евреев (250–300 семей). В феврале 1942 г. 300 евреев были отправлены в рабочий лагерь села Мацковцы, остальные были переселены в Проскуров (Хмельницкий) и Самбор и расстреляны там осенью 1942 г.

23 марта 1944 г. Фельштин был освобожден советскими войсками.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 331; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 1014.

БЕЙГЕЛЬМАН Александр (1934 г.)

БЕРШАДСКОЕ ГЕТТО

См. примечание к воспоминаниям Рувина Барона.

БЕКЕРМАН Бетя

**«МЕНЯ И ЕЩЕ 13 ЧЕЛОВЕК ПОСТАВИЛИ НАД ЯМОЙ
И СТАЛИ СТРЕЛЯТЬ...»**

¹ Село **Богачевка Кривоозерского района Одесской (ныне – Николаевской) области** было оккупировано румынскими войсками в начале августа 1941 г. После эвакуации на восток страны и призыва в армию части еврейского населения на оккупированной территории осталась половина еврейской общины села.

В сентябре она была уничтожена (131 человек) – расстреляна у села Березки близ поселка Вradiевка, по всей вероятности, румынскими жандармами.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 40; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С.93.

² В 1930-е годы поселок городского типа **Кривое Озеро Николаевской области** был центром еврейского сельсовета с 4100 жителями. В 1939 г. в Кривом Озере проживали 1447 евреев. После оккупации вермахтом поселка 28 августа 1941 г. здесь были расстреляны 42 еврея (5 сентября 1941 г.). В октябре 1941 г. большинство оставшихся в оккупации евреев были угнаны в лагерь в Богдановку. Последние 186 евреев Кривого Озера были расстреляны 1 января 1942 г.

См.: Ancel J. The Romanian Campaigns of Mass Murder in Transnistria, 1941–1942 // The Destruction of Romanian Jews during the Antonescu Era. – New York, 1997. – P. 113; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 431; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 37, 46; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 175; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 426–427; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 827; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 480; The Yad Vachem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 369–370.

³ В селе **Доманевка Николаевской области** в 1939 г. проживали 369 евреев, во всем тогдашнем Доманевском районе – 543. По состоянию на 1930 г. в районе насчитывалось 5 еврейских колхозов (1249 колхозников).

5 августа Доманевка была захвачена немецкими войсками. Во время румынской оккупации в Доманевке был создан лагерь для евреев. В период между ноябрем 1941 г. и январем 1942 г. в Доманевку пригнали оставшихся в оккупации евреев из окрестных сел, часть евреев из Кривоозерского района, Песчанки (Винницкая область), Очакова, Березовки, несколько тысяч евреев из Бессарабии, в том числе 160 евреев из Кишинева, несколько тысяч одесских евреев, которым удалось пережить репрессии. (По данным Ю. Фишера, в Доманевке были сконцентрированы 18 тысяч украинских евреев.)

В декабре 1941 г. румынский префект района полковник Модест Изопеску приказал убивать евреев группами по 300–400 человек в день. В расстрельных акциях принимали участие румынские жандармы и армейские соединения, отряды самообороны, созданные оккупантами из немецких колонистов, а также украинские полицаи. Около 18000 евреев были уничтожены в январе–феврале 1942 г. Их тела лежали просто в поле.

Весной 1942 г., во избежание эпидемии, команда из 60 евреев получила приказ сжечь трупы. Работа продолжалась два месяца. К концу 1942 г. в Доманевке еще остались около 1000 евреев, в основном женщины. Большинство из них были переведены в лагерь Акмечетка, где они были уничтожены, как и 250 евреев (среди них 50 детей), которым удалось убежать накануне депортации. В начале марта 1944 г. соединение СС, перейдя Южный Буг, уничтожило несколько десятков евреев. По некоторым данным, в Доманевке за время оккупации погибли 20 тысяч евреев.

28 марта 1944 г. Доманевка была освобождена Красной Армией.

См.: *Ancel J. Transnistria, 1941–1942... – Vol. 1. – P. 139–150; Гиатюк Н., Штаркман С. Боль сквозь годы. Одесса, 2005. – С. 16–33; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 122; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 312–319; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... Кн. 2. – С. 379; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 37, 46, 161–162; *Enzyklopädie des Holocaust... – Bd. I. – S. 362–363; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду. Черная книга о Катастрофе в Северном Причерноморье. – Одесса, 1998. – С. 20–21; Фишер Ю. Транснистрия... – С. 84–85; *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 67, 780; Холокост на території СССР. Енциклопедія... – С. 278.***

⁴ В село **Семихатки Березовского района Одесской области**, оккупированное румынскими войсками, в январе–феврале 1942 г. были депортированы и вскоре расстреляны около 200 евреев из Одессы и Бессарабии.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 284; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 899.

БЕЛИК Татьяна (1939 г.)

«Я БЛАГОДАРНА ВСЕМ, КТО ПОМОГ НАМ ВЫЖИТЬ...»

¹ В городе **Николаев**, согласно переписи населения 1939 г., проживали 25280 евреев (15,17% населения города).

17 августа 1941 г. город был захвачен немецкими войсками.

Во второй половине августа зондеркоманда 11а по приказу штандартенфюрера СС Олендорфа расстреляла в городе 227 (по другим данным – 230) евреев, так как они (согласно отчету ортскомандатуры Николаева 1/853 от 31 августа 1941 г.) «не явились для регистрации и призывали остальное еврейское население не подчиняться немецким военным органам».

14 сентября 1941 г. евреям было приказано собраться 19 сентября на еврейском кладбище для переселения. 21 сентября были вывезены и расстреляны мужчины, 22–23 сентября – женщины с детьми. Казнь длилась 2–3 дня в двух оврагах между селами Воскресенское и Калиновка. Свыше 6000 евреев были расстреляны. После того как были убиты все евреи, оба оврага были взорваны, и таким способом могила была засыпана. В приговоре суда присяжных при Земельном суде Мюнхена от 26 февраля 1970 г. отмечалось, что «в один из дней казни украинские жители жаловались на то, что их источники воды загрязнены кровью убитых евреев. Они выражались в том смысле, что не хотят пить «еврейскую кровь».

28 марта 1944 г. Николаев был освобожден советскими войсками.

См.: Гриневиц Е., Гольденберг М. Холокост на Николаевщине; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 114; Круглов А. Без жалости и сомнения. Документы о преступлениях оперативных групп и команд полиции безопасности и СД на временно оккупированной территории СССР. – Днепрпетровск, 2010. – Ч. IV. – С. 29, 36, 41, 126; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 222–223; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 67, 76, 77, 78, 88, 139, 167–168; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 316, 326, 331, 335, 453; Холокост на территории СССР. Энци-

клопедия... – С. 648–649; The United Stftes Holocaust Memorial Museum... – Vol. II. – P. 1627–1628.

БЕЛЬЦЕР Яків (1938 р.)
«МИ ХОТІЛИ ЖИТИ...»

¹ См. примечание к воспоминаниям Миши Балк

БЕРМАН Михаил (1933 г.)
ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛИ ХОЛОКОСТА

¹ В 1939 г. в городе **Могилев-Подольский Винницкой области** проживали 8703 еврея (39,79 % населения).

В начале войны часть евреев была призвана в армию, другие эвакуировались, вследствие чего численность еврейского населения в Могилеве-Подольском уменьшилась примерно на 5000 человек.

19 июля 1941 г. Могилев-Подольский был оккупирован немецко-румынскими войсками. В этот же день были убиты 60 человек. В конце июля 1941 г. в Могилев-Подольский из Черновцов прибыла зондеркоманда 106. По ее данным, в Могилеве-Подольском оставалось около 4 тысяч евреев. Еще 7 тысяч евреев, депортированных румынами из Бессарабии в конце июля 1941 г., проживали в ближайших окрестностях. Высланных зондеркоманда в начале августа вернула за Днестр, расстреляв при этом тех, кто не выдержал пешего марша. Посол Франции в Румынии Ж. Трюелль писал об этом в донесении: «В Черновцах евреи были погружены в вагоны для скота, по 60–80 человек в каждый. Поезда направлялись в Могилев, куда прибыли через три–четыре дня. Среди депортированных были жертвы – больные, которых условия в этом транспорте добили окончательно, а также замерзшие от холода. В Могилеве большинство домов было разрушено, и евреи были вынуждены спать под открытым небом. Затем был получен приказ идти пешком в неизвестном направлении. Таким образом было пройдено около 200 км, по 15–20 км в день... Трупы оставались на обочине дорог...».

В середине сентября 1941 г. депортация в Могилев-Подольский была продолжена.

Могилев-Подольский был сборным пунктом для евреев, которых депортировали из Бессарабии и Буковины, и одним из пяти важных переходов в Транснистрию. До ноября 1941 г. многие колонны бессарабских и буковинских евреев прошли через этот город. В общей сложности с

15 сентября 1941 г. до 15 февраля 1942 г. через Могилев-Подольский прошли 55913 депортированных евреев.

15 августа 1941 г. в Могилеве-Подольском румыны создали гетто, в котором в декабре 1941 г. находились 3733 местных еврея. Осенью 1941 г. к ним добавились свыше 15000 евреев из Буковины и Бессарабии; их сначала разместили в бывших казармах пехотного полка, а в мае 1942 г. перевели в гетто. Пересыльный лагерь состоял из старых, обветшалых бараков, в которых в нечеловеческих антисанитарных условиях должны были совместно находиться тысячи человек. Это приводило к ежедневным самоубийствам. Охрана лагеря издевалась над евреями.

В конце 1941 г. в гетто началась эпидемия сыпного тифа: из 4401 официально зарегистрированного больного до июня 1942 г. умерли 1254. Кроме того, с апреля 1942 г. до июня 1943 г. в детском доме Могилева-Подольского умерли 346 еврейских детей-сирот.

Около 7500 евреев были вывезены за время существования гетто в другие лагеря: в конце мая – начале июня 1942 г. – 3000 человек в Сказинцы, в конце июля и в октябре–ноябре 1942 г. – 3500 в Печору, в августе 1942 г. – около 500 в Вороновицу, в мае 1943 г. – 555 в Трихаты и в ноябре 1943 г. – 280 человек в Одесскую область. Когда в сентябре 1942 г. лагерь в Сказинцах был расформирован, часть оставшихся в живых евреев вернулась в Могилев-Подольский, свыше 1000 человек были высланы в другие населенные пункты. В декабре 1943 г. после того, как 3198 евреев из румынского уезда Дорохой были возвращены в Румынию, в Могилеве-Подольском остались 12836 буковинских, 348 бессарабских и 3000 местных (украинских) евреев. В марте 1944 г. евреи Бухареста получили разрешение возвратить в Румынию 1400 детей-сирот.

По данным Ф. Винокуровой, в гетто Могилева-Подольского умерло 6000 евреев (по данным ЧГК от 17.04.1945 г. – 4394, по другим сведениям – намного больше).

Могилев-Подольский был освобожден Красной Армией 20 марта 1944 г.

См.: AnceJ. Transnistria, 1941–1942... – Vol. 1. – P. 66–72, 357–362; Винокурова Ф.А. Еврейський опір. – С. 337; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 26; Hilsenrath E. Nacht. Gesamelte Werke. – Berlin, 2003. –Vd. 1; Живыми остались только мы... – С. 168–171, 176; 232, 376–379, 466; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 205–206, 411–413; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 128–138, 293–295, 319–323; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 69, 400,

432–438, 456–457; *Enzyklopädie des Holocaust...* – Bd. II. – S. 960–964; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 213–214; Люди остаются людьми. Свидетельства очевидцев. Вестник. – Черновцы, 1991. Вып. 1. – С. 87–88; Люди остаются людьми. Свидетельства очевидцев. Вестник. – Черновцы, 1991. – Вып. 3. – С. 71–72; Назария С. Холокост: Страницы истории. – Кишинев, 2005. – С. 156; Последние свидетели. – С. 90–102; Teich M. *The Jewish Self-Administration in Ghetto Shargorod (Transnistria)*. – Jerusalem, 1958. – P. 221–225; Фишер Ю. Транснистрия... – С. 65–70; *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden...* – Bd. 7. – S. 774f, 807f, 822, 825f, 828–831, 833, 835; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 607–608; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. I. P. 491–496.

² Село Печора Тульчинского района Винницкой области было оккупировано немецкими войсками 23 июля 1941 г.

С декабря 1941 г. до марта 1944 г. в Печоре находился еврейский лагерь. 12 декабря 1941 г. в лагерь поместили 3005 евреев из Тульчина, 31 декабря 1941 г. – свыше 700 евреев их Брацлава, в январе 1942 г. – собранных в Ладыжине еще в сентябре 1941 г. евреев Тростянецкого района (450 чел.), несколько сотен евреев из Вапнярки, 19 августа 1942 г. – несколько сотен евреев из лагеря в Рогозне. В конце июля и в октябре–ноябре 1942 г. в лагерь были доставлены 3500 евреев из Могилева-Подольского. В совокупности в лагерь были направлены 8,5 тыс. человек. С августа 1942 г. до мая 1943 г. из их числа 2,5 тыс. были отправлены за Южный Буг и переданы немцам для использования на работах. Так, часть заключенных отправили в лагерь в Зареденцах. В сентябре 1943 г. в лагере Печора собрали всех детей-сирот (около 30 человек) и организовали детский дом, а в ноябре 1943 г. детей через Тульчин вывезли в Балту, а оттуда в марте 1944 г. – в Румынию. В середине марта 1944 г. в лагере были освобождены 1550 евреев.

Всего в лагере от голода и болезней (в том числе и от эпидемии тифа) погибли 9450 евреев. Это число явно занижено, так как ЧГК не учла депортированных евреев, погибших во время побегов из лагеря, а также тех, кого представители немецкой администрации забрали из Печоры на ремонтно-строительные работы и потом уничтожили. Сопоставляя различные источники и архивные документы, Ф.А. Винокурова отмечает, что «через концлагерь, прошли около 10 тысяч евреев, пригнанных из Брацлава, Тульчина, Ладыжина, Могилева-Подольского, Тростянца и Шпикова, румынских и буковинских евреев, а при освобождении их оставалось 300–400 человек».

Печора была освобождена частями Красной Армии 15 марта 1944 г.

См.: Винницкая область. Катастрофа (ШОА) и Сопротивление: Свидетельства евреев-узников концлагерей и гетто, участников партизанского движения и подпольной борьбы. – Тель-Авив–Киев, 1994. – С. 71–91; Винокурова Ф.А. Холокост на Винничине: сравнительный анализ архивных документов о судьбах евреев в немецкой и румынской зонах оккупации (1941–1944 гг.) // Проблемы історії Голокосту. – Вип. II. – Дніпропетровськ–Запоріжжя, 2005. – С. 27; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 50; Живыми остались только мы... – С. 113–114, 246–248, 255–256, 422, 491–496; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 71–72, 331–338, 410–419, 461–466, 471–472; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 93–94, 145–147, 223–255, 294–295, 322, 358–361, 434–439; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 56, 68–69, 179–180, 246–249, 358, 400–415; Історія міст і сіл Української РСР. Вінницька область. – Київ, 1972. – С. 659; Круглов А. Катастрофа українського єврейства... – С. 254–255; Последние свидетели... – С. 350–362; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду... – С. 241–247; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 828, 834; Фишер Ю. Транснистрия... – С. 74–75; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II.

БЕССАРАБСКИЙ Семен (1929 г.)

«НЕКОТОРЫЕ ВЫЖИЛИ»

¹ В 1939 г. в городе **Котовск (Борщи) Одесской области** проживало 2735 евреев (16,28% населения). Город был оккупирован 5 августа 1941 г., входил в состав Транснистрии.

Во второй половине сентября евреи города были угнаны в Дубоссары (Бессарабия) и там расстреляны вместе с местными евреями айнзатцкомандой 12 айнзатцгруппы D (в уничтожении участвовали румынские и украинские полицейские). В Котовске у стадиона были убиты около 50 евреев и еще свыше 600 евреев расстреляны по дороге, в 10 км южнее села Борщи.

В июле 1942 г. румынские оккупанты привезли из села Ободовка Винницкой области в Котовск группу бессарабских и буковинских евреев для использования на работах.

На 1 сентября 1943 г. из их числа осталось 95 человек (10 из Бессарабии и 85 из Буковины). 31 марта 1944 г. Котовск был освобожден советскими войсками.

См.: История Холокоста в Одесском регионе. Сб. статей и документов. – Одесса, 2006. – С. 134; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства...

ства... С. 168; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия...* – С. 469; *The Yad Vashem...* – Vol. I. P. 335–336.

² В 1939 г. в местечке **Мястковка (ныне Городовка) Крыжопольского района Винницкой области** проживали 832 еврея. Местечко было оккупировано немецкими войсками 22 июля 1941 г.

В первые дни оккупации была убита еврейская семья и жившие в том доме беженцы. Многих евреев местечка согнали на территорию костела и жестоко избили. С 1 сентября 1941 г. в составе Транснистрии. Румынская администрация объявила зоной гетто три улицы, населенные евреями. В каждом доме в антисанитарных условиях проживало по несколько десятков человек. Гетто огородили колючей проволокой, его охраняли полицаи на вышках. Несмотря на то, что были разрушены синагога и все молитвенные дома, в гетто продолжалась религиозная жизнь. Многие умерли от издевательств, голода, холода, болезней.

В 1943 г. румынские жандармы угнали в еврейский рабочий лагерь Трихаты на работу около 100 мужчин из Мястковки.

По рассказам старожилов, перед отступлением румынских войск в марте 1944 г. была задумана акция по уничтожению гетто, для чего евреев собрали в так называемую Турецкую тюрьму. Однако внезапно появившийся немецкий офицер приказал освободить евреев (по данным авторов книги «100 еврейских местечек Украины. Вып. 2. Подолия», это был переодетый еврей-подпольщик, уроженец Крыжополья Владимир Иосифович Кержнер).

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 38; 100 еврейских местечек Украины. – Вып. 2. Подолия. – С.-Петербург, 2000. – С. 230; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 633.

БИЛЫК Леонид **ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИСЬМА**

¹ В селе **Грицев Каменец-Подольской (ныне – Хмельницкой) области** в 1939 г. проживали 1095 евреев (36,1% населения).

Оккупация Грищева длилась с 5 июля 1941 г. по 6 марта 1944 г.

После захвата немцами села были взяты 10 заложников-евреев, которых продержали сутки, а затем расстреляли в урочище Гора. В начале августа было создано гетто, которое огородили колючей проволокой, а еврейские дома обозначили шестиконечными звездами.

4 августа 1941 г. подразделение 1-го батальона 10 полицейского полка СС расстреляло 286 евреев-мужчин в Грицевском лесу. Через некоторое время были взяты еще 10 заложников-евреев, которых утопили в озере.

Трудоспособных евреев ежедневно выводили на принудительные работы. Многие узники умерли от истощения, холода, болезней.

Осенью–зимой 1941 г. оккупанты провели несколько акций по уничтожению евреев. 4 сентября 1941 г. 320-й полицейский батальон расстрелял несколько сотен человек. В октябре всех евреев согнали в клуб гетто и затем увезли (по некоторым предположениям) в Славутский лес вместе с евреями Славуты. По данным А. Круглова, весной 1942 г. оставшиеся в Грицеве евреи были переселены в Староконстантинов и в конце июня 1942 г. расстреляны там вместе с местными евреями.

Небольшая группа евреев из Грицева (14 человек) во главе с учителем Исааком Билеком ушла в партизанский отряд имени Котовского. Позже к отряду присоединились несколько групп бежавших узников.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 92; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 239–240; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 219; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1359.

² В городе **Староконстантинов Каменец-Подольской (ныне – Хмельницкой)** области в 1939 г. проживали 6743 еврея (31% населения).

7 июля 1941 г. город был захвачен немецкими войсками. С первых дней оккупации евреев привлекали к принудительным работам по расчистке дорог и уборки помещений для немецких воинских частей. На евреев наложили контрибуцию, конфисковали ценные вещи.

В 1941–1942 гг. в городе был проведен ряд акций, во время которых были уничтожены все евреи, оставшиеся в оккупации. 3 августа 1941 г. четыре роты 8-го пехотного полка СС из захваченных ними 1404 евреев (592 мужчин и 812 женщин) расстреляли 489 человек (302 мужчин и 187 женщин). Остальные евреи были распределены по рабочим командам.

В середине августа был создан юденрат из трех человек и еврейская полиция. Евреев обязали носить на рукаве белые повязки с шестиконечной звездой.

2 сентября 1941 г. 304-й полицейский батальон расстрелял еще как минимум 500 евреев.

В начале 1942 г. в Староконстантинове было создано еврейское гетто.

25 мая (по другим данным – 23 июня) 1942 г. зондеркоманда команда СД при содействии немецкой жандармерии и украинской полиции ликвидировала гетто, уничтожив 6,5 тысяч человек из Староконстантинова и пригнанных евреев из Остропольского, Грицевского и Старосинявского районов.

9 марта 1944 г. Староконстантинов был освобожден советскими войсками.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 86; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 299–200; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 755; Холокост на території СССР. Энциклопедия... – С. 945; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1474–1475.

БЛЕХМАН Михаил (1929 г.)

«ДЯДЯ СЛАВА ИЗ ГОРОДА БАР...»

¹ В городе **Бар** в 1939 г. проживали 3869 евреев (41,18% населения). Бар был оккупирован немецкими войсками 19 июля 1941 г. 15 декабря 1941 г. районная управа предписала всем евреям района до 20 декабря переселиться в Бар или Ялтушков, где с 20 декабря создавались гетто. В Баре было создано три гетто, одно из которых предназначалось исключительно для ремесленников. В 1942 г. гетто были ликвидированы. 19 августа 1941 г. команда СД из Каменца-Подольского при содействии немецкой жандармерии и украинской полиции расстреляла 1742 еврея и 15 октября – около 3000 человек. (С. Додик свидетельствует, что во время первой акции были убиты свыше 3000 евреев, во время второй – свыше 2000.) По данным Ф. Винокуровой, в Баре 19 августа и 15 октября были убиты более 5000 евреев. Кроме того, в Баре были повешены 3 еврея, и еще 51 человек умер от истязаний и пыток.

Бар был освобожден советскими войсками 21 марта 1944 г.

См.: Винницкая область. Катастрофа (ШОА) и Сопротивление... – С. 29–33, 43–54; Винокурова Ф.А. Холокост на Винничине... – С. 22; Додик С. Снова о Транснистрии //Научно-информационный бюллетень «Холокост». – Москва, 2004. – № 1(25). – С. 6; Живыми остались только мы... – С. 62--72; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 148–155, 446–447; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн 2. – С. 13–44, 446–447;

Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 295–299, 530–531; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 25; Краткая еврейская энциклопедия. – Иерусалим, 1976. – Т. 1. – С. 287; Последние свидетели... – С. 150–162; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 397–398, 399; Фишер Ю. Транснистрия... – С. 71; The The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 17–18; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1326–1327.

² В 1941–1944 гг. в селе **Лучинец Копайгородского района Винницкой области** существовало гетто для евреев из Буковины и Бессарабии. Согласно материалам ЧГК, от голода и болезней в гетто умерли 1698 человек. На 1 сентября 1943 г., по данным Ю. Фишера, в гетто еще находилось 1107 евреев.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 36; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2 – С. 80–89; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 298; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 190–191; Фишер Ю. Транснистрия... – С. 70; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 427.

³ Поселок городского типа **Копайгород Барского района Винницкой области** был оккупирован немецкими войсками 20 июля 1941 г.

В июле 1941 г., по данным немецких оккупационных властей, в Копайгороде оставались 300 евреев. С осени 1941 г. до весны 1944 г. в Копайгороде существовало гетто, в котором вместе с местными находились евреи из Бессарабии и Буковины (1295 человек по состоянию на 1 сентября 1943 г.). От голода, холода и болезней в гетто умерли в 1941–1942 гг. 2800 евреев, и были расстреляны с июля 1942 г. до февраля 1944 г. 9 евреев, в том числе 6 местных.

См.: Винницькая область. Катастрофа (ШОА) и Спротивление... – С. 29–33; Живыми остались только мы... – С. 69–71; Carp M. Holocaust in Rumania. Facts and Documents on the Annihilation of Rumania's Jews. 1940–1944. – Bucharest, 1994; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 65–66, 205–206, 501–502; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 32–34, 208–209, 279–283; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 163; Фишер Ю. Транснистрия... – С. 70; The The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 343–344.

БЛЯМ Фрида (1927 г.)

«МАЛО НАС ОСТАЛОСЬ В ЖИВЫХ...»

См. примечание к воспоминаниям Рувина Барона.

БОГОМОЛ Раиса (1930 г.)

«НА РАССВЕТЕ 11 ИЮНЯ 1942 ГОДА ВСЕХ ЕВРЕЕВ УБИЛИ»

¹ Село **Ингулец Широковского района Днепропетровской области** в 1930-е гг. было центром еврейского сельского совета Сталиндорфского национального еврейского округа.

После оккупации села немецкими войсками (летом 1941 г.) уже в сентябре нацисты казнили несколько сотен евреев. Остальных привлекли к принудительным работам.

12 июля 1942 г. около 1400 оставшихся на оккупированной территории евреев из Ингульца и окрестностей были расстреляны в каменном карьере недалеко от села.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. – 136; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 348. The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1622.

² В городе **Кривой Рог** в 1939 г. проживали 12745 евреев (6,45% населения).

Город был оккупирован 14 августа 1941 г.

Спустя несколько дней в Кривой Рог прибыла оперативная команда б, которая в конце августа расстреляла 105 евреев. Команда находилась в Кривом Роге до начала октября 1941 г., расстреляв в течение сентября еще несколько десятков евреев.

В ходе антиеврейской акции 14–15 октября 1941 г. почти все евреи Кривого Рога были уничтожены: в эти дни штабная рота «высшего фюрера СС и полиции Россия – Юг» обергруппенфюрера СС Еккельна при содействии 314-го полицейского батальона и украинской полиции расстреляла около 4000 евреев. Позднее были схвачены и расстреляны еще несколько сотен евреев.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 175–176; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 480.

БОЙКО Фира (1938 г.)

«ЗЛО НАКАЗУЕМО»

¹ Местечко **Черневцы Могилев-Подольского района Винницкой области** было захвачены немецкими войсками 21 июля 1941 г.

В конце июля – начале августа 1941 г. в Черневцах были убиты 27 евреев. 24 июля подразделение полиции безопасности расстреляло 12 человек как заложников. 27 июля 1941 г. румынские солдаты утопили в реке 10–13 человек, а в начале августа был убит еще 1 еврей. Остальные были согнаны в гетто, в которое к полуторам тысячам местных евреев осенью того же года вселили и депортированных евреев из Бессарабии и Буковины. Часть заключенных умерла в гетто от голода и болезней.

К концу 1943 г. здесь оставалось 170 бессарабских и 279 буковинских евреев.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 48; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 411; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 319–320, 335–341; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 339–340; 100 еврейских местечек Украины... – Вып. 2. – С. 361–362; The The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 104.

БРАМНИК Моше (1930 г.)

«Я ПОНЯЛ ОДНУ ИСТИНУ: НАДО РАБОТАТЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ»

¹ В селе **Дзыговка Ямпольского района Винницкой области** в 1939 г. проживали 858 евреев (11,83% населения).

Дзыговка была оккупирована в конце июля 1941 г. и оказалась на территории Транснистрии. Вскоре было создано гетто для местных и депортированных бессарабских и буковинских евреев. Последних, по официальным данным, на 1 сентября 1943 г. было 105 человек. Евреев использовали на принудительных полевых работах, большую группу угнали в Николаев на строительство моста.

После освобождения Дзыговки в марте 1944 г. в селе осталось несколько сотен евреев.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 52; Живыми остались только мы... – С. 73–75; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 149–150; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 624; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 99; 100 еврейских местечек Украины... – Вып. 2. – С. 518–519; Фишер Ю. Транснистрия... – С. 84. The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 190.

² **О местечке Печора см. примечание к воспоминаниям Михаила Бермана.**

³ В 1939 г. в городе **Каменец-Подольский** проживали 13796 евреев (38,1% населения).

Город был захвачен венгерскими войсками 10 июля 1941 г. Через несколько дней в Старом городе оккупанты расстреляли 400 евреев-мужчин.

20 июля 1941 г. в Каменце-Подольском было создано гетто, которое просуществовало свыше полутора лет – до февраля 1943 г. (по другим данным – до конца октября 1942 г.). Это гетто стало первым на оккупированной территории СССР местом депортации и уничтожения евреев из других стран. Во второй половине июля в Каменец-Подольский были переселены 11 тысяч так называемых «иностранцев» евреев – в основном из Закарпатской Украины, входившей тогда в состав Венгрии, а также из Польши и Чехословакии. (По данным Шименфальви, главы КОЕКНа – административного органа по контролю за иностранцами, – в Каменец-Подольский было отправлено 18500 евреев.) «После пяти дней ужасных мучений мы прибыли в город под названием Каменец-Подольск. Мы без денег и пищи, в крайнем отчаянии. Нас ждет голодная смерть» (из сохранившегося письма, которое удалось отправить из Каменца-Подольского). В гетто были согнаны также жители из окрестных местечек.

В конце июля 1941 г. венгров сменили немцы. 5 августа 1941 г. они приказали всем евреям переселиться в Старый город и носить «еврейскую звезду». На еврейскую общину была наложена контрибуция в размере 40 тысяч рублей и 8 кг золота. Вскоре среди евреев началась эпидемия. Поскольку немцам не удалось договориться с венграми о возвращении «иностранцев» евреев, было принято решение об их уничтожении до 1 сентября 1941 г., т.е. до официального перехода власти на этой территории к немецкой гражданской администрации. Организатором и руководителем уничтожения евреев был «высший фюрер СС и полиции Россия – Юг» обергруппенфюрер СС Еккельн. В конце августа 1941 г. его штабная рота при содействии 320-го полицейского батальона, украинской полиции и венгерского саперного взвода расстреляла близ Каменца-Подольского 23600 евреев за три дня – «иностранцев» и большую часть местных (26 августа – 4200, 27-го – 11000, 28-го – 7000). Это

была первая кровавая бойня такого масштаба. Еще 4500 узников (включая 500 детей) были ликвидированы в начале 1942 г.

В начале сентября 1941 г. все уцелевшие евреи были собраны в гетто в расположении бывшей воинской части. В июне 1942 г. в гетто были отобраны и расстреляны старики, а остальные евреи переведены в новое гетто – бывший Силикатный институт. В сентябре 1942 г. в гетто были отобраны и расстреляны врачи с семьями. В июле–сентябре 1942 г. в гетто были переселены несколько тысяч евреев-ремесленников с семьями из окрестных населенных пунктов (Балин, Заречанка, Китайгород, Оринин, Смотрич, Старая Ушица, Чемеровцы, Шатава и др.). 11 августа 1942 г. в Каменце-Подольском был казнен 821 человек, среди них 813 евреев из Смотрича и Чемеровцев, сообщалось в «Донесении о событиях №7 отделения СД в Каменце-Подольском» от 13.08.42 г. В конце октября 1942 г. в гетто насчитывалось около 4800 человек. 30 октября 1942 г. гетто было ликвидировано после расстрела около 4000 евреев. Почти 500 человек бежали накануне расстрела, и несколько сотен спрятались на территории гетто. Впоследствии большинство спрятавшихся и бежавших были пойманы и также расстреляны.

В общей сложности в 1941–1943 гг. в Каменце-Подольском были уничтожены около 30000 евреев. И. Финкельштейн приводит другие цифры. Ссылаясь на материалы Государственного архива Хмельницкой области (ф. 863, оп. 2, д. 30, л. 6), он пишет, что в 1942 г. «была расстреляна 41 тыс. человек. Они нашли свою смерть на еврейском кладбище, в районе бывших пороховых складов, во дворе гестапо, более 20 тыс. человек погибло в районе бывшего учебного батальона, в Старом Городе».

27 марта 1944 г. Каменец-Подольский был освобожден советскими войсками.

См.: Альтман И. *Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг.* – Москва, 2002. – С. 142; Gilbert M. *Endlösung. Die Vertreibung und Vernichtung der Juden.* – Hamburg, 1995. – С. 69; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 84; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 1. – С. 98, 267–268; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 3. – С. 309–316; *Enzyklopädie des Holocaust...* – Bd. II. – S. 731–732; *Живыми остались только мы...* – С. 84–85, 413–415; Круглов А. *Катастрофа украинского еврейства...* – С. 141–142; *Між життям і смертю. Невільницькі спомини.* – Ужгород, 2005. – С. 147; Рейдер А. *Еврейская община Закарпатья XX век: События, судьбы, документы.* – Ужгород, 2004. – С. 33–35; *Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины...* –

C. 71–72, 243–244, 245–246, 394–395, 397–398, 406–411; Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges. 1941–1944. – Hamburg, 2004. – S. 128–135; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. – München, 2011. – Bd. 7. – S. 321, 264–266, 270f, 328; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации... – С. 13, 20, 97; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos. – Vol. I, P. 280–282; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1374–1375.

БРАИЛОВСКАЯ (ШНАЙДЕР) Евдокия (1928 г.)
«ТРИ ГОДА МЫ СМОТРЕЛИ СМЕРТИ В ГЛАЗА»

¹ Село **Ольгополь** **Чечельницкого района Винницкой области** в 1930-е годы было центром еврейского поселкового совета. В 1939 г. в Ольгополе проживало 660 евреев (11,29 % населения), во всем районе – 810 евреев.

26 июля 1941 г. село было оккупировано немецкими войсками. В августе в Ольгополе были расстреляны около 70 евреев. С 1 сентября 1941 г. село вошло в состав Транснистрии.

В сентябре 1941 г. на месте еврейского квартала было создано гетто, в котором оказалось 100–150 семей местных евреев.

Осенью 1941 г. румынские оккупационные власти депортировали в Ольгополь евреев из Бессарабии и Буковины. Значительная часть евреев умерла от голода и болезней. 5 бессарабских евреев были убиты в колонне, которую румыны гнали в Бершадь. В мае 1942 г. в Ольгополь привезли из «политического лагеря» в Вапнярке около 100 евреев – румынских коммунистов и социал-демократов. Ими в гетто был создан юденрат. Он организовал детский дом, бесплатную столовую, баню, расширил больницу, создал стоматологический кабинет.

В 1943 г. в Ольгополе пребывала итальянская воинская часть, военнослужащие которой приносили в гетто продукты, кормили еврейских детей.

На 1 сентября 1943 г. в Ольгополе находилось около 700 узников, в том числе 191 депортированный еврей (164 из Бессарабии и 27 из Буковины).

22 марта 1944 г. Ольгополь был освобожден советскими войсками.

См.: 100 еврейских местечек Украины... – Вып. 2. – С. 560; Кружлов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 242; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 688.

БРЕНЕР Григорий (1928 г.)

«ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ...»

См. примечание к воспоминаниям Виктора Антоновича.

БУРДИНСЬКА Марія (1935 р.)

«30 СІЧНЯ 1943 р. ВСІ ЄВРЕЇ З ГЕТТО БУЛИ РОЗСТРІЛЯНІ»

В 1939 г. в Летичеве Каменец-Подольской (ныне – Хмельницкой) области проживали 1946 евреев (36,42% населения).

17 июля 1941 г. Летичев был оккупирован немецкими войсками. Были расстреляны около 25 евреев из числа интеллигенции.

В конце сентября 1941 г. в квартале между рыночной площадью и Южным Бугом было создано огороженное колючей проволокой гетто. Узники гетто должны были носить на груди и спине желтые круги с шестиконечными звездами.

Украинские полицейские при участии старосты гетто регулярно проводили рейды по конфискации золота, теплых и ценных вещей.

Зимой 1941–1942 гг. начался голод. Узников ежедневно выгоняли на шоссе для расчистки дороги. С весны 1942 г. трудоспособных евреев заставляли работать в каменоломне в 10–12 км от поселка. Узников будили в 3 часа ночи, затем в течение двух часов шла проверка. Ежедневно по пути в каменоломни и обратно умирали несколько узников.

В мае 1942 г. на территории бывшего доминиканского костела был устроен лагерь для депортированных евреев из Буковины и Бессарабии, куда поместили также около 200 трудоспособных евреев из Деражни, около 100 евреев из Меджибожа, группу евреев из Новой Ушицы.

20 сентября 1942 г. гетто было ликвидировано. Судебно-медицинские эксперты впоследствии обнаружили в овраге за селом Залетичевка, в 4-х км от города, захоронение, в котором было найдено 3 тысячи трупов. В ноябре 1942 г. был ликвидирован рабочий лагерь. На том же месте расстреляли еще 4 тысячи евреев. 30 января 1943 г. были расстреляны последние еврей-ремесленники.

23 марта 1944 г. Летичев был освобожден советскими войсками. В него вернулись несколько десятков еврейских семей.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 64; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 184–185; Финкельштейн И. Массовое уничтожение еврейского населения Подолии // Катастрофа и сопротивление украинского еврейства (1941–1944). – Киев, 1999. – С. 77; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... –

C. 521–522. The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 191–194; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1403–1404.

БУРЛАКА Людмила (1935 г.)

«ВСЕХ ПОВЕЛИ НА РАССТРЕЛ ...»

В 1939 г. в **Херсоне** проживали 16145 евреев (16,65 % населения).

Херсон был захвачен 19 августа 1941 г. бригадой лейбштандарта СС «Адольф Гитлер». 22 августа 1941 г. в Херсон прибыло подразделение СД (15 чел.) зондеркоманды 11а. 23 августа командир подразделения СД приказал евреям города «носить на одежде еврейскую звезду» (на левой стороне груди и спины) величиной в 10 см, зарегистрироваться и сдать все принадлежащие им деньги и ценности. «Евреи, которые не выполнят этот приказ, будут расстреляны». После введения опознавательного знака и регистрации евреев согнали на несколько улиц, которые были изолированы. «Создание постоянного еврейского жилого района не предусмотрено... Ежедневно в распоряжение предоставляются... еврейские рабочие отряды, численность которых возросла со 120 до 1000 человек в последние дни» (из отчета о деятельности зондеркоманды 11а в Херсоне с 28 августа до 10 сентября 1941 г.). Уже через 6 дней, 29 августа, подразделение СД расстреляло 100 евреев, 6 сентября 1941 г. – еще 110 евреев. До 10 сентября 1941 г. в общей сложности были убиты 410 евреев, а спустя некоторое время – еще 17 евреев за «неношение еврейской звезды». 24 – 25 сентября 1941 г. подразделение СД в противотанковом рву в 7 км северо-восточнее Херсона расстреляло почти всех остальных евреев города – около 5 тысяч человек. В январе 1942 г. в Херсоне были схвачены и расстреляны около 400 евреев, состоявших в смешанных браках. В общей сложности в 1941–1942 гг. в Херсоне были уничтожены свыше 6,5 тысяч евреев, а за все время оккупации – до 10 тысяч.

Отдельно отметим, что в августе 1941 г. под Херсоном находился оголоженный колючей проволокой лагерь для советских военнопленных. В первые же дни его существования в нем было выявлено и поблизости расстреляно до 500 евреев (в дальнейшем, по мере выявления, евреев расстреливали небольшими партиями или даже поодиночке).

13 марта 1944 г. Херсон был освобожден советскими войсками.

См.: Альтман И. Жертвы ненависти... – С. 183; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 180; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 198–199; Жизнь и смерть в эпо-

ху Холокоста... – Кн. 2. – С. 342–343, 490; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн.3. – С. 475–477; *Enzyklopädie des Holocaust...* – Bd. I. – S. 183–184; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 54–55, 330; Pohl D. *Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1945. Die Herrschaft der Wehrmacht.* – München, 2009. – S. 265, 270; Полян П. Советские военнопленные-евреи – первые жертвы Холокоста // *Холокост. Научно-информационный бюллетень.* – № 5 (23). – Москва, 2003. – С. 20–21; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 63–64, 66–67, 69–70, 76, 77, 168–169; *Die Verfolgung und Ermordung...* – Bd. 7. – S. 283, 379, 453; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. I. – P. 305.

БУРШТЕЙН Абрам (1928 г.)

«Я ВИДЕЛ, КАК РАССТРЕЛИВАЛИ...»

¹ В селе **Соболевка Тепликского района Винницкой области** в 1939 г. проживали 434 еврея (6,96% населения).

В 1930-е годы Соболевка была центром еврейского национального поселкового совета.

28 июля 1941 г. село было оккупировано немецкими войсками. Соболевка входила в гебит Гайсин генерального округа Житомир рейхскомиссариата Украина.

В сентябре 1941 г. было создано гетто.

В апреле 1942 г. более 100 юношей и девушек были забраны в рабочий лагерь в Райгороде, а остальные евреи (300 человек) 27 мая 1942 г. были расстреляны командой СД из Винницы.

По данным ЧКГ, за годы оккупации в Соболевке погибли 405 евреев – практически все еврейское население.

13 марта 1944 г. Соболевка была освобождена советскими войсками.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 291; 100 еврейских местечек Украины. – Вып. 2. – С. 562; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия* – С. 922; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. II. – P. 732.

² В селе **Райгород Немировского района Винницкой области** в 1942–1943 гг. существовал еврейский рабочий лагерь, заключенные которого использовались на дорожных работах, в карьере, добывая и погружая камень на железнодорожные платформы. Заключенные жили под открытым небом. Узников кормили два раза в день, но на

территории лагеря не было воды, что вело к большой смертности из-за антисанитарных условий. В апреле 1942 г. в лагерь привезли евреев из сел Соболевка и Теплик, позднее – буковинских евреев из румынской зоны оккупации.

26 июня 1942 г. в Райгород пригнали и расстреляли около 1000 евреев из Черновцов. В лагере погибли несколько сотен заключенных. В Акте районной ЧГК от 16 августа 1944 г. говорится об уничтожении 2758 человек. В Акте сельской ЧГК от 14 апреля 1945 г. и в протоколе допроса Д.Г. Волошиной указывается, что в «гетто уничтожено 106 человек еврейской национальности». Часть заключенных была переведена в лагерь в Тарасовку Гайсинского района Винницкой области. Они жили в длинной колхозной кошаре для овец. Лагерь был окружен колючей проволокой и охранялся украинскими и литовскими полицейскими.

В декабре 1943 г. райгородские заключенные были расстреляны вместе с другими узниками во время ликвидации лагеря. По заключению судебно-медицинской экспертизы, было уничтожено 1084 человека.

См.: Альтман И. Жертвы ненависти. – С. 84, 182, 184; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 44; Живыми остались только мы... – С. 285–286; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 350–351; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3 – С. 182, 539–542; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 116, 269, 554–558; Финкельштейн И. Массовое уничтожение еврейского населения Подолиш... – С. 60–61.

³ В селе Михайловка Гайсинского района Винницкой области 3 ноября 1941 г. были расстреляны первые 30 евреев. С мая 1942 г. в Михайловке существовал еврейский рабочий лагерь, в котором находились евреи немецкой зоны оккупации, а когда к июлю 1942 г. евреи в этой зоне в основном были уничтожены, немцы по договоренности с румынскими оккупационными властями привлекали евреев из румынской зоны. Они использовались на строительстве и ремонте дороги. В октябре 1942 г. в лагере были расстреляны 110 заключенных. В августе 1943 г. около 100 заключенных освободили партизаны.

В декабре 1943 г. были расстреляны последние 350 заключенных, после чего лагерь был ликвидирован.

⁴ В селе **Ивангород Христиновского района Черкасской области** накануне войны проживали 20 еврейских семей.

В середине 1942 г. были расстреляны свыше 30 евреев. Нескольким специалистам временно была сохранена жизнь. С мая 1942 г. до декабря 1943 г. в Ивангороде находился еврейский рабочий лагерь, заключенные которого строили и ремонтировали стратегическую дорогу. В лагере погибли несколько сотен евреев.

См.: Винокурова Ф.А. *Холокост на Винничине...* – С. 25; Daghani A. *The grave is in the cherry orchard.* – London, 1964; *Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України...* – С. 48; *Живыми остались только мы...* – С. 93–94, 246–248, 255–256; 422, 491–496; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 1. – С. 342–348; *Історія міст і сіл УРСР. Вінницька область...* – С. 659; Круглов А. *Катастрофа украинского еврейства...* – С. 130, 211–212, 244, 308, 318–319.

⁵ О Бершаді см. примечание к воспоминаниям Рувина Барона.

БУХАНОВСКИЙ Владимир (1930 г.)

«РАНА, КОТОРУЮ НАНЕСЛА ВОЙНА, БОЛИТ ДО СИХ ПОР...»

Переяслав (ныне – **Переяслав-Хмельницкий**) Киевской области был оккупирован немецкими войсками 17 сентября 1941 г. В «Донесении о событиях в СССР» № 119 от 20 октября 1941 г. сообщалось, что 4 октября 1941 г. «передовая команда зондеркоманды 4а в Переяславе с помощью украинских доверенных лиц провела еврейскую акцию. В совокупности были схвачены и ликвидированы 537 евреев (мужчины, женщины и подростки). Украинским населением и вермахтом эта акция была воспринята с одобрением».

Переяслав был освобожден советскими войсками 22 сентября 1943 г.

См.: *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 1. – С. 201–203; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 2. – С. 12; *Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины...* – С. 91.

ВАЙНЕР Аня (1929 г.)

«КАЖДЫЙ ДЕНЬ УМИРАЛО ЧЕЛОВЕК ДВАДЦАТЬ...»

См. примечание к воспоминаниям Михаила Блехмана.

ВАЙНЕР Аркадий (1927 г.)

«ТРИ БРАТСКИЕ МОГИЛИ НА ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК...»

¹ Село Манивцы Красиловского района Каменец-Подольской (ныне – Хмельницкой) области было оккупировано немецкими во-

йсками в июле 1941 г. Входило в состав округа Вольнь–Подолія рейхскомиссариата Украина.

В июле 1942 г. в Манивцы были свезены и расстреляны все узники рабочих лагерей из Красилова, Кульчинов, Орлинца и гетто Базаилии.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства ... – С. 203; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 567. The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1419.

² Село **Кульчины Красиловского района Каменец–Подольской (ныне – Хмельницкой) области** в 1930-е годы было центром еврейского сельского совета.

Село было оккупировано немецкими войсками в июле 1941 г. Входило в состав округа Вольнь–Подолія рейхскомиссариата Украина.

В начале 1942 г. все евреи Кульчинов были согнаны в лагерь, а в июле 1942 г. расстреляны в селе Манивцы.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 84; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 179; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 495.

ВАЙНЕР Исаак

«ТАК ПОГИБЛО ЕВРЕЙСКОЕ МЕСТЕЧКО ХМЕЛЬНИК»

¹ В 1939 г. в поселке городского типа **Хмельник Винницкой области** проживали 4793 еврея (63,8 % населения), в селах района – 906.

После оккупации Хмельника 16 июля 1941 г., по данным немецких оккупационных властей, в нем находились 7000 жителей, в том числе 4000 евреев (Отчет фельдкомендатуры 675 от 25 августа 1941 г.).

Осенью 1941 г. в Хмельник, вероятно, были переселены евреи из окрестностей, а также евреи, высланные румынами в Винницкую область из Бессарабии и Буковины.

В 1941–1942 гг. в Хмельнике были проведены 4 антиеврейские акции: 12 августа 1941 г. оперативная команда 5 провела «операцию возмездия», расстреляв 229 евреев. (По другим данным, было расстреляно около 400 евреев.) В «Донесении о событиях в СССР» № 86 от 17 сентября 1941 г. отмечалось, что «этот район... в значительной мере очищен. Реакция населения на избавление от евреев была такой сильной, что даже было совершенно благодарственное богослужение».

В начале 1942 г. произошли массовые казни евреев в Хмельнике: 9 января 1942 г. нацисты, полицейские из сел и города Литин, окружив гетто

и прилегающие к нему улицы, расстреляли 5800 евреев. (Согласно материалам ЧГК – 6800. В статье Г. А. Погончика указывается, что с 2 по 16 января 1942 г. погибло около 8040 человек).

Через неделю, 16 января, немцы расстреляли 1240 женщин, детей, стариков. 12 июня 1942 г. были убиты 360 евреев. В Хмельнике остались лишь заключенные гетто, созданного в январе 1942 г., и еврейского рабочего лагеря. Гетто было ликвидировано 3 марта 1943 г., когда были расстреляны 1300 человек. Рабочий лагерь был ликвидирован 26 июня 1943 г.: 50 заключенных были расстреляны, а 85 сумели бежать, в том числе 13 – с места казни.

9 (10) марта Хмельник был освобожден советскими войсками. Из части города, расположенной на правом берегу реки Южный Буг, немецкие войска были окончательно выбиты 18 марта 1944 г.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 48; Живыми остались только мы... – С. 208–220; 519–521; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 122–124; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн.2. – С. 68–74; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 397–399; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 331; Неизвестная Черная книга. – С. 146–149; Последние свидетели... – С. 138–140; Погончик Г.А. Голокост на Бершадщині //Вестник Ам.ННІІХ и РЕ. – № 2. – С. 22; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 55, 64, 73, 154; Финкельштейн И.С. Массовое уничтожение евреев Подолии... – С. 71–73, Черная книга... – С. 33–38; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghetτος... – Vol. I. – P. 306–307.

² В 1939 г. в городе **Литин Винницкой области** проживали 1410 евреев (27,76 % населения).

17 июля 1941 г. Литин был захвачен немецкими войсками. В оккупированном городе находились, по немецким данным, 3000 жителей, в том числе 800 евреев. Такое количество объясняется тем, что осенью 1941 г. в Литин были переселены евреи из окрестностей (из Дьяковцев и др.), а также, вероятно, вселились евреи, депортированные румынами в Винницкую область из Бессарабии и Буковины. В 1941–1942 гг. в Литине были проведены четыре антиеврейские акции: 18 августа 1941 г. были расстреляны 57 евреев, 19 декабря 1941 – 1986 (300 мужчин, 500 женщин и 1186 детей), 29 декабря 1941 – 116 (10 мужчин, 35 женщин и 71 ребенок) и 12 июня 1942 – 91; всего – 2250 человек. В Литине остались в живых лишь заклю-

ченные еврейского рабочего лагеря. В него, как указывает И. Альтман, после ликвидации гетто были переведены 130 специалистов. Сюда же пригнали около 250 евреев-подростков из Чехословакии, Венгрии, Румынии. Они трудились в каменоломнях и на сельскохозяйственных работах. Все они были убиты позднее: 12 сентября 1942 г. – 580 человек, 20 сентября 1942 г. – 520, 10 октября 1942 г. – 260, 25 октября 1942 г. – 96, 18 сентября 1943 г. – 86 человек (14 мужчин, 40 женщин, 32 ребенка); всего – 1542 человек.

20 марта 1944 г. Литин был освобожден Красной Армией.

См.: Альтман И. *Жертвы ненависти...* – С. 185; *Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України...* – С. 38; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 3. – С. 127–130, 462–463, 530–531; *Круглов А. Катастрофа украинского еврейства...* – С. 187; *Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду...* – С. 245; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. I. – P. 306–307.

ВАЙНТРУБ Лейка (1928 г.)

«ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО»

¹ Местечко **Ободовка Винницкой области** было оккупировано немецкими войсками 28 июля 1941 г., а в августе того же года было установлено румынское оккупационное управление. Еврейский квартал был превращен в гетто и обнесен колючей проволокой. Осенью 1941 г. в Ободовку были пригнаны 9 тысяч евреев из Буковины и Бессарабии. Те из них, кто дал взятку румынским офицерам, поселились в домах местных евреев по 15–16 человек в комнате, остальных разместили в коровниках и свинарниках. До июня 1942 г. от голода и болезней умерло около 5000 евреев. 30 августа 1942 г. из Ободовки на работу в Балту и Котовск Одесской области были отправлены 300 евреев и 25 июня 1943 г. в Николаев – 1560 человек.

В июне 1943 г. в Ободовке еще оставалось 1373 еврея, 780 из них были переправлены в гетто Лухово, окруженное колючей проволокой. Людей разместили в коровниках. Многие умерли от болезней и голода.

В феврале 1944 г. отступающие немецкие солдаты, проходившие через Ободовку, грабили и убивали евреев. В начале марта в местечко прибыла австрийская часть, солдаты и офицеры которой раздавали евреям продовольствие и установили охрану гетто от мародеров.

Во время оккупации на сельскохозяйственной ферме в 3 км от Ободовки по дороге на сахарозавод было убито несколько тысяч депортиро-

ванных евреев. Согласно заключению Комиссии по расследованию злодеяний нацистов на оккупированной территории, в Ободовке во время войны было уничтожено около 11 тысяч евреев.

14 марта 1944 г. Ободовка была освобождена советскими войсками.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 42; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 140–146; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 310–318; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 70–71; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 236; Carp M. Holocaust in Rumania...; 100 еврейских местечек Украины. – Вып. 2. – С. 553–555; Фишер Ю. Транснистрия... – С. 79; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 539.

² В городе **Балта Одесской области** до войны проживали 4711 евреев.

Балта была оккупирована немецкими войсками 5 августа 1941 г., и уже 8 августа здесь были убиты около 200 евреев (около 60 местных, остальные – беженцы из Бессарабии).

В сентябре 1941 г. у села Казацкое были расстреляны еще 80 евреев из Балты. В том же месяце в Балте было создано гетто, где содержались 3700–3800 человек: около 1500 местных евреев, 1000 евреев-беженцев и около 1500 евреев, пригнанных из Бессарабии (частично – через Ободовку Винницкой области), к которым в июле 1942 г. добавили еще 200 (из Ободовки). Из числа бессарабских евреев на 1 сентября 1943 г. в живых оставались 866 человек, остальные умерли от голода и болезней.

Около 1500 евреев в конце 1941 г. были отправлены в Бершадь Винницкой области, приблизительно 500 из них вернулись, а около 1000 человек погибли в лагерях Ободовского и Тростянецкого районов.

Несколько сотен человек из Балты с декабря 1941 г. до августа 1942 г. были переведены в еврейский рабочий лагерь в селе Перелеты Одесской области для строительства аэродрома. В лагере от истощения и жестокого обращения около 70 человек погибли.

Весной 1943 г. трудоспособных евреев из Балты отправили в район Николаева в распоряжение организации Тодт (уже по дороге около 100 евреев погибли), а в конце 1943 г. выживших вернули в Балту.

В декабре 1943 г. в гетто расстреляли 83 еврея, а в марте 1944 г., во время немецкого отступления, – 300 евреев, и около 60 были живо сожжены.

29 марта 1944 г. Балта была освобождена советскими войсками.

См.: *Живыми остались только мы...* – С. 424–428; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 1. – С. 69–70, 168–176, 429–436; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 2. – С. 143–144, 268–270, 390; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 3. – С. 17–18; Круглов А. *Катастрофа украинского еврейства...* – С. 23–24; *Помнить и рассказать.* – Части 1 и 2. – Одесса, 2009; *Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины...* – С. 196–198, 608–609; Сушон Л. *Транснистрия: евреи в аду...* – С. 93–98; *Carp M. Holocaust in Rumania...*; *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden...* – Bd. 7. – S. 69, 822–825, 828; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. I. – P.15–16.

ВАЙНШТЕЙН Анна

«ЭТО БЫЛО ТОЛЬКО НАЧАЛО НАШИХ МЫТАРСТВ...»

¹ **О городе Могилев-Подольский см. примечание к воспоминаниям Михаила Бермана.**

² Село **Боровка Могилев-Подольского района Винницкой области** в 1930-е годы было центром еврейского сельского совета. По переписи населения 1939 г., в селе проживали 296 евреев (4,55% населения).

В июле 1941 г. село было оккупировано немецкими войсками. 9 и 10 августа были расстреляны 252 еврея. В казни участвовали и местные полицейские.

См.: Круглов А. *Катастрофа украинского еврейства...* – С. 44; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 1. – С. 419; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 2. – С. 130, 138; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 3. – С. 434; *Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии...* – С. 54; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия ...* – С. 101.

ВАЙСКОП Олександр (1935 р.)

«МЕНИ ВДАЛОСЬ ВТЕКТИ З ГЕТТО»

¹ В 1930-е гг. село **Ярмолинцы Хмельницкой области** было центром еврейского национального сельсовета (1733 жителя в 1931 г.). В 1939 г. в Ярмолинцах проживали 1264 еврея (60 % населения).

8 июля Ярмолинцы были оккупированы немецкими войсками.

Ссылаясь на материалы фондов Государственного Архива Хмельницкой области, составители «Довідника про табори, тюрми та гетто»

то на окупованній території України (1941–1944)» сообщают, осенью 1941 г. в Ярмолинцы пригнали 12 тысяч жителей города Городок Хмельницкой области, в октябре 1942 г. было создано гетто (по другим данным – в июне), в котором в нечеловеческих условиях содержалось 14000 евреев Ярмолинецкого, Михайловского и Городокского районов.

В 1942 г. часть трудоспособных евреев была угнана в рабочий лагерь в Лезнево, а остальные – около 900 человек (?) – расстреляны в сентябре 1942 г. Согласно материалам ГЧК, на которые ссылается И. Финкельштейн, здесь в конце октября были уничтожены все 14000 евреев. А. Круглов считает, что эта цифра представляется завышенной, если учитывать довоенное количество евреев в этих районах. В Ярмолинцах, в период оккупации бывших центром «гебита», были расстреляны также евреи из Городка, Кузьмина, Купина, Михайловки, Сатанова, Шаровки.

27 марта 1944 г. Ярмолинцы были освобождены советскими войсками.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 84, 88; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 274–278; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 109, 126; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 394, 398, 400–401; 100 еврейских местечек Украины. – Вып. 1. – С. 108–109; Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии... – С. 63, 78; Черная книга... – С. 45.

² Село **Кузьмин Городокского района Каменец-Подольской** (ныне – **Хмельницкой**) области было захвачено немецкими войсками в начале июля 1941 г.

Вслед за ними, по свидетельству выжившей Евгении Вайсбург, «приехали вооруженные бандеровцы и объявили, что уничтожат всех мужчин из местечка. Мужчины передевались в женские платья и, когда их находили, раздевали и нагих прилюдно расстреливали... Сотни невинных женщин и детей посадили в тюрьму, люди возвращались с допросов побитыми, с обрезанными ушами и с оторванными ногтями, некоторые падали и умирали в камерах». Часть евреев-мужчин была убита украинскими националистами.

В 1942 г. все евреи села были переселены в Городок, где они работали под конвоем немецкой жандармерии, а в октябре 1942 г. на подводах отвезены в Ярмолинцы и там расстреляны.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 177; Финкельштейн И. С. Массовое уничтожение евреев Подолии... – С. 58; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 490–491.

ВЕКСЛЕР Юлия (1936 г.)

«ЗЕМЛЯ БЫЛА В КРОВИ...»

¹ В селе **Терновка Бершадского района Винницкой области**, которое в 1930-е годы было центром еврейского национального поселкового совета, осенью 1941 г. было создано гетто. Как и в других местечках, здесь свирепствовал тиф, унесший многие жизни, а 27 мая 1942 г. зондеркоманда СД расстреляла, согласно материалам ЧГК, 2400 евреев (по свидетельствам бывшего военнопленного Г. Уманского – 2500; И. Финкельштейну в результате длительных поисков удалось установить имена 756 евреев – жителей Терновки). Свидетели-очевидцы рассказали членам ЧГК: «...Рано утром немцы окружили село, выгнали всех женщин и мужчин на площадь, пересчитали всех, построили и погнали к заранее подготовленной могиле. Там собранное население разбили на группы и каждую группу подводили к яме, раздевали... затем из пулеметов расстреливали. В яму падали убитые и раненые, а также живые. Многих жителей фашисты стаскивали в яму живыми и на них падали тела убитых и раненых. Малых детей брали за ноги и ударами об землю раскалывали головы...».

2 марта 1943 г. еврейский жилой район был окончательно ликвидирован.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 176–177; Живыми остались только мы... – С. 122–126; 405–412; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 500–503; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 311–312; Уничтожение евреев СССР... – С. 222–226; Финкельштейн И. Массовое уничтожение евреев Подолии... – С. 75–76; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 821.

ВЕНГРЕНОВСЬКА Тетяна

«МИ ПОЧАЛИ ПУХНУТИ ВІД ГОЛОДУ ТА ХОЛОДУ»

¹ О селе **Джурин см. примечание к воспоминаниям Детра Дзюбенко и Шели Розенгарт-Мостовой.**

² О городе **Проскуров см. примечание к воспоминаниям Татьяні Батулинской (Поперечної).**

ВЕРХ Михаил
«В ПЕРЕПОЛНЕННОМ ГЕТТО ЕВРЕИ УМИРАЛИ,
КАК МУХИ...»

¹ О городе Бершадь см. примечание к воспоминаниям Рувина Барона.

² О городе Балта см. примечание к воспоминаниям Лейки Вайн-труб.

ВИКНЯНСКИЙ Евгений (1927 г.)
«ЖИЛИ В СТРАХЕ, В ОЖИДАНИИ ХУДШЕГО...»

¹ Село Богачевка Кривоозерского района Одесской (ныне – Николаевской) области было оккупировано румынскими войсками в начале августа 1941 г. После эвакуации и призыва в Красную Армию в оккупации осталось около половины довоенного еврейского населения.

В сентябре 1941 г. еврейская община была уничтожена путем расстрела оставшихся в оккупации (131 человек). Убийство евреев было совершено, по всей видимости, румынскими жандармами. Расстрелы производились у села Березки близ поселка Врадиевка.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 40; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 93.

² О Кривом Озере см. примечание к воспоминаниям Бетти Бекерман.

³ О Доманевке см. примечание к воспоминаниям Бетти Бекерман.

ВИШНЕВЕЦКИЙ Александр
БЫЛИ ЛИ ЕВРЕИ В ЧЕЧЕЛЬНИКЕ?

¹ В местечке Чечельник Винницкой области в 1939 г. проживали 1327 евреев (66,1%) населения, во всем районе – 1474. В 1930-е гг. Чечельник был центром еврейского поселкового совета (2063 жителя в 1931 г.).

Местечко было оккупировано 27 июля 1941 г. Накануне из него успели эвакуироваться несколько десятков еврейских семей. Многие мужчины были призваны в армию.

На третий день оккупации все евреи были согнаны на улицы, прилегающие к сахарному заводу. Когда оттуда бежали несколько евреев, их поймали и расстреляли вместе с заложниками. Массовый расстрел был остановлен немецким (по другим данным, румынским) офицером. До осени 1941 г., пока не было создано оккупационное управление, в поселке происходили грабежи магазинов и еврейских домов, акты насилия, издевательств над евреями, которые нередко заканчивались убийством. В этом участвовали и крестьяне из окрестных сел.

1 сентября 1941 г. Чечельник вошел в состав Транснистрии. В конце 1941 г. румынские оккупанты создали гетто, в котором разместились около 1000 местных евреев, а также евреи-беженцы из Кодымы и Песчанки, спасшиеся от расстрелов и депортации в лагерь уничтожения, находившийся в Доманевке. Все евреи должны были носить на одежде желтую шестиконечную звезду. Они выполняли принудительные работы.

В ноябре 1941 г. в Чечельник прибыло более 1000 евреев из Бессарабии и Буковины, приблизительно половина из которых умерла от голода, холода и болезней. Была создана еврейская община и «еврейская стража». В гетто оставался хасидский цадик, велась религиозная жизнь, работала еврейская больница.

С января 1943 г. начала поступать помощь от еврейской общины Румынии. Благодаря этому была открыта столовая для детей и нуждающихся.

Однако из-за голода, болезней (эпидемий тифа и дизентерии), издевательств значительная часть депортированных евреев погибла.

На 1 сентября 1943 г. в Чечельнике остались 421 еврей из Бессарабии и 54 из Буковины. В 1943 г. около 60 молодых евреев были принудительно отправлены на работу в Николаев, из них погибли 15 человек.

В поселке действовала подпольная организация, имевшая связь с партизанами.

17 марта 1944 г. Чечельник был освобожден от оккупантов советскими войсками.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 343; 100 еврейских местечек Украины. – Вып. 2. – С. 389–390; Холокост на территории СССР. Энциклопедия – С. 1057; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 100–101.

ВОЛЧИНСКАЯ Алла (1937 г.)

«ВСЕХ РАССТРЕЛЯЛИ ЗА ГОРОДОМ»

В Павлограде Днепропетровской области в 1939 г. проживали 2510 евреев (7,44% населения). Павлоград был оккупирован 11 октября 1941 г. В Павлоградских хуторах на территории артиллерийского полигона и завода № 359 находился лагерь, в котором содержались около 1000 человек и куда доставлялись евреи из разных областей. Узники лагеря планомерно уничтожались. Зимой 1941–1942 гг. в Павлограде были расстреляны несколько сотен евреев, оставшихся в оккупации. (Согласно материалам ЧГК, с ноября 1941 г. до января 1942 г. в Павлограде было убито 3672 человека. Все ли они были евреями, неизвестно.) Кроме местных евреев в Павлограде и в других местах Днепропетровской области погибли сотни евреев из других регионов. В ноябре 1941 г. в Павлограде на территории завода были расстреляны 670 польских евреев. В июне 1942 г. был ликвидирован еврейский рабочий лагерь (немцы и латыши уничтожили 2100 человек).

17 сентября 1943 г. Павлоград был освобожден советскими войсками.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України. – С. 66, 212; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 276–281; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 248; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 578–579; додати The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1632.

ВОРОНЦОВА Ада (1934 г.)

«ЕВРЕЕВ ВЫВОЗИЛИ ЗА ГОРОД И ТАМ РАССТРЕЛИВАЛИ»

В середине 1941 г. в городе **Черновцы** проживали около 52000 евреев (по другим данным – 46000 – около половины жителей города).

После захвата города 5 (6) июля 1941 г. в Черновцах власть принадлежала румынским и немецким комендатурам. 6 июля прибыла айнзацкоманда 106 из группы Д, и на следующий день начались преследования евреев и погромы. Оперативная команда сожгла синагогу. По свидетельству очевидца П. Динера, 6 июля во время облавы на представителей еврейской интеллигенции было арестовано более 1000 человек. Под вечер всех их вывели за город и расстреляли на берегу Прута. Среди убитых были руководители местной религиозной общины во главе с раввином Авраамом Малком, писатели Гайнрих Шафер, Мозес Розенкранц и др. (см. Динер П. Режим кровавого террора // Люди остаются людьми. – Вып. 1. – С. 6–12). В «Отчете зондеркоманды 106» от 9 июля 1941 г. от-

мечалось, что накануне «была проведена «гросс-акция», в ходе которой был схвачен... весь руководящий еврейский слой». На следующий день зондеркоманда 10б расстреляла 100 евреев. До 1 августа айнзацкоманда 10б во взаимодействии с румынской полицией расстреляла еще 682 еврея. В «Донесении о событиях в СССР» № 67 от 29 августа 1941 г. отмечалось, что оперативной группой Д «в Черновцах и при прочесывании восточнее Днестра ликвидированы 3106 евреев...».

Румынские власти осуществляли в городе антиеврейские мероприятия: ввели обязательное ношение отличительного знака и надписи «еврей» на домах проживания евреев, запрет появляться на улицах до или после установленного времени (с 8 вечера до 11 утра). Евреев принудительно использовали на тяжелых работах, содержали впроголодь. Из еврейского населения были взяты заложники. Все вклады евреев перешли под контроль Национального банка Румынии.

4 октября 1941 г. Штаб Главнокомандующего румынской армией передал комендатуре Черновцов приказ военного диктатора Румынии И. Антонеску о депортации в течение 10 дней всех евреев Буковины в «область восточнее Днестра». На основании этого приказа губернатор Буковины, генерал Калотеску, 10 октября распорядился о создании гетто в Черновцах (оно просуществовало 2 месяца) и депортации евреев. В гетто, состоявшее из нескольких улиц, заключили 45000 евреев.

12 октября, в праздник Суккот, было выслано около 6000 евреев, среди них была большая группа садагорских хасидов во главе с цадииком р. Ахароном бен Менахемом Нахумом из Черновцов, которая прошла по городу, неся свитки Торы. Второй транспорт был отправлен 17 октября. Высылки продолжались до 15 ноября. В октябре–ноябре, сообщал примар города Траян Попович, из Черновцов были высланы 28391 еврей. По его просьбе была приостановлена депортация евреев, чтобы предприятия города не остались без рабочих рук. На 20 мая 1942 г. в Черновцах еще находились 19521 еврей, в основном семьи рабочих, ремесленников и инженеров, в труде которых власти были заинтересованы. После временного прекращения депортации евреям разрешили вернуться в их разграбленные дома.

Новая волна депортации началась 4 июня 1942 г.: 2000 евреев были отправлены в Транснистрию через Атаки. Некоторые евреи были переданы СС на восточный берег Буга, где большинство из них погибло. В следующее воскресенье, 14 июня, выслали другую группу евреев (около 200 человек). Среди них были обитатели домов престарелых,

психически больные, пациенты в ночных рубашках, доставленные из больниц на носилках. Третий транспорт покинул Черновцы 28 июня 1942 г. Положение высланных евреев в лагерях и гетто Транснистрии было очень тяжелым, смертность среди них составляла около 70% (детская смертность превышала 90%). Из этих 5000 депортированных из Черновцов евреев 4500 погибли до ноября 1943 г.

Гетто было ликвидировано. Оставшиеся в Черновцах (16000 евреев) жили в страшной нужде и страхе. Им выдали документы, разрешающие проживать в городе до особого распоряжения. Режим, установленный румынскими властями, мало чем отличался от гитлеровского «нового порядка» и привел к гибели многих ни в чем не повинных людей.

Черновцы были освобождены Красной Армией 30 марта 1944 г. Возвратились в город после освобождения всего 6000 евреев.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 186; Живыми остались только мы... – С. 265–267; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 204–206, 506–514; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2 – С. 158–161, 256–258, 465–466; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 122–123, 343–347; Enzyklopädie des Holocaust. – Bd. II. – S.297–298; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 341; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 30, 40, 65, 174, 451; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду... – С.58, 202–203, 310; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 63, 65f, 68, 80, 754–757, 760–761, 771–779, 787, 804–806, 808, 820–826; Фишер Ю. Транснистрия... – С. 27, 36; Черная книга... – С. 70–79; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 131–136.

² В городе **Первомайск Одесской области** в 1939 г. проживали 6087 евреев (18,46% населения).

Первомайск был оккупирован немецкими войсками 2 августа 1941 г. В августе–ноябре городом управляла военная комендатура, с декабря – немецкая гражданская администрация. Левобережная часть города (Ольвиополь и Богополь) стала административным центром гебита Первомайск генерального округа Николаев рейхскомиссариата Украина. Правобережная часть города (Голта) с 28 октября 1941 г. находилась под румынским управлением и была административным центром уезда Голта Транснистрии.

Остались в Первомайске, согласно немецким подсчетам, 2000 евреев. Уже в первые дни оккупации румынские солдаты убили сотни из

них. Уцелевшие евреи были помещены в августе в обособленную часть города. Они привлекались к принудительным работам. Военными властями был создан юденрат.

13 ноября 1941 г. команда СД с участием местной полиции провела расстрел узников. Уцелели около 30 семей специалистов. Большинство из них было уничтожено в январе 1942 г. (еще 72 узника – в 1943 г.). Тогда же казнили евреев из Кировоградской области (120 человек из Йосиповки).

Зимой в Первомайск депортировали около 500 евреев Бессарабии, Буковины и Винницкой области. Они размещались в двух гетто и одном лагере. В гетто № 1 на 20 февраля 1942 г. находилось 125 человек. В гетто № 2 – 67 евреев. Еще 4 узника сбежали, а два умерли. В 1943 г. в документах фигурирует гетто № 3 из 303 узников. 280 из них были депортированы из Румынии, в том числе из Бухареста – 251, а остальные – из Бессарабии.

Во время строительства моста, соединявшего Южную Транснистрию и немецкую зону оккупации большинство узников было переведено в лагерь между Трихатами и Очаковым. На 20 января 1944 г. в Голте осталось единственное гетто. В связи с вступлением в город немецких частей евреев перевели в охраняемый румынами рабочий лагерь. Большинство узников уцелело, некоторые умерли от голода и болезней.

Согласно материалам ЧГК, в Первомайске были расстреляны: в ноябре – 120, в декабре – 3600 и в феврале–марте 1942 г. – 1600 евреев. Эти цифры (по мнению авторов энциклопедии «Холокост на территории СССР», с. 734) явно завышены.

22 марта 1944 г. Первомайск освобожден советскими войсками.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 250; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 355–357; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 68, 69–70, 428–429; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 733–734; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 580–581.

ГАЛЕЦ Люция (1928 г.)

«МОЯ ИСТОРИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ»

В 1939 г. в городе **Днепропетровск** проживали 89529 евреев (17,9% населения города).

Днепропетровск был захвачен немецкими войсками 25 августа 1941 г. Месяц спустя в город прибыла оперативная команда 6,

которая с 28 сентября до 4 октября 1941 г. расстреляла 179 евреев. 2 октября 1941 г. комендант города объявил о наложении на евреев штрафа в сумме 30 млн руб. в качестве наказания за якобы совершенные ими грабежи во время занятия города немецкими войсками. Штраф требовалось внести частями – 12, 20 октября и 1 ноября 1941 г. Однако выполнить это распоряжение евреи не смогли, так как 13 октября 1941 г. штабная рота «высшего фюрера СС и полиции Россия – Юг» обергруппенфюрера СС Еккельна при содействии 314-го полицейского батальона расстреляла свыше 10000 евреев.

Из материалов ЧГК: «13 октября 1941 года по приказу гестапо в городе Днепропетровск на проспекте Карла Маркса под угрозой расстрела было собрано 10–12 тысяч человек – лиц еврейской национальности, у которых гитлеровцы, отобрав все ценные вещи, выстроив в ряд по 8 человек, колоннами, под усиленной охраной головорезов «СД» погнали в направлении Транспортного института, возле которого в овраге все были расстреляны. Среди расстрелянных находились старики... Гитлеровские мерзавцы вырвали из рук отцов и матерей грудных и малых детей, которых в присутствии родителей забрали в овраг и заживо засыпали землей... С целью скрытия своих злодеяний фашистские изверги, наполнив овраг трупами, засыпали сверху землей, после чего на этом месте произвели посадку деревьев».

Еще 1000 евреев были расстреляны с 5 по 25 октября 1941 г. оперативной командой 6, которая до 9 ноября 1941 г. убила еще 156 евреев. В начале ноября 1941 г. в Днепропетровске оставались в живых 7962 еврея (4,8 % населения). Большая часть этих евреев была расстреляна зимой 1941–1942 гг. в противотанковом рву в 4 км от города подразделением оперативной команды 5. В феврале 1942 г. в Днепропетровске оставались 922 еврея (220 человек в Амур-Нижнеднепровском районе и 702 человека в остальных частях города). Они были помещены в рабочий лагерь на территории Федосеевских казарм и в 1943 г. расстреляны. В Днепропетровске существовал также лагерь (где находились и евреи, скрывавшие свою национальность), заключенные которого в основном использовались на заготовке дров.

В общей сложности в 1941–1943 гг. в Днепропетровске были уничтожены около 20000 евреев. Старая еврейская община города была фактически истреблена.

Когда Днепропетровск был освобожден Красной Армией 25 октября 1943 г., в городе жили только 15 евреев.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України. – С. 64; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 95–98, 278–279, 473–476; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 416–421; *Enzyklopadie des Holocaust...* – Bd. I. – S. 355–356; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 100–101; Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні. – Киев, 1963. – С. 375; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 117, 163–164, 280; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации... – С. 16; Черная книга... – С. 51–56. См. также: *Tsygina N. Ich werde bis heute vom Geruch der erschossenen Leute verfolgt // Hier wohnte Frau Antonie Giese. Die Geschichte der Juden im Bergischen Land: Essays und Dokumente.* – Wuppertal, 1997. – S. 128–131; *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden...* – Bd. 7. – S. 284–285, 315–316, 372; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. I.

ГЕЙЗЕР Матвей (1940 г.)

КОЕ-ЧТО О МОЕЙ ЖИЗНИ

См. примечание к воспоминаниям Рувина Барона.

ГЕЛЬМАН Александр (1933 г.)

ДЕТСТВО И СМЕРТЬ

См. примечание к воспоминаниям Рувина Барона.

ГЕРБЕРГ Илья (1935 г.)

«ГЕТТО БЫЛО ОГОРОЖЕНО КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ...»

¹ О Бершади см. примечание к воспоминаниям Рувина Барона.

² Село **Жабокрич Крыжопольского района Винницкой области** было оккупировано 22 июля 1941 г.

27–29 июля 1941 г., по данным районной ЧГК, были расстреляны 435 евреев, из них – 61 дети. В конце 1941 г. в Жабокрич были пригнаны евреи из Бессарабии и Буковины и вместе с местными евреями поселены на нескольких улицах, огороженных колючей проволокой. Многие евреи умерли в этом гетто от тифа. Работавшая на железнодорожной станции С.А. Роцимар вспоминала: «В 1942 г. нас собрали, посадили на грузовики и повезли в Жабокрич – это в 12 км от Крыжополя – на расстрел. Часть людей там расстреляли в погребках, но остальных не успели: приехало какое-то начальство и приказало прекратить расстрелы. (См.: Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 614.)

См.: Ancel J. *Transnistria, 1941–1942...* – Vol. 1. – P. 73–80; *Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України.* – С. 38; *Живыми остались только мы...* – С. 223–225; 457–462; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 1. – С. 448–449; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 3. – С. 333; *Круглов А. Катастрофа украинского еврейства...* – С. 112; *100 еврейских местечек Украины.* – Вып. 2. – С. 481– 482; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. II. – P. 480.

ГЕРШМАН Эсфирь (1937 г.)

«МАМУ ЗАМУРОВАЛИ ЖИВОЙ В АЛЕБАСТРОВОМ КАРЬЕРЕ»

В городе **Артемовск Сталинской (ныне – Донецкой) области** в 1939 г. проживали 5299 евреев (9,56% населения). До оккупации города вермахтом 1 ноября 1941 г. большинство евреев смогло эвакуироваться в восточные регионы страны. Осталось в оккупации примерно 23–24% довоенного еврейского населения области.

Немецкая военная администрация сформировала в Артемовске городскую управу и украинскую полицию, которые принимали активное участие в преследовании и истреблении евреев.

19 ноября 1941 г. всем евреям было приказано зарегистрироваться и носить нарукавную повязку. Их принуждали заниматься тяжелым физическим трудом.

Уже на середину декабря 1941 г. зондеркоманда 46 запланировала проведение в городе акции по уничтожению еврейского населения. Однако по приказу начальника штаба 17-й армии это было отложено «до прояснения положения на фронте».

9 января 1942 г. евреи должны были явиться в городской парк для переселения. На сборном пункте у них отобрали ценные вещи, ключи от квартир и загнали в подвалы бывшего Железнодорожного отделения НКВД.

15 февраля 1942 г. 1224 человека были расстреляны зондеркомандой 46 у заброшенной выработки алебастровых карьеров. «Жертвы вечером на тяжелых грузовиках... были отвезены к алебастровым разработкам... Грузовики заезжали в штольню на 80–100 метров. Там жертвы должны были слезть, и группами отводились в большую каверну... После того как жертвы входили в каверну, члены команды убивали их выстрелом в затылок... после окончания казни вход в каверну снаружи был замурован» (из приговора суда присяжных Дюссельдорфа от 12 января 1973 г. по делу бывших членов зондеркоманды 46).

См.: *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 1. – С. 355–357; *Круглов А. Катастрофа украинского еврейства...* – С. 30; *Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины...* – С. 193; *Страшный, жуткий «Артемковский Бабий Яр»!*: [http://toda.ua/index/ php?ley=tetor6](http://toda.ua/index.php?ley=tetor6); *Татаринов С. Артемовская трагедия // Катастрофа европейского еврейства під час Другої світової війни. Матеріали конференції 29–31 серпня 1999 р. – Київ, 2000; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 415, 438–439; Холокост на території СССР. Енциклопедія...* – С. 38.

ГЕХТМАН Циля

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ ДЕТЕЙ

См. примечание к воспоминаниям Владимира Бухановского.

ГИЛЬБЕРГ Михаил (1931 г.)

«НЕ ВЕРИЛОСЬ, ЧТО МЫ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ...»

В селе Пятковка Бершадского района Винницкой области, оккупированном румынскими войсками, в 1941–1944 гг. находился лагерь депортированных евреев из Бессарабии и Буковины. Из 4 тысяч помещенных в лагерь евреев от голода и болезней умерли 2872 человека.

См.: *Круглов А. Катастрофа украинского еврейства...* – С. 30; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия...* – С. 829.

ГЛАДКАЯ Ева

«ДЕТЕЙ БРОСАЛИ ЖИВЫМИ НА ДНО ЯМЫ...»

¹ В поселке Барановка Житомирской области в 1939 г. проживали 1447 евреев (22,9% населения), в селах района – 839, всего – 2286 человек.

Барановка была оккупирована немецкими войсками 10 июля 1941 г. В оккупации осталось около 70% довоенного еврейского населения. В июле–октябре 1941 г. поселком управляла немецкая военная комендатура. Были созданы районная управа и вспомогательная украинская полиция из местных жителей, которая также принимала участие в акциях по уничтожению евреев. В конце октября власть перешла к немецкой гражданской администрации. Барановка вошла в состав генерального округа Новоград-Волынский – Житомир рейхскомиссариата Украина. Вскоре после оккупации поселка, по приказу немецкой военной комендатуры, управа провела регистрацию евреев, которых стали использовать на тяжелых работах.

В конце июля 1941 г. по распоряжению немецкой военной администрации в центре поселка был создан «еврейский жилой район» (открытое гетто). Евреям запрещалось выходить за пределы гетто, покупать продукты у местного населения, вследствие чего в гетто вскоре начался голод.

Уже 19 июля в Барановке была проведена первая акция, в ходе которой были схвачены и расстреляны 74 еврея. 29 июля были выведены в сторону местечка Понинки и расстреляны свыше 100 евреев. Третья акция была проведена в Барановке 24 августа – в 7 км от поселка расстреляли 180 человек. Массовый расстрел состоялся и в октябре 1941 г. В ноябре того же года часть евреев (трудоспособные мужчины) была угнана в рабочий лагерь в Новограде-Волынском. Женщины, дети и старики находились в гетто до начала января 1942 г. 6 января 1942 г. гетто было ликвидировано. В тот день украинская полиция расстреляла на северной окраине поселка 594 человек – оставшихся в живых евреев Барановки и окрестных сел.

В общей сложности в Барановке с июля 1941 г. по январь 1942 г. было убито свыше 1000 евреев.

См.: Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 228–233; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 25; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 53; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 18–19.

² В 1939 г. в городе Новоград-Волынский Житомирской области проживали 6839 евреев (28,8 % населения).

8 июля 1941 г. Новоград-Волынский был захвачен немецкими войсками. В середине июля 1941 г. в городе несколько дней находились зондеркоманда 4а и штаб Оперативной группы Ц с приписанными к нему подразделениями. Они произвели первые расстрелы евреев, уничтожив несколько десятков человек. Тогда же солдаты 3-го взвода 3-ей роты 9-го резервного полицейского батальона убили 200 человек. В качестве возмездия за акты саботажа расстрелы евреев в Новограде-Волынском в этот период производил и вермахт. Примерно в середине августа взвод оперативной команды 5 расстрелял 161 человека, в основном евреев. В конце августа в роще возле Дома Красной Армии были убиты около 700 женщин и детей. В общей сложности в июле–августе 1941 г. в Новограде-Волынском было уничтожено свыше 1500 евреев.

В сентябре 1941 г. были уничтожены почти все евреи, оставшиеся в Новограде-Волынском: на военном стрельбище подразделения «высшего фюрера СС и полиции Россия – Юг» обергруппенфюрера СС Еккельна расстреляли около 3200 евреев, включая евреев из окрестных сел, а ремонтный взвод 1-й бригады СС, дислоцированный в Новограде-Волынском – 319 евреев из тюрьмы. В 1941 г. в Новограде-Волынском было уничтожено около 5 тысяч евреев.

С октября 1941 г. до ноября 1942 г. в Новограде-Волынском существовал еврейский рабочий лагерь, в котором содержались ремесленники с семьями из Новограда-Волынского, Барановки, Рогачова, Яруни и других населенных пунктов. 10 ноября 1942 г. с помощью партизан заключенные сумели бежать, но часть их на следующий день была схвачена и расстреляна.

1 января 1944 г. Новоград-Волынский был освобожден советскими войсками.

См.: Живыми остались только мы... – С. 79–83; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 218–220; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 543–545; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 228, 273; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 32–35, 39–40, 56, 136; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 654–655; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 179, 223–225, 270; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 523.

ГЛОНЗА Т. Н.

«БОЯЛИСЬ ВСЕХ, ОСОБЕННО ПОДОНКОВ, КОТОРЫЕ ВЫДАВАЛИ ЕВРЕЕВ...»

См. примечание к воспоминаниям Татьяны Белик

ГОЛДОВСКИЙ Марк

Я ВСЕ ПОМНЮ. ВОСПОМИНАНИЯ МАЛЬЧИКА ИЗ ГЕТТО

Город Шаргород Винницкой области был оккупирован немецкими войсками 22 июля 1941 г. После того как через город прошли немецкие, венгерские и итальянские воинские части, здесь установился оккупационный режим румынской администрации. В созданном гетто (337 частных домов, в которых имелось, по официальным данным, 842 комнаты) находились около 7000 евреев (1800 местных и

более 5000 депортированных из Бессарабии и Буковины. По другим данным – 7000 депортированных). Дома не могли вместить всех евреев, поэтому были организованы приюты в двух синагогах, а также людей разместили в подвалах и на чердаках. В каждой комнате поселилось от 15 до 20 человек. Не было канализационной системы, туалетов (ни общих, ни частных), не было бань, мыла, керосина, никаких гигиенических средств. Начавшаяся эпидемия тифа быстро прогрессировала не только из-за перенаселения города, антисанитарии и вшей, но и в результате недоедания, голода, физической слабости, психологического шока от самой депортации. В январе 1942 г. 20 врачей заразились тифом, 12 из них умерли. До июля 1942 г. от тифа погибли 1449 еврея. Около 1000 человек 30 июня 1942 г. были переселены в 10 окрестных сел. В мае 1943 г. 175 евреев были отправлены в еврейский лагерь принудительного труда Трихаты (Николаевская область). Часть из них вернулась в конце 1943 г. после ликвидации лагеря. В 1941 и 1944 гг. 3 еврея были убиты и 1 умер от пыток.

По данным Ф. Винокуровой, от голода, побоев и инфекционных болезней в Шаргородском гетто во время оккупации умерли 8000 евреев (см.: Винокурова Ф.А. Єврейський опір у контексті особистісного вибору... – С. 337). Это не находит подтверждения в исторических документах.

Шаргородское гетто, третье по численности (после Могилева-Подольского и Бершади) на территории Транснистрии, было известно как самое организованное и надежное. Созданную еврейскую общину в составе 25 человек, возглавил Меир Тайх, бывший председатель общины Сучавы (Румыния). Община открыла пекарню, столовую, где кормили супом неимущих, создала еврейскую полицию из 15 молодых сионистов – румынских и двух местных евреев. Был создан детский дом, где жили 186 сирот. Многие евреи, бежавшие из других мест, в том числе из зоны немецкой оккупации, нашли здесь убежище.

Среди советских воинских частей, освобождавших Шаргород 15 марта 1944 г., было подразделение под командованием полковника Штерна и партизанский отряд Шустера.

См.: *Jean A. Transnistria, 1941–1942... – Vol. 1. – P. 354–357; Винокурова Ф. А. Єврейський опір у контексті особистісного вибору... – С. 337; Hoffman C. Red Shtetl. The Survival of Jewish Town under Soviet Communism. – New York, 2002. – P. 223; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 50; Живыми остались только мы... – С. 55–57, 272, 306–307; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 234–235, 215–217, 437–440;*

Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 72–73, 113–121, 205–208, 497–499; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 346; Teich M. The Jewish Self-Administration in Ghetto. Shargorod... – P. 219–254; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 68, 76, 812, 817–818, 836; Фишер Ю. Транснистрия. – С. 70 – 71; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С.1084–1085.

ГОЛОВАТЮК Б.С. (1932 г.)

«МНОГИЕ ПОГИБЛИ НАКАНУНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ»

¹ О **Жабокриче** см. примечание к воспоминаниям Ильи Герберга.

² В городе **Ямполь Винницкой области** в 1939 г. проживали 1753 еврея (24,39% населения), в селах района – 1495 евреев. После начала войны многие пытались бежать, но вынуждены были вернуться из-за быстрого наступления немецких войск.

Ямполь был оккупирован немецкими войсками 17 июля 1941 г.

С 22 июля 1941 г. в течение недели в Ямполье находилась зондеркоманда 10а, которая расстреляла 9 евреев. 28 июля румыны переправили в Ямполь тысячи евреев из Бессарабии и Буковины. Немецкая полиция безопасности (оперативная команда 12) в начале августа 1941 г. отправила их обратно за Днестр. При этом в Ямполье были расстреляны еще 38 евреев (по другим данным – 1265 человек).

1 сентября 1941 г. в Ямполье установилось румынское гражданское управление. Ямполь стал административным центром вновь образованного уезда Жугастру на территории Транснистрии.

С осени 1941 г. до весны 1944 гг. в Ямполье существовало гетто и пересыльный лагерь. К концу января 1942 г. в Ямполье находилось 35276 местных и депортированных евреев. Большинство из них постепенно распределили по населенным пунктам уезда. Так, в ноябре 1942 г. 600 евреев были переведены в Ладыжин. В гетто осталось около 600 местных и 500 депортированных евреев (на 1 сентября 1943 г. – 348 человек из Буковины и 156 человек из Бессарабии). Они должны были носить на рукаве желтую повязку. Узники жили очень скученно; большинство спало на полу.

Румынская администрация использовала узников Ямпольского гетто на принудительных работах в ремесленных мастерских и в сельском хозяйстве. В августе 1942 г. и в августе 1943 г. румынские жандармы расстреляли в Ямполье соответственно 41 и 17 евреев, а в феврале 1944

г. были убиты еще 33 еврея. Кроме того, 76 евреев за время оккупации умерли от истязаний и пыток.

Ямполь был освобожден советскими войсками 17 марта 1944 г.

См.: *Ancel J. Transnistria, 1941–1942... – Vol. 1. – P. 73–80; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 46, 48, 52; Живыми остались только мы... – С. 223–225; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 411, 448–449, 457–458; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2 – С. 310–318, 487–488; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3 – С. 81–84, 481–482; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 357; Назария С. Холокост... – С. 196, 318; 100 еврейских местечек Украины. – Вып. 2. – С. 481–482; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 768–770, 822–825; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 1132–1133; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 952–953.*

ГОРЕЛИК Лариса (1936 г.)

«ПАМЯТЬ О ТЯЖЕЛОМ, УРОДЛИВОМ ДЕТСТВЕ»

См. примечание к воспоминаниям Людмилы Бурлаки.

ГОРЕНШТЕЙН (ЗАСЛАВСКАЯ) Майя (1937 г.)

«ЛЮДИ СТАЛИ ВЫХВАТЫВАТЬ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ...»

См. примечание к воспоминаниям Людмилы Бурлаки.

ГОРЛОВЕЦКАЯ Муся (1938 г.)

«МЫ ЧУДОМ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ...»

¹ В городе **Белая Церковь Киевской области** в 1939 г. проживали 9284 еврея (19,6% населения).

Белая Церковь была оккупирована немецкими войсками 8 августа 1941 г. С 17 по 22 августа 1941 г. подразделение зондеркоманды 4а при участии украинской полиции расстреляло в городе около 500 евреев. По данным известного исследователя истории Холокоста Саула Фридендера, рота СС за 11 дней расстреляла 800–900 евреев, за исключением группы еврейских детей младше 5 лет. Эти дети, оставшиеся сиротами, были расстреляны вечером 19 августа. К месту убийства их отвезли на 3-х машинах. Еще 90 детей остались в здании под охраной местного полицая.

Об этих еврейских детях (в возрасте от нескольких месяцев до 5–7 лет), которые около суток были «заперты без всякой пищи и воды» и

находились в «невыносимых условиях», донес вышестоящему ведомству католический дивизионный священник при 295-й пехотной дивизии д-р Ройсс 20 августа 1941 г.: «Производившие осмотр солдаты, так же как и мы, были потрясены этими невероятными условиями...». Военное начальство заявило, что «уничтожение еврейских женщин и детей считает крайне необходимым, все равно в какой форме оно проводится». В «Донесении 1-го офицера штаба 295-й пехотной дивизии подполковника Гельмута Гроскурта от 21 августа 1941 г. о событиях в Белой Церкви» подчеркивалось, что «из расстрела всего еврейства города вытекала необходимость устранения еврейских детей, прежде всего младенцев. Это должно было быть сделано сразу же с устранением родителей...». Убийство еврейских детей было совершено «украинской милицией по распоряжению СД». Из показаний оберштурмфюрера СС Хефнера: «Детей сняли с тягача. Их ставили над ямой и расстреливали, так что они падали прямо в яму. Поднялся неописуемый крик... В некоторых детей стреляли по 4–5 раз, пока те не умирали». Белая Церковь стала первым населенным пунктом, где полиция безопасности специально массово расстреливала детей.

6 сентября 1941 г. зондеркоманда 4а расстреляла всех оставшихся евреев Белой Церкви – около 3000 человек. Всего в городе погибло около 4500 евреев. Их дома и имущество продавались местному населению. Оккупантами были уничтожены еврейские кладбища. Надгробья на могилах использовались в качестве строительного материала.

В городе проводились также расстрелы евреев-военнопленных. 11 ноября 1941 г. лагерной охраной было выявлено и убито 250 евреев. Через некоторое время – еще 26 человек. На протяжении октябрь–ноября 1941 г. казни евреев в двух лагерях военнопленных проводились систематически. Всего их погибло более 500 человек.

Белая Церковь была освобождена Красной Армией 4 января 1944 г.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 90; Friedländer S. Den Holocaust beschreiben: Auf dem Weg zu einer integrierten Geschichte. – Göttingen, 2007. – S. 54–76; Groscurt H. Tagebücher eines Abwehr-offiziers 1938–1940. – Stuttgart, 1970. – S. 500–512; «Schöne Zeiten». Judenmord aus der Sicht der Täter und Gaffer. – Frankfurt-am-Main, 1988.; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 75–77, 451–452; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 295–296; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 27; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 56–63; Уничтожение евреев СССР в годы немец-

кой оккупации... – С. 96; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 253–257; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 60–61; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 31; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1590.

ГОРОДЕЦКАЯ Елена (1935 г.)
ПЕРЕЖИВШИЕ БАБИЙ ЯР

¹ Согласно военно-экономической справке, подготовленной в качестве секретного документа, население **Киева** в мае 1941 г. составляло 846700 человек, евреев – 25,5%, т. е. около 216000.

19 сентября 1941 г., спустя три месяца после начала войны, Киев был занят пехотными и танковыми частями 6-й немецкой армии.

Часть евреев смогла эвакуироваться, военнообязанные мужчины находились на фронте. В «Донесении о событиях в СССР» № 97 от 28 сентября 1941 г. СД указывалось, что в Киеве «будто бы имеется 150000 евреев», но проверить эти «данные пока невозможно».

Сообщалось, что в ходе первой акции (после взрыва 20 сентября в резиденции командира артиллерийской части) 1600 человек были арестованы и помещены в специальный еврейский лагерь, «приняты меры по захвату всего еврейства, предусмотрена казнь по меньшей мере 50000 евреев». С этой целью уже 19 сентября 1941 г. вместе с войсками вермахта в Киев прибыло первое подразделение СД (передовой отряд зондеркоманды 4а под руководством оберштурмфюреров СС Хэфнера и Янсена), а 25 сентября – основной состав зондеркоманды вместе со штабом оперативной группы С, полицейский полк «Юг» в составе 45-го резервного полицейского батальона и 303-го полицейского батальона, штаб «высшего фюрера СС и полиции Россия–Юг» обергруппенфюрера СС Еккельна со штабной ротой. Прибыли также (21 сентября) из Житомира передовая команда украинской полиции во главе с Б. Коником, а 23 сентября – «казачья сотня» под командованием И. Кедюмича. И Коник, и Кедюмич представляли ОУН бандеровского крыла, в то время как прибывший также в эти дни «Буковинский курень» – ОУН мельниковского крыла. К 26 сентября 1941 г. в Киеве было сосредоточено свыше 2000 эсэсовцев и полицейских.

Антиеврейские акции начались уже в первые дни оккупации – немцы расстреливали евреев в разных районах города. 22 сентября штаб 29-го армейского корпуса издал приказ об аресте всех

евреев-мужчин и использовании евреев-военнопленных для проведения опасных работ по расчистке развалин после взрыва 20 сентября. В показаниях киевлянки Надежды Горбачевой ЧГК от ноября 1943 г. указывается, что 22 сентября 1941 г. она наблюдала за первыми расстрелами евреев. Как свидетельствовала киевлянка Евгения Литощенко, в пятницу 26 и субботу 27 сентября евреи, ушедшие в синагогу, исчезли. Позже она видела их трупы в Днепре. То же подтверждает Т. Михасева: «Немецкие автоматчики и полицейские оцепили синагоги и вывезли всех молящихся. В нескольких местах у Киева течение реки прибывало к берегу мешочки с молитвенными принадлежностями» (Черная книга... – С. 19).

Новые взрывы 24 сентября 1941 г., повлекшие за собой большой пожар в центре Киева, послужили предлогом для расправы над всем еврейским населением. В тот же день комендант Киева генерал-майор Эберхардт потребовал от СД в качестве возмездия за взрывы и пожары расстрелять всех евреев города. На совещании 26 сентября 1941 г. высший фюрер СС и полиции Еккельн, шеф оперативной группы С бригаденфюрер СС д-р Раш и начальник зондеркоманды 4а штандартенфюрер СС Блобель обсуждали детали предстоящей акции по «переселению» евреев. Кроме зондеркоманды 4а, были привлечены часть охранного полка СС «Юг», а также «Буковинский курень», возглавляемый П. Войновским.

28 сентября украинская полиция расклеила по городу изготовленные накануне в типографии армейской газеты «Восточный фронт» две тысячи объявлений без подписи, в которых черным шрифтом на украинском, русском и немецком языках говорилось: «Все жида города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 г. на угол Мельниковой и Доктеривской улиц (возле кладбищ). Взять с собой документы, деньги и ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр. Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян. Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян». Одновременно был пущен слух, что евреев собирают для переселения.

Обращает на себя внимание неправдоподобно сжатый срок подготовки и проведения небывалой по масштабам казни огромного количества городских жителей, в основном женщин, детей и стариков. Это стало возможным только благодаря тому, что вся акция от начала до

конца была не только задумана, но и спланирована, рассчитана до деталей заблаговременно.

На рассвете 29 сентября евреи Киева стали скапливаться у еврейского и христианского кладбищ близ Бабьего Яра. Кто не покидал квартиры добровольно, того выгоняли на улицу дворники и немецкие полицейские из 45-го батальона. На еврейском кладбище жертвы сдавали документы, вещи и раздевались, причем в этом им «помогали», избивая палками тех, кто медлил, украинские и немецкие полицейские. Затем группами через пролом в кладбищенской стене жертвы направлялись в Бабий Яр. Несколько экзекуционных команд из состава зондеркоманды 4а и 45-го полицейского батальона, распределенные по всей длине оврага, производили расстрел. В первый день были убиты 22000 человек, во второй – около 12000.

2 октября 1941 г. в Берлин ушло «Донесение о событиях в СССР» № 101, в котором докладывалось: «Зондеркоманда 4а в сотрудничестве со штабом группы и двумя командами полицейского полка «Юг» 29 и 30.09.41 казнила в Киеве 33771 еврея». В «Донесении» от 7 октября добавлялось, что деньги, ценные вещи, белье, одежда расстрелянных евреев были собраны и переданы НСВ (нацистской благотворительной организации. – Б.З.) для фольксдойче и городским властям для распределения среди нуждающегося населения. Отмечалось, что «операция была проведена без помех. Инциденты места не имели. «Переселение» евреев было одобрено населением... Эти меры также одобрены вермахтом».

Чтобы засыпать трупы, края оврага вечером 30 сентября были взорваны, а затем около 100 военнопленных заровняли могилу.

Ежедневные массовые расстрелы евреев – военнопленных и мирных жителей, – пик которых приходится на 29–30 сентября, прекратились не ранее конца октября, а возможно, и середины ноября 1941 г.

В начале октября 1941 г. полицейский полк «Юг», провел в городе еще ряд «акций по военному обычаю» (этим названием в донесениях Еккельна маскировались расстрелы евреев). В первой половине октября около 3000 евреев расстреляла в Киеве оперативная команда 5, которая прибыла в город 30 сентября. Среди расстрелянных были как жители Киева, которые по разным причинам не были убиты 29 и 30 сентября, так и военнопленные. 13 октября эта команда расстреляла 300 психически больных евреев. В последующее время, особенно зимой 1941–1942 гг., она уничтожила еще по крайней мере несколько сотен евреев, которые скрывались в Киеве.

С середины октября в Бабьем Яру и его окрестностях начались специальные акции: расстреливали коммунистов-подпольщиков, цыган, душевнобольных, заложников, моряков Днепровской флотилии, украинских националистов (кровь последних «смешается с кровью тех, кому они отказывали в праве на жизнь, подтвердив еще раз, что нельзя построить счастье одного народа на крови другого» – Ю. Смилянская).

Когда советские войска подходили к Киеву, оккупанты, чтобы скрыть следы своих преступлений, начали работы по вскрытию захоронений и уничтожению трупов расстрелянных. В августе 1943 г. штабс-артенфюрер СС П. Блобель со своей «командой № 1005» прибыли в Киев для проведения операции в Бабьем Яру. Из числа узников Сырецкого концлагеря они выделили команду сжигателей, среди которых было 100 евреев. В условиях особой секретности трупы сжигали, остатки несгоревших костей дробили, а затем просеивали через металлические сита, в которых немцы собирали золотые коронки. Потом узников заставляли развеивать пепел по яру, чтобы никаких следов не осталось. Заключенные работали в ножных кандалах. Жили они в Бабьем Яру в землянках без окон. Обращались с ними крайне жестоко. Больных и немощных расстреливали. 28 сентября 1943 г. узники сложили последнюю печь для сжигания тел. Они понимали, что сооружают ее для себя и ночью сумели раскопаться, открыть двери и вырваться из землянки. Спасти удалось немногим (15–16 человек). Они и рассказали миру о страшной трагедии Бабьего Яра и Сырецкого концлагеря.

Сегодня известно, что в Киеве около 1000 евреев смогли спастись благодаря помощи неравнодушных людей. Известны имена 553 Праведников народов мира, Украины и Бабьего Яра.

6 ноября 1943 г. Киев был освобожден Советской Армией.

См.: Бабий Яр: Книга памяти. – Киев, 2005; Бабий Яр: Спасители и спасенные. – Киев, 2005; Бабий Яр: человек, власть, история. – Кн. 1. – Киев, 2004. – С. 84–163, 181–186; Будник Д., Капер Я. Ничто не забыто: Еврейские судьбы в Киеве, 1941–1943. – Konstanz, 1993; Wiehn E. Die Schoah von Babij Jar; Живыми остались только мы... – С. 48–49, 127–128, 268–274, 277–279, 280–283, 303–305, 308–325, 337–352, 486–489, 497–504, 505–518; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 119–120, 182–194, 248–253, 369–371, 467–470; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 178–182, 400–404, 412–417; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 97, 193–196, 209–211, 229–230, 250–261, 267–273, 335–336, 380–382, 422–423, 468–474, 527–528; Коваль М.

Трагедия Бабьего Яра: история и современность //Новая и новейшая история. – 1998. – № 4 – С. 24 – 42; Левитас Ф.Л. История Холокоста. – Днепропетровск, 2004. – С. 100–110; Enzyklopädie des Holocaust... – Bd. I. – S. 144–146; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 149–152; Круглов А. Сколько евреев было истреблено в Киеве осенью 1941 г.? //Голокост і сучасність. – 2002. – № 2, 3, 4, 5, 6; Память Бабьего Яра: Воспоминания, документы. – Киев, 2001. – С. 23, 88–89, 133–138, 150–152, 153–154, 155–159; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 77–83, 86–87, 95–99, 101, 105, 116, 140–142, 158–159, 266–270, 273, 288, 295–296; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации... – С. 105–107, 275–276; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 37, 296, 311–315, 378, 415–419, 445–447, 451–452; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 41–42, 404–405; Черная книга... – С. 17–25; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I.

ГОРОДНЯЯ Елена (1935 г.)

ЧТО СОХРАНИЛА МОЯ ПАМЯТЬ

¹ **О местечке Хмельник см. примечание к воспоминаниям Исаака Вайнера.**

² Село (местечко) **Мурафа Шаргородского района Винницкой области** в 1930-е гг. было центром еврейского сельсовета (1247 жителей в 1931 г.).

20 июля 1941 г. немецко-румынские войска заняли Мурафу. Она вошла в румынскую зону оккупации – Транснистрию. Осенью 1941 г. в Мурафе осталось около 850 евреев.

В осенние и зимние месяцы 1941 г. сюда было депортировано около 4000 евреев из Бессарабии и Буковины (в сентябре 1943 г. – по официальным румынским данным – 2605 человек). Большинство евреев поселилось в Старой Мурафе, в домах евреев и украинцев, а также в общественных зданиях. Из-за большой плотности населения и антисанитарии зимой здесь свирепствовала эпидемия тифа, унесшая много жизней. Узники Мурафского лагеря работали в карьере, добывая камень при помощи кирки. Если дневная норма (1,5 куб. м) не выполнялась, то паек (кусоч хлеба и гороховый суп) не выдавали, в результате многие узники погибли от истощения.

С осени 1941 г. (после вхождения в состав Транснистрии, уезд Могилев) до весны 1944 г. в Мурафе существовало гетто. В начале 1942 г. в

местечке были созданы юденрат, еврейская полиция. На присылаемые от румынских еврейских организаций деньги и средства от налогов, которыми юденрат обложил евреев Мурафы, были организованы бесплатная кухня, больница на 25 мест, аптека, школа и детский сад. Осенью 1942 г. был открыт детский дом на 30 мест. В мае 1943 г. 120 евреев были отправлены на работу в Трихаты, откуда части из них удалось вернуться в конце 1943 г.

19 марта 1944 г. Мурафа была занята партизанским отрядом, возглавляемым двумя местными евреями, а 20 марта в Мурафу вошли части Красной Армии.

См.: Альтман И. Жертвы ненависти... – С. 184; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 50; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 393–396; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 130, 265–266; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 217; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 631–632; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I.

ГРИМБЕРГ Ефим (1935 г.)

«ИЗ ДЕВЯТИ ЧЕЛОВЕК СЕМЬИ ВЫЖИЛ ТОЛЬКО ОДИН...»

¹ **О городе Первомайск см. примечание к воспоминаниям Ады Воронцовой.**

² **О местечке Кривое Озеро см. примечание к воспоминаниям Бетти Бекерман.**

³ **О местечке Доманевка см. примечание к воспоминаниям Бетти Бекерман.**

ГРУ Борис (1936 г.)

ТО, ЧТО Я ПОМНЮ

¹ В село **Озаринцы Могилев–Подольского района Винницкой области** после его оккупации, 17 июля 1941 г., ворвались немецкие мотоциклисты. Они согнали всех евреев (местных и беженцев из Могилева-Подольского, всего около 400 человек) в здание старой синагоги, отобрали 49 мужчин и расстреляли их в поле за селом.

26 июля 1941 г. 5 румынских солдат согнали на базарную площадь евреев-мужчин, из них 28 убили. Остальные были помещены в гетто, куда также отправили депортированных евреев из Бессарабии и Буко-

вины. Значительная часть их умерла в гетто зимой 1941–1942 гг. от голода, холода и болезней.

С мая по сентябрь 1942 г. часть евреев была направлена в лагерь села Сказинцы. В январе 1943 г. в гетто Озаринцев находились 850 евреев – 300 местных и 550 «румынских». На 1 сентября 1943 г. еще оставались 40 евреев из Бессарабии и 47 из Буковины. Отступающие немецкие войска 17 марта 1944 г. убили в селе несколько евреев.

См.: Живыми остались только мы... – С. 436–443; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2 – С. 293; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 206; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 239–240; Хандрос Б. Местечко, которого нет. – Части 1 и 2. – Киев, 2001 и 1002; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 678.

ГУРАЛЬНИК Мария (1931 г.)

«ИЗ ВСЕХ ДЕДУШКИНЫХ ВНУКОВ, ВЫЖИЛА Я ОДНА...»

¹ В селе Соколовка (Юстинград) Жашковского района Киевской (ныне – Черкасской) области до войны проживали свыше 150 евреев.

24 июля 1941 г. село было оккупировано немецкими войсками. Немецкая военная администрация создала сельскую управу во главе со старостой и вспомогательную украинскую полицию из числа местных жителей, которая принимала активное участие во всех антиеврейских акциях. По приказу немецкой военной комендатуры сельская управа провела регистрацию евреев, обязала их носить на рукаве повязку с шестиконечной звездой, а также выполнять разного рода тяжелые работы.

19 сентября 1941 г. отряд оперативной команды 5 расстрелял в Соколовке 35 евреев. Оставшихся евреев переместили в гетто. После отбора ремесленников гетто было ликвидировано в мае 1942 г.

В сентябре 1942 г. была расстреляна часть ремесленников, а летом 1943 г. – все остальные.

В годы оккупации (1941–1943) в Соколовке были убиты 146 евреев.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 293; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 924; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1604.

ГУРТОВОЙ Борис (1939 г.)

«ЧУВСТВО УЖАСА И СТРАХА...»

См. примечание к воспоминаниям Елены Городецкой.

ДАВЫДОВА С. М. (1931 г.)

«ЖИТЬ БЕЗ ЛАСКИ И ЗАБОТЫ РОДИТЕЛЕЙ...»

О Харькове см. примечание к воспоминаниям Юрия Бару.

ДАНОВА Екатерина (1930 г.)

ГЕТТО В ШКАФУ

В городе **Симферополь**, согласно переписи, в 1939 г. проживал 22791 еврей, что составляло 16% от общего количества населения города.

Накануне немецкой оккупации Симферополь покинули 11260 евреев (информация Статистического бюро Городской управы, февраль 1942 г.).

Симферополь был оккупирован 2 ноября 1941 г. Прибывшее в город подразделение зондеркоманды 10а создало Еврейский комитет, произвело регистрацию евреев. Им было приказано «носить белую повязку на обоих руках с изображением шестиконечной звезды», а также сдать теплые одеяла и ковры. Не зарегистрировавшиеся евреи для устрашения были повешены на воротах и деревьях по всему городу. Ежедневно евреи должны были являться в общину, откуда их забирали для выполнения тяжелых и грязных работ.

9–13 декабря 1941 г. зондеркоманда 116, подразделения, подчинявшиеся штабу оперативной группы Д, а также подразделения зондеркоманд 106 и 11а расстреляли почти всех евреев и крымчаков (примечательно, что после консультаций со специалистами по расовым вопросам из Берлина в живых были оставлены караимы); 9 декабря были казнены 2259 крымчаков, а 11–13 декабря – 9600 евреев.

По свидетельству командира оперативной группы Д Олендорфа на Нюрнбергском процессе, «в Симферополе казни, проводимые айнзацкомандой 116, осуществлялись по приказу армии; армия предоставила грузовики, бензин и водителей для доставки евреев к местам экзекуции».

С 9 до 15 января 1942 г., сообщалось в «Донесении о событиях в СССР № 170» от 18.02.42 г., в Симферополе было казнено более 300 евреев из числа скрывавшихся. И далее: «Вследствие этого количество евреев, казненных в Симферополе, достигло почти 10000 – это примерно на 300 больше, чем количество зарегистрированных евреев».

По данным ЧГК Городского района г. Симферополя, тогда были расстреляны около 10600 евреев и 1500 крымчаков.

Симферополь был освобожден советскими войсками 14 апреля 1944 года.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 198; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 3. – С. 35–36, 169–174, 326–328, 484–493; Круглов А. *Катастрофа украинского еврейства...* – С. 285; *Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины...* – С. 106, 108, 111–112, 114, 116, 119, 122, 135–136, 139, 169–170; Тяглый М. *Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова.* – Симферополь, 2005. – С. 60–68; *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden...* – Bd. 7. – S. 370–371, 379–385, 390–394, 414, 436, 453, 455–458, 461, 470; *Уничтожение евреев СССР...* – С. 15, 16, 182.

ДЗЮБЕНКО Петр и РОЗЕНГАФТ-МОСТОВАЯ Шеля «ЖАНДАРМЫ НАС ИЗБИЛИ И БРОСИЛИ В ПОДВАЛ...»

¹ В 1930-х гг. село **Джурин в Шаргородском районе Винницкой области** было центром еврейского сельсовета (1027 евреев в 1939 г. – 18,67% населения). Немецкая воинская часть вступила в Джурин 22 июля 1941 г. Был издан приказ, по которому евреи должны были носить на рукаве повязку с шестиконечной звездой и таким же знаком обозначить свои дома. Во время одного из религиозных еврейских праздников оккупанты вместе с украинскими полицаями ворвались в малую синагогу и избили молящихся.

С осени 1941 г. до весны 1944 г. в Джурине существовало гетто, в котором наряду с местными находились около 3500 евреев, депортированных из Румынии (Радауцы), Буковины, а также из Хотина и ряда бессарабских местечек (2871 человек на 1 января 1943 г.). По распоряжению пользовавшегося непререкаемым авторитетом раввина Гершеля Коральника местные евреи приняли депортированных в свои дома, а около 1000 человек, которым не хватило места, жили в здании Большой синагоги, в хлевах и складских помещениях. В организованный весной 1942 г. совет гетто вошли руководители общины Радауцев. Были созданы еврейская полиция в составе 20 человек, суд, больница, аптека, столовая для бедных и детский дом для сирот. Евреев использовали на принудительных работах внутри местечка и на строительстве дорог. В мае 1943 г. 150 евреев были отправлены на работу в Трихаты. Выжившие были возвращены в Джурин в конце 1943 г. Ссылаясь на воспоминания переживших Холокост в Джурине и работы израильских исследователей, авторы 2-го выпуска книги «100 еврейских местечек Украины» указывают, что в 1943 г. в Джуринском гетто находилось около 4000 евреев, из них около 1000 местных. «За годы войны в Джу-

рине погибло около 500 евреев – наименьшее число жертв среди всех гетто Транснистрии».

19 марта 1944 г. Джурин был освобожден Красной Армией.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 32; Живыми остались только мы. – С. 172–175; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 246–247, 260; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 56–57, 123–130, 378–379, 385–390; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 98; Rosenstock W. Die Chronik von Dschurin. Aufzeichnungen aus einem rumänisch-deutschen Lager //Dachauer Hefte. – № 5. – 1994, – S. 40–86; 100 еврейских местечек Украины... – Вып. 2. – С. 512–514; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 187–189.

² **О городе Могилев-Подольский см. примечание к воспоминаниям Михаила Бермана.**

ДОКТОРОВИЧ Шейла (1926 г.)

ПОДАСТАКАННИК ИЗ МОЕГО ДЕТСТВА

О местечке Печора см. примечание к воспоминаниям Михаила Бермана.

ДРАНИКОВА (ЯКОВЛЕВА) Алла (1939 г.)

«МОИХ РОДСТВЕННИКОВ ПОГИБЛО 15 ЧЕЛОВЕК»

См. примечание к воспоминаниям Татьяны Белик.

ДРАНИЦКИЙ Валентин (1931 г.)

«И НАЧАЛИСЬ МОИ СТРАДАНИЯ, ПОЛНЫЕ УЖАСОВ И КОШМАРОВ»

См. примечание к воспоминаниям Людмилы Бурлаки.

ДРУТМАН Леонид (1937 г.)

«А КРУГОМ ЛЮДИ ВЫМИРАЛИ, ДОМА ПУСТЕЛИ...»

В селе Песчаная Балтского района Одесской области в 1939 г. проживали 466 евреев (7,95 % населения). Село было оккупировано немецко-румынскими войсками летом 1941 г.

В годы оккупации в Песчаной было создано гетто. В декабре 1941 г. около 500 узников были угнаны в гетто Бершади. Более половины

оставшихся умерли от голода и болезней. Остальные жили на одной улице по три семьи в доме до конца марта 1944 г.

См.: Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3.; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 253; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 739.

ДУДНИК Валентина (1925 г.)

«БЫЛО ОДНО ОБЩЕЕ ГОРЕ...»

См. примечание к воспоминаниям Виктора Антоневича.

ДУХНО Владимир

В КРУГАХ АДА

¹ В 1939 г. в городе **Ильинцы Винницкой области** проживали 2217 евреев, в селах района – 375.

После оккупации города немецким войсками 23 июля 1941 г. начались антиеврейские репрессии, но первыми жертвами были мужчины-евреи, бежавшие из Ильинцев в местечко Турбов. Вооруженные отряды украинских националистов убили их и пытались сжечь живыми женщин с детьми. Они были остановлены немцами.

5 ноября 1941 г. в Ильинцах были расстреляны 42 (45) евреев. 24 апреля 1942 г. в Ильинецком лесу были уничтожены более 1000 евреев. 27 мая 1942 г. зондеркоманды СД убили 1400 человек. Среди расстрелянных были свыше 800 местных и около 600 евреев из Жорнища и Новоживотова. К концу 1942 г. нацисты ликвидировали гетто в Ильинцах. 15 декабря 1942 г. были уничтожены последние 100 ремесленников-евреев.

Ильинцы были освобождены Красной Армией 12 (13) марта 1944 г.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 34; Живыми остались только мы... – С.556–557; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 369–377; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 136; Финкельштейн И.С. Массовое уничтожение евреев Подолии... – С. 74; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 299–300.

ЕФИМОВ Борис (1931 г.)

«МАМУ И ВСЕХ, КТО БЫЛ В КАМЕРЕ, УБИЛИ»

¹ О городе Херсон см. примечание к воспоминаниям Людмилы Бураки.

² **О городе Николаев см. примечание к воспоминаниям Татьяны Белик.**

ЖЕБРАК Софья
«МЕНЯ СПАСЛИ ЗЕМЛЯКИ»

¹ В городе **Казатин Винницкой области**, который немцы захватили 14 июля 1941 г., подразделение полицейского полка «Юг» расстреляло 1255 евреев. Во время второй антиеврейской акции были уничтожены 508 человек, а 30 сентября 1942 г. были расстреляны последние евреи – 18 мужчин и 3 женщины.

См.: Винничина в період Великої Вітчизняної війни 1941–1945 рр. – С.23; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 44; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 203; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 31, 139, 248, 256, 257, 280; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 299–300.

ЖИГИЛИЙ (ДУХМАН) Ася (1925 г.)
ВЫЖИЛА ПОД ЧУЖОЙ ФАМИЛИЕЙ

¹ Село **Ладыжин Тростянецкого района Винницкой области** было занято немецкими войсками 26 июля 1941 г.

13 сентября 304-й полицейский батальон расстрелял 486 евреев, еще 29 человек были угнаны в Гайсин Винницкой области и расстреляны через 3 дня. 16 сентября были расстреляны еще 29 евреев. После этого в Ладыжин были согнаны евреи Тростянецкого района (450 человек); в январе 1942 г. большая их часть была переведена в лагерь в Печору. Остались лишь специалисты с семьями.

В начале июля 1942 г. в Ладыжин доставили 600 евреев из Черновцов и 400 из Дорохова (Румыния). «Привезенные в закрытых автомобилях для перевозки скота, после пятидневного пути, были загнаны в Ладыженский карьер... Обессиленным, доведенным до полубессознательного состояния не разрешали занять помещения после прибытия. Фармацевт Василеску кричал: «Здесь вы будете сначала голодать, а потом умирать». 19 августа 1942 г. примерно половина евреев была передана немцам для использования на работах. Немцы перевели их через Буг и сразу расстреляли детей и стариков. В Ладыжине остались 540 человек. 2 августа 1942 г. из их числа были расстреляны около 60 психически больных. Ссылаясь на документы Государственного архива Винницкой области, И.С. Финкельштейн писал: «В конце августа 1941 г. в местечке Ладыжин выгнали из домов все еврейское население».

ние. Пытки и истязания продолжались несколько суток. Оставшихся в живых перегнали на левый берег реки Южный Буг. Отобрали несколько десятков человек и заставили рыть могилу. Детей, женщин и стариков закапывали живыми. Таким образом было уничтожено 519 евреев – жителей Ладыжина». 15 сентября 1942 г. немцам были переданы еще 300 депортированных и 250 местных евреев. На их место 30 ноября 1942 г. были доставлены из Ямполья 600 евреев. К 1 сентября 1943 г. ни в карьере, ни в городе Ладыжин не осталось ни одного еврея.

13 марта 1944 г. Ладыжин был освобожден частями Красной Армии.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 40, 46; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 386–387, 472; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 66, 182; Сапг М. Holocaust in Rumania...; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 275, 301; 100 еврейских местечек Украины... – Вып. 2. – С. 278–279; Финкельштейн И.С. Массовое уничтожение евреев Подолии... – С. 54; Фишер Ю. Транснистрия... – С. 75–76; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I.

ЖОРНИЦКИЙ Александр (1934 г.)

БЕРШАДСКОЕ ГЕТТО ГЛАЗАМИ МАЛЬЧИШКИ

См. примечание к воспоминаниям Рувина Барона.

ЖУРА-СТЕЛЬМАХ Тамара (1934 р.)

«МИ – ДІТИ ВІЙНИ»

¹ О городе Вапнярка см. примечание к воспоминаниям Ады Воронцовой.

² О районе Голта (Первомайск) см. примечание к воспоминаниям Ады Воронцовой.

ЗАБОЛОТНЫЙ Захар (1932 г.)

«Я РАЗЫСКИВАЮ СВОИХ СЕСТЕР...»

См. примечание к воспоминаниям Виктора Антоневица.

ЗАБРАМНАЯ София (1935 г.)

**«ВО ВРЕМЯ ОККУПАЦИИ ПОЛТАВЫ БЫЛИ РАССТРЕЛЯНЫ
ВСЕ НАШИ РОДСТВЕННИКИ»**

Город Полтава был оккупирован 18 сентября 1941 г. С конца сентября до начала ноября зондеркоманда 4б расстреляла несколько сотен

евреев (только с 4 по 24 октября были казнены 342 еврея). 23 ноября 1941 г. подразделение зондеркоманды 4а провело антиеврейскую акцию, расстреляв 1538 человек. Эзекуция над евреями Полтавы началась со сбора людей якобы для переселения в другое место. У всех были отняты ценности, одежда, обувь. Людей отводили группами к стрельбищу – открытым земляным тирам. Грудных детей сбрасывали в яму живыми, а старшим смазывали губы ядовитой жидкостью. Свидетели-украинцы рассказывали об этой акции: «Стояли гул и стон, плач, невзирая на мольбу о пощаде детей, их уничтожали на глазах матерей. Многие русские и украинцы, вступившие в смешанные браки, умирали вместе со своими семьями. Всю ночь с 23 на 24 ноября 1941 г. слышны были выстрелы, стоны».

В общей сложности в Полтаве были уничтожены около 2000 евреев.

Полтава была освобождена советскими войсками 23 сентября 1943 г.

См.: *Enzyklopädie des Holocaust...* – Bd. II. – S. 1154–1155; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 1. – С. 73–76; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 3. – С. 262–263; *Круглов А. Катастрофа украинского еврейства...* – С. 261; *Мучник А.М. Євреї і Полтавщина. Історія. Імена. Долі.* – Полтава, 2005. – С. 21; *Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины...* – С. 87–88, 98, 109, 190–192; *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden...* – Bd. 7. – S. 326–328, 441.

ЗАГОРУЙКО Полина (1940 г.)

**«ЖИТЕЛИ НАШЕГО СЕЛА
ВСЯЧЕСКИ СОДЕЙСТВОВАЛИ НАШЕМУ СПАСЕНИЮ»**

¹ О городе Староконстантинов см. примечание к воспоминаниям Леонида Билька.

ЗАЛЬЦМАН Абрам (1933 г.)

«МОЮ МАТЬ И ДВУХ МОИХ СЕСТЕР РАССТРЕЛЯЛИ...»

См. примечание к воспоминаниям Михаила Бермана.

ЗАНВЕЛЕВИЧ Мария (1925 г.)

**«БОЖЕ, НЕ ДОПУСКАЙ, ЧТОБЫ ПОДОБНОЕ
ПОВТОРИЛОСЬ!»**

¹ Село Богачовка Кривоозерского района Одесской (ныне Николаевской) области было оккупировано румынскими войсками в на-

чале августа 1941 г. После эвакуации евреев на восток и мобилизации военнообязанных мужчин в селе осталось около половины еврейского населения. В сентябре 1941 г. еврейское население Богачевки было полностью уничтожено – были расстреляны оставшиеся в оккупации (131 человек).

См.: *Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 40; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 93.*

² **О местечке Доманевка см. примечание к воспоминаниям Бетти Бекерман.**

³ В селе **Акмететка Доманевского района Одесской (ныне – Николаевской) области** в период румынской оккупации находился один из самых страшных пересыльных лагерей, куда направляли евреев из Одесской области и Бессарабии. Сюда же из Кишинева летом 1942 г. доставили 58 психически больных. На ссылку в Акмететский лагерь из других гетто Транснистрии смотрели, «как на высшую меру наказания». Как отмечал председатель Федерации еврейских общин Румынии в письме министру внутренних дел Румынии, из 1000 евреев, направленных в октябре 1943 г. в Акмететку, 960 человек умерли. Через этот лагерь смерти прошло около 3000 человек, из которых уцелело не более 150.

См.: *Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 122; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 15; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 438; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации... – С. 166; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 18.*

⁴ В село **Богдановка Доманевского района Одесской (ныне – Николаевской) области** румынские оккупанты в сентябре–ноябре 1941 г. пригнали (и разместили под открытым небом или в свинарниках) 15–16 тысяч евреев из Бессарабии и 20–25 тысяч из Одессы и уезда Голты (Кривоозерский, Доманевский, Любашевский и Врадиевский районы). По данным «Enzyklopädie des Holocaust» (Bd. I, S. 227), в Богдановку депортировали около 8000 человек из Бессарабии и около 48000 из Одессы. Последний транспорт прибыл в Богдановку 1 декабря 1941 г. К этому времени в Богдановке сосредоточились 52–54 тысячи евреев.

В течение 12 дней (21–23 и 28–30 декабря 1941 г., а также 4–9 января 1942 г.) румынские жандармы, украинская вспомогательная полиция, а

также местные фольксдойче истребили (сожгли в двух бараках и расстреляли в овраге у села) почти всех евреев. Часть евреев (2–3 тысячи человек) умерла от голода, холода и болезней.

В течении двух месяцев (в январе–феврале 1942 г.) 200 евреев сжигали трупы убитых. 150 из них умерли от голода, холода или были расстреляны украинскими полицейскими.

См.: Довідник про табори, тюрми, та гетто на окупованій території України. – С. 122; Enzyklopädie des Holocaust. – Bd. I. – S. 227–228; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 40; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 426–427, 428–429; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации... – С. 164–166; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 67, 107, 780, 793, 803; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 93–94; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I.

ЗАПОРОЖЧУК Екатерина (1922 г.)

ГЕТТО НЕ СЛОМИЛО ЖЕЛАНИЯ ВЫЖИТЬ И ПОБЕДИТЬ

См. примечание к воспоминаниям Виктора Антоневича.

ЗИГЛЕР ЭТТИ

«ЭТО БЫЛО ВСЕ ТАК ДО БОЛИ НАСТОЯЩИМ»

¹ О Джурине Шаргородского района см. примечание к воспоминаниям Петра Дзюбенко и Шели Розенгафт-Мостовой.

ЗИНЬКОВЕЦКИЙ Леонид (1931 г.)

«ЗА НАРУШЕНИЕ РЕЖИМА ЛЮДЕЙ РАССТРЕЛИВАЛИ...»

См. примечание к воспоминаниям Леонида Билька.

ИЦКОВИЧ Виль (1932 г.)

«ЭТО БЫЛО 18 НОЯБРЯ 1942 ГОДА...»

В 1939 г., согласно переписи населения, в городе **Ялта (Крым)** проживали 2109 евреев, что составляло 6,3% от общего количества населения города.

Накануне немецкой оккупации Ялту покинули 1120 евреев (из ведомости, составленной в феврале 1942 г. статистическим бюро Городской управы Симферополя).

Ялта была оккупирована 8 ноября 1941 г. По требованию немецких властей был создан еврейский комитет. Все евреи города должны были

носить шестиконечную звезду, пройти регистрацию и сдать все ценности. 21 ноября 1941 г. зондеркоманда расстреляла 15 евреев. В конце ноября 1941 г. евреям было приказано до 5 декабря переселиться в гетто, которое просуществовало около 2 недель. Под гетто были отведены бывшие помещения рабфака Сельскохозяйственного института, расположенные между городом и поселком Массандра и обнесенные высокой каменной стеной. По описанию очевидца: «Комнаты, набитые до отказа людьми... Выбитые и заклеенные бумагой... заставленные кусками фанеры окна... Пронизывающий холод... Дряхлые, больные старики и старухи, маленькие дети, мужчины и женщины, не имея иной площади, сидели на кроватях. В небольшой комнате помещалось 18–20 человек...». В гетто, по разным оценкам, находилось от 800 до 1800 узников.

17 декабря 1941 г. взрослые трудоспособные мужчины-евреи были вывезены из гетто. После того как их заставили выкопать на дне оврага у виноградников Массандры две ямы, они были в них расстреляны, а 18 декабря там же были расстреляны все остальные евреи.

Всего в Ялте были расстреляны около 1500 евреев.

Ялта была освобождена советскими войсками 16 апреля 1944 г.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 200; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 322–328; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 356–357; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 102, 114, 170; Тяглый М. Места массового уничтожения евреев Крыма... – С. 80–84; Холокост в Крыму. Документальные свидетельства о геноциде евреев Крыма в период нацистской оккупации Украины (1941–1944). – Симферополь, 2002. – С. 88–96; Черная книга... – С. 285–286; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 399f, 406–412, 454f, 459f; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 951; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1777.

КАБАЦКИЙ Изяслав (1929 г.)

**«ЕЖЕДНЕВНО СОТНИ ЛЮДЕЙ УМИРАЛИ
ОТ ГОЛОДА, БОЛЕЗНЕЙ, ХОЛОДА»**

¹ По переписи 1939 г., в местечке Брацлав Тульчинского района Винницкой области проживали 1010 евреев (25,42% населения).

22 июля 1941 г. немецкие воинские части вошли в Брацлав.

С началом оккупации в местечке было создано гетто, куда поместили евреев всего Брацлавского района.

Согласно отчету румынской жандармерии, в конце декабря 1941 г. в Брацлаве было 747 евреев. 31 декабря 1941 г. (1 января 1942 г.) большинство евреев были переведены в концлагерь в Печору (по дороге в Марисове были убиты 18 евреев), около 50 человек оккупанты утопили в Южном Буге.

В августе 1942 г., несмотря на то, что Брацлав находился в румынской зоне оккупации, в нем были созданы 2 рабочих лагеря для немецких строительных компаний «Тодт-Дорман» и «Хорст унд Йессен», в которые поместили 1200 евреев, депортированных из Буковины, Бессарабии и Румынии, и около 300 украинских евреев. Их использовали на работах в каменных карьерах и на строительстве дорог. Работа продолжалась без выходных, от рассвета до заката, с одним получасовым перерывом для еды. Режим был строгим и своей конечной целью ставил уничтожение всех заключенных.

23 сентября 1942 г. старики и дети были расстреляны в ближайшем лесу. Акции уничтожения нетрудоспособных евреев продолжались и в дальнейшем. В апреле 1943 г. лагерь «Тодт-Дорман» был закрыт, заключенных перевели в лагерь «Хорст унд Йессен».

При освобождении Брацлава в марте 1944 г. в городе оказалось около 200 местных и 20 или 30 депортированных евреев.

См.: Винницкая область и Катастрофа... – С. 86–91; Винниччина в роки Великої Вітчизняної війни (1941–1945 рр.). Зб. документів і матеріалів. – Одеса, 1971. – С. 72; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 30,40; Живими остались только мы... – С. 254–263, 380–387; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 350–351; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 46, 220; 100 еврейских местечек Украины... – Вып. 2. – С. 183–184, 199–200; Уничтожение евреев СССР... – С. 229; Финкельштейн И.С. Массовое уничтожение евреев Подолии... – С. 67–68; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 71–72.

² О местечке Печора см. примечание к воспоминаниям Михаила Бермана.

КААЛМЫКОВА София (1935 г.)

ОДЕССА. 23 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА

¹ В 1939 г. в городе Одесса проживали 200961 еврей (33,26% населения).

С первых дней войны в Одессу эвакуировались тысячи бессарабских евреев и многие евреи из близлежащих населенных пунктов. За период обороны города выехало около 40–45% еврейского населения (включая призванных в Красную Армию). К 16 октября 1941 г., когда город был оккупирован немецко-румынскими войсками, в Одессе находилось около 100000 евреев.

16–18 октября команды айнзацгрупп и солдаты из Румынского оперативного эшелона убили несколько тысяч евреев (3000–4000 мужчин-евреев – см. Арад И. Уничтожение евреев СССР... – С. 14).

В первые дни оккупации была проведена регистрация всего мужского населения от 18 до 50 лет, и большинство мужчин было арестовано. Они были согнаны в артиллерийские склады на так называемой Люстдорфской дороге (в 6 км от города), в которых были сожжены.

22 октября было взорвано здание румынской комендатуры. Погибли 66 немецких и румынских солдат и офицеров, в том числе комендант города и командир дивизии генерал Глугояну. Заменявший его генерал Трестиоряну спустя 3 часа после взрыва доложил в штаб 4-й армии: «Я принял меры к тому, чтобы повесить на площадях Одессы евреев и коммунистов». Утром 23 ноября на улицах и площадях Одессы были повешены и расстреляны около 5000 человек, большинство из которых были евреи. Тогда же, согласно «Отчету абверштелле Румыния о расстрелах в Одессе» от 4 ноября 1941 г., «в порту на площади, огороженной дощатым забором, были расстреляны округленно 19000 евреев, а их трупы облиты бензином и сожжены».

В середине того же дня евреев стали сгонять в тюрьму, а 24 октября оттуда погнали на окраину города к заставе Дальник, где находилось четыре барака. На пути к баракам всех падающих от усталости расстреливали жандармы. И, как сообщалось в обвинительном заключении по делу 38 румынских военных преступников (Бухарест, май 1945 г.), три километра пути от тюрьмы к месту казни были усеяны телами детей, женщин и больных. Первая группа казненных, 40–50 человек, была брошена в противотанковый ров. По ним открыли огонь. Но такой способ казни показался преступникам слишком медленным. Тогда жандармы стали загонять своих жертв в бараки. В первые три барака были согнаны мужчины, в четвертый – женщины и дети. По показаниям свидетелей, в четыре барака было загнано более 5000 человек. В стенах барачных были пробиты отверстия, куда вставили дула пулеметов. По одному из барачных был открыт огонь. Но и это не удовлетвори-

ло преступников. Было решено сжечь арестованных. Все отверстия и окна были закупорены, барак облит бензином и подожжен. Пытавшихся спастись, расстреливали из винтовок и забрасывали гранатами. К ночи таким способом были уничтожены все находившиеся в двух бараках, а на следующий день – в двух остальных. Очевидцы рассказывали, как из огня чудом выбрался мальчик лет четырех-пяти и стал ходить вокруг горящего пакгауза, спотыкаясь о трупы и не зная, куда идти под выстрелами. Жандармский офицер застрелил его из пистолета.

Кроме румынских солдат и офицеров 2-й и 10-й пехотных дивизий, в расстрелах евреев в эти дни принимала участие и немецкая зондеркоманда 116.

В дни террора 23–25 октября 1941 г. оккупанты расстреляли, сожгли заживо около 35000 одесских евреев (См.: Арад И. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944): Сб. документов и материалов. – Иерусалим, 1991. – С. 14), по другим данным – свыше 40000 (см. Удлер Р.Я. Годы бедствий. Воспоминания узника гетто. – Pittsburgh–Кишинэу, 2003. – С. 24–26).

По распоряжению начальника команды штурмбаннфюрера СС Мюллера, несколько сотен евреев, заключенных в тюрьму, были расстреляны у колодца за парком бывшего санатория НКВД. Евреи по 6 человек должны были становиться на край колодца, и им в затылки стреляли из карабинов. Для добивания раненых в колодец время от времени бросали гранаты.

15 ноября 1941 г. в Одессе был произведен последний массовый расстрел – в районе Стрельбищного поля были убиты около 1000 человек.

Наряду с массовыми убийствами в самой Одессе производилось уничтожение евреев за пределами города. Свыше 25000 евреев, которые 23 октября по приказу румынских властей пришли для «регистрации» в Дальник, пешим ходом были отправлены в Богдановку на Южном Буге. 10 ноября 1941 г. евреи пришли туда, потеряв по дороге пятую часть умершими или убитыми, а в конце декабря 1941 г. оставшиеся были расстреляны.

7 декабря 1941 г. Одессу объявили столицей Транснистрии. Была запланирована полная «очистка» города от евреев.

2 января 1942 г. был опубликован приказ румынских властей о создании гетто в Слободке (отдаленном пригороде Одессы). Евреи жили там в условиях невероятной скученности, многие в страшные морозы оставались под открытым небом, и это привело к мас-

совой смертности. Оттуда их с 10 января стали депортировать в Березовский район Одесской области. Из отчета командования 2-го армейского корпуса Президиуму Совета Министров Румынии о депортации евреев из Одессы: «1) С 10 января по 28 февраля 1942 г. эвакуировались (так в тексте – «эвакуировались», а не насильственно депортированы – Б.З.) из Одессы 31873 еврея (мужчины, женщины, дети). Все мужчины старше 45 лет... 4) На 28 февраля 1942 г. положение оставшихся евреев в Одессе следующее:

а) в гетто 113 евреев, готовых к отправке...

б) Центральная тюрьма: 1197 евреев, в большинстве своем мужчины 18–50 лет... В больнице в настоящее время находятся 1032 еврея...

в) до 3 марта 1942 г. всего будет эвакуировано 33880 евреев...»

Перевозили в неотапливаемых эшелонах, часами простаивавших в пути; многие погибли в дороге. По свидетельству Розы Гринштейн, «в товарных вагонах невозможно было повернуться... Все стояли один к одному, как сельди в бочке. Ехали мы долго, неизвестно сколько, без еды и без воды. Когда нас выгрузили, было много мертвых...». «В местах их назначения, – отмечалось в информационной сводке генерального инспектора жандармерии, – их размещение наталкивается на значительные трудности, так как украинское население отказывалось пускать их в свои дома. Многие из них живут в колхозных конюшнях. Из-за простуды (было отмечено 20 градусов ниже нуля), недостатка пищи, возраста и пр. многие из них падают и замерзают по дороге. Умершие сжигаются в противотанковых рвах. До 22 января с. г. было депортировано 12234 еврея из общего количества в 40000, которые еще живут в Одессе. Точный подсчет не был произведен, так как много евреев скрывается или спустилось в городские катакомбы». По данным И. Левита, из Одессы и окрестностей были вывезены 30714 человек. Они были распределены по селам Мостовского и Березовского районов Одесской области, а также Веселиновского и отчасти Вознесенского районов Николаевской области. В январе–марте 1942 г. они были уничтожены отрядами самообороны, созданными СС из числа местных немцев (фольксдойче). 10 июня 1942 г. было официально закрыто временное гетто на Слободке. В этот день в Березовку были вывезены «последние евреи, которые находились в гетто». В действительности, отмечает А. Круглов, последний транспорт в Березовку ушел 23 июня 1942 г. В нем находились около 400 человек, часть из которых, расстреляли в районе Мостового, а часть поместили в лагерь в Доманевке.

По данным румынской жандармерии, в 1941–1942 гг. из Одессы «исчезли» 65000 евреев. Согласно другим данным, в городе были убиты около 99000 евреев (см. *Enzyklopädie des Holocaust...* – Bd. II. – S. 1059).

Около 600 обитателей гетто дожили до освобождения. Несколько сотен евреев пережили оккупацию в самой Одессе; они жили по фальшивым документам, скрывались в одесских катакомбах, некоторых укрывали русские и украинцы.

10 апреля 1944 г. Одесса была освобождена Красной Армией.

См.: *AnceJ. Transnistria, 1941–1942...* – Vol. 1. – P. 182–291; *В огне Катастрофы...* – С. 84–85; *Enzyklopädie des Holocaust...* – Bd. II. – S. 1057–1059; *Живыми остались только мы...* – С. 444–456; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн.2. – С. 200–205; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 3. – С. 13–16, 155–157, 283–287; *История Холокоста в Одесском регионе; Radu I. The Holocaust in Romania: The Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940–1944.* – Chicago, 2000. – P. 179–181; *Кружлов А. Катастрофа украинского еврейства...* – С. 237–239; *Краткая еврейская энциклопедия, 1992.* – Т. 6. – С. 126; *Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР...* – С. 270; *Назария С. Холокост....* – С. 156; *Неизвестная Черная книга...* – С. 97–108, 124–130, 134–143; *Последние свидетели...* – С. 171–179; *Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины...* – С. 205, 206, 422–426, 429–432, 433–436, 438; *Стародинский Д. Одесское гетто: воспоминания; Оккупация. Одесса 1941–1944 гг. Документы и материалы из собрания Михаила Пойзнера.* – Одесса, 2004; *Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду...* – С. 68–89, 124–127, 137–150, 212–217, 233–241; *Удлер Р. Годы бедствий...* – С. 24–26; *Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации...* – С. 14, 30, 153–156, 164, 166, 390–394; *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden...* – Bd. 7; *Фишер Ю. Транснистрия...* – С. 82–87, 102; *Черная книга...* – С. 61–69; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. II. – P. 540–541.

² В городке **Березовка Одесской области** в 1939 г. проживали 1424 евреев (16,5% населения), в селах района – 800.

14 августа 1941 г. зондеркоманда 10а расстреляла в Березовке 41 еврея. Оставшиеся в городе более 200 евреев были расстреляны в конце месяца в противотанковом рву.

В первые два месяца 1942 г. в Березовку отправляли эшелоны с евреями из Одессы. Замерзших во время поездки зарывали близ стан-

пии. Всего в разных местах было зарыто 1058 трупов. Оставшихся в живых гнали в сторону Южного Буга и по дороге уничтожали. Так, И. Финкельштейн, ссылаясь на материалы Центрального архива России, сообщает, что «в апреле 1942 г. в село Березовка пригнали и расстреляли 800 человек, в большинстве своем еврейской национальности из многих населенных пунктов Липовецкого района Винницкой области. Несколько эшелонов пришло и весной–летом 1942 г. Последний – в июне».

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 118; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 35; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 198, 431–440; Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР... – Кишинев, 1981. – С. 270; Сушон Л. Транснистрия: евреи в аду... – С. 127; Финкельштейн И.С. Массовое уничтожение евреев Подольи... – С. 74–75; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации... – С. 14; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I.

³ О селе Доманевка см. примечание к воспоминаниям Бетти Берман.

⁴ О селе Константиновка см. примечание к воспоминаниям Елены Баранник-Эльгорт.

⁵ О селе Богдановка см. примечание к воспоминаниям Марии Занвелевич.

КАЛУЖИНСКАЯ Раиса (1939 г.)

«МОЕ ДЕТСТВО И ЖИЗНЬ ЗАБРАЛА ВОЙНА»

См. примечание к воспоминаниям Елены Городецкой.

КАЦУРА Давид (1936 г.)

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

¹ О городе Копайгород см. примечание к воспоминаниям Михаила Блейхмана.

² Село Миньковцы Каменец-Подольской (ныне – Хмельницкой) области в 1930-е годы было центром еврейского сельсовета. Согласно

переписи, в 1939 г. в Миньковцах проживали 1635 евреев (46,58% населения), во всем тогдашнем Миньковецком районе – 2412 евреев.

30 августа 1941 г. 320-й полицейский батальон расстрелял в селе 2200 евреев, в основном женщин, детей, стариков.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 210; Финкельштейн И.С. Массовое уничтожение евреев Подолии... – С. 58; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 602; *The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia...* – Vol. II. – P. 1426.

КВАЛЬВАСЕР Адольф (1933 г)

«И НАЧАЛИСЬ ПОВАЛЬНЫЕ РАССТРЕЛЫ ЕВРЕЕВ...»

О городе Полтава см. примечание к воспоминаниям Забранной Софии.

КЕРПИЛЕВИЧ Наум (1933 г.)

**ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО УЗНИКА
БЕРШАДСКОГО ГЕТТО**

См. примечание к воспоминаниям Рувина Барона.

КЕСЕЛЬМАН Александр (1928 г.)

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

¹ В селе **Красное Тывровского района Винницкой области** в 1942–1944 гг. существовало гетто, куда были депортированы евреи из Бессарабии и Буковины. До сентября 1942 г. часть евреев была переведена в лагерь в Сказинцах, где находились также евреи из города Могилев-Подольский и сел района. Значительная часть узников умерла от голода и болезней. После расформирования лагеря евреи Красного вместе с некоторыми другими заключенными вернулись домой. На 1 сентября 1943 г. в гетто Красного находились 282 еврея.

См.: *Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України...* – С. 40; *Живыми остались только мы.* – С. 197–200; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн.2 – С. 163–172, 272–277; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 171; *Последние свидетели...* – С. 88–89; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. I.

² О селе **Джурин Шаргородского района** см. примечание к воспоминаниям Петра Дзюбенко и Шели Розенгафт-Мостовой.

КИШКАНЬ (Зильман) Анатолий (1941 г.)
«ВОЗЛЕ ОГРОМНОГО РВА НЕМЦЫ РАССТРЕЛЯЛИ
ОКОЛО 4 ТЫСЯЧ ЕВРЕЕВ»

¹ По переписи 1939 г., в городе **Лубны Полтавской области** проживали 2883 еврея (10,52% населения), во всем районе – 2971.

13 сентября 1941 г. Лубны были захвачены немецкими войсками. Вскоре после оккупации в Лубнах была проведена перепись населения: евреев было зарегистрировано 1500 человек. 10 октября 1941 г. евреям из города и всего района было приказано явиться 16 октября к 9 часам утра в село Засулье для переселения. Как сообщалось в «Донесении о событиях в СССР» № 132 от 12.11.41 г., взвод зондеркоманды 4а «бесперебойно казнил 1865 евреев, коммунистов и партизан, среди них 53 военнопленных и несколько евреек в форме». В двадцатых числах ноября того же года подкоманда зондеркоманды 4а расстреляла в Лубнах еще 73 еврея. На католическую Пасху 1942 г. зондеркоманда СД «Плат» расстреляла в Лубнах последнюю группу евреев, в том числе отобранных в лагере для военнопленных. В общей сложности в 1941–1942 гг. в Лубнах были уничтожены около 2000 евреев.

18 сентября 1943 г. город был освобожден Красной Армией.

² В селе **Засулье Лубенского района Полтавской области** в 1939 г. проживали 90 евреев. Осенью 1941 г. несколько евреев, оставшихся в оккупации, были расстреляны.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 130, 232; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 67–68; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 125; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 122, 296; Мучник А. Євреї і Полтавщина... – С. 22–23; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 98, 109–110; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II.

КЛИМЕНЧУК Галина (1936 г.)
«ОТЦА НА НАШИХ ГЛАЗАХ РАССТРЕЛЯЛИ»

См. примечание к воспоминаниям Муси Горловецкой.

КОГАН Борис (1939 г.)
ПОМНЮ...

См. примечание к воспоминаниям Елены Городецкой.

КОГАН Тамара (1940 г.)
ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ

В городе **Славянск Сталинской (ныне – Донецкой) области** в 1939 г. проживали 2050 евреев (2,63% населения). Город был оккупирован 28 октября 1941 г. 2–3 декабря 1941 г. отряд зондеркоманды 46 расстрелял в Славянске несколько сотен оставшихся в оккупации евреев. Согласно материалам ЧГК, тогда было убито 1376 евреев, или 420 семей.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 288; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 908–909.

КОЙФМАН Григорий (1927 г.)
«Я ВЫЖИВУ!»

¹ Село **Деребчин Шаргородского района Винницкой области** было оккупировано немецкими войсками в июле 1941 г., а осенью вошло в состав Транснистрии (уезд Могилев-Подольский). В 1942–1944 гг. в Деревчине находился лагерь для депортированных евреев из Буковины и Бессарабии. Большинство умерло от голода, холода и болезней. На 1 сентября 1943 г. здесь находилось 307 узников. 9 марта 1944 г., накануне освобождения, румынские власти расстреляли 11 евреев.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 97; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 264.

² О селе **Джурин см. примечание к воспоминаниям Петра Дзюбенко и Шели Розенгафт-Мостовой.**

КОЛЕЧИЦ Юрий (1931 г.)
«МОЮ МАТЬ РАССТРЕЛЯЛИ ВМЕСТЕ С ОТЦОМ...»
См. примечание к воспоминаниям Муси Горловецкой.

КОНДРАЕВА Цилена (1923 г.)
«В АВГУСТЕ 1942 ГОДА НАЧАЛИСЬ РАССТРЕЛЫ»

Накануне войны в местечке **Рожище Волинской области** проживали 3100 евреев (по данным М. Гилберта – 4070 человек. – См.: Gilbert M. Endlösung... – Karte 72).

26 июня 1941 г. Рожище было захвачено войсками 6-й полевой армии вермахта.

После немецкой оккупации Рожища украинские националисты-антисемиты устроили еврейский погром, в ходе которого много жителей были избиты и ограблены. В конце июля 1941 г. были расстреляны 10 евреев как советские активисты. Евреев принудили носить опознавательные знаки в виде звезды Давида (с сентября 1941 г. в виде желтого круга), их направляли на неоплачиваемые тяжелые работы, им было запрещено покидать пределы поселка, они подвергались систематическим грабежам и избиениям со стороны украинской полиции.

В октябре 1941 г. были расстреляны 600 евреев-мужчин и 3 женщины. В Рожище, как в Ратном и Софиевке Волынской области, в убийствах и грабежах евреев принимали участие представители местного населения.

В феврале 1942 г. в Рожище было создано гетто, в которое были помещены также евреи из окрестных сел. 23 августа 1942 г. гетто было ликвидировано. 3000 евреев расстреляли на еврейском кладбище и у песчаного карьера. Несколько сотен евреев, которые предварительно сожгли свои дома, сумели бежать в лес. Большинство бежавших были схвачены украинской полицией и расстреляны (400 человек) на еврейском кладбище. Почти 80 евреям удалось спастись благодаря помощи польских и чешских крестьян.

2 февраля Рожище было освобождено советскими войсками.

См.: Гон М. Голокост на Рівненщині: Документи та матеріали. – Дніпропетровськ–Запоріжжя, 2004; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 136; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 60–65; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 124, 274; Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 391–393, 412–413; Spector Sh. The Holocaust of Volhynian Jews, 1941–1944. – Jerusalem, 1990; Уничтожение евреев в СССР... – С. 328; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 667–668; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1461.

КОНОНОВА (ГЕРШОЙГ) Светлана (1937 г.)

«ВОЙНА ЗАБРАЛА У МЕНЯ ВСЕ...»

В 1939 г. в городе **Коростышев Житомирской области** проживали 2170 евреев (19,35% населения).

Город был оккупирован немецкими войсками 9 июля 1941 г. Перед захватом Коростышева часть еврейского населения эвакуировалась на

восток, военнообязанные мужчины были призваны или добровольно вступили в армию. Осталось в оккупации около 75% довоенного еврейского населения.

В июле–октябре 1941 г. немецкая военная администрация, которая управляла Коростышевым, создала городскую управу и вспомогательную украинскую полицию из числа местных жителей, принимавшую активное участие в «еврейских акциях».

Уже в конце июля отряд зондеркоманды 4а расстрелял 40 евреев «за саботаж, шпионаж и грабежи». После первых расстрелов в Коростышеве, по распоряжению военной комендатуры, было создано открытое гетто, под которое была отведена одна улица. Евреи должны были носить повязки с шестиконечной звездой на левом рукаве. Им запрещалось покидать указанный район, покупать продукты у украинцев, а украинцам было запрещено поддерживать какие-либо отношения с обитателями гетто. Евреев принудительно привлекали к тяжелым работам, при этом они подвергались издевательствам и побоям со стороны украинских полицейских.

Вероятно, в августе 1941 г. в Коростышеве были расстреляны еврей-мужчины, а в сентябре 1941 г. зондеркоманда 4а расстреляла всех евреев города и окончательно ликвидировала «еврейский жилой район». Тогда же были расстреляны и евреи из окрестных сел.

11 ноября 1943 г. Коростышев был освобожден советскими войсками.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 166; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 465; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 349; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1538.

КОНОНЧУК Владимир (1941 г.)

«МОЯ МАТЬ ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ УЗНИКАМИ ГЕТТО БЫЛА РАССТРЕЛЯНА»

В городе **Славута Хмельницкой области** в 1939 г. проживали 5102 еврея (33,68% населения). Город был оккупирован немецкими войсками 7 июля 1941 г. 2-я рота 45-го немецкого резервного полицейского батальона провела в Славуте антиеврейские акции: 18 августа расстреляны 322 и 30 августа 1941 г. – 911 человек.

2 марта 1942 г. в Славуте было создано гетто, в которое согнали евреев из Аннополя, Берездова, Красностава и других населенных пунктов.

Всего в гетто оказалось около 5000 человек. 25 июня 1942 г. гетто было ликвидировано после расстрела большинства евреев командой СД при содействии немецкой жандармерии и украинской полиции.

Город Славути освобожден партизанским отрядом 16 января 1944 г.

См.: Гон М. *Голокост у Західній Волині //Голокост і сучасність*. – Київ, 2002. – № 6. – С. 7; Гошкис Д. *О чем трубят шофар. Очерки*. – Славути, 1992. – С. 18–20; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 1. – С. 238–245; Круглов А. *Катастрофа украинского еврейства...* – С. 18, 209, 288; *Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины...* – С. 394; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. II. – P. 702–703; *The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia...* – Vol. II. – P. 1469.

КОРДОНСКИЙ Ефим (1931 г.)

СТРАШНОЕ ДЕТСТВО

¹ Местечко **Комаргород Томашпольского района Винницкой области** в период нацистской оккупации (июль 1941–март 1944 гг.) оказался в румынской зоне оккупации (Транснистрии). Практически все евреи (около 400 человек), не подлежавшие мобилизации в армию, остались в местечке. Через три недели после захвата вермахтом Комаргорода в него вошли румынские войска.

9 августа 1941 г. румынские солдаты расстреляли 7 местных евреев и семью беженца из Бессарабии. После этого расстрела, первого в районе, многие комаргородские евреи бежали в Томашполь, но вскоре там тоже начались казни, и они вернулись домой.

15 октября 1941 г. в центре села было создано гетто, огороженное колючей проволокой, куда согнали евреев Комаргорода и окрестных сел. Имущество, оставшееся после переселения в опустевших еврейских домах, было разграблено местными жителями. Однако находились украинцы, помогавшие узникам гетто преодолеть голод, прятавшие евреев, оказавшихся вне гетто во время облавы, приглашавшие подростков на различные работы и кормившие их. Узников гетто использовали на принудительных работах.

13 марта 1944 г. Комаргород был освобожден советскими войсками.

См.: Круглов А. *Катастрофа украинского еврейства...* – С. 161; *100 еврейских местечек Украины...* – Вып. 2. – С. 535; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия...* – С. 446; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. II. – P. 337.

² **О селе Боровка см. примечание к воспоминаниям Анны Вайнштейн.**

КОРЧИК Тамара (1927 г.)

«МАМИНЫМ СЛЕЗАМ НЕ БЫЛО КОНЦА»

В городке **Смела Киевской (ныне – Черкасской)** области в 1939 г. проживали 3428 евреев (10,12% населения). 4 августа 1941 г. город был захвачен немецкими войсками. В первые дни оккупации были убиты несколько сотен евреев (по-видимому, подразделениями дивизии СС «Викинг»).

В январе 1942 г. в Смеле были собраны евреи со всего гебита (Смелянский, Черкасский, Ротмистровский и Петровский районы), и в феврале 1942 г. 512 человек были расстреляны.

22 января 1944 г. Смела была освобождена советскими войсками.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 289; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 914.

КОСТОМАХА Медея (1928 г.)

«НЕ СТРАШНО УМИРАТЬ, СТРАШНО, ЧТО НАШ РОД КОНЧАЕТСЯ...»

См. примечание к воспоминаниям Люции Галец.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 54; Живыми остались только мы... – С. 421–423; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 145–147; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 246–249; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 349; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 703; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 834–837.

КРАСНЕР Циля (1935 г.)

«ДЕТИ, НЕ СМОТРИТЕ, ДЕТИ, НЕ СМОТРИТЕ!»

¹ В 1939 г. в городе **Тутьчин Винницкой области** проживали 5607 евреев (41,7% населения), в селах района – 180.

23 июля 1941 г. немецкие воинские части практически без боя вошли в Тутьчин. Они согнали евреев в Капцановку, район кварталов еврейской бедноты.

Тутьчин оказался в румынской зоне оккупации и стал центром одноименного уезда с администрацией, возглавляемой префектом; в го-

роде располагался штаб жандармского легиона. Летом 1941 г. румынские власти произвели регистрацию евреев, обязали их носить желтую звезду на одежде, а также создали еврейский жилой район и организовали использование евреев на работах. В соответствии с приказом гражданского губернатора Транснистрии от 11 ноября 1941 г. 7 декабря почти все евреи, получив разрешение взять с собой только ручную кладь и продукты на 3 дня, были собраны в бывшей еврейской школе и 10 декабря 1941 г. депортированы в лагерь в Печору. Пешая колонна, в которой были старики, дети, женщины с грудными младенцами проследовала от Тульчина до Печоры в оцеплении немецких и румынских солдат с собаками и украинских полицейских. Отстававших от колонны конвой расстреливал. Прибыли они туда 12 декабря 1941 г. Всего в лагерь были помещены 3005 евреев, в Тульчине же остались 118 евреев-специалистов.

В 1942 г. в Тульчин были переведены евреи из Буковины и украинских местечек, в частности, из Ямполья. По приказу жандармерии был создан совет гетто. В марте 1943 г. в гетто насчитывалось около 500 человек.

2 августа 1943 г. префект Пояна Волбура (румынский поэт) передал 200 евреев нацистам. Жертв обманули обещанием, что они отобраны для работы на турбине, построенной евреями в окрестностях Тульчина. По дороге люди узнали, что их ведут на смерть. «Это не поразило их, – свидетельствует Юлиус Фишер, – в конце концов, после стольких лет мучений. Они были обречены на смерть. Но они думали о том, как сохранить жизни 52 детей, находившихся среди них. Они подкупили конвоиров – и те освободили детей».

Осенью 1941 г. в район Тульчина (село Нестерварка), в еврейский рабочий лагерь были депортированы евреи из Бессарабии и Буковины, узники которого использовались на торфяных разработках. Несколько сотен человек умерли в том лагере от голода и болезней.

По свидетельству бывших узников, в конце января 1944 г. немецкая воинская часть окружила гетто с целью его уничтожения, но благодаря вмешательству командира легиона румынских жандармов Фетеаку, кровопролития не произошло.

Согласно данным официальной румынской статистики, на 1 сентября 1943 г. в Тульчине оставались 7 евреев из Бессарабии и 220 евреев из Буковины, в Нестерварке – соответственно 422 и 1168.

Тульчин был освобожден частями Армии 15 марта 1944 г.

См.: Винницькая область. Катастрофа (ШОА) и Сопротивление... – С. 71–91; Винокурова Ф.А. Холокост на Винничине... – С. 25; Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 48; Живыми остались только мы... – С. 93–94, 246–248, 255–256; 422, 491–496; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 1. – С. 329–331, 404–407; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 2. – С. 92–93, 223–229, 299–304; Enzyklopädie des Holocaust... – Bd. III. – S. 1442–1443; Історія міст і сіл УРСР. Винницька область... – С. 659; Круглов А. Катастрофа українського єврейства... – С. 254–255; Последние свидетели. – С. 164–165; Фишер Ю. Транснистрия... – С. 74–75; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. II. – P. 851; Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden... – Bd. 7. – S. 781–782, 828, 834–836.

² О городе Печора см. примечание к воспоминаниям Михаила Бермана.

КРАСОВИЦКАЯ Ева (1928 г.)

«ОТЦА И МАМУ НЕМЦЫ РАССТРЕЛЯЛИ...»

В 1939 г. в городе **Ильинцы Винницкой области** проживали 2217 евреев, в селах района – 375.

После оккупации города немецкими войсками 23 июля 1941 г. начались антиеврейские репрессии, но первыми жертвами были мужчины-евреи, бежавшие из Ильинцев в местечко Турбов. Вооруженные отряды украинских националистов убили их и пытались сжечь живыми женщин с детьми, но были остановлены немцами.

5 ноября 1941 г. в Ильинцах были расстреляны 42 (45) евреев, 24 апреля 1942 г. в Ильинецком лесу были уничтожены более 1000 евреев, 27 мая 1942 г. зондеркоманды СД убили еще 1400 человек. Среди расстрелянных были выше 800 местных и около 600 человек из Жорнища и Новожиотова. К концу 1942 г. нацисты ликвидировали гетто в Ильинцах. 15 декабря 1942 г. были уничтожены последние 100 ремесленников-евреев.

Ильинцы были освобождены Красной Армией 12 (13) марта 1944 г.

См.: Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України... – С. 34; Живыми остались только мы... – С. 556–557; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. 3. – С. 369–377; Круглов А. Катастрофа українського єврейства... – С. 136; Финкельштейн И.С. Массовое уничтожение евреев Подолиш... – С. 74; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. –

P. 247; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1530.

КРАТКОВА Фаина (1927 г.)

«ЕВРЕЕВ УВОЗИЛИ НА МАШИНЕ В ЛЕС, ГДЕ УНИЧТОЖАЛИ»

В районе центра **Житомирской области**, местечке **Ружин**, согласно переписи населения, в 1939 г. проживали 1108 евреев (26,06% общего количества жителей).

16 июля 1941 г. немецкие войска оккупировали город и с первых дней привлекли евреев к принудительным работам, обязали носить на груди и спине желтый круглый лоскут.

10 сентября 1941 г. подразделения полицейского полка «Юг» во время «чистки» территории области расстреляли в лесу у Ружина 750 евреев. Небольшая группа уцелевших (80 специалистов с семьями) и несколько сотен евреев из окрестных сел (Неморенци и других, которых поселили в домах казненных местных евреев) были согнаны в гетто, огражденное колючей проволокой и охранявшееся местной полицией. Узников ежедневно выводили под конвоем на работы.

Многие из уцелевших были убиты в 1942–1943 гг. 44 человека были расстреляны подразделением СД из Бердичева 1 октября 1942 г. Последние расстрелы евреев Ружина состоялись в августе 1943 г., их жертвами были еще остававшиеся в живых 35 человек, работавших в мастерской по пошиву одежды.

См.: Історія міст і сіл УРСР. Житомирська область. – Київ, 1973. – С. 611; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста... – Кн. ; Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 278; Холокост на території СССР. Енциклопедія... – С. 878; The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia... – Vol. II. – P. 1566.

КРЕЙМЕР (БРОДСКАЯ) София (1931 г.)

«Я СПАСУ ВАС, А БОГ СПАСЕТ МОЕГО СЫНА»

В 1939 г. в городе **Кировоград** проживали 14631 еврей (14,58% всего населения).

До оккупации города немецкими войсками 14 августа 1941 г. значительная часть евреев смогла эвакуироваться на восток, военнообязанные мужчины ушли в армию. На оккупированной территории осталось около 40% довоенного еврейского населения.

Во второй половине 1941 г., в период истребления евреев, городом управляла немецкая военная администрация, создавшая городскую

управу и вспомогательную украинскую полицию из числа местных жителей, которая принимала участие в антиеврейских акциях.

Первые расстрелы евреев совершила зондеркоманда 46 из оперативной группы Ц вскорости после своего вхождения в город. С 28 августа по 5 сентября 1941 г. она расстреляла 435 евреев, а с 6 по 12 сентября – еще 290 евреев, в основном из числа интеллигенции.

19 сентября евреев-мужчин расстреливал отряд полевой жандармерии 1-й мотопехотной бригады СС; 30 сентября 304-й полицейский батальон уничтожил в городе всех еще остававшихся в живых евреев – 360 человек, а также 600 евреев-военнопленных.

В общей сложности в августе–сентябре 1941 г. было истреблено свыше 5000 евреев – Кировограда.

В Кировоградской области в период оккупации было уничтожено около 12000 евреев – 45% довоенного населения.

См.: Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины... – С. 187, 276, 301–302; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 412–412.

КРИС Семен (1926 г.)

«Я БЫЛ НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ...»

В 1939 г. в городе **Донецк (Сталино)** проживал 24991 еврей (5,36% всего населения).

20 октября 1941 г. город был оккупирован. В середине ноября того же года в Донецк прибыла из Днепропетровска оперативная команда 6, которая в течение следующих пяти месяцев уничтожила всех оставшихся в оккупации евреев – около 3000 человек. С 17 по 30 ноября 1941 г. команда расстреляла 287 евреев, основная же масса еврейского населения была уничтожена в феврале–апреле 1942 г. В «Донесении о событиях в СССР» № 177 сообщалось, что до 6 марта 1942 г. в Донецке было казнено 369 евреев.

Как показал один из бывших членов оперативной команды 6, только в один пасхальный понедельник (апрель 1942 г.) в 4 душегубках были насмерть отравлены газом не менее 240 евреев. В последующие недели – до июня 1942 г. – газовая машина (душегубка) применялась, по крайней мере, еще четыре раза; каждый раз умерщвлялось по 60 еврейских мужчин, женщин и детей. «Это было ужасно. Было видно, что они умирали в страшных мучениях». Трупы сбрасывали в промышленные шахты.

Суд присяжных при Земельном суде в Вуппертале 30 декабря 1965 г. установил, что с декабря 1941 г. до июля 1942 г. оперативная команда 6 в Донецке убила не менее 1048 евреев «только из-за их расы и их веры».

См.: *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 2. – С. 139–142, 173–177, 462–463; *Жизнь и смерть в эпоху Холокоста...* – Кн. 3. – С. 425–427, 58; Круглов А. *Катастрофа украинского еврейства...* – С. 105; *Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины...* – С. 118, 122–123, 148–149; *СС в действии. Документы о преступлениях СС.* – Москва, 1969. – С. 522–523; *Уничтожение евреев СССР...* – С. 194, 226–228; *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden...* – Bd. 7. – S. 335, 419, 447, 470–471; *The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia...* – Vol. II. – P. 1775–1776.

² В городе **Скадовск Николаевской (ныне – Херсонской) области** в 1939 г. проживал 201 еврей (3,03% населения).

В конце сентября 1941 г. зондеркоманда 106 расстреляла в Скадовске около 300 местных евреев и евреев-беженцев.

См.: Круглов А. *Катастрофа украинского еврейства...* – С. 286; *Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины...* – С. 176; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия...* – С. 904.

КСЕНЗОВСКАЯ Тамара (1940 г.)

«ШЕВЕЛИЛАСЬ ЗЕМЛЯ И СТРУИЛАСЬ КРОВЬ...»

См. примечание к воспоминаниям Муси Горловецкой.

КУДЕНКО Альберт и Рудольф

**«ВОСПОМИНАНЬЯ ЛЕТ ВОЕННЫХ НЕ СМОЕТ
ВРЕМЕНИ ТЕЧЕНЬЕ...»**

См. примечание к воспоминаниям С.Н. Давыдовой.

КУДРИЦЬКИЙ (ВАЙНБЕРГ) Едуард (1933 р.)

«БАТЬКА МИ ВЖЕ БІЛЬШЕ НЕ БАЧИЛИ...»

¹ В селе Старая Гута Житомирской области в марте 1942 г. были расстреляны 23 еврея.

См.: Круглов А. *Катастрофа украинского еврейства...* – С. 297.

² В 1939 г. в местечке **Деражня Хмельницкой области** проживал 2651 еврей (40% населения).

11 июля 1941 г. местечко было оккупировано немецкими войсками. Осенью 1941 г. в старой части Деражни, около Базарной площади, было создано местное гетто, в которое также поместили около 400 евреев Волковинецкого района. В гетто зарегистрировали 1848 евреев (715 трудоспособных, 554 нетрудоспособных и 579 детей до 14 лет). Из числа трудоспособных евреев 200 были отправлены в Летичев, 300 – в другие лагеря.

21 декабря 1942 г. команда СД с помощью немецкой жандармерии и украинской полиции, расстреляв свыше 1500 евреев местечка, ликвидировало гетто. В сентябре–октябре 1942 г. были схвачены и расстреляны еще несколько сотен евреев.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 97; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 263; The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos... – Vol. I. – P. 160–162.

³ О местечке **Летичев см. примечание к воспоминаниям Марии Бурдинской.**

КУПЕРМАН Абрам (1937 г.)

«ОТ ГОЛОДА И ХОЛОДА МНОГИЕ УМИРАЛИ»

Село **Поповцы Копайгородского района Винницкой области** было оккупировано немецкими войсками в 20-х числах июля 1941 г. С 1 августа 1941 г. находилось в составе Транснистрии. Во время оккупации 1941–1944 гг. в Поповцах существовал лагерь, куда румынские власти поместили местных евреев и депортированных из Бессарабии и Буковины. Люди жили в хлеве, конюшне, полуразрушенных коровниках по 15–18 человек в помещении. От голода и болезней в лагере, в основном зимой 1941–1942 гг., умерли 790 человек. Узников регулярно грабили местные полицейские. После получения помощи от румынских евреев в лагере был создан детский дом. Узники выживали, нанимаясь на работу за пределами гетто. Дети просили милостыню в окрестных селах. Часть узников была увезена на работы в Трихаты, Тульчин и другие лагеря и гетто. Действовавшей в Поповцах подпольной группой из 19 человек руководил Кацман. На 1 сентября 1943 г., по данным Юлиуса Фишера, в гетто имелось 829 буковинских и бессарабских евреев.

В марте 1944 г. Поповцы были освобождены советскими войсками.

См.: Альтман И.А. *Жертвы ненависти...* – С. 327; Круглов А. *Катастрофа украинского еврейства...* – С. 262; Винницкая область. *Катастрофа (ШОА) и сопротивление...* – С. 33–43; Фишер Ю. *Транснистрия...* – С. 70; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия...* – С. 779.

КУПЕРМАН (ШКОЛЬНИК) Евдокия (1931 г.)

«В ГЕТТО МЫ МУЧИЛИСЬ ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА»

¹ О селе Красное см. примечание к воспоминаниям Александра Кесельмана.

² Село Станиславчик Жмеринского района Винницкой области в 1930-е годы было центром еврейского сельсовета. В 1939 г. в Станиславчике проживал 301 еврей (5,73% населения).

Село было захвачено немецкими войсками 17 июля 1941 г. По данным немецких оккупационных властей, в селе находились 400 жителей, в том числе 200 евреев. После 1 августа 1941 г. Станиславчик вошел в состав Могилевского уезда Транснистрии.

С осени 1941 г. до весны 1944 г. в селе существовало гетто, в которое наряду с местными евреями были помещены депортированные из Буковины. В январе 1943 г. в гетто находились 200 евреев.

19 марта 1944 г. Станиславчик был освобожден советскими войсками.

См.: Круглов А. *Катастрофа украинского еврейства...* – С. 297; *Холокост на территории СССР. Энциклопедия...* – С. 943; *The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos...* – Vol. II. – P. 748–749.

³ О местечке Брацлав см. примечание к воспоминаниям Изяслава Кабацкого.

КУШНИР Александр

«КАЖДЫЙ ДЕНЬ МОГ СТАТЬ ПОСЛЕДНИМ...»

Село Песчанка Винницкой области в 1930-е годы было центром еврейского поселкового совета. В 1939 г. в Песчанке проживали 1602 еврея (24,61 % населения), во всем районе – 2090 евреев.

23 июля 1941 г. Песчанка была оккупирована немецкими войсками. 1 августа 1941 г. вошла в состав Транснистрии. В начале августа зондеркоманда 10а расстреляла в Песчанке 10 евреев «за саботаж уборки

урожая». Остальное еврейское население использовалось на принудительных сельскохозяйственных работах, после окончания которых, в сентябре 1941 г., были расстреляны еще 100 (по другим данным – 147) человек.

Остальные евреи были вывезены 30 октября 1941 г. в лагерь Доманевка и Богдановка, где большинство из них погибло. Лишь **немногим** удалось скрыться в гетто Чечельника.

¹ 8 марта 1944 г. Песчанка была освобождена советскими войсками.

См.: Круглов А. Катастрофа украинского еврейства... – С. 253; Холокост на территории СССР. Энциклопедия... – С. 739.

² **О Чечельнике см. примечание к воспоминаниям Александра Вишневецкого.**

³ **О Котовске см. примечание к воспоминаниям Семена Бессарабского.**

⁴ **О Доманевке см. примечание к воспоминаниям Бетти Бекерман.**

⁵ **О Балте см. примечание к воспоминаниям Лейки Вайнтрауб.**

Географический указатель

- Австралия 41, 44, 126, 135, 204, 221, 571
Акмечетка 228, 361, 496, 553
Алешино 425, 460
Америка 105, 262
Ананьев 70
Андрушки 467
Аннополь 566
Антонины 82
Антоновка 290, 291
Артемовск 194, 196, 531
Ашдог 449
- Базалийский район 375
Баку 121, 158
Баламутовка 197
Балин 509
Балта 140, 141, 155, 156, 462, 466, 480, 489, 500, 518- 520, 523, 576
Бар 86-88, 132, 504
Барановичи 268
Барановка 202, 532-534
Беер-Шева 387, 478
Белая Церковь 216, 401, 402, 417, 470, 537, 538
Белгород 55, 356
Белин 44
Белолецтовка 198
Белоруссия 13, 193, 268, 356
Бельцы 180, 200
Берген-Бельзен 181, 182
Бердичев 7, 12, 36, 132, 571
Берездов 566
Березки 162, 230, 231, 495, 523
Березовка 228, 381, 496, 559, 560, 561
Березовский район 497, 559
- Берлин 172, 193, 407, 437, 438, 541, 546
Берловка 394, 490
Бершадский район 26
Бершадь 26, 32, 49, 50-52, 57-59, 67, 89, 117, 118, 141, 155, 180-183, 185, 186, 188, 192, 193, 200, 201, 268, 292, 294-298, 301, 302, 305, 312-314, 331, 332, 337, 339, 342, 343, 390-392, 394-396, 488, 489, 490, 510, 515, 519, 523, 530, 535, 548
Биробиджан 216
Богачовка 361, 552
Богдановка 8, 228, 362, 381, 495, 553, 558, 576
Большая Знаменка 177
Болюховка 276
Борислав 148
Борисовка 277
Боровка 143, 144, 426, 428, 520, 567
Бортники 360
Борщи 73
Борщовка 358, 375
Бостон 169
Ботошаны 141
Брацлав 116, 178, 379, 500, 555, 556, 575
Бреслау 165
Бричанский район 49, 53
Броды 422
Будапешт 94, 439
Буковини 344
Буковина 12, 97, 166, 174, 186, 200, 207, 295, 307, 315, 344, 366, 386, 391, 477, 482, 486, 489, 498, 499, 501, 505, 507, 510, 511, 516-518, 524, 526, 528, 530, 532, 535, 536, 543-545, 547, 556, 562, 564, 569, 574, 575

Бухарест 141, 307, 391, 393, 499, 528,
557
Бырлад 88
Бырловка 57, 301

Вапнярка 174, 344, 345, 500, 510, 551
Варваровка 280
Варшава 44
Великая Косница 211, 212
Венгрия 18, 508, 518
Вендичаны 233
Верховка 192
Веселиновский район 559
Веселое 459
Вийтивка 294, 323
Вильшанка
Винница 7, 12, 18, 33, 66, 132, 142, 246,
282, 285, 287, 387, 415, 416, 448-450,
466, 478, 482, 483, 513
Винницкая область 13, 16, 26, 28, 32,
45, 50, 57, 72, 75, 86, 89, 95, 100, 102,
113, 122, 131, 132, 139, 164, 180, 185,
191, 196, 206, 211, 222, 232, 244, 250,
270, 281-284, 358-360, 379, 385, 390,
398, 408, 426, 440, 450, 476, 477, 479,
482, 486, 488, 496, 498, 500-507, 510,
513, 514, 516-520, 522, 523, 528, 530,
532, 534, 536, 543, 544, 547, 549, 550,
555, 555, 556, 562, 564, 567, 568, 569,
570, 574, 575
Витиевка 131
Владимир-Волынский 41, 43, 44, 484,
486
Вознесенский район 559
Волиця-Керекешина 357, 373
Волынская область 41, 44, 419, 484,
564, 565
Вороновица 68, 199

Вороное 248
Восточная Пруссия 149
Врадиевка 161, 495, 523
Вуппергале 572
Вчерайше 457
Вяземск 216

Гавришовка 283
Гайсин 116-118, 166, 325, 360, 489, 513,
550
Ганновер 182
Гвардейское 56, 494
Германия 11, 13, 18, 20, 44, 47, 48, 70, 82,
92, 105, 109, 114, 119, 121, 132, 133,
135, 157, 169, 173, 181, 182, 193, 199,
210, 246, 248, 250, 251, 283, 286, 356,
388, 414, 426, 436, 437, 438, 464, 473
Гіждуван 110
Глинское 489
Головановск 263
Гордиевка 301
Горловка 230
Городковка 75
Городокский район 56, 521
Грицев 76, 502, 503
Гришки 65
Грушки 48, 432
Гюргю 138

Дальний Восток 95, 149, 216
Деменцы 39
Денисы 197
Деражня 474, 511, 573, 574
Дерачин 65
Деребчин 408-413, 564
Дережанський район 65
Джурин 153, 244, 245, 365- -369 398,
408-413, 522, 547, 548, 554, 562, 564

Дзыговка 100, 102, 507
Дмитрашковка 72
Дмитрушки 364
Днепропетровск 25, 91, 92, 118, 177,
178, 262, 269, 356, 397, 434, 436-439,
488, 497, 528, 529, 543, 572
Днепропетровская область 91, 171,
506, 525
Доманевка 60, 61, 161, 162, 228-230,
361, 381, 479-480, 495, 496, 523, 524,
544, 553, 559, 561, 576
Донбасс 8, 121, 230, 231, 285, 286, 405,
456
Дондюшаны 184, 185, 188, 189
Донецк / Сталино 462, 464, 572, 573
Донецкая область 8, 47, 121, 141, 194,
488, 531, 564
Дорохой 499, 550
Дрезден 431
Дробчик 69
Дубно 149

Европа 6, 9, 11, 20, 21, 105, 157
Единцы 49, 50, 53
Екатеринополь 268
Енакиево 38

Жабокрич 191, 192, 193, 211, 530, 536
Жашковский район 247, 248, 545
Жерденевка 117
Житомир 478, 539
Житомирская область 197, 202, 203,
209, 423, 453, 467, 532, 533, 565, 571,
573
Жмеринка 45, 46, 65, 87, 486, 487
Жорнице 28-33, 482, 549, 570
Жуково 352
Журавлевка 411

Заболотное 75
Закарпатская область 150
Залетичівка 110
Западная Украина 12, 115
Заречанка 509
Засулье 399, 400, 563
Здолбунов 149
Зеленый Рог 262

Ивангород 117, 514, 515
Ивано-Франковская область 37
Иерусалим 16, 170, 242, 243, 484, 488,
493, 505, 558
Израиль 10, 12, 13, 22, 44, 71, 99, 102,
125, 128, 129, 135, 136, 166, 167,
169, 170, 173, 180, 182, 193, 195,
205, 212, 231, 242, 246, 387, 393,
397, 440, 449, 471, 477, 478, 493
Ильинецкий район 28, 482
Ильинцы 30, 270, 271, 273, 277, 278,
450, 482, 549, 570
Ингулец 91, 506
Искреннее 371

Казатин 281, 282, 413, 456, 457, 550
Казахстан 355
Калининград 33, 59
Каменец-Подольский 7, 89, 90, 101,
270, 385, 504, 508, 509
Каменец-Подольская область /
Кам'янець-Подільська область 37,
56, 65 357, 373, 502, 503, 511, 515,
521, 561
Каменная Криница 48
Княжья Криница
Канада 71, 85, 169, 180
Кардашовка 282
Кенигсберг 414

Киев / Київ 7, 12, 13, 17, 20, 25, 33,
34, 75, 109, 114, 117, 121, 129, 132,
150, 159, 174, 197, 218, 219-221,
235, 270, 278, 287, 326, 344, 352,
382, 383, 403-406, 423, 424, 450,
466, 469, 482, 501, 511, 530, 532,
539-543, 545, 567, 571

Киевская область 25, 39, 119, 197,
209, 216, 234, 262, 383, 401, 482,
485, 515, 537, 545, 568

Кировоград 25, 34, 35, 267, 268, 348,
458, 459, 571, 572

Кировоградская область 35, 165, 268,
352, 528, 572

Китайгород 38, 509

Кишинев 496, 500, 553, 561

Клинцы 459

Княжичи 234

Княжья Криница 262

Кобленц 109

Комаргород 426-428, 431, 567

Константиновка 47, 141, 142, 195,
381, 488, 561

Копайгород 88, 385-387, 505, 561

Копани 361

Коростышев 423, 565, 566

Котовск 73, 479, 501, 518, 576

Кошаринцы 386

Краснодар 353, 354

Краснодарский край 63, 353

Красное 398, 408, 477, 562, 575

Красноярск 104

Кривое Озеро 60, 159, 160, 161, 226,
227, 495, 523, 544

Кривой Рог 91, 92, 506

Кривоозерский район 60, 157, 361,
495, 496, 523, 552

Кронштадт 415

Крутеньке 351

Крыжопольский район 75, 191, 502, 530

Крым 216, 237, 241-243, 547, 554, 555

Крымская АССР 238

Кузьмин 129, 147, 521

Кульчины 126, 516

Купянск 364

Курск 394

Ладыжин 284, 287, 292, 426, 500, 536,
550, 551

Латвия 129

Лебединка 352

Лейпциг 109

Ленинград / Санкт-Петербург 118, 173,
241, 415

Летичев / Летичів 36, 511, 474, 574

Липовеньке 352

Липовец 272

Лисичанск 172

Литва 437

Литин 134, 516, 517, 518

Лос-Анджелес 169

Лубны 399, 492, 563

Луганск 25, 451, 452

Лухово 518

Луцк 18, 44, 419, 421, 485, 486

Лучинец 122, 123, 505

Львов 85, 118, 128, 118, 270

Львовская область 24, 148, 150, 350, 418,
422

Любашовки 161

Лютичів 110

Магдебург 250

Макаров 262

Макеевка

Малая Богачевка 60, 159, 162, 361 362

Манивцы / Манівци 126, 127, 128, 515, 516
 Маньковка 294, 295, 296
 Мацев (Луков) 485
 Меджибож 511
 Мельбурн 44, 142? 193, 428
 Милуоки 169
 Минск 132
 Миньковцы 385, 561, 562
 Миньковецкий район 562
 Миргород 405
 Михайловка 116, 117, 514, 515, 521
 Михайляны 49, 53
 Могилев-Подольский 18, 50, 66, 69, 70, 143, 145, 166, 232, 233, 244, 323, 380, 398, 411, 498-500, 520, 535, 544, 548, 562, 564
 Молдавия / Молдова 13, 49, 53, 66, 102, 137, 166, 193, 200, 300, 314, 364, 381, 386, 479
 Москва 20, 57, 88, 90, 118, 129, 242, 352, 354, 380, 394, 482, 484, 504, 509, 513, 573
 Мостовский район 559
 Мурафа 225, 408, 412, 543, 544
 Мурманск 279
 Мурованых Куриловцах 70
 Мястковка 74, 502

 Насташка 209
 Небыливка 268
 Немиров 115, 245
 Немиченцы 56
 Нестерварка 412, 569
 Нижняя Кропивна 115
 Николаев 25, 63, 102, 163, 167, 168, 181, 204, 252, 280, 352, 490, 496, 507, 518, 524, 527, 550
 Николаевская область / Миколаївська область 48, 63, 345, 495, 535, 559
 Никополь 95
 Новая Ободовка 139, 142
 Новая Ушица 581
 Новоалександровка 436
 Новоград-Волынский 202, 532-534
 Новожитов
 Норвегия 173
 Нью-Йорк 133, 69

 Ободовка 142, 191, 501, 518, 519
 Ободовский район 519
 Одесса 73, 100, 113, 118, 157, 159, 160, 162, 169, 229, 230, 231, 280, 380, 409, 440, 479, 481, 497, 553, 557, 558, 559, 560
 Одесская область 60, 70, 155, 157, 226, 257, 361, 462, 479, 480, 489, 497, 501, 518, 519, 527, 548, 553, 559, 560
 Озаринцы 232, 233, 544
 Оксанино 263, 268
 Ольгополь 95-97, 99, 510
 Оринин 509
 Оратовский район 582
 Ордынцы 375
 Орехово-Зуево 88
 Оржица 103
 Орлинцы 126, 516
 Оситное 325, 326
 Оста-Гофен 438
 Очаков 496, 528

 Павлоград 171, 525
 Пашковцы 375
 Первомайск 48, 175, 226, 228 230, 348, 436, 527, 528, 544, 551
 Первомайский 282, 283

Перегоповка 351
Перелеты 519
Перелуг 460
Перемышль 464
Переяслав-Хмельницкий 25, 39, 119,
120, 121, 197, 198, 515
Переяслав-Хмельницкий район 39, 56
Песчаная 257, 259, 489, 548
Песчанка 72, 141, 426, 479, 496, 524,
575, 576
Песчанский район 72
Печора 66-68, 70, 71, 101, 117, 141,
146, 249-250, 351, 379, 411, 428,
442, 443, 499- 501, 508, 548, 550,
556, 569, 570
Пилипоновка 319, 335
Писаревка 74
Плоешт 141
Подвысокое 35, 263, 352
Подвысоцкое 108
Подольск 150
Покотилово 165
Полтава 25, 353, 355, 388, 389, 432,
551, 552, 562
Полтавская область 103, 399, 400, 563
Польша 7, 12, 18, 41, 44, 58, 85, 148,
166, 265, 301, 386, 419, 422, 466,
478, 484, 508
Попельня 209, 210
Попельнянский район 467
Поповцы 386, 476, 574
Поташ 364
Потсдам 438
Прага 407
Прибалтика 233, 409
Приднестровье 300
Проскуров 34, 56, 493, 494, 522
Пятковку 200, 532
Пятядни / Пятидни 42, 43, 485
Рава-Русская 422
Радковица 56
Райгород 115, 117, 513, 514
Райтаревичи 85
Раковка 266, 483
Ратное 565
Рахны 67, 69, 413
Рига 58
Ровно 8, 485
Рогозня 500
Рожище 419-422, 564, 565
Ромейково 268
Ромер Хутор 276
Росоливцы 127
Росоховате 460
Россия 7, 12, 13, 20, 104, 182, 193, 220,
404, 421, 483, 506, 508, 529, 534, 539,
561
Ростов 409
Ружин 453-457, 571
Румыния 12, 49, 58, 88, 97, 137, 141,
162, 166, 167, 184, 207, 314, 316, 365,
386, 391, 479, 489, 498-500, 518, 524,
526, 528, 535, 547, 550 553, 556, 557,
559-561
Сабатиновка 432
Саврань 295, 310
Самборский район 85, 148
Самгородок 281, 283
Самчинцы 285
Сахалин 149
Свалява 150
Севастополь 217, 240, 376
Северо-Казахстанская область 199
Секретарка 161-163

Семихатки 61, 62, 362, 497
 Серебряя 66
 Сибирь / Сибір 257, 344, 396
 Симферополь 8, 237-239, 241, 242, 546,
 547, 554, 555
 Ситковцы 115
 Скадовск 464, 466, 473
 Сказинцы 499, 545, 562
 Скала 37
 Скригалевка 209
 Скуляны 137, 142
 Славута 425, 503, 566, 567
 Славянск 121, 405, 564
 Слободка 558, 559
 Смела 432, 568
 Смотрич 509
 Снитков Мур 385
 Снятин 84
 Соболевка 113, 114, 116, 118, 513, 514
 Сокаль 350
 Соколинка 462
 Сороки 102, 138
 Софиевка 565
 Средняя Азия 95
 СССР 6, 169, 179, 182, 184, 190, 226,
 482, 484, 486, 488, 490, 491, 492, 493,
 494, 495, 496, 497, 500, 502, 503, 504,
 506, 508, 509, 510, 511, 513, 515, 516,
 520, 522, 523, 524, 526, 528, 530, 532,
 533, 534, 536, 537, 538, 539, 541, 543,
 544, 545, 546, 547, 549, 553, 554, 556,
 557, 558, 560, 561, 562, 563, 564, 565,
 566, 567, 568, 571, 572, 573, 574, 575
 Сталинград 117, 169, 394 409
 Станиславчик 477, 575
 Стара Гута к 474, 573
 Староконстантинов 76, 83, 127-129,
 357, 373, 503, 504, 552
 Степановка 162, 283
 Сунки 371
 США 12, 13, 20, 25, 44, 71, 105, 129, 135,
 169, 180, 193, 421, 457
 Сыньки 351
 Тарасовка 116, 514
 Татарск 217
 Ташлык 432
 Теофипольский район 358, 375
 Теплик / Теплык 67, 114-116, 310, 489,
 514
 Тепликский район 113, 513
 Терновка 191, 290-292, 297, 300, 325, 329,
 342, 343, 522
 Томашполь 427
 Топорий 455, 456
 Тридубы 163
 Трихатки 75
 Тростянец 67, 140, 500
 Тростянецкий район 500, 519, 550
 Трояны 351
 Трускавец 150
 Тульчин 12, 67, 101, 102, 250, 359, 440,
 441, 446, 447, 449, 500, 568, 569, 574
 Турбов 549, 570
 Турка 150
 Турье 148
 Удыч 292
 Ужгород 225, 509
 Узбекистан 110, 355
 Украина / Україна 6, 7, 9, 11-19, 20, 23-25,
 28, 41, 43, 101, 102, 115, 135, 139, 153,
 164, 169, 180, 182, 185, 186, 191-195,
 206, 220, 223, 231, 242, 250, 271, 281,
 282, 292, 300, 307, 314, 356, 364, 365,
 369, 371, 381, 413, 448, 457, 484, 485,

486, 488, 490, 493, 495-497, 499, 501,
502, 505, 507-522, 524, 525, 527, 528,
530, 531, 532, 534, 535, 537, 538, 542,
543, 544, 547, 548-556, 560-563, 565,
567, 568, 570, 572, 573, 586

Уланов 135

Умань 25, 34, 35, 36, 89, 90 105, 107, 108,
109, 116, 122, 201, 262, 263, 264, 266,
267, 268, 269, 270, 271, 325, 348, 350,
363, 364, 482, 483, 484, 489

Урал 210

Федоровка 458

Фельц-Гофен 438

Фельштин (Гвардейское) 56, 494

Фельштинский район 56

Флорино 301, 305, 313, 323, 324, 325

Франкфурте-на-Майне 53

Фюрстенвальде 437

Хабаровский край 216

Хаммерштайн 173

Харьков 12, 25, 54, 55, 203, 248, 447, 482,
491, 492, 493

Херсон 25, 111, 112, 173, 174, 204, 213,
214, 215, 279, 280, 376, 396, 512, 549

Хижня 247

Хмельник 46, 132-136, 222, 225, 310,
516, 517, 543

Хмельницкий 25, 34, 39, 56, 110 119,
379, 493, 494, 515

Хмельницкая область /Хмельницька
область 37, 56, 65, 76, 110, 126, 131,
147, 357, 373, 425, 474, 494, 502, 503,
509, 511, 515, 516, 520, 521, 561, 566

Хотин 26, 346, 547

Цибермановка 234

Чапаевка 200

Чемеровцы 509

Черневцы 93, 143, 145? 506, 507

Черновицкая область 26, 166, 368, 476

Черновцы / Чернівці 84, 102, 142, 174,
201, 344 , 391, 477, 487, 498, 500,
514, 525-527, 550

Чернятка 292, 293

Чечельник 164, 165, 166, 169, 479, 480,
523, 524

Чикаго 169, 203

Чураховка 460

Шаргород 12? 14, 16, 206, 207, 408, 413,
534, 535

Шатерники 425

Шепетовка 210

Шировцы 476

Шпиков 67, 69, 408, 411, 500

Шпиковский район 250, 379

Шумилово 294, 482

Югославия 251

Юстинград (Соколовка) 234, 545

Якушенцы 231

Ялта 376, 378, 554, 555

Ямполь 139, 186, 211, 536, 537, 551, 569

Ярмолинцы / Ярмолинці 147, 520, 521

Яссы 138, 141

СОДЕРЖАНИЕ

Борис ЗАБАРКО МЫ ХОТЕЛИ ЖИТЬ, КОГДА СМЕРТЬ БЫЛА НОРМОЙ Последние свидетельства Холокоста в Украине	6
«ЖИЗНЬ В ГЕТТО БЫЛА АДОМ» АЙЗЕНБЕРГ-АНЧИПЛОВСКАЯ Грета (1942 г.)	26
НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ АЛЬТМАН Евгения	28
РАССТРЕЛЯННЫЙ ДЕТДОМ АНТОНЕВИЧ Виктор – БАБИЧ Дмитрий (1930 г.)	34
«ФАШИСТЫ ОТОБРАЛИ У МОЕГО ОТЦА САМОЕ ДОРОГОЕ – ЖИЗНЬ» АСТРАХАН Анатолий (1938 г.)	39
ЗА ДАВНОСТЬЮ ЛЕТ... БАБУХ Арон (1927 г.)	41
«ГОЛОД, ХОЛОД, БОЯЗНЬ БЫЛИ НАШИМИ СПУТНИКАМИ» БАЛК Миля (1924 г.)	45
«ЕВРЕЕВ РАССТРЕЛЯЛИ ЗА ГОРОДОМ...» БАРАННИК-ЭЛБГОРТ Елена (1935 г.)	47
ГОРЕ И СТРАДАНИЯ НЕ МИНУЛИ НИКОГО БАРОН Рувин (1932 г.)	49
«В ХАРЬКОВЕ ВСЕХ ЕВРЕЕВ РАССТРЕЛЯЛИ...» БАРУ Юрий (1935 г.)	54
«ФАШИСТЫ СТРАШНО ИЗДЕВАЛИСЬ...» БАТУЛИНСКАЯ (ПОПЕРЕЧНАЯ) Татьяна (1926 г.)	56
БЕРШАДСКОЕ ГЕТТО БЕЙГЕЛЬМАН Александр (1934 г.)	57
«МЕНЯ И ЕЩЕ 13 ЧЕЛОВЕК ПОСТАВИЛИ НАД ЯМОЙ И СТАЛИ СТРЕЛЯТЬ...» БЕКЕРМАН Бетя	60
«Я БЛАГОДАРНА ВСЕМ, КТО ПОМОГ НАМ ВЫЖИТЬ...» БЕЛИК Татьяна (1939 г.)	63
«МИ ХОТИЛИ ЖИТИ...» БЕЛЬЦЕР Яків (1938 р.)	65
«ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛИ ХОЛОКОСТА» БЕРМАН Михаил (1933 г.)	66

«НЕКОТОРЫЕ ВЫЖИЛИ»	
БЕССАРАБСКИЙ Семен (1929 г.)	72
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИСЬМА	
БИЛЫК Леонид	76
«НАСТОЯЩИЕ АНТИНАЦИСТЫ...»	
БИТТЕР Арон	84
«ДЯДЯ СЛАВА ИЗ ГОРОДА БАР...»	
БЛЕХМАН Михаил (1929 г.)	86
«МАЛО НАС ОСТАЛОСЬ В ЖИВЫХ...»	
БЛЯМ Фрида (1927 г.)	89
«НА РАССВЕТЕ 11 ИЮНЯ 1942 г. ВСЕХ ЕВРЕЕВ УБИЛИ»	
БОГОМОЛ Раиса (1930 г.)	91
«ЗЛО НАКАЗУЕМО»	
БОЙКО Фира (1938 г.)	93
«ТРИ ГОДА МЫ СМОТРЕЛИ СМЕРТИ В ГЛАЗА»	
БРАЙЛОВСКАЯ (ШНАЙДЕР) Евдокия (1928 г.)	95
«Я ПОНЯЛ ОДНУ ИСТИНУ: НАДО РАБОТАТЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ»	
БРАМНИК Моше (1930 г.)	100
«ОНИ БЫЛИ РАССТРЕЛЯНЫ ИЗ АВТОМАТОВ...»	
БРАСЛАВСКАЯ Людмила (1935 г.)	103
«ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ...»	
БРЕНЕР Григорий (1928 г.)	105
«30 СІЧНЯ 1943 р. ВСІ ЄВРЕЇ З ГЕТТО БУЛИ РОЗСТРІЛЯНІ»	
БУРДИНСЬКА Марія (1935 р.)	110
«ВСЕХ ПОВЕЛИ НА РАССТРЕЛ ...»	
БУРЛАКА Людмила (1935 г.)	111
«Я ВИДЕЛ, КАК РАССТРЕЛИВАЛИ...»	
БУРШТЕЙН Абрам (1928 г.)	113
«РАНА, КОТОРУЮ НАНЕСЛА ВОЙНА, БОЛИТ ДО СИХ ПОР...»	
БУХАНОВСКИЙ Владимир (1930 г.)	119
«КАЖДЫЙ ДЕНЬ УМИРАЛО ЧЕЛОВЕК ДВАДЦАТЬ...»	
ВАЙНЕР Аня (1929 г.)	122
«ТРИ БРАТСКИЕ МОГИЛЫ... НА ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК...»	
ВАЙНЕР Аркадий (1927 г.)	126
«ТАК ПОГИБЛО ЕВРЕЙСКОЕ МЕСТЕЧКО ХМЕЛЬНИК»	
ВАЙНЕР Исаак	132

«ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО» ВАЙНТРУБ Лейка (1928 г.)	137
«ЭТО БЫЛО ТОЛЬКО НАЧАЛО НАШИХ МЫТАРСТВ...» ВАЙНШТЕЙН Анна	143
«МЕНИ ВДАЛОСЯ ВТЕКТИ З ГЕТТО» ВАЙСКОП Олександр (1935 р.)	147
МОИ СКИТАНИЯ ВАСИЛЕНКО Иосиф (1927 г.)	148
«ЗЕМЛЯ БЫЛА В КРОВИ...» ВЕКСЛЕР Юлия (1936 г.)	151
«МИ ПОЧАЛИ ПУХНУТИ ВІД ГОЛОДУ ТА ХОЛОДУ» ВЕНГРЕНОВСЬКА Тетяна	153
«В ПЕРЕПОЛНЕННОМ ГЕТТО ЕВРЕИ УМИРАЛИ, КАК МУХИ...» ВЕРХ Михаил	155
«ЖИЛИ В СТРАХЕ, В ОЖИДАНИИ ХУДШЕГО...» ВИКНЯНСКИЙ Евгений (1927 г.)	157
БЫЛИ ЛИ ЕВРЕИ В ЧЕЧЕЛЬНИКЕ? ВИШНЕВЕЦКИЙ Александр	164
«ВСЕХ РАССТРЕЛЯЛИ ЗА ГОРОДОМ» ВОЛЧИНСКАЯ Алла (1937 г.)	171
«ЕВРЕЕВ ВЫВОЗИЛИ ЗА ГОРОД И ТАМ РАССТРЕЛИВАЛИ» ВОРОНЦОВА Ада (1934 г.)	174
«МОЯ ИСТОРИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ» ГАЛЕЦ Люция (1928 г.)	177
КОЕ-ЧТО О МОЕЙ ЖИЗНИ ГЕЙЗЕР Матвей (1940 г.)	179
ДЕТСТВО И СМЕРТЬ ГЕЛЬМАН Александр	184
«ГЕТТО БЫЛО ОГОРОЖЕНО КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ...» ГЕРБЕРГ Илья (1935 г.)	191
«МАМУ ЗАМУРОВАЛИ ЖИВОЙ В АЛЕБАСТРОВОМ КАРЬЕРЕ» ГЕРШМАН Эсфирь (1937 г.)	194
БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ ДЕТЕЙ ГЕХТМАН Циля	197
«НЕ ВЕРИЛОСЬ, ЧТО МЫ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ...» ГИЛЬБЕРГ Михаил (1931 г.)	200
«ДЕТЕЙ БРОСАЛИ ЖИВЫМИ НА ДНО ЯМЫ...» ГЛАДКАЯ Ева	202

«БОЯЛИСЬ ВСЕХ, ОСОБЕННО ПОДОНКОВ, КОТОРЫЕ ВЫДАВАЛИ ЕВРЕЕВ...»	
ГЛОНЗА Т. Н.	204
Я ВСЕ ПОМНЮ. ВОСПОМИНАНИЯ МАЛЬЧИКА ИЗ ГЕТТО	
ГОЛДОВСКИЙ Марк	206
«НЕМЕЦКИЙ СОЛДАТ ПРЕДУПРЕЖДАЛ СЕМЬЮ ОБ ОБЛАВЕ»	
ГОЛИШЕВСКАЯ Вера (1940 г.)	209
«МНОГИЕ ПОГИБЛИ НАКАНУНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ»	
ГОЛОВАТЮК Б. С. (1932 г.)	211
«ПАМЯТЬ О ТЯЖЕЛОМ, УРОДЛИВОМ ДЕТСТВЕ»	
ГОРЕЛИК Лариса (1936 г.)	213
«ЛЮДИ СТАЛИ ВЫХВАТЫВАТЬ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ...»	
ГОРЕНШТЕЙН (ЗАСЛАВСКАЯ) Майя (1937 г.)	215
«МЫ ЧУДОМ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ...»	
ГОРЛОВЕЦКАЯ Муся (1938 г.)	216
ПЕРЕЖИВШИЕ БАБИЙ ЯР	
ГОРОДЕЦКАЯ Елена (1935 г.)	219
ЧТО СОХРАНИЛА МОЯ ПАМЯТЬ	
ГОРОДНЯЯ Елена (1935 г.)	222
«ИЗ ДЕВЯТИ ЧЕЛОВЕК СЕМЬИ ВЫЖИЛ ТОЛЬКО ОДИН»	
ГРИМБЕРГ Ефим (1935 г.)	226
ТО, ЧТО Я ПОМНЮ	
ГРУ Борис (1936 г.)	232
«ИЗ ВСЕХ ДЕДУШКИНЫХ ВНУКОВ ВЫЖИЛА Я ОДНА...»	
ГУРАЛЬНИК Мария (1931 г.)	234
«ЧУВСТВО УЖАСА И СТРАХА...»	
ГУРТОВОЙ Борис (1939 г.)	235
«ЖИТЬ БЕЗ ЛАСКИ И ЗАБОТЫ РОДИТЕЛЕЙ...»	
ДАВЫДОВА С. М. (1931 г.)	236
ГЕТТО В ШКАФУ	
ДАНОВА Екатерина (1930 г.)	237
«ЖАНДАРМЫ НАС ИЗБИЛИ И БРОСИЛИ В ПОДВАЛ...»	
ДЗЮБЕНКО Петр и РОЗЕНГАФТ-МОСТОВАЯ Шеля	244
«ПОЛИЦАИ ПОЙМАЛИ ОТЦА И РАССТРЕЛЯЛИ ЕГО В БАКШИВОМ ЯРУ»	
ДОЗОРЕЦ (ОЛИЙНЫК) Раиса (1924 г.)	247
ПОДСТАКАННИК ИЗ МОЕГО ДЕТСТВА	
ДОКТОРОВИЧ Шейла (1926 г.)	250

«МОИХ РОДСТВЕННИКОВ ПОГИБЛО 15 ЧЕЛОВЕК» ДРАНИКОВА (ЯКОВЛЕВА) Алла (1939 г.)	252
«И НАЧАЛИСЬ МОИ СТРАДАНИЯ, ПОЛНЫЕ УЖАСОВ И КОШМАРОВ» ДРАНИЦКИЙ Валентин (1931 г.)	253
«А КРУГОМ ЛЮДИ ВЫМИРАЛИ, ДОМА ПУСТЕЛИ...» ДРУТМАН Леонид (1937 г.)	257
«БЫЛО ОДНО ОБЩЕЕ ГОРЕ...» ДУДНИК Валентина (1925 г.)	262
В КРУГАХ АДА ДУХНО Владимир	270
«МАМУ И ВСЕХ, КТО БЫЛ В КАМЕРЕ, УБИЛИ» ЕФИМОВ Борис (1931 г.)	279
МЕНЯ СПАСЛИ ЗЕМЛЯКИ ЖЕБРАК Софья	281
ВЫЖИЛА ПОД ЧУЖОЙ ФАМИЛИЕЙ ЖИГИЛИЙ (ДУХМАН) Ася (1925 г.)	284
БЕРШАДСКОЕ ГЕТТО ГЛАЗАМИ МАЛЬЧИШКИ ЖОРНИЦКИЙ Александр (1934 г.)	288
«МИ – ДІТИ ВІЙНИ» ЖУРА-СТЕЛЬМАХ Тамара (1934 р.)	344
«Я РАЗЫСКИВАЮ СВОИХ СЕСТЕР...» ЗАБОЛОТНЫЙ Захар (1932 г.)	348
«ВО ВРЕМЯ ОККУПАЦИИ ПОЛТАВЫ БЫЛИ РАССТРЕЛЯНЫ ВСЕ НАШИ РОДСТВЕННИКИ» ЗАБРАМНАЯ София (1935 г.)	353
«ЖИТЕЛИ НАШЕГО СЕЛА ВСЯЧЕСКИ СОДЕЙСТВОВАЛИ НАШЕМУ СПАСЕНИЮ» ЗАГОРУЙКО Полина (1940 г.)	357
«МОЮ МАТЬ И ДВУХ МОИХ СЕСТЕР РАССТРЕЛЯЛИ...» ЗАЛЬЦМАН Абрам (1933 г.)	359
«БОЖЕ, НЕ ДОПУСКАЙ, ЧТОБЫ ПОДОБНОЕ ПОВТОРИЛОСЬ!» ЗАНВЕЛЕВИЧ Мария (1925 г.)	361
ГЕТТО НЕ СЛОМИЛО ЖЕЛАНИЯ ВЫЖИТЬ И ПОБЕДИТЬ ЗАПОРОЖЧУК Екатерина (1922 г.)	363
«ЭТО БЫЛО ВСЕ ТАК ДО БОЛИ НАСТОЯЩИМ» ЗИГЛЕР Этти	365
«ТАКОЙ УЖАС НАМ ПРИШЛОСЬ ПЕРЕЖИТЬ...» ЗИМНЯЯ Галина (1930 г.)	371

«ЗА НАРУШЕНИЕ РЕЖИМА ЛЮДЕЙ РАССТРЕЛИВАЛИ...» ЗИНЬКОВЕЦКИЙ Леонид (1931 г.)	373
«ЭТО БЫЛО 18 НОЯБРЯ 1942 ГОДА...» ИЦКОВИЧ Виль (1932 г.)	376
«ЕЖЕДНЕВНО СОТНИ ЛЮДЕЙ УМИРАЛИ ОТ ГОЛОДА, БОЛЕЗНЕЙ, ХОЛОДА» КАБАЦКИЙ Изяслав (1929 г.)	379
ОДЕССА. 23 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА КААЛМЫКОВА София (1935 г.)	380
«МОЕ ДЕТСТВО И ЖИЗНЬ ЗАБРАЛА ВОЙНА» КАЛУЖИНСКАЯ Раиса (1939 г.)	382
ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ КАЦУРА Давид (1936 г.)	385
«И НАЧАЛИСЬ ПОВАЛЬНЫЕ РАССТРЕЛЫ ЕВРЕЕВ...» КВАЛБАСЕР Адольф (1933 г.)	388
ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО УЗНИКА БЕРШАДСКОГО ГЕТТО КЕРПИЛЕВИЧ Наум (1933 г.)	390
НЕЗАБЫВАЕМОЕ КЕСЕЛЬМАН Александр (1928 г.)	398
«ВОЗЛЕ ОГРОМНОГО РВА НЕМЦЫ РАССТРЕЛЯЛИ ОКОЛО 4 ТЫСЯЧ ЕВРЕЕВ» КИШКАНЬ (Зильман) Анатолий (1941 г.)	399
«ОТЦА НА НАШИХ ГЛАЗАХ РАССТРЕЛЯЛИ» КЛИМЕНЧУК Галина (1936 г.)	401
ПОМНЮ... КОГАН Борис (1939 г.)	403
ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ КОГАН Тамара (1940 г.)	405
«Я ВЫЖИВУ!» КОЙФМАН Григорий (1927 г.)	408
«МОЮ МАТЬ РАССТРЕЛЯЛИ ВМЕСТЕ С ОТЦОМ...» КОЛЕЧИЦ Юрий (1931 г.)	417
«В АВГУСТЕ 1942 ГОДА НАЧАЛИСЬ РАССТРЕЛЫ» КОНДРАЕВА Цилена (1923 г.)	419
«ВОЙНА ЗАБРАЛА У МЕНЯ ВСЕ...» КОНОНОВА (Гершойг) Светлана (1937 г.)	423
«МОЯ МАТЬ ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ УЗНИКАМИ ГЕТТО БЫЛА РАССТРЕЛЯНА» КОНОНЧУК Владимир (1941 г.)	425

СТРАШНОЕ ДЕТСТВО	
КОРДОНСКИЙ Ефим (1931 г.)	426
«МАМИНЫМ СЛЕЗАМ НЕ БЫЛО КОНЦА»	
КОРЧИК Тамара (1927 г.)	432
«НЕ СТРАШНО УМИРАТЬ, СТРАШНО, ЧТО НАШ РОД КОНЧАЕТСЯ...»	
КОСТОМАХА Медея (Лидия) (1928 г.)	434
«ДЕТИ, НЕ СМОТРИТЕ! ДЕТИ, НЕ СМОТРИТЕ!»	
КРАСНЕР Циля (1935 г.)	440
«ОТЦА И МАМУ НЕМЦЫ РАССТРЕЛЯЛИ...»	
КРАСОВИЦКАЯ Ева (1928 г.)	450
«ЕВРЕЕВ УВОЗИЛИ НА МАШИНЕ В ЛЕС, ГДЕ УНИЧТОЖАЛИ»	
КРАТКОВА Фаина (1927 г.)	453
«Я СПАСУ ВАС, А БОГ СПАСЕТ МОЕГО СЫНА»	
КРЕЙМЕР (БРОДСКАЯ) София (1931 г.)	458
«ОТЦА ЗАБРАЛИ, И БОЛЬШЕ МЫ ЕГО НЕ ВИДЕЛИ...»	
КРИВИЦКИЙ Александр (1941 г.)	460
«Я БЫЛ НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ...»	
КРИС Семен (1926 г.)	462
МОЯ МАМА	
КРОЛЬ Людмила (1935 г.)	467
«ШЕВЕЛИЛАСЬ ЗЕМЛЯ И СТРУИЛАСЬ КРОВЬ...»	
КСЕНЗОВСКАЯ Тамара (1940 г.)	470
ВОСПОМИНАНЬЯ ЛЕТ ВОЕННЫХ НЕ СМОЕТ ВРЕМЕНИ ТЕЧЕНИЕ...	
КУДЕНКО Альберт и Рудольф	472
«БАТЬКА МИ УЖЕ БИЛЬШЕ НЕ БАЧИЛИ...»	
КУДРИЦЬКИЙ (ВАЙНБЕРГ) Едуард (1933 р.)	474
«ОТ ГОЛОДА И ХОЛОДА МНОГИЕ УМИРАЛИ»	
КУПЕРМАН Абрам (1937 г.)	476
«В ГЕТТО МЫ МУЧИЛИСЬ ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА»	
КУПЕРМАН (ШКОЛЬНИК) Евдокия (1931 г.)	477
«КАЖДЫЙ ДЕНЬ МОГ СТАТЬ ПОСЛЕДНИМ...»	
КУШНИР Александр (1927 г.)	479
ПРИМЕЧАНИЯ	482
Географический указатель	577

**З питань замовлення та придбання
літератури звертатися за адресою:
ВИДАВНИЦТВО «ДУХ І ЛІТЕРА»
Національний університет
«Києво-Могилянська академія»
*вул. Волоська, 8/5, кімн. 210,
Київ 70, Україна, 04070*
Тел./факс: +38(044) 425-60-20
Сайт: <http://duh-i-litera.com>
E-mail: litera@ukma.kiev.ua
Надаємо послуги: «Книга – поштою»**

Друк та палітурні роботи:

МАЙСТЕР
КНИГ

м. Київ, вул. Виборзька 84,
тел. (044) 458 0935
e-mail: info@masterknyg.com.ua
www.masterknyg.com.ua

Свідоцтво про реєстрацію ДК № 3861 від 18.08.2010 р.